

Юрий Стрелов

Жизнь моя – судьба моя

Роман

*Откровения странного человека
с другой стороны*

**Иркутск
2016**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 Стрелов Ю. **Жизнь моя – судьба моя:** Роман. – Иркутск, 2016.
– 536 с.

© Ю. Стрелов, 2016

«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, начинать и бросать и снова начинать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – это душевная подлость».

Лев Николаевич Толстой

ВХОЖДЕНИЕ

Он вышел из тумана. Оглянулся. Тумана не было. Вокруг него и навстречу шли люди, бежали машины, двигались даже дома. Ничто не стояло на месте. Какой странный сон, подумал он. Надо бы проснуться, но этого сделать он не мог. Многое, что его удивило. Он шел стремительно и легко. Так могут двигаться только молодые люди. Люди шли и не останавливались, чтобы поговорить с ним. И только слышал отдельные фразы, и он их понимал, потому что они обращались именно к нему. Постепенно шаг его становился медленнее, тяжелели ноги, и всё чаще стал думать, как бы ему не запнуться почти на ровном месте и не упасть. Впереди он видел туман, который звал, манил его, потому что за ним есть его любимое зимовье, его любимая тайга. Там ждало его одиночество, к которому он стремился всю свою жизнь. И ещё он подумал, как быстро можно постареть во сне. Ведь вот только что был молодым и отчаянным парнем. И вот она – старость. Скорее бы проснуться и не слышать больше эти фразы идущие от людей. Там, за туманом он проснется. Он шел и старался не слышать голоса людей, но он и этого не смог сделать.

– Никакого права ты не имеешь наказывать уважаемых людей кнутом.

– Ворюга и ты есть человек вне закона!

– Таких бродяг, как ты, в лагерях надо сгноить!

– Опять ты начальника избил.

– Ещё один фельетон накатал против уважаемого человека? Зачем на собрании критиковал меня? Обкрадываю государство? Вон как ты отвечаешь мне? Ищи себе другую работу.

– Коммунисты одеколону не пьют, а ты с рабочими заодно. Годовой премии лишаем.

– В райкоме партии тебя могут не понять.

– Тобой уже КГБ интересуется.

– Все идут в ногу, и только ты один нарушаешь шаг к светлым вершинам коммунизма.

– Почему ты не утомнишься? Мы государство обворовываем? Тебе какое дело до всего этого? Да, мы коммунисты, а тебя надо гнать оттуда.

– Ты партию предал. За дело тебя исключили. Поменьше надо было выступать против нас. Ишь, какой чистюля. Нас прощелыгами и отрешьями партии назвал.

– До старости лет дожил и ничего не нажил. И в чем твоя, правда? У нас у всех награды и звания, а у тебя грудь без железок. Надо уметь было жить. А ты до старости дожил, а ума не нажил. Ничего у тебя нет и никому ты не нужен? И чего ты своей правдой в жизни добился? Гол, как сокол. Вот и вся твоя, правда. За свою долгую жизнь даже наград нет. И это правильно. Даже грязью тебя стали обливать. Конечно, этого им нельзя было делать. Зря. Они сами в грязи. Да и зависть их замучила. Тут я с тобой согласен. Гнилые они до самой селезенки. А ты их всех прощаешь. Ты какой-то непонятный и странный. Будь как все. И тогда будут тебе и почести.

Он шел в сторону тумана, и казалось ему, что он идет быстро, но шел он медленно, стараясь не упасть. И он понимал, что его никто уже не поднимет, потому что это сон. Ему надо дойти до тумана и войти в зимовье, и там он проснется.

Вот и туман, и он шагнул в него. Голоса сразу стихли, и наступила глухая тишина. Он понимал и чувствовал, что сейчас, вот сейчас туман рассеется, и он увидит зимовье и свою любимую тайгу...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДЕТСТВО ВШИВОЕ

ПОСЛЕ ПЕЛЕНОК

Сквозь тонкий слой соломы я видел черное небо. Оно было почти надо мной. Яркие звездочки весело подмигивали мне. Особенно одна очень веселилась, то приближалась, то удалялась. Им, видите ли, весело было, а каково мне? Кругом солома. Иногда слышал под собой возню мышей, и даже писк. Что им не спится? Если это дом ихний, так и спите себе спокойно. А вот у меня нет дома. В этот момент, временное жильё, это зарод из соломы. Утром мы снова отправимся в путь. Рядом со мной тоже иногда возился мой друг татарин Генка Султанов. Слышно было покашливание моего отца и дяди Митяя, Генкиного отца. Конечно, за обозом было легче идти. Но потом нас прогнали. Побоялись нас, бродяг. Вдруг чего-нибудь украдем. А может мы не только простые бродяги, но и враги народа.

– На выстрел не подходите! – закричал старший возница.

Днем мы шли по льду реки Лена, а к вечеру, похрустев сухариками, зарывались в зароды. В солому проще зарываться. Она податливее сена. А ещё от неё несло хлебом.

Наш дом – где ночь застала, там и укладывайся спать. Сколько себя помню – дороги, тайга, лошади, повозки, шатры, вокзалы, пристани, пароходы, общие вагоны. И постоянно хотелось есть. Мама мне говорила, что я стал рано ходить. Мне, кажется, что сразу после пеленок, встал и пошел. Дети у гулящих бродяг и у цыган рано выползают из пеленок. Суровая жизнь заставляет их рано побираться, воровать.

Теперь мы шли в благословенный, золотой край, в Бодайбо. К распутице надо прибыть на место. С Генкой мы уже весьма самостоятельные парни, нам этой осенью стукнуло по восемь лет. На вокзалах, сколько себя помню, всегда плясал. Надо было как-

то зарабатывать на кусочек хлеба. Кто что даст. Нас, бродячих, вшивых и блохастых поберушек всегда боялись и брезговали. Да и жалели тоже. Сплясал, спел что-нибудь, заработал копейку, вареную картошку дадут. А то и пинка получишь. Всякое было.

Мои родители не жили на одном месте. Где только они не были. По бесконечным дорогам у них родилось нас десяток голодранцев. Половина умерло. Они все умерли до меня. На мне всё остановилось. Потом после меня ещё родилось четверо. Малыши остались с матерью в селе Макарьево на Ангаре, а я сбежал. Зачем я это сделал? А кто его знает? Захотел пойти за отцом в золотиносные места, вот и сбежал. И Генка за мной увязался. Мой отец находился в бегах. Он отменно отвозил одного начальника кнутом. Отец шабашил на строительстве школы. Этот начальник не только мог кричать на наемных бесправных рабочих, но иногда и бил по щекам. Вот отец и не выдержал, и наказал обидчика. Он был не только начальником, но и коммунистом. Отец и бежал в лес, в горы. Жил в землянке. Там же скрывался и татарин дядя Митяй Султанов. Он имел небольшое хозяйство, добротную пашню. Комиссары пришли раскулачивать. Вот он и взялся за вилы. Дядю Митяя ранили и увезли в тюрьму. Семью разорили. Из лагеря он бежал в Сибирь к родным, которых сослали в Иркутскую область. Семье разрешили поселиться в городе Черемхово. А дядя Митяй скрывался в лесу. Там он и встретился с моим отцом. Отец и уговорил нового друга пойти зимой в Бодайбо, чтобы ранней весной начать мыть золото в горных речках. А я уговорил Генку пойти за родителями. Вот мы и сбежали из дома. Я оставил матери записку, что пошел искать отца. Мы их догнали почти у самого Заярска на Ангаре, где находилась перевалочная база. С Заярска на машинах перевозили груза на Лену, а там на север. Отцам ничего не оставалось делать, как взять нас с собой. До Осетрово на Лене мы доехали на бортовой машине на мешках с солью. Нас окоченевших шофер доставил до порта. Родители тоже так замерзли, что не могли нас нести. Мы совершенно обезножили. Какие-то женщины в длинных телогрейках нас занесли в порт. Как я потом узнал, это были заключенные.

Одна женщина ворчала:

– Отцы называются. Какого хрена вы их везете и куда?

Одна из женщин пригляделась к отцу и воскликнула:

– Кенка? Ты чо ли? Стрелов?

– Не я это, не я. Другой Кенка.

– Всё мотаешься. Зинка, мы с ним вместе чалились ишо в тридцать втором в Александровском центре, апосля ты в Игарке мотал? А помнишь, весной в тридцать восьмом годе, как в нас комиссары стреляли на прииске? Тада кучу народу они повалили. Я тада там была, и попала под раздачу. Увезли в Бодайбо. Я комиссару кричу, чо я из урок чо, мол, для виду устроилась пробоотборщицей чобы там хмыря богатенького нанывать. Наворовал, мол, сучонок, а я его бомбанула. Меня по мордам и срок на пять лет. На железку пригнали в Усть-Кут. Чичас я бригадиром у баб. Вот костыли должны привезти. А ты как смылся от легавых?

– И не говори, Катька, не говори. Меня тада на том прииске ранили. Еле уполз. Скрывался у Мишки Можаяева на разьезде.

– А чо тебя опять туда тянет? Молчу.

– Так вот. Тянет.

– Вон тот копченый твой огрызок?

– Мой. Юрка. Откинулась?

– Куда там! Слабинку дали на самоохрану. На складе обосновались с Зинкой. Куда сам-то намылился? Можешь не болтать. На прииска тянет. А чо это свово огольца тянешь за собой? Однако, опять в бегах? Молчу. А дома Кланьку оставил. Знамо дело. На прииска. А мы вот с Зинкой на юга мечтаем апосля откидки, да к морю. Там тепло и у фраеров рвань лишняку взять. Мы ишо ни чо с Зинкой. Окрутим любова фраерочка. Молчу.

– Всё ишо, Катька, не остепенилась?

– Маменько погазую. Я ишо баба ништяк.

– И не надоело наводить хмару на фраеров?

– Могу на югах успокоиться. Молчу. А ты чо и за чо так вот?

– Не твою ума дело.

– Молчу. В бегах.

Отогревшись, мы продолжили путь по матушке Лене. Морозный туман скрывал берега, и только было видно укутанную машинами и полозьями от саней дорогу. От лихого мороза ино-

гда громко и раскатисто трещал лед. И мне казалось, что сейчас под нами образуется полынья. И только спокойствие отца вселяло надежду, что лед под нами не треснет, и не поглотит нас в черную пучину. В жестокий мороз родители надевали суконные маски. Головы родителей и Генкина голова были похожие на белые с синеватым оттенком шары. Значит, и моя голова такой же шар. Дальше глаз холод не проникал. А вот ноги начинали подмерзать. Кроме суконных портянок мы в ичиги укладывали солону. Я любопытствовал, почему не сено? Отец ответил:

– Солома от хлеба. Человеческая еда. Она и дает человеку тепло. А сено – еда животных. Оно дает тепло им.

И вот я лежал в соломе, и мне было тепло и уютно.

Когда рассвело, мы вылезли из теплых гнезд, а вокруг морозный туман. Видна только дорога, да сизые торосы.

В селе Витим мы обогрелись у знакомого дяди Коли Белобородова. Он жил один. Жена ещё в прошлом году умерла. Два сына ушли в город Иркутск. Ещё в тридцать втором году семью Белобородовых раскулачили, и отправили вот в это село.

– Опять, Кенка, в бегах? Пора бы уж уняться, да определиться на одном месте.

– Душа простора ищет. Свободы. А её нет. Где она, эта свобода? Мой отец Егор Иванович так говаривал:

– Запорю кнутом, кто пойдет вкалывать на советы! Это полная кабала, рабство! Идем вот с татаринном на прииска. Золотишко будем искать.

Чуть помню, отец уже ходил на прииска. Оттуда приезжал в соболиной шубе. Тогда они начинали с мамой вместе разъезжать на тройке по родным в город Черемхово, в деревню Стрелова, Белобородова, Макарьево. И гуляли они и кутили до полного разора. Отец бил себя в грудь и кричал:

– Я есть человек! А раз я человек, то я должен так жить, как мне чичас ндравится! Я есть свободный человек! Я ни перед кем шапку не ломаю! И свою душу не продам!

– А мальчонок зачем взяли?! – возмутился дядя Коля.

– Путь привыкают. Я в этом возрасте так же бродил с отцом. Путь будет вольным.

Через два дня мы ступили на лед речки Витим, что впадает в Лену.

Иногда к Витиму подступали крутые горы, с почти голыми вершинами. В этих краях такие полу лысье горы называются гольцами. У подножья их растет орешник-сланец. Это не кедровый орех. Зернышки у сланца маленькие.

Мы подошли к городу Бодайбо. Раскинулся он на крутом правом берегу Витима. Была здесь и железная дорога. По ней бегал смешной паровоз с трубой похожей на воронку. Поезд этот все называли маракасом. Как-то мы ездили на прииск Надежденский в 60 километрах от Бодайбо. Там стоял памятник из светлого гранита расстрелянным рабочим в 1912 году. Выбита надпись «Вечная слава ленским рабочим – жертвам зверского расстрела 4 (17) апреля 1912 года». Эти вагоны тряслись и качались. И порой мне, казалось, что сейчас он сойдет с рельсов и рухнет в какой-нибудь распадок. Когда он двигался и скрипел и грохотал, то ходить не очень приятно. Можно и упасть.

Мы прошли городок, поднялись по склону горы и оказались в странном поселке, который все люди называли Шанхаем. На окраинах Сибирских городов, вот такие поселки назывались Шанхаем. В каждом таком поселке жило несколько семей китайцев. Это были великие труженики, безобидные и добрые люди. Они занимались огородничеством. Ещё ни у кого ничего на огородах не было, а китайцы привозили на базар разные овощи.

К маленькому домику и привел нас отец. Китаец пригласил нас к столу и напоил горячим и вкусным чаем. Хозяйка быстро наставила на стол разную еду.

– Как живешь, Василий? Всё денно и ночью трудитесь? – спросил отец. Конечно, у них были свои, китайские имена, но я часто слышал, что в основном мужиков называли Василиями.

– Работаем маненько, работаем, – ответил дядя Вася. – Теплички есть мало мало. Кормить надо люди. Цинга нету. Шибко надо работать. Землянка надо? Есть землянка.

– Как вы здесь после того разгрома в тридцать восьмом годе живете?

– Не говори, Кеша, и не говори. Нас, китаев много комиссары расстреляли. Увезли куда-то. Мы плохо ничо не делали. Мы хорошо делали.

– А вы как остались?

– Остались вот. Комиссар главный сказал, чо лук нужен, овощ нужен. Оставайся, Вася. Добрый комиссар.

– Пойми, дурья твоя башка, среди комиссаров, этих большевиков нет добрых людей. Пойми это. За чо они положили стока народу? За чо? Не так сказали? Слово лишку нельзя сказать? Санитарка Любка там была. Ранетых добивали твои добрые большевики. В общую могилу всех их бросили, и какдохлых собак забрасали камнями и землей. Любка там была. Потом её тоже зарестовали. Так вот она сказала, чо было убито девятьсот сорок восемь ни в чем не повинных людей. Штыками добивали твои добрые большевики. А сколько потом в лагерь бросили? А за чо твоих братьев уничтожали? Вместе с нашими бросили в общую могилу. И я этим большевикам не верю. Они ласково говорят, лозунгами шпарят, а потом зарестовывают и стреляют. Они добрые?

Дядя Вася молчал. Молчал и дядя Митяй. Кстати, он до ареста работал в цирке. Хорошо и метко стрелял и бросал ножи. Был он хорошим фокусником. Он мог ловко любую штуку вытащить из наших карманов. Стали и мы с Генкой тренироваться. У Генки всё хорошо получалось, а я ничего не умел. Он ведь вырос в цирке.

Дядя Вася привел нас к землянке.

– Здесь жил мой брат. Его расстреляли вместе с вашими рабочими.

Мы поселились в землянке. Надо её описать. В горе роется ниша. Человек как бы вгрызается в гору. Забирают стены и потолок бревнышками. Таких землянок в Шанхае много. Если проехать по всем приискам, то в каждом рабочем поселке есть вот такие землянки. Я их навидался. Если спускаешься с горы, то можно упасть во двор. И это понятно. Другой раз прямо из земли торчит труба.

Здесь мы прожили до того момента, когда с гор побежали ручьи. Пора идти на промывку. В Витим впадает много маленьких,

горных речек. В некоторых местах мы выдели приискателей. В лотках они промывали песок. Все они были неразговорчивые и хмурые. У каждого был свой участок. Его регистрировали в конторе. Золото сдавали в золотоскупку, там выдавали боны, купоны на которые выдавали нужные продукты. Всё записывали в так называемую амбарную книгу.

Нашим родителям тоже определили участок. Видимо, когда-то у моего отца был этот участок. Здесь стоял полуразвалившийся маленький домик из тонких бревнышек. За три дня его подремонтировали. А мы с Генкой ловили в этой бурной речке хариуса.

Родители вырубали нам маленькие лотки, и мы тоже стали промывать песок, но нам золото не попадало. Через неделю мы с Генкой простыли, и нас увели в Шанхай. Дядя Вася обещал нас вылечить, а родители ушли в тайгу. Дядя Вася поил нас горьким и противным отваром, а ещё натирал нас едким раствором. Накрывал нас овечьей шкурой.

Через несколько дней мы чувствовали себя хорошо. Выходили во двор играть в зоску. К маленькому куску шкуры с длинным волосом, прикреплялась круглая и плоская свинцушка. Здесь у меня получалось лучше, чем у Генки. Я мог «стучать» попеременно обеими ногами до ста раз. Слово «стучать» используется не только у воров. Это слово применяется в игре в зоску и бить чечетку. Этими двумя видами я владел хорошо. А ещё, как и у отца, за голенищем моих ичигов была плетка. Вот ещё один вид, которым я немного владел. В моей будущей сложной жизни все эти три вида пригодились.

– Своих отцов мы в тайге не найдем, – сказал Генка.

– Я с тобой согласен. Но, на шее у дяди Васи я не собираюсь сидеть, – ответил я.

И мы пошли в город. Есть там небольшой парк. Недалеко от него была кондитерская. И оттуда доносились такие запахи, что мне казалось, скоро может живот прирасти к спине.

Мы с Генкой стали играть в зоску, а так как она у нас была одна, то мы её перекидывали с моей ноги на Генкину. Вокруг нас стали собираться пацаны, даже подходили парни. Конечно,

такого чуда игры они не видели. Зоску мы перекидывали через голову, но она никогда не падала на землю.

А я в это время приговаривал:

Одна, две, три, четыре, пять,

Заработали на пять.

Не жалейте, подходите,

Пятачок нам приносите.

Что-то ещё приговаривал, где получалась рифма, а где просто скороговорка. Парни и даже взрослые бросали нам в мою шапчонку копеечки, а то и кусочек хлеба, сухарик, конфетку. Нас в рваной одежке считали беспризорниками, а то и цыганятами. Всегда подвыпивший мужичок с гармошкой бывало крикнет:

– А ну, ромы, сбацийте нам цыганочку с выходом, да ещё на пузе с храпом!

Все взрослые мужики всегда вот так говорили цыганятам.

Мужичок начинал играть на гармонике. А я плясал. Это было ещё одно моё любимое занятие.

Так мы приобщились зарабатывать на прокорм. Дядя Вася возмущался:

– Чо я скажу отцам! Позор! Я взялся вас кормить, пока оне в тайге.

– Вы им не говорите об этом, – ответил я. – Мы хотим сами зарабатывать на еду.

А ещё мы тренировались незаметно друг у друга что-нибудь вытаскивать из кармана. Ещё одно занятие прибавилось у меня.

Как-то поздно вечером мы возвращались в свою землянку. Замка у нас не было. Хотя здесь и бродили нищие и цыгане, никто к нам не входил. Вошел бы кто, а что там брать? Четыре топчана, чугунок под варево, кружки, ложки и больше ничего не было.

– Кажись, кто-то у нас был, – сказал Генка. Дверь мы подпирали палкой. Она валялась в стороне.

Мы раскрыли дверь. На одном из топчанов лежал человек. Когда мы вошли, он приподнялся и резко спросил:

– Кто такие будете?

– Здравствуйте, вот те раз! – воскликнул я. – Мы пришли до своей хазы, а тут кто-то уже занял наше место. Дядя, ты не обознался?

Это был не мужик, а взрослый парень. И как я понял, на нем была лагерная форма. Значит, беглец. Он внимательно посмотрел на меня и вдруг сказал:

– Если не ошибся, то ты Юрка. Кенкин короед? Вырос, шельмец, вырос. Вон и плетка за голенищем, как и у отца. Да и похож.

Я парня не знал.

– Будем знакомы. Я Колька Кунгуров. Я есть двоюродный брат твоего отца. Слышал, наверное?

Вспомнил. В те времена это был известный вор в законе Кунгур. Он действительно был наш родственник.

– С отцом мы договорились встретиться, – продолжал говорить Николай. – Да вот не встретились. У меня другая хаза оказалась.

– Сбегли? – спросил я.

– Угадал. У нас не принято закладывать. Это вы уже хорошо понимаете. Отлежаться мне надо денька два. Потом к отцу пойду. Я знаю, где они чичас. Золотишко моют на Бодайбинке или на Загалдыне. Найду. Там меня вертухаи не найдут.

– Мы у чайной двух легавых видели, – сообщил Генка.

– Конево дело, – ответил Николай. – Шарят там, где может тока дурак осесть. А жратвы у вас нет. Я тут добыл кой чево. Айда к столу.

Из котомки он достал банку тушенки, круг душистой колбасы и буханку хлеба. От такого запаха, кажется, у меня живот прилип к позвоночнику. Даже голова закружилась.

– Конево дело. Жрать захотели от такой дачки.

Он всё это разложил на столе, и острым ножом быстро всё нарезал на тонкие кружочки. А тушенку всю вывалил в чашку.

– Ну а я кой чево глону.

Из котомки он вынул плоскую, металлическую баночку, открутил пробочку, и отпил оттуда водки. Я такой баночки ещё не видел. Николай закусил колбасой, и ответил:

– Оную железку одолжил у одного офицера. Мне неведомо, где этот узаконенный вор её добыл, теперь она моя. Удобная чертовка. Конево дело. Живем.

– А почему он узаконенный? – спросил я.

– Он на службе. Продуктами заведует. Ну и ворует почему зря. Значится, узаконенный вор. А вокруг него пасутся такие же ублюдки. Поймите, огольцы, разве никто не видит, чо он ворует? Видят. И это воровство им выгодно. Оне государственные люди. Значится, государство ворует у народа. Люди-то почти голодают, а эти государственные воры жируют. Значится, государство – вор. Я тоже вор. Но я никогда бедного человека не трогал. Лишняка я раздавал. Конево дело. Они берут, а я делюсь с народом. И меня же за это ещё и в клетку. Разе не обидно? Конево дело. А раз государство вор, да ещё вот такое, то я чо мне надо то украду у этого государства. Вот такой мой расклад моей жизни. И пока в моей груди бьется сердце, буду наказывать такое вот государство вора.

Ночь прошла спокойно. Рано утром Николай отправился искать отца, а мы отправились в парк. Рядом был маленький базарчик. Двое легавых ходили между прилавками. Возможно, искали Николая.

На низенькой скамеечке сидел гармонист дядя Гриша. Он иногда приходил на базарчик и играл на гармонике. Он увидел нас.

– Эй, шпана, подь доседа! Вон ты, копченый, дай цыганочку с выходом. Повесели душу.

– Я те повеселю! – закричал один легавый. – Народ собирать! Неположено! Опять захотел за решетку? Устрою!

– Не смехи! – громко ответил дядя Гриша. – Чо неположено-то? Чо? Пусь люди повеселятся. Чо рты-то закрывать? А дайте я вам кой чево сыграю?

– Понятно, – затишил голос легавый, и даже весь напрягся. – Вот ты и есть настоящий враг народа.

– Нет, голубчик, я друг народа.

Легавые ушли. К дяде Грише подошла бабка и сказала:

– Помолчал бы ты уж, Гриня. Мово старика на Надежденском расстреляли. Это же иуда Обрезков. Доложит куда надо. А палач

Кульвец на ремни порежет. Уймись, Гриня. Христом Богом прошу, уймись.

Приткнув к глазам платочек, она удалилась из базарчика.

А дядя Гриша из бутылки налил водки полный стакан и тут же выпил.

– Где наше не пропадало. Пацаны покажите класс. Некаво носы вешать. Мы имя ишо покажем. Погодьте, ребятки, погодьте. Отдыхайте. Лучче я чо-нибудь для души сыграю.

Он начал играть какую-то мне незнакомую музыку, тягучую и унылую. Мы с Генкой пошли на другой конец парка. Там продавали мороженое. Но у нас не было денег.

Не сговариваясь, мы начали играть в зоску, а так как у меня руки свободные, и делать им было нечего, то я вынул плетку из-за голенища, и стал ею под такт ударов по зоске – щелкать. Вокруг нас быстро собрались пацаны и парни. Подходили и взрослые. В мою шапчонку со звоном падали монетки. Быть мороженому.

В этот день мы набрали мелочи полную пригоршню. В котомку мы положили картофелины, половинку калача, кусочки хлеба, конфетки.

– Живем, – сказал я.

На краю парка стояло несколько мужиков и о чем-то разговаривали. Я услышал:

– Сволочи. Гармошка им помешала. Истоптали.

– Это Обрезков доложил. Не зря ево Спрутом кличут. Спрут, он и есть настоящий Спрут. Ведь ишо совсем парень, а стока в нем дряни. А вот настоящий палач Кульвец похлещего Обрезкова будет. Самолично расстреливал и казнил, издевался над заключенными.

Тут я немножко отступлю. Бодайбинские прииска считались вольницей золотодобытчиков. В стране шел разгул Ежовщины. Бросали в тюрьмы не виновных. Это всем известно. Но есть в истории и темные пятна, о которых было неприято говорить. До сих пор многие не знают, что был и второй ленский расстрел. Я многих своих товарищей спрашивю о том расстреле. Ленский расстрел 1912 года все знают. А вот про второй не знают, когда большевиками было расстреляно 946 человек! Даже памятник им не поставили. Если в 1912 году руководил расстрелом

ротмистр Трещенко, история знает. Он и сам расстреливал рабочих. А вот палача Кульвеца в 1938 году никто не знает. Он, всё-таки, был большевиком. Для наведения «порядка», и чтобы не отставать от репрессий по стране, в Бодайбо прибыл в 1937 году эмисар НКВД Кульвец Борис Петрович. Это был настоящий цепной пес, где в застенках Лубянки кровью харкали политические товарищи. Как одного из кровавых палачей Кульвеца направляют на прииска. Замазанный кровью лично им убитых рабочих, он ходил по трупам, и если обнаруживал раненого, добивал его. Можно только представить этого палача. В общем, перестрался Кульвец. Такое количество рабочих, интеллигентов было уничтожено в один момент. Надо было, а такое было, вспомним Ежова и других палачей, сделали виновными. Кульвеца арестовали 30 июля 1938 года и приговорили к расстрелу. По неизвестным причинам ему заменили десятью годами. Дальнейшая судьба его неизвестна.

– Ни дна Обрезкову и не покрышки.
– Отольются ему слезы.
– Сам ведь, сука, ворует, а в милиции служит. Как так можно?

– Мужики, да все они таки. В тридцать восьмом на прииске они вот таки кучу народа расстреляли, да штыками истыкали. Я там троицу милиционеров знал. Двое из них коммунисты. В сыру и масле катаются.

– Тише, мужики, тише. Мало ли чо.

– Скоро совсем нам рты заткнут. А ведь я в Гражданскую воевал против беляков. За советскую власть воевал. А таперя чо она делат с нами? Обидно, мужики.

Значит, дядю Гришу арестовали. С тех лет у меня возникло подозрение ко всем богатым. На любой работе они крадут и наживаются нагло и безнаказанно. А ещё все они в почете у государства. Коля Кунгуров прав, что грабит богатых. Вот бы мне таким стать. И я стал растить эту мечту. Поделился мечтой с Генкой. Он полностью согласился со мной.

Весь день мы бродили по городку. Некоторые, особенно бабки, уже знали нас, и выносили что-нибудь поесть. Иногда приглашали, чтобы накормить нас супом или щами. И они знали,

что мы не вороватые. И ещё я заметил одну сторону человека. Чем богаче товарищ, тем он скупее. Гнали нас от ворот. Да мы к ним и не стали подходить. У них во дворе всегда были злые собаки. Вечером мы возвращались в свою землянку.

Так мы прожили до осени. Скоро в школу. На воротах транспортной школы висел огромный плакат: «Нам восемь лет. Мы идем в школу!» К этому времени я уже сносно читал. Учиться читать не обязательно. Можно и не идти в школу. Но тут вернулись из тайги родители. Они и отправили нас в первый класс, а сами подались в «жилуху». В те времена на всех приисках «жилухой» называли хорошо обжитые места вдоль железной дороги, где можно отменно покутить. Нас оставили у оседлых цыган Тимохиных. Они были нашими далекими родственниками. Дети у них не учились. Мотались по городу, по приискам, побирались и воровали. После школы мы шли в людные места, и там плясали, пели, играли в зоску с моей плеткой. Так что мы на хлеб себе зарабатывали. Почему родители нас оставили, мы не понимали. Конечно, тете Груше они кое-что оставили. А так бы она нас прогнала.

Учеба мне давалась легко. Как-то в наш класс пришла незнакомая учительница, и попросила меня пойти с ней. Наверное, к директору, подумал я. Дело в том, что на переменах и после уроков, мы с Генкой по просьбе старших учеников, отбивали чечетку и пели. За это нас чем-нибудь угощали, или бросали монетки.

Учительница завела меня в один из старших классов, усадила на место за столом, где она должна сидеть. И тут я увидел развернутую книгу. Там был напечатан рассказ Чехова «Ванька Жуков».

– Юра, почитай ребятам вот этот рассказ, как это ты можешь.

И тут я понял, надо прочитать этот рассказ таким тоном, когда я бил чечетку или играли в зоску, а я с надрывом пел разную чепуху, порой вызывая слезы у взрослых женщин и бабулей. Значит, учителя знали про наши бродячие концерты. И потом я читал быстро и громко. А вот с арифметикой у меня было туго. Она мне совершенно не шла. Ничего я в ней не понимал.

И вот я начал читать, да так увлекся, что этот Ванька будто не Ванька, а я сам. Кажется, даже слезу пустил. Я слышал всхлипания девчонок...

Когда я закончил читать, и рукавом заплата рубашки вытер слезы и сопливый нос, то взглянул на учительницу. Она приткнула платочек к глазам. И ещё заметил, как две девчонки утирали слезы. Вот это я дал! Надо же так увлечься! И ещё я сделал одно открытие, именно на этом уроке, надо петь и что-нибудь читать, да так, чтобы у людей слезы брызгали, а в наши шапочки сыпались монетки. Вот так и можно прокормиться.

Наловчился импровизировать смех, слезы, гнев, когда что-нибудь читал. То, что я вытворял, до сих пор не могу понять, почему я не подался в артисты? Так уж судьба повернула. И она сотворила со мной такую загогулину, там уж было не до артиста. Как бы только выжить. Как говорится, я был артист в народе, и для простого народа, для толпы. В основном меня окружали бродяжки, нищие, цыгане, воры, пьяницы и разные другие подозрительные граждане. Умудрялся читать у печки, при луне, но всегда и везде читал.

Какие-то бродяги нас выгнали из землянки. Мы устроились в бараке, недалеко от школы. Как-нибудь зиму переживем. В бараке жили нищие и пьяницы. Здесь была единственная печь, и мы часто грелись около неё. Нас никто не отгонял. Нас мальчишек-бродяжек в этом бараке было пятеро. Никто не обижал. У открытой печи мы раздевались чуть не догола и «калились» Что это? Объясню. От вшей тело постоянно чесалось. А жар утолял такую вот напасть. Это было великое наслаждение «жарить» тело. Как отменный любитель париться кричит и визжит, то и с нами такое происходило. В морооз мы завертывались в колючее одеяло из разных заплаток, а вывепрнутую одежду вывешивали на мороз. Вши погибали. Тогда ночь можно было спать спокойно. Подожженное тело немного побаливало, но зато вшей не было. А ещё в теплую погоду мы разводили костер на краю Шанхая, и нам нравилось снимать с себя одежду и трясги над костром. И тогда в огне наши вши превращались в крошечные яркие звездочки и потрескивали. А ещё щеткой мы вычесывали их из одежды.

Хозяйка барака, а может и не хозяйка, высокая и дородная бабка по кличке Клюка всегда защищала нас. От неё пахло водкой или горьким перегаром. С разбушевавшимися пьяницами она расправлялась клюкой. Видимо, из-за этого и дали ей такую кличку.

– А ну, огольцы-паршивцы, геть до мэна. Супчику для вас в столовке одолжила.

Как-то от одного парня, мы узнали, что когда-то она была в одной команде с Махно. После разгрома свободной армии, многих расстреляли, а многих сослали в Сибирь. Так вот Клюка и образовалась в Бодайбо.

Она подкармливала нас. Со свалки приносила одежонку или обувь для оборванцев. Да и сами мы ходили на свалку чем-нибудь разжиться. Даже если кто из мужиков заболел, того она поила какими-то настойками из трав.

Появились первые капли. Значит, скоро придут родители.

Это случилось днем. Мы находились на окраине Шанхая. Со стороны нашего барака мы услышали выстрел и крики. Мы – к бараку. Народ стоял в стороне. А барак окружили военные. Из барака выводили наших знакомых. Бабку К्लюку подгоняли штыками. Куртка расстегнута, волосы растрепанные. Вид её был дикий и грозный. Она кричала:

– Ратуйте, люди! На землю пришел усатый антихрист! Упыри треклятые. Мора на вас нет! Я не враг народа! Я есть друг народа! Это вы все враги народа. И влась ваша есть самый чо ни на есь враг народа. Будь она проклята ваша влась!

После каждого слова отборный мат.

– За чо их? – спросил я у одной бабули. Она узнала меня.

– Двух ваших мальчонок прогнали. Некаво вам там делать. Хотя чо я. У вас никаво нет. А этих тово. Да какие оне враги народа? Они на приске вкалывали. Поднялись против начальников. Всяка амманывали их. Старика мово в тридцать восьмом убили. А вот эти бедолаги успели уйти. Здеся поселились. Весной хотели на приска податься. А тут вон чо вышло. Кто-то доложил, мол, тута живут враги народа. Да как оне враги? Работяги, при-скатели. Ну, с горя пьют. Ну и чо? А чо делать-то в нашей такой

жизни? От тоски гуляют. Да и Параську угребли. Она здесь причем? Она хуть и такая вот вся взбалмошная, а душа добрая. За чо её-то?

Уже была весна 1941 года, а тех, кого на прииске не расстреляли и не добили штыками, везде искали. Находили, и бросали в лагера по политической. А кого и расстреливали.

Теперь нам негде было жить. Барак этот сожгли. Мы устроились на чердаке котельной. В школе о нашем существовании мы никому не рассказывали. Я с самого раннего детства не любил жаловаться. Бывало, мама говорила:

– Он сразу, после пеленок таким вот стал. Весь в себе. Всё о чем-то мечтает. На звезды заглядывается. А чо там смотреть? Пусть светятся. Нам до них дела нет.

Оказывается, вертухаи бабу Ключу забили насмерть. Так она буйствовала против произвола, и, видимо, многое что сказала. Мы с Генкой тоже пошли хоронить её. А надо сказать, что люди в самом Бодайбо и на приисках, как и в городе Черемхово, в котором я родился, люди более раскованные, чем в деревнях. Ничего и никого не боялись. Как, говорится, говорили правдунатку. Вот вам получился расстрельный 1912 год, а потом и 1938 год. И всё равно не сломили этот народ. Я и о Черемховских напишу.

Человек пятьдесят пришли хоронить бабу Ключу. Играла похоронная музыка. Многие плакали. Неожиданно и я пустил слезу, хотя и крепился.

Ночью, укрывшись рваным суконным одеялом, я тихонечко заплакал.

– Мама, где ты, – всхлипывал я. – Приезжай. Мне плохо...

Тогда мне казалось, что луна вдруг заплакала. Сквозь дырявую крышу мне было видно, как она пыталась укрыть свой побледневший лик тучей. На меня капали её слезы, и на вкус они были соленые. Звезды потускнели, и уже не искрились и не веселились. Было холодно и сыро. Вши и блохи не давали быстро уснуть.

Я не знаю, может, в школе учителя догадались о нашем бедственном положении? Это мне было неизвестно. Пришло облегчение. То пирожок поднесут, то вдруг даже пирожное. Нас

бесплатно стригли наголо. Даже вши исчезли. Стали исчезать коросты от поситоянного чесания. Учитель физкультуры водил нас с Генкой в баню. Меняли нам штанишки, рубашки. Видимо, от своих детей брали. И тогда после бани, без злочих вшей мы высыпались. Во все времена, сколько я помню, таких, как мы с Генкой было много. Врали, что у нас не было нищих и бродяжек. Были. Я навидался их, жил среди них. И мне, а не «знатокам» подвальной жизни, знать про ту, потаенную жизнь бесправного и отверженного человека, каким был я.

Пришли родители. Они выгнали нищих из нашей землянки. И мы снова обрели крышу. Они нам обещали, что к осени мы вместе отправимся в жилуху.

С Генкой мы пытались намыть золота, но у нас ничего не получалось. От зари до зари отцы промывали песок. Они были, как все приискатели, когда были в работе, деловые и хмурые. К вечеру мы готовили им ужин. Они выпивали по стакану водки, и укладывались спать.

От людей мы услышали страшную весть. Началась война с немцами. И было, как я понял не до мытья золота. Пассажирским пароходом мы поплыли до порта Осетрово. Дня два побыли в Черемхово, и отправились странствовать. Отцу опять надо было бежать. Он ведь в прошлом году сбежал от ареста. А тут кто-то кое-куда доложил, что в Черемхово прибыл беглец от властей Кенка Стрелов.

Отец мой был непутевый по тем временам человек. Ходил он со своим отцом за кордон, за море, да и когда с границами стало строго, пробивался через «окна» на Аляску к родственникам, а то и в Китай. Порой он с моей матерью уходил в цыганский табор. Были у моих родителей только дороги и лошади.

Я часто задумывался: почему мой дед и отец, уже в советское время были такими? И ответа не находил. Дед Егор как-то собрался построить кузницу и развести лошадей. Кузню отдали в колхоз, а лошадей отправили в красную армию. Вот тогда-то он и закричал:

– Запорю кнутом, кто пойдет работать на советы! Это полная кабала! Помяните моё слово. Живите, как жили ваши предки! В вас течет кровь вольных людей!

Дед говорил, что наши предки Стреловы должны гордиться тем, что они всегда были воинами. Они были у Степана Разина и у Пугачева.

Поселились родители в городе Черемхово. Отец всегда мечтал поселиться в родных местах Приангарья, куда когда-то были сосланы наши предки на каторгу.

Однажды домой прибежал отец.

– Клавдя, твоего брата Кенку Максимова зарестовали!

Дядя Кеша Максимов работал на заводе Карла Маркса кузнецом. Мой дед Максимов был зажиточным мужиком. Имел свое хозяйство в деревне Бутаковой на Ангаре, дом в городе Черемхово на улице Плеханова. В этом доме я и появился на белый свет. Когда началась продразверстка, когда начали загонять людей в колхозы, пришли раскулачивать и моего деда. А он взялся за вилы, чтобы не унесли последнее зерно. Наступило время посева. Деда во дворе и расстреляли. В общем, семью разорили, и пустили всех по миру. В тот голодный год 1932 года, когда расстреляли моего деда, я и появился на этот свет для мучений и страданий. Соседская бабка Лукерья сказала:

– Мальчишка. Радость. Радуйся, Клавдя, на нем всё и остановится. Умирали твои детки, а после него будут жить. И горевать надо. Радость и горе рядышком. В лихое время родился парень, и лихолетье ему достанется. Блукает чичас с вами, так и вся жись ево будет блукастая. Мыкаться будет несчастненький всю свою жись. И не будет этому страдальцу покоя. Так уж ему на роду написано. Ты мотри, как он рвется с пеленок! К свободе рвется. Душа ево будет свободна, тока таким людям трудно жить бывает в этом нашем грешном мире.

Через много лет, мама мне и поведала те слова той бабки Лукерьи, когда я вернулся из лагеря.

В тот вечер, когда прибежал отец, то он рассказывал:

– Мы с Кенкой одного партейца обозвали лодырем. Призывал к труду, шпарил лозунгами, а не работал. Я пришел на завод. Подковы там заказывал. Я этова партейца своим кнутом огрел. Чичас придут за мной. Побегу к Кольше Кунгурову. Его кореша помогут скрыться...

Дядя Коля Кунгуров – двоюродный брат отца. В те времена это был знаменитый вор в законе.

Отец скрылся. А нас замучили допросами. Меня, а мне было в ту пору всего пять лет, за уши таскали, грозили наганом. Например, один держал меня, а другой на моей голове кулаком задирает волосы. Ужасная боль. Водой отливали. Издевались и над матерью. Ничего не добились. Оставили нас в покое. Видимо, в нашем роду так принято – не фискалить, не ныть, привыкать к боли, холоду и голоду.

Отец весточку прислал. Мотались по всей Сибири. Как-то пристали к цыганскому табору. Какие только фамилия не носил отец. Куда только не забрасывала нас судьба. Жили среди нищих, бродяг и цыган...

Да, странный был мой отец. Побывал и приискателем. Порой и фарт выпадал. Но они с матерью быстро проматывали деньги. Часто мой отец помогал какому-нибудь родственнику, например, купить корову. А то и просто одаривал нищих. Вот таким он возвращался с приисков. Однажды он прихватил с Красноярского базара старушку-нищенку. В этом городе мы оторвались от табора, и отец купил избенку. Так вот, он подарил бабке одежонку, и дал денег на покупку избушки. А бабуля на другой день снова сидела на базаре и попрошайничала. Оказывается, у неё сын-стахановец. Возле начальства крутился. Знатный стахановец. Портреты с его физиономией красовались в газетах. Они с женой давно выгнали бабулю на улицу. Когда узнал, что у матери появились деньжата – отобрал. В тот же день отец нашел стахановца, вызвал во двор и выпорол кнутом. Досталось и его жене. Странно, но соседи на призывы о помощи не появились во дворе образцовой семьи.

Бросил нас отец и подался опять в бега.

Вот что рассказывала мне мама. Когда мы поселились в городе Сталинск Кемеровской области, тогда мне было два года, город только начинал строиться, отца всё-таки бросили в тюрьму. Дело в том, что он поселил у нас двух раскулаченных мужиков. А когда за ними пришли, отец пытался защитить их. Загнали отца в каменоломни. Отец и несколько заключенных бежали. Конвоиры одного подстрелили. Двоих догнали, и исполосова-

ли штыками. На одном из горных перевалов в Южном Казахстане конвойные настигли беглецов. Схватка была жестокой. Ещё погибло три беглеца. Четверых конвойных прикончили. Забрав оружие, ушли в горы. Долго бродили по горам и лесам. На окраине Алма-Аты ограбили кассу. После этого разбродились по одному. Отец пристал к цыганскому табору и с ним оказался в Москве. Отсюда он и послал матери весточку через бродячих цыган. Мы перебрались в Игарку.

Потом прибыли в село Макарьево на Ангаре. Даже домик купили. Видимо, отец решил навсегда остаться на своей родине в городе Черемхово, в деревне Стрелова или в селе Макарьево. Все три места находились недалеко друг от друга. Но кто-то сообщил, что мой отец настоящий шпион от самой Америки. Да, человеческая память штука едкая, злопамятная.

Отец мой купил домик в городе Черемхово на улице Красной. В этом городе отец и сдружился с татаринном Султановым. Вот так мы познакомились с Генкой. Так вот мы и попали по зимнику в Бодайбо...

Теперь отец снова в бегах. А мы остались в городе Черемхово. После меня родились две сестренки и два брата. И мне надо было как-то помогать маме. Чтобы не покупать уголь, я ходил с котомкой на станцию воровать уголь. Осенью с моими новыми товарищами с нашей улицы ходили за колосками.

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК И ДРУГИЕ НАПАСТИ

Намечался дождь. Нас было пять мальчишек. Из-за леса мы выползли на поле и стали собирать колоски. Голод победил страх. Мы знали, что двоих пацанов поймали и отправили в милицию. Страшнее было другое.

Он появлялся на черном коне, будто из воздуха. Стегая нагайкой, он пронесился мимо людей. Разворачивал коня, снова налетал на убегающих. Все боялись этой нагайки. На конце плети три ответвления, и на каждом из них привязана гайка. Обьездчик Гришка Коноваленко был одет во всё черное. И конь черный. Гришка был отменным лодырем, и всю зиму лежал на печи.

Весной нанимался в объездчики. В молодости шел в команду по раскулачиванию зажиточных семей. Для него главное было не арестовать воришку колосков, а доставляло удовольствие истязать нагайкой.

На фоне потемневшего неба черный всадник появился неожиданно. Мы побежали. Гришка отрезал нам путь к лесу. Вот он рядом. Конь словно помогал всаднику, он тяжело дышал и громко хрипел. Нагайка заработала по нашим спинам.

– Ай, карашо! Ай, любо! Карашо! Карашо! – радостно кричал Коноваленко.

Один удар пришелся мне по спине. Острая боль вырвала из меня крик. Другой удар рассек руку, третий пришел по лицу.

– Ай, карашо! Век будете помнить Гришку! Ай, любо!

Мы скрылись в лесу.

Прошло много лет. Иногда старые раны на моем теле болят и ноют. И когда я вижу черного коня, мне вспоминается тот пасмурный день, и тогда шрамы на лице и на руке и в душе начинают ныть.

Часто я на Черемховском базаре продавал воду. Во дворе у нас была тележка, а на ней деревянный бочонок. Из колонки наливал воду и вез на базар. Полная кружка воды стоила пятачок. А ещё я зарабатывал тем, что отбивал чечетку. Каждый день на базаре можно было увидеть безногого дядю Колю. Ещё в начале войны он потерял ноги. Приезжал он на базар на деревянной коляске. Играл в кости. В руках у него была красивая металлическая коробочка. В неё он бросал черный кубик. На нем были отмечены цифры от единицы до шести. Он гремел этой коробочкой и кричал:

Американское лото,
Можно выиграть на пальто!
Ставочка проста,
От рубля до ста!
Больше не стучу!

И люди подходили играть. Мало кто выигрывал. Под вечер он мог отменно погулять, и угостить таких же фронтовиков-калек, как и он. А ещё рядом с ним стоял красивый баян. Он его

с войны привез. Подвыпившие фронтовики пели разные песни. Дядя Коля меня знал. Когда увидит, то позовет к себе.

– Повесели, паря, душу. Сбаци цыганочку с выходом, а потом пляши от души, как придется.

И он брал баян, и звуки от него доходили до конца базара. А я плясал. Тут уж копеечки падали и в его пилотку, да и меня не забывали. Бросали денежку передо мной на землю.

Отец не подавал весточку. В наш домик приходили милиционеры. Допрашивали маму. Откуда она могла знать, где прячется отец.

Однажды, когда мы думали, что от нас отстали, появился дядя в полувоенной форме. Он осмотрел стены, и сказал:

– Икона есть, а почему нет нужных портретов? Молчать! Знаю. Никого не признаете, но ведь вы живете в стране советов. Всё барышничает? Молчать! Народ обманываешь. Почему на работу не идешь? Знаю, этот твой старший огрызок уголь ворует. Молчать! Колоски ворует. Как ты так можешь столько детей прокормить не работая? Молчать! Вот и пошел твой огрызок воровать. Молчать! Где твой главный вор и враг народа?

– Я уж вам всем говорила, дорогой – найдите мне мово мужа. Куды ево вы дели? Куды?

– Я тебе не дорогой, рожа твоя поганая! Поговори мне, барыга! Он сам куда-то исчез. От советской власти он не скроется. Молчать! А ты, черномазая, попадешься мне на базаре. Загремишь на зону, курвяка. Молчать!

– А ты меня поймай. Я свободная женщина!

– Вы живете в советском государстве, и не можете быть свободными. Если каждый человек будет свободным, как ты здесь болтаешь, тут такое тогда начнется! И ты мне, курвяка, брось долдонить о свободе! Молчать!

– Помогите мне найти мужа, – не унималась мама.

– Он враг народа, а ещё вор! Бандит с большой дороги! Ты это хоть можешь понять своими куриными мозгами?! Он сбегал от справедливого суда, от возмездия! Ещё раз поймаю тебя барыга на базаре за спекуляцию – загремишь на Колыму, как миленькая. Молчать!

Раскрылась дверь, и ещё возник один, на вид ещё молодой и чистенький.

– Мы ждем вас, товарищ Гниломедов. Там ещё двоих доставили. Я бы здесь сам разобрался.

– Вот что, товарищ Мартынов вы мне не того...Они враги народа. Ладно. Не миндальничай с ней тут. Я пошел.

Новый товарищ по фамилии Мартынов, оглядел стены, и остановил взгляд на иконе. Потом сказал:

– Работа такая. Извините за товарища...Нервы...Он на фронте был комиссаром. Ранили. Комиссовали. Понимать надо. А ваш муж...в бегах.

Мартынов пошел к выходу, остановился, и, не смотря на нас, сказал:

– Надо понять. Всё так сложно. Извините.

Тут ворвался Гниломедов. В его больших глазах злоба.

– Там в сенях лежит книга «Как закалялась сталь». Твоя книга, паршивец?

– Моя. Прочитал, – ответил я. – Там у меня полка с книгами.

– Ты посмотри, какую он книгу читал? Ахты, сучий окурок! Не имеешь право её читать! Нет для тебя такого права! Взять паршивца! Вот он и скажет, где его отец-вор!

Он схватил меня за ухо, а я его пнул в колено.

– Он меня ещё, мерзавец пнул! Я ему покажу, как вести себя с законной властью!

– Ему тока тринадцать лет! – заревела мама.

– В самый раз ответ держать! – крикнул Гниломедов.

Мама бросилась на комиссара, и он ударил её по лицу. Она упала. Меня вынесли на улицу и втолкнули в черный «воронок». Там уже сидело три мужика. Один из них был в наручниках, а лицо было в крови.

– Уже до детей добрались, сволочи. Тоже враг народа? – спросил этот мужик.

– Мне запретили читать книгу «Как закалялась сталь».

– Значит, не дорос до неё, – ответил мужик. – Пионеры и комсомолцы должны её читать. А тебе с какого боку нельзя читать? Понимаю. Отец враг народа?

Я промолчал.

Кабинет. На столе наган. На всю жизнь запомнил пепельницу, в которой дымился окурок. Гнилomedов хмурo смотрел на меня.

– Где отец? Видишь оружие? Одна пуля для тебя. Отвечай, окурок!

Мне связали руки и подвесили к торчащему в потолке крюку. Гнилomedов курил папиросу.

– Он совсем малой. Отпусти, – сказал Мартынов.

– Пожалел? Они нас не жалеют. Это всё из-за них, врагов народа, мы так живем. Все они одинаковы. Надо же! Какую книгу читал?!? Тебе ли читать? Говори!

Хлопнув дверью, Мартынов вышел.

Гнилomedов сунул свой окурок мне под мышку. Дикая боль. Но я не закричал. Злость и обида затмили боль. Что есть силы, пнул Гнилomedова. А вот он громко завизжал и стал на моем теле тушить папиросы....

Потом меня сняли с крюка и отливали водой.

Утром выпустили.

С тех пор на моем теле остались шрамы от окурков. И когда кто-то в кабинетах или в гостях тушит папиросу в пепельнице, вспоминаю ту страшную ночь из моей жизни. Я никогда не курил, и никогда в своих квартирах не имел пепельниц.

Мама отправила меня в подполье, чтобы я набрал картошки. Сегодня она была какая-то загадочная и светлая. Её смолевые волосы стали ещё чернее и блестели, под черными бровями ярко светились огромные голубые глаза.

Спустился по лестнице и увидел отца... Я бросился к нему, и уткнулся в худую грудь, пахнущую почему-то дымом и смолой. Рядом с ним сидел мой дядя Коля Кунгуров – знаменитый Кунгур.

– Сынок, – всхлипнул отец и сжал мою голову холодными руками. – Не думай обо мне плохо. Так, видимо, надо, сынок.

– Знаю, – плакал я. – Тебя не найдут. Мы тебя в дом деда в Макарьево отправим. А может тебе уйти в деревню Стрелова?

– Нигде нельзя там мне быть.

– Правильно, – ответил дядя Коля. – Я же тебе говорил. Мы отправим тебя в надежное место. Отлежисся там, и всё забудется.

– На север мы поедem с Митяем Султановым. Там воля. Лишь бы документы достать.

– Это мы смастерим. Раз плюнуть, – ответил дядя Коля.

– Надо же! Мне и политику пришили! Я даже не знаю, с чем её едят. Где справедливость?

– А я бы сейчас, Кеха, заимел бы табун коней. Мне награды надо бы давать, што богатеев бомблю, а меня ловят. Так чо нет, Кеха, никакой справедливости. Кеха мотай пока в табор. Там за-теряешься.

Они сидели при маленькой лампочки, и дядя Коля тихо играл на гитаре и пел. Как он красиво пел!

– Как жить дальше, Кольша? Как? – спрашивал отец, глядя в стакан с водкой. Юрку вон жгли папиросами. Он-то причем? Его-то за чо?

– Всё. Мы с тобой решили. Езжай в Бодайбо.

Он отложил гитару, из внутреннего кармана достал пистолет.

– Бери, Кеха, бери. Я себе ещё достану. Любую фигуру и маслят достану. Бери.

– Нет, Кольша. Ни фигуры, ни маслят мне не надо. У меня есть кнут.

За голенищем сапога он всегда носил кнут.

Дядя Коля ушел, а я рассказал, что у меня кроме Генки Султанова есть надежные друзья. Он долго молчал, слушал, а потом ответил:

– Сказка. А ты попробуй, сохрани эту сказку в самом себе. Да где там. Изломают. А надо бы так... Кольша всё в благородство играет. Толку? А разве я чище? Главное, надо сохранить душу. Понимаешь? Во мне всему есть противостояние. Я душу сохранил, а толку? Ты, Юрка, береги душу. Пусть она у тебя будет вольной...

Он смотрел в пустой стакан и философствовал.

– Во всем должна быть воля. В работе, в душе, во всей жизни. Тогда человек станет огромным, как мир. Снимая шапку перед другим человеком, он теряет душу. Нельзя снимать шапку. Но у нас заставляют снимать шапку. Ну, живет он хорошо, получает награды, а толку? Так. Оболочка. А душа? Где она? У меня есть

она. Во мне. Я не продал её. Во мне она! И ты не отдавай свою душу никому. Никому! Плохо живи, голодуй, но не снимай шапку и береги душу. Вот моя сказка тебе. И пусть она будет в тебе такой.

Потом я долго не мог уснуть. Слова отца запали в душу. Разве этому учат в школе? Станный у меня отец. Вечно в бегах. Значит, скоро мы уедем отсюда. Какая уж тут для меня школа? Ещё в Бодайбо окончил первый класс, и моя учеба закончена.

Отец и дядя Митяй отправились по зимнику до Заярска на Ангаре. Мы с Генкой сбежали из дома, и решили догнать родителей. Наверное, опять придется шагать по льду до Бодайбо. Теперь нам уже не по восемь лет, а по тринадцать. Отцам ничего не оставалось делать, как принять нас в поход. Они написали записку, что мы с ними, и отправили их со встречным обозом. Пусть наши матери не беспокоятся о нас.

Отцы не решились идти с нами по льду до Бодайбо. И потом у отца сильно болела нога. Ещё в прошлом году на его ногу упала лошадь и сломала ногу. Она срослась плохо. Я видел торчащую кость. Не врачи какие-то были, а настоящие коновалы. Отец даже ходил в военкомат, чтобы его взяли на фронт. Там бы все его грехи простили бы. Его забраковали. А ещё у него были больные почки. Его брат Василий пошел добровольцем ещё в 1941 году. Имел звание старшего сержанта. Артиллеристом был. Погиб в сентябре 1942 года под Можайском в селе Мокрое. В будущем его имя будет вписано на граните.

Какое-то время жили в Братске, в Заярске, потом в Илимске. Там жили какие-то наши родственники. Весной мы поехали в порт Осетрово на реке Лена. Стали ждать первый пароход.

Только что отгремела война. Многие вербовались туда, куда вербовали. На пароходах, в лодках, карбасах, плотах пешком устремились на север. А то и просто шли за обозами. Много было деревенских. Они бросались в глаза особенной нищетой. Часть оседала в Братске-острожном. У нас на Ангаре его все так называли, особенно старики. Поговаривали, что здесь готовится строительство гидростанции. Уже намечалась железная дорога. На её строительстве и погибнут мои дяди Максимовы. Срочно строились лагерь. Будто вся Россия сорвалась с места.

В одном из заброшенных бараков мы и остановились.

Рядом с нами плакала женщина. Муж в поношенной солдатской шинели молчал. Женщина говорила:

– Двоих детишек схоронили. Муж вот пришел с фронта сопсем нервный. В деревне стало совсем худо жить. Хотели дом продать. Кому? Бегут люди-то. Налоги замучили. С Ярославщины мы. Ночью мы бежали с деревни. Голод там. Кунды едем-то? Кунды? Одному Богу понятно. Говорят, чо на севере можно прокормиться. Да вот сынок хворый. Боюсь, ханет.

Мальчишка лет четырех, накрытый крапивным кулем лежал на спине. Лицо худое и бледное. На его широком лбу сидели две вши.

– Хватит каркать! – страдая одышкой, крикнул муж. – Скажи, мужик, за чо я кровя проливал? Шесь наград имею. Сталинград защищал. Берлин брал. Орден славы имею. На рейхстаге был. За чо меня-то? За то, что двое детей померло? За то, штобы мово брата и старшего мово сына зарестовали. Он же почти малолеток! И за мной хотели придти. Сбежали вот. За чо такая напасть? Они во время войны в тылу сидели, наших сажали. А таперича и до фронтовиков добрались. Понимаешь, мужик? До каких пор будут над нами изгаляться? Понимаешь?

– Потише, Паша, потише, услышать ведь могут...Люди ведь...

– А я кто? Я разве не людь? Пусь слышат. Я кровя проливал. За чо меня-то? За чо? Кто я чичас. Нулик. В распыл мои заслуги. Устал я, мужик...устал. Половину деревни зарестовали. Кому работать-то? Нас бабы с фронта ждали. Дождались. Солдат-то за чо? Вот чо обидно...

– Паша...

– Цыц, баба! Всю жись тока и молчи. Не желаю. Понимаешь, мужик? С войны пришел и навроде другой стал. Молчать не желаю. Воли желаю.

– Дайте спать! – громко, но спокойно сказал худой мужичок в старом полувоенном кителе. Лежал он недалеко от нас. – Воли ему надо. За дело, значит, арестовывают. За де-ело...

– Ах ты, сволочуга! Я кровя проливал, а ты, крыса тыловая, в кителе сюда же!» Да я тя, глисту наскрозь вижу!

Бывший солдат полез через ноги отца к мужичку. Отец удержал его и тоже громко сказал:

– Ах, дорогой, не надо бы руки марать о гниду. Настрочит ишо. И здесь тада останитесь. От яда своо сдохнет...

– Они ещё меня и обзывают. Обижают. Меня? Нехорошо, товарищи.

– Лежать сука вербованная! – крикнул отец, и взялся за кнут. – Я те не товарищ!

Мужичок отвернулся и укрылся с головой.

– Чо деетса, чо деетса, осподи, – услышал я женский голос. – Кунды детей-то тянуть? Кунды? Дети за чо страдают? Ос, осподи, ос осподи...

– Слушай, мужик, – зашептал отец. – Пошли на север. Доберайся до Олекминска и там ждите меня. Тока ждите. Я ведь тоже в бегах. От властей бежим, от советов.

Отец мечтал попасть на Аляску. Сразу после революции кто-то из наших родственников уехали на Аляску. Некоторые наши давно там жили. Максимовы, Стреловы, Кунгуровы, Бутаковы, Белобородовы.

– Я с отцом на Аляске был, – говорил отец. – Там можно цельный табун лошадей и оленей завести. И не отберут. Народ на Аляске живет крепко.

А я почему-то сомневался. Как можно завести табун, и чтобы у тебя ничего не отобрали. Как это нет колхозов? И почему там нет комиссаров?

Наверное, отец это всё придумал, только чтобы скрыться от властей.

В этом порту Осетрово мальчишка умер. Похоронили его на местном кладбище. Из березовых палок сделали гробик.

К нам примкнули ещё две семьи. Соорудили плот и поплыли. В Киренске две семьи остались. Не пожелали дальше плыть. Река здесь становилась широкой, и родители боялись, что плот развалится, и могут утонуть дети. Ну и мы решили пока здесь остановиться, чтобы лучше закрепить плот, чтобы на нем доплыть до села Витим.

На берегах ещё лежал лед. Мы поселились в полуразвалившемся бараке.

Мы с Генкой ходили по берегу. Здесь нас приметили трое парней.

– Видите мешки, – сказал один. – В них мука.

На берегу находился штабель мешков с мукой. Его охраняли два мужика с ружьями.

– Мы вас знаем. Вы прибыли вчера на плоту. Голод не тетка. А мука рядом.

– Ну и чо? – спросил я. – Нам муку никто не даст.

– Зачем просить? Можно мешок взять.

– Как? – опять спросил я.

– Слушайте, огольцы, сюда. Ряд длинный. Один мужик с одной стороны, а другой с другой стороны. Одного мы отвлекаем, он побежит за нами, а вы в это время мешок цапните и в тащите в воду.

– Вода холодная, – ответил Генка.

– Вы жрать хотите? Тада подышайте с голоду. Мы найдем других пацанов искать.

– А вы сами чо не полезете в воду? – спросил я.

– Гриха с вами будет. Мешок стащите втроем-то.

Получилось, как и говорил парни. Раздался свисток, а потом выстрел. Мы с Грихой сняли крайний к нам мешок и затащили в воду. Странно, он не желал тонуть. Всё-таки мы его углубили. Мы шли в воде, только наши головы торчали. Я чувствовал, как ледяная вода плотно прилегла к моему телу. Внутри всё похолодело. Хорошо ещё то, что была безлунная ночь. Мы выбрались из воды и едва вытащили мешок на берег. Мы с Генкой сели, так как ноги наши одеревенели, свело их судорогой.

Парни честно разделили муку. Нам они отсыпали в какую-то черную сумку и мы понесли всё это богатство в барак. Продрогшие и мокрые мы всё рассказали родителям. На что отец ответил:

– У государства-вора не убудет. Блины и оладьи мы не будет делать, мы приготовим заваруху. От стряпни по запаху прибегут сюда легавые.

Старые сибиряки знают, что это такое. Эта похожа на кашу из муки. У кого всё было, то клали туда масло, сливки, и варили. Очень вкусный и сытный продукт. Мы же беднота. Обыкновен-

ная вода, соль, в котомке у отца было немного растительного масла в бутылке. Вот и заваруха.

Мы с удовольствием поели, и завалились спать сытые и довольные. Удивительное и странное было то, что мы не заболели.

На другой день на берегу, где лежали рядами мука, было шумно. По городку распространился слух, что какие-то воры увезли несколько мешков.

Отец сказал:

– Вы взяли у государства один мешок, а узаконенные воры умыкнули несколько мешков. Вас бы поймали, и, не смотря на возраст, отправили бы в детскую колонию. А узаконенным ворах бы ничего не было. Кольши Кунгурова на них нет. Где справедливость?

Плот укрепили и поплыли мы дальше. Прибыли в село Витим. А, напротив, на правом берегу в Лену впадает река Витим. А вот наши попутчики, бежавшие из деревни с Ярославщины, решили остаться в Витиме. Им понравилось это село. Хозяин дома решил приютить их и устроить на работу. Хозяин был знакомый отцу.

– Ах, Кенка, Кенка, бедовая твоя головушка, – сказал мужик. – Всё что-то ищешь? Я думал, ты на Колыме. Где твой уголок на этой грешной земле? Ответь.

– Верую! – крикнул отец. – Подадимся с тобой в края хорошие. Море там, океан. И вот их всех заберем.

Отец заметался по избе. Начал рассказывать про Аляску.

– Не пойду я, – ответил бывший кулак. – Можно было в Харбин направиться, а там в Бразилию. Там сын у меня. Не могу. Здесь Россия. Не могу.

Мужик был из ссыльных. Семью раскулачили и на север. Все умерли. Я удивился, бывший кулак, а так бедно живет.

Дядя Митяй почти всегда молчал.

Целых пять лет мы не были в Бодайбо. Шел 1945 год. И нам уже было по тринадцать лет. Отцы купили другую землянку. В старой жила какая-то семья. Сейчас в этом Шанхае народу прибавилось. Здесь жили старатели, бродяги, рабочие, китайцы, со-

сланные чеченцы, татары, калмыки, чувашаи, волжские немцы, эвакуированные, приехавшие на лето цыгане.

Новая землянка также была вкопана в гору. Мы с Генкой «жарили» печь. В одном чугушке варили сибирскую похлебку – мясо, картошка, лук. В другом чугушке – кирпичи. Отцы выпивали по стакану спирта, одолевали нашу похлебку, а мы в это время вытаскивали кирпичи и подсовывали под ноги отцам. Им приходилось весь день торчать по колено в воде, в которой ноги сводило судорогой. Распаренные, осоловелые отцы заваливались спать, а мы играли разноцветными камушками и золотым песком и мечтали, что можно взять на это золото?

Как-то дядя Митяй показал фокус – незаметно вытащил у отца карманные часы. Даже мы не заметили. И со смехом вручил их отцу. С того дня, мы с Генкой друг у друга вытаскивали из карманов всё. Отец сердился на нас за такие проделки. Дядя Митяй ответил:

– Будет надо. Она будет фокусник. Немного хлеб бар, масло бар. Заработай хорошо будет.

В будущем мы фокусниками на стали, но щипачами были отменными. Такой навык нам здорово пригодился.

Летом мыли золото вчетвером, и почти не ходили в землянку. Жили в шалаше, накрытым дерном. Шастали по ручьям, тайге и часто ночевали у какой-нибудь горной речки, но чаще возвращались к шалашу. У каждого из нас было по лотку и киянке. Лучше фартило в речке. Пробивали шурфы. Как-то мне повезло. Я нашел самородок. Отец назвал его «Бычий глаз». Дело шло к осени. Отцы дежурили по одному. Дядя Митяй совал маузер под подушку, а рядом несколько ножей. Однажды он показал номер. Не целясь, пробил четыре туза, прикрепленные к дереву. Отец же не расставался с кнутом. А мне снились сны. Добрые сны.

В те времена водились в этих краях банды. Отец ругал себя за то, что не взял с собой дядю Колю Кунгурова.

Отцы засобирались в жилуху (обжитые места) и отец договорился со знакомыми Турчаниновыми, чтобы доглядели за нами. Обещали отцы долго не задерживаться. Турчаниновы жили в частном доме. Была у них девочка Рита. Она ходила в транспортную школу, которая находилась на Казначейской ули-

це. Часто мы провожали её, и на этом пути встречалась разная шпана. Мы с Генкой не учились. Нам надо было уже учиться, как и она в третьем классе. Значит, мы были бы в первом классе третьегодниками. Да и одеты мы были в тряпье. Родители детей запрещали водиться с нами, с детьми бродяг. Дети сторонились нас, боялись подхватить чесотку, вшей и всякую другую заразу. А вот Турчаниновы не побоялись. Родители были из простых рабочих.

Однажды, когда мы бродили по городу, нашу землянку обокрали нищие. И пошли мы искать пропитание. Турчаниновы сами жили бедненько. А мы уже взрослые пацаны. Было уже по тринадцать лет. Осенью стукнет четырнадцать. Рита нам хорошо помогала. Приносила картошку. Мы пекли её в печи, и не было лучшего кушанья, чем эта картошка, сдобренная крупной солью. Иногда приходили Ритины родители и тоже чего-нибудь приносили. Мы с Генкой сами зарабатывали на кусок хлеба. Нанимались чистить трубы, я воровал на картах овдовевшим женщинам. Странно, но они нас не прогоняли. Кто давал картофелину, кто луковицу, корочку хлеба. На базаре мы пели и плясали, играли в зоску. Генка ставил пустую бутылку на свою голову, а я кончиком кнута снимал её. Владеть кнутом – наше родовое.

Наши вернулись. К семьям они не приходили. Подавали вести через надежных людей. Тихие и улыбчивые соседи у дяди Митяя капнули на него. Будто он с моим отцом ходил за границу с секретными документами, и наладили связь с Америкой.

Мы ходили по тайге, гольцам, речкам почти до глубокой осени. На пароходе добрались до села Витим. Ночевали у бывшего кулака. А наши попутчики уехали в Якутию. На пароходе «Клавдий Красноярров» мы прибыли в порт Осетрово. Отец с дядей Митяем уехали в городок Уяр Красноярского края, а там в Игарку. А мы с Генкой уехали к нашим матерям в город Черемхово.

Так вот, когда мы уезжали из Бодайбо, то почти все мальчишки из «Шанхая» провожали нас. В конце концов, мы своей вольницей и умением делать то, что они не могли, покорили мальчишеские сердца. Среди них была Рита. Когда я увидел тонкое лицо Риты, круглые и темные глаза, старый платок, мне вдруг

стало тоскливо, не было той радости, какая всегда была перед познанием новых странствий по бесконечным дорогам. Я убежал к трапу на пароходик. А над пристанью протарахтел аэроплан, и кто-то из мальчишек закричал:

Ероплан, ероплан,
Посади меня в карман,
А в кармане пусто
Выросла капуста...

...С тех пор прошло много лет. В памяти моей проходили вереницы и вереницы людей, и порой, наверное, стоит задуматься: моя ли это была жизнь. А может, несколько судеб вместились в одного меня? Нет, это моя жизнь... В уголке этой памяти бурного моего прошлого особо стоит девочка Рита из Бодайбо. ...И всегда, когда мне становилось невыносимо грустно, что-то мешало, тревожило, скребло на душе, я перебирал всю свою жизнь и искал в темных годах то, что могло успокоить меня; утешения не находил, а наоборот, с годами становилось ещё хуже – искал одиночества. Генка привык ко мне и, бывая со мной, словно растворялся.

Многое мог бы рассказать отец из своей жизни, сложной и запутанной. Отец, скрываясь от властей, решил пробраться на Аляску. Дядя Митяй и ещё несколько бродяг, как и мой отец, соорудили плот и поплыли на нем по матушке Лене. Мама собрала всех нас, и снова отправились мы искать счастья на севере. Генкина мать отказалась ехать.

Недалеко от города Олекминск наш плот развалился, и мы высадились у деревни Абага. Жили среди якутов, а потом переехали в город Олекминск. Отец и я устроились на пригородное хозяйство конюхами. Ещё совсем мальчишкой в таборе я всегда ухаживал за лошадьми. Даже умел их подковывать. Это не каждый мальчишка может. Мы жили недалеко от тюрьмы. Отец ждал весточку из-за кордона.

В одну из ночей в дверь нашего сарая постучали. Отец вышел и долго с кем-то разговаривал. Потом вошли трое. Мама накормила их супом и даже поделилась хлебом. Я догадался, что они бежали из тюрьмы. Молчал. Молчали мои братья и сестры. У нас не принято было задавать взрослым вопросы. Даже малень-

кого пытай каленым железом – не выдаст. У нас умели хранить тайну. У нас уважали взрослых, пусть он будет хоть какой.

Прошло несколько дней. Однажды ночью гости исчезли. Отец метался по сарайке.

– Добрались бы, дай-то Бог! Через своё окно пустил их. Ты, Клавдя, тоже собирайся... Готовься потихоньку.

– Долго нищему собраться, тока подпоясаться.

– Денька через три будет известно. И тоже рванем с Митяем. Потом и за вами прикатим.

Генкина мать не поехала и Генку не отпустила. Они остались в Черемхово.

А мама привыкла скитаться.

Через несколько дней отец и дядя Митяй исчезли. Так мы и не дождались отцов. В последний день отец долго не приходил в сарайку.

Когда пришел, то сказал:

– Всё равно надо двигать. Ты шибко не шастай. Ребятишек береги. Будь осторожной. Этот сволочуга Спрут может, всех нас вложить... Я видел его. Эта гнида в завязке с легавыми. Да какой он вор! Мокрушник. Настоящая сука. Он ишо поплатится за свои подлости.

Отец и дядя Митяй неожиданно погибли. Отца привезли в Олекминск и похоронили на местном кладбище. Дядю Митяя похоронили местные татары. Я понимал, что смерть отца связана с именем Спрута. Шайки негодяев не только грабили и убивали старателей, но и уводили последнюю корову у бедных. Богатых они не трогали. Но и сам Спрут ускользал от милиции, а подельники попадались. Через бежавших заключенных отец узнал, что Спрут своих дружков выдавал легавым. И что он имел от этого, никто не знал. Спрут, нагрузившись золотишком, с новой бандой хотел пройти через отцовское окно на Аляску. Но отец отказался.

Я поклялся найти Спрута и уничтожить. Хорошо знал, что попав на зону, он не будет катать баланы. За него будут их тягать лагерные шестерки. Я понимал воров в законе, понимал и своего дядю Колю Кунгурова. – они не работали. Это их право, это их закон. Как-то мой дел Егор Стрелов сказал:

– Наше государство вор. А почему я не должен быть вором? Где справедливость? Государство у меня всё отбирает, а я буду отбирать у него.

С ним были солидарны мой отец и дядя Коля. Это их право. Это их закон. И они отказались трудиться на государство-вора.

После смерти отца я продолжал наниматься работать истопником и конюхом. И всё равно, для всех окружающих мы были бродягами, как говорится – отбросами общества. В социальном понятии мы относились к самому низшему сословию. Ниже уже некуда было. С самых пеленок я испытал вот это отношение людей к нам. Однажды я чуть не попал под подозрение особых органов. В семилетней школе, где я по найму топил кирпичные печи, на чердаке обнаружил целую библиотеку книг. Всё свободное время я их читал. Попалась мне тоненькая книжка Сергея Есенина. Вокруг меня собирались не только ребяташки, но уже взрослые парни. Я читал им стихи Есенина. Однажды меня перехватил учитель русского языка и литературы Иннокентий Николаевич Горбунов. Добрый был дядька. Он даже позволял мне присутствовать на своих уроках. Меня никто не прогонял. Все знали о моем образовании и моем отношении к арифметике, и вообще ко всей математике, кроме истории и литературы. Чтобы нас никто не видел и не слышал, учитель тихо сказал:

– Я не знаю, где взял эту книжку великого русского поэта, но пойми, Юра. Если кто про это узнает, то не только тебя арестуют, но и твою маму. Детей отдадут в детский дом. Конечно, это глупо, что он у нас под запретом. Но время такое. Хотя я знаю эту библиотеку. Удивительные там книги. Много старинных изданий. Буду думать, куда её девать. Тогда не только вас арестуют, но и нашего директора Мичурину Галину Николаевну. А она-то причем? Она вон разрешает тебе присутствовать на моих уроках. Жалеет вашу семью. Твоих братьев и сестер оформила так, будто они находятся в школьном интернате. И все продукты на них дают.

И такие вот удивительные и сердобольные люди встречались на моем пути. Я всячески стараюсь в этой книге сохранить все настоящие фамилия.

Моя любимая библиотека исчезла. И это правильно, хотя я сожалел об этом. Но так надо было. Время было коварное, жестокое, мерзкое. И в этой мерзости было и много удивительно хороших людей. Конечно, многих из них уничтожала жестокая мельница сталинского режима, многих гоняла по стране в поисках нормальной жизни, но такого уголка они не находили. К этим гонимым и относилась наша семья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЮНОСТЬ МОЯ БЕСПОКОЙНАЯ

А НУ, РАСКОШЕЛИВАЙТЕСЬ, ГОСПОДА-БУРЖУИ!

Маме я признался, что хочу найти Спрута. Мне уже было шестнадцать лет. Мама начала на меня кричать. Но я взял кнут – и в дверь. На перекладных добрался в Черемхово. Встретился с Генкой. Его мать собрала вещи и уехала на свою родину к татарам.

Спрута не нашли. Он отбывал срок где-то в Илимской тайге. Я узнал, что его расконвоировали. Жил хорошо в селе Шестаково Нижнеилимского района. Там мы его и нашли.

Масленистая физиономия, выпученные глаза от боли. Я хорошо отвозил его кнутом. Рубашка клочьями. Генка в это время собирал деньги и драгоценности. На наших лицах маски. Как в кино. Волнение? Злость одна была, месть и ничего во мне не было. Его толстая дама забилась в угол и под иконами икала. С неё сняли колечки и золотой браслет. Даму звали Крысей. В будущем я снова встречу с ней уже в городе Железногорске-Илимском.

Мы ушли в тайгу. Переоделись в нищенскую одежду, взяли котомки с кусками хлеба и тайгой пошли в Илимск. Мы знали, что нас будут искать, а нищих никто не остановит. Доехали до Осетрово. Почему-то захотелось съездить в Якутск. На пароходе мы и попали в этот город. Нас удивило то, что центральная улица города уложена чурочками. Потом я ни в одном городе страны таких улиц не встречал. Деревянные чурочки укладывали торчком, и плотно их подгоняли.

Что-то нас толкнуло ограбить небольшой ювелирный магазинчик. В истории наших походов Якутск оказался первым, где мы произвели грабеж. Мы немного взяли золотых браслетов. Прошли годы, и как-то уже в Железногорске в пенсионном

возрасте я был знаком со старшим лейтенантом Думкиным, как то так получилось, что я признался ему, что когда-то мы взяли в Якутске ювелирку. Он засмеялся и ответил:

– Ещё в институте нам говорили об этом. Никого не нашли. Но взяли те грабители всего ничего. Поскромничали. Это и удивило следователей. Так это был ты. Молодец. Полвека прошло с тех пор. Почему поскромничали?

– Нам хватило и трех браслетов, – ответил я. – Как говорится, жадность даже может и фраера погубить, а мы были тогда начинающими. Я любил осторожность, и не жадность. Всё должно было быть в меру. Возможно, поэтому мы никогда и не попадались.

Заехали мы и в Олекминск. Появился я перед мамой в дорогом костюме, в атласной красной рубашке на выпуск, при шляпе, в любимых хромовых сапогах и пачками денег.

Мама отвозила меня отцовским кнутом, и я снова ушел.

Приехали мы в Черемхово. Поселились у друга детства. Пошли на базар. На прежнем месте сидел безногий дядя Коля. По-старевший и согнутый он дремал. Рядом стоял баян.

– Дяди Коля, здравствуй. Добрый день, – сказал я.

Не открывая глаз, он ответил:

– Если капнешь грамульку, то отвечу про добрый день.

В его помятую кепочку положил новенькие и хрустящие деньги. Он открыл глаза и сказал:

– Сплю, али как?

– Али как, дядя Коля. Вы меня не узнали. Я Юрка Стрелов. Несколько лет назад мы с вами вместе копеечки зарабатывали.

– Как это? Значит, всё это али как? Как зарабатывали? Что-то не пойму. А када я не понимаю, я начинаю нервничать.

– Вы играли на баяне, а я чечеточку стучал.

Он встрепенулся.

– Мать моя старушка! Ты, Юрка. Копченый? Тебя тада все так кликали. Ну, и вымахал. А ты, смотри, каким важным стал. Одни прохаря чего стоят! А шарф от такой белезны в глазах зарябило. А рубашка – кровь алая! А костюм-то с отливом. Мать моя старушка! Кто ты чичас? Нет, нет, не начальник. Молчу. Молчу. Я догадывался ишо тогда. У каждого своя жизнь. Ты выбрал вот

такую. Только галстуков не носи. Они солидность дают. Не пойдет он тебе. Грудь нараспашку. Вот твоя форма. Свобода. Крови нет на этих бумажках?

– Это я вам говорю, дядя Коля, крови на них нет, и никогда не будет. У меня другой расклад в моей жизни. Богатеев брать. Народ голодает, а они жируют. Они все воры от государства.

– Понял, всё понял. Лозунг у тебя будет такой. А ну, раскошеливайтесь, господа-буржуи. Подходит?

– В самую точку.

– А твой друг татарин так и остался молчаливым. Для говорильни тебя одного хватит. С местными-то будешь икшаться? Познакомлю.

– Спасибо, дядя Коля. Мы есть кустари-одиночки. У нас другая задача. Может и услышите. Прощайте, дядя Коля, прощайте. Побыли немного на своей родине, пора и сматываться. Мы везде будем краткосрочными гостями.

В Черемхово мы наметили одного буржуя. Дом недалеко от базара. Трудился он начальником на продуктовой базе. И в этом доме чего только не было. И начальство разное у него токовало. Узнали у шпаны: не брезгует, тварь, и тем, что однажды со своими подхалимами увел корову у одной вдовы. Муж на Колыме умер. А у неё пятеро ребятшек. Вот тогда во мне и появилась страсть – наказывать вот таких ублюдков. На всю жизнь во мне осталась вот такая страсть к тем, кто наживается на чужом горе. Мы появились перед ним, когда он остался один. Связали, заткнули рот, чтобы не орал. Взяли деньги, драгоценности, а также два чемодана дорогих вещей. После Спрута это был наш второй клиент, которого я отпоччевал кнутом. При этом я читал ему мораль, ну, просто настоящий лектор. Одарили шпану и нищих вещами и деньгами. Пацанам вручили деньги, чтобы вдова могла купить корову. Они это сделали. Не обманули.

Ещё мы подраздели одного партийца, заведующего базой. И здесь кнут пригодился. Друг узнал, чем мы промышляем – прогнал нас.

Поехали в Иркутск. В гостинице жили в самом лучшем номере. Заслужили. Обчистили заведующего баней и ювелирной мастерской. Был он отменный пройдоха. Шрамы от моего кнута

надолго останутся на его широкой спине. Многое раздали шпане и нищим.

Побывали в Москве, Ленинграде, Горьком... На зиму подались в Ялту. Обчистили улыбчивого зубника. Зубы вставлял на дому. Потом отдыхали в Одессе. В конце зимы переехали в Сочи. Узнали, что там живет Спрут. Иногда посещали его... Он готов был откупиться от нас большими деньгами. Догадался, кто мы такие. Накануне до очередной порки он крикнул:

– Я ведь не тронул Кенкину семью! Тебя не тронул. Они вдвоем всех моих корешей перебили. Двенадцать моих орлов в одном бою полегли. Один я остался. Я не виноват, что так крепко уснули. Было обидно за корешей. Не выдержал я. Перехитрил их... Зачем они так крепко уснули?

Он условие поставил отцу: или он переправит банду за кордон или семьи лишится. И теперь мы были беспощадны к Спруту.

Лучше было орудовать в больших городах, возьмешь, что надо, и сидишь где-нибудь, посматриваешь. Пойдет или не пойдет наш клиент в милицию? Редко кто шел за помощью. Явно ведь, что сам государственный вор, у государства-вора и украл.

Долго в одном городе нельзя было задерживаться, да и местные воры обидятся. А мы старались с ними не конфликтовать. Через шпану узнавали, что воры на нас не обижались, просто им было весело, что мы так наказывали заворовавшихся буржуев.

Мы почти во всех крупных городах нашей страны побывали.

На базарах и поездах щипали карманы у зажиточных господ.

Как-то я завел дневник... Записывал имена наших клиентов. Описывал наше посещение квартир богатых господ, магазины и базы. Считал, что это пригодится для истории. Генка сжег мой дневник. Это была бы улика... И я поклялся, что обязательно опишу нашу жизнь. В будущем, когда известный писатель Вячеслав Шугаев узнал про мои дневники, исчезнувшие по-глупому, то он схватился за голову, и обещал, что напишет когда-нибудь книгу обо мне. Многие писатели, тогда узнавали о моей судьбе

и все удивлялись, как я только выжил. Александр Вампилов говорил:

– Садись и пиши. Твоя жизнь достойна целого романа.

Вячеслав Шугаев добавил:

– Двух романов. И сейчас он не меняется, только без кнута.

Писатель Юрий Скоп сказал:

– У него есть оружие, сильнее кнута, это его слово.

– Сейчас его не поймут, – вздохнул Вампилов. – Пиши в стол.

Когда-нибудь напечатают.

– Я ему предлагал написать. Читал я его рукопись. Нормально. В Москве месяца три поживет, и за бугром тиснут, – ответил Шугаев.

– Вы, извините, но я из России никуда. Пусть что будет.

Задумался я тогда. А какое я имею право что-то там писать о себе, и о своей жизни и корявой судьбе? Кому нужна моя судьба? Есть потомственные рабочие, крестьяне, военные. А я кто? Вор с большой дороги, потомственный бродяга. Есть депутаты, интеллигенты, появились бизнесмены достойные моего кнута, а я правнук каторжан, бродяг и гулящих. В отечественную войну и после неё, как я, были забиты поезда, пароходы, вокзалы, пристани. И все мы были вне закона. Отверженные обществом люди. Особенно досталось сиротам войны, детям врагов народа. Надломленные детские души. Кто их подсчитает? Никто. И разными путями мы шли в наше будущее. Я до сих пор иду к нему. В те времена, когда я бродяжничал по стране, наказывая воров-буржуев, считал себя правым.

Мы снова приехали в Сочи. Молодые, красивые и при хороших деньгах. Приехали, чтобы навестить Спрута. Он имел дом, и решил в нем скоротать старость. И вдруг умер. Нас это удивило. Здоровый ведь был. Возможно, мы ему помогли. Нервы ведь не железные. От страха умер. В доме остался сын. Сын за отца не ответчик. В десятом классе учился, с девчонкой дружил. Парень хороший. Какая-то была у Спрута любовь к учительнице. Она и родина ему сына. Потом умерла. Не должен сын знать про такого отца. Пусть парень живет и ничего не знает...

В этом городе и появилась у нас Лорка, наверное, лет семнадцати. Очень начитанная девка. Мой Генка влюбился в неё.

Маленькая, светленькая. По-моему, глазами похожая на Риту из Бодайбо. Не мог я забыть ту девчонку.

Лорка водила нас на экскурсию. Она часто поправляла меня:

– Ну и слова у тебя! Что это за боки, рыжбё, скок, стебануть, фуффо, угол?

Зря Генка сделал треп насчет нашей благородной работы. Зря.

Лорка говорила:

– Господи, что это за язык у вас? Робин Гуды несчастные! Опомнитесь!

Вечерами сидели у моря, и Лорка рассказывала о своей работе. Трудилась она на строительстве курортов. Генка слушал, не закрывая рта. Я сидел в стороне, стараясь им не мешать, и смотрел на море. Много раз его видел. Как и другие моря видел – Балтийское, Белое, Лаптевых, Охотское, Каспийское. Я смотрел на море, и вдруг пришли странные мыслишки. Что делать дальше? Генка нашел интерес и завяжет наше нужное дело. А куда я? Такое огромное море, и я на берегу, вообразивший себя защитником бедных. И для моря, вот этого берега, людей, живущих вдоль его и дальше, по всей земле, что я представляю? Обирал богатых, наказывая их кнутом и читая морали, а есть тысячи голодных. Одаривал их. Интересно, что чувствовали те, кому отдавал изъятое? О чем думали они в тот момент?

И тут увидел двух чумазных пацанов. Спросил:

– Вы меня знаете?

– Нет. Много здесь отдыхают. Лучше сорок дай.

Дал им по папиресе. Снова спросил:

– Огольцы, в натуре, кто-то дал бы вам шмоток, денегат подкинул. Что бы вы сказали о том человеке?

– За здорово живешь ничо не дают. А кто даст – значит, дурак.

Прогнал их и пошел к Лорке с Генкой. Рассказал им о пацанах. Лорка ответила:

– Они правы. Деньги надо трудом зарабатывать. А вы чем?

Генка, развалившись на песке, как мне показалось, довольно понятно улыбался.

Пошел от них, и подо мной печально скрипел песок и галька. Кто же мне даст ответ? Никто.

И вот через несколько дней, когда нахлынувшая тоска охватила меня полностью, я пошел к морю. Следом пришел Генка с сумкой. А в ней рыжѐ: золотые часики, браслеты, колечки, сережки, цепочки, бусы. Всё это мы взяли у двух часовых мастеров и зубника. Конечно, нажились во время войны.

Я закричал на друга:

– Дербануть решил? Давай. Но не здесь же! Забурел совсем? Баба захомотала? Что ты с гробиком-то ходишь? Что ты всё хляшь и ерничаешь? Мы сознательны. Решил отмазаться? Давай в чистую.

– Всѐ. Не могу без неё. А она не верит.

Подо мной оказался гладкий камень. Поскользнулся на нем и ушиб ногу.

– Проклятьѐ! Не пляж, а карьер каменный! Закрутила лярва! Сколько добрых мужиков спалилось на бабах. Вальтанулся? Ты мне поверь? Мне!

– Один загружусь, – спокойно ответил Генка и побледнел. – Ты свободен. Один пойду... Работать устроишься... Если повяжут – срок больше. А я сам... ты седни слиняй. Один из часовщиков нас надыбал...

– Мне вкалывать?! Мне?! Ты совсем уж того! Да это и есть наша работа! С лярвой забыл наш закон!

– Плевал я на твой закон! Напридумывали его для дурачков!

Плюнул ему под ноги и пошел по берегу моря. Что делать? Теперь один остался в этом наипаскуднейшем мире. Мне стало ещё ужасней, тоскливо, одиноко и слякотно. Море готовилось к буре, чернело изнутри, хмурилось, а по небу неслись рваные тучи, волны ползли на берег, терзали его и уползали, похожие на множество змей, и уносили с собой песок и гальку. Дождя пока не было, но на губах моих соль... Кому я нужен в этом мире? В этом паскудном мире я лишний. Случайный человек. Человек вне закона. Мир сузился и втиснулся в меня болючим комочком. Мир не изменится, если не станет меня. Он будет уничтожен вместе со мной. И кончатся страдания... Ступил в море...

Появилось желание покончить всё сразу. Где-то в глубине души что-то противилось этому желанию....

И тут ударило меня в плечо... Откуда-то взялся кусок доски. Выскочил из моря и неожиданно испугался воды, черных туч, дождя. Как появилось желание покончить с собой, так же появилось желание жить. Кто-то будто сказал во мне, что с этого момента на всю жизнь останется страх перед водой...

Моя смерть никому не нужна. Генка будет жить с Лоркой. Будет жить часовщик и пацаны. Будут любить, грабить, смеяться, плакать, купаться в море, а меня не будет. А мама? Что станет с ней? Кому хотел доказать? Им хорошо, моему дяде Васе, погибшему под Москвой, и моему отцу, отдавшему жизнь за нас. А ведь дядя Вася ушел на фронт добровольцем, значит, добровольно отдал жизнь за нас. Непутевые в мирной жизни, такие парни шли добровольцами воевать с фашистами, чтобы защитить нас и тех, кто не давал им хорошо и свободно жить, кто преследовал их. Где логика? Да, мой дядя честно защищал нашу родину. В документальном фильме «Разгром немецких войск под Москвой» есть кадры с моим дядей. А я хотел... За что? За мелочь обид?

Дождь и ветер больно били в лицо. Сколько ходил – не помню. В подвале меня ждал Генка. Сумка стояла у порога.

– Передурил? Завтра сдамся. Надоело. Завтра линией отсюда. Всё беру на себя... Весь груз...

Генка говорил твердо, и смотрел мне в глаза. Стол завален разными продуктами. Посредине сухое вино, коньяк. Всё выглядело так, будто тут собирались отмечать свадьбу или день рождения.

Генка встал, разделся и сделал приглашающий жест.

– Гульнем напоследок. Повеселимся. Тетя Глаша, идите!

Вошла хозяйка, торговка семечками. Она жила одна. Два сына погибли на фронте, а муж вернулся из плена. Арестовали. На Кольме. У тети Глаши не было пенсии. Жила от случайных заработков. Мы ей вначале помогали, но потом догадалась, чем мы занимаемся, и хотела выгнать. Сказала, что она честная торговка.

Генка сказал:

– Лорку не пригласил. Мы – одни.

Тетя Глаша смахнула слезы, и угомонилась на лавке.

Мы выпили... И началось наше прощание с волей. Понял, что друга не оставлю в беде. Но ему не признался. Да гори огнем моя волюшка! Будет она у меня. Плевал я на эту жизнь! Взял гитару и заиграл и запел надрывные блатные песни. Потом мы обнялись, поплакали, пока тетя Глаша не уложила нас.

На другой день, чтобы не заметил Буратино, передал тете Глаше кое-какие золотые безделушки. А мне на черный день золотишко пригодится.

Тетя Глаша сначала возмутилась, но потом пожалела – припрятала в надежное место.

В суде удивились, и, видимо, от удивления по пятерке нам отстегнули и отправили в Якутию.

Один из заседателей, мужчина крепкий, с жилистыми, рабочими руками спросил меня тихо и печально:

– Тебе-то зачем всё это? Ты-то зачем сюда приперся? Что ты с собой делаешь? Гулял бы где. Залег бы и поплевывал в потолок. Всех мерзавцев не ограбишь...

Женщина-судья шикнула на него, а я ответил:

– Для антиреса сделал.

– Всё ясно, – сказал заседатель. – Значит, романтик. Идеальный вор. Плохо тебе придется в жизни. Идеальным романтикам всегда плохо. И на воле тебе тоже будет плохо.

Пожалели. Всё в жизни подло и мерзко! Пожалели. Аж дрожь взяла. А вы, граждане судьи, не жалейте меня. Что вам стоит меня уничтожить? Что с меня взять? Но только не жалейте. Мы вам мешаем. А раз мешаем – на север баланы катать, дороги прокладывать.

Хорошо было бы, чтобы рядом с нами были и те, которых мы грабили. Я и об этом сказал на суде. Было бы веселее. А эти прощелыги ещё и награды получают, должности. Мне почему-то за мою работу не дали награду. Хотя пятерку дали.

– Мало дали, – сказал другой заседатель. – Их надо гноить на зоне. Она для них – мать родная.

С Генкой мы попали на одну зону валить лес, готовить дрова для пароходов на реке Лена, катать тачки и получать прочие «прелести».

НАША НАГРАДА

О «прелестях» того мира много написано, и повторяться не буду. Ничего интересного там нет. Просто мне захотелось показать отдельные кусочки из моих наблюдений.

Впереди пять лет. Выдержу ли? Я видел, как умирали заключенные зимой. Их складировали за бараком, в котором мы жили. Весной их закапывали в общую яму.

Мы валили сухостойные деревья и спускали их с горы. Там готовили дрова для пароходов.

Бригадиром у нас был воришка Хряк. Он много и громко кричал на нас, визжал и брызгал слюной, размахивал руками. Я заметил, что на зоне это самые подлые люди. Их нельзя путать с настоящими ворами в законе. Воры таких людишек до себя не допускают, а вот начальникам они подходят. Во время доложит. Он бегал среди деревьев и эков и всех бил палкой.

– Я научу вас вкалывать. Ещё надо тридцать бревен и один к трем в кармане.

На очень тяжелых работах или долбить камень для дорог. И если перевыполнил план, давали один день к трем дням ближе к свободе. Обычно было так. Один день за два дня. И они назывались зачетами.

Болела спина от побоев. Бьют тогда, когда гонят на работу и с работы палками, прикладами и пинками.

В тот день стояла жара. Заела мошка, а тут ещё вши замучили. В смену давали отдохнуть два раза по пять минут. Я видел, как издевались над политическими. Ужас. Варлам Шаламов об этом подробно описал. Зачем повторяться? А вот нам с Генкой доставалось. Причина? Простая. Мы грабили начальников. Вот и весь ответ. Начальников нельзя грабить. И даже трогать нельзя. Воруют у народа? Ну и пусть воруют. Какое мы, бродяги, имели право трогать этих уважаемых людей? А вот воры в законе нас уважали. Подкармливали нас, чем придется. Если бы не они, мы, возможно, и не выжили бы.

Генка был в другой бригаде. Напарником у меня был сучкоруб Федя Непомнящий. Он показал мне небольшой кусок коры от лиственницы. Федя сидел по политической статье, и уже относился к доходагам. Эта категория людей долго не жила.

– Юрка, смотри. На корочку хлеба похожий. Восемь лет мне дали вот за такую корочку. А в деле написано, что я всё унес из магазина. И, что, мол, подорвал основы социализма. Пятьдесят восьмая. Вот так. В действительности я украл три буханки хлеба. Хотелось накормить голодных сестер и братишку. Поверили заведующему магазином и складом.

Хлеб на зоне давали. Те, которые господа пользуются архивами и по ним пишут протокольные книги, не ведают, сколько же, конкретно давали хлеба? В архивах всё врут. Писали же их товарищи под надзором. Пятьдесят грамм на завтрак, пятьдесят в обед, и на ужин пятьдесят грамм. И того, сто пятьдесят грамм хлеба. О баланде хорошо написал Варлам Шаламов. Повторяться не буду. Из архивов и протоколов, какие все хорошие начальники лагерей и служащие ВОХРА (вертухаи). И эти любители протоколов нам не напомнили и не описали простого человека, особенно по пятьдесят восьмой статье, о жестокостях того времени.

Я тоже вцепился зубами в корянку. Мне даже показалось, что от неё дохнуло хлебом. У меня закружилась голова и я упал. И даже пинки и удары палкой не смогли поднять меня. Так я попал в лазарет. А тот Федя Непомнящий всё-таки умер...

Все его боялись, и когда он появлялся вдали, даже безбожники молились, чтобы он прошел мимо. Его боялись больше жары, холода, вшей и мошки. Мой напарник – большевик. Даже какую-то большую должность имел в партии. Он прошептал:

– Слава Богу, пронесло. Кого-то сегодня замордует.

На этот раз он свернул к нашей бригаде. Получилось так, что наша бригада не выполнила план по заготовке бревен. Офицер, поблескивая погонями, шел к нам. Кличка его была «Лектор».

– Господи, – взмолился большевик. – Попались. Лучше надо было бы выполнить план.

Нашу бригаду выстроили под палящими лучами солнца. «Лектор» сел на подставленную табуретку, которую постоянно носил один из вертухаев. Другой управлялся с большим зонтом. «Лектор» сел, молча оглядел нас, и монотонным голосом начал речь.

– В то время, когда наша страна напряглась в тяжелом порыве к светлым вершинам, когда рабочие трудятся у мартеновских печей, когда крестьяне жнут хлеб, когда строители не покладая рук трудятся на строительстве городов и железной дороги от Тайшета до Лены, некоторые граждане путаются под ногами поступательного движения вперед к вершинам коммунизма. Как завещал нам товарищ Ленин, как учит нас Великий вождь товарищ Сталин – быть беспощадными к тем, кто мешает нам строить коммунизм. И я вынужден вам прочитать лекцию о коммунизме...

Я не понял, что он читал своим нудным голосом. Боролся с тем, чтобы не упасть. Пот застилал глаза, катился по телу, а вши и мошка совершенно озверели. Некоторые заключенные падали. Их поднимали палками и прикладами.

Издавательство продолжалось часа три. После «лекции» четверых увезли в лазарет, двое из них умерли...

Вечером большевик, схватившись за голову сказал:

– Отныне я не коммунист. Я не имею право быть в одной партии с этим извергом рода человеческого. Он настоящий дьявол во плоти! Я не имею право быть в одной партии с теми, кто ни за что сажают преданных родине и партии людей. Лучше смерть.

О чем он говорил с «лектором», мы так и не узнали. Бывшего большевика увезли на пересуд и приговорили к расстрелу. А «Лектора» перевели в другой лагерь читать лекции. Шел 1950 год.

Я катал тачку и старался не думать. Зона – это такой отрезок территории, где хорошие мысли стираются. Мозг перестает мыслить. Человек превращается в живой механизм. Но в тот день у меня ожила одна мысль. Ещё раз на мою спину опустится палка бригадира – брошусь на него и задавлю. Не успел разгрузить тачку, как почувствовал на спине острую боль. Я вырвал из рук истязателя заключенных и стал его бить. В то время мне было всё равно, что будет со мной. Изобьют, прибавят срок, расстреляют! Мне было всё равно. Люди, не испытывавшие то жестокое время, и печатающие протоколы только из архивов, и печатающие «Правду о ГУЛАГЕ» не ведают, что пишут. Одуманные

сладкими рассказами начальников лагерей и вертухаями, протоколисты пишут «правду». Бригадир визжал. А ещё я в этот момент услышал, как смеялись заключенные.

Ночью этого бригадира повесили блатные.

Нам прислали другого бригадира. И этот был не лучше Хряка.

Зона не перевоспитывает человека, она калечит его душу. Я катал тачку, и к вечеру мои силы иссякли...

Граждане и товарищи не верьте тем людям, кто говорит, что зона перевоспитывает человека. Всё это не правда и полная ложь. Как говорится, короче. Не надо туда попадаться, вот и весь вам всем ответ.

По зачетам нас освободили, и мы остановились в городе Олекминск на реке Лена. Мама с детьми отсюда переехала в Усольский район Иркутской области в поселок Мишелевку. Нам с Генкой надо было отметиться в милиции. Не хотелось снова попасть на зону, теперь уже за тунеядство. А там был военный.

– Орлы, – сказал он. – Такие орлы нам подходят. Пришла разнарядка из армии. Понятно, за что вас посадили. У меня в разведке во время войны, такие лихие парни были. Хвалю. Жаль, что за ваши подвиги не давали награды. Награда – зона. Жаль. Вот как раз вы и подходите в десантную разведку. Прошу не отказываться. Это будет моя награда для вас. Завтра подходит из Якутска пароход «Клавдий Краснояров». Не спорить и не возникать. Ваше благородство там как раз подойдет. Марш отдыхать.

Так мы с Генкой попали в десантную разведку. Прыгали с парашютом, занятия по борьбе и боксу, стрельба, самоволка, и за неё, что положено. В травмах и автобусах порой тоже ездят буржуи. Тугие кошельки переходили к нам. И отменно десантников угощали. В общем, игра в войнушку. Не служба была, а курорт. А Генка всё вел переписку с Лоркой. Она, эта конопушка, ждала парня из лагеря, а теперь из армии. Это ещё не всё граждане и товарищи. Игра в судьбу прдолжалась.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЕСЛИ ПО- ЧЕСТНОМУ, ЧТО ЖЕ МНЕ НАДО?

КАК МЫ ПОПАЛИ НА ПОСЕЛЕНИЕ К КОМАРАМ

После демобилизации, Генка решил заработать побольше денег и жениться на Лорке. Отправились мы в город Сталинск Кемеровской области. Я опять пошел на поводу у Генки. Сунул-ся в шахту навалоотбойщиком в поселке Абашево недалеко от Сталинска. В это время, как говорится, пас одного начальника продуктовой базы. Решил его обчистить. Пораскинул я своим умишком, и как у премудрого пескаря по Салтыкову-Щедрину, оказалась у меня ума палата. Теперь я решил с Генкой не связываться. С ним можно опять на зону загреметь.

И снова я попал не в те ворота. Дело получилось такое. Переводов на другую работу не давали. А ещё был Указ за прогулы. Один за другим стали исчезать люди в многочисленные лагеря. Начинались в Сибири великие стройки, и нужна была дешевая рабочая сила. Это потом будут многие товарищи болтать, как свободно мы жили. Мы жили в большом лагере, в общей зоне. Просто эти духаря не вкусили той жизни, а зациклились на лозунговом трафарете.

Шесть парней подняли шум. Решили они уволиться и поехать на стройку. Целых три дня бастовали. Мы с Генкой их поддержали. Вызывали по одному, а обратно не возвращались. Генка тоже исчез.

Меня вызвали последним.

– Работать будешь? – спросила меня улыбчивая судья.

– Мы забастовали. Давайте перевод на великие стройки коммунизма.

– Вы посмотрите, уголовник со стажем в коммунизм захотел. За колючей проволокой твоя жизнь в самый раз... За тунеядство статья тебе подходит.

С Генкой мы попали опять в один лагерь. Генка совсем скис. А я ведь его отговаривал не выступать. Со мной всё понятно. Зона не отпускает меня. Мама смирилась с таким непутевым сыном. А его ждала невеста. Преданная невеста. Теперь Лорка откажется от него. Тут, конечно, заскучаешь.

Описывать новый лагерь нет желания. Все они одинаковые. Меня даже армия не воспитала. Я уже писал, как в трамваях мне приходилось «чистить» карманы богатеньких товарищей. Так что и в армии я был при деньгах. Хороший коньячок всегда был там, где нужно. Угощал солдатиков, и меня никто не предал.

В лагерных гнидниках, так мы называли лагерные телогрейки, мы сидели на берегу великого Енисея. Генка совершенно скис.

– Куда же податься? – спросил я. Генка не ответил.

– Надо бы прибахраться, – сказал я. – Мне эта роба не по вкусу.

Сбросил телогрейку, и пошел в город. В магазине и на базаре двух дам потрогал. Теперь можно немного приодеться. А так как мы с Генкой были одного роста и размера, купил по серенькому пиджачку – и к Генке.

Направились мы на поезде до станции Тайшет, чтобы отсюда направиться в Братск, чтобы осчастливить великую стройку. В те бурные, пятидесятые годы Тайшет был обозначен, как самая большая перевалочная база. Перечислять, кто здесь побывал, нет смысла. Можно запутаться. Тем более не было желания кого-то здесь обворовывать. Беднота. Люди ехали на стройки Сибири, на скромные деньги. Богатеньких здесь не было. А у простых людей я никогда ничего не брал. С голоду буду умирать, но никогда не возьму.

По нашим справкам, нас поместили в один из вагонов. Их было три. И повезли нас на север. Нет, не отпускал меня север. Он просто манил меня, звал. В эти три вагона натолкали условно-освобожденных, тунеядцев, уголовников, и ещё каких-то непонятных граждан. Сюда же попали вербованные, ссыльные и отбывшие срок полицаи. В вагоне было холодно, душно, сыро и темно. Стоял густой, удушливый дым. Грязь.

Разнокалиберная братва веселилась вовсю. Как же, свобода! До обалдения пили горькую, шпиляли в карты, дрались и даже пели песни. Один уголовник ударил пустой бутылкой по голове полицаю. Тот схватил нож и зарезал уголовника. Полицая свернули шею и выкинули из вагона в Илим. Как раз мы проезжали по мосту. Кстати, в Братске нам всем отказали. Видимо, все наши рожи им не приглянулись.

В конторе нам тихонько сообщили.

– Всех вас вот таких отправляют в Коршунику. Чтобы вы не заразили великую стройку. А там вам самое место. Два лагеря рядышком. Все отбросы общества туда отправляют.

И вот мы, заразные элементы и отбросы общества сошли на маленькой таежной станции. Было раннее утро. Высоченные горы, тайга рядом. Вместо приличной станции, маленькая избенка, сколоченная на скорую руку из горбыля. Рядом приписано: «Столова находица радом. Расписанья работы с восьми утра до девяти вечера. Заведуший столовой Федя Сибириридинов». Веселый мужичок, подумал я. Зашли в столовую. Столы стояли, а вот самодельные табуретки плавали. Воды чуть не по колено. Весна. И, мне казалось, что вся вода протекала через столовую, бурлила и веселилась.

Поселили нас, почему-то пятерых, в подвале недостроенного общежития. Геологи определи – подземные воды замучают. Что-то построят – завалится. А нам – туда дорога.

Здесь была одна комнатка и кухня с кирпичной печью. Остальных увели с собой «покупатели» И разместили их по участкам. Да кому хотелось учить нас, взрослых лоботрясов.

Кроме нас с Генкой ещё трое – здоровый и белобрысый Иван Калита, по фамилии и кликуха сохранилась, толстобрюхий Викочка. Кликуха его Мальвина. Имя у него серьезное – Викентий. И Лешка Кощей. У этого фраера и кликуха подстать. Парень маленький и до того тонкий – ножки подгибались. И глаза навывкате под большим лбом.

Очень хотелось поехать в Бодайбо и увидеть Риту. А каким я появлюсь перед ней и матерью? В лагерной форме, пропахшей табаком и чифиром? Да ещё бы денег добыть и приодеться по всем правилам. Где бы я сейчас был? В Сочах. Генка совершенно

не пожелал заниматься нашим благородным делом. С Лоркой связался. Ещё в детстве я Генке, за его тонкий и длинный нос дал ему кликуху Буратино.

Всё началось с Ивана. Вся дальнейшая жизнь нашей маленькой компании началась именно с Ивана. Всё от него завертелось. И это тоже факт. Вдруг он сказал:

– Огольцы, есть дело. Пошли к начальству и выложим свои услуги. Мы, мол, вместе чалились. И чичас бригаду свою желаем...

– А я думал, кого здесь можно бомбануть, – засмеялся я. Генка резко взглянул на меня и ответил:

– Дело говоришь, Иван. Доброе дело придумал.

Не удивился словам друга, но ответил:

– Ты чо? В одной хазе с ними тюрю кушал? А в натуре, фуффло всё это.

Калита промолчал, только зубами скрипнул. Мальвина и Кощей тоже согласились.

– Давайте обед сгоношим, – предложил Калита.

Мальвина сбегал за водярой. Калита хмуро оглядел всех и отказался пить. Не стали и мы с Генкой. Не тот настрой, да и не с каждым всяким за один стол сядешь...

Мальвина и Кощей выпили обе бутылочки, а потом, за неимением картишек, взялись играть в шашечки – проигравший побежит за водярой. Дело дошло до того, что они схватились драться. Кощей сцепил чье-то на столе лежащее перышко и начал им размахивать. Плеть захотел сучонок. Калита рявкнул, вышиб перышко у Кощей, взял парнишек за шивороты и выкинул на улицу...

Из-под лохматых бровей колюче глядели на нас маленькие, черные глаза. Сам белобрысый, а глаза черные. Он немного постоял посредине комнаты и прошел к своей кровати. Сразу уснул. Молодец! Генка смотрел в пол и молчал. Конечно, думал о Лорке. Он даже на зоне получал письма. Влюбилась девка в моего друга. Я ведь из-за этой конопушки первый раз на зону загремел. Тихонько пропел:

– Вам на воле цена три копейки, в лагерях вам дадут три рубля.

К нам, в рабочую зону, иногда припрятывалась блядва, бабё вольное. Бывало и трешку не жалко. Была у меня одна пухленькая бикса, по кличке Маркиза. Она на иностранце спалилась. Обчистила беднягу и попалась. Пятерку отстегнули – и на зону. Потом осталась на поселении. Я до сих пор помнил её глаза. Однажды со мной заговорил известный вор в законе Гнедой.

– Вы романтики-лирики не дорости тебе до своего дядьки Кунгура. И до деда твоего и отца не дорости. Лихие были парни, настоящие авторитеты. Вот это были воры! Их даже на Аляске и в Китае знали. Ладно, скажу Маркизе, чтобы допуск ты имел до её тела. Наслышан о ваших приключениях с Буратино. Всё это лирика. Но дело ваше благородное. За то мы вас уважаем.

Вошли Мальвина и Кощей. По уши в грязи. Сухопарый огляделся и засуетился, даже кулачки сжал. Мальвина топтался за спиной Кощей и что-то бубнил. Науськивал парня.

– Убью! – вдруг закричал сухопарый, рванул рубашку, и пуговицы брызнули на пол. – Убью! Пусти меня!

Мальвина не держал его, а вид у Кощей такой, будто действительно рвался от порога. Даже головой два раза легонько тюкнулся об стенку. Ну и артист!

– Убью! Зарежу! – орал Кощей, а глаза оставались спокойными и блестящими от черноты. Странно...

Мне надоела эта кутерьма. Схватил нож, которым, разделяли колбасу, и саданул в стол. Закричал:

– Заткнись, Кощей! Ложись спать, а то уложу. С перебором пошел! Мозгляк! А ты, сявка, чо там лопочешь? Плети оба захотели? Спать!

У меня за поясом торчало кнутовище. Оно, видимо, и успокоило Кощей.

Замолчал. Он хмурился, пыжился, взмахивал ручонками и продвигался к своей кровати. Я разделся и тоже лег.

Моя кровать у окна. Когда вошли в подвал – меня поразило окно. Оно было огромное, почти во всю стену. До нас здесь жил один чудак. Старожилы рассказывали о нем: назло всем вставил самодельную раму. Говорил, что оно отвлекало его от суетности жизни, и чтобы не видеть негодяев и всякую мерзость. Выступал на собраниях. Кому-то признался, что толковал с космосом

и Богом, встречался с его посланцами. Летал куда-то...Отделились от него тем, что отправили его в Иркутск, в психушку. После него хотели выставить раму, но мужики, которые с ним работали, не разрешили трогать окно.

Я всегда любил большие окна – в них таилась неведомая сила. Притягивала к себе. Маленькие оставляли во мне напоминание о тюрьмах, зоне. Мне кажется, что все дома похожи на своих хозяев. Смотришь иной раз на дом, а окна большие, веселые, значит, в дому солнечно. Наверное, и хозяева в этих домах добрые. У другого дома окна крошечные, будто приглядываются к улице, прислушиваются к соседям, прохожим, а за ними строчат на тебя донос, пакости готовят.

Сейчас окно черное, почти ничего не видать...Что это? Огоньки? Да, горстка огоньков. Это строящийся поселок. В будущем он станет городом. Мы на краю стройки. У самой тайги, на взгорке. Вокруг зона. Куда не взглянешь – колючая проволока, вышки. Зэки начинали строить поселок, а в газетах писали, что комсомольцы. Здесь были и вербованные, и поселенцы, и ссыльные, и отбывшие срок политики и полицаи. И конечно, уголовники нашли здесь приют. А вдоль дороги могилки, могилки...

В палатках, щитовых домиках кровати стояли рядом. Под одной крышей жили все. Комсюки и коммуняки были со всеми. За одним столом все сидели. Напивались и клялись в вечной дружбе. И дрались и снова мирились. И всё это было без злобы. И это тоже факт.

Закрыв огоньки рукой – стекло холодное и будто шершавое. За ним леденящая душу ночь. И там, среди огоньков, живут добрые и не очень добрые, подлые, злые и мерзкие. А если добрые? Сомневаюсь. Значит, Лорка тоже добрая? Отняла у меня друга. Перевоспитала. Но она забыла, что мы люди отверженные. И это тоже факт. Когда мы сюда приехали, и ввалились в магазин, то я увидел лицо продавщицы. А люди были наслышаны, что этой ночью сюда пригнали целый этап непонятно зачем освобожденных бандитов. Здесь итак без них полно уголовников, тунеядцев, отбывших срок полицаев и мародеров. В Братске сказали, что Коршуниха – это отстойник для правонарушителей

всех законов, какие только существуют в нормальном обществе. Разве несколько лет назад эта самая продавщица смотрела бы на меня так? А ведь тогда надо было бы меня бояться. И надо сказать, что при каждом таком заезде нашего брата нормальные люди были настороже – мало ли какую сволочь опять привезли? А вот мы и есть настоящая сволочь.

Нет, нас с Буратино нельзя бояться. На людях-то мы мастера понтануться, навести эдакий фон. Корчили из себя артистов из народа. Мы артисты не только с людьми, но и с поделщиками, но главное, с собственной персоной. Значит, и я – сволочь. Одинокая сволочь. Мне хотелось всё добытое раздать людям. Значит, я тоже добрый? И за моё же добро меня бросили в зону. Захотел выступить за рабочих – снова в зону.

Рядом окно. Мне показалось, что это не окно, а туман – серый, вязкий. И огромные глаза во всё окно. Глаза не мои. И вдруг... вспышка озарила меня и соединила с окном. Я не почувствовал ни стекла, ни стен...Ничего. Но я лежал на кровати. И вот это окно вместе со мной влилось в коридор, и что-то мягкое и теплое окружило меня и понесло. Страх не было. Сон? Бурная речка. Какая-то деревня. Приземистый домик на берегу речки. Столик, скамеечка. А на ней сидел древний дед в старенькой телогрейке, хотя было лето, на ногах ичиги.

– Садись рядком, да поговорим ладком.

Я сел. От него несло запахом костра, и ещё чем-то вкусным и приятным.

– Всё ещё не можешь успокоиться? Пора бы уж уняться.

– Ты кто дед? Не надо меня учить, – ответил я.

– Я тебя не учу, хотя надо бы. Твое предназначение в другом. И ты ещё о том не знаешь. Внутри ты другой. Всё играешь в казаки-разбойники. На блатном языке говоришь, хотя ты можешь прекрасно говорить на простом русском языке. Одним словом, по фене ботаешь. Много читаешь. А корчишь из себя блатного. Не стыдно? Не наигрался? Пора бы уж и честь знать. Всех тебе не наказать ворюг с государственным уклоном. Кто я? А может я дух этого таежного края? Помогал первым казакам и крестьянам. Знал и самого Радищева. Вот эта речка Коршуниха,

как и вот эта деревня. Одно название. Ты есть странный человек с другой стороны.

– Это с какой же я стороны?

– Очень просто и сложно. Если на тебя взглянуть с другой стороны, ты совершенно другой человек. Какой? Придет время и узнаешь. А сейчас ты всё равно меня не поймешь? Мы ещё с тобой встретимся. С твоим характером тебе будет трудно жить в этом мире, в этой стране. Каждый человек находится в определенной для него зоне. И у каждого она разная. Есть смиряются с такой зоной и подстраиваются под неё. А ты пытаешься рвать её, расширять. Вот ты меня и заинтересовал. Но человек никогда не вырвется с этой зоны, а вот стараться надо. Тяжко тебе придется рвать её и расширять для себя, для своей свободы. Хватит с тебя. Отправляйся спать...

Очнулся. Ну и сон! Ребята спали. Мне надо было спросить у деда, откуда бывает во мне непонятная для меня тоска? Если честно, что же мне надо? Где истоки тоски? Кто мне ответит? Надо уснуть...

Накрылся одеялом и вскоре уснул.

НАЧАЛО

Я уже говорил, что всё началось с Ивана. С него всё завертелось.

Договариваться с начальством пошли трое: Калита, Буратино и я. Чуть рассвело. Вербованные толклись в коридоре конторки. От табачного дыма резало глаза.

– Берет он двух сестер на одну руку, двух братьев на другую, и ну плясать. Во дает! Сам видел! – тарачил глаза и тараторил паренек в больших сапогах. – Хотите, верьте, хотите, нет, а я видел. А однажды...

– Идут!

Все зашумели, а рассказчик хватал всех за руки, пытался ещё что-то рассказать. Но уже было не до него. Люди суетливо шарили по карманам, жались к стене в очередь.

– Да я чо, я тово, на одном месте в Свирске двадцать лет про-работал, – говорил мужчина на полусогнутых тонких ножках с растерянно-испуганным взглядом. В сухой руке зажимал пачку документов. – Я и ударник труда, член профсоюза. Шестой разряд имею. Примут. Жись заставила завербоваться.

Господи, думал я, вы настоящие подхалимы! Любой руководи-тель от такого работяги не откажется. Вы же для него сущий клад. Ну а если не примут? Вешаться? Езжай в другое место. Си-бирь огромная. Работы всем хватит. Зачем же так унижаться? Откуда в вас такое? Где оно возникло и родилось? Кто вас сделал подхалимами? Я же вот ни перед кем никогда не унижался. А вы, почему такими стали? Зачем так? Что вы делаете с собой?

– И меня примут, – сказал другой. – У меня из колхоза справ-ка. Подчистую отпустили на стройку.

– А ты, по какой профессии? – ткнулся ко мне рассказчик.

– Анжинер я по благородным металлам. Изымаю. Анжине-ром высшего пошиба меня называют. Особенно меня уважают законные власти. Антиресная у меня профессия – изымать на-тасканное.

Парень качнулся от меня за Генку. Калита хмыкнул, покачал головой, а мужчина с растерянно-испуганным взглядом ещё крепче сжал документы и стал икать.

Вошли трое, надутые от важности возложенного на них дела. Лица похожи на барсучьи морды. Они были в шляпах, а у одного золотое колечко...

Это начальники. Рабочие так не ходят. Испуганный мужичок ещё сильнее стал икать, а ноги совершенно подогнулись. Невоз-можно представить этого гражданина, когда он войдет в каби-нет. Мне почему-то стало жалко его. Я подошел к нему и похло-пал по его дрожащему плечу.

– Выше голову друг. Вот именно тебя примут. Так что, не вол-нуйся.

Он продолжал икать и трясти головой.

Стало тихо. Трое прошествовали сквозь почетный строй к двери, обшитой дерматином. Скрылись за ней.

Раскрывалась вожделенная дверь, входили и выходили люди. И вот наступила наша очередь. Мы вошли: Калита, Буратино,

рассказчик и я. Трое за столом, а посередине лысый, справа от него дядя в резиновых сапогах. Он сидел в полуоборота к окну, и происходящее в кабинете, будто его не касалось. Слева – чернявый нежно улыбался. Странная улыбка, какая-то неподвижная.

Мы документы на стол. Рассказчик быстро сунул серую книжечку, и её взял лысый. Повертел, прочитал медленно и громко, потом бросил взгляд на маленького в сапогах и отдал парню.

– Слесарем иди на участок к Шевцову. Вот направление, – и он написал на листке несколько слов и протянул парню, тот благодарно захихикал, и даже качнуло бедного. Его будто кто толкнул к двери – мигом исчез.

Потом лысый долго шуршал нашими бумагами. Двое молчали. Лысый опять взглянул на маленького и бросил бумаги на край стола.

– Куда столько вас прибыло? У нас хватит... Можете, ребяташки, в леспромхоз отправляться. В нашем районе вам везде можно устроиться. Давай, давай, ребяташки.

– А мы не поедем, – сказал Калита, и уперся рыжими кулаками в стол. – Вот сядем и не поедем, и всё тут...

Маленький мельком взглянул на Калиту, окинул взглядом мою одежду, немного задержался на кнутовище, потом неожиданно вскочил, подбежал к окну и снова к столу. Сел и принял прежнюю позу.

Лысый продолжал говорить:

– Давайте, давайте, ребятки...Как останетесь? А мы милицию.

И покосился на маленького.

– Мы плевали на вашу милицию, – сказал я. – Не из пугливых мы. И вы должны нас воспитывать, лелеять, ухаживать за нами. Уважать нас. Ишь, чего они захотели: «Езжайте». Я хотел уехать, но чичас из прынцыпу здеся-ка останусь. Сяду и буду сидеть.

– Бригадой желаем. Вот список. – Калита вынул из кармана листок и бросил на стол. Чернявый взял листок, прочитал, посмотрел на Калиту, словно прицеливаясь.

– Так уж и бригадой? – спросил чернявый, чуть изменил улыбку и взглянул на маленького.

Лысый жевал губами, потом изрек:

– Как это из прын... ну... Бригадой? Да вы что? Ну это же... Хватит с ними базарить, – и шлепнул по столу. – Побаловались, таскать, и давай, давай, нам людей надо принимать!

– Я никуда не пойду! – крикнул Иван.

У лысого забегали глазки.

– Нам людей надо принимать. А вы тут... Что? Никуда не пойдете? Как это? Да я вам не верю! Всех вас по одному разбросать. Расплодились! Нам в коммунизм вступать в восьмидесятые годы, а тут... Направляют сюда чёрт знает кого! Все бродяги, тунеядцы и воры. Одни лагерники здесь образовались на стройке! Из Братска их шлют и шлют нам сюда! И куда их столько? Не верю я вам! Это что у тебя? Кнут? Ещё и цыган не хватало! Всем не верю.

– А ты поверь! – крикнул я. Вцепился в кнутовище и прошептал:

– Синьор помидор, а может ты сам не прочь цапнуть красочки на коттедж. Как ты говоришь – таскать. Натаскать. У государства натаскал. Наворовал на этой дороге!

– Упеку! Конвой! Сгною! Помидор? Это я-то?... Обзывать? Я наворовал на дороге?! Да как ты смеешь?! Сгною!

– Кончилось твоё время, вот ты, вертухай, и злишься. А ты воздух выпусти. Отдышись, лагерный стукач. В коммунизм он захотел... Это с тобой-то в коммунизм? Не смеси...

Лысый захрипел, закашлялся, одной рукой схватился за горло, другой стал шарить по столу в поисках графина. Надо помочь. Подвинул графин со стаканом к лысому, позвенел стаканом по тугому боку графина.

– Хватит! – шлепнул по столу маленький. Голос такой. Как будто он крикнул в трубу. Вот это голосище! – Где ты находишься? В лагерь захотел? А ты, товарищ Дрожжин, постыдился бы. Сколько раз я тебе говорил, чтобы не обращал внимания на таких вот ублюдков. И ты опять за своё. Вчера с тобой такое же было вот с таким вот... Лекций твоих здесь ещё не хватало.

Как потом выяснилось, это был начальник строительства Сиротов Сергей Фомич. Чернявый Гинзбург до строительства

в лагерной конторке бумажки перебирал. А здесь поставили начальником над механизаторами. А Федя Злыднев? Работал в лагере конюхом, а после откидки устроился зубником. Спирту ему давала вдоволь. Мне он зуб вытаскивал. Сначала заставил стакан спирту выпить. Так вот, ставил он мне укол или нет – не знаю. А знаменитый Гриша-парикмахер? Старожилы стройки до сих пор помнят этих товарищей. По памяти пытаюсь фамилия или имена, клички точно указывать. Стараюсь. Если где-то ошибся, то прошу извинить. А вот разные случаи, то это уж, как накрепко вбитый гвоздь. Когда-то Гриша был специалистом по вскрытию сейфов. После лагеря подался в парикмахеры. Был у нас клуб «Рудник». Вечерами его строили из горбыля, покрытый брезентом. Рядом с клубом установили каркасно-засыпную палатку. Вот в ней и оборудовали парикмахерскую. Заселился в этой палатке сорокалетний Гриша со своей женой Аграфеной, которая потом сбежала с заезжим демобилизованным матросом. Гриша пять дней был в тяжелом запое. В это время в палаточном городке, который строители называли Южный, поселились приезжие по оргнабору девчата, и демобилизованные морячки. Вечерами, в отсутствие Гриши-парикмахера, девчата сами прихорашивались и с нетерпением ждали специалиста после вынужденного запоя. Но они ещё не знали, что ожидает их в парикмахерской. Однажды от полного расстройства одному парню бритвой чуть ухо не отхватил. Одну женщину-маляршу перепутал с мужчиной и подстриг её под «бок». Правда женщина, не будь дурой, а она была крепкой, ударом кулака оглоушила Гришу. И пока он приходил в себя, оболванила его под нуль.

Здесь был только тройной одеколон. И в этом чудном заведении никогда не мылся пол. И ещё. А это, наверное, главное, не надо было никуда ездить и искать комнату смеха. Не надо. Она была в парикмахерской. Однажды я на своем лбу обнаружил третий глаз. А когда повернулся, то не увидел своего отражения. В другой раз я не увидел себя, а неизвестное в мире животное. А вместо Гриши двигалось непонятное в природе чудище с рогами и длинными волосами. Одна женщина, что-то увидев в зеркале, долго плевалась и крестилась, и поклялась больше не ходить сюда.

А Гриша, кажется, влюбился тайно и безнадежно в одну вербованную. Но она этого не замечала. По этому случаю Гриша перестал пить и даже купил галстук. Он пришел к знаменитому пню, рядом с которым вечерами собирались строители на танцы. Здесь назначали свидания. И когда начались танцы, то он неожиданно для себя пригласил вербованную Галю потанцевать с ним. Она сказала:

– Вот что, Гриша-парикмахер. У тебя один тройной одеколон, Ну а зеркало... Можно было бы придумать что-нибудь веселее...

И она ушла к своим подружкам.

А Гриша после такого позора взял зеркало и разбил на мелкие кусочки. И снова исчез на пять дней.

В одно из воскресений парни толпились у парикмахерской. Пошел и я посмотреть, что там опять натворил Гриша. А он не был в запое. А он ездил в Иркутск и привез новое, красивое зеркало и коробку духов. Навел порядок в палатке и вымыл пол.

Как-то молодежь собралась у пня, чтобы под гармошку потанцевать. И там Гриша увидел Галю с матросиком. Она увидела Гришу и подошла.

– Спасибо тебе за духи. Твоя Аграфена вернулась. Прячется в нашей палатке. Ты прости её. Обманул её матросик. Прости свою Аграфену.

Гриша простил свою жену. С тех пор в парикмахерской было всегда чисто и светло. И только иногда, когда он выходил на улицу, то подолгу смотрел на палатку, где жили вербованные девчата.

Так вот чернявый покачал головой и вежливо сказал:

– Я бы вас, чертей, на пушечный выстрел не принял бы ... Но надо... Скажите, прохиндеи, были в управлении? Мы позвоним. Идите, сволочуги. Возьмите бумагу и марш на работу, мерзавцы.

Я подмигнул Дрожжину, стоящему столбом, и сделал ручкой. На выходе я сказал:

– Щипанул бы тебя, кучерявый. Надо бы. Сам понимаешь, синьор помидор, времени нет. Работа поджимает. Трудиться пойдем ради светлого будущего.

Начальника участка мы не нашли. Нам сказали – кто будет быстро идти с наклоненной головой вправо – он.

Сели на кучу разваленных брусьев, закурили, разложили картишки, и собрались было переброситься, а тут и сам начальник появился. Он был крепкий, быстрый, с короткой прической серых жестких волос, в распахнутом плаще, с серой шляпой в руке, в расстегнутой темной рубашке. Стройный дядя.

– Чего это без дела сидите? Убрать эту гадость! Бузотеры? Наслышан. Надо было сразу ко мне. Нечего ходить по начальникам. И меньше надо делать стойку. Не делали стойку. Вижу. Не делали. И не надо. Трудовые нарисуем. У вас их нет. А сей момент брус сложим. Привезли. Сбросили и довольны. Ну, я им покажу!

Он говорил, а сам ходил вокруг бруса, наклонив голову к плечу. Потом мы узнали – ранение получил на войне. Он закончил войну в чине майора разведки. И ещё мы узнали, что после войны отбывал срок по политической статье на строительстве железной дороги от Тайшета до Лены. На редкость его уважали уголовники. Было за что. Отбывал он срок за то, что вынес из разведки фотографии и игральные карты. Он стал спорить с полковником-особистом, что это просто трофеи на память для своих разведчиков. Но полковник не поверил и стал кричать, что Матвейчук нарушил присягу – ничего нельзя выносить на нашу сторону. Они сцепились драться, и Матвейчук так приложился, что убил полковника. Непослушного майора приговорили к расстрелу. За боевые заслуги ему должны были присвоить звание Героя, заменили десятью годами и в Сибирь. А потом на поселение на несколько лет. Я уже писал, кого только сюда не отправляли. Интересная судьба была у моей знакомой. Не чище моей судьбы. В те годы, многие девчата, не только парни, убегали на стройки из дома. Нужны были добровольцы. Новые стройки манили молодежь романтикой познания новых таежных мест. Всех принимали. Оставались жить навсегда только самые стойкие и кому некуда было ехать.

Галка опять попалась. Спала на Иркутском железнодорожном вокзале под лавкой. Она не помнила, как уснула. Они вчере с Веркой Кочергой и Веркой Мокрой бродили по рынку. Два

бича угостили их огуречным лосьоном. Противная жидкость, но пить можно. После полудня один из азиатов выбрал Галку. Обещал денег и продуктов. Азиаты любят русских женщин. Он ворковал:

– Поедем на юг. Персики будешь кушать, шашлыки и халву будешь кушать.

Потом он её прогнал, и обещал сдать в милицию. Галка привыкла к такому обращению. В свои шестнадцать лет она ничего хорошего не видела. Жили в общежитии. Отец умер, когда ей было двенадцать лет. Мать привела другого дядю, и они стали вместе пить. Галка убегала спать к подругам. По пьянке мать убила отчима, и её увезли в тюрьму. В четырнадцать лет Галка оказалась на улице. Попрошайничала, воровала, торговала телом.

И вот она снова в милиции. Она часто там бывала.

– Что будем с тобой делать? – спросил участковый милиционер, – Зачем торговца обокрала? Где твои подружки?

– Я его одна обокрала. Пусть людей не обманывает. Обещал меня персиками накормить. Сделал свое дело и пинком под зад. Вот я ему и отомстила.

В кабинете сидел чистенький молодой человек. Он сказал:

– Ознакомился я с твоим делом. И светит тебе, милая, до пяти лет на зоне бревна катать.

– Напугал чем, – засмеялась она. – За чо это пять-то? Пусь он людей не обманывает. Ты это серьезно? Пять?

– Не меньше. Но я тебе помогу. Выбериай. Или пять, или езжай на стройку в Коршуниху. Билет оформим. Всё честь по чести. На думы нет времени. Там ты сможешь стать человеком. Я – вербовщик. Дадим путевку на Коршуниху. Но с одним условием. Так что со всех сторон у вас полный плюс. Меня не подведи.

– Я буду ещё блядь вербованная? – засмеялась она. – Такого чуда я не ожидала. Надо же. Коршуниха хорошо звучит. Наслышана. Буду поднимать металлургическую промышленность. А как я буду её поднимать? Как-то туда уже трех таких вот девчат, как мы, отправили. Согласна.

Через три дня она получила комсомольскую путевку и деньги на дорогу. А когда вышла на улицу, то увидела там одну Верку.

– С тобой еду. Я тут видела ещё таких же девчат. Их тоже в Коршунику отправляют. Говорят, что там девок нет. Мне передали, что в тот поселок все отбросы отправляют.

На вокзале они влились в группу девчат. Здесь были бродяжки, проститутки, и просто бежавшие из дома девчата. Конечно, некоторые были настоящими комсомолками. Некоторым, девчатам-бродяжкам в один день выдали комсомольские билеты, привезли на вокзал и погрузили в телячий вагон. Конечно, лучшего места они пока не заслужили.

В вагоне Галка подошла к чистенькой и нежной девушке. Она доого смотрела на двух подружек.

– Ты чо на нас пялишься? Плохо одеты?

– Да ты что?! – удивилась девушка. – Давай знакомиться. Ольга Никифорова. Я из дому сбежала. Потом попала в облаву. Решили, что я бродяжка. И вот меня в тайгу. Я хочу на стройку. Вы тоже сбежали? А почему нас сунули в такой грязный вагон? В нем же скот возят...

– А мы хуже того скота, – ответила Галка. – Сбежали? Мы есть бродяжки. Кого на ходу в комсомол приняли, а мы вот с Веркой бляди вербованные.

Поезд вез их на север. Можно только представить, что было в таком вагоне за трое суток, что они ехали до станции назначения. Без пьянки не обошлось. Споры, крики, визг, драки и поножовщина. Одну удушили, а другую зарезали. В Братске всех осмотрели, проверили. Пятерых сняли для следствия. Галка и Вера остались в вагоне.

Вот и Коршуника.

Поселили их в палатку. Определили в бригаду по строительству дорог. В те жестокие времена дорог в Коршунике не было. Работа дорожных рабочих в то время была самая тяжелая. Она состояла из одних женщин. Бригадиром у них был знаменитый Леха Саблин. Кстати, бывший полицей. Отбыв срок, оставили на поселении. Да и какой он полицей? Историю его я потом узнал. Когда началась война с фашистами, он ушел в партизаны. А так, как он был из местных, ему поручили остаться в селе, и стать полицейем. Он во время докладывал в отряд нужные информации. В общем, делал полезное дело. Но народ-то на селе про это не

знал. Война шла к концу. Партизаны влились в Красную армию. А Саблина арестовали. Доказать он ничем не мог. Да и время было такое. Не церемонились с такими людьми, как Саблин. Раз был полицаем – срок. Изменник и враг народа. Он оглядел трех подружек и сказал:

– Понятно. Двух обуздали в комсомол, а третья вербованная. Не чище. Бродяжки. Молчок. Пусть я один буду про это знать. Я вам здесь судья, поп и прокурор. Здесь некуда бежать. Тайга кругом. Отсюда прямая дорога на зону. Сейчас лопаты в зубы и подчищать за бульдозером. Будем камни бутить. Поздравляю вас сестры мои на подвиг трудовой. Аминь! – и перекрестил их.

Когда начали работать лопатами, к ним подошла рябая и толстая женщина. Она к ним назначена звеньевой. Прокуренным и пропитым голосом сказала:

– Ничо, касатки, за меня доржитесь. Я многих от нево спасла. Я всяких повидала на зоне, када прокладывали железку. Он меня слушает. Мужик он талантлив. Настоящий строитель. Я для вас тетя Фрося.

К обеду у Галки с Ольгой появились красные мозоли. Бригадир, словно шар, он был толстый, подкатился к Галке и схватил руку. Другой рукой она ударила его по щеке.

– Не цапай! Не заслужил!

– Дура! Ты чо? Совсем одурела? А ну, руки покажи! Так и знал. Где твои верхонки?

– Я не привыкла к ним.

– Знаю. А ну пошли в будку.

– Галка увидела, как тетя Фрося качает головой.

– Какой ты хитрый. Не пойду в будку.

– Ясно. Цену набиваешь. Мне твои руки жалко! А ты, дуреха, чо подумала?

Он сорвался с места и покотился к будке. Вернулся с аптечкой. Смазал девчатам руки мазью, перевязал бинтами, и заставил их надеть верхонки. А тетя Фрося молчала, а только хмыкала.

К концу рабочего дня девчата валились от усталости. Галка едва добралась до кровати. Ужинать не стала. Она спала плохо, ворочилась, видела страшные сны. Огромный шар, похожий

на бригадира катился за ней, а она убегала. Утром было тяжело вставать.

– Сейчас бы хоть флакушку огуречного лосьена дернуть, – сказала Галка. – А тут лопата. Верка, может, рванем на север?

– Поймают и на зону, – ответила Верка. – Хотя я и мосомолка туфтовая, а там знают, кто я на самом деле.

Ольга хныкала.

– Оля, одну простипому в мосомол приняли и сюда сослали, а другая настоящая блядь вербованная. И тоже в милиции на учете. Вот так. Чичас здесь, моя милая, в основном, отбросы общества. Я вот посмотрела, все здесь, чо бабы, чо мужики, настоящие отверженные, от нормального общества. И с нами они решили что-то там строить. Ну, мы им настроим такова, што они апосля за голову возьмутся. Теперь нос будешь задирать?

Ольга ответила:

– Клянусь. Буду вашей подругой. Куда вы, туда и я.

Отработали они половину месяца, и им выдали аванс. И вдруг, им предложили заключить договор на три года. Ещё и деньги дадут

– Жить можно, – сказала Ольга. – Хотя здесь невозможно ходить в туфлях.

– Я платье новое куплю, – сказала Галка.

И тут появилась тетя Фрося. От неё пахло водкой.

– С первым авансом вас, девчата. Двадцать процентов мне. Не возражать и не возникать.

– С какова боку тебе двадцать процентов? – резко спросила Галка. Тетя Фрося вплотную приблизилась к Галке, обдавая её кислым потом и водкой.

– А с такова, бикса. Я знаю вас, и кем вы были. Расскажу всем. А ещё от бригадира вас спасаю. Деньги на стол, шлюхи! А тебя, Ольга родителям из рук в руки сдам. На стол, курвешки!

– Саблин не приставал к нам, – ответила Верка.

– Он у меня тоже на крючке. Я его от вас отбиваю. На стол!

Пришлось с тетей Фросей поделиться деньгами. Ушла. Галка предложила выпить.

Утром они проспали на работу. Вкатился бригадир. Начал кричать:

– Подъем, пьянчужки! Я вам тут бригадир, судья, поп и прокурор!

– Помолчи, бригадир, – прохрипела Галка. – Не до тебя. На север катанем. На север!

В это время Ольга сидела у таза бледная и дрожала.

– Не стыдно, девчата? А я тебя, Галина, хотел за себя оставить. А сам в отпуск пошел бы. Устал я от вас. В Затоплямой поживу, порыбачу вдоволь.

Помялся он, потоптался, и присел на лавку, и совсем уже тихо сказал:

– Галина, я надеялся на тебя. Мне хотелось на родину... Со всем забыл. Мне туда нельзя. Пока нельзя. Год ещё ссылки. Отдохну на Илеме...

Он встал, и, согнувшись, вышел.

Девчата встали, оделись и пошли на работу. В бригаде все молчали, и только тетя Фрося проворчала:

– А ты хотел её оставить после себя. Никакого не нашлось из старых?

– Ты мне накомандуешь, – ответил Саблин. – Молчала бы уж.

Неделю девчата трудились на совесть. Заключили договоры. Им выдали деньги. После работы к ним в палатку ввалилась тетя Фрося.

– Чуть не подралась с бригадиром из-за вас! Он из тебя, Галка, хотел сделать подстилку. Короче! Двадцать процентов мне. Рвань на стол. Живо! Если нет, то сами понимаете. Милиционер Ружьев о вас спрашивал. А могла выдать. В соседней палатке кофту украли. Деньги умыкнули. Чо, у тебя, Галка, под подушкой?

– Да ты чо! – возмутилась Галина. – Мы здесь ещё никого не грабили. Здесь все равны. Кто подбросил? Ты, старая, кляча?

– Я кляча? Да я тя по судам затаскаю!

– Кто кого ещё затаскает? – от порога спросил Саблин. Он появился неожиданно. Галина впервые в жизни заплакала от обиды. Если она воровала, то попадалась, и не было смысла оправдываться. А здесь...

– Фроська! – повысил голос бригадир. – А ну возьми кофту и деньги и отдай Николаевой. Ты чего это девчатам про меня болтаешь? От меня защищаешь? Деньги из девчат тянешь. Участковый Ружьев тобой займется. Верни все деньги, какие брала у девчат. Прослежу.

Тетья Фрося словно испарилась.

– Вас переводят в настоящее брусчатое общежитие. В комнате по трое будете жить. Галина, завтра я тебя представлю бригаде. Мне отпуск дали. Помогать тебе будет Зина Николаева. И никаких возражений.

Бригадир ушел.

– Вот тебе и Саблин, – сказала Верка. – Ох, уж эта, Фрося! Поздравляю тебя с бригадирством. По этому поводу можно и клюкнуть.

– Никаких обмываний, – строго ответила Галина.

В этот день они перебрались в новенькое общежитие.

Утром Саблин представил бригаде Галину.

– Знаем! – кто-то крикнул из угла. – Здесь тетя Фрося хотела...

– Расхотела, – ответил Бригадир. – Помощник у неё Николаева Зинаида. Все вопросы теперь к Галине Петровне.

И он ушел. Все молчали. И тут вошел прораб Кукуев. Он подошел к столу, разложил чертежи.

– Сегодня основную траншею готовить. Эксакаватор что мог, взял. Остальное вам. Много воды. Ответственную работу поручаю вам. В будущем здесь пройдет главная улица. Смех один. Строим дома, а дорог нет.

Дорог не было. Строительные материалы укладывали на огромные металлические листы, которые почему-то называли пеной. И трактор, утопая в глинистой почве, будто плыл вместе с пеной.

Тетья Фрося выбралась из угла, и по-деловому расправила плечи, разглядывая чертежи, гулко кашлянула, и строго оглядела притихшую бригаду. Кукуев улыбнулся, а потом сказал:

– Фрося, будешь у них бригадиром. Девчата ещё молодые....

– Наш бригадир Галину нам оставил, – возразил кто-то из угла.

– Будет Фрося. Я за работу отвечаю. Фрося, потом с тобой наряд сделаем. Возьми с собой трех людей и к маркшейдеру. Кольшки будете ставить там, где будет дорога.

Прораб ушел. Тетя Фрося ещё раз обвела всех злым и непохмельным взглядом, и увеситым кулаком приложила к столу.

– Я вам уже покажу кузькину мать!

Тетя Фрося взяла с собой двух единственных в бригаде мужиков и свою подругу Гутю, бывшую буфетчицу, которую выгнали из тороговли за то, что не любила отдавать сдачу.

Галина, Вера, Ольга и Зина попали в одну группу. А звеньевой назначила ещё одну свою подругу по пьянке Машу Вырви глаз. Такая у неё была кличка на зоне.

Чуть не по колено в вязкой глине работали лопатами девчата. А Маша часто бегала к тете Фросе курить. Конечно, Маша не работала. Она руководила. Было так: как только девчата останавливались, чтобы хоть немного отдохнуть, как тут же подбегали – тетя Фрося и Маша Вырви глаз.

– Лодыри! Тунеядки! Шлюхи подзаборные! А ну, вкалывать! Я вам не Саблин! Вы у меня уже шибко не забалуете!

На третий день Ольга не выдержала. Заплакала.

– Не могу больше терпеть. ...А если так вот всю жизнь?

– Мне тоже всё надоело, – сказала Галина. – Лучше я буду бродяжничать. Свобода. И нет надо мной никаких тетей Фросей.

Девчата сбежали. Укрылись на чердаке большого дома. Питались обедками в столовой. Так прошло двадцать дней. Однажды к ним поднялся секретарь комсомола стройки Александр Степанов.

– Мы вас везде ищем, – сказал он, и сел рядом с ними. – В общежитии места за вами. Спускайтесь в мир. Вам ничего не будет. Пришли бы ко мне, да всё бы рассказали. Там ваш бригадир Саблин обыскался везде. Узнал о вас такое, и даже отпуск не догулял.

– Нам и тут хорошо, – ответила Вера.

– А что дальше?

– Лучше так, чем кабалой быть у Фроси, – ответила Галина. – Он пойдет догуливать, а мы снова в кабалу.

– В общем, так, – поднялся Степанов. – Идите в бригаду. Саблин ждет вас и не доаустит к вам вашу кабалу. Хватит дурить. Всё.

Пришли в бригаду. Саблин сидел в торце стола. Здесь же сидели прораб и Степанов. Прораб сказал:

– Я написал докладную. Высчитали за прогулы. Вон со стройки!

– Вон их! – закричала тетя Фрося

– Тунейдки! – завизжала Маша Вырви глаз.

Тетя Фрося кричала:

– Нам надо поднимать металлургическую промышленность! Нам в восьмидесятые годы надо будет вступать в коммунизм в самый раз! А эти тунейдки сидят на шее трудового народа!

И закашлялась. Даже голос сорвала.

Выступила и бывшая буфетчица Гутя.

– Мы, как честные труженицы, вкальваем не покая рук...

– Хватит юродствовать! – стукнул по столу Саблин. – Трудятся они. Не смешите. Знаю. Хватит лозунгами шпарить. На это у нас есть лектор Дрожжин. Одного зватит. Вчера весь день под кустом пили с Фросей. Из-за тебя из бригады уже ушло шесть лучших рабочих. А вы, товарищ Кукуев ещё и бригадиром её поставили. Она ведь начала бригаду разваливать. Экскаваторщик на вас жаловался. Весь день за ним никто не шел с лопатами. Ну, и как наряды закрывать? Копейки собирать? А девчатам надо работать. Приоденутся хоть немного.

Кукуев немного помолчал, а потом ответил:

– Разберемся. А за прогулы надо выгонять. Раньше вон судили и на зону. Разбалывали их.

– Правильно! – закричали те, кто стоял за Фросью.

– Разрешите мне, – встал Степанов. – Я также член построюкома стройки. Девчата остаются. Бригадирю виднее, кто ему помощник. Напишите новый список бригады. Те, шесть человек, были в построюкоме и у нас. Они вернутся к вам, товарищ Саблин.

– Список у меня готов. Тех шесть девчат я вписал в бригаду, – сказал Саблин и огласил список. Галину он назначил звеньевой и своим заместителем.

– А мы? – хором спросили подружки тети Фроси.
– Вас вместе с тетей Фросей в бригаду не возьму.
– Я вам ишо покажу! – крикнула тетя Фрося и выскочила из будки. Подружки за ней.

– Товарищ Кукуев, вы со мной. Будем дальше разбираться, – сказал Степанов. – Девчата, очень прошу прийти на воскресник. Будем строить танцплощадку. А кто будет учиться, тот будет работать только в одну смену.

Девчата обещали прийти на воскресник.

– А сейчас за работу, – сказал бригадир. – Будем исправлять то, что испортили во время царсирования тети Фроси.

Галина вечерами училась. Имея пять классов образования, она за три года окончила десять классов.

Галина после школы поступила в педагогический институт. Учительствовала. Ученики её уважали. Сейчас на пенсии. У неё четыре внука и шесть правнуков.

Мы сидели у неё на даче, на лавочке и она поведала о своей жизни. Я не указал её фамилию. Не каждому хочется ворошить своё прошлое, и если оно было непристойное. Судьба у каждого разная. Я знаю многих пенсионеров с похожей судьбой. Стройка всяких людей принимала, и не только комсомольцев и коммунистов, только не каждый выстоял. Стройка – жизненная школа. И только с сильным характером мог человек выстоять. Стройка слыхбых людей не жалует. Сломает и выкинет. Не для них она.

Долгих лет тебе, Галина Петровна.

Этот пример я взял специально. Много мог бы таких вот судеб вам показать. В моей книге «Коршуниха» довольно приличное количество судеб описал. Пусть простит меня некоторый читатель, если человек просто жил, потом приехал на стройку. Работал как все и только. Обыкновенная жизнь. Мне он не интересен. Я не писал о таких людях. В книге «Коршуниха» вы заметили, что там мои герои со сложными, корявыми судьбами. И я как мог, пытался рассказать об этих людях. Не смотря на сложную судьбу, они приехали сюда, выдержали, и не сломались, и не покатались по наклонной в непонятно куда. Они всегда привлекали меня.

Матвейчук схватился за один конец бруса, а Калита с другой стороны. Мы с Генкой тоже взялись за брус. Мальвина и Кощей тоже с нами....

Начальник вдруг сорвался и побежал.

– Куда стекло? Витька! Самопал! Уголовная твоя рожа! Куда?

Возле строящегося дома стояла машина, и из её кузова рабочие снимали ящики со стеклом. А один парняга орал блатные песни. Наш брат.

– Поет... Чичас он ему напоеет. Шустрый мужик. Хороший, – сказал Калита, стряхивая с куртки опилки и восторженно глядя во след начальнику.

– С этим шибко не погуляешь, – задумчиво ответил Мальвина.

– Мне плевать, – добавил я. Мне не понравился начальник. Слишком уж деловой. От такого добра не жди.

Мы нашли кладовую, но прораба там не было. Спецовку получили.

Остаток дня на кроватях. Можно было их назвать шконки, как на зоне, но здесь свобода. Мальвина исчез. Пришел поздно с гитарой и пропахший водкой. Да ещё насвистывал, пока Калита не крикнул на него:

– Ложись, чмо. Тоже мне Лемешев.

Огоньки в окне печально и таинственно смотрели на меня, и словно что-то скрывали за стеклом. Да, сколько же в этих огоньках людей? В одной горстке столько судеб, человеческих душ! Душа... Странно, но я обнаружил, а догадывался давно, что в человеке живет два человека: один – это плоть от него, обличье, его фигура и прочее, его внутренний мир с самозащитой. Он многолик. Он может ловчить, смеяться, переживать, плакать и даже продвигаться по службе, быть честным, красть, грабить, любить... Всё может делать, смотря от характера. Порой говорят на человека – двуличен этот гражданин, забывая о себе, что и говорящий тоже многолик. Но это первый человек. А второй? Самое странное, они разные. Второй живет в человеке тайно и обнаружить его очень трудно. В чем же он сидит? Где? Пока мне неизвестно. Надо докопаться. И мне кажется, что второй иногда выныривает. Он беседует с первым, спорит и почти всегда

проигрывает первому. И этот второй рождается в ребенке. И живет в дружбе с ним. С годами он всё больше прячется от него. Интересно, а как он может жить в тупом человеке? Второй не выдерживает натиска первого. Может и во мне иногда пытается пробиться этот второй? И не может пробиться. Всё-таки, второй – это и есть наша душа. Она, наверное, связана с Богом, с нашим творцом. И у второго появился шанс помочь мне? Вот эти огоньки как бы мост между вторым и первым? Огоньки гасли один за другим, и сколько их много! Столько душ! Может, вот сейчас второй беседует со мной? Кто мне ответит? Никто. К кому пойдешь с таким вопросом? Назовут дураком, как того мужичка, что лежал на моем месте и которого отправили в психушку. Тоже ведь с кем-то беседовал. Я сам должен докопаться до всего. Может, так всё устроено, что человек ещё не готов к встрече со вторым? Если бы они сдружились. Нельзя им встречаться. Кто же тогда со мной беседует? Может, и правда, что наша душа жива в нас? Живет она от нас отдельно, живет своей жизнью. Умрет человек, и улетит она в иной мир, в космическое пространство, соединится с космосом, и где-то там, в другом мире, наши души, в этой реальной вечности. Иногда они посещают нас, нашу Землю, но не показываются нам. Могут появиться только в снах...

Кажется, проснулся. Бредил? Спал? Что это? Возможно, и бред на грани сумасшествия? Такое бывает ощущение, будто кто-то пробивается во мне и пытается рассказать что-то. Возможно, из-за этого во мне появляется тоска? Но кто пробивается?

Сплю? Неожиданно появился тот дед из деревни Коршуниха.

– Я же тебе говорил, что ты другой человек, – сказал он. – Чистый уголовник не может так рассуждать, как ты только что рассуждал. Вот и весь мой сказ... Думай...

Дед исчез. Странно. Надо уснуть...

ВОЛИ ЖЕЛАЮ, СВОБОДЫ!

Утром мы ввалились в контору. Она похожая на лагерный барак. Я расстегнул рубашку, цвета крови до самого пояса, показывая большой крест на золотой цепочке. Вместо галстука шнурок от ботинка, а за алым кушаком кнут. Плохо то, что хромовые сапоги в глине.

Прижавшись спиной к косяку двери, стоял высокий и крепкий парень с побледневшим от времени вещевым мешком из обыкновенного куля. По роже видно – деревня. Испуганно-удивленный взгляд.

В конторе сидели дамы за красивыми, блестящими от лака, столами. В таком бараке такие столы и красивые дамы.

– У себя, гражданин начальник? – нарочито громко спросил я, обращаясь к красивой девушке. Пусть посмотрит на меня. Девушка печатала на машинке. А тут перестала печатать, взглянула на меня, и сумочку убрала в столешницу.

– Он на объекте, – прошептала она. Калита, заложив руки за спину, ходил около двери. Буратино стоял у порога, и его длинная фигура, немного ссутулившись от тяжелых дум о Лорке, словно готовилась к прыжку. Кощей и Мальвина с вожделием разглядывали дам. Мало ли, что на уме у этих молодцев – гадали разукрашенные дамы. А вдруг...

В окно заглянули лучи взошедшего солнца. Неожиданно для себя я увидел освещенные лица моих орлов, да каких там орлов, пичужек или мокрых куриц. Странно, этот свет будто специально осветил их, чтобы я поближе разглядел моих товарищей по несчастью. Странно... Увидел их одежду, взглянул на свои истоптанные прохоря, изрядно потрепанный алый кушак и остановился посередине барака. Увидел взгляды дам... И с тоской подумал и понял, что они не для меня. Зло сбросил шляпу...

– Ви знаете, – начал Мальвина и подошел к угловому столу, за которым сидела чернявая дама в теле. Вот это красавица! Куда секретарше до неё! Так и пышет здоровьем и красотой. А какие бедра, грудь! Так и рвались они из одежды, так и перли напоказ. Господи! Она перехватила мой взгляд и как-то странно улыбнулась краями губ. Какое презрение в улыбке и понятность во взгляде. Мерзавка, она же поняла меня, раскусила мой взгляд. И

не дрогнула, даже юбку не поправила, не натянула её на колени, а оставила напоказ. На кого же она похожа? Где её видел?

– Я вот месячишко здесь живу и постоянно вижу вас, о, великодушная! Ви очень похожи на мою сестру. Клянусь мамой!

Сказав такие слова, Мальвина смахнул лагерную фуражку с большой головы. Короткие рыжие волосы как бы продолжали заросшее лицо, а рыжая телогрейка длинными полами касалась высоких кирзовых сапог в рыжей глине. И походил Мальвина в эту минуту на бездомного лохматого пса. Он ещё и глупые комплименты говорил. Мне вдруг стало стыдно за бича, за Калиту, за Буратино, за Кощера и за себя. Сжимая зубы, я смотрел мимо красавицы. Где её видел? Если бы вот таким я встретился с Ритой из Бодайбо? Вот в таком виде и с этой коздой?

– Слушайте... Слушайте вы, – прошептал я. Во мне появилось раздражение. Захотелось накричать на глупую тупицу Мальвину. Ударить.

Разодетые мымры молчали, и в душе смеялись над нами. Неужели парни ничего не замечали? Не чувствовали подозрительную тишину? И что нас отделяло от этих красавиц? Огромная пропасть! Ну почему я всегда чувствовал опасность, исходящую от людей, улавливал взгляд, интонацию голоса, и даже догадывался, что он сейчас скажет. Почему? Ведь и другие должны это чувствовать! Просто они этого не желали? Тогда это другое дело. В этот момент им выгодно... В этом бараке какая может быть выгода? В те годы, да и почти с детства, думал, что все люди обладали таким же чутьем в понимании другого человека, как и я. Ну, например, Генка ещё не подошел ко мне, а я уже знал, что он не в духе. Просто чувствовал всего его. Всегда знал наперед, что иной человек вот сейчас подойдет ко мне и скажет какую-нибудь гадость. Внутри меня что-то подсказывало – будь осторожен. Потом уже определял его по глазам и ногам. Всегда считал, что характер человека или то, что он несет в себе в этот момент, можно определить по глазам или по постановке ног. ... Как он стоит и как он идет. Оказалось, что мои товарищи таким качеством не обладали. Тогда я этого не знал и от этого нервничал. В этой конторе всё во мне ныло и болело. Лицо горело, тело стало липким и тяжелым. Над всеми будто кружились темные

кольца, разного размера шарики розового цвета, замысловатые фигурки. Вытянутые ввысь и уходящие прочь. Ясно всё это видел, и в такие минуты мне всегда становилось плохо. Такое со мной бывало. Чувствовал, как что-то тяжелое двигалось на меня от людей. Иногда такое было в очередях или в компании. Стремился постоянно к одиночеству, рвался в тайгу, к воде... И только там из ниоткуда в меня входила энергия, бодрость. А ещё в тяжелые минуты садился у горячей печки или у костра. И вот сегодня, в этой конторке опять наехало на меня. Как же можно чувствовать от людей что-то? Можно уловить запахи, услышать звуки, но уловить чувства другого человека? Бред какой-то! Непонятно. Надо терпеть. Сдерживать себя. Как сдерживать? Не от меня такое ведь шло, а от людей. Я ведь не виноват. Как можно уберечься? Я чувствовал невидимые волокна. Они вползали в меня, обволакивали и понужали в сердце, в голову, хватали за горло. Дышать стало тяжело, по телу пробежала изморозь. Меня тряхнуло и потянуло на сон.

В это время Мальвина ворковал:

– Ви знаете, моя сестра живет в Одессе. Ви знаете этот чудный город?

Насколько знал, у этого профессионального бича со стажем не было родных. Он ещё в вагоне жаловался. Почему-то уверен, что он из тех, кого мамыши-алкашки оставляют детей на помойке, на порогах, в подвале. Не надо путать оставленного ребенка от обманутой мамы. Это разные вещи.

Ворвался Матвейчук.

– Чего, девчата? Уже и рты настезь? Они ещё покажут себя. Ко мне!

А я подумал – показали и показались. Когда входил в кабинет, взглянул на красавицу. Она смотрела на меня. В её черно-влажных глазах увидел презрение, даже не посчитала нужным одернуть юбку на круглые и чуть раздвинутые колени, как обычно делают все женщины, когда видят, что мужчина особо обратил на них внимание, и это вполне объяснимо. Но здесь... Сжал рукоять кнута, но в руке не было крепости. Слабость не только в руках, но и во всем теле. Над головой красавицы трепыхался непонятного цвета не то обруч, не то шар, и я чувствовал, как

оттуда вылетала невидимая для окружающих нить, которая, видимо, и делала мне плохо.

Попытался улыбнуться красавице, не знал, что из этого вышло, но её губы чуть дрогнули и сдвинулись вправо. Полнейшее презрение.

Мы вошли в кабинет, и Матвейчук спросил:

– Инструмента нет? Всё понятно.

Здесь было прохладнее и как-то немного легче. Сел на лавку, а остальные стояли у стола.

Высокий парень вытянул руки с вещевым мешком.

– У меня столярный.

Начальник посмотрел на парня, взял мешок, вывалил инструмент на стол. Чего здесь только не было, даже были гвозди.

Матвейчук долго вертел рубанок, гладил режущую часть, стучал твердым ногтем.

– Отец делал? С Кубани?

– С Кубани, но делал я, и топор сам в кузне ковал. Весь струмент сам делал.

– Гм... Сам... Настоящий строитель имеет личный инструмент. Отлично.

Кривой палец начальника с круглым ногтем, похожим на пятак, поднялся на уровне глаз. Смотрел я на ноготь и решал: у этого начальника не заработаешь лишние деньги. Он знал цену копейке и держал в хватистом кулаке деньги. Мне даже представилось, что, открой он кулак, и на ладони появятся тусклые от времени выношенные пяточки, трешки и даже копейки. Пальцем он указал на окно и сказал:

– Нет форточки. За конторой сарай. Там столярка. Через пятнадцать минут доложит. Навесишь – в гвардию. Нет – в разнорабочие. За что срок отбывал? Деревенский ведь.

– В городе хотел устроиться... И сам не знаю... Парни дали выпить... Сказали – уважают деревенских. Вместе потом машину... Они убежали... А я не побежал... Зачем? Струмент потом мама привезла, када я ослобонился.

– Похоже, паря, – сказал Калита. – Ой, как похоже...

– Хватит теперь, – резко остановил начальник. Значит, ты тоже на этом попался. Ну, парни даете. Зачем такие вот в город-

то прете? Всё. Хватит. Ладно. Иди в гвардию. Сегодня ты на работе. Всё с тобой. Всё.

Парень мгновенно собрал инструмент в мешок и исчез за дверью.

Мы ещё вчера, в коридоре управления узнали, что гвардией называли столяров-отделочников. Лучшие специалисты в одной бригаде. Они выполняли самые ответственные работы. И зарабатывали хорошо. Каждый уважающий себя плотник-столяр мечтал попасть в гвардию. Из этой бригады выходили мастера, прорабы, бригадиры.

– Так. Желаете вместе? Строителями? Пока не обещаю. Разнорабочими. Разлучать не будем. Решим. Сообщу. Пойдете к прорабу Дворовенко. Всё.

Он быстро встал – и в дверь. Мы за ним. На пороге я оглянулся, и наши взгляды с красавицей встретились. Не моя...

Матвейчук привел нас к сараю, похожему на заброшенную конюшню.

Здесь был склад. В открытую дверь видны мешки с цементом, ящики со стеклом, бочки, коробки и ещё что-то из строительного мусора.

Ничего путного.

– Вот прораб Дворовенко Дмитрий Николаевич. Принимай орлов.

Взглянув на этого мужика, не поверил, что он прораб: потертая в мазуте, расстегнутая куртка, тесная в плечах. Да и сам, наверное, недавно бросил плотничать, а у меня прескверное настроение, поэтому Генка не лез ко мне с разговорами. Сколько знал людей, они своё настроение передавали другим. И этот настрой был отмечен в их лицах, глазах, особенно в словах. Особенно таким недостатком обладали все начальники.

От рук прораба, от задубевшего от солнца и мороза лица стало мне совсем тоскливо.

– Работнички. У одного кнут за сапогом. На конюшне ему работать, – просипел прораб. Обижаете вы меня, Александр Данилович. Можно было их на другой участок. Они мне здесь наработают...

– Привыкнут.

А нам подмигнул и тихо добавил:

– Душа человек. Он на вид такой. Фронтовик. Коммунист. Настоящий коммунист. Не липовый, каких сейчас хоть пруд пруди. И этот пруд в море превращается. Только в очень гнилое. Вот так...

А прорабу крикнул:

– Ты видел, как стекло разгрузили? Нет? Плохо.

– На всё рук не хватает, да и глаз тоже.

– Мне легче? Вот эти орлы помогли брус уложить. Не заставляй меня долго говорить. Я тебе не Дрожжин. Всё.

Матвейчук скрылся за сараем. Оттуда было слышно, как входную тарактел трактор. Прораб пошел в сарай. Мы за ним.

Стоял конец августа, и временами было холодно. От стекла в огромных ящиках, стеллажей, загруженных разными железяками, выходил холод, а прораб подошел к разбросанным листам железа и, наклонившись, ухватил один пальцами, и по моему телу пробежал холодок.

– Помогите, ребята, порядок навести. Кладовщик сбежал. Загрузил вагон лучшим материалом и сбежал. И что интересно – не один же он грузил, а рабочие помогали. Вот что обидно. Они на него работали. Дней на пяток нам хватит. Там видно будет.

– Что здесь можно слямзить? – спросил я. – Все эти работяги крохоборь. Чо на работяг-то обижаться. Они завсегда перед начальством хвост держали поджатым, да и на зоне самыми подхалимными шнырями были. Вагон, говоришь?

– А вот умудрился, Как ты говоришь – слямзил. Рабочим по бутылке на нос. Сам на тысяч пятьдесят уволок.

– За бутылку продались? Одним бы глазком на такую рожу посмотреть. Хотя тебе верю.

– Верь и не верь, а вот так получилось. Эти грузчики на базе ОРСа работают.

– В какие края рванул крохобор? Зверек?

– Адреса не оставил. Зверек? Што это?

– У нас так азиатов и кавказцев величают.

– Русских как величают в вашем уголовном мире?

– Русаки. Адреса не оставил. Интересно мне шибко стало.

Так куда он рванул?

– Куда-то на западную Украину отправил.
– Жаль.
– Таких не надо жалеть.
– Я не об этом. Гражданин начальник, нарисуйте мне командировочку. Суточные. Только чур, рвань, поровну. Край нужны. По ладам?

Он выпрямился, оглядел меня, покачал головой

– Всё шуточки. Лучше здесь помощи. Здесь ты сподручнее.

– Я нужнее в другом деле. Для обчего антиреса я бы этого ханурика с вагончиком бы вам доставил.

– Хватит! – закашлялся начальник и замахал руками.

Когда откашлялся – неожиданно улыбнулся. – Рассмешил ты меня.

– Обижает, гражданин начальник. Опыт есть. У меня на таких воров с государственным началом нюх есть. Курвой буду. Ни членоплет я. Вор у вора лапти украл. Антиресно ведь.

– Ну, всё. Начинаем работать. Отпустить не имею право. Всё. Речи толкать у нас есть свои мастаки. Есть такой Дрожжин. Вы ещё познакомитесь.

Взялся за ящик. Слабость достигла предела. Прораб заметил.

– Есть тебе надо бы лучше. Совсем ослабел. Да и всего в тебе такого много. Охлонись, парень. Легче смотри на жизнь-то. Что-то в тебе не то. Выброси из себя не то, и всё будет в норме. Ты какой-то, паря, не такой.

Таскали ящики, листы железа в угол сарая. Прораб мучился одышкой много курящего человека. Я почему-то подумал, что ему не надо бы курить, как и мне. Он по-настоящему увлекся этой дрянью, а я ради солидности и ещё непонятно от чего. Порой и сам не понимал, зачем я пытался курить. Правда, эту дрянью старался не пускать в себя.

Мы потихоньку исчезали из сарая и курили у стены, подбадривая себя сигаретами и солнечным светом.

Больше прораб с нами не заговаривал. Один Калита не отставал от него, а мы перебрались под конец смены ближе к экскаватору и смотрели, как он втыкал ковш в глинистую землю.

Наконец, промерзшие и молчаливые, мы пошли в свой сарай. Калита насвистывал, а иногда даже пытался петь.

Утром я стал прислушиваться к себе – может, что-нибудь заболело во мне. Кажется, голова...

– Не пойду на работу. Болею. Голова трещит.

Калита подозрительно смотрел на меня.

Ребята ушли, а я задумался – податься в леспромхоз? Вон их сколько по району развелось. Местные сказали, что со всего союза приехали сюда варяги грабить местную тайгу. Словно пиявки всосались в таежный район. Особенно понаехали сюда с Украины. Четыре леспромхоза орудуют от этой республики. Бедная тайга!

Куда бы я пошел в леспромхозе? Ничего не умел делать, кроме, как управляться с лошадьми. Сейчас здесь их техника заменила. Сейчас я самый настоящий тунеядец. Бич. Кажется, заболел.

Скрипнула дверь, и втиснулся Мальвина. Он приставил палец к губам и подмигнул.

– Мы сей момент сгношим. Вчерась припрятал, – и он опустился на колени и стал шарить под кроватью. Извлек оттуда бутылку водки, и ещё раз подмигнул. Я сел на кровати, но не одевался. Надо изображать из себя больного. Мальвина достал початую банку с огурцами и гитару.

– Вчерась вечером у товарища одолжил. Знаю. Играешь. Послушать хочется. По маме горюю.

– Врешь, сука. У тебя нет мамы. Чо ты мне дуру гонишь? Не травми душу. Слово – мама, не трогай. На зоне единственное это слово святое. Заглохни. Не хватало мне с тобой одну кашу кушать и ханку жрать. Заглохни!

В душе моей тоска. Хоть вой. Образоваться бы в Сочах. Ресторанчик...

Мечты. Генка сказал, что всё отладится. Когда? Нам поверят? Кто? В конторе зверем смотрят. Куда податься? На Аляску? Там что делать? С этими переездами так я и остался с первым классом. Смех один. Профессии нет. Мне только в России и жить. Мы ей вот такие и нужны. Она способна нас прокормить вместе с бездельниками комиссарами. Вот было бы весело, если бы

Аляску заполонили вот такие вот как мы. Мы бы им устроили веселую жизнь. Какой же у них язык? Не поеду туда развращать бедный народ Аляски. Пусть себе живут и говорят на своем аляском языке. Может, они на американском языке базарят? Кто их знает? Нет, всем нам бичам, в России лучше. И милиция своя, родная. Где ты найдешь такую милицию? Интересно, а на Аляску ссылают таких лодырей, как я?

Мальвина в это время проворковал:

– Я хотел как лучше. Мы с тобой, Копченый, и твоим Буратино многое, что могли бы обмозговать. У нас Калита бы помалкивал.

– Ты, Калиту не трогай. Он – настоящий работяга. Ему место в гвардии. А кто ты? Работяг я никогда не трогал. Настоящие работяги мозолями себе жизнь куют. Калита из таких. Просто у него в жизни получился прокол.

– У меня знакомые на базе. Вместе с ними бы потолковали.

– Пошел вон, тля! Кнута захотел? Сейчас отпотчую.

Он в дверь. Настроение совсем плёвое.

В полдень ввалились ребята.

– Прораб интересовался, – сообщил Буратино и пошел на кухню.

– У меня всё болит...

Кощей повернулся ко мне и посмотрел на меня странным взглядом. Вроде ум в глазах промелькнул. Странно. Откуда это в нем? Он сказал:

– Иногда человек имеет право и поболеть.

– Если так будешь болеть, начальству не понравится, – сказал Иван. – Обрати на зону захотел? – и он старался перекричать звон посуды. Посудой-то, зачем греметь? – Из-за таких вот как ты, будут и о других думать, мол, все они такие. А я не желаю быть таким.

– Значит, думать не надо? – спросил я.

– Думать? Об чем думать. Не надо думать, – ответил Иван.

– Слушай, Калита, скажу так: хочу работаю, хочу нет. Вольняк. Вот возьму и уеду в леспромхоз. Там зашибить можно...

– И здесь можно заработать, были бы руки. Не мудри, Стрелов, не мудри. Выходи на работу. Тебе лучше же будет.

Отвернулся к окну, а оно будто отдалилось от меня, нахмурилось, и огоньки потускнели, сжались, и несло от них холодом, сыростью, тоской. Свое отражение увидел – лохматые черные брови, скуластое лицо, темные глаза, в них отразилась тоска, печаль.

Что же мне надо? Чего я хочу? Господи! Как мне плохо!

На следующий день снова не вышел на работу. Не захотел. Калита хлопнул дверью. Мальвина потоптался у своей кровати и тоже вышел. Кощей хотел что-то сказать, да только махнул рукой, ну а Генка тихо сказал:

– Может, пойдешь? Отправят на зоне. Потерпи, а там удем...

– Заглохни! Клынул тогда из-за тебя и твоей лярвы! Загорал бы в Сочах, в Адлере.

Генка нахмурился и вышел. Он ещё и хмурится! Мне надо хмуриться. Мне! Ведь оба раза по собственной глупости гремел на зону. Найдут – два года впаяют, не найдут – тем лучше. Возьму и уеду. Деньги у меня есть. Как-то я отправил телеграмму на юг, той самой тете Глаше, у которой мы в Сочах жили в подвальчике. Ещё по прибытию сюда я получил от тети Глаши письмецо, в котором сообщила, что все драгоценности сохранила. Грешным делом думал, что она их прожила. Попросил её, чтобы она продала их, а часть денег отправила бы мне. Она прислала мне целых восемь тысяч! Это же целое богатство!

Генке я об этом не сказал. Разволнуется. Я не стал ему доверять. Да и на почте могли бы заинтересоваться – откуда, мол, такие деньжищи у тунеядца. Надо было бежать.

В окно тускло заглядывало солнце. Оно было серое, и от него несло тоской. Испугали чем – возьмут, а то и вышлют. Куда? Опять в тайгу? На зону? Не желаю всего этого. И на всё мне наплевать! Не боюсь. А здесь кому я нужен? Генка предал меня. Перевоспитывается. Калита зверем смотрит. Мальвина в любую минуту готов курвануться, и всех вложит. Кощей – серое пятно на стене. Матвейчук с прорабом поверили мне? Смешно. Катануть бы сейчас в Бодайбо к Рите. А там в Якутию. Попасть в бухту Провидения. И на Аляску. Мне показалось, будто вну-

тренний голос, похожий на голос того дедка из деревни Коршуниха, сказал:

– Испугался? Работы боишься? Ты совсем потерял себя.

Вдруг это не дедок, а мой второй – Я. Нет, никто мне не запретит уехать отсюда. Всё. Еду. Надо встать...

– Возьму деньги и пойду, – сказал сам себе. Встал. Одежда. – Всё. Амба.

Рассовал деньги по карманам, сунул кнут за пояс и пошел к двери.

– Воли желаю. Душно мне. Воли.

Подперли меня, загнали в угол. Если бы был Бог, то он бы помог мне. Где ты? А если тебя нет? Но кто-то же есть. Не можем мы существовать сами по себе. Тогда зачем я? Зачем мы все? Для чего-то создана природа. Не для хохмы же мы. Может кто-то всех нас создал для хохмы? Смотрит на нас с небес и смеется. Весело ему... Зачем тогда всем нам дана жизнь? Для чего-то есть звезды, планеты, космос. Не для нас же одних. Мы ведь букашки в этом мире. Смешно и грустно. Кто-то же создал всё это. Конечно, всё это создано великим творцом. Он и есть – сам Бог! Господи, прости меня, прости мою заблудшую душу! Мне отчего-то совсем плохо. Меня тянет куда-то. Вот сейчас не могу удержаться. Будто кто-то зовет меня. Мол, походи и испытай. Испытай и узнай. Словно вся моя жизнь – испытание. Вот сейчас не могу удержаться. Нет сил устоять. Что со мной происходит? Вот он я. Для чего я, господи? Во мне есть какой-то смысл природы? Возможно, я ищу свою жизнь? В этом и есть мой смысл? Так кто же я? Может, дорога и будет разгадкой моего бытия? Что-то же меня тянет в Бодайбо... А куда меня не тянуло? Зачем? Может, в этом и есть моё второе Я? Почему, на каком основании мне не велят ехать? Ехать за разгадкой. И если я хочу, желаю, то я должен ехать. Всё. Ехать.

Вернулся к столу и написал на листке бумаги: «Захотелось вернуться в детство. Не поминайте меня лихом».

Раскрыл дверь и ступил на крыльцо. Вот с этого момента должна начаться другая жизнь. Какая? А кто её знает?

В поезде Красноярск-Лена вошел в ресторан. Два подгулявших мужичка рассказывали друг другу. Как они, в прошлом году

возили на лесовозах хлысты из тайги и как они в каком-то распадке буксовали. Сел за их столик. Они на меня – нуль внимания.

В дороге почувствовал себя тем, кем был все годы – наметил клиентуру. Но что-то во мне продолжало бороться. Что-то внутри не желало заниматься прошлым делом... Протестовало, но я упрямылся. Приходила отчаянность, хотелось рискнуть, как бывало. Эдакий обуял кураж...

Солидного седоватого гражданина сразу приметил. Ах, дядя, зачем же ты так? Он успел пообедать, и, видимо, решил рассчитаться с официанткой. Вынул из левого кармана модного липеня в полоску толстый большой кошель. Был он похож на карася. Хлопнул его на столик. Зря так такого карася выставлять на показ.

А мужики гуляли на трудовые. Тайно любил этот народ и завидовал ему. Уважал их широкую натуру, за компанейство в дороге. И сторонился их из-за непонятной для меня феноменальной любви к своей рабочей профессии. Никогда не обижал их, не обирал. Считал, что деньги, заработанные честно, как у них – святые деньги. Правда, стали появляться в леспромхозах сезонники с запада, особенно с западной Украины. Это другой народ. Они крепко отличаются от коренных сибиряков. И эти сезонники принесут столько вреда природе, что десятилетиями надо будет восстанавливать утраченное и разбазаренное. А им помогли местные власти, особенно райкомы и обкомы партии. Именно они рука в руку с этими сезонниками будут рубить сук под собой. До последнего бревнышка увозили целыми эшелонами. А во главе этого варварства стояла доблестная коммунистическая партия. Это было страшное время для сибирской тайги.

Мужики, как дружно рассказывали о любимой работе, так же враз и затихли, оглядели меня и один спросил:

– Рома, однако? Вишь, кнут. А где твой конь?

Я не обиделся. Пусть порезвятся, но ответил:

– Человек я вольный. Из вольных я. сибирских

– Ух, ты! А я чо? Не вольняк? Мы тоже вольные. Сибиряки.

Из деревни мы. Чичас вот в лесу работаем.

– И я сибиряк. Вы подневольные. Вы люди государственные, а я на себя тружусь. Значит, я – вольный.

– Бич чо ли? Туняедец? Все должны работать на производстве, или в колхозе. Как можно без этого?

– Ну, а если я пожелаю занять собственное хозяйство? Коров, свиней, кур. Захочу построить кузню, занять лошадей. Завести гусей и уток? Что тогда?

– Как? Значит, кулак. Мы придем и раскулачим. Нельзя всё такое иметь. Неположено. Всё должно быть общее.

Фартовый гражданин стал рассчитывать с официанткой. И любезничал с ней.

– Ну, парни вы даете! Отлично. Мы с другом создали маленькую организацию по изъятию излишек.

– Чо тако? Не слышали.

– Ещё услышите. Обещаю. Шуму будет.

– А ты чо, из этих? Из властей? По рожу не похожий. Кто ты?

– Начальники все в галстуках и с портфелем ходят, а у тебя кнут. Загибаешь...

– Эх, ребятки, не из райкома и не из обкома я. Не бойтесь, лекции вам читать не буду. А надо бы. О свободе труда. Всё равно не поймете. А вот скажите мне, что это за гусь лапчатый рассчитывается за обед? Не знаете.

– Как это не знаем?! – возмутился один из мужичков. – Недавно его из Братска прислали. Будет он начальником Коршуновстроя. Это же Матвей Исаакович Тест. Фамилия у него такая.

Фартовый начальник был уже на выходе. Я за ним. В тамбуре соседнего вагона стояли курильщики. Стал обгонять фартового и привычно навалился на него и пальчиками почувствовал «карася» Теперь он мой. Оторвался от фартового и проследовал в соседний вагон. По пути заметил ещё одного. Дядя в галстук и с портфелем шел в ресторан. Сегодня он у меня погуляет! И его карман подчистил...

В купе я был один. Бывало, с Буратино полностью закупаю купе. Пытался и здесь такое сделать. Три места взял, а четвертая полка каким-то парнем занята. Его выпроводил. За хорошие

деньги многое, что можно купить, и если это сезонник. Этот народ падкий до денег.

К моим тысячам прибавилось ещё две с половиной тысячи. Погуляют начальнички. Я ещё поработаю. Сначала в Бодайбо, а оттуда в Сочи. Найду там поделщика.

Город Усть-Кут на реке Лене. В промтоварном магазине молоденькие продавщицы за подаренные мною шоколадки, примеряли на меня одеяния. В награду подвесил им целый веер шоколадок. Купил на пароход билет в номере – люкс. Вернее два билета. Не пожелал соседа. Надел темные очки, кожаные перчатки, купленные в сапожной мастерской хромовые прохоря, взял трость с перламутровым набалдашником – отдал одному чистенькому парикмахеру-старичку четыре сотенные бумажки. Сунул за пояс кнут – и в лучшем виде по трапу вошел на пароход. Не удивился тому, что люди тарасили на меня глаза. Кнут за поясом, чудная трость, галстук с бабой... Пусть смотрят. Как интересно! Словно я какой-нибудь комиссар, только без сопровождающих. Нет, они мне не нужны. Без них лучше.

Кого же мне ещё щипануть? Теперь я свободен! Воля! Смотрите на меня, феодалы, и трепещите! Пощады вам не будет! Плевать мне на всё!

Какая чудная штука – Воля!

Воля!..Волюшка...

РУДЯ

Из ресторана или как ещё на пароходе называют, салон – ушел. Сидел в номере и ждал официантку. Вызвал в номер.

Её я приметил в обед. Она подошла к столику и почти рядом остановилась. Она смотрела в блокнот и ждала. Не знаю почему, но это яркое розовое платье, нежный загар на округлых руках по плечи, шее, и ярко-белый передник, словно белая роза, чудом держащийся на мощных бедрах, мне вдруг напомнили большую и красивую матрешку. Девушку звали – Ритой.

Она была вся какая-то круглая: и лицо, и черные глаза и даже пухлые губы.

Заказал обед и неожиданно для себя пожаловался на головную боль. Будто внутри меня кто-то возник и сказал, что у меня заболела голова, хотя боли в голове не было. Что-то за этим крылось. В тот момент не упрявился, как это было в поезде. Будто спелся с тем, кто во мне этого не хотел. Значит, такое вот нужно обоим: и мне, и внутреннему – Я. Интересно! Официантка взглянула на меня всего один раз и отвернулась. В ресторане-салоне людей было много, но почувствовал, что она хотела взглянуть именно на меня. Но желание подавляла. И вот сидел в номере и ждал. Кладнула дверь, и вошла Рита. Вспомнил конторских красавиц, и как они смотрели на меня, и как бы взглянули сейчас. А ты, гражданочка, в тот раз...

Сидел и смотрел на неё. Чем-то она похожая на на красавицу из конторы, словно родная сестра. Рита взглянула на меня, и её лицо заалело. В её руках блокнот и карандаш.

– Кофею принесите, – тихо попросил я. – И какую-нибудь закусь. На твое усмотрение, родничок.

Испуганно ойкнула, потом улыбнулась.

– Господи, – сказала девушка. Сунула блокнот с карандашом в карман на фартуке. Он наполнен деньгами. Ладонями прикрыла румянец на щеках и ещё раз повторила, – Господи...

– Согласен. В Бога надо верить. Вот видишь у меня крест на золотой цепочке. Да и церковь, наверное, забыла посещать. Извини, что перешел на ты.

– Но я... Чего же это я... Откуда вы знаете? Меня так называл – родничок...

– Бог с ним, кто кого называл, перебил её и развалился на диване. – Родничок. От тебя веет силой, здоровьем, мадемуазель. Ведь родничок питает реки, моря... Не с таких ли, как ты, и начинается великая Русь. Ты даешь бодрость нам, мужикам, мы молодеем, и любим с первого раза, – говорил я и думал: «Играешь, братец. С перебором пошел». Но меня несло, и не мог остановиться. Со мной иногда такое происходило. – Ты эликсир молодости, жизни. Ты есть родничок. Какое прекрасное имя. Родничок. Ты просто будешь... Рудя. Чудное имя я тебе дал. Я всё люблю красивое и пышное...

– Родничком меня называл мой...муж, – сказала она, не отнимая рук от лица. – Вы очень похожие на него. Он работал на базе, ну и...

– Не надо, Рудя. Не надо. Я начинаю ревновать, скучать, нервничать... А это для здоровья шибко плохо. Давление повышается и ещё что-то там нарушается. Не надо, Рудя.

– Но он был хороший, – ответила Рудя и опустила руки. Доверчивые глаза умоляюще смотрели на меня. – Его товарищи заманили. Он даже не знал, что там творилось.

– Не надо, Рудя, – снова повторил я. Мне стало скучно. Выпрямился на диване и нахмурился. Счастливый был этот муж, имея и обнимая такую пухленькую красавицу. Быстро сказал: – Ты деньги подальше убери. Выставила напоказ. Вдруг на этом пароходе есть щипач, карманник, воруга? Этот народ падкий до денег... Это несознательные граждане на теле нашего родного государства.

– Я сейчас, – сказала она, и сунула руку в карман, и стала уминать деньги. – Сейчас я что-нибудь принесу.

Она развернулась, но не удержалась и повалилась на диван, рядом со мной, но сразу же вскочила и перехватила мой взгляд. Одернула платье. Успел заметить её нежно-розовое тело выше колен. Лучше бы не видел этого тела выше колен! Сердце-то моё не железное. Впервые увидел вот такую женщину. Странная встреча. Рудя выбежала из номера. Налил полный стакан лимонада и стал жадно пить. Что дальше делать – не знал. И тут она вошла с подносом. На нем чашка с кофе и ещё что-то в тарелочке. Рудя неуверенно поставила поднос на столик, сняла с него всё. На меня не смотрела.

– Вот... Откуда ты?

– Оттуда, – ответил я и ткнул пальцем в потолок. – Марсианин я. В общем-то, странный человек с другой стороны. Так меня, как-то один старичок обозвал. Оттуда прилетел. Порядки наводить.

– Поняла. Летчик. Но, как-то странно ты одет, да и говоришь не так, как надо бы...

– А всё потому, что я с другой стороны. Желание появилось речь толкнуть. Прекрасный напиток. Но чай лучше. Летун я.

Порхаю над землей и по земле. Делаю отбор. Одних обираю, других за дело наказываю. А перед этим лекцию читаю о честности и справедливости к простым людям. Речь толкаю... Пример – волки. Для равновесия они есть в природе. Так и в обществе. Вот и летаю по грешной земле. Меня природа одарила, чтобы я следил за равновесием. И толкать речи. Для опыта над человеком.

– Туманно как-то, – ответила она и села рядом со мной. – Счастливый ты. А я? Говорят, что каждый человек кузнец своего счастья. Из меня плохой кузнец. Найти себя. А я не могу найти себя. Подруга у меня на Волге. Зовет к себе. На теплоходе работать. Я очно училась в институте. Перешла на четвертый – заочно. Учительницей мечтала стать. И вот пока здесь. А вот ты нашел себя.

– Ты ученая, грамотная. По Волге, говоришь? – переспросил я и задумался. Играть с ней или на полном серьезе. – Бывал там. Бывал в Горьком. Одного милейшего друга навестили. Шибко отяжелел милок. В кресле городском сидел родненький. Власть. Нешто позволить? Я тогда ему шик-лекцию прочитал. Закачешься. Жизнь – естественный отбор. Взмоешь птицей в небеси и паришь над брэнной землей. Всех грешников видно. Нешто не антиресно? А вот когда крылья подрезаны...

– У тебя несчастье? – встрепенулась она, а в глазах неподдельный испуг. – Чувствовала, что-то у тебя случилось. Уж больно ты какой-то не такой, как все. Задумчивый, сторонишься всех. И потом это...бич...

– Я не бич! – резко ответил я.

– Ты что? Я про этот...Как его... У тебя вон на диване лежит...

– А это? Подарок судьбы. Для равновесия истины, для лекций, речей

– У тебя что-то с работой?

– С работой? Ну, да. С работой. С ней, родимой, с ней. Временный прокол. На военном самолете летал, и выполнял опасное задание. Секретно. Да и спикировал на одного... Он работяг обирал... И вот я здесь.

– Ну, и слова у тебя. Будто всю жизнь на улице рос.

– Было дело.

Начал такое гнуть, и не заметил, как коснулся её упругого плеча. Не захотелось играть. Пропал интерес. В душе появилась непонятная для меня к ней нежность. Странно. Захотелось погладить её по голове. Просто погладить и всё. Рассказать о своей жизни. В груди поднимался болючий комок, и он медленно, но уверенно катился к горлу, душил меня, давил на сердце, и я хорошо знал, что с этой минуты начнется всепоглощающая тоска. Мои руки, чёрт бы их побрал, соскользнули с плеча девушки на грудь. И вдруг...

– Ты...Ты...Как все, сказала она тяжелобольного ангиной, и взглянула на меня широко расширенными глазами. Быстро встала. Болючий комок как бы растворился, заполняя тело и продвигаясь к ногам.

– Я думала, ты другой... А ты, как все... А ещё летчик...или кто ты там? Зачем так? – скороговоркой прошептала она, ставя на поднос чашечку и тарелочку. Рудя подвигалась к выходу. – Все вы такие...К вам душой, авы и руки распускать...

Она почти выскочила за дверь, когда я крикнул, не зная ещё, зачем крикнул, и ведь об этом не думая, что так надо было кричать. Не думал...

– К чёрту летчика! Да никакой я не летчик, а налетчик. Летун я и тунядец. Бич я! Я, может, вот такую всю жизнь искал! Вот поэтому я таким и стал. Всю жизнь такую искал. Всегда! И вот встретил. А ты кочевряжисся от своей грамотности. Ну и иди! Иди к своему мужу!

Она убежала, а я совсем растерялся. Что же это я смолот? Кому это я в любви признался? Что это? Странно...Отчего это во мне появилось новое, непонятное. Вдруг захотелось выбить окно и убежать от жгучего стыда. Странно. Я никогда не испытывал стыд с другими женщинами, когда встречал на своем пути. Играл с ними, обманывал, и они играли со мной и тоже обманывали, чтобы потом ор разойтись навсегда. Но сейчас было что-то другое. А если она узнает, кто я на самом деле? Зачем кричал? Может, кричал тот, кто во мне? Тогда зачем? Может, он чувствовал, что эта женщина – то самое, ради чего я ехал в Бодайбо.

За окном начало темнеть. Надев пальто, вышел из номера. Пошел на носовую часть. По воде стлался ранний туман, с гор спустились сумерки, и туман полз по распадкам, как дым от костров, и чем дальше мы плыли, тем туман становился гуще. Вдруг мне показалось, что не туман это – а за высокими, темными, бесконечно тянущимися горами по обеим сторонам реки, сидели два великана и протягивали друг другу руки. Их длинные темно-синие пальцы стали соединяться, образуя тонкие протянутые через реку перемычки, и когда пароход врезался в эту перемычку, напоминающую теперь сильно выпущенную струю от сигареты, мне становилось трудно дышать, и подкатывал болючий комок. Каждый раз закрывал глаза и ждал, когда мы проплывем перемычку, но потом открывал глаза и снова смотрел, как мы приближались к перемычке, и опять не смотрел, ожидая того момента, когда мы вырвемся на чистую воду. Но впереди опять перемычка, теперь толще и таинственнее. Стало темнее, и сверху дохнуло холодом. Запрокинув голову, ощущал лицом этот холод и сырость. Темно-синее небо пока без единой звездочки шевелилось сразу над пароходом, прямо над головой, что-то быстро перемещалось, шелестело, хлопало и словно смеялось, а там, на черной полосе берега, там, откуда ползли, утолщаясь в гору, таинственные перемычки тумана, вдруг загрохотало, задвигалось, и казалось, что оттуда раздастся громкий голос одного из великанов. Я опустил голову, уткнулся подбородком в горячую грудь, и по телу пробежали мурашки. За бортом ещё можно было разглядеть черный берег и воду, будто застывшую и гладкую. Кажется, вот ступи на неё, и пойдешь по ней, и скроешься от людей вон там, на темном берегу. Вдруг представил, как бы остался на таком берегу, один на сотни километров от жилья, ночью. Всеми заброшенный, забытый, одинокий... Встал и пошел в номер. Там было тепло. Оно успокоило меня. Сел у окна и стал смотреть в него, а оно черное, с серыми точками-каплями от сырости, как на сварочном стекле от шлака. Посредине стекла огонек чуть-чуть двигался по прямой. Закрыл огонек ладонью, но он выскользнул и снова засветился. Это бакен, маяк на фарватере. Он показывал нам путь, чтобы мы не заблудились и не сели на мель. А где мой маяк? Его нет. А мель – вот она. Сел. А

если продолжить игру? Тогда это будет как с другими. Значит, во мне сидело что-то такое, чего я даже сам в себе не предполагал? А ведь тот дедок из деревни Коршуниха именно об этом и говорил. Так что там, во мне сидит? Как это возможно? Значит, что-то во мне есть такое, а я толком и не знаю об этом. Странно. Вроде всё знаю о себе, а вроде и ничего не знаю. Действительно, возможно я есть человек странный, да ещё с другой стороны. Да нет во мне никакой странности. Бродяга, туняец и вор. Вот это всё верно и точно подмечено. Просто сама жизнь заставляла меня играть со всеми и с самим собой. Вокруг меня все играли, играют, а почему мне нельзя? И вот этот огонек на окне... Проскользнет он, как Рудя в моей жизни. Навсегда исчезнет... А может, увидев её, мгновенно придумал такую, какой она мне представилась. Но на кого же она похожая? Кого она мне напоминает? Кого?

Клацнула дверь, и на пороге – Рудя. Сейчас на ней бордовое платье. Лицо почему-то выглядело бледным, глаза темные, и в них таился испуг.

Она закрыла за собой дверь.

– Ты извини... потом я одумалась Ты хотел что-то мне рассказать, а я не поняла... И Бог весть что подумала...

Она села на диван напротив меня. Нас разделял столик. Не знал, куда девать руки. Помолчали. Такого со мной ещё не было. Она вдруг протянула руки и поймала мои. Появилось желание всё рассказать о себе... Оказался рядом с ней. Ощущал её желанную, горячую, доступную. ... А она, словно из другого мира, опутала меня невидимой пеленой доселе неведомого мне существа, сковала, загипнотизировала. Я торопливо говорил, заглатывая слова, а она прижимала мою голову к своей груди, быстро гладила волосы, словно успокаивала. Гладила по щекам мягкими ладонями, то целовала глаза, губы, то опять прижимала к груди, и когда останавливался, чтобы набрать воздуха, она шептала:

– Господи, Господи... Я же чувствовала, будто знала, что ты такой. Ты маленький зверь. Совсем, совсем холодный душой. Ты не такой. Ты нежный... У меня не было мужа. Я его придумала. Это мой брат. Он в тюрьме. Я очень люблю его. Его освободят. Ты очень похожий на него, будто родной брат.

Сколько прошло времени? Мы ничего вокруг не замечали.

Выговорились, и молча смотрели друг на друга. Она нежно и печально, а я держал её руки. Мне было просто хорошо сидеть рядом с ней, молчать и держать её руки. Она нарушила молчание.

– Странно. Вот бы брат Коля...увидел бы...Я ведь впервые вот так с парнем сижу. Обнимаю. И не знаю так вот, зачем. Целую так вот. Зачем? Что со мной? Не понимаю.

– Я тоже не знаю...

Она убрала мои руки, потрепала мои волосы и встала.

– Ты не ходи за мной. Не ходи...

Она ушла, а я сидел, смотрел на дверь и думал. Что со мной? Ведь к этой девушке в моих мечтах ничего плохого не было, как было с другими. Тут что-то другое. Рассказал всё о себе, не видел, чтобы она смеялась надо мной. И потом. Поверила мне. Нет, она не смеялась надо мной. Нет.

Поздно вечером Рудя пришла ко мне. Она стояла у двери. На кого же она похожая? Стой! Она чем-то похожа на женщину, как её, с картины...Её называют Даная. Об этом и сказал ей. Лицо Руди просветлело, она подошла ко мне, потрепала за чуб и стала разбирать постель...

– Я пришла к тебе из эпохи Возрождения. С меня писали Даная

Обнял её. Что со мной?

...И мир словно исчез для меня...Я и будто не я...Другой человек вместо меня. Рядом со мной, во мне, кто он? А это кто? Она! Божественная Даная! Вот они густые, распущенные и блестящие, как утреннее море волосы.

А может, это я шептал:

– Это ты, мой друг? Ты во мне? Рита? Рудя? Я искал тебя всю жизнь. Любушка моя, я прошел полземли, повидал земли, моря, искал тебя вот такую. Будь моей...Теперь я тебя не отпущу от себя...

Это сон?

Она обнимала меня и шептала:

– Я ждала тебя...Ты будешь ещё счастливее, но без меня тебе не будет счастья. Ты с другой планеты, а я с другой. Мы плоть вселенной. Для чего? Кому это нужно? Нам не судьба быть вме-

сте. Чувствую. Будто кто-то говорит во мне, что мы не будем вместе.

Существовал ли я? Как разъяренный зверь неубывно и неотомимо бросался и бросался в объятия этого милого создания.

Великое счастье быть рядом с этой женщиной! Но такой уж я человек, что счастье пройдет. Создан для несчастий. Правильно сказала одна бабка, когда я родился, что этот парень родился для несчастий. Какие только испытания я прошел в ещё короткой своей жизни. А что ожидает меня дальше. Ничего хорошего и путного не вижу. Может, всё, что происходит сейчас сон?

Опять сон? Нет, это не сон. Таких снов не бывает...

В Бодайбо мы пришли утром. Будто понимая моё состояние, пароход, словно не решался приткнуться к пристани. Я не ожидал, что так быстро прибудем в Бодайбо. Мне очень хотелось продлить время, проведенное с Рудей. Во мне всё продолжало трепетать. Будто и не жил вовсе, и не было прошлого, а только настоящее, но которое было, а будущее вот оно, в этом городе, в этом берегу, на который я должен сойти. Рудя умоляла вернуться с ней обратным рейсом и прийти на мою работу и объяснить начальству о нашем намерении. Успокоил её тем, что, мол, немного побуду в городе и вернусь.

Надо было разобраться во всем. Хорошо. Останусь с ней, и не начнется ли во мне то, что было всегда – необъяснимая тоска по новому месту. Что тогда? Только не приходи, Рудя! Не приходи. Загадал, если придет – останусь.

Пароход осторожно приткнулся к причалу. Темный, движущийся поток людей вытекал изнутри парохода, некоторое время полз по набережной, а потом растворился.

Дождь со снегом усилились, домов не видать. Вдруг подумалось, что мы пристали не к городу, а к какому-то берегу, что сейчас вернуться люди, и мы поплывем дальше. Смотрел на берег и ничего не узнавал. Так же, как много лет назад, шел дождь со снегом, словно с того дня он не переставал вовсе. Вдруг увидел стоящего на берегу мальчишку и вспомнил, как меня провожали ребяташки с «Шанхая», и мне захотелось увидеть город. Очень захотелось.

Вдруг кто-то во мне сказал, а возможно, я так подумал.

– Иди. Тебе надо идти. Смысл в другом, а пока тебе не понять этот смысл. Пойдешь ты в город или не пойдешь, вернешься или не вернешься – всё равно не будете вместе. Но не сейчас. Потом... Иди спокойно в город, и там ты узнаешь многое для себя. Иди в город. Так нужно...

– А я бегаю и ищу тебя, – услышал голос Руди. Вот она! Не выдержала.

Она подошла ко мне и взяла меня под руку, заглядывая в моё лицо. Увидел рядом её влажные глаза. В них нескрываемая тоска, печаль, и у меня опять появился комок у горла.

– Не ходи. Я должна быть возле тебя. Знаю – ты судьба. И вроде чувствую, что мы не для друг друга. Не пойму что это такое? Будто кто-то во мне есть. Не пойму. Зачем? Не ходи. Мне сон приснился. Нас разлучат. Видела большую квартиру и в ней много книг. За столом сидит молодой человек, но не ты. Кто-то сказал, что это мой сын. Видела его как наяву.

– А своего хахалю не видела? Рожу его не углядела?

– Ты зачем так? Зачем?

– Мне надо идти, – тихо ответил я, поняв, что сейчас надо уходить. – успею вернуться. Меня что-то тянет сюда. Надо идти.

Я отнял её цепкие руки, развернулся и пошел. Она крикнула:

– Я должна быть рядом!

– Ну и дура! – услышал голос с верхней палубы и сжал кнут. Но, надо идти.

На пристани никого не было. На выходе из парохода стояла Рудя. Она заметила, что я оглянулся – встрепенулась. Плащ стал сползать с плеч. Она ловила его одной рукой, а другой быстро-быстро махала. Видел эту руку, оголенную по плечу, большие и белые колени, и на душе стало больно и слякотно... Тоже поприветствовал, и пошел по улице. А вот и остановка автобуса. Здесь стояло несколько человек. Парохода отсюда не видно... Не поступил ли я подло, бросив обманутую мною девушку, которая доверилась мне, первому в своей жизни мужчине? Но я вернусь к ней. А возможно, и нет...

Захотелось есть. Встал под навес. Такое возникло чувство, будто ничего и не происходило на пароходе. Ничего...Какая-то тоскливая пустота заполонила меня, вытеснив чувства, мысли.

Людей под навесом мало. Мужчины. Подошли две женщины. У старой лица не видно. На ней длинный жакет с темными проплешинами на спине и рукавах, на голове шерстяная шаль. Рук не видно, они на животе, наверное, в плюшевой муфте. И ещё молодая женщина в красном одеянии со злыми и не растраченными в любви глазами. Все посмотрели на меня, а молодая особа даже хмыкнула, и опять стали смотреть в одну сторону. Оттуда должен появиться автобус. Дождь перестал, но густой, морозящий туман висел между домами и словно чего-то ждал. Солнца не намечалось.

Через дорогу проглядывались дома, но города из далекого детства не узнавал.

Подошел мрачный автобус и коротко квакнул. Люди, деловитые и молчаливые, медленно втискивались в открывшуюся дверь. Ехали на работу. Мне жалко их. Видел ли я когда-нибудь наших людей веселыми, когда они ехали на работу? Не видел. Весьма редко можно было увидеть веселое лицо, и то оно быстро растворится среди других лиц, угрюмых и злых. Мордастый, в кожаной куртке шофер, мне кажется, был как раз из таких редких экземпляров. Он осмотрел людей через укрепленное над ним зеркальце, обшарил всех маленькими неопохмельными глазками. Остановился на мне. Долго рассматривал трость и кнут. Правый глаз дрогнул в приветствии. Маленькая кепочка черной кляксой торчала на макушке головы, похожей на футбольный мяч, с преобладающей красной расцветкой. Крошечный чубчик говорил о том, что это закоренелый кадр Бодайбо или из Черемхово. Только в этих городишках в дни моей молодости, заметил, носили так небрежно кепочки и такие вот чубчики.

– С жилухи, паря? Там чичас вот такие? Я и то думаю. Как там жись-то? Давненько я тама не был.

– Оттуда. Жись как жись. Везде одинакова. От себя зависит. Много лет здесь не был. Хотелось бы чего-нибудь вспомнить. Поглядеть...

– Стиляга, – нервно бросила злая дама в красном.

– Остановлюсь у гостиницы. Если нет места, то прошу ко мне. Возьми адрес. Поболтаем об чем-нибудь.

– Нашел пару, – опять сказала дама.

– Чо? Опять мужик в две смены пашет в забое? – сказал один мужик. – Всё ему денег мало. Лучче бы он дома в две смены пахал. Хитрая баба. И деньги тебе надо и тут же хорошего мужика. Что-то одно надо милая.

Два мужика, стоящие рядом со мной, засмеялись.

– Свово-то совсем заездила. Деньги ей надо. Ты бы у меня не поездила каждый год по Домам отдыха. Надо же! А мужик в две смены пашет!

– Вам только ржать! Дураки! – рывкнула женщина и стала пробиваться в конец автобуса.

– Тебе мужик здоровый нужон. Бравенький, да с кнутом...

Дорога поворачивала в гору, а город всё время был в стороне. Я увидел остановку и неожиданно для себя решил сойти. Шофер сообщил адрес.

Со мной сошла старуха. У неё в руках оказалась муфта.

Старуха посмотрела на меня белыми, как у вареной рыбы, глазами.

– Цветы надо было у киоска взять, правда, они бумажные, но вполне сносные. На огороде-то у меня ребятишки сорвали. Перед школой надо.

Как говорила старуха, и как она прямо держалась, хотя время гнуло её, понял, что это учительница или библиотекарь. Заметил, что только они так ловко умеют сюсюкать, при разговоре пытаются выпрямляться и дергать головой. Наверное, сейчас на пенсии и возится в огороде. От неё пахло сырым, репчатым луком и укропом, а в морщинистых руках, которые она вынула из муфты, тоненький букетик из дешевых бумажных цветов. Подумал, а что если она учила в первом классе меня и Риту? Даже остановился. И тут заметил кресты, черные от времени и от дождя, и мрачные, как само небо. Но делать было нечего. В город надо было идти через кладбище.

– Идемте, идемте... Живым-то веселее вместе, – и взглянула на трость и на кнут. – Ох, уж эти старатели. Они от радости одеваются безобразно...

Над её лицом будто хорошо потрудились искусный мастер, вырезая морщины клетками, и присыпал их порошком. От её рук и лица, кроме лука и укропа, несло смертью, вот этим кладбищем, к которому мы приближались.

– Я к Колюше иду. К сыночку моему. Не пришла вчера. Простит меня. Приболела. Вот умру, а кто ему могилку поправит, кто цветочки принесет... Я уж договорилась с людьми и деньги дала, а люди говорят – живи, Наталья Васильевна. Я и живу. А вот сыночка нет. Давно нет. У тебя кто здесь? Из чьих будешь?

– Приезжий я. Родственники здесь.

– Даже в других местах надо склонять голову перед кладбищем. У меня был сынок Колюша. Пошел на войну и погиб под Москвой. Мужа в тот же год арестовали. Думаю, что расстреляли. Он как-то выступил на собрании в защиту расстрелянных людей в 1938 году. Тогда было убито девятьсот сорок восемь человек. Это был второй ленинский расстрел. Столько людей загубили и – молчок. Сейчас мне можно говорить. Я старая. Что с меня взять? Собрала я одежду Колюшину. Музыка заказала. Одежду в гроб положила. Всё его дух там. Была у него невестушка. Она и меня уже забыла. Тоже старенькая стала. Дети её могли бы быть моими внуками. В последнее время я стала засыпать. Плохо во сне его вижу. Сегодня мы с ним ботву с огорода соберем, на плетень развесим. С ним посидим и поговорим. Во-он мой сынок.

Сразу обратил внимание на большую тумбу, будто только что поставленную. На ней ярко горела звезда. Старуха что-то шептала, вошла в раскрытые дверцы оградки. В тумбу вмонтирована фотография сына. На меня смотрел широколобый парень. Он широко улыбался и будто подмигивал. Из-под кепки виднелась челочка. И вдруг мне показалось, что на скамеечке, что находилась в оградке, сидел парень, очень похожий на сына старушки. А вокруг него туман, или что-то похожее. Закрыв глаза и резко открыл. Никого. Чудеса! Ну и мираж! Что это было со мной? Заболел?

Кладбище было старое, а новое, видимо, было дальше. Здесь же могилы во многих местах провалились, и мне показалось, что от него исходил неприятный дух, напоминающий запах выжженной на солнце травы. Я пошел мимо маленьких холмиков,

истлевших крестов, тумбочек. Меня овладела тоска, одиночество. Шел и смотрел на маленький холмик, заросший бурьяном, и вдруг подумал – когда же ты умер, человек? О тебе забыли, может, нет уже и родных и близких, и нет человеческой памяти о тебе. Один холмик. Пройдут ещё годы, и от могилки бабкиного сына ничего не останется...И надо мной когда-нибудь пройдет человек и тоже, как и я, подумает: кто ты, лежащий здесь? Но пока память жива...А что думает обо мне мама? Господи, как же старо это кладбище? Зачем так? Похоронили человека и словно и не было его... Где память? Почему мы так относимся к своему прошлому?

А вот появился и внутренний мираж во мне, в моих мыслях. Будто кто-то во мне сказал:

– Ну, вот ты и встретился со своим прошлым. Смотри, смотри на эту маленькую могилку. Здесь твое прошлое. Ты весьма любопытный тип.

– Глюки начались, сказал я и остановился. Вроде не пил. Дожил...Ничего не скажешь.

– Иди. Тебе надо спешить. Тебе надо попасть к Руде. Сейчас я хотел тебя пожалеть.

– Не надо меня жалеть, – прошептал я. – Как-то не привык, чтобы меня кто-то жалел. Не надо меня жалеть.

Почти стоял на этой маленькой могилке. Ещё этого не хватало. Отступил на шаг. На мгновение над могилкой появилось лицо девочки, и тут же скрылось. И что-то в ней было знакомое. Мне стало страшно, и я перешагнул могилку и побежал. Правду говорят, что на кладбищах случаются разные чудеса. А тем более я верю в разные чудеса, как и в существование Бога. А у того окна в нашем бараке? Видимо, я сам такой чудной, вот кругом и кажутся разные чудеса. А тот дедок из деревни Коршуниха, который сообщил мне, что он дух Илима? Это же интересно. А вот Генка ничему не верит. А разве мои новые товарищи по бараку верят во что-то? Мне, кажется, и Рудя не верит. Так что лучше мне надо молчать про все эти разные заморочки и чудеса, что иногда случаются со мной? Мало ли кто и что обо мне подумает? От таких признаний можно кое-куда угодить. Какой-то

я непутевый. Всё у меня не так, как у людей. Про таких граждан говорят – лихие люди. Вот я один из лихих граждан.

Миновал кладбище и пошел шагом. Вышел на дорогу. Сел в попутку и поехал до гороно. Вошел в маленькую комнатку с единственным окном, плотно закрытым шторами. Над столом, на длинном шнуре, свисала лампа, похожая на мандарин. От этого в комнатке был вечерний розовый цвет. За барьером, в уголке, за высоким столиком сидела та женщина в красном, что ехала в автобусе.

Я говорил, а она смотрела на трость и кнут. Расстегнул рубашку до пояса, показывая крест на золотой цепочке.

Женщина встала и куда-то вышла. Вскоре она пришла с какой-то бумажкой. Бесстрастно сообщила:

– Вам повезло. Через столько лет... И вот что имеем.

Она сообщила адрес и добавила:

– Адресат выбыл.

– Как выбыл? Вот же адрес.

– Адресат выбыл. Люди, имеющие такую фамилию, выехали.

Адрес остался. Получите.

Женщина села в свой глухой уголок. Я взял бумажку. Надежда ещё оставалась. Кто-то же в том доме живет. Стало немного веселее. На пороге сказал:

– Брызгай отсюда. На пляжи. На юга. Там веселее.

– Приехал за прошлыми грехами? – тихо и зло ответила она.

– Оказывается и у уголовниках что-то пробуждается.

– Пробуждается. Честняк. Мотай отсюда. Мужуку нервы мотаешь, и сама вся извелась. Сама знаешь от чего. Всего тебе. Какой я тебе уголовник. Может я из министерства. С комиссией.

– А куда денешь твой говорок. Навидалась вашего брата...

Вышел. Кончилось настроение вести разговоры. Стояли две доски. На одной фотографии передовиков, на второй – участники войны живые и погибшие. Видел фотографию того парня с кладбища. Стоп! Вот тут написано... Вот оно имя моего дяди, родного брата моего отца. Стрелов Василий Георгиевич! Его тут тоже помнили! Не забыли. Помнят. Вот он я! Твой племянник! Во мне есть твоя частичка! Эх, дядя Вася. А я что? Но мне тоже надо поставить памятник. Я отбирал лишнее у богатых и раз-

давал бедным. И что? Теперь я отверженный, каким был всегда, лихой человек. Вот где мы с тобой встретились Стрелов Василий. Нажраться бы сейчас...

По мере того, как приближался к той улице, и всё убыстрял шаги. Улица была на окраине города, широкой и пустой. Всё вокруг стало ярко, воздух будто очистился от сырости. Солнце, словно белый большой плафон, было между двумя серыми тучами, похожими на спину двугорбого верблюда. На большой поляне, похожей на огромный узбекский ковер, трава казалась, несмотря на осень, ярко-зеленой, и из травинок дрожал и вытягивался тоненькими паутинками туман. Ярко пестрел зеленый лес, а на гольце, через Витим, сверкнула белизной его голая макушка. Где-то совсем рядом заголосил петух.

Сгорбленный дом, в котором жили Турчаниновы, по самые окна провалился в землю. Когда открыл скрипучую калитку и вошел во двор, мною овладело волнение. Вдруг узнал, или может, показалось, что узнал. На крыльце стояла девочка лет десяти, с короткой прической черных волос. Закрыв глаза и вспомнил далекое прошлое и другую девочку. Она бежала ко мне, потом ткнулась в мою шею. Губы у неё были холодные и твердые. Я увидел именно её над могилкой. Это была она! Рита! Мне стало страшно, и открыл глаза. Девочка удивленно смотрела на меня.

То далекое узнавал и не узнавал. Двор маленький, в углу стоял сарай, и там была собака по кличке Отгадай. Сейчас на этом месте ходили куры. Из дома вышли двое – женщина и мужчина, примерно одного возраста. Они неохотно пригласили меня. Кухня маленькая, посередине русская печь, выкрашенная в голубой цвет, маленький стол, накрытый старой с темными пятнами, будто сросшейся со столешницей клеенкой. Крошечный шкаф под посуду. Через открытую дверь горницы увидел большой стол. На нем, в маленькой тарелочке, красные помидоры, в блюде нарезанные очень тоненькими ломтиками сало, толщиной с бумагу, и две луковицы. Маленький графинчик с мутной жидкостью стоял посередине стола – самогон. Хозяйева кого-то ждали.

– Мам, иди сюда! – зычно крикнул скупой хозяин, хотя для такого голоса он не подходил. У него такая фигура и лицо, что,

увидев его, мне почему-то вспомнилось заброшенное кладбище, маленькие холмики и покосившиеся кресты и тумбочки. Когда вошла мать, похожая на сына, хозяин закрыл дверь в горницу. Матери объяснили цель моего прихода, она постояла, потом села на суетливо подставленный женщиной табурет и сложила под фартуком руки, поджала губы.

– Жили оне здесь. Мы с мужем купили ейный дом. Муж мой почил, царствие ему небесное, – и она неистово перекрестилась. – Потом я вот их вызвала. Уехали оне, а мы вот здесь-ка.

– У них была девочка, – сказал я, теряя терпение.

– Были, кажись... Двое... Маленькие крошки...

– Да нет, бабуля, у них была девочка лет десяти.

– Зачем ты со мной споришь? Не люблю, када со мной спорят.

Муж и жена угодливо захихикали.

Вдруг раскрылась дверь. В кухню ввалился огромный мужчина в широченных шароварах. У мужчины руки в глине.

– Чего вы парню голову морочите? Вы вселились, када у них не было девки.

– Как не было? – переспросил я. – Была. Я же знаю. Мы с ней вместе учились.

Мужчина прошел к умывальнику, стал громко плескаться. Как он вошел, и стал мыться, будто стены раздвинулись и светлее стало. Потом стал утираться полотенцем, угодливо поданным женщиной.

– Ты, Степан Иванович, проходи в горницу, сейчас мы сгоношим на стол.

Мужчина бросил полотенце на плечо женщине, небрежно оттолкнул её и подошел ко мне.

– Слышал тут. В подполе был я. Гриб поел... Коё-чево подхимичил. Мы старатели, народ вольный. Мастеровой. Душа свободна. Платим государству, но и себя не забываем. А вот эти... Друг перед дружкой конторские сгибаются. И кто шипче согнется, тот и хороший. А вот если рабочий такой, ему и награды все и премии. Он хороший. Я знал Турчаниновых. Девку их знал. Не помню её имя. Точняк была. И вас помню, Стреловых. Вольняки были. Как вы уехали, у меня память хорошая, так в то летечко

она и померла... Скупалась в речке-то. Простыла и быстро ханула. Я гробик делал. У них апосля двойняшки родились. Уехали они куда-то. Не ведаю. А она померла. Точняк.

Стало вдруг темно, потолок почернел и опустился. Значит, видение на кладбище – правда.

– Ты, чо, паря? Чо? Чо тебя так сбубенило-то? Чо так рассупонился-то?

– Как же так, – выдавил я. – Столько лет добирался. Как же так?

Вышел на улицу. Значит, её не стало в то лето, когда мы уехали. Странно. Мир, созданный мною, рушился. Создал его в своем воображении, когда её уже не было. Значит, я шел через её могилку, Она была мертвой. Но кто же показал её образ? Кто? Нет больше Риты. Так что же со мной происходит? Надо разобраться. Значит, не от этого меня мучает тоска? Тогда отчего?

Шел по улице. По колеям стояла желтая жижа. Между колеями тянулась узкая полоска пожухшей травы. Ступил на траву, из неё хлюпнула вода. На камне, на сухом месте, сидела маленькая собачка – такие бывают злые. Она скосила на меня глаза и не сдвинулась с места. Обошел её.

Небо вместе с тучами опустились на дома. От этого воздух стал невыносимо тяжелый, сырой. Ощутил его, холодный и липкий. Мне было безразлично, куда идти. Холод, кажется, проник до самого сердца и сжал его. Шел по улице и услышал гудок парохода.

Вышел на берег Витима. Надвигался вечер, тучи ещё больше потяжелели, воздух уплотнился, вода в реке почернела, и эта чернота медленно ползла на берег, скрадывая границу между сухой и водой. Гор с заснеженными вершинами уже не видать.

На берегу бегал мальчишка. Он подпрыгивал на одной ноге и кричал:

Самолет, вертолет,
Посади меня в полет!
А в кармане пусто,
Выросла капуста!

Вот так много лет назад мальчишка кричал известные миллионам мальчишек слова. Была пристань. И тоже был пароход

«Лермонтов». Стояла такая же погода, крутой берег, и на нем мальчишка и он кричал:

Ероплан, ероплан,
Посади меня в карман,
А в кармане пусто,
Выросла капуста!

Только разница во времени, время переделало значимость слов. Время!

А Рита лежала в земле на том кладбище с которого я бежал. Теперь не сомневался – это её могилка... Остановился и посмотрел на мальчишку. Что делать дальше? И отчего так больно в груди? Куда мне податься? Надо бы забыться... По-мальчишески подпрыгнул, поднял несколько гольшей и стал бросать в воду, стараясь сделать «блинчики». Но они не получались. Камни с треском врезались в воду. Мальчишка перестал кричать и, взяв портфель, стал пятиться.

– Эй, пацан, – позвал я. – Подойди. Не бойся. Не получается у меня.

– Ага, – ответил он. – А не будешь драться? Не оманываешь?

– За что тебя бить-то? Просто я разучился...

– Ага, разучился, – ответил он, и бросив портфель рядом с тростью, подошел ко мне. Постоял, посмотрел на меня и стал подбирать гольши, а я помогал.

– Ты почему здесь один?

– С Витькой и Гришкой поругался. Они у меня хорошие.

– И у меня есть друг... Чтобы подумать и не психовать и успокоиться, и взять себя в руки, рванул в такую даль...

– Значит, чо-та испугался.

– Испугался? Интересно. Чего же я, сука, испугался? Друзей не бросаю. Ты это хорошо сказал. Я должен вернуться.

Разговор с мальчишкой всё поставил на место. Надо идти к Руде.

На пристани парохода не было. Он только что отчалил. Даже корму его увидел. Это последний пароход в этом году. Из-за погоды не летали самолеты. В воздухе обнадеживающе трещал вертолет. Крышка. Амба!

Прощай, Рудя. Когда решил вернуться к ней, в бригаду – рушилось всё.

– А вы к геологам, слышал голос мальчишки. Он держал забытую мною трость. – Она везде летает. Довезут. Знаю. У моего друга отец вертолетчик. Седни она должны до Мамы лететь. Она там должны ночевать.

– Ну, друг, ты голова! Век не забуду. За всё спасибо. Живи, друг. Возьми мой подарок – трость.

Я уговорил его, чтобы он принял от меня пятьсот рублей.

С вертолетчиками договорился. Они уже собирались остаться в Бодайбо. Я им отдал все свои деньги, чтобы они меня доставили, где остановится пароход.

Шел Руде навстречу без шляпы, без пальто, всё оставил в вертолете.

Ничего мне не надо было. Грязный, в мазуте я шел ей навстречу....

Рудя бросилась ко мне, и не обращая внимание на людей, смотревших на нас с палубы, затихла на моей груди. Потом с надрывом сказала:

– Да что же это такое, люди! Как его жизни-то треплет! Как она тебя треплет! За какие такие грехи? Это ведь несправедливо! Кому всё, а кому ничего... Господи, но это так жестоко!

– Ах, милая Рудя, это есть жизнь моя – судьба моя.

Судьба. Привык к ней. Она всегда трепала меня, гнула, изматывала на прочность. Будто рожден для какого-то испытания. Возможно моя судьба показывает мне, что я избранник для испытаний. И о всё ведь выдерживаю. Толи ещё будет, будто кто-то подсказал во мне. В настоящий момент понимал, что мне без Руди нельзя быть. И в тоже время чувствовал, что такое счастье не для меня.

Рудя трясла меня, заглядывала в глаза..

– Ты чего это? Что с тобой? О, у тебя лоб горячий. Всё тело горит. Господи, да что же это с тобой делается? Как так можно? Пойдем скорее. Сейчас помоешься и обогреешься...

И я подчинился. Мне было всё равно.

НАЧАЛО МОЕЙ НОВОЙ ЖИЗНИ

– Ну-с, беглец, – сказал наш начальник участка Матвейчук, и словно пронзил меня взглядом. Я не отвел глаз. Он побарабанил пальцами по столу. Немного помолчал, оглядел всех.

– Так. Назло не отправлю на зону. Из любопытства.

– Он с невестой приехал. За ней смотался, – тихо ответил Генка. Он стоял за моей спиной.

– Докладывали.

Начальник снова взглянул на меня, словно прицеливаясь. – надо было друзьям сообщить. Нельзя же так исчезать.

– Нельзя, – ответил я.

– Правильно понял. Работай, братец. Беглец. Мцыри. Там видно будет. Придется, братец, за тебя повоевать. Твоя невеста смягчит дело. Пусть сегодня дома посидит...А там видно будет...

– У него температура, – сказал Дворовенко. Ребята сказали, а сам скрывает.

– Пусть будет так, – ответил Матвейчук. – Остальные по местам. Скажи, Стрелов, всем спасибо. Особенно старались Султанов, Калита. Бегали тут, всяко тебя защищали. Черти! Крику наделали! Ладно. Всё.

Мы вышли из кабинета начальника. Красавицы, похожей на Рудю, не было. Но все конторские как-то странно смотрели на меня.

...С Рудей мы доехали до Осетрово вместе. Дорогой я заболел. И Рудя почти не отходила от меня. Мне, кажется, что в моей жизни не было таких счастливых дней, какие провел с Рудей в её каюте. Как во сне жил Я, и будто не я. Будут ли ещё такие дни? Вряд ли. В порту Осетрово она осталась. Она собиралась съездить к брату. Хотела поехать со мной дня на два, но уговорил – пока этого делать не надо. Когда приехал в Коршуниху, то, как на духу всё рассказал ребятам. Теперь моя судьба в руках начальника, но на зону мне не хотелось. Иван молодец! Вот тебе и Иван Калита.

Вечером пришел прораб Дворовенко. В руках что-то завернутое в газету.

– Болеем? Ну-ну... Я тут аспиричку принес. Медку прихватил, – сказал он и развернул газету, поставил на стол полулитровую банку с медом, из кармана вынул стеклянную колбочку с таблетками. – Горчица у вас должна быть. Ты насыпь её в носки надень на ночь. Побольше меда с молоком и аспирину. Как рукой снимет...

– Дрыном его надо снять с кровати, – проворчал Калита и ушел на кухню.

– Ну-ну, тоже мне... Долго ли простыть? Пойду, ребятки. Совещание скоро. Поправляйся, Стрелов.

Прораб ушел. Хотелось мне оборвать его речь, но не смог. У прораба было бесхитрое лицо. Уж в этом-то деле я разбирался. Люди прошедшие долгий путь по уголовным делам и по бродяжничеству в людях разбираются не хуже, а может, и лучше любого психолога.

К сердцу моему прикоснулась ледышка и легонько покалывала.

– Ген, – обратился я к другу, – давай чай сгоношим, да с медком все вместе и попируем.

Генка быстро развернулся от окна, где стоял в молчании – и в кухню. Там они с Иваном брнчали кастрюлями и о чем-то говорили. Вкусно пахло жареным картофелем, луком и укропом.

Когда мы укладывались спать, заскочил прораб и сообщил, что меня оставили. Сильно защищал меня Матвейчук. Этот на вид грубый Матвейчук оказался намного добрее к людям, чем те, кто много говорил о добре и ласково улыбался нам. Да, многих уголовников спас Матвейчук. Он всячески защищал бывших зэков от произвола начальников – больших и малых. В те годы освобожденных могли не принять на работу, могли унижить, оскорбить, выкинуть из кабинета. Если же ты встал на защиту своего человеческого достоинства, то вызывали милицию... Она быстро расправлялась с такими отбросами, как я. Матвейчук брал их на свой участок. Работали у него и бывшие политические. Относился к ним наравне со всеми. Никогда на них не повышал голос. С нашим уголовным братом всякое было. Но никто на него не обижался. Его уважали все уголовники, а в начале строительства города их здесь была половина. Это было

время великих строек, и некоторые лагеря расформировывали. Тогда многих освобождали досрочно, и они устраивались здесь. Газеты и журналы трещали от насыщения материалов с комсомольских строек. И ни слова не было сказано о ээках, как будто их вообще не было, а ведь они внесли огромный вклад в строительство железной дороги Тайшет – Лена, в новые стройки послевоенного времени. Многим политическим и уголовникам некуда было ехать, оседали на этих стройках. Уголовников было много из детдомовских, беспризорников, детей репрессированных родителей. Матвейчук это понимал больше других, и всячески задерживал молодых на стройке. Он дальновидный был человек. Знал, что перебесятся парни, перекрутятся в жизни, и вот за ними-то и будет будущее. Только им надо помочь разобраться в сложной и запутанной жизни, в том сложном времени. Я много знал парней, которые хотели бы начать трудиться, да их не принимали. И вскоре они попадали под влияние тех, кто вообще не желал нормально и мирно жить. Ждал окончание условного срока ссылки после зоны. А, там глядишь, и новый срок. Моя судьба и судьба моих товарищей по подвалу – это как кусочек из того мира отверженных людей, непонятно для окружающих, для передовиков производства, да и для простых граждан. Кусочек, потому что таких кусочков были тысячи. Они наводнили Сибирь, особенно север. Здесь разворачивались разные стройки. Порой, я думал, а что если не встретился бы нам на пути такой вот Матвейчук? Не знаю. Ведь многие снова были высланы на зону. Многие ещё долго куролесили. Правильно ли освобождали досрочно? Правильно. Но, чтобы на пути этого лихого народа попадались Матвейчуки. И не те, что перед заключенными заигрывали, сюсюкали. На их языке даже пытались говорить. А в душе? Уголовники со стажем, как никто, обладают тем, что очень чутко чувствуют это отношение. Понимают эту двоякость, фальшь, и сами включаются в игру, и тогда ничего хорошего не жди. Надо с этим народом на равных, пусть у тебя хоть семь пядей во лбу и в самой голове без сюсюканий – откровенно. Матвейчук и сам порой отборно матерился, мог накричать или по душам поговорить. Мог признать, что, мол, в

чем-то дал маху. Где-то недоглядел. Слышал, как однажды кричал на двух бывших.

– Ну, виноват! Ну, что теперь пепел на голову сыпать? Проект этот старый. А новый у бюрократов застрял. Их защищает начальник стройки. Вы очень довольны, что целых три месяца с меня будут высчитывать. А с них нет... Сам я виноват! Сам напросился командовать!

Бывшие не были этим довольны. И я знал, что это искренне.

А в это время он отборно матерился. Один из бывших сказал:

– Данилыч успокойся. Ты чего это матюгаешься? Пары выпустил. Не хипишись. А ишо начальник. Не стыдно? Постыдился бы.

– Вывели черти. Заматерился, – ответил он и тоже улыбнулся. Контакт отлажен. Кстати, снабженцев и некоторых диспетчеров он, в основном, он назначал из матерых бывших уголовников. И они честно работали. Не то, что сами не брали, но и другим не давали брать. Кстати, того воришку, что угнал на Украину вагон со строительными материалами, вернули. Вернее вагон не успели разграбить – вернули. Что стало с воришкой мне неизвестно. Да и знать необязательно.

Лежал на кровати. Конечно, по лагерному можно было называть её шконкой. Но здесь не лагерь. Хоть какая-то, но немного свобода. Гладил огоньки на стекле. Оно казалось теплым, податливым. Огоньки сегодня яркие, веселые. Где-то, там, далеко, за ними, вон там, за северной частью, живет моя Рудя. И тут вспомнил Лорку и Генкино стремление увидеть её, когда каждое письмо – праздник для Генки. А ведь недавно не верил другу. Пока он мотался по зонам – письма писала каждый день. Я не верил в искренность этих писем, а сейчас подумал – как можно писать столько писем, а в это время лежать с другим? Ну, а Генка? Это же идеал верности. Не то что я. Сейчас всё Рудя затмила... Всё моё прошлое исчезло, даже его вспоминать не хотелось. Почему с ней раньше не встретился? Или судьбе было угодно потрепать меня, потом уж подкинуть Рудю, чтобы совсем не пал. Стоп! Генка встретился с Лоркой и заболел ею, а я пошел за другом. Попал я на стройку, а отсюда рванул на север, и судьба свела

с Рудей... Что это? А вдруг образ Риты-Руди жил во мне всегда, рос, а рядом с ней брат, похожий на меня, как бы был щитом от других мужиков, защищая её для меня. И вот я встретил её, образ, созданный мною. Сразу сработало – она! В ней тоже самое происходило. Если все эти годы мы ждали этой встречи? Для чего? Кто-то же сказал во мне, что нужно было от меня – сделано. Что? Теперь я не нужен? Так это мог сделать другой хахаль. Другой... Как это можно представить, болван! Сделали из меня эксперимент, как кто-то выразился во мне. Ерунда какая-то. Где-то там, над огоньками, на мгновение появилось чьё-то заросшее лицо, и тут же исчезло. И это лицо было похожее на того дедка. Мистика! Надо уснуть. Завтра на работу. А там будет видно...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КТО Я, ОТКУДА Я, ЗАЧЕМ?

ВОЗМОЖНО, ЭТО И ЕСТЬ МОЯ СУДЬБА?

Мы толкались в конторе и отчаянно курили, как будто от этого решится наша судьба. Мы убирали мусор, возили разный стройматериал. В бригады к нам никто не шел. Прораб командовал нами. Иван хотел пробиться в бригады, но прораб ответил:

– Однако, паря, рано ещё. Новое общежитие строить начнем. Сейчас работы много. Вы начнете его строить.

– Что это за работа! – кричал Иван. – Давай работу!

Дворовенко встал, выбрался из-за стола, набросил шапку.

– Хватит бззить. Надоели. Всё на себя возьму. Пошли.

Привел нас прораб к строящемуся дому. Возводили его шабашники. Они содрали с него хороший куш и скрылись. За это сняли начальника участка и назначили Матвейчука. У него такой номер не пройдет.

Прораб ходил на соседний дом, где трудились столяры-отделочники из гвардии. Привел прораб толстенького мужичка. На нем вельветовая толстовка, старые яловые прохоря, в смысле сапоги, и очень широкие шкеры, какие носили приискатели и портовые грузчики.

– Вот вам бригадир Николай Алексеевич Торкунов. И будете, паря, вы полноправная бригада настоящих строителей. Пройдете курсы в учебном комбинате. Выдадут вам удостоверения. Я пошел. Дел много и без вас.

– Это здесь будет дом, – топнул ногой Генка.

– Люди все, как люди, с нуля начинают, а нам досталось достроить, – сказал Иван и спросил: – Вы, дядя, не с Лены. Портовый грузчик?

– Нет. С Урала я. Из ссыльных. Портовым не был. Уже спрашивали.

– Мы на одной крыше заработаем, – Иван схватил электропилу и подбежал к брусу, намереваясь распилить его.

– Стой! – крикнул Торкунов. – Стой!

– А чо стоять? Распилим и легче поднять на крышу для опор.

– Я те подниму! Я те подниму! – крикнул Торкунов и схватился за голову. – Надавали мне неучей!

– Это не тебя ли нам надавали, – ответил Иван и бросил пилу.

Торкунов опустил руки, оглядел нас и спросил:

– Кто когда-нибудь работал?

– Работали, – ответил я. – За ту работу и срок дали.

– До зоны в Братске работал, – ответил Иван.

Мальвина и Кощей только плечами пожали.

Бригадир стал успокаиваться.

– А он сказал... Обманули меня... Сказали, комсомольцы... Уголовнички, значит... Ясненько.

– Кто стройку начинал? – спросил я и тут же ответил: – «комсомольцы» за колючей проволокой. Наш брат. Да ишо политики. Мы здесь все такие.

– Теперь всё ясно. Будем учиться на ходу. За дело, ребята. Сразу же договоримся. Не бузить. Не люблю. Всё, что было забыть. И всё должно быть культурно, вежливо и хорошо.

– Ты зачем нам условия ставишь? – сказал я, накаляясь злостью и обидой. – А вольные по вербовке лучше? Я и могу тоже речь толкнуть о космических кораблях и о светлых вершинах в будущем.

– Я, ребятки о космических кораблях и светлых вершинах ничего не скажу. На это дело у нас есть мастак говорить речи о будущем. Есть такой Дрожжин. Для меня главное – работа. Для меня в работе все одинаковы. Пусть они будут коммунистами. Комсомольцами, вербованные, ссыльные, уголовники. Для меня в работе нет разницы. Все люди в этом вопросе для меня одинаковые. Пошли работать.

Бригадир указывал, что куда нести, что пилить. Надо терпеть. Викочка или просто Мальвина часто садился курить. Раскис.

Торкунов почему-то взял меня отмечать верхнюю часть стропил.

– Вот достроим дом, а там нам дадут новый дом с фундамента.

Я молчал. Устал очень. Сейчас бы посидеть в будке до почифирить. Уж не до водяры. Хотя мы взяли три банки и спрятали под кровать. С устатку бы дернуть.

– Сам Матвейчук обещал. А если он сказал – железно. Ты смотри, и по фене начну ботать. Получается?

– Нет, – резко ответил я. – Ты ведь не членоплет. Ты – сурьезный мужик. Не надо бы к нам притусовываться. Ты – мужик. Вот и будь им.

– И то правда. Чо это я? . Давай, давай работать.

– Вот это твое, родное...

Зубки заговаривал бригадир, лишь бы сделали, а там опять на разные работы.

Сегодня поставим стропила, закрепим их черепными брусками, а завтра знай, стели, прибивай шифер. Ну, а чтобы полностью покрыть крышу – надо два дня. Так сказал бригадир. И – выходной.

Едва дотянул до вечера. Устал, разделся, помылся и упал на кровать.

Бригадир дал нам задание – самим сделать топорище и насадить его на топор. И за эту работу дадут второй разряд. Надо успеть сделать.

За окном темнота. Удивительно то, что за последние дни во мне исчезли грусть, тоска – словно во мне их и не было. Думал о Руде, жизни, о маме, обо всем, обо всем...

Один раз приезжала Рудя. Два дня была. Сестра у неё – та красавица из конторы. Запомнил её взгляд. Она очень похожа на Рудю. А если она узнает о нашей встрече? Можно только предположить, что произойдет.

Мы ходили с ней два вечера в тайгу. Потом мы стали с ней переписываться.

Огоньки на окне теплые, кажется, проведи по стеклу рукой, и посыпаются они на ладонь. Но я только чуть притронулся к ним и погладил, теплые и шершавые, и словно искорки брызнули от них. А между огоньками, и между пальцами огромные глаза, похожие на Рудины. Но это не Рудя. Тогда кто?

– Юрка! Проснись! – кто-то теребил меня. У кровати стоял Генка. Иван сидел на кровати и тоже смотрел на меня.

– Сначала стонал. Потом что-то крикнул на непонятном мне языке, – говорил Генка. – Какое=то имя сказал...Руда. Может Риту ты звал? А зачем тебе какая-то руда?

– Не знаю, – ответил я. – Детство вспомнил. Табор. Тетю Груню вспомнил. Вот и болтал языком из детства.

На этот раз окно было обыкновенным, как и должны быть все окна такими.

Через два дня ударил мороз, да такой, что соседнего дома не видно. А рядом что-то потрескивало, поскрипывало. С утра мы собрались в мордобойке. До нас эту теплушку так окрестили лихие шабашники. А потом эта кличка перекочевала и на другие теплушки.

Молча сидели вокруг печи. Вчера пили за первую самостоятельную работу, и у кинотеатра «Молодежный» устроили драку. Иван Калита кое-кого изрядно помял. Не надо было на нас нападать. Жаль, что у меня не было кнута. На машине нас увезли в милицию. И неожиданно выпустили. И вот мы сидели и помалкивали. Торкунов читал нам мораль, и его губы мелко дрожали.

– Вам доверили. Кого-то досрочно освободили. Думали – осознают. Вынужден от вас отказаться, наберу демобилизованных солдатиков. Дворовенко матросиков собирает в бригаду. А чичас пока прораб. Да кому вы нужны? Никто не хочет идти к вам в бригадиры.

Мы молчали. На Генку жалко смотреть – нос заострился. И у меня ничего хорошего нет. Как на всё это посмотрит Рудя?

Непутевый и не надежный я человек... Кругом плохо.

Пронзительно скрипнула дверь, и вошел Дрожжин, тот лысый, что принимал нас на работу. Любитель толкать речи. Это он мастер толкать речи о светлом будущем и о сверкающих вершинах коммунизма.

– Здравствуйте, товарищи, – поздоровался Дрожжин.
– Здравствуй, дорогой товарищ, – ответил я и протянул руку. Член партийного бюро немного подумал и пожал мою, а рука у него холодная и вялая.

– Чего это у вас... жарко?

– Мороз на улице, – встал со скамейки бригадир и вытянулся, как солдат перед старшиной. А за спиной у меня хихикнул Лешка.

– Морозы. Активированные дни, – сказал Дрожжин, вытягивая шею, и заглядывая за меня. Потом пожевал губами.

– Вы знаете, правительство проявило максимум заботы о вас, досрочно освободили. А мы со своей стороны сделали всё возможное, чтобы трудоустроить вас. Товарищи, нынешний год мы встречаем как никогда, в обстановке духовного подъема, и, опираясь на гранитный фундамент марксистско-ленинской теории, семимильными шагами идем к великому, светлому будущему, к коммунизму...

– Закругляйся, – вставил Иван, а Лешка хихикнул, я хрюкнул. Дрожжин, как поднял руку, да так и остался стоять некоторое время, а в глазах его удивление. Торкунов медленно бледнел, и опустился на скамейку. Видимо, в этот момент перестали держать ноги.

– К сверкающим вершинам...Вы это... – сказал член партийного бюро, и у него что-то в горле булькнуло, и вдруг он начал кашлять. Первым засмеялся Лешка, потом Генка, Иван и я. Дрожжин так кашлял, словно у него под мышкой сидел поросенок. Теперь нам всё равно, смеяться или нет, отправят на зону. Мы смеялись.

И тут вошел Дворовенко.

– Так ржете, паря, за версту слышно. Матвейчук идет.

Все стихли. Только задумано попискивал поросенок, постепенно превращаясь в писк котенка.

Матвейчук вбежал в мордобойку, и как всегда, шапка в руках.

– Ребята, надо к пяти часам покрыть шифером крышу. Нужны только добровольцы. Знаю. Делали за два дня. Надо в одну смену. Конец месяца. План горит. После шабашников вот полу-

чилося. У нас тепер свої орли єсть. Я прошу... Наряд виписываю сразу. Преміальніе.

Он стукнул кулаком по столу и посмотрел мне в глаза. Трудно выдержать этот взгляд, словно проникающий в душу.

– У меня печень, – выдохнул перегаром какой-то дряни Викочка. Пьет больше всех, а на печень жалуется.

– Цыц, сука, – ткнул его в бок Иван. – Сколько, гражданин начальник, на бочку кладешь?

– В этом месяце не обещаю хорошего заработка. Сами знаете. Морозы. Врать не люблю. Сверкающих вершин тоже не обещаю. Говорильню не люблю. А работу подавай.

Он вдруг замолчал, словно к чему-то прислушиваясь. Спросил:

– Кто недоволен? Что здесь устроили писк? Издеваетесь?

– Это товарищ Дрожжин котенка за пазухой держит, – ответил я.

-- Любитель кошек, товарищ Дрожжин? – спросил Матвейчук.

Дрожжин вытянулся и гаркнул:

– Ни как нет! Это у меня такой кашель. Вы не верьте им. Я бы их всех до одного на зону...

Матвейчук спокойно ответил, но я заметил, как он сжал кулаки, и строго посмотрел на Дрожжина:

– Надо людям верить. Даже вот этим гаврикам. И так... За сегодняшний день отдельно вы получите по пятнадцать рублей на нос, и разные на них примочки. Северные, коэффициент. Всё как положено.

– Это дело, – хлопнул в ладоши Калита.

– Всё, ребятки, пошли трудиться, нечего сидеть и мечтать о вершинах, – резко сказал Матвейчук и бросил короткий взгляд в сторону Дрожжина. Потом взял его под руку.

– Пойдемте. Пусть они теперь сами здесь разберутся.

Прораб подмигнул нам, и погрозил пальцем и вышел за начальником.

Взяв нужный инструмент и специальные шиферные гвозди со шляпками, мы вывалились в мороз. Над дымящейся трубой щитового домика, как кусок мерзлого масла, торчало солнце, и

его края будто плавилась, растекались по крыше. Кто-то стучал топором, и этот звук похож на щелчок моего кнута.

На чердаке вроде теплее. А я затаил песню о Колыме, все подхватили...

Викочка подавал мне шиферные листы, а я прибавал их. На мне монтажный пояс с веревкой. Один конец прикреплен к поясу, другой держал Викочка. И вдруг голос напарника:

– Сиди и не двигайся!!

Я вздрогнул, хотел повернуться и посмотреть, что там случилось?

Стал медленно сползать по стылому шиферу. Зацепиться не за что. Гребни шифера будто утюгом выглажены, а веревка медленно ползла за мной. Викочка тянулся за ней и не мог достать. Хоть бы рукавицы снял. Сползал к краю и вдруг подумал, что вот ещё немного, и грохнусь с верхнего этажа, а внизу камни... Викочка одной рукой ухватился за стропилу, лег животом на шифер и начал тянуться за веревкой. Рукавицы сними – хотелось крикнуть, но в горле перехватило.

Повисли ноги, задралась телогрейка, рубашка, и я почувствовал ледящий холод листьев. Не мог я так запросто упасть, не имел право. Меня не станет, а Рудю будет обнимать другой... Надо выжить!

Цеплялся ногтями за шифер...И провалился вниз. Амба! Повис? Будто кто меня специально вот так повесил. Значит, Викочка успел ухватить веревку. Теперь надо собраться с духом и выжить. Болтался и привыкал к своему новому положению. Видел камни, а чуть левее от них большой сугроб, его гребень повис над камнями – белый, острый, как крыло лебедя. И этот гребень притягивал меня. Стало даже веселее...

– Вика! – закричал я. – Отпусти! Там сугроб? Отпусти, говорю!

Болтался и думал, как полечу и постараюсь упасть на белое крыло снежного лебедя.

И тут услышал возню на чердаке и голос бригадира.

– Держись, Стрелов! Тянем!

Вытянули. Торкунов кричал:

– Пес я старый! До сорока лет дожил, а ума не нажил! Теперь вы понимаете до чего эта водка может довести! Мне надо было сообщить начальству, что вы хорошо опохмелились! Не смей больше! Не смей!

Обидно. Мы не опохмелялись. Но все молчали. Гроза прошла.

Крышу покрыли к четырем дня. И в мордобойку. До того натопили печь, что разделись до трусов. И тут ввалился Матвейчук, но увидев нас, схватился за ручку и кого-то не пускал. Мы быстро оделись. Вошла высокая женщина с широким лицом. То ли от мороза, а может и от слез, оно мокрое.

Викочка бросился к женщине.

– Проходите, проходите, разе можно тако прекрасное создание портить на морозе. Я помню, када я был в Одессе. Ви не были в Одессе? Ребята мои, ослобоните место...

Прекрасное создание увесистым кулаком прислонилось к Викочкиной шее и представитель Одессы юзанул под стол.

Викочка выбрался из-под стола – и в угол. И там притих.

– Вы не ходите за мной, товарищ Глазкова, – не обращая внимания на такой конфуз, говорил Матвейчук. Он разложил на столе чертежи. Торкунов тоже заглядывал в них. Глазкова запричитала:

– И пошто ты такой бессердешный? И на кого я оставлю ребяташек? Они у меня ишо крошки... В яслях места нет, родных нет...

– Муж твой не просто лодырь. Он горький пьяница. Забудыга и отменный лодырь наивысшей категории. Не могу подписать!

– Чо делать, злыдень? Подпиши без содержания отпуск на месяц. А то я рассчитаюсь и уеду!

– Не подпишу. Мне людей надо. У меня пуск двух домов. А вы лучший маляр на стройке. Я вам тут сам судья, прокурор, врач. Хоть в суд иди. Моя, правда. Зачем лодырю рожаеть? Разжалобить меня? Я давно бабьим слезам не верю.

– Эту шпану-то выращу – и на стройку. А куды ишо? Подпиши.

– Ах, хитрая баба. Вы посмотрите на неё. Только что белугой ревел, а тут будто и слез не было. Все женщины от природы артистки. Не верю. Войди в моё положение! Молодых учить надо. Тебе учить. Чёрт возьми! Я таких, как ты, уважаю! Вот видела варнаков? Чего с них? Тунейдцы все они! Выколупываются все перед нами, понять, видите ли, мы их должны. Лелеять их, уважать. Этих прохиндеев! А они уважают нас? Ну, почему я должен уважать их? За что? Почему они не могут понять меня? Почему? Вот они-то и не могут нас с вами понять. Они нас не понимают. Ты-то хоть пойми! Не подпишу. Всё.

Женщина, не отнимая платка от лица, пошла к двери. На пороге оглянулась и мутно посмотрела на нас.

– Злыдни вы, а не работяги. И сволочи вы сволочные... Подлянки вы поганые. Какой в вас смысл? Нельзя бы вам, поганцам, жить-то... Зачем только вы землю поганите и коптите? Зачем? Толку нет от вас ни в чем. Тьфу на вас, поганцы...

И, хлопнув дверью, вышла.

Матвейчук сгреб чертежи, скрутил их, сунул под мышку и шапку туда же, а потом взглянул на нас.

– Не стыдно? Нет. Вам не стыдно. Вы стыд давно потеряли. И это сказала мать. Правильно сказала. Разговор короткий. Могу миловать, могу и наказать. Без пощады. Доберусь. Премию, как обещал. Будет. Смотрите у меня. Предупредил. Всё.

Он ушел. Веселиться больше не хотелось. Бригадир писал ряды, посматривал на нас и тяжело вздыхал. От него мы узнали, что четверых отправили на зону. С нами Матвейчук попросил повременить. У нас что-то положительное наклеивалось. О Матвейчуке только и было слышно, что он грубый. Как-то пришли к нему молодые, чтобы их перевели на легкий труд по беременности. Он закричал:

– Куда собрались рожать? Не можете повременить? Работать некому! Повремените рожать. Не время.

Той женщине Глазковой он заявление подписал на отпуск без содержания. И этих отправил на легкий труд. Трудно было понять этого человека. Просто он от чистого сердца болел за работу.

Торкунов отправил нас домой.

Окно будто сузилось, отдалилось от меня и было непроницаемо и до того черное, что от черноты тускло поблескивало. С Рудей, наверное, будет всё кончено. Ещё вчера, после работы ко мне подошла сестра Руди. Смотрела на меня и кривила губы. Долго разглядывала. На мне серые валенки с длинными голенищами, грязная телогрейка, рубашка расстегнута до пояса, нагрудный крест, шапка на затылке. Ничего привлекательного.

– Да-а, у сестры вкус, – наконец сказала она и сдвинула брови. – Чем только заворожил? Смотреть- тошно... Как тебя там... Предупреждаю, уркаган, чтобы с Ритой не переписывался и не искал встреч. Надо же, Риту Рудей назвал! Да пойми ты! – крикнула она, и в голосе появилась дрожь, а в глазах слезы. – Она сестра моя! Что ты ей дашь?! Бездомный уголовник и бич! Подумай на досуге. Если в тебе что-то ещё осталось человеческое... Она жалостливая... Она и с братом возится... И с тобой хотела... Слава Богу, я ещё кое-что отговорила её... Пожалела она тебя! По-жа-лела! Ты – жалкий... Тебе, видите ли, опора нужна. Какая чушь!

Меня захлестнула обида. Злость. Это меня-то воспитывать?! Я что? Ребенок? Обойдусь и без Руди...

Взял сестру за рукав и притянул к себе. От неё дохнуло нежными и вкусными духами. В глазах испуг...

– Слушай, шалава. Брысь с моей дороги. Пожалела, говоришь? Меня? Да, я есть уголовник, вор, тунядец и бич... с грязным телом и руками погаными был принят к её нежному и белому телу. Я обнимал это тело. Я обворожил её и бросил... Пшла, лярва...

Резко развернулся и пошел от неё. Она крикнула:

– Хам! Бич! Монстр! Ганкстер! Подонок! Мразь!

Конечно, после такой встречи ничего хорошего не жди. Но только знал, знал всегда, не любил, когда меня жалели. Сам должен сделать что-то. Что сделать? За драку могли бы отправить на зону. Надо было затаиться и не высовываться. Затаиться и терпеть...

Хватит. Надо думать о другом. Надо продолжать играть. Но играть другую роль, как все, кто окружал меня. Все играют. И

мне надо бы перестроиться. Сыграть свою роль. А какую? Спать. Там будет видно...

Огонек появился и тут же исчез. Вот опять замигал. Что он мне напомнил? Вспомнил. Моя поездка в Бодайбо. Выйдешь на палубу и ждешь одинокого огонька. И если увидишь – хочется пойти к нему, и присесть к одинокому человеку у костра. Всегда, когда я оставался у костра, отчего-то приходили мысли о прошлом...

Вот и сейчас, на моем окне, на черном стекле вспыхивал огонек, как неведомый, горящий где-то далеко-далеко костер. А вот, чуть выше огонька, появились глаза, большие, черные, печальные. Но это не Рудины глаза. Тогда чьи?

Открыл глаза. Это я задремал. Ребята гремели посудой. Готовили ужин. Всё это странно... Опять показалось? Что же это? Сон? Может, тот второй пытается во мне пробиться? А. может, и не нужна эта встреча? Кто же мы будем, если всё познаем? Станем мы скучными людьми. Всегда удивлялся некоторым людям. Они говорили, что знают всё. Откуда они всё знают? Как это можно всё знать?

Вот до чего додумался, тунейдец! Мне ли об этом думать? Об этом могут думать только передовики производства, орденоносцы и все положительные люди. У них положительное сознание. Они должны думать о душе человека. Думать над проблемой воссоединения первого со вторым. А я кто? Бессознательное творение. И для чего только меня сотворили? По ошибке, конечно, по ошибке... По ошибке родился.

В окне появились чьи-то мужские глаза, и они удивленно смотрели на меня. Ну, и смотрите! Вот он я! Весь тут! И неужели мне, как и передовикам, нельзя мечтать? Ну, например, над проблемой мозга. Его ведь ещё весь не poznали. Даже извилину изучили. Но, с чем-то он связан. Не сам же он живет, как бы сам по себе. Что-то в нем кроется. Вдруг он связан с параллельными мирами с космосом. Вот это проблема. Я ведь человек! Я обязан думать! Пусть где-то ахиною порю, но всегда пытаюсь думать... И без этого я уже не могу жить. И не думать я уже не мог. Что тогда? Мне вот так хочется думать. Кто мне запретит? Запре-

тят не только говорить, но и думать. Думать одно, а говорить об этом нельзя. Вот и надо играть. Думать одно, а делать другое...

Спать!..

Огоньки расплылись, и чуть ли не во всё окно показался дедок из деревни Коршуниха. Он строго смотрел на меня, и что-то говорил, но голоса его не слышал...

Утром, когда мы ещё спали, прибежал Торкунов и стал уговаривать нас ехать в тайгу на заготовку дров. На этот раз выпала очень суровая зима. Дров не хватило. Они нужны на пожоги, чтобы копать траншеи по фундаментам домов.

Иван Калита согласился сразу. Его и назначили старшим. А я решил прогуляться по тайге, подышать свежим воздухом. Бригадир велел собираться Генке и Викочке.

– А этого короткобрюхого Викочку зачем? – рявкнул Иван.

– Пусть приобщается к лесу.

– Ну и дал ты мне работничков! Это же тайга. Деревья валить. Там сила нужна!

– Откуда выбор-то? Вы же сами захотели создать бригаду. Вот ещё одна проверка.

Я себя работником не считал. Не любил это слово. Мерзкое какое-то. Работник, рабочий... Видимо произошло от слова – раб. Но я не раб!

Рядом с конторкой Жилстроя ещё были двое. Один плотник, другой каменщик. Они до того маленькие и щупленькие, что вначале подумал – мальчишки.

– Не могли вместо двух одного прислать, – заворчал Иван, медленно двигаясь вокруг мальчишек. – Мне работать надо, а не хохмить. Своих хохмачей навалом.

Бригадир возмутился.

– Ты, Иван, давай мне не тово! Они таперича в нашей бригаде. Из детской колонии они. Вырастут ишо. Немного поедят хорошо и подрастут. Некаво было послать. Да и дрова край нужны. Для нашего фундамента. Это будет наш дом. Вот так.

Ребята одеты в длинные лагерные телогрейки. Не надо бы путать гражданские телогрейки с лагерными. Они длиннее и мелко

стеганные. Такие же матерчатые и шапки и рукавицы. Ребятишки выглядели в такой одежде смешно.

– Я Юра Хвостов, каменщик третьего разряда, – представился черный паренек. – И не хохмачи мы. Мне летом будет семнадцать. А это Игорек Пушмин. Он плотник. Нас досрочно освободили. Не хохмачи мы. Да и шутить, не любим...

– Без юмора, значит? – спросил я.

– Зачем нам юмор, зачем зря зубы казать?

– Отлично! Команда, скажу, подобралась. Поздравляю, Иван...

– Тебе, Стрелов, тока бы шутить. Ну, и чо? Я, например, сам не люблю шутить, – сообщил бригадир. – Не люблю этих шуток. Ничо, ребятишки, ччас придет машина, и мы на складе получим продукты. Откормим вас, и вы начнете расти. Местком на свои деньги взял эти продукты...

– Я ни в какие группы не вхожу, – ответил я. – Нечего меня охватывать.

– Тут уж я думал, ты помолчишь, – вздохнул Торкунов, и пошел к конторке. Ну и чего я такого сказал? На что он обиделся? Я ведь нигде не состоял. У меня свои есть деньги. Приезжал сюда какой-то важный туз из Иркутска. Видимо, решил проверить торговлю в магазине. Как раз привезли бараньи тушки. Народу было много. И я там образовался. Пришлось разгрузить областного товарища. Теперь у меня деньги есть. Но, почему везде пытаются всех охватить? А потом вдохновить, и если кто не желает охватываться и вдохновляться, проработают, обсудят, утрясут. А я не желаю охватываться, вдохновляться и утрясаться на великие подвиги, труд и свершения. Я сам по себе. Желаю быть свободным. Неужели непонятно? Это же так просто. Быть свободным от охватывания!

Пришла машина, и мы поехали на склад за продуктами. Я облегченно вздохнул. Мне не придется встречаться с Рудиной сестрой. Потом Иван сорвался и куда-то побежал. Потом мы загрузили пилы, топоры.

Прибежал Иван. Злой, фыркал, плевался. Потом мы узнали: он бегал к Матвейчуку и требовал закрыть наряды по повышенным расценкам. Сказал, что, мол, не поедет. Матвейчук сильно

кричал на Ивана, обозвал его шкуродером, и что он хуже тех шабашников. Но наряд подписал. Если бы я узнал в тот момент – не поехал бы в тайгу. На всю жизнь во мне осталось пренебрежение к деньгам и накопительству. Если уж появлялись какие деньги, то их не жалел. На это есть рестораны, девочки в них, пляж и море...

По таежной дороге один бульдозер волок машину, а другой вагончик, в которой находились матрацы, кровати, печь, инструмент и вся наша продукция. Потом машина и бульдозеры ушли, а мы остались.

Утро следующего дня. В тайге такой мороз, что у нас на толчке иней. На каждом из нас, кроме одеяла, по два матраца. Концы их привязали к кровати, чтобы не сползали. Будильник так здорово звонил, что, казалось, стены тряслись... Мы лежали и помалкивали, даже Иван. Вчера обмывали тайгу. Пили за дружбу, вспоминали зону, тюрьму... Потом шпиляли в карты. У Ивана пошла масть. Викочка проиграл свитер, у Юры Хвостова бельё. Его друг Игорек не стал играть. У меня Иван выиграл хромачи. Приедем – отдам. Болела голова.

Юра Хвостов не выдержал и крикнул:

– Я ведь не шнырь вам! Все одинаково поливали!

Юра прыгал на одной ноге, а другой, тоненькой и волосатой, не мог попасть в штанину. Теплое бельё он отдал Ивану. И все ржали, когда тот пытался одеть это бельё.

Все зашевелились, но не гу-гу. Юра оделся. Из-под одеяла я поглядывал за ним. Консервной банкой он черпанул из ведра соляру, а она от мороза превратилась в желтоватую кашицу. И эту кашицу плюхнул на дрова в печурке. Мы ещё вчера, до пьянки, накололи дров и забили ими угол вагончика.

Такую соляру спичкой не возьмешь, тряпку намочи, а руки, как кипятком обдаст, да и тряпку с великим трудом можно зажать...

Резко запахло солярой, горьким дымом, теплом дохнуло в наши лица. Юра сел у печи, и протянул к ней руки.

Повылазили мы из своих нор, когда на потолке иней превратился в дождь. Попили крепкого чаю, и покинули повеселевший

вагончик. Так бы и сидел в нем и помаленьку чифирил. Иван отдал Юре бельё, при этом сказал:

– Бери. И боле не садись шпилять в буру...

Начали мы валку сухостоя. С бензопилой «Дружба» трудились Иван и Юра. Иван сразу объявил, что мы можем хорошо заработать.

Первый день вкалывали почти без перекура, а обедали на пне замерзшей колбасой и хлебом. Так мы тянули два дня, пошел третий день. Иван осатанел. Кричал на всех. Не давал отдохнуть. Игорек Пушмин всё время молчал и тихо улыбался. Юра Хвостов не отставал от Ивана. Викочка, наверное, забыл о Зиночке. Есть у нас такая дама, видная по всем статьям. Мы знали – пошел Викочка к Зиночке с бутылкой шампанского, а она облила парня этим вином. Потом у них что-то отладилось. Зиночка надевала короткие юбки, оголяя мощные ноги и кофты, носила прозрачные. Характер у этой дамы мерзопакостный. Когда вернемся из тайги, то пойду к ней, и выведаю про одну подлость сделанную по отношению к нам с Генкой. Викочка как-то предлагал мне войти в её компанию. Я отказался. Вот, видимо, и решила отомстить за наш отказ.

Викочка скулил рядом со мной – будто мне легче. Он прятал от меня свои блудливые глазенки.

А Иван гнал и гнал. На зоне, когда мы были на лесоповале в Якутии, и то было легче.

Когда выкатил чурку на бульдозерную дорогу и пристроил её к общей куче, то услышал, как закричали ребята. Генка и Викочка побежали туда, где работал Иван. Он вытаскивал из-под упавшего дерева Игоря Пушмина. Лицо не видно. Оно в снегу. Игорьька оттащили от дерева, и носок валенка правой ноги чертил на снегу кривую линию. Сам валенок болтался и был словно пришит к штанине.

– Принесите брезент, – глухо сказал Иван. Он снял свою телогрейку и подложил под голову парня. Юра Хвостов опустился на колени и носовым платком протер лицо Игорьку. Он открыл глаза и тихо сказал:

– Ногу разуйте... Обложите палками... Стерплю. Давайте...

Принесли брезент, матрац и переложили парня. А я отошел, когда Иван стал вправлять ногу и затягивать, как указал Игорек. У него отец и мать хирурги. А сынок с группой таких же хулиганов, как он, угоняли мотоциклы. Потом всё взял на себя. Вот и получил и за себя и за друзей.

Стали гадать, что делать дальше? До дороги, где проходили машины по тракту от Усть-Кута до Коршунихи – семь километров. Иван сказал, что Игорька надо на волокуше вытянуть до дороги, а там на любой машине... Решили идти вдвоем. Иван предложил меня и Генку. Но тут напросился и Викочка. Он суетился возле Игорька, принес чай. Заискивал перед Иваном.

Калита отказался идти с нами.

– Надо было бы ему порасторопнее. Вот и попал под дерево. Кто его просил запутаться? А дерево раньше времени сыграло и юзануло. Мороз ведь. Таперича и заработок упадет...

– Ты у нас самый здоровый. Быстрее допрешь, – настаивал я.

– Пойдут трое. Хватит буровить чушь!

Мы взяли из вагончика лист железа, пробили по краям по отверстию, а потом просунули в них веревки. На жёсть положили матрац. Четыре конца матраца притянули к листу. Теперь он не сползет с листа. Положили парня и укрыли тулупом. Укутали его с головой. На дорогу взяли термос с чаем.

Двинулись. Через час начало смеркаться. А потом впереди, на дороге, мы увидели три темных пятна – они шевелились.

– В-волки, – выдохнул Викочка и юркнул за волокушу. – Пошли, пошли отседова! В-волки. Волки это, ребя! Волки! Огольцы, это волки! Дергать надо отседова! Дергай, ребя!

Игорек высунулся.

– Лежи, лежи, – успокоил я его. – Лежи и не двигайся. Я один с ними справлюсь... А ты, падла, помолчи и не паникуй, курва!

– Волки-и-и-и, – завыл Викочка. – Их стая... Знал бы я... Не пошел бы... Иван правильно сделал.

Я молча врезал по его толстой шее. Он упал и пополз в сугроб.

– Жаль, что ружья не взяли, – сказал Генка.

– Выбери хорошую березовую палку и стой у Игорька, – предложил я. – Пойду к ним навстречу. У меня кнут...

– Хоть бы раз на живого волка взглянуть, – подал голос Игорек.

Из-за голенища валенка вынул кнут. Я шел навстречу волкам. Где-то вправо от меня подвывал Викочка.

Звери бежали ко мне. Видел только их. Пока буду разделяться с одним, второй пойдет на Генку, а тот с дубиной. А третий? Там видно будет. У меня же кнут... Но в глубине души, под ложечкой появился болючий комочек. В такие минуты он всегда появляется, и я всегда прислушивался к нему, старался заглушить. Иногда, он затихал, а бывало, и увеличивался. Борьба с ним и делала меня внешне спокойным в опасные минуты в моей сложной жизни. Генка рядом со мной был всегда уверенным. Разве я мог признаться другу в том, что творилось со мной? Но трусом себя не считал. Страх? Но по спору, как-то в детстве, пролежал между рельсами, , когда надо мной грохотали вагоны... Да мало ли было опасностей и игр с судьбой? И всегда этот комочек был со мной. Что это? Может, борьба со страхом? Только кто в этом признается? Перед опасностью мы все равны, но только в критический момент, каждый из нас встречает её по-разному. Я встречаю эту опасность с моим болючим комочком, борьбой с ним. Генка, опираясь, на моё спокойствие. Игорек с любопытством. Викочка... тут уж явная трусость. Он продолжал выть...

А звери... Пришлось кнут засунуть за голенище. Это оказались охотничьи лайки. Заиндевели на морозе. Они обнюхали на Игорьке тулуп, облизали его щеки, а он потрепал их лохматые загривки, и они с удивлением посмотрели на карабкающегося на дерево Викочку, и побежали обратно. Значит, недалеко дорога.

Викочка скребся на дерево.

– Интересно, долго он так протянет, падла сучоная! Рукавицы хоть сними, так легче взобраться на дерево! – крикнул я. = Паникер! Забаламутил всех! Это же собаки!

Он оторвался от дерева, и некоторое время полз по дороге. Потом встал и начал озираться.

– А если бы вы оказались вдвоем? Ты же гад! – закричал я.

– Всяк шкуру спасает. Храбрецы. На веревке када висел под крышей, так, небось перепугался. Надо было мне тада веревку

отпустить. Я тада специально веревку бросил. А тут услышал бригадир бежит, пришлось сцапать её. А там камни...

Он, видимо сообразил, что не то сказал. Стал продвигаться за Игорька. Тот откинул тулуп.

– Не трогайте его, ребята, – тихо сказал Пушмин.

– Игорек, оне же бандиты! Ирроды! Убивают! Караул! Спасите!

И тогда я сказал:

– Пойдеш к Ивану. Обратнo. Ты знаешь, почему я так говорю. Потом мы с Генкой ещё сделаем разборку с тобой и вашей кодлой. Побазарим с этой биксой Зиночкой. Я вас, сук, выведу на чистую воду. Иди, не то получишь то, что положено за ссучивание. Пшел, тварь! Сам знаешь, тайга...

Викочка упал на колени и взвыл.

– Я боле не буду... Всю получку ондам... Это всё она... Зиночка со своим Семей. Он на базе работает. Она чо-та против вас с Генкой затеяла. Вы имя нужны. Примануть вас хотят. Оне на базе чо хошь имеют. Ирроды!

Игорька мы накрыли тулупом с головой, а я выдернул кнут пошел на Викочку...

Мы вышли на тракт. Ну, а Викочка получив давно приписанную ему порцию хорошего кнута, с отчаянным визгом улепетывал по дороге к Ивану.

Нам повезло. Шел автобус, и мы довели Игорька до больницы. Пришли домой. Не успели раздеться, как прибежал Торкунов и начал нас щупать. Ласковый.

От Лешки узнали кое-что: Торкунов и Дворовенко думали, что с нами отправят людей более опытных, да и старше. И Матвейчук обещая наряд по высоким ценам, думал, что людей отправляли нам на помощь. Но начальник Жилстроя сказал:

– Люди они привычные. Навидался таких на Колыме, как и врагов народа. А вот эти вот хуже врагов народа. Все они против советской власти. Всё меньше грязи будет на теле нашего общества. И начальник стройки товарищ Тест Матвей Исаакович со мной согласен.

Узнав про такую подлянку, Матвейчук «вырвал» автобус в главной диспетчерской, и выпросил ещё бульдозер. В диспетчер-

ской ему не хотели давать автобус, тогда всю ответственность он взял на себя и расписался в журнале. Два бывших уголовника сразу согласились выехать в тайгу нам на помощь.

К нам ехала смена, но мы разминулись. Очень жаль.

По краям окна, как белые кружева, налет льда и снега, а посредине чернота стекла, чистое, словно кто только что помыл, янтарные, голубые дрожащие звездочки. Осторожно накрыл их, и они будто прижались к моей ладони, отдавая тепло, и по моему телу разлилась истома. Даже не хотелось ужинать.

И будто не звездочки под ладонью, а что-то другое, и я боялся убрать ладонь. Вдруг исчезнет то, что мне хотелось увидеть. Желание увидеть взяло верх. Мгновенно убрал руку и увидел большие и печальные глаза, которые хотели спросить о чем-то, но они тут же исчезли. А вместо них появились крошечные светящиеся точки, готовые вот-вот исчезнуть. По стеклу стекали тонюсенькие струйки воды, словно слезы, оставшиеся после тех глаз. А под огоньками, как всегда, поблескивали чернотой большие и немного раскосые глаза и в них были вместе – грусть, радость, отчаяние... И казалось, в них возник вопрос, что делать дальше? Как быть? Они манили кого-то, звали. А вверху снова появились большие глаза незнакомой девушки, похожей на цыганушку. Как-то мой внутренний голос сообщил, что это моя будущая жена. Но это не Рудя. И вдруг эта девушка ласково улыбнулась. Кому она улыбалась? Мне? Но она меня не знает. Где она живет? И было такое ощущение, будто где-то я её уже видел. Но, где?

– В детстве, – ответил мой внутренний голос.

– Кто она? – спросил я.

– Узнаешь. Спи...

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

На следующий день мы не пошли на работу – прораб разрешил отдохнуть. Один Лешка пошел. Мы спали. Блаженствовали. Почти весь день провалялись. Потом приехали Иван с Викочкой. Юра Хвостов ушел в общежитие.

Ввалился Иван, и от него несло водкой. Стал громко плескаться в раковине. Викочка прятал от нас глазенки и жался к Ивану. Тот сел к столу и поставил перед собой банку водки.

– Скажете, чо я сволочь? Не пошел с вами. Заважничали. Человека спасли. Может, я тоже раскаялся. Вы в мою душу заглядывали? Наряды всем закрыл одинаково. По полста на рыло. Сам Матвейчук седни молчит.

– Не из-за твоих нарядов он молчит, – ответил я.

– Лады, лады... Деньги мне нужны. Разе вам понять? А я сразу заметил... Мальвина пришел... Раскис совсем...

Иван сидел напротив меня, хмурый, косматый, отяжелевший.

Будто не я смотрел на Ивана, а кто-то другой. И рассуждал другой и за себя и за меня. А вот что мне в жизни надо? Почему я здесь? Рудю потерял. Всё потерял. Где выход? Может, и не надо так строго судить Ивана? Я вот так жизнь представляю, а он вот так... И всё ли я знал о жизни Ивана? Ничего. Так зачем мне лезть в его душу? Кто дал право лезть в чужую жизнь и в душу? Я же вот защищаю себя от всех. Всегда. Почему я не могу понять другого? Он мечется, ищет себя, и, возможно, стремление к деньгам вот таким делом – это и есть его единственная отдушина, в которую он ещё дышит и ищет себя и в этом его успокоение? А у меня какая отдушина? Появилась она – Рудя. Отобрали её, Закрыли доступ воздуха, заткнули грубо, совсем забили, законопатили. И осталось одно у меня – выть по-волчьи на этой стройке. А если на это уйдут годы, жизнь? Среди одних и тех же лиц... Господи, если ты есть – дай силы выстоять! Это же ужас, чтобы каждый день видеть перед собой одну и ту же физиономию! Как это вынести?

Иван встал, медленно прошелся по комнате и снова сел за краешек стола. Уставился в сплетенные руки, а Викочка быстро принес из своей тумбочки сырок с селедкой и хлеб. Расстелил перед Иваном газету, столовым ножом начал всё это мелко нарезать. Потом немного подумал – половину сунул в карман.

– Кушай, Ваня, закусывай огурчиком...

Неужели Иван клюнет? Лично я всегда брезговал Викочку.

Иван молчал. Я вылез из-за стола – и в кровать. За окном появились огоньки, но не стал смотреть в окно. Появилось любопытство. Что будет дальше? Викочка смотрел на бутылку. Попростому мы её называем банкой.

– Закусывай, Вань, – поднывал он. – Иван оторвал взгляд от рук, и посмотрел на соседа, глянул на закуску, хмыкнул, вылил всю водку в кружку, подержал её и выплеснул на пол. Вытер руки о штаны.

– И мне выпить не дал, – прошипел Викочка. – Зачем так?

– Мешают тут разные мутилы, – сказал Иван и махнул рукой. Смел парня со скамейки.

– Слушай, Мальвина, – не выдержал я. – Если будешь лезть со своей чашкой – получишь то, что положено. Моли Бога, чо ишо в одной хазе с нами. Ищи себе другую халупу. За себя не ручаюсь. Тайга... И концы в воду...

В это время раскрылась дверь. Вошли Торкунов и Дрожжин.

– Вот, пожалуйста, все заняты личными делами, а товарищ Калита пьет. Таков досуг? Можно превратиться в этого самого...

– Не бойся, гражданин начальник, в бича мне нельзя превращаться. А почему? Вашими лозунговыми мозгами меня не понять.

Иван скрипнул зубами и тяжело опустился на скамью. Дрожжин указательным пальцем правой руки провел под воротником кителя и галстука. Иван успокоился.

– Вы думаете, я пьян? Я седня от смысла жизни, – сказал Иван, резко мотнул головой, провел ладонью по лицу несколько раз...И прежний Иван. Ловко. Мне бы так. Он взъерошил волосы, гулко кашлянул и сказал:

– К примеру, наш участок. Вы думаете, если я в телогрейке и был на зоне, так ничего не понимаю? Восемь строительных бригад, не считая отделочников. И один прораб на всех. В контору зайдешь – ступить некуда. Как ося жужжат. А ведь парня угрохали... Он на другую работу способен. Его в тайгу. Кто виноват? Мы ведь тоже люди. Матвейчук хоть и жмот на наряды, но зато справедливый человек. Настоящий мужик. Сквырнуть

его хотят. Падлы. Не угодил начальнику стройки, видите ли. Все пойдем за него....

Дрожжин пожевал губами, глаза его забегали, видимо, он переваривал слова Ивана, а потом ответил:

– Ну вот, видите, это уже хорошо...товарищ...Калита...Наш профсоюз тоже считает так. И партийная организация порой за вас. И за вашего Матвейчука тоже горой. Когда мы все за одно, когда и мы и все с народом за одно, когда мы все за советскую власть, когда, таскать...

– Недавно я фильм смотрел, – быстро вставил я. – Про этого там, про человека... Правда ли нет, Патриса Лумумбу убили?

Член партийного бюро долго смотрел на меня, губы его шевелились, он пытался что-то сказать, делал глотательные движения. Иван крикнул и пошел к своей кровати. Только что пришел с работы Лешка, и сел на лавку.

– Разве вы не знали? – тихо, даже очень тихо, спросил Дрожжин и осторожно попробовал вытянуть шею из пут галстука. – Это давно произошло. Даже университет его именем назвали. Где же вы были?

– Мы таскали бревна. Потом эти баланы катали и перекатывали. Возили тачки...

Он начал рассказывать о Лумумбе, о международном положении и, видимо, загорелся речью, стал ходить по комнате, жестикулируя длинными руками. Он то и дело совал руку под полувоенный китель. Хоть давай ему в руку трубку. Только её ему не и хватало.

– А мы можем вызвать соседнюю бригаду на соцсоревнование? – прервал я Дрожжина. Он ещё сделал несколько шагов, рассказывая о положении в Египте. И вдруг резко остановился. Он долго смотрел на меня, и его глаза бегали и не останавливались. Попробовал поправить галстук, пальцы дрожали, пошевелил губами...

– Это...вы...Стрелов...ну прямо...А почему нельзя? Можно, даже нужно. Мы можем помочь. Утрясем, таскать, всё это дело... Увяжем...Пробудим... Сейчас, когда на просторах, таскать, Сибири, образуются грандиозные стройки, как-то:

Иркутская ГЭС, Братская ГЭС, Красноярская ГЭС, то все мы, как один...

– У нас брошюр нет, газет, – вставил я. Заложив руки за спину и будто вытянувшись по стойке смирно, он смотрел на меня, и его глаза не бегали. Он был в родной стихии.

– Как один, трудимся на благо советской власти, – продолжал он, не выпуская меня из поля зрения, – на благо, таскать, своей родины. Многие товарищи приехали по путевкам, многие...- Он замолчал, и глаза его снова забегали. – Ну да, конечно, это самое...газет нет...Стоп! Как это нет газет? Мы с этим делом можем, утрясем, пробудуруем, подберем нужную литературу...

Из кухни вышел бригадир. Дрожжин ещё хотел что-то сказать, но передумал. Они пошли к выходу, но в дверях остановились. Дрожжин сказал:

– Ты, иногда, Стрелов, выпрягаешься. Все идут в ногу, а ты нет. Нехорошо. Вы что? Против советской власти? И думаете не так как все. У нас надо думать, как все думают...

– Вы научите меня думать! – крикнул я. – Как же идти в ногу с вами? Но не хочу я идти с вами в ногу в светлое будущее! Не желаю быть деревянным солдатиком. Вы мне дайте сейчас нормальную жизнь!

Хлопнула дверь. Ушли.

– Достукался, – проворчал Иван.

Притронулся к окну и стал успокаиваться. Накрыл огоньки ладонью и тут заметил, что один огонек торчал у мизинца. Развернул руку по-другому. Снова появился огонек. Стройка не вмешивалась в ладони. Это сдали новый дом.

Генка ушел на кухню и рассказывал там Лешке анекдоты. Генкин голос насторожил. Неужели его так беспокоила Зиночка? Та самая, в которую влюбился Мальвина. Я не зря упоминал её. Уж такой она человек, чтобы везде сеять зло и подлость. Дело было в чем. Мы не знали, как попало Лоркино письмо в руки Зиночки. Я уверял Генку, что это сделал Мальвина. На днях она встретила Генку, и сообщила, что едет на юг в Дом отдыха. И сказала, что может зайти к Лорке по её адресу. А ещё повезет туда кое-какие тряпки и соболиные шкурки на продажу. Скажет ей, что все это

организовали Юрка и Генка. Зачем эту грязь путать с Лоркой? Всякие мысли лезли в мою голову...

Оделся и пошел к ней. Она встретила своей неизменной улыбочкой. Пригласила сесть. Спросил, что идет слух, что она вышла замуж.

– Зачем мне муж? Обстирывать его, угождать? Сюсюкать перед ним, уважать пьяного? И чтобы вонял на всю квартиру? Последний у меня был – Федя. Жидковат. Три километра из деревни Коршуниха перла на себе мешок картошки. Кто так может, как я? – спросила Зиночка. Она встала на табурет, приподнялась на скрипучих сапожках и кнопками приколола на входную дверь картину Айвазовского «Девятый вал». Отвел взгляд от покатоной спины, удобной для моего кнута, стал смотреть в окно. Зиночка спрыгнула с табурета, а мне показалось, будто подо мной треснул пол.

– Нет, дорогой, одной веселее. Своего Мальвину мне в любовники не шей. Он у меня для другого сподоблен. А не сватать ли ты меня пришел за себя? – и её маленькие, круглые глазки быстро забегали, словно ощупывая меня. Ладонь у неё тяжелая и влажная. Быстро встал.

– Ты...хотел назвать её как-нибудь похлеще, но сдержался. – Оставь Генку в покое. Не мешай им. С ней тебе нельзя встречаться. Соболя везешь? Откуда письмо раздобыла? Кто тебе его слямзил?

– Допрос? Скокарь под легавого кроишь? Черномазая запахло. А ишо на гастролях мотался. А может под пьяную лавочку ты мне и раскололся. Плёвое твоё дело, Копченый. А с твоим другом по твоей шайке базар будет отдельный. Канай отсюда, Копченый.

– Буратино не поверит. Он меня знает. По фене наблатыкалась? С тобой, профурсетка, я мазаться не буду. А вот с твоим корефаном Семей в тюре кашу с ханкой не кушал. Можешь заткнуться. А Семе передай, базар с ним будет. Как я понял, он отяжелел. Пора разгрузить для обчего дела. Так и передай. Пусть

Минуты на две забегала Крыся, та самая мадам, что когда-то была со Спрутом в расконвоировке в селе Шестаково на Илимее.

До этого он в Коршуновском лагере мотал срок. А Крыся, как я понял, перебралась на стройку, ближе к дармовой кормушке.

В дверь постучали. Культурно так постучали. Видимо, Зиночка знала кто это. Она метнулась к двери, лицо мгновенно нахмурилось, стало деловым, глазки так и сияли, а голос елейный.

– Ты, Юра, посиди. Войдите.

Вошла черная, тоненькая девушка. Она прикладывала платочек к удивительно светлым, голубым глазам. Всклипывала. Как стала говорить Зиночка, надо отметить. Она играла. В общем-то, она грамотная женщина, а как она говорила! На что уж у меня грубый говорок, но так болтать никогда не буду. Уверен, что я сидел с открытым ртом.

– Садись, Катенька, – раскинула руки Зиночка. – Проходи, милая. Вот тебе стульчик, – и она полотенцем смахнула невидимую пыль, как это умеют делать старые парикмахеры. А на лице Зиночки одно сострадание. Ну, вот ещё немного и заплачет. Даже глаза увлажнились, куда только наглость девалась.

– Такой красивой девушке и достался облезлый кобелюка. Да таку. Девушку он с огнем не сыщет. И время, проведенное с тобой, он будет считать за ангельские дни. И фатера у тебя, и приданое, и дача на югах от радетелей осталась. Да не стоить он тебя, яхонтовая моя. – Зиночка приложила к глазам полотенце, шмыгнула носом. – Не стоит он тебя, касатка... Я же тебе говорила, моя изумрудная... То ли дело Семен Кузьмич, как он тебя любит, ненаглядная... Не мотри, чо он тово... под пятьдесят ему... Курвой буду... Извини... Хуть мне зенцы повыцарапай... Он такой ласкавай, абхадительный, век свободы не видать... Вот бы тебе ево, А? Ой, чой энто я гостей не примаю? Чой это я их не привечаю? Чой это я их, яхонтовых, не угощаю, как следоват... Чичас я. Чайку сгоношу.

И она пошла на кухню и оттуда крикнула:

– Юрик, милай, разбалагайся, сладенькая, ну чо ты застеснямшись? Упарем зыркашь? Разбалакайтесь мои други фарфоровые.

Вот это настоящая змея! Как она играла! Мне простительно. Я – человек без образования. Она зачем так говорит? В тот момент во мне что-то такое появилось, что я вдруг подумал о том, а

как я говорю? Неужели я тоже так вот болтаю? Мне вдруг стало неприятно слушать Зиначину болтовню.

Прокашлялся и тихо девушке брякнул:

– Беги, девочка отсюда, пока тебя здесь совсем не охомутили. Она, эта шалава, мозги тебе полощет. Беги, пока не поздно...

Девчонка брови вскинула.

– Здесь две кодяны сцепились. Кто кого. Такой у нас закон. А мы вот фасон держим. Мне почему-то не хочется, чтобы ты со своим фраерочком стухнулась с этой тварью. Мне вас жалко. В натуре жалко. Мы здесь сами с собой разберемся. А ты беги.

Сказал это и как ни в чем не бывало, по сторонам поглядывал. Барахла много. Стены и пол в коврах, картины пришпилены на ковры, золоченые рамки, чеканка. От всего этого воздух казался густой, плотный. На столе толстая вазочка, а в ней живые цветы. Пепельница хрустальная, а в ней темно-желтые сигареточки «Столичные». Они выкурены до половины и лежали грудой. А рядом с благородными окурочками – почти до конца выкурены, измусоленные от «Памира». Так мусолить мог только Мальвина, а «Столичные» Семины. У нас на стройке, кроме «Памира» и «Прибоя» ничего нет. Как ни странно, Зиначка не курила.

Надоело сидеть в духоте среди ковров и побрякушек.

– Зиначка! Зинка, чёрт тебя забери, мне надо с тобой побазарить!

– Чичас чайку сгоношу соколик ты мой сизокрылый! Посидим, куды торопишься. Кудой тебе надо, изумрудный ты мой?

– К чёрту чай! Брось девке мозги пудришь! Твой Семка пропитан вином и подлостью! Наша каво сватать? Я до тебя беседу имею!

Зиначка вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. Набрала пальто с огромным лисьим воротником.

– Чичас, чичас, мялок. Он беседу со мной проведет. Речь толкать будет. Ты посиди, Катюша, моя абрикосовая. Кавалер, вишь, нетерпеливый. Ево остудить бы надось маненько.

Мы вышли. За углом дома Зиначка схватила мои кисти рук и больно сжала. Здесь её речь стала другой. Она не играла.

– Письмо у меня. Оно попало через Мальвину. Я ему приказала. Мне поверят. Нашим слезам женским поверят. Я всё-таки,

женщина. А вы кто? Оттуда вы? Тебе жалко эту мымру Катьку? Мне этой лярвы не жалко. Кто меня пожалел, когда я с маленьким ребенком, выброшенная на улицу мужем и его подлой матерью, всеми оплеванная, осталась без копейки. Чтобы избавиться от меня, она обвинила меня в измене. А я как на духу. Ребенок умер... Кто меня пожалел? Второй раз вышла замуж, а он потом нашел молоденькую, такую вот на вид чистенькую и скромную, как эта Катька. Эдакая безвинная козочка. Я тогда поняла, что такие вот чистенькие и скромные самые подлые стервы. Работала я в бригаде на железной дороге, и маляром вкалывала. Везде грызутся за каждую десятку. Мне всегда было плохо... А потом зажила... по неопытности попала на зону. Там многому можно научиться. Хорошему в лагерях не научишься. После лагеря стала умнее. На зоне ума набралась у таки, как я... А вот на воле все прут только для себя. Лозунги с призывами, это ширма для дураков. Не верю я этим партийным лозунгам о честности. И чистенькой Лорке не верю. Я всё могу. Избить себя могу, а скажу, что это ты меня избил. Я – женщина. Нам больше веры. Мы, женщины, требуем для себя прав. Их у нас уже с перебором. Больше мы не уступим. Матриархат впереди... А ведь я диплом имею. Когда – то отделение журналистики окончила в Иркутском университете. Нас, таких, как я, и мой друг Сема, коммунисты-руководители поддержат. И ты это уже хорошо знаешь. Потому что все они такие же, как и я. Я их подкармливаю. Все они у Семы на базе берут самое лучшее. И эти все прохиндеи пудрят мозги народу, призывая их к честности, и зовут их в светлое будущее. Какая низость... И ты таких вот прохиндеев наказывал своим кнутом. И что? А ничего. Ничего не изменилось. А тебя за них, этих прохиндеев на зону. Тебе не обидно? Я тоже решила стать коммунисткой. В партии легче прожить. Тоже буду призывать. Жизнь заставляет защищаться от таких, как ты. Вы есть, вымирающие динозавры. В будущем тоже будут воры, но они уже будут другими. Всё с вами. А коммунистов-прохиндеев становится всё больше и больше, они, именно они наводнят страну. И я хочу быть в этой толпе прохиндеев. С ними как-то веселее жить. А мне жить надо...

Она побежала и, что есть силы, кричала, что я её избил. Вот это наглость!..

Пришел домой и всё рассказал Генке. Калита и Лешка спали. Мальвина был укут с головой. Спал он или нет – не знал.

Мы с Генкой тоже легли спать Странно. Огоньки будто покрылись кровавой пеленой....Оно молчало. Что-то тревожное было в этом...

ВЯЖИТЕ МЕНЯ, ВЯЖИТЕ ПОКРЕПЧЕ!

Вошли два милиционера и дружинник. Они сказали, что меня приглашают в милицию. Будто я избил женщину. И что, мол, грозился избить Семена Левина. Генка побледнел. Иван и Лешка проснулись и сонно смотрели на всех. Мальвина высунулся из-под одеяла, словно ждал прихода милиции.

– Я зна-ал, чо ты плохо кончишь. Зна-ал. Таким на воле нельзя находиться. Всяка поносил Дрожжина. Разе можно так на партейца говорить? Он готов всех избить и ограбить... А ведь все оне начальники. Разе можно их грабить? На партию руку поднял! Он настоящий враг народа!

– Ну, если Сема-коммунист, то я не знаю, как вы дальше собираетесь идти в коммунизм и в светлое будущее? И Зиночка нацелилась туда. Значит, и мне там место найдется.

– Да, собирается! Это честнейшая женщина!

– Вяжите меня, вяжите покрепче, граждане! И не отпускайте до скончания века! Лучше быть на зоне!..

Милиционеры тут же подхватили меня под руки. Вырвался. Хотел сам пойти. Толстенький заломил мне правую руку.

– Оружие у него! – крикнул он. Другой нехотя стал обшаривать мои карманы.

– Не зря три лычки заработал, – сказал я, и взглянул в его злые глаза. Другой саданул меня в живот. И я перестал сопротивляться. Потом могут привести в камеру, и там начнут пинать меня лежачего...

– Откуда вы вот такие тока беретесь? – спросил толстенький.

– А, ну, бросьте парня! – отбросил одеяло Иван.
– Тоже туда захотел? – спросил другой.
– Иван, ребята, не надо лезть. На их стороне правда. Когда она была наша? Я сам отвечаю. Пошли, моя милиция. Пошли, соколики.

Меня увезли в милицию. Зиночка написала на меня заявление, будто я избил её и хотел ограбить. Свидетель – Катька. У Зиночки синяк под глазом. Телесные повреждения. Неужели Катька поверила Зиночке?

Меня втолкнули в камеру. Здесь сидел пьяный парень с синяком под правым глазом.

– Дай, паря, закурить?
– Нет у меня. Здесь отбuzдали?
– Сам упал. А чо ты на меня так? Не уважаешь? Я могу и того...

– Если ты сейчас не заткнешься – утром тебя увезут в лазарет. Я побольнее буду бить, чем эти... Я совершил тяжкое телесное преступление и могу ишо. Ложись и ни гу-гу...

– Ладно, подумашь, принц... Я чой, я ни тово... Мы и так можем, – говоря это, он пошел к нарам и улегся. Вскоре он беззаботно захрапел, а я начал производить километраж камеры. Заглянул толстенький, подергал плечами.

– Тишина. Буйствовал? Нет? Мы даже его не успокоили.
– Кулаками и меня не успокоите. Вся сила в слове.
– Хошь в карцер? Устроим. Философ.
– А, что с вами говорить, только ветер гонять.
– Поговори мне.

Он захлопнул тяжелую дверь. Обидно. За что? Зиночка со своей Крысей народ грабят. Разве работу Зиночки можно сравнивать с моей бывшей работой? Я же бомбил тех, кто жил на нетрудовые. Вспомнил, как Зиночка стояла за прилавком буфета, а ей шестерила Крыся. Зиночка страшно удивлялась, когда с неё требовали сдачу. Она орала:

– Меня здесь амманывають всяка! Аскарбляють! Всяка нагло паносят! Я здесь–ка день-деньской как проклята! Надоть мне по расписанню до шести, а я из-за вас, анкаголиков, на три часа задерживаюсь! Я же плахая?! Миня, чесную труженицу и тор-

говку, абзывать?! Ты с каво хошь деньху брать? Да за это твои грабки отрубить надоть!

Крыся в это время трясла своими жирными телесами и визжала:

– Грабють чесных тружениц, советских женщин! И гхде милиция?! Милицию подать доседа!

Вот это были первосортные артистки! В это время, если бы их заметил бы какой-нибудь режиссер для фильма, он вмиг бы взял их на роль торговок. И никаких не надо было дублей! Готовые сценки в пивбаре. Играли дамы по крупному. Кстати, Зиночка проходила кандидатский стаж в партию. Вот бы мне туда затеяться. Легче там протемнить. Надо это дело хорошо обдумать. Дело стоящее. А что я там делать буду? Там видно будет. Насобачиться бы речи толкать о гранитном фундаменте, светлых вершинах и блестящем будущем в лучах восходящего солнца. Там будет видно.

Что теперь мне будет? Вот и заступись за женщину против женщины. Всё это ерунда. А вот то, что в парию лезут Семы и Зиночки, в этом видится что-то в будущем страшное. А ведь в партии легче в жизни прожить. Даже как-то веселее стало. Я хуже других? Не лучше и не хуже...

Теперь надо успокоиться.

Проснулся, когда сквозь решетчатое окошечко проклюнулись солнечные лучи.

На пороге возник толстенький.

– Молодец спать. Во здорovie! Да смотри. Не пикни лишнего...

– Гражданин, начальник, ну ты даешь! Ты меня за кого принял? Я уж о тебе и совсем забыл, а ты взял и напомнил о себе!? Зачем о себе напомнил?

– Молчать!

Вышли в дежурку. А там – Иван, Генка, Торкунов и сам Матвейчук. Потом узнал, что его назначили начальником СМУ Жилстрой.

Отбросив полы штормовки, он сидел на стуле и, вытянув руку по столу, прихлопывал ладонью – недоволен. Ребята подмигивали, успокаивали.

– Ну, дебошир, – сказал Матвейчук, и резко прихлопнул ладонью. – Даешь ты нам прикурить. Вечно всё из-за тебя. Стервец ты эдакий! Молчать! Вопрос такой. Конкретно. Бил? Грозил? Бил эту...

– Нет! – крикнул в ответ.

– Я же вам рассказывал, – вмешался Генка.

Зачем он так? Унижаться перед всеми... тут же милиция... Разве они поймут?

– Ладно, – встал начальник. – Нужна была тебе эта вавилонская блудница? Вот бы ею в самый раз занялись бы в милиции. Не тот адрес выбрали. Всё.

И он вышел.

– На днях нам дадут новый дом строить с фундамента, – тихо сообщил Торкунов.

– Заработки будут, – поддержал Иван. – Людей нам ишо подкинут...

Генка так ничего и не сказал. Смотрел в пол. Они попрощались со мной и ушли. Дежурный нетерпеливо брэнчал ключами. Тут возникла ещё одна личность в форме и в звании старшего лейтенанта.

– Вот ты какой, – сказал он. – Хорош Дон Кихот или Робин Гуд? Кто из них? Или одно лицо? Ты – чудак. Войной на мельницу...да ещё в одиночку с Султановым. Такое уже было в истории. Всё зря... Но весьма интересно, забавно и любопытно. Вы есть люди из породы чудаков.

– Каков есть. Одна серость.

– Прибедняешься?

– Хватит балаболить. Ведите. Не забудьте наручники. Сбегу.

Дежурный сержант грохнул ключами об стол.

– В карцер захотел? Устрою. Молчать у меня! Ахинею здесь развел. У меня шибко не забалуешь. Дубенок!

Старший лейтенант не прервал дежурного.

В это время из боковой двери возник ещё один – широкоплечий, с огромными руками и с головой в собственный кулак.

– Уведешь этого философа в ОРС. По разнарядке. Пусть мешки для остуды потаскает. Сразу из башки всё вылетит. В пять быть здесь. И смотри у меня. Поменьше думай. Думать вредно.

Вон, Дубенок... скоро в сержанты выйдет... А почему? Не думает. Веди в ОРС...

Дубенок пристукнул каблуками и выпятил грудь.

Мы пошли в ОРС. Дорогой я всё-таки думал. Хорошо ещё то, что как хорошо устроен человек – может думать, и его мысли никто не арестует. Кстати, многие руководители, в первую очередь, говорили рабочим, чтобы они поменьше думали. И многие рабочие так и делали. Переставали думать. Как так можно? А я думал. Трудился начальником механизаторов некий Атаманов. Фамилия под стать его проделкам. Многие рабочие вкалывали на него. Таких руководителей можно много перечислять. Я просто взял один пример. В тайге для него оборудовали теплушку. И установили её на трактор. Возьмет Атаманов преданных ему рабочих-подхалимов, а таких в нашей стране хоть пруд пруди, и других руководителей и выедет в тайгу. Разнюхал об этом редактор районной газеты «Маяк коммунизма» Иван Георгиевич Самодуров (такая уж у него была фамилия). Мужик был честный и справедливый. И поручил написать фельетон корреспонденту Василию Петровичу Куклину под названием «Кочующее зимовье». Фельетон напечатали. И начали редактора дергать в райком партии. Это потом будут болтать, что она всех защищала. Ложь. Она защищала только руководителей. А наказывали их так. Ставили на вид. Была такая у партии формулировка. А, что это такое, было совершенно непонятно. Видите ли, Самодуров оскорбил коммуниста, честного труженика, орденосца, да тем более руководителя. Заставляли напечатать опровержение. Редактор отказался.

А дело было такое. Этот Атаманов забирался на трактор со своими подхалимами и начинали утюжить тайгу. Через окна движущейся теплушки расстреливали сохатых, оленей, диких коз и прочий таежный мир. И не надо было ходить по тайге. Здесь тебе и укрытие, и гостиница, и ресторан. И если в райкоме партии кричали на редактора, что он против советской власти, выходит, что именно такой и должна быть советская власть. Тогда я понял, то кто лез в партию, да ещё он там что-то набедокурил, то его прикроет партия. Ловко всё было устроено в партии. Ловко. Именно там моё место. Тогда я ещё не знал, что буду де-

лать в ней, но что-то во мне подсказывало, именно там моё место. Рядышком буду с Атамановым, любимцем райкома партии, с Семой и Зиночкой. Разве не интересно? Даже меня охватило любопытство. Артисты в одну кучу собрались. А я игрун с самого детства. Играть, так играть. Им можно играть, а кто мне запретит?

Мы пришли на базу. Дубенок сдал меня доброму на вид дяде. Он оглядел меня и повел по длинному коридору. В конце его стоял вагон-пульман, из него выгружали ящики.

– Здесь будешь. Вера Петровна, прими бича. А я пошел. Ту-неядец здесь, – неожиданно представил меня добрый дядя. Он улыбался. Атаманов и Сема тоже постоянно улыбались. А Зи-ночка, так та вся улыбка, а не женщина.

– Сам ты бич! – рявкнул я в ответ. – Скотина улыбочивая ишо и обзывается! А работает в таком заведении. Здесь твои хамские слова, как пыль с дороги, и она оседает на пища, што охраняет такое нежное создание. И этой пища касаются такие нежные губки симпатичной Веры Петровны...

– Поговори мне, – тихо ответил добрый дядя и ещё шире заулыбался. – Мне уже передали, что ждите философа. Таких, знаешь, сколько перебивало здесь! Уйма. И все они с запросами и куражами. Отправлю туалет чистить.

– Ты всех так пугаешь, добрый дядя с улыбкой? У тебя совсем нет совести такие хамские слова говорить при очаровательной даме! Разве можно так выражаться при дамах? И не стыдно, добрый дядя с улыбкой?

Добрый дядя не переставал улыбаться.

– Вера, Петровна, как только появится Семен Кузьмич, скажешь ему, пусть готовит отчет... А ты вот что, лектор-международник будешь здесь. Тут нам Дрожжины не нужны. Ишь, на речь изошелся. В другой раз послушаю...

И он удалился. Навидался, таких как я. Не прошибить. Да ещё Дрожжина приплел. Ты смотри, везде лекции толкает! И везде над ним смеются. За этот смех он ещё и деньги получает. Вот бы мне так устроиться. Ничего не делать, а только лекции читать и за это получать деньги. Потом узнал, что за пустые лекции такие вот Дрожжины получали деньги. Так что же это было? Я жил в

народе, и мне было всё виднее, что делалось вокруг. Этим лекторам никто не верил. Надо ещё глубже разобраться.

А нежное создание вовсе и не симпатичная, а рыжая, большеватая девчонка, с маленьким носиком, большими зелеными глазами. Они были улыбочивые и до обидного добрые.

– Ну, здравствуй, пигалица, – прошептал я, задыхаясь от злости – Я к вам, я и пом и зам...

Вера Петровна смотрела на меня расширенными глазами, её большие и шелушистые губы дрожали от смеха. Вот-вот взорвется.

– Ты кто? Из космоса свалился? Понимаю, марсианин... Ху-дожники вот таких марсиан рисуют. Очень похож. Будто с какой картины сошел. Иди, работай, марсианин.

Пошел к грузчикам. Среди них узнал того рыжего парня, что ночевал со мной в камере. Он бросился ко мне.

– Я вот тут. Ты вчера меня чуть не побил.

– Не заспал?

– А чо? Я с Киренска. С Лены. У меня дорогой документы украли. А в милиции деньги увели... Сказал им об этом, а они меня тово... За мои кровные...

– Правильно сделали. Все они добрые. Ты о доброте с ними беседу вел? С ними надо о зле беседовать. Поймут.

– Ты чой такой?

– Заткнись.

– Ладно, подумаешь, прынец, мы и так можем.

Он пошел за очередным ящиком. Они были с печеньем.

Вера Петровна... Это обыкновенная Верка, лет двадцати. Она смотрела на меня, и записывала что-то в блокнот. Учет делала.

Грузчики сели отдохнуть и я тоже. Подошла Вера.

– Устал? – спросила она.

– У меня чо не спрашиваешь? – спросил рыжий парень.

– Ты, Гоша, на маменькиных харчах вырос. Тебе труд полезен.

– Я что? Ослаб? – спросил, чувствуя, как во мне тает злость.

– Ты роста среднего, но стройный, – ответила она, улыбаясь глазами, оберегая губы. Заметил, что на ней старенькое пальтишко – выросла из него. Чтобы скрыть это, пришила шкурки

на рукава и на полы пальто. Маленькие, плохо подшитые валенки показывали красивые ноги.

Из-за ящиков вынырнул Сема. На нем куртка с белым воротником. На голове серая папаха. На ногах бурки. Издалека я уловил, как он весь благоухал.

Сема отвел Веру и стал говорить. Я не слышал. Она пыталась пройти, а он ей мешал. Еле вырвалась и ушла. Сема исчез за мешками и ящиками.

Рядом со мной покуривал Гоха. Я попросил у него сигарету, и он слишком торопливо дал. Я не собирался курить, а зачем взял – не знаю. Тут же её вернул. Гоха удивленно посмотрел на меня.

– Седни я тебе адрес свой дам, – сказал я. – Будешь, пока меня не будет, на моей шконке спать. Скажешь, что я послал... Устраивайся в нашу бригаду. Ребята отличные. Помогут.

– Спасибо, – быстро ответил Гоха. – Надо бы немного заработать. А то домой будет стыдно в одних штанах возвращаться. Ты, я вижу, парень добрый...

– Ладно сюсюкать. Не люблю слово добрый. Заглохни.

– Я чой? Я ничо. подумаешь, принц. Мы и так можем...

Мы таскали ящики, мешки. Ломило спину, ныли руки. Закончили выгружать вагон к четверем дня, и пошли в раскомандировку. В отдельной комнате отдыхали грузчики. Вера сидела за столом и писала, а Сема и Петр Иванович, который назвал меня бичом, примостились у краешка стола.

Здравствуй, Сема, – поздоровался я. Он метнул на меня взгляд полного безразличия. А Петр Иванович пристально посмотрел на меня. А потом вдруг сказал:

– Молодцы. Не ожидал. Славно поработали. Добрая смена.

Они встали. Собрали бумаги – и к выходу. «Ну, оглянись!» – подумал я. На выходе Сема оглянулся, и во взгляде – любопытство. Я подмигнул ему. Отлично! Зацепил! Вот бы пощипать этого молодца. Странно, того желания, какое испытывал в прошлые годы – не было. Отчего это вдруг?

– Наряд заполнила мужики, – сказала она, а вы, товарищ Стрелов, можете быть свободны. Гоша, иди домой.

Написал записку для Генки и Ивана. Передал Гохе. Он тут же сорвался и побежал. А я пошел провожать Веру.

Темнело. В воздухе сырость и запах воды, какие бывают весной в тайге. Со стороны распадка плыли тучи и несли с собой снег и забытые за зиму запахи смолы, прелой коры лиственниц...

– Весной пахнет, – сказал я. О чем-то надо было говорить. – Март.

– Март. Люблю лыжи, а времени нет, – ответила Вера.

– Пойдем в выходной, – предложил я, хотя догадывался, всё это не то. Глупо всё. Пустое.

– Надо готовиться к экзаменам. Ты учишься?

– Нет.

– Надо. Подойдет время, даже обыкновенные строители, слесари будут иметь средне-техническое образование.

– Ну, ты даешь! А мы-то куда? Куда нас-то?

– А вас не будет.

– Как это не будет? Вот он я, – искренне удивился я. – Вот он я...

– Вот таких вас, с темными мозгами и не будет. Всё. На вас точка. Вот вас и освобождают по разным статьям, чтобы вас подготовить. Даже на зоне десятилетку оканчивают.

– Это они нас для чего-то освобождают? Так? Ерунда, Если нас не будут освобождать, то тюрьмы и зоны будут переполнены. Вот этого они и боятся.

– Я о другом хотела сказать. Вот вы такие вот пока есть, но вас уже нет...

– Мы всегда будем!

– Возьмем тебя. Ну и язык у тебя! Улица. Ты станешь другим, я это чувствую. В тебе есть какое-то зерно, но ты его пока не знаешь. Сколько у тебя классов.

– Второй не успел завершить. Выгнали за хулиганство. Образование – один класс. Не до учебы было. Мне и одного хватит. Сам учусь. Много читаю... Стал много читать. Меня один человек пытался воспитывать. Жалел. Ты меня не жалей.

– Это тебя-то жалеть? – удивилась Вера. – За какие такие шиши я должна тебя жалеть? За что? Ты ведь взрослый человек! Ты – эгоист! Всё только о себе. Может, потребуешь к себе уважения, как это делают все пьяницы.

- Я на твоего брата похожий?
- Для тебя сейчас все люди плохие. Будто все тебе зла желают. Марс – это Бог войны. Может, ты действительно от них? И течет в тебе кровь воинов.
- Брось измываться, – начал я успокаиваться. – Кровь во мне свободных людей, вольных.
- Понимаю. В тебе сидит какая-то тайна. Поведай мне. Легче станет.
- Женщина или девушка – и вдруг тайна? Не смехи.
- Всегда считал, что женщины обижаются на откровенность мужчины, но скорее это от природы. Каждая из них может говорить мужчине то, что взбредет её в голову. Особенно этим отличаются одинокие женщины, капризные и взбалмошные.
- Ах, так... Я не умею хранить тайну? Вот как ты со мной?
- Мне стало скучно. Молчал. Что сказать? Спорить? Не любил спорить с женщинами. Они сразу обижаются на мою грубость.
- Странный ты человек.
- Все мне об этом говорят. Один дедок мне сказал, что я человек с другой стороны.
- А я что сказала? Именно это и сказала. Молодец твой дедок.
- Помолчали. Мы шли в сторону щитовых домиков.
- Пойдем ко мне, – вдруг предложила Вера. – Рядом.
- А мама не выгонит?
- Мама у меня добрая. Мы с ней как друзья.
- Хорошо. Но, есть одно условие. Я не люблю слово – добрый. Прошу тебя, этого слова не говорить боле. Это слово в природе може и есть, но не для меня. В это слово я не верю.
- Мы вошли в маленькую квартирку. Нас встретила женщина, похожая на Веру. В глазах её растерянность и удивление. Вера засуетилась и выронила пальто. Я поспешно поднял его и повесил на самодельную вешалку. Смотри-ка, делаюсь культурным. Ну-ну...
- Мама, это у нас гость по работе. Я потом всё расскажу, Проходи, Юра.

Из кухни мы прошли в единственную комнату, заставленную кроватями. Верину сразу узнал. На стене открытки киноартистов, учебники, тетради книги.

– Старший брат учится в десятом. А мой сынишка Коля в первом. Ничего учится. Пойду, сполоснусь, а ты книги посмотри

Значит, у неё сын...А где же хмырь?

Большая стопка журналов мод. Пометки на них, записи...

Вошла Вера. На ней платье бардового цвета. Вера оказалась довольно красивой женщиной. Маленький и курносый носик розоват. Она прикрывала его ладонью, оголяя по локоть руки.

– Проклятый нос. Губы трескаются. На солнце и морозе шелушатся. Мажу разной мазью, но ничего не помогает.

Я думал, что у неё рыжие волосы, а они под цвет шоколадного масла, и густо лежали по плечам. Она увидела раскрытые журналы, подошла и закрыла их.

– В свободное время изучаю. В мечтах шью себе наряды, хорошие платья-костюмы розового цвета. Мне так идет розовое.

– Ну и носи на здоровье, – сказал и осекся. Видимо, это бардовое платье – единственное. Рудя тоже любила этот цвет... Вера не похожа на ту из снов цыганушку.

– Сюда меня муж привез, – продолжала говорить Вера, – а потом уехал с другой...Зиночку знаешь? Она развела. Я маму из Нижнеилимска вызвала. Мы местные. Мы ведь учились с ним в Иркутске. Ничего, выкрутимся. Сейчас вот обратно просится. Умоляет, чтобы простила. А я не могу. Зиночка и мою подругу с мужем развела. Погибели на неё нет. Отольются ей бабьи слезы. Как я узнала, она и тебя решила упрятать за решетку. Чем-то ты ей не угодил.

– Хотел от неё спасти одну дурочку.

– Идите чай пить! – позвала мать.

Пил чай с вареньем. Почему-то вспомнил маму... Стало тошно...

Попив чаю, засобирался. Они дали мне на дорогу двухлитровую банку варенья.

Мы с Верой долго стояли у крыльца и молчали. В темноте видел влажно-поблескивающие глаза.

– У меня кроме мужа никого не было. Вот уже третий год живу одна. А тут... Вот мама и испугалась. Потом говорит, что ты весь какой-то смурной и холодный. Мысли у тебя постоянно... А от природы ты стеснительный. Шибко только хорохоришься, надуваешься шибко. Ты создан для чего-то другого. И то, другое, ещё проснется в тебе. Ты другой. Я это чувствую.

Мы разошлись. Было тоскливо и одиноко. Отдал одному знакомому парню банку с вареньем, чтобы он занес её моим товарищам. А сам пошел в милицию.

Да, теперь понял, что Верина мать напомнила мне мою маму. Как же я давно не видел её. В этих скитаниях я забыл о ней. Мне было четырнадцать лет, когда она прогнала меня, а сейчас мне двадцать пять... Десять лет. Каким же я появлюсь перед тобой, мама, твой блудный сын. Таким, как сейчас? Только не таким. Каким? Каким ты хочешь появиться перед своей матерью? Падла ты уголовная! Для всех – отщепенец, всеми отверженный. Ту-неядец. Бич. Вот это мне подходит.

Долго ходил по вечерним улицам, и падающий пушистый снег казался соленым и теплым.

Как жить дальше? Как? Кто подскажет? И всё-таки надо как-то самому выбираться из такой жизни. Потому что никто мне ничего не подскажет...

КТО Я? ОТКУДА Я? ЗАЧЕМ?

Утром опять увели на базу ОРСа.

Разгружали вино. Сегодня больше половины новых парней. Вчера были в отгуле. Подшучивали надо мной, мол, с утра не вкусил вина.

– Великий трезвенник, – говорил здоровый и с черными усами парень. – Нас не зарази трезвостью.

– Ты помолчи, – сказал один из грузчиков – дядя Степа. – Их тут компания. Чой-то они до тебя липнут. Неспроста.

– Я их первый раз вижу, – ответил я. Вдруг мне стало интересно. Очень пахло развлечением. Так веселее жить.

– Бывает и Веру обижают? – нарочито громко спросил я. – Это они перед Семей лебязят. Чудненко. Тут, скажу я вам, армия не грузчиков, а армия подхалимов собралась.

Дядя Степа, удивленно взглянув на меня, быстро сиганул за ящики.

В это время один из мужиков выхватил из ящика, две бутылки вина, а другой на их место поставил две пустые бутылки. Мужичок опустил бутылки с вином в мусорный ящик. Ловко! А вечером кто-то из грузчиков напросится вывезти мусор с базы. Но ведь эти бутылки на подотчете у Веры. Где уж тут заимеешь платье-костюм? Кого грабят, скоты! Я бедных пролетариев никогда не грабил, я, как мог, помогал им. А Сема ходит чистенький, конечно, связан с этими паскудниками. Таким рабочим легко жилось вот с такими начальниками. И если мы шиковали, то брали излишки у таких вот Сем. И про простых людей не забывали. Обидно. Кроме наград – зона.

Вот в коробку легла очередная бутылка. Нагло «работали» крохоборы.

Появлялся два раза Сема, и усатый любовно смотрел на него, как это умеют делать личные шоферы у руководителей, а также рабочие-пьяницы на следующий день после пьянки. Навидался таких....

Сели перекурить. Вера в стороне что-то писала в блокнот. Усатый разливал вино из початой бутылки. Протянул стакан мне.

– Купили вот. Вера Петровна знает. Мы немного. Хлебни. Вкуси. Кого угощаем – никто не отказывается. Значит, нас уважает... И ты уважь... Наверное, и не ведаешь, что такое вино...

Отвернулся. Если есть Бог – дай силы выстоять!

– Гордый. Он, мужики, гордый. У нас шибко не загордишься.

Усатый облокотился на меня, и вино из стакана потекло мне на брюки, и на мои любимые прохоря, которые даже Иван не посмел взять, хотя в тайге он у меня и выиграл в карты. Человечность проявил. Предложил отыгаться. И мои любимые хромачи вернулись ко мне. Облили. Да и кто? Подхалим. Не любил этот подлый народ. Если промолчать – придумают ещё что-нибудь.

Надо действовать. Взял из поганых рук усатого грязный стакан одной рукой, а другой за волосы, чтобы не дергался и выплеснул остатки вина в его рожу.

– Шарамыга, – прошептал я. – На каво грабки поднял? Кашлять будешь полторы недели, козел вонючий! Ты есть козел, и твой Сема тоже козел!

Сказал это и саданул стакан об стену. Сгрёб парня и сделал «мельницу». А ещё пинка дал под зад. Ко мне бросились двое других. Они отлетели от меня. Губу успели раскровенить. Не заметил, как рядом оказалась Вера, а за ней Петр Иванович. Вера повисла на моей груди, обхватила за шею. И что говорила, не мог понять. Усатый подбежал к мусорному ящику.

– Это он натаскал. Мы ево засекли!

Странно устроен человек. Рядом кто-то говорит тебе хорошие слова, но ты не слышишь, а вот кто говорит гадости – отлично слышно и рвешься ответить.

Когда всё стало немного стихать, то услышал, как дядя Степа сказал:

– Ты, Митрий, со своими дружками рот мне не затыкайте. Всё скажу. Так завсегда было. А парень восстал против вас. Обасурманились вы совсем. Жизни от вас нету. И Семен Кузьмич вам потакает.

Неожиданно появился Сема. Вера встала передо мной, и раскинула руки.

– Он меня избил! – кричал один. – Чуть шеяку не сломил!

– А меня в ребро саданул! Где милиция! – кричал другой.

– Совесть у вас саданулась, – ответил Петр Иванович. – Потеряли вы её совсем. Вы же его под статью пихали! Ну, и люди. Насчет этих бутылок в милиции бы не поверили. Ему бы поверили. Они его знают. Не такой он человек. Кое-что узнал про него. Вы сами натаскали те бутылки!

Петр Иванович захватил с собой Сему и куда-то ушли. Грузчики отошли от нас. Эх, кнута с собой не взял... Вера опустила руки, и я увидел её бледное лицо и испуганные глаза. Гоха, разинув рот, стоял рядом с ней.

– Напугал ты меня, – сказала она. – Им же ты сделал больно. Так больно людям делать нельзя. Так их бил... Нельзя так. Вот и тебя зацепили.

Платочком она прикрыла мои губы.

Я отвел её руки и ответил:

– Не надо. Как на собаке. Не впервой. Есть разные шрамы. С теми подонками можно. Они бы меня лежачего пинали. Я хорошо знаю таких людей. Лежачих пинают и бьют только подонки. Я никогда лежачих не бил. А ещё кучей на одного... А вот эти первыми меня оскорбили, унизили. Такие вот на зоне служат вертухаями. Дмитрий со своей кодляной копия тех вертухаев. Им там самое место.

После работы пошел провожать Веру. Шли мы долго и, в основном, молчали. Потом она приблизилась ко мне и взглянула в глаза.

– У тебя длинные ресницы. Что с тобой?

В её глазах увидел глаза той, что видел во сне. Скажи, кому не поверят, да ещё засмеют. В основном, у нас никто ничему не верит.

– Ты иногда очень странный бываешь.словно куда-то исчезаешь. Рядом, а тебя нет. Будто ты пришел из другого мира, ты есть рыцарь печального образа.

– Откуда я пришел, ты знаешь, а вот куда я ещё приду, то мне неведомо.

– Тебе надо идти. Иди.

Дежурный сержант будто ждал меня. А рядом с ним был тот старший лейтенант, который пытался со мной заговорить.

– Заждались. Ты вот что мне скажи, друг любезный, как у вас драка случилась?

– Гражданин начальник, как это плохо. Сучиться не в моем антитесе. И ишо. Не люблю слово – добро. Учти это. Просто восстановил истину. Меня оскорбили, тем более разная шваль.

– А я и забыл. Вы киты белые. Романтики. Где научился таким приемам?

– У нас это родовое. Себя защищали от разных ублюдков.

– И кнут наследственный?

– Доложили. И кнут тоже. Для истины.

– Как попало письмо к Зинаиде Мошновой?

– И кто это такая, гусыня? Про какие-то там письма не ведаю. Пишем я не пишу.

– А кто у тебя Сема?

– Сема? Я всех Семами зову, особенно тех, ихто лопух. Кешами-то кличут, а я Семами. Вот был у нас Федя Куркуль.

– Хватит. Ловко получается у тебя. Прирожденный артист. Они ведь хотели с тобой разделаться. Всё сейчас валят на тебя. А ты их защищаешь. Федя у тебя куркуль? Не стыдно? Однажды ты ему свою телогрейку отдал, кормил, денег ему выделял. Станный ты человек, Стрелов Юрий Иннокентьевич. Станный. Где-то грудью лезешь в невыгодной для тебя ситуации, а где нужно для общего дела помочь разобраться – скрываешь. Молчишь, крутишь. Про всё ты знаешь. А Катя... помирилась с мужем. Пришла она к нам и всё рассказала. А ты не желаешь помочь...

– Никогда не был дешевкой. Кака разница, кто есть кто? Под доброту, гражданин начальник, лепишь? Не верю про доброту.

– Ну, всё, хватит, – резко оборвал офицер. – Свободен. Распишись в журнале – и марш домой. Да, а письмо Султанова нашли у Зинаиды Мошновой. Потом вернем.

Ворвался в нашу комнату. Тут же был и Торкунов. Иван ушел на кухню и вернулся с двумя бутылками. Поставил их на стол. Пристукнул ими.

– По такому случаю можно и по маленькой...

Бригадир толкался у стола. Не решался сесть. Иван взял бутылку и замер. Молчал. Мальвина нервно захихикал:

– Ну, давай, давай, Иван, живее. Хватит думать о зазнобе. Успешь ишо отправить ей деньги. Ты чо, Иван? Ты чо? Я же пошутил...

Иван отставил бутылки, сгреб Мальвину, тряхнул его, поднял над головой, и с диким ревом пошел к двери. Мальвина орал и сучил ногами. Иван бросил парня в дверь. Та грохнула и раскрылась. Мальвина вывалился на улицу. Дверь с пружинила и сама закрылась.

Иван подошел к столу, взял бутылки и треснул их друг о дружку. Я подошел к своей кровати, из-под подушки достал кнут и вышел на улицу. Меня никто не остановил. Правда, Торкунов пытался меня задержать, но Иван отстранил его. Сказал:

– Так надо. Заслужил.

Увидев меня, Мальвина упал на колени.

– Я не виноват. Это всё они. Я не виноват!

– Тогда я тебе немного не до дал. Надо бы рассчитаться. Сегодня ты у нас проведешь ночь, а завтра, чтобы твоего духу у нас не было. Сам понимаешь Тайга. И никто тебя искать не будет.

Конечно, визг Мальвины ребята слышали. Потом они рассказывали, как из их рук рвался Торкунов.

Когда я вошел в комнату, ребята Торкунова отпустили.

– В каком веке вы живете! – кричал он, и у него тряслись губы. – Это бесчеловечно. Это варварство! Нельзя же так! Надо бы с ним культурно и вежливо поговорить. Он бы понял.

– Николай Алексеевич, дорогой наш бригадир, есть люди, которые не понимают вашей вежливости, – ответил я, засовывая свой кнут под подушку.

Торкунов стал успокаиваться. Все ребята подтвердили мои слова о вежливости и культуре.

Иван пошел к своей кровати. Лег и отвернулся к стене. Торкунов стоял столбом. Молчал. Потом вдруг немного улыбнулся и сказал:

– Конечно, нельзя так. А как? Кто ответит. Вам, коллективу виднее. Да я бы сам того... Но нельзя. Надо всё делать культурно вежливо и хорошо.

Бригадир подсел к Ивану.

– Ты, Иван, не сердись шибко на всех. Все они товарищи твои. Ну, кому это нужно, что кто-то куда-то отправляет деньги? Ну, нашелся один такой несознательный товарищ. Думаешь, мне легко было? В войну мне было четырнадцать лет. Сапожником работал. Отец на фронте погиб. Мама умерла. Акромья меня ишо четверо. А я старший. Сам воспитывал. Бывало, ночью плакал. Мои-то выучились, а я так и остался с четырьмя классами.

Иван вздохнул.

– Ладно. Не сержусь. Скажу одно, уберите от нас этого мозгляка... Ненароком зашибу. А мне недосуг садиться из-за гниды.

– Правду говорит Иван, – сказал я. – Ему кнута мало. Уберите, не то сами уберем. Тайга...

– Но-но, бросьте. Ладно, ладно, мы это дело решим с комендантом. Он собрался уходить грузчиком в ОРС. Пусть на здоровье уходит. Тока ево не трогать. Я сам с ним поговорю культурно и вежливо. Хорошо. Вот и поговорили.

Ввалился Мальвина, разделся и спать. Отвернулся к стене. Гоха был у нас. Собрался уходить в общежитие. Я его не отпустил. Собрали стулья и сдвинули их к моей кровати. Торкунов ушел. Генка начал писать письмо Лорке. А у меня всё плохо. Недавно встретился с сестрой Руди. Нинка сообщила, что Рудя уехала на Волгу и устроилась на теплоход. Её адрес не сообщила. Кто-то передал ей, что я на базе.

– Ну, и сестра у меня. Ты уважаемых людей оскорбил. И снова тебя ждет зона. За дело. Знай своё место. Мне передали, что на самого Семена Кузьмича руку поднял? Честнейших людей оскорблять? Зинулю избил. Это же удивительная женщина! Обо всем этом я написала Рите. Ты её красиво назвал. Рудя. Тебя не изменить и не перевоспитать.

Надо бы обо всем этом забыть и не вспоминать. Забыть. Со всем забыть.

Иван пошевелился на кровати, вздохнул и сказал:

– Юрка, ты не сердись. Бутылки разбил...

Я перекинул подушку к изголовью, поближе к Ивану и его рыжая голова почти рядом с моей. Гоха пристроился рядом.

На душе скверно, – сказал Иван. – Как она там без меня? А я тут вот загораю. Скотина. Я маме деньги шлю...Маме... Разе кто поймет?

Вспомнил, что Иван с полочки отправлял кому-то деньги. А кому, меня это не волновало. Иван начал рассказывать о своей жизни. И вдруг Гоха радостно ткнул кулаком в подушку.

– Иван, мы с тобой земляки! Я, паря, тоже с Лены! С Киренги... Я мотрю, что ты рыжеватый и крепкий, да и разговор ни с кем не спутать. Вот здорово!

Земляки поговорили о реке Лене, о рыбалке, стерляди, охоте...Эх, ребята. А где моя родина? Она везде, где я жил. И здесь, значит, моя родина. К этому меня приучили родители. Они не могли жить на одном месте. Нас, вот таких странствующих, нигде не любили, везде гнали. Перед нами закрывались калитки, двери. Наших ребячьих голодных глаз боялись везде. Наверное, во все времена гнали и презирали бродячий люд. Дед и мой отец в этой свободной жизни чувствовали себя, как рыба в воде. Возможно, жизнь бродяг требовала вольности духа, души, где всё зависело не только от самого человека, но и великого их партнера – фортуны. Эта прослойка в народе чаще всего бегала от любой власти, от притеснителей во все времена.

Иван поведал о своей жизни.

Отец его простыл на рыбалке и умер. Мать парализовало. Иван стал полным хозяином в ветхом доме, принадлежащем его прадеду. Надо было ещё одевать и кормить младшую шестилетнюю сестру. Мать болела два года, потом начала ходить. Задумали они купить новый дом в самом Киренске. Летом Иван устроился матросом на грузовой пароход. Зимой работал истопником и водовозом в школах. Кем только не работал. Откладывали деньги.

Потом, когда мать стала лучше ходить, Иван уехал в Братск на заработки. Приняли бетонщиком второго разряда, а через месяц он уже имел четвертый разряд. С каждой полочки отправлял по сотне рублей. Устроился ещё в школу сантехником. Эти деньги полностью отправлял. Мать писала, что присмотрела дом на краю города с хорошим огородом и разными пристройками для живности. Оставалось всего восемьсот рублей.

Был у Ивана товарищ по работе. Привел он Ивана к домику-развалюхе. Собирались здесь отпетые пьянчужки и хорошие на вид парни. Чистенькие, культурные. Бригадир предупреждал Ивана насчет этой компании. Ивану было интересно среди тех парней. Все выглядели смелыми и преданными. В сарайке всегда тарахтели мотоциклы. Один раз появился «Москвич». На нем гоняли вокруг развалюхи. Иван садился за руль, и у него получалось лучше всех. Как-то появилась красавица Райка. Она сразу заметила Ивана. Даже из-за неё с одним парнем подрался. Бригадир сказал Ивану:

– С этой мадамой завязывай. Я её наскрозь вижу. Повяжет она вас всех.. Поверь мне. Нехорошая она. И с этими парнями завязывай. Предадут они тебя.

Не поверил Иван бригадиру, поверил Райке, её горячим ласкам поверил.

После этого разговора на второй день они выпили хорошо, и поехали на машине в город за добавкой. Райка была рядом... Её рука лежала на плече Ивана. Надо было возвращаться в сарай, а тут неожиданно из-за поворота выскочило две милицейские машины. Иван рванул машину по главной магистрали от Братска, да где там! Друзья выскочили из машины и разбежались, с ними убежала и Райка. Иван остался. Всё взял на себя. И присутствовали Ивану четыре года. В лагере узнал, что Райка ускользнула от суда. Ещё из одной компании скрылась, а ребят повязали. В лагерь приезжала мать Ивана, и он ворчал, что столько расходов из-за него...

– Я хочу, Юрка, маме дом на старости лет купить. Мне он не нужен. Я очень хочу, чтобы мама пожила в хорошем доме. Осталось до покупки пятьсот рублей. А ишо хочу... море повидать. Какое оно?

Тут уж я начал рассказывать о тех морях, какие повидал, о золотых пляжах, толстых кошельках, ресторанах.

– Повидаю, – решительно сказал Иван и стукнул по подушке.
– Повидаю. Это моя мечта. Маму бы с сестренкой устроить. И поеду смотреть... А потом... поеду искать Райку. Надо восстановить истину. Мне один написал, что из-за неё одного подрезали. И ещё одну компанию предала. Много грехов на ней. Главное то, что и милиция её не может поймать. Какая-то неуловимая.

– Артистка, – ответил я.

– Я сам веду следствие. Собираю письма из лагерей. Сам это следствие и закончу. Сейчас у нас здесь открылась вечерняя школа. Семестры называются. За три года закончу десять классов...

– А потом куда пойдешь? – спросил я, хотя догадался, куда он пойдет учиться дальше. Это его дело.

Мы помолчали.

Повернул подушку к окну. Огоньки не вмещались в ладони. И где-то, там, среди огоньков живет Вера... Господи, что же де-

лалось со мной? Что творилось? А Иван? Нет, я против такого желания против Райки. Пусть сами парни с ней разбираются и не попадают на уду этой шлюхе. А вот то, что он думал о матери, это поразительно! Что сделал я для своей матери? Ничего. Надо написать ей письмо. Иногда я был груб к моим товарищам. Надо бы сдерживать себя. Но когда сдерживать и с кем? С некоторыми невозможно себя сдерживать... А может, и не надо вмешиваться? На это есть милиция, партийные органы. Есть народный суд, комиссии разные. Какое отношение к этим господам имею я? Сначала удивлялся, как можно соединять в себе такие понятия читать лекции о честности, справедливости, а на деле быть казнокрадом. Мне, кажется, что наша страна, да и другие страны, как огромный театр военных действий. В каждом человеке сражается два человека. Каждый человек – артист. Появился на свет – сыграл свою роль и ушел из жизни. И оставил после себя таких же, как и он сам, артистов. Скажи какому-нибудь начальнику или подхалиму любого пошиба, что он артист – обидится. Но, это правда! Для чего-то артист из народа появился на свет? Для чего-то он есть! И в этом заложен какой-то смысл. А может, я специально народился, как и подобные мне, наводить порядок среди артистов? Ничего я с собой не могу поделывать! Ничего! Не могу же я быть, как все, меня так и тянет к этим пройдохам, чтобы как-то наказать их.

В окне светились огоньки. Они подмигивали мне, и свет от них словно во мне растворялся, и я начал засыпать. Среди расплывающихся огней появились большие и черные глаза, похожие на спелые вишни. Исходящие лучики от них гладили меня, убаюкивали. И слышал шептание. Лишь на одно мгновение мелькнуло лицо цыганочки...И я уснул...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ТРУДЯГИ

СЕРЫЕ БУДНИ

Когда мы собрались в мордобойке, прибежал Торкунов и сообщил, что надо собираться на новое место, на строительство нового семейного общежития. С нами Гоха и Юра Хвостов. И когда выйдет из больницы Игорь Пушмин – тоже к нам. На новом месте нас ждут молодые рабочие.

– Попьете свой чай из дегтя и пойдем. Список подал в учкомбинат, – говорил бригадир. – Позаимеем книжки, разряды, чертежи научитесь читать. Экзамены будут. Помогу. И станем монтажниками. Впервые на стройке и в районе, а может, и в области, такую вот бригаду создали из одних этих...тово...И вот справились. А ведь я сколько раз собирался уйти от вас. Выстояли. Молодцы. Теперь будем бригаду расширять. Комплексная бригада будет. Кто сварщик...

– Я буду сварным, быстро ответил Иван.

– Ну вот. И свой сварной есть. Строить начнем с фундамента. Это будет ваш первый дом. Ты смотри, ишо маненько и как Дрожжин заговорю. Эва, там и шутить зачнем, а, Стрелов? Шутить... А што? И это будем иногда делать...

А я ответил:

– Веселее так-то. А то одни серые будни.

И вдруг я подумал, что отстроим город, и начнем в нем жить. Вызову маму, сестер, брата... Даже как-то не верилось. Наверное, это на серьезе. Тут не до шуток. Это и есть жизнь...

– А я пойду крановщиком, – сказал Лешка. – Давно мне хочется тихой работы. Спокойствия хочется. Не люблю шум. Тишины желаю.

Кстати, Мальвина ушел на базу ОРСа грузчиком. После того вечера, на утро он и ушел. А ещё он поступил на курсы продав-

цов. Написал заявление в кандидаты партии. А ведь примут. Какие люди туда лезут! Неужели вот такая партия по всей стране? Что же будет с такой партией? Ведь вот такие шарамыги и могут её развалить. Тогда зачем она? Для казнокрадов, болтунов и очковтирателей? Я работал в глубине моего народа. И никто не верил в придуманные идеалы этой партии. Никто. Тогда зачем она нам вот такая нужна? Тогда и там мне найдется место. Что там мне делать? Интересно, а примут меня? Уверен – примут. Что там мне делать? Откуда я знаю.

Мы пришли к теплушке-вагончику. Недалеко от неё стояли поддоны с кирпичом. На рельсах раскорячился кран. Лешка остановился и, запрокинув курчавую голову, стал смотреть на кран.

Мы остановились. Бригадир тронул Лешку за плечо.

– На курсы пойдешь, и будет у нас свой крановщик. Смотри, Алексей, на таком будешь работать.

Странно. Мы впервые узнали, что Кощей – это не просто Лешка, но и Алексей.

– В институт пойду. Учиться хочу. У меня все родные грамотные... Один я дурачок. Отдохнул, покуролесил и будя. А теперь за учебу. Один я шалопут. Это шалопутство кончилось. Всё из меня вышло.

– Ну, ты, Леха, даешь! – воскликнул я. – Как это так можно быстро и ловко? Раз, и в дамках. Смеешься?

– Нисколечко, – ответил он. Тронул меня за рукав. – Там, за моей спиной остался Лешка-шалопут. До лагеря меня так звали. А на зоне Кощеем прозвали за мою худобу. Письмо получил от друга. Все мои одноклассники, русские, чуваша, татары, украинцы учатся. Я один еврей и не учусь. Один из класса еврей и не учусь. Обидно стало за мою нацию. Хочу тишины. И думать в тишине.

– Комедь моей матушки, ну ты даешь! – воскликнул Иван. – Он думать захотел! Поменьше думай! Пусть за нас начальство думает!

– Думать-то шибко тоже вредно, – ответил Бригадир. – Я вон думаю, как лучше наряды закрыть. Вот это думы... А он захотел об чем-то думать. Не очень всё это хорошо. Не надо бы выде-

латься. Будь как все. Пусть люди обо всем грамотные думают. Им положено думать. Разные ученые там, писатели...Брось думать. Нехорошо.

– Да я и не думаю шибко, – ответил Лешка, и почему-то подмигнул мне. – А вот когда выучусь, то обещаю, что своих рабочих буду заставлять думать. И никто меня не убедит в обратном.

– Не надо бы выделяться и настраиваться на думы, – упрямылся бригадир. Книги-то иногда можно почитать. Запишись в библиотеку. Я недавно тоже записался. Возьми эту...как её... Надо же, захлестнуло, – удивился бригадир. Он пощелкал пальцами, провел языком по толстым губам, раскрыл при этом ещё больше рот, и наконец, радостно воскликнул. – Надо же запамтовал! Совсем захлестнуло... Тово...Как ево...Ну... будь она не ладна... Как её. «Школа» Там описано про самово Гайдара. Поучительная книга. Вот, где показана жись. Вот так надо жить. И мы будем так жить.

– Ты, Леха, почитай книгу «Чук и Гек», – подмигнул я Лешке. – Там одна философия. О космосе там...

Иван округлили глаза на меня, рот распахнул и ничего сказать не мог.

Генка хмыкнул и промолчал, а Гоха хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Таперича у нас будет свой астроном!

– Только не бойтесь, – сказал я. – Учиться не буду. Лень на учебу. Знать, цыганская кровь дает о себе, только учиться у жизни. Но книги читаю. И никто мне не запретит читать. Дожили. Уже и думать стали запрещать! Мне плевать, кто есть кто. Генка вот – татарин. У меня друзья были в детстве. Волоха – китаец, Паха – бурят, Гриха – украинец. Вот сейчас у меня есть хороший друг – еврей Лешка. И что из этого? Для меня, чтобы человек был. Лешка, вы сами на себя что-то там накручиваете. Зачем? Анекдоты на себя напридумывали. Зачем? Хотите выделиться? Зачем? Есть на планете Земля одна нация – человек. Вот и вся нация. И больше чтобы я не слышал об этом.

-- Ну, разошелся Стрелов, – засмеялся бригадир. А он оказывается умеет и смеяться. – Никто никого не трогает. Ты чо взъерепенился? Дрожжина захотел за пояс заткнуть? А я вот

вятский. Ну и что? Кака разница, кто есь кто. У нас чичас здесь на стройке, каких тока национальностей нет. А все они челове-ки. Здеся я с тобой согласен.

– А Лорка у меня украинка, – сказал Генка.

– Отец мой из ссыльных русских, а мама удмуртка, – сказал Иван. – Я с Юркой согласен. Какая разница, кто есть кто.

– Всѐ, ребятки, всѐ, – замахал руками Торкунов. – Хватит. Пошли, а то нас, однако, заждались. О космосе, Стрелов, потом поговорим. Как ты там книгу назвал... Про иностранцев Чука и Гека. Ты смотри, чо он читает. Как мудрено... Чук...Надо же!

В новой теплушке оказалось несколько парней. Все они из условно освобожденных из местного лагеря. В общем, создали бригаду из одних бывших воров, хулиганов и тунеядцев. Это что-то новое в нашем районе, а, возможно, и в области.

Здесь были – прораб Дворовенко и начальник участка Матвейчук. Он прихлопнул по столу.

– Так. Расселись. Все здесь. Одна бригада. В полгода мы должны построить вот это семейное общежитие. И сдать ключи коменданту. Шесть месяцев. Меньше – премия. Бригада сорок человек. Нужно трех звеньевых. Бригадир! Кого! Быстро. И за работу.

– Я ведь говорил вам.

– Говорил. Мне. Скажи всем. Не жди сверху. Решай сам.

– Звеньевыми назначены... Иван Калита, Султанов, Стрелов... Как насчет этих товарищей? Нам с ними работать.

Торкунов посмотрел на Матвейчука, а тот похлопывал по столу. Тишина. Я удивился. Иван рожден для этой должности и выше. Генка тоже рвется, вкалывает здорово. А я что? Ничего не умел делать. Сачок. Да и столько было хлопот из-за меня! Недавно случай такой произошел. Нам раздавали разряды. Бригадир каждому из нас дал задание – сделать топориче и насадить его на топор. Наутро я принес свой топор. Иван стал громко смеяться...

– Ты что это сделал? – спросил Торкунов. – Это же у тебя простая березовая палка. Зачем покрасил?

– Красивее, чтобы было.

Вспомнил про это, подумал – хохмят.

– Всё! – грохнул по столу Матвейчук.

Он схватил шапку, сунул её под мышку, и быстро вышел. Прораб сказал:

– За это время, вы, однако, выросли. Рад за вас

– Вот Дрожжина нет, – засмеялся я. – Он бы нам здесь такую речугу закатил бы о сияющих вершинах – закачаешься. Давайте о закатах толковать?

– Всё смеешься, Стрелов? – покачал головой бригадир. – А дело всё это серьезное. Хватит бы шутить-то...

– Я тоже говорю серьезно, Дрожжину так можно говорить о сияющих вершинах, а мне нельзя?

– Он за это деньги получает.

– А я давайте вам толкну речугу без всяких денег?

– Ты, Стрелов всё ловко переводишь на другое...

– Пошли работать, – встал прораб. – Тебе, Стрелов философ быть, или на журналиста учиться.

Бригадир вышел.

– Бог с ней, с этой учебой, а как с материалами? – спросил Иван. – Опять в последнюю очередь?

– Согласно графику, – ответил прораб. – Там на базе есть комсомольский штаб во главе с Александром Веревкиным.

– Новый начальник? – спросил Иван.

– Он представитель общественности. Они добровольно пошли на это, чтобы помочь строителям.

– Плохо верится, – ответил Иван.

– А мой кнут Веревкину не поможет? – спросил я.

Прораб вдруг засмеялся.

– А што? Я бы, паря, согласился. Некоторым кнута и не хватает.

Раскрылась дверь и просунулась голова бригадира.

– Пошли, пошли, хватит философию разводять.

Дворовенко подмигнул мне и вышел.

В моем звене, кроме меня – девять парней. Вышли из теплушки. Конец марта, но тепла ещё не было. За ночь бывали морозы под сорок, и только к середине дня теплело. Снег делался сырой, и даже капало с крыш. Из-под скатов брызгала желтоватая каша.

Фундамент был готов, и нам надо было начинать кладку. Рядом со мной Лешка и Юра Хвостов – каменщик высокого класса. Кстати, он мариец.

Моё звено определилось на одной из будущих стен, какую мне указал бригадир. На остальных трех – Иван, Генка и бригадир. У меня из новеньких оказалось трое парней. Пошел к поддонам, чтобы доставить кирпич на стену. Чуял, что что-то должно произойти. Уж слишком всё гладко шло с этими парнями. Не верил. Сам таким недавно был. Какие же они все молодые...

– Надо бы побазарить, – сказал высокий и тонкий паренек в кепочке на ершистой и рыжей голове. Он пытался сделать серьезное лицо, изменить голос. Но, получалось неважно. Иногда поворачивался к напарнику. Длинному лет шестнадцать. Усы только начали пробиваться. Я в его возрасте мотался по стране и всю бомбил казнокрадов. Второй чуть постарше, крепкий, красивый парень с круглым лицом и тонкими усиками. Он перекрыл выход из поддонов с кирпичом и пачек бруса.

– Не поднимай хипишь, фраерок, – продолжал длинный. – На мамкиных харчах вырос? А я с детства по детдомам. И на зону. Нам оттрубить год и вольняк. – Он цыркнул сквозь зубы, и надвинул кепочку на глаза. – Не трогай нас. Чичас мы смотаемся и вправим мозги после вчерашнего кильдыма. Явимся после обеда и чайку захватим. Договоримся сразу – базару не должно быть.

И он продолжал цыркать сквозь зубы. Как же ты так долго говоришь? Тут надо действовать. Уговорами нельзя взять этих парней. За моим голенищем валенка – кнут. Эти, ребята, наверное, за хулиганство срок мотали. Может, попросили подкурить, а потом толпой пинали лежачего. Чуял, что на большее они не способные. Усатый науськивал длинного. А вот этот точно подлый.

Привычно выдернул кнут, и плеть бросил в сторону красивого. Сигарета вылетела из-под усиков. Он удивленно округлил глаза, но продолжал улыбаться. Такие улыбочивые бывают самыми подлыми.

– Слушай, фуффло усатое, вонючая даржанелла, и ты, ушастик, много лопочите! На место! И чтобы у меня не было базару!

Длинный мгновенно перестыл цыркать, а красивый отскочил в сторону. Парни быстро исчезли. Я сунул кнут на место, и посмотрел вверх. Там должна сидеть крановщица. Она всё видела через окошечко, но тут же скрылась. Захлопнула створку. Махнул ей и сделал положенный знак руками, чтобы она готовилась к поднятию груза.

Подняли кирпич. Начали трудиться. До обеда подавали материал. Ребят спаривал, ругался с ними. Видимо, длинный сообщил им о моем кнуте, и они не очень-то со мной спорили.

Обедали в будке. У нас горячий чай, колбаса, хлеб, яйца. У кого что есть – на стол. Длинный – Петька Ерохин со своим улыбочивым в стороне.

Бригадир убежал за раствором.

– Огольцы, проходите к нам, – пригласил я. – Вместе-то веселее. Седни у нас, а завтра у вас. Какая разница. Идите.

Улыбочивый ещё сильнее заулыбался, и быстро сел за стол. Он сказал:

– Правильно. Мы идем ко всему общему. В восьмидесятые будем жить при коммунизме. А это значит – всё общее, – и он подтянул к себе самый большой кусок колбасы. – Здесь посытнее кормят. Рай. Сколько хочю, столько и ем. И делиться надо последними крохами. Рай.

Он аппетитно уплетал колбасу с хлебом и луком, и с его лица не сходила улыбка.

Петька вышел на улицу. Я за Петькой. Он остановился за углом вагончика и, достав сигарету, закурил. Хотя я и не курил, но попросил одну.

– Ты не сердись на всех, – сказал я. – Вместе будем трудиться. Запомни навсегда. Главное. Прежде чем на кого-то рыпаться – знать надо, кто он и что он. Чо было – забудь. И я уже всё забыл.

Петька молчал, а я в будку. Мы пили чай, а Игорь рассказывал анекдоты. Вскоре тихо вошел Петька. Сел к столу. Взглянул на меня незлобиво. Потом улыбнулся.

После обеда мы вывалились толпой на улицу. Отозвал Игоря. Он продолжал улыбаться.

– Перестань по-пустому зубы казать. Ласковый больно? Учти – не верю вот таким ласковым. Навидался. Не ведаю, что у вас там с Петькой, но смотри. Ты от него отстань. Хотя я был похлеще вас, но скотиной не был. Предупреждаю. Вот теперь всё.

После работы переоделся – и к Вере. Мы сидели с ней в комнате. Мать готовила ужин. Вера сообщила новость – Зиночка под следствием за махинации в буфете. Выкрутится. Партия поможет. Значит, Зиночка не успела съездить на юг. А Вера переходит на стройку маляром. Там заработки хорошие.

– Ну, я пошла на дежурство, – сказала мать. Она работала сторожем-дворником в детском садике.

– Мальчишку я сегодня у себя оставлю. Просится со мной на дежурство.

Вера раскрыла альбом, и стала показывать всех родственников.

– Сегодня получила от него письмо. Просится обратно...

– Ты зачем мне об этом? – спросил я, и неожиданно для себя зевнул.

Вера отложила альбом, встала и, обняв меня за плечи, приткнула лицо в мою шею.

– Обиделся, да? – тихо спросила она. – Но я не хотела обидеть. Я же всё-таки женщина. Пойми. Мне хочется любви, ласки. Мы созданы для любви. Вам этого не понять. И он только сейчас понял, что не разбудил во мне любовь, чувства. Хочет это вернуть, когда сойдемся. Пишет об этом. Не сердись. Вот увидела тебя...

Она взяла меня за руки и повела к своей кровати. Странно, но я шел за Верой спокойно. Что со мной? Что вдруг случилось? Вот рядом увидел красивое лицо молодой женщины с закрытыми глазами, полуоткрытый рот, цепкие руки и тоненькое, нежное, трепетное тело, жаждущее любви. Она рванулась мне навстречу. На миг я увидел лицо, и тело Руди... Представил её такую близкую и желанную...И тоже рванулся навстречу любви, к моей Руде...

Собирался домой. Сам хотел одеться, но Вера стала помогать. Отчего-то мне было стыдно. Стыдно перед Верой, которая собирала меня и таинственно и радостно улыбалась...

На пороге она обняла меня и прильнула, а я машинально тоже обнял. Она что-то шептала, но я не слышал. Мне хотелось идти домой...

Шел домой. Такое было чувство, будто что-то украл у Веры. Украл у того, неизвестного мне мужа Веры. Почему так? Я ведь не виноват. Сама виновата. Что происходило со мной? Отчего так слякотно на душе? Почему так противно? Вдруг сам себе стал противен. Бежал домой. Скорее, скорее...

У крылечка нашего сарая стояла сестра Руди Нинка. Когда её увидел, то болючий комок уперся в ложечку, а ноги не желали двигаться.

– Здравствуй, Юра, – очень тихо сказала она, но я услышал. Ты меня извини. Но, я люблю свою сестру. И как могу её защищаю. Судьба ближнего дороже собственной...

Знал историю Нинки. Отец был большим начальником. Арестовали. потом и мать увезли. Умерла на зоне. Дети «врагов народа» многое, что повидали плохого. Рудя не желала говорить о том времени, но мне такая жизнь знакома.

– Што с Рудей?

– С Рудей? – удивленно спросила она. – Так ты её назвал. Помню. Пойдем ко мне. Хоть бы меня кто-то бы как-то назвал. Я покажу тебе кое-что. Или меня боишься?

Мы шли рядом. Такая дама и шла с уголовником. Как же она терпела меня! Какую новость она хотела сообщить мне?

Нинка жила в трехкомнатной квартире в новом каменном доме. Хаза шикарная. Кругом ковры, на стенах, на полу, несколько стояло в рулонах. На двух полках, под стеклом подписные издания книг. Два дивана, четыре кресла в белоснежных чехлах, телефоны в прихожей и в каждой комнате.

– Кто здесь живет? – задал я глупый вопрос. Пока ходил по комнатам, она переодевалась в ванной.

– Здесь? – переспросила она. – Действительно – здесь. Одна живу.

Развернулся к ней. Да, за такую можно встать на колени. На Нинке короткое платье, с глубоким вырезом на груди. Волосы, завитые крупными кольцами, распущены по сильным плечам. Такие же и у Руди. В больших и темных глазах нежность, при-

тягательная сила. Тоже творилось со мной, когда рядом была Рудя.

Во мне была тревога, а в глубине души спокойно.

– Здесь? Давай лучше скажем так – здесь. Одна живу.

И она приблизилась ко мне. Казалось, что я чувствовал бие-ние её сердца. Чувствовал её тело. Стал обнимать её, но внутри меня всё восстало, противоречило этому мгновению. Постепенно таяло огненное, страстное, и я пытался ухватиться за это ускользающее мгновение и стал нервничать. В таком деле нервничать – самое последнее дело... Я нервничал... Восставал против того, второго – Я. Он мешал мне. Но ведь с Верой он мне не мешал. Там совсем другое дело, будто кто-то сказал во мне. Не надо бы равнять этих двух дам. Не надо... Лихорадочно искал в себе причину такого состояния. И вдруг вспомнил. Будто кто-то толкнул меня к этой мысли. Представил ту Нинку, когда мы пришли в контору, и как она смотрела на всех нас. Так что же изменилось в Нинке? Что? А может, я нужен ей как мужчина? Нет, не каждого мужчину можно купить! Что же получается? Подбрось нам лакомый кусочек и мы – хватъ... и заглотили... Именно так она думает. Но я так не думаю... Она думала, что если я бродяга, тунеядец, то со мной всё можно делать? Надо показать этой толстозадой красавице, что я хоть и отверженный, и пока находился вне закона, но я – гордый! Пусть знает. Да, я люблю. Если же я сейчас бы с ней остался, то чтобы получилось? Кто бы я стал после этого? Как можно предать мои отношения с Рудей, да ещё с её сестрой? Как можно? И вдруг, в какой момент Рудя всё узнает? Скажет, вот твоя любовь. Вся вышла. Да ещё с сестрой! Нет, я не смог сделать подлость в память в любви к Руде.

Убрал руки, а они словно свинцом налились, не хотели отрываться от крепкой поясницы красавицы. Отступил на шаг.

Она удивленно посмотрела на меня, и, видимо, всё поняла.

– Меня ещё вот так никто не унижал. Передо мной на коленях, знаешь какие тузы стояли? Да что эти тузы... Даже сам заместитель министра коленки мне лобызал и возил по району, по области. Подарки давал. Все тузы из Иркутска, Новосибирска, Москвы... Не знаешь... только чтобы прикоснуться губами

моих колен. А кто ты? Кто ты есть? Нолик. Хуже вши. Так. Пыль с моих туфель.

– Неужели тебе непонятно моё отношение к Руде?! И кто мы с тобой будем...если... Как же ты могла?! А говоришь про пыль. Это ты есть пыль!

– Замолчи! Не смей говорить о моей сестре! Не смей!

Она отступила от меня на шаг, и стала нервно хохотать. И так же быстро прекратила смех.

– Всё с тобой ясно. Наметила я тут одного плебея. Машинистом тепловоза работает. Осчастливорю его. Приползет к моим ногам. А за это всё мне отдаст. И все мои запросы будет выполнять. Будет содержать моих детей, которые сейчас живут у тетки на юге у моря. Мужчина всегда любит детей любимой. А вот женщина никогда не полюбит детей такого вот вдовца. В этом, мы женщины, и отличаемся от мужчин. И пусть мозги не пудрят некоторые, что женщина полюбила детей вдовца. Такое только можно увидеть в кино и в книгах. В жизни – никогда. Я не буду мужа любить. Рядом будет спать эдакий сопленосый суслик. Я буду терпеть его ласки до тошноты. Терпеть.

– Зачем ты мне всё это говоришь? Я и без тебя знаю, что женщина никогда не полюбит детей вдовца. Ну и чо из этого?

– Чо, чо... Для забавы сказала. Тузы мне нужны для игры, чтобы иметь от них всё. Всё у меня здесь от них. Такие, как ты, для утолнения жизни, от разнообразия серых буден. Для успокоения нервов, психики. От неутоленной страсти – мы, женщины, бываем злые, нервные, больные, с мигренью... Муж-тепловозник не устранил болезни. Он годен только для самой жизни. Пусть строит гаражи, дачи. Пусть плодит свиней, и всякую другую живность. Такие мужья нас кормят, отправляют нас ненасытных в Дома отдыха. Ни одной твари не верь, что какие-то там разошлись из-за того, что не сошлись характерами. Ерунда всё это. Из-за неутоленной страсти разбежались они. И виновата в этом женщина. Только она, тварь ненасытная. Женщины изновально развратены. Заговорила с тобой. Ты ничего Рите не дашь. Любви мало. Нужна ещё жизнь. А вот для жизни ты негоден. Да, Рита обокрала себя. Ничего, они проживут. Мы поможем. И мой тепловозник поможет. Она не любит тебя, да и за что?

– Врешь!

И пошел к выходу.

Господи, разбредила Нинка мою душу. Ой, разбредила.

Лежал на своей кровати, а рядом теплились огоньки. Они чуть мерцали, и словно хотели что-то сообщить, поведать о чем-то. О чем? Вот яркие точки-огоньки, и каждая точка улыбалась мне, и это уже не огоньки, а множество лиц, всех моих знакомых. Там и Нинкино лицо увидел. И личико цыганочки из снов и видений. Где она? И когда я её увижу? Почему так устроен мир? С детства во мне жил образ Риты из Бодайбо. И когда я должен был узнать всё о ней – встретился с Рудей. Теперь и она ушла от меня. Вера? Совсем не то. Теперь во мне есть новый образ – девушка из снов и видений. Но сейчас-то зачем? Может, я такой человек? Создан для душевных переживаний. Все испытания помогали мне выстоять в этой сложной жизни, чтобы понять текущий момент. Может в этом мире и есть вот это моё счастье? Да, это и хорошо, что я такой со всеми недостатками. В каждом человеке должно быть что-то особое и непохожее на других, себе подобных? Каждый индивидуален. Стоп! Кто во мне так рассуждает? Или я уже так насобачился рассуждать? Когда успел? Уголовник и тунядец не должен так рассуждать. А ведь мои товарищи тоже должны также рассуждать. Может, им было что-то и дано, но они это желание подавили в себе? А может, им не дано так рассуждать, и даже то, что творится во мне? И всё-таки без всего этого будет скучно жить. Пусть всё остается так, как есть. Так интереснее жить.

Уснул? Бред? Вокруг всё изменилось. Вспомнилось детство, как наяву. Такой сон, скорее всего бред, все вот такие воспоминания родились во мне впервые. Жаркий день. Солнце здесь не такое, как у нас в Черемхово. Там оно красноватое от дыма паровозов, от террикоников, печных труб. А печи топили в Черемхово углем. А здесь оно ярко-белое, и небо до того чистое и голубое, что даже больно смотреть на него.

Сестра моей бабушки по отцу тетя Груня, из села Макарьево, что стояло на Ангаре, со своим многочисленным семейством приехала к нам в Черемхово. Но мама быстро их выпроводила. Тетя Груня прихватила меня с собой, и поехали мы по дерев-

ням. Тетя Груня и её дружная и горластая семейка занимались ворожкой, побирались, а то и воровали. В этой дружной семье всё было перемешано. И взрослые дети, и у детей внуки, племянники, дядья, тетки... Все жили одной семьей. И верховодила над всеми – тетя Груня. Её муж, барон, сбежал от семьи на фронт и там погиб, как и его два брата. И эта дружная семья дружно оплакивала всех погибших. Оплакивали они страшные извещения и своих соседей, надеясь, что за их слезы и громкий рев чего-нибудь и достанется. За зиму сжигали забор, а потом весной, начинали городить снова. И было непонятно – на что они жили.

Село Мишелевка Усольского района, или ещё его называли – рабочий поселок, где стоял крупный в стране абразивный завод. Делали здесь фарфоровую посуду. Поселок был красивый Небо в этом поселке, сколько раз сюда приезжал с тетей Груней, удивительно чистое и ярко-голубое.

Мы ходили по дворам, толкались у Дома культуры, у проходной завода, а чаще у чайной. Здесь была небольшая площадь и маленький базарчик. Иногда мы устраивали концерт. Мы, пацаны, плясали, пели, а девочки побирались и пытались ворожить. Тетя Груня и взрослые девицы гадали, дурили наивных селян. Спали на берегу речки Белая недалеко от чайной в разноцветном шатре. Тут уж кто расторопнее. Если не успел втиснуться – спи у костра, прямо на земле. Я никогда не спал в шатре, но у костра любил. Дядя Григорий, он был без ноги, отодвигал огонь, на это место клал брезент, и мы ложились на него. Но, и тут мне порой не хватало места. Спал на земле. Поговаривали, что дядя Григорий потерял ногу за конокрадство. Я не верил, знал, что это был честный цыган. Порой он говорил мне:

– Дай с огоньком, да с выходом. Ты лучше всех пляшешь.

И я старался от души плясать.

Хорошо было у костра. Чистое небо над тобой, звезды, рядом шуршала река. Дядя Григорий брал старую гитару и пел заунывные цыганские песни, а то и русские романсы. Сколько его помнил, он всегда пел такие песни. Может от того, что ещё в молодости любил русскую девушку. Отец не разрешил жениться на русской, а заставил взять в жены цыганку. И он всегда бил её.

А та, русская, до сих пор жила в Макарьево, и имела двух детей от белобрысого хохла. Живут хорошо. Хозяйственный мужик. Глухонемой. Хозяин, что надо. А дети нормальные. У них тоже появились дети. Два внука. С одним пацаном я даже дружил, и он несколько раз приезжал ко мне в Черемхово, а я к нему. Его родители почему-то не разрешали, чтобы он дружил со мной. Говорили, что я могу что-нибудь у них украсть. Странные люди...

Напротив чайной базарчик. Тут уж мы полные хозяева. Пустые не уходили...

Неожиданно, как наяву вспомнил то лето, тот день, вдруг захотелось всё вспомнить и не забыть... Увидел девчонку. Худенькая, черенькая и красивая, похожая на цыганочку. Она торговала черемшой. Ярко-зеленые пучки аккуратно лежали горкой. Вдруг захотелось черемши.

Красивая, очень красивая дева, подумал я, а черемшу уведу... ах, дева, ты останешься с одной красотой. Она заметила мой взгляд. Накрыла пучки платочком. Во взгляде увидел растерянность. Смотрела по сторонам. Думала, что родители рядом или знакомые. И тогда решился. Медленно приблизился к ней и сказал:

– А хошь я тее вспогадаю, красавица?

– Не надо, – резко ответила она и крутанула головой. Руки тоненькие и смуглые положила на платочек.

Вынул самодельные карты. Разложил их веером рядом с платочком.

– Вот это ты, – показал на туза-черви. Она скривила губки.

– А чо ты с меня смеешься? Я же не туз. Иди отседа.

– О, дева разбиратца... А карты говорят – будешь ты, дева яхонтовая счастлива. Твои глазки изумрудные никада не опечалятся. И не будет в них тумана. И встретится тебе на твоей дорожке прынц, черенький да бравенький, и увезет тебя бриллиантовую в края далекие. Жди прынца. Он придет...

– Семен! а Семен, иди сюды скорей. Парнишка тут лезет!

Когда она закричала, то подняла руку и замахала ею. Платочек сполз и упал. Схватил несколько пучков и прижал к себе. И тут увидел ярко-черные глаза и в них испуг и удивление. Почти рядом чей-то голос.

- Шура, чего кричишь? Где этот негодный мальчишка!?
- Я успел убежать. Слышал детский голос и крики взрослых.
- Держи вора! Лови ево! Где он?
- Бей суку черномазого!
- Никакова проходу от них нету!

В этот день тетя Груня выгнала меня из табора.

– Ты у кого украл? Не умеешь воровать и некова лезти! Это же дочка моей подруги Ульяны! Она тоже цыганка. А замуж за неё на ножи пошел. Отстоял мою дорогую подружку. Смелый и отчаянный хлопец Ванька оказался. Ччас таких же маленьких цыгонят плодят. А куда денешь нашу кровь? И в тебе течет наша кровя, но ты какой-то не такой. Мотай отседа, пока тебя не заловили. А мы уж с Ульянушкой это дело замнем.

А мою черемшу растерзали ребяташки. Так для чего я её украл? А ещё из-за меня попадет большеглазой красавице. Жалко...

Проснулся. Теперь я понял, глаза, которые иногда мне казались, это глаза той девчонки. Теперь она девушка. Глаза невозможно спутать. Она! Значит, девушка продолжает жить в Мишелевке! А ведь это было в действительности. Я, когда-то украл у неё черемшу именно в Мишелевке. И вот сон или видение повторилось. Скажи кому – засмеют. Такой уж я человек. Но зачем было это видение? Какой в этом смысл? Как мне показалось, промелькнуло лицо дедка из деревни Коршуниха. Он загадочно улыбнулся и тут же исчез. Надо уснуть. Отвернулся от окна и укрылся одеялом...

ОТКУДА МЫ ТАКИЕ?

На другой день мы положили ещё два ряда. Я бегал от одного парня к другому и всем помогал. Раствор не везли. Бригадир нервничал, но молчал.

Под конец смены решил узнать, в чем дело, и пошел в распределительный узел. А там – диспетчер. Солидный дядя с распаренной физиономией из-за нестерпимой жары от трех электропечей. Он посмотрел на меня поверх очков и опять углубился в

бумаги... Ах ты, душа бюрократская! Резкий телефонный звонок, и диспетчер, только ему известным движением, опустил руку на телефон и мягко взял трубку. Очки опустились на нос, а глаза уставились в потолок. Я подошел ближе и тоже взглянул в потолок. Он перехватил мой взгляд и опять в потолок. Артист!

– А вы не шумите, не шумите, пожалуйста. Мне виднее куда, куды или кунды отправлять брус, пожалуйста, не учите меня, вот так, – и диспетчер положил трубку и взглянул на меня. Видя, что я ещё смотрел в потолок, он тоже посмотрел туда.

– Почему нет раствора в бригаду Торкунова, маэстра? – сказал я, и перевел взгляд на его мощную переносицу.

Диспетчер медленно перевел взгляд на меня, откинулся на стуле. Тот пронзительно взвизгнул и словно с пружинил. Диспетчер будто вырос на моих глазах. Он резко поправил очки, оглядел меня, посмотрел в потолок и снова на меня. Я тоже взглянул на потолок, а потом на диспетчера.

– Так, значит, отпрыск от делегации... Только чо или что был на вашем месте товарищ А. А. Веревкин, представитель молодой поросли инженеров стройки, будущие кадры...В общем, нет раствора. И всё тут. И прошу не шуметь здесь-ка, здесь. У вас есть бригадир. Вот и пусть или пусть ходит. Был здесь и ваш бригадир. Пусть он ходит, а остальным, разным...тут или тут делать некаво, а может, и нечего. Вот так. И неприлично позади бригадира действовать подобным способом. Нет раствора.

– А чичас? Во вторую будет раствор? Тоже его другой бригаде?

– Чичас? Ах да, чичас. В другую бригаду. У них на сто двадцать тянет.

– И у нас потянет. Так вот знай. Ты хороший и первосортный бюрократ. И артист. Посему тебя и поздравляю. Заруби себе на носу, и передай своему благодетелю, начальнику стройки М. И. Тесту, што я вам перекарежу все планы.

Пошел к выходу. И тут вошел Александр Веревкин. Знал его. Они с женой приехали сюда после окончания института в 1960 году, и жили в палатке. Работали они вместе в техническом отделе стройки, и занимались общественной работой. И никто не просил его, чтобы после работы, ночью, прийти в диспетчер-

скую, на базу и проследить, куда везут стройматериалы. Порой, надо было просидеть в этих стенах всю ночь, а утром на работу. Я, например, таких людей в те времена не понимал. Хотя в будущем сам таким стал. Кстати, Веревкин лучший пропагандист марксизма-ленинизма в нашем районе. Он не болтал о сияющих вершинах, а практически шел к этим вершинам. И я ему верил. Он добровольно делал благородное дело. Ну, а кто я был? Ведь тоже делал благородное дело... И наше дело с ним отличалось тем, что на его стороне закон. Ну, что же... Каждый из нас в своих делах шел своим путем.

Так вот, Александр Веревкин спросил меня:

– Как у вас дела в бригаде?

– Какие могут быть дела, если нет раствора.

– Мы тут с ребятами из комитета комсомола платформу с кирпичом выгрузили. Теперь займемся вашим раствором.

– А грузчики где? – спросил я.

– Перепились грузчики, а смену другую никто не вызвал. Вот мы и собрались на воскресник.

– Мы могли бы помочь. Кирпич и нам нужен.

Веревкин посмотрел на диспетчера и спросил меня:

– А разве вам никто об этом не сообщал. Должны были...

– Кто? Этот гусь? Да ты чо? Ну, ты даешь, Саня!?

– Товарищ А. А. Веревкин не понял меня. Я вам не мальчик на побегушках! И потом, вы же знаете, из кого создана бригада. Там же одни, эти самые...

– Там, прежде всего люди! Как же вы так могли?

– Мог. И ещё могу. Я им не верю. И вы не верьте! Я этот народ хорошо знаю. Навидался. Они родную мать, да чего мать, они сами себя предадут!

– Ну, ты, скотина комолая! – крикнул я и сжал кулаки. Саня перехватил мою руку.

– Вот видите, товарищ А. А. Веревкин, он меня ещё всяко поносит! Да ещё с кулачищами. Караул, аскрабляют меня!

– Что вы постоянно кочевряжитесь?! – возмутился Саня. – Это вы его оскорбили. Он такой же, как и мы с вами.

– Нет! Не-ет! – взвился на стуле диспетчер. – Меня не надо бы с ними сравнивать! Дайче об этом говорил и защищал их ваш любимец А. Д. Матвейчук! Вы их не знаете.

– Знаю я тебя, знаю, – прошептал я. – Хорошо знаю. Я подлого человека наскрозь вижу. По бегающим глазенкам вижу. Ишь, как бегают. Вертухай ты наш ненаглядный. Вот ты кем был.

Саня сказал:

– Юрий, иди в бригаду. Успокойся. Ну их. Раствор вам будет завтра. Обязательно. Иди.

– Не могу. Там люди ждут.

В это время диспетчер не мог произнести слово. Он чихал и кашлял, и грозил мне пальцем.

– К начальнику стройки с Данилычем пойдем, – сказал Саня. – Пора кончать безобразия на стройке.

Мороз крепчал. Небо выютюжилось, и кое-где засветились звезды. В двухстах метрах от диспетчерской дорога, за углом дома расходилась на две дороги. Одна дорога шла к строящемуся дому Лешки Таранина, другая мимо нашего строящегося общежития. Надо было что-то решать. Либеральничать я не собирался.

У угла дома лежали доски и брусья. Пошел к штабелю. Взялся за конец бруса и стянул его на дорогу. Она шла к дому Таранина. Начал стаскивать второй брус.

– Молодец, Юрка! – услышал знакомы голос. Лешка! А рядом с ним Петька Ерохин. Коротко сообщил им суть дела. И они начали мне помогать. Через некоторое время показался зиллок. Мы спрятались за угол дома. Шофер заскочил в диспетчерскую, и быстро выбежал. Машина подъехала к горе бруса и встала. Потом развернулась – и к диспетчерской. Вскоре выкатился начальник. И побежал в нашу сторону. Он бегал вдоль брусев и на чем свет ругал меня. Мы не показывались. Он побежал в диспетчерскую.

В общем, машина пошла к нам. Мы вскочили на подножку и показывали, куда надо ехать. Шофер сообщил, что диспетчер доложил Матвейчуку и начальнику стройки Тесту о нашей проделке. Потом об этом случае вызнали журналисты областных и центральных газет. Много писали, каждый раз приукрашивая

события. Но в душе, всё-таки, было приятно. Потом, через много лет, писатель Вячеслав Шугаев написал рассказ на эту тему и вывел меня эдаким героем. Рассказ получился хороший. Его напечатали в газете «Правда. Все сразу узнали меня и тот случай из нашей бурной молодости. Я понял, что как хорошо, что есть такие писатели, которые не забывают о простых людях с их сложными судьбами, а не только описывают орденосцев и депутатов.

Когда подъехали, то поняли, что строителей нет. Рабочее время давно закончилось. Спускалась крановщица, но остановилась. Можно только представить, что творилось в её голове. Смотрела на нас и молчала.

Петька Ерохин изогнулся и протянул сухую руку, длинными пальцами сделал «козу», как обычно пугают детей, при этом он сделал страшное лицо. Мне вдруг стало смешно. В эту минуту он был сильно похожий на артиста Сергея Филиппова.

– Тю-тю-тю...Забодая, забодая! Коза идет – рога несет...

Девушка перевела взгляд на меня, на Лешку, на Петьку, и лицо её тут же просияло.

– Ой, маменьки, вылитый артист! А я не боюсь! Вот так!

– Боишься. По спору боишься, – заклацал зубами Петька. – А мы серые волки. И съедим тебя...

– И нет. И нет. Не боюсь вас! – радостно шумела она и била ручонкой в розовой рукавичке по перилам. – У нас девчонки говорили про вас такое...

– Хватит озорничать, – подошел к ней ближе. – Хватит. Достали раствор. Подцепим бадью, вывалим раствор из машины в неё, и ты поднимешь её над землей сантиметров на пятьдесят. И пусть так повисит. Ты сходишь поужинать – и снова сюда. А мы за это время ребят соберем.

Она согласно кивала головой, а потом, напевая, быстро-быстро стала подниматься на кран. Мы вывалили раствор в бадью, подняли её немного и стали решать, что делать дальше. Если никто не придет? Раствор пропадет и тогда... Что тогда было бы, не хотелось об этом думать. И всё-таки не думать я не мог. Как-то я сказал Генке:

– Что-то я стал много размышлять о нашей жизни.

- Заболел?
- Ага. Думать стал много про себя. Особенно вечером...
- Смотри. В желтый дом захотел попасть? Думать много вредно.
- Да я и сам про это знаю. Все говорят об этом, Надо, мол, меньше думать.
- Ты смотри на нас, на всех. На Лешку не надо смотреть. Он в институт нацелился. А нам не надо. За нас пусть начальники думают.
- Нет, тут что-то не то. Мне не только думалось, но и сны в этих думах снились. Становилось легче. В этих снах и думах словно была моя вторая жизнь. Стало нравиться думать. Нет, Генка не прав, но переубедить друга бессмысленно. Я это давно понял. Это его жизнь, это его судьба. А у меня всё другое. Жизнь моя – судьба моя. Вот и буду так жить, а там будет видно, что к чему.
- Но, что-то надо было хоть немного ответить.
- Мне мечтать хочется. И хочу тебе признаться. Может, в партию мне вступить?
- Лучше там рассуждать будешь? А мне так будет лучше – пусть лучше за меня Лорка будет думать. А я не желаю шибко задумываться. Скоро она прикатит. Лягу на диван и буду мурлыкать, брюхо в неге наедать...
- Она заставит тебя строить гаражи, свиней разводить...
- Ну и што? Там всё равно о постороннем не надо думать.
- А я в партию вступлю. Любопытно шибко. Как там партийные живут? О чем на собраниях балакают? Да и легче прожить. Нешто не интересно. С Семой, Зиночкой, Мальвиной и Атамановым на одной лавке буду сидеть. От Зиночки уже отстали. Партейцы помогли. Нешто не любопытно? Меня ведь свиньи не интересуют. Пош-то-то тянет меня к коммунистам. И меня завсегда защитят. Интересно ведь. Сколько же в этой партии таких прохиндеев, каких мы с тобой когда-то бомбили. А они, вот они голубчики, здесь живехонькие. Да ишо в партию лезут, грамоты и разные награды получают.
- Я думал, ты шуткуешь....
- Как- то в вагоне обчистил местных начальников. Здесь они.

– Опомнись, Юрка, опомнись. Зачем тебе это? И пусть им там хорошо. Тебе чо за дело? Догадываюсь. Но молчу. Знаю тебя. Не успокойсья. Я другой жизни хочу. Решил с ними поиграть? А если узнают?

– Не попадусь и не узнают. Райком защитит.

– Мне к прошлому не надо возвращаться. Я буду свиней выращивать, кур, гусей...

– А я во вкус вхожу. Надо попробовать. Тянет меня поболтать с ними о сияющих вершинах. Поиграть с ними хочется.

– Ой, Юрка, заварил ты кашу. А примут? Ведь и я бы мог. Приехала бы Лорка, а я... бац билет на стол. А?

– В общем, мы, Генка, все отменные игрушки. И это факт. Но играть надо с умом, как и воровать. А ведь из-за меня мы ни разу не попадались. Чувствовать надо перебор. Так и в игре с ними. Они ведь все классно играют. А почему мне нельзя поиграть? Ты думаешь, что я верю, как они классно в своих лекциях и докладах говорят правду? Ложь. Врут. Но играют во вранье. На зависть играют. Если по честняку, я им всем завидую. В этом вранье они заигрались. И народ это чувствует, и над ними подхихикивают. Но этого они не замечают. Они на серьезе играют. Я это чувствую. Я ещё не знаю, что я там буду делать, но чо-то буду делать. Там видно будет. Теперь насчет Дрожжина, и таких вот болтунов великое множество в стране. Мне их искренне жалко. Они так заигрались и вошли в роль, что вот эта игровая жизнь вошла в их сознание накрепко. И ничем её уже оттуда не вышибить. Это несчастные люди. Они забыли о другой жизни, в которой живет народ.

В тот вечер к нам пришел Дрожжин.

– У меня вопрос. Если я пожелаю быть активным строителем этого общества, и если я мечтаю о сияющих вершинах коммунизма, как все об этом говорят, то можно мне в таком разе вступить в партию? Штобы, таскать, продвигать, значит, и двигать наше время к светлым вершинам коммунизма? В восьмидесятые годы я буду в полном соку. Как говорится – строитель будущего.

Я помолчал. Дал ему врубиться.

– Так, – такнул Дрожжин и вытянулся, захмурил, а потом лицо его вроде даже расширилось и просветлело, глаза успокоились и остановились на мне. – Молодец! А я грешным делом подумывал, что того...а ты не того, таскать, ты серьезно... вот таков достоин. Мы подумаем, обсудим, утрясем, потом всё это дело пробудуруем. Ты не стесняйся, и подходи прямо ко мне. Коммунист везде должен быть честным. Справедливым. А ты и есть такой. Болеешь за производство. Наслышан, таскать...Мы на твоей стороне...Не бойся.

Я тоже захмурил и выпрямился.

– Уж как-нибудь утрясите, умните это дело. А я постараюсь тоже утрястись...Желаю быть в первых рядах к сияющим вершинам коммунизма...

В общем, прозондировал свое вступление в партию. Теперь надо бы действовать на трудовом фронте. Даже в труде надо играть. Играть, так играть, как все они играют. А кто мне не велит играть? Дудки! Только держись! Таким заделаюсь патриотом – ахнут. Скажут – перевоспитался. Главное – надо умело затаиться. Шкуру овцы надеть. Хоть бы не сорваться....

А сейчас...крановщица спустилась к нам.

– Мальчики, – обратилась она к нам, – Сбегаю домой и чего-нибудь принесу. Я буду с вами, до конца.

Она убежала. Лешка потоптался и хотел что-то сообщить. Его маленькое лицо с большим и горбатым носом, сморщилось – он улыбался. А выпуклый лом с кудряшками заалел.

– Первое, что надо сделать – это под бадьей надо развести костер, и поддерживать температуру раствора, какая она сейчас. Второе – постоянно размешивать, чтобы не оседал и не захряс.

Молодец Лешка! Это его первое дельное предложение. Думает мужик. Старается. Посветлел. Вкрутую заиграл парень. Ну, и пусть играет. И это хорошо, что он стал думающим.

Мы натаскали дров и разожгли костер. Темнело. Зажглись огни на нашей строительной площадке. Это мы включили прожектора. В окнах домов зажглись огни. И наш костер на краю стройки, рядом с тайгой. Мы сидели на лиственничном сутунке и смотрели в огонь.

– Леха, а нам можно вступить в партию? Как ты, лично, думаешь?

– Почему нельзя? – быстро и серьезно ответил он. – Очень надо. Я обязательно вступлю. Мои родственники все коммунисты. С билетом легче прожить. Везде тебе дороги открыты.

– Леха, но это неправильно!

– Знаю. Но, так нужно. Мы ведь к коммунизму идем. Значит, все люди к этому времени должны стать коммунистами.

– Леха, но это же будет полный анекдот!

– Анекдот. Это так. А куда денешься? Если так требуют идеологи. Они думают, что чем больше коммунистов, значит, больше сознательных. Но это грубейшая ошибка.

– Вот ты, хочешь стать коммунистом, а сам играешь. Как тебя понять. Со мной всё ясно. Но, ты-то... Как понять?

Он немного подумал и ответил:

– Мы с тобой будем вместе играть. У тебя своя цель в этой игре, у меня – своя. Тебе не буду мешать, а ты – мне. Все – артисты. А кто мне запретит стать артистом? Никто.

– Леха, но это страшно. Так до чего мы докатимся?

– Да, страшно. И докатимся. Поверь мне. Докатимся.

– Лично мне обидно. Они оказались почти все такие. Тогда зачем народу мозги полощут? Говорят одно, думают другое, а делают третье.

– Чего ты сказал? Говорят, думают, делают. Где-то я такую фразу слышал. Где ты её вычитал?

– Не знаю. Такими их представляю. Просто у меня такое само выскочило. Леха, они же всё говорят на серьезе. И нас учат быть такими, Но, я не желаю быть таким.

– Ты шибко всё ихнее не бери в голову. Тоже умело хитри и ловчи, как это они умеют ловко делать. Главное для нас с тобой – вступить в партию. Дрожжин даст рекомендацию. Ему не дано догадаться, что мы с тобой игрушки. Классными заделаемся игрушками.

Мы и не заметили, как Петька ушел. Он не стал вмешиваться в наш разговор. Он ушел поднимать людей на трудовой подвиг. Потом ушел и Лешка. Я остался один следить за раствором.

Полез на бадью. Стал мешать раствор.

– Здравствуй, – услышал чей-то голос. Спрыгнул и рядом увидел Нинку.

Она куталась в лисий воротник. Большие глаза темные-темные, и в них ничего не видно. Не могла Рудя меня ласкать из-за жалости. Две сестры и разные. Конечно, Нинка завидовала нам. У одной из конторских дам я пытался узнать адрес Руди. Хотелось написать письмо, и всё, всё там описать.

– Шла с работы. Задержалась. Вижу – ты. Бетон мешаешь? Сейчас уйду. Ты пойми. И пожалей её. Ради её счастья – откажись. И не ищи. Мне всё передали. Ищешь адрес. Не ищи. А то, что произошло между нами – хотелось проверить. Но ты оказался чище. Это делает тебе честь. Такое редко встретишь, особенно среди вашего брата. Может, Рита и заметила в тебе это. Потом Рита будет учиться. Пойми, в семье образованная женщина – это разлад. По себе знаю. С тобой можно пооткровенничать. С тепловозниками – нет. А благодетелям-руководителям это вообще не нужно. Так вот, муж мой когда-то выучил меня, а самому не было время учиться. То дачу у Байкала строил, гаражи возводил, огороды... Потом пошли куры, свиньи, гуси, кролики, козы... А я...вitalа в образованных кругах. Создали мы там элитный клуб «Диалог». А куда он? Разошлись. Я уехала сюда, на стройку. С поросятами он уже не занимается. Знаю, о чем ты подумал. Нет, нет... Через много лет узнала. Он сам выучился, даже в институте преподает. Он думал, что счастье в одних свиньях и курах. Со скандалом разошлись. Пойми, когда образованный муж – это нормально, но когда жена... трагедия. Чаще трагедия бывает в той семье, где муж учит жену...Нельзя учить жен. Ну, представь, у Риты было бы высшее образование. У неё возник бы свой круг. А куда тебя прятать? Да ещё с таким уличным говорком. А сколько мужей пересажали из-за грамотных жен? Уйма. Он терпит, терпит, выращивая свиней и гаражей...и начинает пить. Пьянки, драки... И вот результат. Трагедия. Сам мужик виноват. Ты хоть табун вырасти свиней, и построй гаражи и дачи, разведи нутрий и гусей... ты – нуль. Букашка, тля. Там и кончается вся бывшая любовь. И ни одной твари не верь, что это не так. Плюнь в глаза тому, кто скажет обратное. Если уж учиться – то надо было раньше или вместе.

Или никому не учиться. Только не учи жену. Некоторые так и решили – лучше жить одной, но чтобы спокойно. И она будет жить спокойно...-

– А если я пойду учиться, как твой бывший свинопас? Стану ученым или ещё кем-то там.

– Ты не будешь учиться. Тебе и не надо. Тебе некому доказывать.

– В этом ты угадала. Я передумал. Лучше давай вспомним вчерашний день. Пожертвуй собой. А я приму эту жертву. Может мне, в сию минуту, заменить твоего будущего тепловозника. Закрой глаза. И вот он, твой тепловозник. И тебя обнимает законный муж. Твой соплёносый суслик.

Она улыбалась.

– Только что я тебя похвалила, а ты другим стал.

– Потому что я уголовник. А мы на всякое способные. Не надо было меня хвалить. Сглазила.

Она засмеялась.

– Ты другой. Ты совсем другой. Ты странный...

– Я такой же, как все. Пошли в вагончик, и я развенчаю твой взгляд на меня. Я твой муж – тепловозник. Пошли.

– Всякое было в моей жизни, но такое впервые...

– А ты снизойди, и опустишь на землю. Будь как все. И это жизнь. Я твой тепловозник. Но муж...

Я взял её горячую руку и повел в вагончик. Она шла покорно, и почему-то смеялась. Странно.

В вагончике я выключил свет, и расстегнул на ней пальто и стал шарить по её платью, ощущая ладонями её сытое тело и бедра. Пальцы ухватились за резинку на трусиках. А она напряглась и всё громче смеялась, и вдруг я ощутил резкий и болезненный удар по щеке. Нинка прекратила смеяться. Она отскочила от меня и, видимо, приводила себя в порядок.

– Ты не задумывался над тем, что ты мог бы стать гипнотизером? Нет? Надо бы тебе попробовать. То, что мы бы с тобой сделали – скверно. Ты не такой. Просто в тебя ударила лишняя кровь в голову. Это в тебе от злости. Ты другой. Сегодня я убедилась. Тут Рита права. Но пойми, нам с тобой нельзя вот так.

Она распахнула дверь.

– Прощай. Мы не должны опускаться. Может, когда-нибудь и встретимся. Ты не тепловозник и не туз. Ты есть ты.

– Не добился тебя...

– Вчера ты был прав. Сегодня – нет. Ты не сюсюкаешь перед какой-нибудь понравившейся тебе бабой, не меняешь голоса. Ты есть ты. Ты вчера гордость проявил. Мол, я – бродяга, а ты бедра показала, и я рассупонился? А вот тебе! Ты – другой. И я тебя зауважала.

– Слушай, брось юлить! Не люблю. Отвечай прямо. У меня сын?

Она вздрогнула и ответила:

– Ещё чего! Никого у тебя нет! И, слава Богу! Прощай!

Она захлопнула дверь. И всё-таки, у меня есть сын!

А может, вчера надо было быть мужиком? А я кокетничал. Зачем так? Ещё и валандался. Так и остался бродягой... Но в душе был неприятный осадок.

Пришла крановщица. Включила свет. В руках пакет. Стала принимать. Развернула пакет. А там пирожки, ватрушки с повидлом, конфеты.

– Конфеты сама ешь. Не люблю сладкого, как и слово добрый, – сказал я, а из головы не выходили последние слова Нинки. Может, и правда у меня сын? В теплушке не проходил запах нежных духов. Да и крановщица крутила носом и оглядывала будку.

– Как тебя звать-то? – спросил я.

– Вера. Таранина. А што?

– Кто будешь Таранину?

– Жена. А што?

– Заладила...Што, што! Чего это в общежитии-то живете?

– А где жить-то? Вот это отстроим, переселят из барака молодежь. И нам квартира будет.

– Значит, ты тоже интерес имеешь, чтобы мы быстрее построили?

– Ага. Пусть сегодня Ленька посидит. А когда распределяли нас, то я сюда напросилась. Я ведь училище механизации закончила. Не знала, что вы здесь. Такое девчата наговорили...

– Ясно. Значит, ты тоже за нас. Среди нас всякие бывают.

– Да и Ленька говорил об этом. Он говорил, что вы хорошие парни.

– А чего тогда ему всё? Тоже хорош гусь...

– Деньги никому не лишни. И потом, он не виноват. Главное начальство против вас что-то имеет.

– Хотя на этом спасибо. Мне на деньги наплевать. Просто они нужны для самой жизни. Учиться-то собралась? Пошла бы. А Ленька твой за гаражи бы взялся. Свиной бы развел, кур...

– Думаю поступать на вечернее отделение. Готовлюсь. Он не хочет. Говорит, что ему некогда. Он на машину деньги копит. А откуда ты знаешь, что он собрался гараж строить?

– Просто угадал. Ты ему про поросят напomini.

Ничего в этой жизни не меняется. ...Как тоскливо...

Скрипнула дверь и вошли ребята: Генка, Лешка, Юра, Гоха и ещё пять парней.

– Этот новенький парень Игорь не пошел, – сообщил Гоха. – Он сказал, что самый лучший продукт – это отдых после работы и база ОРСа. Туда он завтра уходит грузчиком.

– В партию он не собирался? – спросил я.

– Откуда ты знаешь? Петька мне сказал, что он ему говорил как-то об этом. Потом хочет вступить.

– Всё ясно с ним. Больше о нем ни слова.

– Ты подумал, что только твое звено будет работать? – спросил Генка. – И мы не лыком шиты. – И он показал краешек письма. Конечно, оно от Лорки. – Через месяц сюда прикатит. Да, а Иван уже вокруг бадьи бегают...

Мы попили чаю и вышли в мороз. Вера, взглянув на меня, побежала к крану. Иван ходил вокруг костра, и стучал лопатой по тугим бокам бадьи.

– Ну, Юрка, ты молодчага! Я бы не допер...

Мы приступили к кладке. Краном перенесли бадью в центр и из неё носили раствор на носилках. Мы собрали звено из шести человек, и разобрались по парам. Я встал в подручные к Юре Хвостову.

Уверен, что так класть никогда не буду. Кирпич у Юры при-тыкался к кирпичу, вкусно причмокивая. Я едва успевал подавать кирпич. Юра что-то бормотал.

– Ты чо? Оглох? – закричал он. – Если я кладу влево, не толкись за спиной и под ногами не вертись, а подавай справа и поживее. Только плавно, но живее.

Хотел нагрубить ему, но вспомнил, что о нем говорили – может сутками молчать. А вот и Вера пришла на помощь. Мы с ней побежали за раствором. Пришел Торкунов и, поймав мой взгляд, погрозил крючковатым пальцем, и пошел к Ивану. Прибежал Петька и соорудил рожицу. Он по профессии каменщик. На зоне выучился. Я поставил его с одним пареньком. Тоже пусть учится.

– Ну, хватит, – не выдержал я, и добавил, – ты совсем девчонку измотал...

Юрка, будто нехотя остановился, ловко подобрал шлепки раствора по выросшей стене. Пошли к куче кирпича. Юра сел, посмотрел на нас, и стеснительно улыбнулся.

– Ну, и артист ты вкалывать, – сказал я. – Вдвоем еле успели. Ты чо? Не устаешь?

– Наверное, устаю, – пожал плечами Юра. – Раствор надо быстрее использовать. Чуть простоит – и качество теряется. А ещё захряснет. Следующий раз надо вываливать в ящик. Сделать приемный ящик из досок.

– Сделаем, – сказал Петька. – Обязательно сделаем.

Интересно, а Юрка играет, или всё у него серьезно? Тут совсем запутаешься. Так как же с игрой? С этим Юрой я сегодня совсем забыл про игру. Не надо бы забывать про игру. Везде играют, и мне об этом нельзя забывать.

Опять приступили к кладке. И опять Юра кричал на нас. А мы, как заведенные, носили раствор и кирпичи.

– Раствор закончился! – крикнул от бадьи Иван. Облегченно вздохнул. Кажется, сегодня я не играл. Не до неё было.

Как всё-таки тяжело заработать партийный билет. Надо стараться. Потом будет видно.

Бригадой собрались в теплушке. Пили чай.

– Отличились, ребятки. Всё получилось вежливо, культурно и хорошо. Рад за вас, – похвалил бригадир, но тут же огорошил меня. – Там на тебя, Стрелов, диспетчер докладную начальнику стройки накатал. Матвейчук ту бумагу разорвал. Тогда диспет-

чер позвонил Тесту и пожаловался на тебя. Матвей Исаакович кричал сильно, и решил наказать тебя. Матвейчук доказал ему, что Стрелов прав. Так и работай, Стрелов.

– Вот так, бригадир, – решил я снова озорничать. – Стараешься для общества и для дела, для сияющих вершин, а тут на тебе, я ещё и плохой.

– Опять чудишь? Ну, никак не можешь без этого. Ладно, сидни можно и побаловаться.

– Спасибо, бригадир. А может, сегодня и думать можно?

Шел первый час ночи. Мы шли домой. Дорогой нам попался Ленька Таранин. Конечно, он всё уже узнал от диспетчера. Ленька ждал Веру.

– Принимай свою женушку, – сказал Петька. – Она у тебя отчаянная!

– Погодите. Не радуйтесь шибко! – крикнул Ленька простуженным голосом. – Погодите. Завтра порадуетесь!

Мы засмеялись, но не ответили.

– Ладно уж, разошелся, – перебила Вера. – Испугались. Теперь всегда раствор будем делить поровну. Тогда посмотрим – кто будет первым. Спокойной ночи, ребята!

Дома мы заснули мгновенно. Ничего не снилось мне и не чудилось.

Утром, когда мы пришли в теплушку, бригадира вызвали к Тесту. Мы сказали бригадиру, если на него будут давить, то мы пойдем и скажем, что мы сами виноваты. Надо делить материал поровну. И не надо бы на стройке заводить любимчиков.

Через час Торкунов приехал с раствором. Потом пришла ещё одна машина. Некоторые ребята остались во вторую смену.

Так мы вкалывали несколько дней. Был конец месяца. Наверстывали то, что упустили в начале месяца. Прораб и бригадир были довольны.

Как-то приходила Вера. У неё приехал муж. Простила.

– Долго я думала... Тебе нужна другая... А потом, какой-никакой, а муж, Свой. Родной. Сыну нужен отец. Он начинает строить гараж. Машину задумал взять.

– Хозяйственный мужик. Сейчас начинается мода на кроликов и нутрий...

Вера засмеялась.

– И не говори, как в воду глядел. Надо же, так угадать... С одним договорился в индивидуальном поселке насчет кроликов и нутрий...

– Да и кур бы не мешало... Свиней развести...

– Всё, говорит, будет, только чтобы я не бросала институт. Учусь вот. Ничего мне не дает делать. Как барыня живу. На лето хочет меня в Дом отдыха отправить. Устала, говорит, родная. Вот так, Юра...

Мне стало скучно. Ничего в этом мире не меняется, и мужики тоже. Возможно, ещё произойдет одна семейная драма. Не хотелось бы, чтобы она произошла. Жизнь покажет. Но нельзя же так жить, мужики! Учит, учит вас жизнь, а вы так ничему и не учитесь у жизни. В общем, мы с ней расстались друзьями. Я никогда не расставался с женщинами врагами. Это самое последнее дело для мужчин.

Всей толпой мы шли мимо диспетчерской. На стене красовалась огромная бумага: «Бригада Николая Торкунова по соцсоревнованию заняла первое место на стройке! Так держать! Молодцы!»

Странно, очень странно. Душу мою наполнила радость. И даже забыл, что играл. Когда-то я бы не поверил в такое ощущение радости, сказал бы – так не бывает. Вздор! Ещё полмесяца тому назад – не поверил бы! Радость наполнила меня. Мы толкались, шумели. Выскочил диспетчер, тот самый, и посмотрел на плакат, пожал плечами и скрылся. Разве ему понять наше ощущение? Кто же теперь ткнет в нас пальцем и скажет – бригада уголовников и бичей. Мы теперь – как все. Как же не радоваться нам, глядишь, с ребят снимут судимость. Как же нам не радоваться? Через много лет я вспомнил и тот день, и того диспетчера, и тот момент радости. А ведь именно в тот момент было всё искренно. Нам даже сказали, что мы можем бороться за звание бригады коммунистического труда. Через много лет я всё задумывался – как мы были все наивны, как дети. Какая-то бумажка так радовала нас. Радовало всё, радовало и то, что нашей бригаде первой на стройке присвоили это звание. А ведь бригада, в основном состояла из бывших уголовников. Настоя-

щие бригады только получили это звание после нас. Господи! А может, именно тогда мы были счастливы, а не потом, через много лет? Были тогда благороднее и чище, хотя нас на каждом шагу надували, обманывали наши идеологи, а сами они жили не так, как мы. Они тогда жили в реальной жизни, а мы в какой-то сфере, оболочке, из которой невозможно было выбраться. И даже не пытались из неё выскочить – так устраивало. Если кто-то и пытался выпрыгнуть, то его обратно засовывали – не шали! И верили в какую-то чушь! Но мы были в тот момент счастливы.

Мы шли домой, гремя по дороге заледенелыми валенками. Мне тогда показалось, что я не играл. Кажется, всё было серьезно. Я видел лица моих товарищей. Они были счастливы. Но, где-то в глубине моего сложного организма что-то меня беспокоило. Ещё не знал – что? Будто кто-то во мне сказал – Радуйся. Ну-ну, порадуйся. Ненадолго твоя будет такая вот радость. Тебя опять заставят играть. Не обольщайся своей радостью. Не обольщайся. Ваша идеология заставит тебя взглянуть на мир с другой стороны. Не обольщайся. Потому что всё пропитано ложью...

Вот мы и дома.

Из кухни выглянул Иван.

– Видел Дрожжина. Со всех снимут судимость. Получу зарплату и поеду к маме... Дом покупать. Придет время, и поеду Райку искать. Нельзя такой быть на воле. Нельзя.

– Не забыл? – спросил я. – Ну, ты даешь, я бы уже давно забыл.

– Такое нельзя забывать.

Он вышел из кухни и полез под кровать. Достал оттуда папку с бумагами. Бережно погладил её.

– Много что тут есть. Справедливость должна быть. Пойду сразу к прокурору. У меня есть отдельные письма, справки, чеки. Следствие сам провел. Втирается к парням в доверие и обманывает их. В милиции об этом не знают. Махинациями разными занимается. Пенсионеров обманывает. До стариков добралась, падла. Я тебя, Юрка понимаю. Ты бомбил тех, кто не чист на руку. Помогал бедным. Тех, кого ты бомбил, должности и награды получали.

– Я, Иван, сам себе был орган, прокурор и судья. И нисколько не сожалею, что был таким...

– А я, Юрка, земной. Мне бы до Райки добратся. Ты есть игрун, а я земной.

– Я Иван, хочу за Зиночкой и Семой в партию вступить. Им можно, а мне нельзя? И тоже буду бить себя в грудь и клясся партией. Нешто не интересно? Конечно, интересно и даже весьма любопытно.

– Ловко ты придумал. Но мы, Юрка, иногда, вместо водки, одеколон жрем. А ведь коммунисты одеколону не пьют.

– Одеколон не пьют? Я их научу. Я буду, как тот дьявол во плоти. Я их буду изнутри рвать. Вот они все. Может, я вот такой и нужен этой партии и советской власти. Потому что я буду защищать эту власть от засевших в партии прощелыг.

– Ты, Юрка, жил в другом мире, вот поэтому ты другой. Ты словно замороженный. Сейчас только начал оттаивать. Всё вокруг ты видишь по-другому. А у нас тут, всё оказалось для тебя всё другое, незнакомое. И люди и само время. Как бы о тебе точно сказать. Ты есть странный и откровенный человек с другой стороны. Надо же, как точно выразился. Бывает.

– Мне зачем, подстраиваться под всех? Я – это я.

– А мне бы дом купить.

– Мы все, как на зоне живем. Я думал, что здесь, в вашем мире, в который я к вам попал, всё по-другому. Я што? Бывало, своровал – и кути. А как все люди живут – откуда мне было знать? А тут, оказывается, та же зона. И в душе каждого, почти каждого, зона. Страшно. Но что-то же надо делать. Иначе всем нам будет крышка.

– Ты пойми, Юрка, если я буду думать не так, как все, то мне попадет. У нас не любят, кто задумывается. Особенно если рабочие начинают думать.

– Ответь мне, Иван, кто все они... Дрожжин, секретари и прочие должностные люди? Кто?

– Ну, работают. Агитируют.

– Напряги свои мыслишки. Знал я одного бича. Московский институт он окончил. Даже в райкоме работал, а потом выгнали. Поехал по стране. И взяли его в Иркутске. Так вот он мне

вот что сказал: все райкомовские работники – тунеядцы. Так и сказал. Что они делают? Морали глупые толкают. И за эти лекции и морали ещё и деньги получают, квартиры хорошие, в Дома отдыха ездят. Всё для них. Если я был тунеядцем, то они клеймили меня. А чем я от них отличался? Ничем. Страшно, Иван порой мне становится. Все они есть узаконенные тунеядцы.

– Ты шибко не говори об этом. Посадят

– На это они способны. Если я вступлю, то не отправят. Надо со многими ими бороться за советскую власть.

– Могут разоблачить, – тихо ответил Иван.

– А как они меня могут разоблачить, если я буду бороться за советскую власть? Меня одно удивляет, неужели они не видят и не знают, кого принимают в партию? Это же ясно.

– Давай, Юрка, спать.

Лег на кровать, Да, это жизнь. И всё-таки весь закон на их стороне.

За окном темнота. И только в уголке окна пробивались огоньки. Это горели прожектора на строящемся нашем общежитии Построим его и разойдемся навсегда. Грустно.

Может, опять что-нибудь приснится или покажется. Зачем? Кто это вытворяет со мной? Если это так, то зачем? Какой во мне смысл? Кому я нужен? Никому. Может всё в том, что я постоянно копаюсь в себе, разные думы приходят в мою беспокойную голову? Я человек несознательный. Игрун. Есть у нас люди культурные, интеллигентные. Вот и пусть к ним лезут. А может из-за того, что у меня никогда не было счастья? Всегда и везде были разные испытания. А, возможно, я рожден для испытаний. Тогда другое дело. И надо с этим смириться.

На днях у нас устроили «сухой закон, а может просто не завезли водку. А тут день рождения у Ивана. Пришлось брать тройной одеколон. Противная штука. Полная гадость. Если его пить, то надо вместе с ним глотать и сахар.

А может всё мне, кажется, и приходят разные сны и видения из-за вот этого странного окна?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ И НЕТ МНЕ ПОКОЯ

НЕМНОГО ОБО ВСЕМ

Проснулся, приоткрыл глаза и рядом увидел, на сколько хватал взгляд – кусок обшарпанной стены, в незапамятные времена, имевшие шапочное знакомство с редко волостной кистью, оставившей после себя непонятого происхождения, и я вполне уверен, что незнакомы ещё науке и человечеству колер темно-серого цвета краски или какой-то вязкой гадости. Тут же закрыл глаза. Болела голова, желудок, тело. Во рту сухо и противно. Надо было так нажраться, что не помнить, куда я попал.

Лежал с закрытыми глазами и боялся их открыть. Рядом кто-то храпел. Где-то звенели ключи, стучали подковки на сапогах. Слышались голоса. Где я? Нет, не надо гадать. Не хотелось бы отгадывать. Ах, скотина, будто не догадался, куда попал! Отлично понял. Не хотелось верить. Может, это котельная? Сейчас вспомнится... Сейчас. Что было до этого? Вспоминать противно. Одна мерзость и стыд. Ничего не поделаешь, когда-нибудь глаза придется открывать.

Сначала что-то гроыхнуло, стукнуло железо о железо, а потом закрипела дверь. И этот противный звук от подковок. Как же они громко и противно стучали! И звук от них словно пронзал тело, и ударял в голову и в сердце. С ума можно сойти от звука подковок. И как хотелось пить! Обладатель подковок должен быть увесист и нагл.

– Тут кто-то дернул меня за ногу и крикнул:

– Стрелов! Приходили тут только что! За тебя беспокоятся. Неужели ты тот Стрелов? Просто не верится. Или однофамилец?

– Однофамилец, – быстро ответил я, не открывая глаз. А открывать надо.

Теперь ясно, где я. Знал тогда, когда проснулся и увидел стену. Резко открыл глаза. Надо мной тот же удивительной расцветки потолок, и маленькое окно с решеткой, и молоденький милиционер. Тьфу! Застонал не только от боли, но и от бессильной злобы на себя, на эти решетки, и на вот этого, с круглой физиономией, и с выпученными и не мигающими глазами паренька в новеньких погонах. Он, конечно, до обидного был очень молодой, худенький, но уже приобрел здесь профессиональную наглость.

Стал подниматься. Кто это храпел рядом? Виктор Капитонович. Бич. Так. Странно. У нас их не трогают. И не толкают в милицию. Иногда на них делают облавы. И увозят в специальный лагерь для тунеядцев и алкашей в поселок Вихоревку под Братск. Что у нас с них взять? Деньги водятся только у рабочих. Тут вспомнил, что у меня должны быть деньги. Тихонечко сунул руку в карман. Значит, навели шмон в моих карманах. Кому скажешь? Этому? Заведут в отдельную камеру и намнут бока. А потом им тоже надо как-то зарабатывать. Хотя это называется – крысятничают.

Спал Виктор Капитонович поперек нар – бледненький и с тихой улыбочкой Ты, смотри, подлюга, он ещё и улыбается! На его лысой головке-тыквочкой, на самой макушке – шишка, похожая на переспелую вишню.

– С кем связался, – вздохнул парень. – Дуру гонишь, Стрелов! Он, видите ли, не тот Стрелов! Это – ты. Бичи-то зачем тебе? Ты думаешь, я тебя не знаю? Знаю всё о тебе. – Он понятиво улыбнулся, зачем-то переложил ключи в другую руку и ослабился. – В молодости выступали с Султановым. Надо же так случиться, что попали в Якутию лес валить, тачки катать... Чо по карманам шарить? Смотри, чо надо, то вернем...

– Там был, – ответил я. – По карманам говоришь? Вши да крысы завелись по камерам.

– Мудришь всё. А ведь я думал, чо ты забыл прошлое? Напомню. По амнистии выкинули на свободу. А зря таких...Зря...

– Ну-ну, любопытно. Давай, шпарь.

– Узнал и от начальника милиции товарища Орлова, и от старшего лейтенанта Думкина кто ты есть такой. Хотя они о тебе хорошо говорят. А у меня на тебя особое мнение. Непутевый ты

человек. Потом за тунеядство отбывал срок. Парней баламутил на забастовку. В нашей стране не было и не будет забастовок. И сейчас в бригаде баламутишь. Султанов, твой друг, уже всякие награды имеет. А у тебя ничего нет. Жил бы себе, как все живут, так нет, надо выступать. Начальство ругаешь. Всё тебе неимется. И нет тебе, Стрелов покоя.

– Ну и што? – равнодушно спросил я.

– Ты, наверное, думал што тебе не дадут за тунеядство?

– И што? Значит, так надо было.

– Ты бичом был с бичами и связался.

– Ну и што?.

Я слез с нар. Только спокойствие. Быть спокойным и улыбаться. Но я не смог улыбнуться. Не было сил.

– Што! Што! – крикнул парень. – Ты ничего не понял? Сколько волка не корми, он всё в лес смотрит.

– Ну и што? Я беспонятный. О волке ты хорошо сказал. Я на них похож.

– Ведро и тряпку, подлюга! – резко сказал он. – Вымой пол! И домой. И смотри... На столе часы возьмешь. Денег у тебя не было.... Смотри...

– Я их пропил, – быстро ответил я. Ещё не хватало, что я здесь развел разводку насчет денег! Позориться? Сколько моих товарищей здесь побывало с деньгами – выходили пустыми. Дело не в помятых боках. Они у меня давно помяты и шрамы разные зарубцевались. Позор с разборкой не входил в мои планы. Это не любил. Вот здесь уж должна быть гордость И она у меня была с детства. Парень от удивления после моего ответа немного приутих и пропустил меня вперед. Ты смотри, какая у него вежливость! Даже на шаг отступил. И я уловил его взгляд – зверь. На зоне ему вертухайть. Но как он молод! Когда же он успел таким стать? Может, он родился с задатками вертухая? И взгляд у таких людей ни с кем спутаешь.

Я в это время оглянулся. Мужики продолжали спать. Рядом с Виктором Капитоновичем отсыпался Пусик. Это известный в городе тунеядец. – король бичей. Так его все звали. Он даже имел собственную квартиру в цокольном подвале деревянного дома. А ведь когда-то был инженером. Сквозь заросшее черной

щетиной лицо виден коричневый загар, на подбородке кровь. Брюки разорваны во многих местах и видны темные от грязи кальсоны. Может, из-за меня этих бичей сюда доставили? Может, я с ними подрался? Что же мы не поделили? Король бичей выходил на промысел где-то после полудня. До этого он спал. Все бичи приносили ему дань. Лебезили перед ним, угождали. Был один случай, когда один бич взял и взбунтовался. Не пожелал отдавать дневной «заработок». Его вызвали пред очи короля. И он сказал:

– Туняедец вонючий! Ты пошто вчера не принес мне деньги? Твои бывшие друзья угостили тебя водярой и сразу сопатку кверху? Отвечай, лодырь!

– Плевал я на тебя и на твоих прихлебаев! Я сам себе – король!

Его избили и выкинули. Но главное – от него отвернулись все туняядцы поселка. Никто с ним не здоровался, и не делился в трудные дни после похмелья. Через месяц он приполз на коленях к королю с бутылкой коньяка.

Вспомнил вчерашний день. Зашли с Пусивом и Виктором Капитоновичем в какую-то квартиру в цоколе деревянного дома. Это была квартира Пусика. А сначала мы пили с товарищами по работе. Отмечали чей-то день рождения. Потом потерял их, даже своего нового друга Васю Полянского. И нашел вот этих бичей. Зачем они мне потребовались – не знаю. Новый знакомый – Виктор Капитонович ныл и напоминал о себе...

– А мы тоже кое-кем были...

Кем был – не говорил. Непонятно, чья женщина, скорее всего короля бичей, Олюшка, высокая и тонкая, как свежемороженая рыба сабля, с длинным носом и подозрительным взглядом в маленьких и колючих глазках, какие бывают у всех женщин-алкашек. Её глаза смотрели на мир поверх очков. Уверен, что они найдены на свалке. Очки смешно торчали на кончике носа. Я не любил тонких и длинных женщин. Они мне представлялись недоверчивыми и злыми, тем более у Олюшки не было видно губ, а вместо них крошечная щелка. И то она торчала вкривь и вкось, судорожно стремящаяся к правой щеке. Прямыми и гладкими руками, похожими на городошные палки, и с отто-

пыренными мизинцами, как это умеют делать отпетые алкашки. Олюшка навела прядок на столе. На сухой шее торчала, словно высушенная на солнце, головка с короткими и редкими, слипшимися волосиками. Правая щека дернулась, задрожала и чуть приоткрылась синевая щелка, и оттуда раздался хриплый голосище, какой бывает у давно пьющих и курящих женщин. Заметил, что за стаканом, и очень деловитой хмуростью, дымом сигареты и за очками – они скрывают свою приобретенную в пьянке глупость. В окончаниях отдельных слов они вставляют букву ц. Этим показывают новичку, что в них есть культура и интеллигентность. Я навидался таких поддельных интеллигентов. Там и ц не поможет.

– Желудок скребец, будто кто там сидит. Пусик, брызни в стакан краснухи. Да сигаретцу дай.

Пусик поспешно налил вина в грязный стакан, подал подруге, и стал шарить по карманам, но ничего не найдя, развел руками. Улыбнулся. Мне стало противно от этой улыбки. В эту минуту я возненавидел себя. Нет ничего омерзительнее, чем ухаживать за глупой или потерявшей в пьянке женщиной.

– Чево твой кореш на меня косяка давит. Не уважат меня...

Сказала она так, и громко выхлебала красную муть из стакана. Потом добавила:

– Грамотный шибко? Некова его надо было приводить.

Буква ц исчезла... Теперь не до неё. Немножко поиграла в культуру. –хватит. Особенно алкашки быстро устают от культуры. Какое напряжение надо иметь! Быть сама собой, как-то легче и роднее.

Виктор Капитонович тоже речь толкнул:

– А он нас брезговат. Он думает, что он, это он, а мы – букашки. Не уважат – и это факт. А ведь мы тоже кое-кем были.

Пусик спросил у сухопарой:

– Он тебе не ндравится?

– Да. Он принюхиватса ко всему. Не уважат нас.

Пусик повернулся ко мне и спросил:

– Ты почему не уважаешь мою подругу? Да и нас не уважаешь.

И я ответил:

– Не обижал твою городошную палку. Да и за што вас уважать, если вы меня не уважаете? Что вы такого сделали для меня, чтобы я вас уважал?

Виктор Капитонович хихикнул и сказал:

– Вот он нас за всё хорошее... Смеётся над нами... Эх, а мы тоже кое-кем были...

– Значит, обзываешься? – спросил Пусик, и с мокрыми руками полез к моему горлу. Я успел перехватить их. Он взвыл от боли. Виктор Капитонович опять хихикнул и, продолжая ухмыляться, пожелал меня огреть бутылкой. И ему пришлось сделать больно, и он тоненько заверещал. А ещё нахлобучил на его лысую голову тарелку с капустой. Кое-кем он был! Вертухаем был! Обидно стало за себя, что пил с ними. Факт, нашего брата мордовал. А ещё вылили ему на голову варенье. Кулаком разбил тарелку на его макушке. Вот откуда у него шишка. Олюшка заголосила и выскочила на улицу.

Вымыл пол, и молодой милиционер разрешил мне идти домой. Я бы мог взбунтоваться насчет мытья пол, но неожиданно подумал о дочке...

Странно, но с меня не взяли штраф, зато карманы обчистили. Если кто-то постарался за меня, значит тот знает про все мои похождения.

– Кто постарался за меня? – спросил у дежурного. Он громко загрохотал ключами на вытянутом пальце. Заметил, что так делают люди без признаков ума, упрямые и любящие власть над другими, и если те волею судеб попали под их руководящую руку и в полную зависимость.

– Не знаю, – ответил он и ещё больше выпрямился, и как бы свысока на меня взглянул. Я тоже взглянул, и увидел его наполненный задний карман на брюках.

– Слушай, парень...

– Я не парень, а гражданин!

– Да? Странно. А я тогда кто?

– Иди отсюда! – крикнул он и бросил ключи в другую руку.

– Такие люди о тебе беспокоятся! Не стыдно? Умничаешь? пОпадись мне ещё в камеру. Ребра пересчитаю. Страсть, как хочется

сапогом пройтись по твоим ребрам. Лучше не попадайся. Никто тогда не поможет...

В это время зазвонил телефон, Он отвернулся от меня, чтобы взять трубку. Зря он это сделал. Я ведь не железный. Одно привычное и легкое движение пальчиков и кошель, наполненный ворованными деньками, был в моих руках.

– Прощай паря, но помнишь меня век будешь, – проворчал я. – Не надо обижать людей.

Вышел на улицу и с удовольствием стал дышать. Сейчас надо бы куда-то спрятать деньги. Он ведь догадается, кто их у него увел. На углу соседнего дома была мусорная куча, вот под неё и сунул деньги. И только я от неё отошел, как за спиной раздался знакомый окрик:

– А ну, стой, ворюга!

От здания милиции бежали три милиционера.

– Стой, ворюга, я сказал!

Остановился.

– Где мои деньги? Отвечай, ворюга!

Я соорудил удивленное лицо, разинул рот и задушенно спросил:

– Какие деньги? Я их вчера пропил с бичами. Я же ведь уже вам докладывал!

– Ты чо мне голову морочишь. Это были мои деньги!

– Но, позвольте мне удивиться. Как могут быть они твои, если я их вчера пропил. А после той драки меня с бичами привезли в участок. И тогда, как они с той пьянки могли стать вашими?

– Обыскать этого вора!

И они бросились обыскивать меня.

– Куда девал деньги! – закричал милиционер.

– Сколько можно вам говорить, я их пропил.

Два милиционера отступили от меня и молчали. Один из них развел руками.

– Я же вам говорил, что он их вытащил у меня в дежурке! – кричал парень.

Один из них спокойно ответил:

– А может ты их потерял? Бывает такое.

– Успокойся. Надо бы ещё в дежурке поискать, – сказал второй парень.

Дежурный вроде стал успокаиваться. Но продолжал гнуть своё.

– Чувствую, что это он. Наслышан о нем. Он ишо и карманником был...

– Тогда, где они?

– Идем. А то мы уже замерзли.

– Ну, смотри, Стрелов, я до тебя ещё доберусь.

– Он ишо и грозит, – с обидой в голосе сказал я. – Невинного человека обвинять в том, что он пропил свои деньги с бичами. Как мне теперь жить изволите? Как?

– Пошел вон отсюда! Попадись мне ишо, ворюга! – завизжал дежурный.

Я походил по поселку, потом вернулся к мусорной куче и взял деньги. Теперь можно жить.

Далеко, между двумя распадками наклеывался рассвет. А выше темнота, а в ней тускло светятся звезды день обещает быть жарким.

– Вот возьму и уеду к чукчам. Деньги теперь есть и не малые. Как говорится, вор вора обворовал. Смешно. Там есть олени. Я там уже был недалеко от Тикси. Потянет сегодня на пьянку или не потянет? Если потянет – алкаш. Ах, стыдобушка!

Остановился у своего дома. Над тайгой затухала полная луна. И вдруг на ней увидел лицо моей жены Шуры... Зажмурился и быстро открыл глаза – никого. Не хотелось смотреть на луну, но что-то меня тянуло к ней. Что ещё покажется в ней? Пока ничего. Но ведь казалось. Или опять бред? Ах, Шура... Она в больнице. И надолго. Работала маляром и простыла. Признали туберкулез. Может лежать в больнице год. А я остался с дочкой Людой.

Сел на крылечко дома из щитовых блоков. Квартира в двенадцать квадратных метров. Нет, не надо бы нажираться. А кто не пьёт? Один раз пытался. Целый месяц не пил. Товарищи перестали со мной здороваться, знакомые спрашивали меня про какие-то болезни. У меня никаких болезней не было.

Заглянул в окно. Дочка спала. Решил посидеть на крылечке и подумать о своей судьбе и судьбе моих старых товарищей.

Многое изменилось в нашей судьбе. Генка Султанов стал знаменитым бригадиром монтажников. Имеет много наград. У них с Лоркой два сына. Уехали в Братск. Иван Калита стал сыщиком. В звании майора. Живет в Хабаровском крае. А Райку он нашел. Бумаги кому-то отдал. И обнаружили в Иване склонность к расследованию. Ну а Лешка стал главным бухгалтером, институт окончил. Диссертацию готовит. Алексей Абилович решил стать ученым. Я рад за него. Юра Хвостов бригадир. Читал о нем очерк в газете «Правда». Орденом Ленина наградили, ордена, медали, почести. В Красноярске живет. Наш бригадир Николай Торкунов уехал строить Саяно-Шушенскую ГЭС. Работает там прорабом. Петька Ерохин жил в Ленинграде, работал в театре, потом почему-то эмигрировал за границу. Гошу назначили начальником участка по монтажу в Норильске. Я рад за моих старых товарищей по работе. Кстати, наш бригадир Торкунов передал свои дела мне. Теперь я бригадир. Но у меня что-то плохо получается. Видимо, нет таланта руководителя над людьми.

Ах, Шура, Шура, мне без неё одиноко и грустно. Несправедлива к ней судьба.

Встал, открыл дверь и тихонько вошел. Бочком пролез на кухню. И сел к окну. На подоконнике кувшин. В нем всегда прятал деньги. Там лежала десятка. Не мог же я все деньги потерять. Теперь к десятке легла солидная пачка. Представил, будто деньги сами собой вернулись домой. А тот дежурный не обеднеет. Ещё наворует из карманов подвыпивших мужиков.

Вот моё окно. Рядом с ним мне всегда было хорошо. Уходя из того сарая, попросил стекольщика вырезать цельное стекло. И сделал окно без форточек и фрамуг. И это окно вставил на кухне.

Взял сухую тряпку и протер его. Оно показалось мне мягким и теплым. Сел на самодельный табурет. Здесь лучше думалось, чем на крылечке. Ничего мне не снилось и не казалось. И я об этом сожалел. После того, как мы выбрались из барака, его тут же разобрали. А я то стекло подогнал под новую раму. Так вот, стекольщик допытывался, зачем, мол, мне нужно это стекло?

– Желая быть не как все, – ответил я.

– Так нельзя. Все живут как все, – ответил стекольщик, но стекло в раму подогнал. Я мужичка, конечно, угостил. Он пил, ел и всё молчал. Иногда хмыкал и качал головой. Потом, когда выпил последние половина стакана водки и, поняв, что больше не подадут, сказал:

– Станный ты человек. Правду говорят умные люди, что ты чудака. Нельзя в нашей стране быть чудаком. Это настораживает людей. Нехорошо. И нельзя быть не как все... Непонятно мне. Значит, и непонятно другим. Нельзя так жить. Трудно так жить. Ты пьешь по-нашему, по-простому, как все. А вот пытаешься жить не как все. Всё выпрягаешься. А если на тебя посмотреть с другой стороны, то можно и задуматься. Станный ты какой-то. Будь как все. Поменьше думай о разном там, сразу легче тебе станет. Тогда я тебя пойму и все поймут. Нехорошо...

Как мы познакомились с Шурой? И как она стала моей женой? Откинувшись с зоны, я заехал к маме, сестрам и брату. Они жили в селе Мишелевка и трудились на фарфоровом заводе. Кстати, я их вывез из Олекминска. Сестра Галя познакомила меня со своей подругой с Шурой. Где же я её видел раньше? Будто кто-то мне напоминал о нашей встрече. Её глаза были похожие на глаза, которые иногда казались мне в стекле. Она ведь всю жизнь прожила в этом селе. Я узнал её. Это была та девочка, у которой я когда украл черемшу. Конечно, это была она.

Я провожал Шуру. И пока я жил в Мишелевке, то я продолжал с ней встречаться. И ещё я узнал, что у неё мать цыганка, была подругой тети Груни из села Макарьево. Её родители, оседлые цыгане, были против моей с ней дружбы. Им не нужен был зять, бывший бродяга, да ещё отбывавший срок. А ещё он черемховский.

– Это есть Черемховский урка, – говорила мать. Матери в этом селе всегда огораживали своих детей от Черемховских граждан. В народе наш город Черемхово называли бандитским городом. А тем более они знали мою биографию. И решили они выдать Шуру за деревенского парня...

Я поехал в Макарьево, поговорил с тетей Груней. Мои дальние родственники из цыган прикатили в Мишелевку на тройке

лошадей. Накануне свадьбы Шура взяла паспорт и огородами убежала ко мне. Подхватил её на руки и бросился в сани. С гиканьем и свистом мчались наши кони по замерзшей реке Белой. Прямо в санях, мы рвали пробки от шампанского и пили с лихими парнями, которые знали меня с детства, поливали дорожку и обливали себя. И догнать нас никто не смог. Цыганские кони – надежные кони.

В обширной семье тети Груни мы не стали жить, а жили в какой-то сарайке, пока не кончился мой отпуск. Немного жили в Черемхово. Дело в том, что родственники Шуры, да и со стороны жениха, мужики собирались пристрелить меня. После отпуска я увез Шуру на свою стройку. Жили в семейной палатке. Потом дали квартиру в щитовом домике в двенадцать квадратных метров. Теперь она в больнице, а я вот мучаюсь.

Об этом случае, как я украл невесту – узнали в Черемхово и даже в Иркутске. Случай необычный. Узнали об этом тогда ещё журналисты областных газет – Саша Вампилов и Вячеслав Шугаев. Они нашли меня на стройке. Шугаев напечатал большой очерк «Принцы выходят из сказок» о нас с Шурой в газете «Восточно-Сибирская правда». Потом у Распутина, Вампилова и Шугаева вышла книга рассказов под таким названием. У Саши Вампилова вышла пьеса «Провинциальные анекдоты» из моих устных рассказов.

Скоро надо будить Людмилу. Пора ей в школу. А вечером надо организовать стирку.

ТАКОВА НАША ЖИЗНЬ

Вошел в раскомандировку. Плотники сидели на лавках за длинным столом, накрытым жестью и неистово забивали козла.

Вчера я старался их хорошо угостить. ...Угостил. Интересно, знали или не знали, что я был в милиции?

– Привет, бригадир, – поздоровался Федя Злыднев. Уверен, что сегодня утром он говорил обо мне какую-нибудь гадость. А

мне в глаза улыбался – Садись. Поиграем. Куда ты вчера с бичами скрылся? Ты сказал, что это твои старые кореша. Это бичи...

Нет, не знали... Но выяснить надо. Кто же постарался вытащить меня из клоповника?

– Искали меня? – проворчал я и взял чью-то кружку с чаем. Кажется, Федя подставил. Отодвинул. – Оставили меня с бичами...

– Стрелов, а Стрелов, на выход! Зовут! – крикнул с порога Володя Воронин.

На улице меня ждала Лидия Ивановна Тамм. Удивительная женщина. Когда-то была комиссаром эскадрона по уничтожению банд. Рабфаки организовывала. До 1940 года работала в аппарате Иркутского облисполкома. Борьке, её сыну, было три года, когда пришли ночью и увезли её. Муж от неё отказался. Борька остался у родственников. Лидию Ивановну допрашивали в Москве на Лубянке.

После лагерей её сослали в тундру на поселение. Теперь Борька жил с ней. Как она выжила? Непонятно. После реабилитации поехала в Иркутск. А когда начались великие стройки, то она по партийной путевке приехала на нашу стройку. Её восстановили в партии и вернули партийный билет. Теперь она стала полноправным товарищем в партии. Она устроилась в СМУ Жилстрой нормировщицей. Вокруг неё стала собираться молодежь, и бывшие заключенные. Узнав от редактора районной газеты, что я предлагал услуги по выявлению местного эксплуататора рабочих, она нашла меня и попросила о том, чтобы что-нибудь написал для местного радио. Долго отказывался, но потом согласился. Написал о том руководителе, а ведь он был коммунистом. Досталось от меня и тем рабочим, которые шли к нему на огород копать землю и сажать картошку, и сеять морковку. Я вот ведь не шел к кому-то на огород. Вот тогда я поклялся, что буду выступать только против таких вот начальников-коммунистов и против подхалимов. И если я когда-то грабил кого, но только вот таких господ. Иногда можно и кнут применить. Я не мог понять, как можно заставить меня идти к кому и пасынковать помидоры.

Конечно, можно было, и догадаться, кто меня вытащил из клоповника.

Она быстро ходила вокруг меня, маленькая, щупленькая, седая и шустрая.

– Ты что наделал? Зачем пил с бичами? А если узнают об этом наши враги? Ты об этом подумал? Будто кто подтолкнул меня позвонить. Ты не только себя подведешь, но и всех нас! Ты не думал, когда пил эту гадость? Мне уже передали Одеколон жрали. Как ты мог? Коммунисты одеколон не пьют. Можешь к нам не приходиться. Мы ведь именно с тобой организовали литературный клуб в нашем поселке, на стройке! Даже доверили тебе протокол вести! Для истории! А ты что наделал? Без тебя фельетон напишем.

– Я хотел познать современную жизнь тунейдцев. Как это не понять?

Она резко развернулась и пошла от меня.

А в партию я всё-таки вступил. Странно, даже сказали, что в наше время такие парни нужны. Вот бы они узнали, что я пил с бичами, и обокрал милиционера. И это не всё. Свою мечту я исполнил насчет Семы с базы ОРСа. Вечером он возвращался к своему домику, который ему построили из бруса заключенные. Начальник лагеря приказал.

– Ну, что, голубчик, продолжаем обманывать народ? – задал ему вопрос. На что он ответил: – А я был против того, чтобы тебя приняли в партию. Они что не видят, кого принимают? Тебя на пушечный выстрел нельзя допускать до партии.

– А тебя, значит, можно? Я не буду воровать у государства, оно и так вот такими ворюгами, как ты всё обворованное. Я брал у таких ворюг, как ты. Полечить тебя маленько надо бы. Одного я уже немного полечил. Пока не успокаивается. Ну, ничего, полечу ещё. Пять опций тебе не помешает для общего ознакомления с моей задачей перед обществом.

Где-то я вычитал это красивое слово опция, применяемое в правилах русской письменности. В таких моментах, как раз это слово подходит. Заменял мораль на кнут. А вряд ли это ему поможет исправиться. Эти люди неисправимые. Но иногда учить надо.

– Бригадир, ты скоро? – крикнул Володя Воронов. Ждали. Будто без меня не могли приступить к работе. А баламутил всех Федя Злыднев. Из-за угла дома возник мой друг Вася Полянский. Он вчера тоже со мной пил. В глазах муть, а лицо, будто кто его половой тряпкой отхлестал.

– Ты где был, сучонок?! – крикнул я. Володя скрылся за дверью. А Вася остановился напротив меня, а потом заокал, как всякий волжанин.

– Ты пошто лаешься? Ты вчера от меня ушел. А я причем тут? Сам виноват.

В его рыжей шевелюре увидел два куриных пера, несколько штук соломинок, ещё что-то из мусора. Тьфу! Да он босиком и в одном носке.

– Ты почему босиком? Где ботинки?

Он огляделся и тихо сказал:

– На помойке оставил...

– Как это?

– Водку-то, когда пили, вроде нормально. А когда перешли на тройной одеколон, тут я и отрубился. Просыпаюсь... Помойка... И без ботинок... А деньги... Вроде у столовой кому-то раздал. Рублей десять займи до аванса.

– Ты с ума сошел? Одеколон. Слушай, а кто нам его подсунул? Мне, кажется, это дело Злыднева...

– Не ведаю. Знаю, что он был с нами. Гадость какая! Тьфу!

– На помойке. И это член комитета комсомола стройки. Твои рассказы одобрила известная писательница Елена Жилкина. Твои рассказы печатают в областной газете «Советская Молодежь». Ладно, я потом расскажу, где и я побывал.

– Тебе, Юрка, тоже надо бы помолчать. Коммунист дребаный. Тоже мне коммунист. Член постройкома стройки, депутат местного совета.

– Ладно. Пошли.

Вася шел за мной и ворчал:

– На помойке... Вот всё думаю, кто с меня щиблеты снял?

Мы ставили стропила на дому. От ветерка, среди обрешетки меня хорошо проветрило. Будто и не пил вчера. Всё. Больше в

рот не возьму. Можно и взять иногда, но только не надо нажираться. Конечно, стыдно... Одеколон, наверное, Федя подсунул... Ну, выпил... Ну и что? Будто никто не пьет. А я ещё и коммунист... Залез туда по ошибке, да ещё кочевряжусь. Стоп! А чего это я по ошибке туда вступил? Нет. Я вступил туда сознательно. Примазался одним словом. Ну, какой я коммунист, если пил одеколон! А может, и другие коммунисты пьют какую-нибудь гадость? Кто их знает?

Вечером взял Людмилу и пришел к Лидии Ивановне. Она даже не смотрела на меня. Обидно.

– Лидия Ивановна, я человек свободный. Сам по себе. Просто из нечего делать... Из любопытства... Кто в наше время бичует, и кто они на самом деле? В партию я тоже вступил ради любопытства. Кто в ней находится?

– Странно. Ну, и кто же в ней?

– Давно собирался речь выдать. Тунеядцы с партийными билетами пакости разные строят. К должностям рвутся. Прав дед Шукарь, когда пришел должность просить. И там ничего не делать... Ведь они только и знают, что болтовней заниматься. Речи пустые говорят. Они кричат, что они за советскую власть. И нет других врагов, чем они, подрывающие эту власть. Эта власть стала насмешкой в народе. Кстати, именно партия должна бы защищать советскую власть, а получается всё наоборот. Всё перемешано. Всё.

Лидия Ивановна быстро ходила по комнате. Её тонкие руки то и дело взлетали над головой.

– Хватит! – крикнула она и остановилась напротив меня. – Партию не тронь! Я за неё кровь проливала! Я за неё столько выстрадала! И не смей так говорить о ней!. Ты, знаешь, чем это пахнет?

– Плевать мне на разные запахи! Да, я защищаю советскую власть от разных прощелыг! И я не на всю партию замахнулся. Я против тунеядцев и воров с государственным уклоном в партии!

Лидия Ивановна стала успокаиваться.

– Пойми, Юрка, тебя могут не понять.

– Кто не поймает, тот дурак.

- Если тебя не поймут там. В Москве?.
- Значит тоже... Но, как же можно не понять?
- Ладно. Но не смей мне говорить плохо о всей партии. Конечно, есть в ней негодные элементы. И я тоже поражаюсь, за что их принимают в партию?
- Легче так прожить. Партия их защитит.
- Да, в этом я с тобой согласна. Засоряют партию.
- Ну, так будем, Лидия Ивановна писать фельетон? Я готов. Может, Вампилова или Шугаева вызвать? Они быстро здесь разберутся.
- Хватит, Юрка, хватит! Ты Черемховский хулиган уже один раз с ними отличился.. С Васей Полянским Сашу Вампилова водили по разным местам. А ты анекдоты Саше на местные темы рассказывал. А он возьмет и впишет тебя в какую-нибудь смешную историю. Ну, например, вы с Васей Полянским забрались на крышу общежития и кричали о том, что любите людей и что вы готовы отдать весь свой аванс людям за вашу любовь к ним. Что это? Ладно, в это время были там сознательные люди, а если бы нашлся такой, который не понимает вашей шутки? Что тогда?
- Мы решили проверить людей на честность, – ответил я.
- Ну и как?
- Постеснялись люди. Вампилову и Шугаеву мы об этом рассказали, и они долго смеялись.
- Так, всё-таки, они всё узнали?
- Как на духу. А чего скрывать? Показали коменданта. Рассказали о нем кой-чего, и они тоже смеялись.
- Всё. Хватит. О вас с Васей хоть сейчас роман пиши. Где эту ночь спал Вася? О тебе ясно.
- В общежитии он спал.
- На помойке он спал. Один бригадир, коммунист, член постройка, депутат, известный в поселке общественный фельетонист. Вася – член комитета комсомола стройки. Какой позор! Ты знаешь, что вчера Вася твой натворил? Собрал нищих, бичей и привел под окна парткома и стал всех кормить их пирожными и раздавать деньги. Это на глазах у руководителей. А ещё он кричал, мол, болтают, что в стране нет нищих. А они вот пришли с ним. Стыдно...

– Ну, и что? Я бы точно так поступил. Пусть все видят, что у нас есть нищие. Это он правильно сделал. Жаль, меня там не было.

Лидия Ивановна снова начала ходить, размахивая правой рукой, в которой была папироса.

– А голосище у него, как в трубу.

– Мы бы с ним такой концерт устроили бы... Эх, жаль меня там не было...

– Вас с Васей называют чудаками, и вы, мол, не из мира сего. Не стыдно? На них, мол, надо посмотреть с другой стороны.

– Ну и что? Пусть мы с другой стороны чудики, а вдруг мы с ними нормальные люди, а кто это говорит, то они чудики. Может такое быть? Может. Давайте пригласим из Иркутска ребят?

– Нельзя ребят втравливать. И потом, что вы сделали с Шугаевым? Он приехал сюда в творческую командировку, а вы его укачали, на вашем языке. Закрыли его в комнате гостиницы на третьем этаже. Ключи взяли с собой.

– Он сам попросил нас, чтобы мы его закрыли, и чтобы его глаза не видели нас. Ну и что? Он целых пятнадцать дней творчески жил в том номере. Повесть там написал. И мы ему еду на веревке поднимали.

– Вы с Васей, моим Борькой и с Ваней Сегеда ещё кое-что поднимали.

– Там было холодно и сыро. Комендант поселил его в номер, где протекала крыша. А там небо видно. Шугаев брезент на голову и строчит. Ему же было грустно без нас. Сырость. Холодно.

– А потом что с Шугаевым отмочили?

– Не помню. А что?

– Согрелись хорошо, и пошли громить кабинет Дрожжина. А потом пошли громить коттеджи руководителей. Вася и мой Борька с вами. Я тогда перехватила вас, когда вы направились в сторону коттеджей...

– А зачем партийные тунеядцы защищают прощелыг? Просто мы захотели восстановить истину.

– Ты выражения выбирай. Какие они тебе тунеядцы? Разве так можно?

– Они не партия, а её отрепья. По крайней мере, для меня нет образца, кроме, вас, истинного коммуниста. Все для себя прут. Вы же сами нас учите, что настоящий коммунист должен быть честным. А эти... Они же её отрепья. Они даже хуже меня, когда я был кое-кем...

– Хватит, Партию не трогай!

– Я её не трогаю. Но отрепья-то я могу трогать? Вы ведь сами нас учили, что многих надо гнать из партии.

– Я не так сказала. И ты мои слова не искажай... Прилипал надо гнать.

– Здравствуйте! А я о чем? Прилипал. Всё точно.

– И хулиганов, как ты тоже... Хотя я тебя везде защищаю.

– Меня не надо бы защищать.

– Уговорила Дрожжина, чтобы не подавал на вас в суд. Я понимаю, что так жить больше нельзя. Но ты хотел его повесить на его галстук. Скоро у нас будет комитет госбезопасности. А с таким комитетом шутки плохи... Мне это знакомо...

– Ну и пусть явятся. Подумаешь, мессия... Плевать на них.

– Папа, пойдём, – потянула меня за руку Людмила.

– Ты бы хоть дочери постеснялся. Кого воспитаешь?

– Пусть слушает. Вырастит и поймет отца.

– Тебе потом могут всё напомнить. Да ещё кто-нибудь настрочит. Мы здесь сами справимся. А ты пиши фельетон. Надо бы кое-что выяснить. Как они ведут себя сейчас. Может, покаются?

Дело было вот в чем. У нас появились расхитители по детским садам. В одном из детских садов в три раза увеличили цену на детей. Списывали и меняли мебель на старую Варили брагу прямо в садике и гнали самогон. Устраивали вечерами гульбища. Мы с Лидией Ивановной раскопали это дело. Одна одинокая мать пришла ко мне с жалобой.

– Юра, помоги наказать буржуев окопавшихся в детском садике. У меня двое детей. Как жить дальше – не знаю. Мы знаем, ты всегда стоишь на защите таких вот людей, как я. Помогите.

Но было удивительно то, что этих окопавшихся буржуев защищал начальник стройки Тест... Это меня и насторожило. И Лидия Ивановна была этим удивлена. Напуганная начальником

помалкивала и милиция. Мы знали, что законов для буржуйской камарильи нет. А чтобы заткнуть рты, выдали ордера на коттеджи трем бригадирам, которые были более-менее молчаливые. Как же, мол, и рабочим даем коттеджи. Как-то и мне пытались всучить ордер на коттедж, чтобы я много не выступал. Но я на такую уловку не пошел. Кто бы я был после этого? Борец за справедливость, и вдруг на такое пошел... Кто бы я был после этого? Пусть меня называют чудачком и придурком, но меня не сломить. В те времена я очень много выступал на собраниях, особенно по местному радио. Наша местная власть всячески защищала распоясавшихся начальников. Партком выбрал выжидательную позицию. Никто не хотел связываться с начальником стройки. Тогда я думал, что если такое творится в глубинке, можно представить, что делалось в нашей стране и наверху. А так, оказывается, было везде. На одном из рабочих собраний я закатил речь.

– Неужели о таком социализме мечтали наши революционеры? Да нет же! Если посмотреть, что у нас делается. Ответчу – социально-бюрократический строй с уклоном в феодально-крепостнический, к тому же явно бюрократический.

Что тут началось! Меня назвали врагом народа и всей советской власти, а ещё балластом в партии.

В те годы к нам часто заезжали журналисты: Вячеслав Шугаев, Александр Вампилов, Юрий Скоп, Валентин Распутин. Они всегда заходили ко мне, чтобы узнать какие-нибудь приключения из моей жизни и моих товарищей. И что было удивительно, они никогда не ходили к нашим руководителям, а шли в народ.

Однажды приехал Саня Вампилов, грустный-грустный. Сидели мы с ним у меня, и пили чай после вчерашней горячей встречи.

– Плохо, Юрок, очень плохо... Куда катимся? Многие люди душой очерствели... да и мозги тоже... Начинают переставать думать о будущем. А настоящие – призывы и лозунги...

А когда приехал Шугаев, то он сказал:

– Громить этих сук надо! Всех. Всё надо менять! Новую революцию надо!

– Я с тобой пойду. Ваську Полянского возьмем, кого ещё?

– Ваську не возьмем. С ним можно в какую-нибудь историю вляпаться.

– А мне можно? – спросил Борис, усиленно моргая черными ресницами. Он, когда хорошо выпивал, то всегда моргал и молчал. А тут сказал:

– Можно, – разрешил я. – Ты наш друг. Мы тебя уважаем.

– Уважаем, – ответил Вячеслав, разливая коньяк по стаканам.

– Хорошо мне здесь у вас. Духовно отдыхаю от всякой Иркутской нечисти...

– Тоже там нечисти много? – спросил я.

– Хватает. Вы здесь готовьтесь к переменам. Будете в первых рядах. Грудь колесом и выше голову!

– А может, сейчас пойдем громить тех, кто в кучке живет? – спросил я.

– Пойдем.

И мы пошли. Не знаю, чем бы всё дело закончилось, если бы нас не перехватила Лидия Ивановна.

Главное и обидное было то, что руководители, которые защищали расхитителей, были коммунистами, как и сами расхитители. Вот в чем была главная закавыка. И кто бы меня не убеждал, чтобы я понял, что нельзя бы так строго судить людей в их грехах перед себе подобными – не соглашался. Не желал им прощать. И не мог понять, как можно прощать таких людей? С ними захотели строить коммунизм и в восьмидесятые жить с ними в нем. Это невозможно. Низшие слои общества, глядя на этих товарищей, не верили в светлое будущее. Я всю свою жизнь жил в этом, низшем обществе, и как никто другой знал этот народ. Он затаился и помалкивал, и порой даже подхихикивал над такими коммунистами и идеологами. И это была ещё одна правда. Тут уж, я как на духу. В это время, и это тоже, правда, появилось расхожее слово – честность. И этим словом постоянно прикрывались, как и партийным билетом, эти люди. И новое слово, как снежный ком, обрастало другими «нежными» эпитетами, и оно осталось с ними навсегда.

Начальник стройки уехал в Иркутск искать на нас управу. В это горячее время на стройке и без этого было много дел. Строился город.

Как-то ко мне пришла одна из заведующих детским садом. Тихо так вошла, улыбалась скромно, стеснительно. Огромную сумку оставила у порога. Голосок тихий, нежный, ну, просто ангелок в юбке. А я в земных ангелов не верил.

– Знаю...Вы плохенько живете. Я там мясца принесла, колбаски, икорка чёрная в баночках...

У меня мыслишки разные появились. Первое – подкуп, чтобы отказался писать фельетон, второе...Как-то я попал в одну компанию в индивидуальном доме. Рядом со мной уселась именно вот эта сытая дама. И тоже также скромно и стеснительно улыбалась. Был у неё голосок нежный, бархатный. Мы вышли с ней покурить. Я не курил, а она закурила. Она бросила сигарету, и так же стеснительно и скромно улыбаясь, ухватила меня лапшами, прижала меня к своей огромной груди и повалила на огуречную грядку...На следующий день был скандал. Все пытались узнать, кто такое сотворил? Моя ночная дама скромно и стеснительно улыбалась и тоже удивлялась, мол, кто такое сотворил?

Так вот, на этот раз я сказал даме:

– Кого пришла маслить? Профура! От благодетелей пришла? Вон!

Лицо у заведующей стало ещё шире, побледнело. Я взял сумку и выкинул за дверь.

А вот главным защитником этой лихой детсадовской команды стоял наш начальник стройки Тест. И многие этого не понимали. А во главе всей команды стоял муж одной из заведующей некий Егоров, служащий со стройки. Как он красиво говорил, писал в газету материалы о честности и справедливости. Он был обходительный, вежливый, женщин одаривал цветами.

Так вот, эта заведующая вмиг уничтожила улыбку, выпучила глаза и будто выросла и превратилась в монумент, выпятила и без того мощную грудь, со свистом вобрала до предела воздуха, сжала кулаки, и так затряслась от избытка холодного воздуха, того и гляди, ангину схватит. Щеки и жир под подбородком, и каждая частица тела и даже одежда, затряслись. Туфли заскрипели. И заорала она сатанинским голосом! Вот это голосище! До и после таких голосов я больше не слышал. Паровозный гудок бы мог заглушить. У меня в ушах засвербело, а потом заложил-

ло. Нет, теперь меня никто не убедит, да и не поверю в искренность стеснительных и скромных улыбок и ужимок. Шалишь. Не верю!

– Сам вор! И твоя Лидия Ивановна враг народа! Рано выпустили её на свободу! И тебя бы там держать до скончания! Не даете спокойно жить честным людям! Вы ещё у нас попляшете, падлы! Уголовники! Сволочи! А ещё вы мерзавцы отменные! Ироды!

Пришлось мне приложиться пинком к её круглой заднице.

...

Мне подбрасывали записки, угрожали расправой, встречали пьяные парни, чтобы избить меня, но натыкались на мою жестокость. Кнутом бил. Ах, люди, люди... За что же вы, парни продались? Вас же я защищал от рвачей!

Обстановка вокруг нас накалялась. А тут кому-то пришла дикая мысль, что на месте моей комнатки в щитовом домике, должна быть гостиница.

Меня выселили в общежитие. Но и там не нашлось места. Комендант сказал:

– Я за тебя не должен отвечать. Меня апосля скушают. Звонили...

Идти было некуда. Шура в это время лежала в областной больнице для туберкулезников. Пошли мы с Людой на вокзал. Прожили мы там с неделю. Вернее – ночевали. Днем-то надо было мне работать. Люда была со мной и на работе. С вокзала нас попросили. Моя рожа не понравилась дежурным по вокзалу. Позвали милиционера и нас выгнали. Страж порядка узнал меня.

– Всё не успокоишься? Нехорошо. Наслышан. Честных людей оскорбил. По тебе тюрьма плачет. Людей защищаешь? А они тебя защитили? Молчат. Таковы все люди. А ты вот такой получился выродок. В глубине души я тебя понимаю. Сочувствую. Но мне надо жить.

Хорошо, что была весна. Удивительное спокойствие овладело мною. В километрах двух от стройки, стояло зимовье. Мы поселились в нем. Здесь прожили всё лето. Чаще брал на работу, а иногда оставлял у знакомых. Вокруг нашего зимовья по-

селились собаки, и Людмиле с ними было весело. Как-то ночью ударила гроза, и пошел сильный дождь. Сквозь старую крышу потоками полила вода. Людмилу накрыл ванной, а сам залез под стол. Вода била по ванне, и мне казалось, что этот звук должен достучаться до кого-то...

Но он не достучался...

Потом пошли грибники, ягодники. И, видимо, кто-то общил Лидии Ивановне о наших мытарствах. Никто не знал о нашей судьбе. Никому не говорил о себе. Все думали, что я жил в том щитовом домике, хотя по закону мне должна быть была представлена двухкомнатная квартира в каменном доме со всеми удобствами. У моей жены туберкулез, который она заработала на стройке. И в щитовом домике нельзя с ней было жить. При хорошем ветре его продувало насквозь. Зимой на стенах куржак, на полу лед. И Людмиле нравилось кататься по такому полу. Квартиру не обещали. А тут и вовсе выгнали на улицу. Вот таковы были мои личные дела. Но я не жаловался. Не ходил по конторам и начальникам. Конечно, по какой-то указке меня выселили из щитового домика. Видимо, хотели, чтобы я пошел на поклон. И потом, когда говорили, что кто-то там заботился о народе, то есть не правда. Они ввали. Прежде всего, они брали в первую очередь только всё для себя. Была забота партии о себе, о руководителях – коммунистах и отчаянных подхалимов, верой и правдой служащих своим благодетелям. Я был прав. До седых волос я остался при своем мнении. Изменив окраску, эти люди не изменились, а стали ещё жаднее и коварнее к простому человеку.

В это время на стройке оказались иркутские журналисты-писатели: Вампилов, Шугаев, Таурин, Скоп. Мне рассказали, что они пошли в партком стройки. Они и восстановили истину.

– Чертовски у него талантливый характер и судьба, – сказал Шугаев.

– Быть джентльменом в наше время, это что-то новое, – тихо добавил Таурин.

– Выпороть бы тебя, братец твоим же кнутом. У тебя же маленькая дочь. Тебя бы кое-куда определили, а дочь в детский дом? – только и сказала Вампилов.

– А они куда смотрели? У него же ребенок! Куда мы катимся? Это есть чрезвычайная жестокость! И, что поразительно, все эти жестокие – коммунисты! – возмущался Юрий Скоп.

А Лидия Ивановна хваталась за голову.

– У него ребенок! Он ведь даже мне не сказал, что над ним так издеваются!

Прошло время. И я до конца благодарен этим людям за душевную помощь в трудные дни в моей жизни. Были же всё-таки благородные люди, которые не гнушались протянуть руку простому человеку. Кстати, в то время все они были беспартийные. Парадокс? А многие коммунисты были вот такими жестокими. Они всегда были жестокими, если что было не по ним. Сомнут и уничтожат. Навидался.

Ну а пока мы готовили фельетон.

Моя жизнь в тайге даром не прошла. Лидия Ивановна сообщила:

– Ты знаешь, что они сказали про тебя? Что мы с тобой организовали антипартийную группу. И в твоё зимовье приходили люди. Так что мы с тобой можем пойти по одной статье. А я знаю, как это делается...

Вот до чего додумались наши партийные деятели. Выкрутились, ещё и обвинили меня во вредительстве.

Заместитель областного прокурора решил нас прищучить. Он доверился нашему начальнику стройки.

Лидия Ивановна, как старейший большевик, написала письмо в Иркутск и в Москву, в газеты. И среди журналистов тоже были, которые не поддержали нас. Лидий Ивановна обратился к известному в стране журналисту и писателю Леониду Шинкареву. И вот, что он ответил:

– Я хочу кушать белый хлеб. Надо ещё посмотреть на вас с другой стороны с вашим фельетонистом Стреловым. Не надо бы чернить уважаемых людей на вашей стройке.

По договоренности с Лидией Ивановной я отважился пойти на встречу с компанией, которую защищал начальник стройки. Позвонил Егорову. Он в то время командовал расхитителями. Он обрадовался. Мне очень хотелось успокоить страждущих и оберегающих честность в нашем краю. Дело в том, что я уже на-

писал фельетон в чистую, и он назывался «Брага и дело всмятку». Его можно было передавать по местному радио. Надо было встретиться. А, возможно, они и покаются. Конечно, в их покаяние я не верил. Особенно коммунисты-руководители никогда не каялись, потому что всегда считали себя правыми. И в будущем они не покаются.

Встречу назначили в цокольном помещении трехэтажного дома. За дверью ждали. У порога, как часовые, стояли два рослых парня. Немного знал их. Рабочие. Шепнул им:

– Сколько вам дали за меня? По банке на харю?

На длинном столе – коньяк, разная водка, вина, а от закусок в глазах зарябило. Такую закуску мы с Генкой в ресторанах заказывали. Заведующие садиками бросились ко мне. Все они состояли в общественных делах – в парткоме, стройкоме, были в местных депутатах, и в других нужных делах. Даже пытались обнять меня. Усадили за стол. Рядом устроилась дама, что приходила ко мне. Она нежно улыбалась... Вот это игра! Вкрутую играли представители передового отряда строителей коммунизма. Все посты, где можно было что-то взять, захватили они, коммунисты. Шикарно жили, всё имели, и полным ходом шли к сияющим вершинам. Мало я когда-то таких грабил! Мало!

В это время моя соседка приткнулась поближе, скромно потупилась и обдала меня жаром сытой самки.

– Вся твоя, – прошептала она нежным голосом, и розовые щеки будто смазаны маслом. – Сегодня мы с тобой вспомним...

– Когда с сумкой приходила?

– Ты почему такой? Кто старое вспомнет... Я о другом вечере... Тогда мы с тобой грядку с огурцами помяли. Как вспомню, то смешно делается...

– О, они уже шепчутся! – крикнул кто-то из мужиков.

– Товарищи, дорогие товарищи! – подал голос Егоров. – Среди нас находится мой самый лучший друг!...

Зря он так начал. С перебором пошел. Я не выдержал. Понял, что здесь не будет покаяния. Но речь произнести надо.

– Слушай, – наклонился я к соседке, – ты, бабенка ничего, мякотькая. Но ты пойми меня... Здесь меня оскорбляют... тут уж, извини меня, пожалуйста...

Встал и вышел из-за стола. Надо говорить речь. Если я парням сказал, что они продались за бутылку, тогда о чем они думают обо мне?

– Ша! Вы тут думаете, что вы есть советская власть? Да, вы не только крохоборы и крысятники, но вы есть настоящие враги советской власти! Вы есть вши на теле партии и советской власти! Вот такая вам будет моя речь!

– Ну, держись! – крикнул кто-то.

Прыгнул в сторону. В этом месте, где я только что стоял, что-то стукнулось о стенку, – и звон. Бутылка. Какая-то женщина закричала:

– Держи его! Держи! Не пушай! Это меня так назвать? Меня так обозвать, честную труженицу, меня, заведующую столовой так назвать?! Я плохая? Я против советской власти? Как ты посмел, поганец, так нас называть?! Ты есть враг народа! И мы добьемся, чтобы тебя отправили на Колыму!

Странно. Моя соседка молчала и только улыбалась...

Парни расступились, а я в дверь.

Прибежал к Лидии Ивановне.

– Живой! – крикнула она. Потом тихо добавила: – Заканчивай фельетон. Мы так долго ждали, что думали – они покаются. Не дождалось. Ты единственный, кто сейчас его может сделать. И будем передавать прямо в эфир. Пусть это будет наш последний бой. Ты готов?

– Готов. Мы ведь только с вами и остались...

Дело в том, что наш радиокомитет развалился. Многие, узнав, что мы вызвали огонь на себя, и что обозлили всё руководство стройки, перестали с нами встречаться и приходили на запись по радио. А то отбоя не было. Все шли на запись, а когда туго стало – разбежались.

Фельетон я читал сам. Никому не доверил.

На следующий день Лидию Ивановну вызвали в контору, и заставили написать заявление об уходе на пенсию. Но сначала её заставили написать объяснительную, что она опозорила честных тружеников. Написал и я, как автор фельетона.

– Впутала тебя, – сказала она. – И областная прокуратура занялась нами Пиши и не скандаль. Так положено. Поеду в Москву

к Хрущеву. Благодаря ему, нас политических реабилитировали. Пусть и сейчас нам поможет. Я ему написала письмо, как от старейшего большевика. Должен нас понять. Мы с тобой не за себя, а за народ боролись. Ты остаешься за меня редактором радиогазеты. И ещё. Терпи. В бригаде тебе будет худо. Вот посмотришь, твои же товарищи по бригаде и снимут тебя с бригадиров. И, ещё. Спрячь свои записи... У меня нельзя. Сам знаешь. Могут у нас устроить обыск... Сдались тебе эти записи.

Дело в том, что всё происходящее записывал. Для истории. В будущем эти записи мне пригодились для романов «Зона» и «На острове снов».

Пришел домой, а там полный разгром. Искали рукописи. Кто-то же доложил. А записи были спрятаны в тайге. Людмила плакала.

– Приходили дяди. Искали чота и ругались...

Пришлось нам писать по девять объяснительных в разные инстанции.

Каждый раз приходилось идти к судье. Судья был по фамилии Тяжевкин. Он разводил руками.

– А я тут причем? Мне пишут жалобы на вас, и я должен реагировать. Ты, Стрелов, не ерепенься, а пиши. А тут ещё Иркутск давит. Я вас с Лидией Ивановной понимаю. Душой я на вашей стороне. Но, и меня надо бы вам понять. Они настаивают, чтобы вас немедленно арестовать и бросить в Иркутскую тюрьму. Я буду всячески затягивать дело. Все против вас ополчились. Вам надо доказать вашу правду. Найдите хорошего следователя, и он вам раскрутит это дело. Я вам подскажу, кто вам нужен.

И этот следователь нашелся, молоденький лейтенант Шмидт Таршинаев. Именно он начал вести следствие по детским садикам. И кое-что передал Лидии Ивановне. Потом ему запретили вести расследование. Такое указание пришло из Иркутска. И, нарушая все инструкции и указания, он тайно кое-что передавал Лидии Ивановне. В то время, не смотря на грозу над нашими головами, я писал новый фельетон об этих господах под названием «Прислушиваясь к бульканью куриного супа...».

– Эх, Юрка, – говорила Лидия Ивановна, – что же происходит со всеми нами? Ведь так хорошо начинал Хрущев. Поеду к нему... Ответ уже пришел. Письмо доставлено ему.

– Здесь у нас, этим господам никто не указ, – ответил я.

Кстати, квартиру в щитовом домике мне вернули. Опять со своим окном.

– Если туго будет, зови ребят Вампилова и Шугаева из Иркутска. Леню Шинкарева не надо. Пусть кушает белый хлеб. За нас и им попадет. Могут пришить антипартийность.

– Я не боюсь. Сидел, ссылали и били. Всё выдержу.

– Теперь у тебя семья. Не забывай. Только не срывайся и не пей. Я знаю вас, мужиков, с горя и радости начинаете пить. Терпи.

– Всё странно. Если мы пошли против расхитителей и феодалов с партийными билетами, значит, мы против советской власти. И если это такая власть, то я должен бороться с этой властью. Но, если они власть, тогда кто мы?

– Правда, восторжествует. Пойми хоть это и мужайся.

Вечером меня вывели из состава стройкома и партийного бюро. Я не пошел на вызов. Без меня вывели. Как потом узнал – секретарь партийного бюро стройки Жан Михайлович Белоногов пытался защитить меня, так же, как председатель стройкома стройки Василий Егорович Сизых, но они остались в меньшинстве. А ведь я был в комиссии по жилищным вопросам, а добрую себе квартиру не получил. В этих общественных организациях, были сторонники расхитителей. Василий Егорович Сизых так обо мне сказал:

– Именно таких людей нам не хватает. Ничего для себя. Для народа старается.

Меня и в партию с такими словами приняли.

Я успел выпустить несколько номеров и меня отстранили от руководства радиогазеты. Она умерла, созданная когда-то энтузиастом, и к тому же настоящим коммунистом, честным и благородным человеком, Лидией Ивановной Тамм. И мы первые его создатели и помощники были рядом с ней.

Следом за нашим радио создали другое радио, но дух никогда не возродится. После нашей радиогазеты создали молодеж-

ную радиогазету, но в ней уже не было той остроты и настоящей правды. И станет она под строгим наблюдением партийного органа. И создатели его и название исчезнут и затеряются в истории нашего края. А наша радиогазета «Новости недели» в памяти народа останется навсегда. Я о том лихом времени издал книгу под названием «Романтики».

Лидия Ивановна ездила в Москву и встретила там с одним из секретарей Хрущева. И он отписал – разобраться и строго наказать виновных.

Секретаря возмутило то, что как такое могло случиться по детским учреждениям. Это же дети! Но он не знал ещё одной правды. Обманутые родители не поднялись в нашу защиту. За углом они кляли всех, а когда мы пытались обратиться к ним, как свидетелями и обманутыми – замолчали.

Пока это письмо шло по инстанциям к нам, и никто об этом ещё не знал, наши руководители буйствовали против нас

А в это время в стране произошли чрезвычайные события. На внеочередном пленуме в Москве от должности был отстранен Хрущев. Но политический дух против нас остался. Партийные деятели, как это всегда было, быстро перекрашивались.

Состоялось совместное собрание стройки. На нем держал речь сам Дрожжин. Он в пух и в прах разнес Хрущева. После него выступил и я. Вот фрагмент той речи.

– Товарищ Дрожжин и некоторые сидящие здесь коммунисты, как вы можете? Вы ещё вчера называли его ленинцем, великим продолжателем дела Сталина. Я вас знал, как искреннего коммуниста, а вы уподобились тем идеологам, для которых нет ничего святого в обмане и одурманивании народа. Как вы-то могли так говорить? Ну, нельзя же так быстро мазать грязью. Как можно так быстро меняться? Что с вами? Где вы все искренние? До или после. Тогда я вправе вас назвать великими артистами. Тогда это другое дело. Тогда давайте вместе играть.

После этого выступления меня и с редакторов радиогазеты сняли. И обозвали меня пособником культа личности.

Вечером пришел ко мне Вася Полянский с друзьями-товарищами по комсомолу и сообщили, что им приписали анти

партийность. Их вывели из состава комитета комсомола стройки.

В эти тяжелые дни в нашей жизни кое-кто и пытался защитить нас. Они агитировали людей в защиту нашей радиогазеты. Они агитировали народ за нас. На площади они собрали стихийный митинг строителей. Бригады стягивались к Дому культуры. Из парткома и из милиции позвонили в Братск и проконсультировались – что делать с народом, который собирается в одном месте в защиту радиогазеты, над её руководителем и автором фельетона «Брага и дело всмятку». Тогда наш район относился к Братску. Секретарем райкома партии был Георгиевский, к сожалению, забыл его имя и отчество. И вот, что он сказал:

– Я одного не пойму – вы чего всполошились? Что это вы позволяете издеваться над общественниками? Это безобразие! На этом надо поставить точку. Пусть люди собираются и говорят о наболевшем и покритикуют вас. За дело. Как будто у вас нет других дел, как только следить за активистами. Не бойтесь. Пусть говорят. Только что бы ни было хулиганства. Достукались. В Иркутске и в Москве знают. Ну, вы даете! Разберутся, и виновные понесут наказание.

К сожалению, таких секретарей было мало.

Столкновений не было, но речей было много. Наболело на душе от долгого молчания. А надо сказать, что это было время, когда можно было хоть немного что-то не то сказать. Одна женщина втиснулась в выступающие. Шла мимо, смотрит – выступают, дай, думаю и я речь закачу.

Она начала кричать о том, чтобы утром им на работу доставили малярные кисти. Ещё нужны ведра. Развеселила людей.

– Чего ржете? – перекричала она всех. – Я ведро из дома принесла! Моя напарница верхонки на двоих притащила! Разе это дело? Вон здесь и начальник Матвейчук здесь! Вы хоть нам помогите нашшот кистей, ведер и верхонки!

В общем, её пытались оттолкнуть и объяснили что не из-за её верхонки все здесь собрались, а по другому делу. Она закричала:

– Седни верхонки, а завтра ковры понесут! Некаво мне рот закрывать, некаво! Я этова Стрелова знаю давно! Правильно тут

выступают нашшот ево! Под суд ево! Под суд каналью! Попался, голубчик? Попался! Давно надо было ево посадить! Разе это дела, партейца хотел на галстук повесить? Всех критикует, а сам чо? Брагу гонит в детском садике! Гулянки там устраивал, мерзавец? У детей крохи отбирал! Не стыдно? Ковры и холодильники менял на новые! Сволочь он! Судить лихоимца! Судить! Чо? Не слышу... Чо ты сказал? Ась? Чо я перепутала? Ась? Кто? Каво надо покритиковать? Ась? Тут уж уволь. Ничо не знаю про это... Так бы и сказал... А потом меня за них со свету изживут. Уволь. Всё. Ничего не знаю... Не помню..

Эта женщина влила живительную струю в митингующих. А когда втиснулась в толпу, то и можно было услышать

– Вот это влипла... Стрелова-то можно было... Но этого... У меня двое на руках... Чо вы привязались. Ничо я не знаю. Ну, вас...

И она растворилась в толпе.

Бригадир каменщиков Коля Худорба кричал:

– Надо устроить показательный суд над расхитителями. Начальника стройки Матвея Исааковича Теста к ответу, как защитника этих упырей! Хватит издеваться над народом!

– Пойдемте всех громить! – предложил Вася Полянский.

Потом читали стихи Есенина, Евтушенко и ещё кого-то... Местный поэт Саша Гомзиков прочитал собственное стихотворение.

Промстрой один и Промстрой два и Жилстрой,
Встанут в единый коммунистический строй!
Потом положил на моё плечо горячую руку и закончил:
Взять бы мне в руку иглу тонко-длинную,
И проткнуть им животище жирное с бюрократскою требухой!

Закончил выступление поэтов Петя Лосев.

Он шел и шел, как движимый гранит!

Позднее он станет корреспондентом областной газеты «Восточно-Сибирская правда», а потом станет ведущим журналом по БАМу.

Сейчас же, засунув топор за пояс, Он снова рвался читать стихи, но его не пустили. Сказали, что и другим надо выступить.

Полез выступить и Вася Полянский, но его оттолкнули. В будущем он станет ленинградским писателем и эмигрирует в какую-то страну.

Вытолкнули и меня толкнуть речь, как одного из виновников этого митинга, но я разволновался и понес какую-то чушь, путался, заикался, потом махнул рукой и уступил место какой-то рабочей...

На следующий день в бригаде тишина. Только странно поблескивали глаза у Феди Злыднева. Пришел новый начальник участка Кукуев и только что назначенный прораб Земцов. Ну, а без Дрожжина не проходило ни одно собрание.

– Дорогие, товарищи, – начал он речь. – В вашем коллективе, дружно и спаянном есть человек, таскать, который позорит не только ваш коллектив, но и родную нашу партию, и весь наш народ. Он дезорганизует, таскать, всех вас. Для Стрелова ничего нет святого. Он ярый, таскать, противник советской власти. Сторонник культа личности. И в пьяном угаре бросился душить меня, поборника за советскую власть. Агитировал слабых сознанием людей, рабочих Подбивал их на антипартийные выступления, читали нехорошие стихи. Говорил на неподобные слова против руководства стройки. На кого руку поднял? Все они коммунисты! Нехорошо, гражданин Стрелов! Нехорошо!

– Зазнался он! – крикнул Федя. – Он работать не хочет! Бригаду совсем забросил! Связался со своей старухой! Той было мало тюрьмы и зоны, приехала сюда народ баламутить! К Хрущеву она поехала! Смешно! Тю-тю его... Всё. Теперь дела пойдут при Брежнев. Этот наведет порядок с такими вот, как вы. Никакой жизни нет от вас честным людям!

Все задвигались, зашумели. Дрожжин готовился продолжить речь.

– Так вот это...Как его... Честным людям. Ах, да...Правильно. Товарищи, к руководству страной пришел настоящий ленинец. Хватит с культом. Хватит! И вы, гражданин Стрелов

пытались внедрить культ в коллектив стройки. Теперь товарищ Брежнев, таскать, подкрутит кое-кому гайки...

– А вы откуда знаете, что такой уж он ленинец? – прервал я его.

– Он наведет порядок железной рукой. А то совсем... Кто не ленинец? Как вы смеете критиковать? Кто вам дал такое право? Кто позволил?

– Я сам себе позволил. Человек я свободный. Живу в свободной стране. И ничего такого в конституции нет. Читал её.

– Врешь! – взвизгнул Злыднев. – Совсем заврался!

– Позволил, позволил? – переспросил Дрожжин. – Как это позволил? Вы нарушили конституцию!

– Теперь про ваш культ, – сказал я. – Борьба с той кодлой тоже культ мне пришили? Кто же тогда из нас культ?

– Да, да, Стрелов, вы нарушили... ну прямо... зачем вы только в партию вступили?

– В одной песне есть слова: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!» Это я-то дышу вольно? Все дышат вольно. Все! Кто вольно дышит?

– Я кое-чем дышу, – ответил Вася Полянский. – Но, очень тяжело дышу...

– Два сапога пара! – не унимался Злыднев.

– Хватит демагогии! – топнул ногой Дрожжин. – Мне передали, что вы вступили в партию ради...как это, таскать, выразиться...Даже слово-то сразу не подберешь...

– Для хохмы, – ответил я. – вступил для хохмочки. Все хохмят, а почему мне нельзя хохмить? Вы приняли в партию Сему с Зиночкой. Потом туда влезла Крыся. Сколько таких вот вы приняли. По всей стране не счесть. И вот эти все расхитители тоже в партии. А чем я хуже их? Анекдот? Он самый. Вот вам и хохмочка. Это со всеми ими вы собрались в коммунизм? Не смешите. Хохма. Вот вам и весь ответ. Так что и мне здесь место нашлось.

– Не надо нам его! – крикнул кто-то.

– Не надо, – слышались голоса. – С ним можно и на нары угодить.

Глаза у Дрожжина не метались. Он то и дело поправлял галстук. Лысина его побледнела, и на ней появились крупные капли

пота, похожие на бесцветные бусины. Какие они прозрачные, и так быстро появились.

– Зачем? – задумано спросил Дрожжин, и дрожащими пальцами расслабил галстук.

И я ответил:

– Чтобы напомнить вам, и таким, как вы, что я ещё не осознал и не перестроился так быстро, как вы. Мне нужно время, чтобы всё обдумать, и обмозговать, утряси. Мы вот тут кое-с кем решили сделать переворот... Взять и сместить Дрожжина...

– Перестраиваться можно по-разному, – говорил Дрожжин. – По-разному... Это. Как его... Как переворот? Что вы тут... всё ещё продолжаешь шутить? Вы не настоящий коммунист. Вы есть коммунист-анархист. И мы будем решать о вашем, таскать пребывания в партии... таких надо изолировать от общества.

– Давно пора! – крикнул Злыднев.

– А как вы? – спросил он у начальника участка и у прораба.

– Мы здесь новые. Конечно, если бригада настаивает, то с бригадиров его надо снимать. Мы подыскиваем бригадира... Но, с другими вопросами вы весьма перегнули палку. Они же с Полянским над вами смеются. И разную хохму вы принимаете серьезно. Разве так можно? Вы же умный человек. Насколько мы слышаны, Стрелов всегда боролся с расхитителями. И, значит, он стоит за социализм. Разве так можно, товарищ Дрожжин приписывать ему антипартийность? Мы в этом вопросе на его стороне. А вы, товарищ Дрожжин пошли с перебором. Мы многое, что о нем слышали. И он заслуживает уважения, как за прошлое, так и за настоящее. Даже если мы будем наставлять, чтобы он остался бригадиром, то теперь уж он сам не останется.

Дрожжин ещё сильнее выпрямился и громко кашлянул.

– Как это? Играть и хохмить? Но я никогда не шел с перебором. Я всё воспринимаю серьезно. И не люблю шутить. Всё должно быть ясно для партии. Никаких игр в партии не должно быть. Никаких игр. Стрелов и Полянский, вы у меня ещё доиграетесь!

Начальники только развели руками. А когда выходили, начальник участка Кукуев мне одобряюще подмигнул.

Все стали расходиться по рабочим местам. Мы с Васей взяли свой инструмент и вышли следом за рабочими. Теперь я не бригадир. Временно у нас будет бригадиром прораб Земцов.

ВСЁ СУЕТА И ИГРА

Состоялось партийное бюро стройки. Кроме многих вопросов, говорили и обо мне. Решили меня исключить из партии, и передать меня в какие-то органы. Пусть, мол, там основательно потрясут меня за то, что я опорочил руководителей стройки, и принимал участие в митинге против советской власти, агитировал молодежь на забастовку. Напомнили и разгром партийного кабинета, когда я туда ворвался пьяным, и будто я спаивал молодежь, развращал их запретными книгами и высказываниями против руководителей. Приписали, что я развалил передовую бригаду, которой на стройке первой присвоили высокое звание коммунистической. В то время во всех газетах были выступления против Ворошилова. Статьи были посвящены культу личности. На том собрании я оказался единственный коммунист, который сказал добрые слова о Ворошилове. Даже ходил по улице с портретом Ворошилова. После работы зашел в партийный кабинет и устроил там дебош. Меня связали и увезли в милицию. Вечером меня выпустили. Как я потом узнал, что всё для меня могло бы закончиться плачевно. Они уже собирались отправить меня в Иркутскую тюрьму. Но в это время на стройку приехали писатели: Франц Таурин, Александр Вампилов и Вячеслав Шугаев. И с ними были ещё какие-то журналисты. Они и защитили меня от расправы. Например, Таурин сказал, что для него это не новость. По всей стране идут волнения насчет Ворошилова, да ещё высокопоставленные товарищи. А тут, мол, какой-то плотник выступил, и вы уже, мол, напугались? Что он вам такого сделал? Но тех же товарищей не везут в каталажку!

В это время Лидию Ивановну вывели из всех общественных организаций, хотя она уже не работала. И странно было то, что ни слова не было сказано о тех расхитителях.

Лидия Ивановна была вынуждена уехать в свой родной Иркутск, в свою маленькую квартиру в коммуналке. Здесь были голые стены, но зато много книг и журналов, ведерный самовар для гостей, старенький топчан и несколько раскладушек. И там, как и у нас, не было замка в двери. Заходи любой. Что там взять? Можно свободно зайти, заварить свежий чай. И можно всё это делать без хозяйки. В это время она металась по вокзалу, аэропорту. Как и в нашем городе, она подбирала бродяжек и приводила в свою комнатку. Отогревала их, обстирывала, покупала одежду и укладывала спать на раскладушку. Она никогда не ночевала одна. В Иркутске она заведовала опорным пунктом. В те времена, журналисты, писатели, историки наперебой писали о ней статьи, очерки, книги... И я имел право думать, что настоящим коммунистом должен быть именно такой человек, как Лидия Ивановна Тамм. Она была для меня первым жизненным учителем, и всем говорил, что она для меня вторая мать. Именно она дала мне путевку в ту жизнь, которая идет за мной до самой старости. В будущем ей присвоят высокое звание – Почетный Гражданин города Иркутска. А у нас она получала одни нарекания, а тут ещё взяли и уволили. Заставили убраться куда подальше.

Как-то перед её отъездом я сказал:

– Лидия Ивановна, а мы с вами делали одно дело. Вы подбирали бродяжек и помогали бедным и обиженным руководителями. Я тоже стоял на защите таких людей и помогал им. Меня за это судили. Судили за тех, с которыми мы с вами боролись. А ведь они готовы нас посадить в тюрьму и сослать на зону.. Разница одна – я нарушал закон. Тогда я не знал других путей. В те времена считал себя правым. Но того Стрелова я не осуждаю.

Хорошо поговорили. Но, я остался при своем мнении.

Тогда она разнервничалась, и стала доказывать, что и в то время был не прав.

В моей бригаде решили со мной поступить «по-человечески». Решили меня просто выгнать из бригады, чтобы других не «заражал» политикой. Опять собрали людей, и опять держал речь Дрожжин.

– В то время, когда наша страна напряглась в едином порыве к светлому будущему, есть отдельные отпрыски, присосавшиеся к здоровому телу социализма, и мешающие идти к светлым вершинам коммунизма. Они мешают нам подойти к этим вершинам. Но не им, таскать, решать этот жгучий вопрос – быть социализму и переходу к коммунизму – или не быть? Быть! И, таскать, происки их не увенчались успехом. Их, сторонников старого режима, бьют везде. И мы, таскать, по возможности бьем. И надо бить! Беспощадно бить! Они мешают честным людям, труженикам-коммунистам на нашей ударной стройке, таскать, нормально жить и творить...

– Хватит концерта! – встал Вася Полянский. – Это всё суета и игра! Заигрались все! Уезжаю в Иркутск к Лидии Ивановне! Всё.

Он саданул дверь пинком и вышел. Ночью он уехал. Я провожал его. Мы обнялись и больше никогда не встретились.

В это время, когда Вася пинал дверь, Дрожжин промакнул лысину огромным носовым платочком в клеточку и сказал:

– Мешают работать... Надо же, перебил сквозную мысль. На чем же я остановился? Так...Мы решили поставить вопрос ребром. Что? Ну, и пусть уезжает! Езжай, езжай! Все вы такие. Светлее будет без вас вот таких врагов народа!

– Не все такие, – ответил я.

– Как только начинаем ставить жгучий вопрос. Что? Как это не все? Когда вы это самое того... Можете, таскать такое отмотить! Итак, товарищи! Дорогие мои товарищи, что будем делать со Стреловым? Вам решать.

Кто-то пробурчал:

– Без нас давно всё решили. Игруны чёртовы...

– Давайте нам в бригаиры Федю. Шульгина, – сказал Федя Злыднев.

Я знал, что жена у Феди Шульгина работала секретаршей в конторе. А что такое контора я давно знал. Они все смотрят в рот начальству. Что скажет благодетелем, так всё правильно. И она была подругой одной из заведующих садиком. Ах, рабочие...Их дети ходили в тот детский сад, где творились безобразия. Они молчали, а некоторые ехидно улыбались. Попался, мол,

правдолюбец! Ату его, каналью! И все проголосовали за снятия меня с должности комплексной бригады. Тем более, мне грозила политическая статья. А кто против пойдет? Пошел один. И вот результат.

– Иди, вкалывай! Накомандовал, – хихикнул Злыднев. – Выступались со своей старухой...

Выступления были. А как же. Так уж было положено в те времена.

Эти выступления были такие. Надо бы записать. А как же. В их бригаде работал враг народа.

– Пусть из бригады уходит.

– Да какой он коммунист?! Настоящий анархист!

– Он недавно в милиции побывал!

– Коммунисты одеколон не пьют!

– Не понимаю, как такого в коммунистах держат!

– Один коммунист в бригаде и такого натворил! Стыд!

– Все они, эти коммунисты такие!

– Никаво у нас ему здесь-ка делать!

– Получил? – продолжал хихикать Злыднев.

– Мужики, – сказал я. – Ну, выгнали, ну выгнали с бригадиров, а что ещё мне присобачивать? Зачем? От этого вам легче будет? Я же вам говорю, что вы все правы. Все правы. Что ещё вам надо? Зачем ещё и оскорблять человека? Вы же ещё не знаете, чем всё это дело по садам завершится. Потом, что вы будете говорить? Как всегда молчать? Вот на это вы мастера. Ухожу я от вас. Так зачем напоминать. Или показать себя перед начальством, какие вы хорошие и справедливые. Это называется одним словом – коллективный подхалимаж. И что вам это даст? Лишний рубль? Так его надо заработать трудом. А что вам вот этот концерт даст? Ничего. Так зачем напоследок оскорблять человека?

Надо искать работу.

Когда выходили из будки, Володя Воронов, чтобы никто не видел и не слышал, прошептал:

– Извини меня. Я как все. Душой я тебя понимаю и поддерживаю. Я недавно женился. У меня маленький ребенок. Если я

за тебя что-то скажу, то мне худо будет. Ты уж извини меня. Такие уж мы люди. Ты вот другой. Видимо, уродился такой...

Зачем мне обижаться на рабочих? Им плевать на мои переживания. Им нужен бригадир, который бы думал только о бригаде. А я оказался неспособным к такому делу. Я бездарный руководитель. Ну, нет, у меня таланта руководить людьми. Так мне и надо. А что же мне надо? Не знаю.

Как положено, мне разрешили отработать месяц, и чтобы я убирался из бригады. Бригадир меня поставил убирать мусор и подвозить разный строительный материал. На самые грязные работы меня назначали. Плотницкую работу мне не доверяли, хотя у меня и был высокий разряд. Но я молчал. Надо отработать месяц, а там видно будет. Везде требовались рабочие.

Меня вызвали к начальнику стройки. Секретарша всегда здоровалась со мной, а тут отвернулась. Глупо. Зря.

Матвей Исаакович сначала побледнел, а потом ногтем сделал движение по столу, как бы давя вошь.

– Вот так вас. Твою наставницу вытурили. И чтобы ты припухал. И эти писатели, бумагомаратели туда же – защищать. Все вы одним миром мазаны. Я не хочу, чтобы на моем дворе пахло политикой. Не выйдет. Даже если мы не правы, мы всегда правы. За нас партия и милиция. Решили нас уничтожить? А что вышло? Вы – погорели! Вы – одиноки! Все против вас. Мы победили. Мне передали, что ты был ещё и вором? Так ты ещё и вор, кроме всего этого!

– Я никогда не был вором в прямом смысле этого слова. Это ваша кодла – мелкие воришки. Воры. Они с государства тянут из народа. А я был дворником. Мусор с дороги убирал. Чистил дорогу к будущему светлomu. Рано бросил. А вот сейчас в одной партии с вами. Нешто не любопытно?

– Во-он! – даже слишком тихо сказал начальник, и дрожащими пальцами расслабил галстук. Начальник затрясся, да как закричит, – Вон, паршивец! Босяк! Вон! По тебе тюрьма плачет! Вон!

Выскочил из горячего кабинета. Пошел домой.

Странно устроен мир. Всё в нем перевернуто. Один товарищ, бывший член бюро комитета комсомола, сказал:

– Ты прав. Но куда бы я пошел? Сомнут. У меня маленькие... Если в Италии действует мафия, то у нас тоже мафия, но партийная. И мы молчим. А говорим, что у нас нет мафии. У нас она пострашнее. Я – пас. У меня семья. Слышал, что в нашем краю будет организовываться КГБ. А с этой компанией не желаю иметь дело. Со мной всё. Прощай.

У меня тоже семья. Почему мы все разные в таких сложных делах. Ответа не находил.

Людмила сидела за уроками, а я подошел к любимому окну. Нажраться? Но с кем? Да и желания не было. Съездить куда-нибудь? Надо подумать.

Всё странно. Следствие работало по детским садам, а начальство плевало на следствие. Наш следователь Шмидт Таршинаев, который и начал это дело раскручивать, был, как говорится, прищучен областной прокуратурой. И Таршинаев уехал в свою родную Бурятию. С хорошим человеком расправились. Дальнейшую судьбу его не знаю.

В окне что-то светилось, искрилось, шелестело, похожее на чей-то шепот. Сквозь огоньки пробивался чей-то взгляд. Господи! Как редко я стал сидеть у окна. Тоже боязнь? Или что? Мол, узнают люди, что разговаривал с окном – засмеют. У нас не любят что-то подобное. У нас люди бдят.

Вот он взгляд приблизился. И я узнал деда из деревни Коршуниха.

– Ну, что, братец, туго приходится? – спросил он.

– Бывало и хуже

– Там другое дело. Нельзя равнять то дело с вот этими делами.

– Все они одинаковые.

– Не скажи. Разные. Сейчас работает твоя психология. Там была твоя романтика.

– А здесь тогда что?

– Здесь есть твоя настоящая жизнь. Такова твоя судьба. Я тебе уже как-то говорил, что это жизнь твоя – судьба твоя. Это и есть настоящая жизнь. А ты воспринимай всё это за хорошую игру. Ведь они все играют, а почему тебе не поиграть с ними. Или ты забыл свою заповедь? Не надо забывать. Это твоя жизнь и судьба-

ба твоя. Мы с тобой ещё поговорим. Тебе надо выспаться хорошо. Сон твой будет крепкий и добрый. Всего хорошего тебе.

Оказывается, я уснул у окна. Вот это сон! Надо лечь, как приказал дед – хорошо выспаться.

В последнем номере районной газеты «Илимский партизан», которая выходила в районном центре в Нижнеилимске, появился фельетон обо мне. Написал его сам редактор Иван Георгиевич Самодуров. Такая у него была фамилия. Мужик он добрый. Мои материалы всегда печатал. А тут вот фельетон написал. На это была причина. И я на него не обиделся. Всё по порядку. В этом фельетоне меня разнесли в пух и в прах. Мол, этот Стрелов защитник культа личности, стоит на стороне врагов советской власти. Дело в том, что в то время я был редактором стенной газеты в СМУ Жилстрой. Ну, например, в одном из номеров было шесть заметок. Три из них я сам написал, но под псевдонимом. Но редактор усмотрел в этом культ Стрелова. В это время шла очередная волна по стране по выявлению культа личности. Даже одного токаря называли культом, так как кроме своей работы прирабатывал вечерами сантехником в школе. Ни одного руководителя не упомянули. Так что в нашем Нижнеилимском районе мне первому попало за культ личности. И вообще это был первый критический материал про меня. Потом их будет множество. Будут и статьи и фельетоны и даже рисунки. Было указание райкома партии для районной газеты, найти и разоблачить культ личности. Самодуров упирался не печатать никаких материалов по этому вопросу, но райком настоял. Тем более Самодуров был коммунистом. Мы, пишущая братия все уважали нашего редактора. Порой он просил меня, чтобы я что-нибудь написал от души, даже приходил ко мне домой и давал мне задание. Он знал, что я никогда не откажусь. Я тогда не работал в газете, просто был нештатным корреспондентом. И я никогда не подводил его.

Возможно, нужен был герой для культа, партия требовала. А он рядом. И его нашли. Стрелов. Вроде свой парень в доску, и не обидчивый. Вроде сразу во мне возникла обида, а к вечеру утихла. Значит, так надо. Уважение к Самодурову вытеснила обиду.

Я получил очередной партийный выговор.

Меня попросил зайти в постройком стройки председатель Василий Егорович Сизых. Бывший учитель, фронтовик, кстати, коммунист. Это был первый секретарь парткома на стройке. Потом его перевели в постройком. Вот ещё один человек, которого я уважал. Были руководители-коммунисты и хорошие люди. Не всех я собрался описывать в отрицательном виде. А то мне многие говорили, что у меня болезнь – критиковать всех руководителей. Неправда. Матвейчук и прораб Дворовенко тоже были коммунистами. Это были честные коммунисты.

Сизых долго разглядывал меня, будто видел впервые.

– Удивляюсь тебе. Ты почему никогда ко мне не зайдешь? Мне плевать на них. Ты – это ты. Молодец. Мы с Матвейчуком разговаривали о тебе. Он ушел в управление комбината. Он сказал, чтобы ты обратился к нему. Насчет тебя он звонил в управления Коршуновстроя, но там его не стали слушать. У тебя большая жена. Мы решили дать тебе квартиру. Не спорь. Для твоей дочки вырешили место в детский сад, но ты отдал другому. Почему отдаешь? Очередную квартиру отдал. У них и дед и бабка есть, и муж и жена здоровые. А ты один. В зимовье жил. Не я тогда в постройкоме был. Я бы тебя оттуда волоком бы доставил в новую квартиру. Кто всё это заметил и оценил? Никто. Им всем наплевать на тебя. Они все в благоустроенных квартирах и коттеджах живут. Тебе была выделена новая квартира, а ты её отдал участнику войны. Потом ты добился квартиры для молодоженов. Они оценили твой поступок? Нет. Наоборот. Они выступили против тебя. И ещё вопрос. Тебе выделяли коттедж. Почему отказался? Хотя, что я говорю... Я бы тоже не пошел... Хотели тебя заткнуть... Бери ключи от новой квартиры в новом доме. И не спорь!

Он протянул мне ключи.

– Пригласил бы на новоселье. А твою развалюху под бульдозер. Там нельзя жить. Будем на этом месте строить коттедж. Если пожелаешь... Но скажу так. Если захочешь, то строй его сам. Весь материал для коттеджа за счет стройки.

– Не смейся, – ответил я. – Глаза продырявят. Скажут – по благу. А это я не люблю. Я живу по старым законам. Вам этого не понять. Вот он мой закон. Не верь. Не бойся. Не проси.

– Какой же это блат! С фундамента начнешь строить! С фундамента! Сам!

Вошла женщина с ребенком. Громко плакала.

– Начальник направил к вам. Чо мне делать? Надоело с двумя ребятишками жить в подвале. Помогите! Дали тем, кто после меня приехал на стройку. Как так можно? Начальнику говорить бесполезно. Он своих снабжает. Катьке дали, а мне нет. Ну, правильно. Она же партийная. Ей всё можно. Вот возьму и вступлю в партию! Давайте квартиру!

Василий Егорович быстро встал и подошел ко мне.

– подождите, подождите, женщина. Я сей момент... Юра, а ты иди. Мы здесь без тебя разберемся...

– А я послушаю, – ответил я.

– Пойми, Юра. Приедет жена, и я буду виноват. А ей нельзя в этой развалюхе жить. Тебе выделили. Она твоя. В твоих законных давно живут другие семьи. Будь хоть раз человеком! Хоть раз! Пожалей не только себя! Иди, иди...

Он начал выталкивать меня из кабинета.

– Катьке так без очереди дали! – кричала женщина. – Приведу ишо одного рябенка! И у вас здесь поселюсь! Мне жить негде! А муж уехал! Бросил нас... А вы не люди...

– Люди тут, люди, да ещё какие люди! – крикнул Сизых.

Я вырвался из цепких рук председателя и подошел к женщине. Ключи протянул ей.

– Возьмите. Они ваши.

– Чо? Сразу нашлись? Вы все здесь такие! Совесть потеряли! Вы очень бессовестный народ! Пока не накричишь на вас вы не с места!. Што покраснел так? Стыдно стало? У тебя, парень стыда нет! Всё для себя...

– Так будет по справедливости, – сказал председателю. – Оформляй ей квартиру...

Вышел из кабинета, но услышал слова председателя.

– Ты хоть знаешь, кто это? Кричишь тут о совести! Ты иди к начальнику стройки и кричи там о совести. Сейчас я тебе объясню, кого ты оскорбила.

Кстати, этой даме плевать на меня. Она тоже подписала заявление против меня в защиту команды Егорова. Психология человека, сложная штука.

Конечно, дома будет скандал. Приедет Шура и всё узнает от баб, которые называли меня простофилей. Теперь о Сизых. Он так и остался жить в щитовом домике. Уйдя на пенсию, оборудовал его и продолжал топить печь.

Через месяц, когда пришло время, уйти со стройки, Сизых добился того, чтобы мне выделили квартиру в две комнаты. Странно было то, что все члены построикома были за то, чтобы мне выделили квартиру. Отчего бы это?

Поселился в новый дом. До этого дня работал разнорабочим. В бригаде я уже не числился. Куда только меня не отправляли. Терпел. У меня больная жена. А ещё надо было одевать дочь, чтобы она выглядела не хуже других. Она была уже подросток и понимала меня. Денег не хватало. Был в полном отчаянии. Жили впроголодь. Скажу я вам, дорогой читатель, наша партия была жестока к таким беспокойным людям, как я. Мы действительно жили в настоящей зоне. Не верьте тем людям, кто продолжает до самой старости воспевать то время. Просто надо было быть хитрым и угодливым подхалимом. Только и всего. Но я не мог быть таким. Мне хотелось жить так, как просто хотелось жить, как я жил.

Тогда я брал отгулы и ехал в Иркутск. Там я находил таких же товарищей по несчастью, а таких, оказывается, в стране тоже было много. И мы, по моей просьбе, устраивали маленькие концерты на вокзале, на рынке. Подбирал таких бродяжек, чтобы у кого-то был какой-нибудь инструмент. Они играли, а я отбивал чечетку. Пели какие-нибудь частушки или песни. Это был у меня побочный заработок. Разве мог серьезный товарищ, к тому же коммунист, пойти на такое? А я вот такое себе позволял. Както надо было выживать. Конечно, если бы узнали про это наши местные товарищи из партии, то не знаю, чтобы со мной сделали. А я вот себе такое позволял. Обошлось. Имею ли я право судить того Стрелова, который устраивал уличные концерты? Я его оправдываю. Он был прав. Такова была его жизнь и судьба.

А ещё я успевал писать по два письма в день Шура. Её так нужна была моя поддержка.

Приехала Шура, и мы стали жить дружно. Лечение оказалось удачным. Вот только от тех лекарств посадили сердце... Но, нашу любовь с ней пока ничего не омрачало.

И всё-таки мы с Лидией Ивановной были правы. Следствие по нашему делу закончено. Заместителя прокурора области сняли с должности. К нам приехали корреспонденты и киношники из Иркутска и Москвы. Они снимали фильм о расхитителях на товарищеском суде. Этот суд устроили показательным. Здесь хорошо потрудились кинооператор Восточно-Сибирской кинохроники Петров. Он сделал фильм полнометражным. Тот фильм прошел по всей стране.

Спортивный зал был забит битком. Лидия Ивановна приехала на этот суд. Не стала выступать, а выступление доверила мне.

Народ зауважал нас, вернулись убежавшие от нас, товарищи. Вот почему промолчали члены построикома, они уже всё знали. Вот где двуличность? Как можно так жить? Как? А вот они так вот и жили и продолжают жить. Они ещё мне кое-что покажут! Просто затаились. Это они умеют делать. О том случае писали во многих газетах, говорили по радио. А наше местное радио было разгромлено. А молодые товарищи вновь созданного радио «Полюс» скромно умолчали.

Процесс выигран, как говорится, большой кровью. И какой ценой!

Прокуратура области запретила продолжать следствие, и так, мол, прославились на всю страну. Прошел товарищеский суд. А ещё дело передали в партком стройки. Секретарь парткома собрал бюро. Вот где было шуму! Получил партийный выговор и начальник стройки, и ещё ряд товарищей за гонение на общественников радио. Нас полностью оправдали. Но исподтишка борьба с нами будет продолжена. Руководители-коммунисты такое не прощают.

Рядовые коммунисты, которые поддерживали руководителей, и требовали с нами расправиться, теперь пошли в нашу защиту. Но я им не верил. Так быстро перекраситься? В недалеком

будущем они ещё покажут себя, да и не раз. То будут яро критиковать меня, то будут защищать. Какие-то они непотопляемые.

Было удивительно то, что объявления, чтобы люди пришли на товарищеский суд – срывали, и именно рабочие. Опять рабочие. Им давали по бутылке водки за эту операцию. Поймал одного любителя выпить, а у него дочь ходила в тот садик, где обосновались расхитители. Он юлил, прятал глаза. Водка дороже дочери. Я всю жизнь удивлялся таким продажным рабочим. Но ведь я тоже рабочий, тогда почему я другой?

А одну заведующую уволили, и чтобы она покинула наш поселок в течение 24 часов. В ночное время она устраивала гулянки и разврат в своем садике. Она тоже была коммунисткой, и на собраниях всех больше кричала о честности и благородстве советской женщины. Полный парадокс!

УШЛА В ВЕЧНОСТЬ

Продолжал работать разнорабочим, грузчиком.

У нас родился сын Евгений. Люда штурмовала десятый класс.

Решил податься в механизаторы. Поступил на курсы машинистов экскаватора. Надоело быть разнорабочим. Как говорится, был везде для начальства затычкой на самые грязные работы. Свой прокол с нами они не могли простить. А дома было хорошо. Женька бегал по комнате. Людмила готовилась к экзаменам. Шура что-то шила, а я читал книгу за книгой. Пополнял свой багаж образования. Писал по заказу и на свободную тему: статьи, очерки, зарисовки, фельетоны. Мои материалы печатали в областных и центральных газетах. Даже был отправлен в Москву на всесоюзный слет молодых авторов, единственный пишущий товарищ, да ещё рабочий, не работающий в газете.

Тогда ещё не знал, что горе уже торчало у порога. Не знал! Господи!

Шура стала задыхаться, и пила какие-то лекарства. Кроме туберкулеза у неё здесь признавали астму. А в Иркутске сказали, что у нас её не от той болезни лечили. И залечили... В Иркут-

ске ей предложили сделать операцию на сердце. Должна была ехать.

Однажды, за месяц до смерти, странно посмотрела на меня и мучительно улыбнулась.

– Я ещё в девках тебя во сне видела... Как наяву видела... Во-рожили мы. Вот тогда ты мне и приснился. А ведь я тогда тебя и не знала. В том сне...Я долго не задержусь на этом свете...Ты останешься один с двумя детьми. Во сне мне так сказали...

– Не думай об этом. Ты вылечишься.

– Подожди. Понимаешь хоть, если всё по сну сойдется, то все есть...Другой мир есть... В будущем побывала, когда ходила в девках. Что это? А недавно видела сон, когда ты у меня ещё в детстве украл черемшу.

– Стоп, Шура! Но и я такой сон видел! Тогда что это? Непонятка.

Обнял её, и почувствовал, что сейчас заплачу. Я понял, что она прощалась со мной.

– Обидно. У нас такой маленький сын, – говорила она.

Порой у нас с ней были разговоры о литературе, философии, истории, да мало ли о чем можно говорить, если любишь человека. Мы никогда не заводили разговоры о деньгах, дачах, накопительстве. В этом вопросе мы с ней были одинаковы. Она была со мной, но чувствовал, что она всё больше отдалялась от меня. И была уже не со мной. Непонятная доселе тревога вкралась в мою душу. Когда Шура отводила от меня взгляд, он был отрешенным, словно она куда-то улетала. В последние дни она была очень спокойной...

– У меня такой маленький сын, – повторила она.

– После операции знаешь как живут! Обязана жить.

– На роду так написано.... Похорони меня на родине, в поселке Мишелевка. Там мы с тобой встретились...

Она ушла в вечность. Её похоронили в селе Мишелевка, рядом с сосновым бором. Из десяти братьев и сестер она умерла первой. И было ей всего 39 лет. Она навсегда ушла от меня.

Людмила уехала учиться, потом вышла замуж. А я остался с Женькой.

Из разнорабочих ушел. Сказали, что такие разнорабочие и на стройке не нужны. ..

А МОЖЕТ В БРОДЯГИ УЙТИ? ЗНАКОМО...

Вчера отметил день смерти Шуры. Приглашал знакомых. Потом пошел их провожать. В общем, выпили хорошо. А теперь вот надо приходиться в чувство. Через два дня надо идти на новую работу. После курсов механизаторов меня определили помощником на экскаватор. Но из меня механизатора не получилось. Не переносил крика женщин, рев и скрежет механизмов. Да и не было желания на такую работу. Хоть уши затыкай... Зачем такое издевательство терпеть над организмом?

– Зачем тебе мучить механизм и себя, – сказал мне машинист экскаватора. Володя Божиков. И пошел я в мехмастерскую крутить гайки на бочках, убирать мусор в гараже. Потом писал плакаты, что-то надо было рисовать и переписывать. Даже доверили выпускать стенгазету. Потом определили на бульдозер. Не получилось. Садил на разные механизмы... А толку? Больше я ни на что не был годен и не способен. Механизатор на громкоподобных механизмах из меня не получился. Кем только я не работал.

Да, а после того, как я ушел со стройки и нигде не работал, то взял Женьку и поехал в Мишелевку. Потом махнули в Макарьево, где жили мои родственники по бабушке. Цыганка тетя Груня была ещё жива. Она вспомнила меня. В это время она собиралась путешествовать от Иркутска до Москвы. И мы с ними поехали. Женька смешался с черноголовыми пацанами, и ему с ними было весело. Мы ходили по вагонам, останавливались на больших станциях, жили в вокзалах, на берегах рек... Взрослые мужики в этом таборе ничего не делали, только подсчитывали денежки. Старший в таборе баро, дядя Коля сказал:

– Приглядывайся ко всему. Учись. У тебя есть в тебе наша кровь. И станешь ты настоящим ромом. Женим тебя на цыганке, и будут у тебя маленькие цыганята. И твой сын похож на цыганенка. Мать-то у него была наша. Он тоже наш будет.

Я влился в толпу молодых цыган и цыганок и ходил с ними по вагонам, вокзалам, домам...Продавал какие-то цветастые плавки, галстуки с обнаженными девками, а то играл на гитаре, и пел разные дворовые песни, стучал чечетку, работал с кнутом. Были удачные моменты, когда применил свой опыт карманного щипача.

Мне было с ними очень хорошо. И ещё я понимал, что всё это не моё. В этих путешествиях ради торговли, воровства, пляски и песен, то можно вскоре и отупеть. Ведь я с ними перестал читать книги...

Это произошло на берегу Енисея. Мы ждали пароход, чтобы попасть в Красноярск.

Я сидел на берегу древней и мощной реки и решал, что мне делать дальше. Это был сон или просто видение, но рядом со мной присел дед из деревни Коршуниха. Как он сюда попал?

– Ну, что, дружок? Влип по самые уши. А ведь ты человек партийный. То, что ты туда пролез, мне известно. Вот это всё не твоя жизнь и не твоя судьба. Не позорься. Подумай хорошо. Тебе надо возвращаться домой. Здесь ты совсем пропадешь. Сына хочешь погубить? Возвращайся. Это я тебе говорю. На этот раз у тебя будет работа по тебе. Понемногу всё у тебя наладится. Чудное время тебя на этой работе ждет.

И он тут же исчез. Я промыл лицо холодной водой. Ну и сон! Кто же этот дед, подумал я. И всё-таки, чудные сны мне снятся. Скажи кому – засмеют.

Мы вернулись домой.

Так что через два дня мне надо выходить на новую работу. Устроил меня на дизель электрический кран наш механик Мишарев.

– Жалко мне тебя стало. Громкие механизмы не нравятся. А что тебе нравится? Как я посмотрю, ты ещё не нашел себя, а пора бы уж и определиться.

Конечно, начальник мог меня и не принять, но он был переведен в Братск, и поэтому решил что-то хорошее сделать для меня

– Там, где ты работал – звонили, – и он засмеялся. – У нас по любому поводу любят звонить. Говорят, что ты работаешь чест-

но, от души, но без желания. И у нас ты работал на всех механизмах. Насчет работы не было упреков. Ты честно работал, но без огонька и желания. Только себя мучил. Я тебя понимаю. Звонят твои недруги. Не забыли твои выступления по радио. Здорово ты их достал. Молодец! Но...если бы я не уезжал в Братск, то не принял бы тебя.... Будь как все. Это же так просто...

Он не знал, что механик, к которому меня направили муж одной из заведующих садиком. Он мне устроит веселую жизнь. Оказывается бывший начальник и это предусмотрел. Он передал меня другому механику – Мишареву.

Итак, после вчерашнего дня я сильно страдал. Болело всё. Пошарился по квартире, и опустился рядом с диваном, на котором спал Женька.

– А может в бродяги уйти? Знакомо, – проворчал я.

Встал, и боль усилилась в голове и в желудке. Пошел на кухню. На кухонном столе, после вчерашнего, грязная посуда, остатки пищи, бегающие тараканы. Что они ищут, когда вон сколько еды.

– Кыш, тунеядцы! Так...Бутылки пустые...А вдруг...

Обнаружил компот в кастрюле. Компот холодный и утолил жажду. Надо прибраться. Начал с того, что собрал бутылки, заглянул под стол. Насчитал десять пустых бутылок. Почему-то торопился и накалялся злостью. Кто-то набросал окурки на клеенку. На этом месте образовались темно-коричневые пятна. Окурки лежали в тарелке с капустой и в стакане.

– В пепельницу не могли попасть...

Поставил последнюю бутылку с другими и посмотрел на будильник.

– Шесть утра, – проворчал я. – Ничего не оставили. Падлы...

Оглядел пустые бутылки, расхотел прибраться. Бесцельно потолкался на кухне, заглянул в кастрюлю с отжатым компотом и подошел к окну. Сел на табурет. Надо посидеть и обдумать, что делать дальше, что, всё-таки, произошло? За окном серенький рассвет. Когда-то из щитового домика мы переехали в этот дом. Прихватил раму с цельным стеклом. На четвертое место перебралось стекло. Барак, щитовой домик, деревянный дом и

теперь вот этот каменный дом. Родные рамы я выставял, а ставил свою бедолагу без форточек и разных перемычек. Просто цельное стекло. Тут-то всё и началось. У нас ведь не любят, если что-то не так. У нас бдят. И в тех домах я постоянно отстаивал право на свою раму. Прибежала домоуправша и стала топтать ногами и кричать. Мол, если все вздумают делать окна, какие кому вздумается, это будет не город, а полная анархия. Дома должны походить друг на друга и ничего лишнего. А я сказал, что кто такое придумал, тот болван. С ней чуть не приключился удар. И ещё, в городе никто такие рамы не ставил. А ещё добавил, что оно мне нужно.

– Всем нужно! – закричала она.

Собрала комиссию. Люди стояли на улице, кричали и показывали на моё окно. Интересно было смотреть на толпу серьезных людей. Но я не верил в их серьезность. Я вообще не верил в серьезных людей. Это всё напускное. По складу характера и внутреннего мира человек по природе своей – артист. Я ведь тоже играю. Играю с людьми и с самим собой. А почему они не могут так играть? Играют. Я тоже могу хмуриться. И в мою хмурость надо верить? Это смешно. Если я играючи хмурюсь, и они все хмурятся, так это серьезно? Дудки! Не верю! Все мы играем. Вот мой ответ. Вот в этот момент, когда они хмурились и кричали, как будто у них нет другой работы, как только смотреть на моё окно, и решать, что делать с этим беспокойным товарищем?

Моя соседка, толстуха Агаша заступилась за меня.

– Оотстали бы от него, И пошто вы все такие злые?

– А, и ты туда же! – закричала комендатша. – Знаю, знаю, что ты так? И не стыдно тебе? Ты давай не тово! Ты одинокая, и некаво заступаться за женатика!

В то время Шура лежала в больнице. Агаша скрылась в толпе.

– Судить фулигана! – кричала домоуправша, и её тонкая и прямая фигура возвышалась над всеми. – Судить лихоимца! Он так всех мне людей, всех фатиросемщиков заразит анархией! Нет, такова права, делать не так как все! Не положено!

Люди зашумели особенно двое.

– Надо вызвать милицию! Где милиция? Где она? – зашумела женщина в соболиной шапке и с таким же воротником. – Развел здесь анархию! Все люди, как люди, готовятся ко встрече седьмого ноября, а он, смотрите, как встречает! Отличиться хочет! Кто тебе позволил быть не как все?

– А он враг советской власти! Враг народа! Я его знаю, – прогудел здоровенный мужчина с портфелем и в форме машиниста тепловоза.

Пришел участковый и общими усилиями сняли мою раму, и всунули прежнюю раму.

Через два дня я снова поставил свою раму и снова крик. Кричали одни и те же. Опять пришел участковый. Составили протокол. Старую раму вернули на место. Мою хотели унести, но я унес её в спальную

Домоуправша в ярости разбежалась и пнула в середину стекла своей сорокапятиразмерной туфлей. Стекло неожиданно с пружинило, но не разбилось. Крикуша отскочила. Участковый отложил ручку, встал и подошел к раме. Легонько постучал по стеклу, хмыкнул, сдвинул брови.

– Странно. Не пойму. А должно быть всё ясно. Как на духу. Всё должно быть понятно. Непробиваемое? Зачем? С какой целью? – подозрительно спросил он. Все притихли, насторожились... Мало что...

– Оно обыкновенное. Просто толстое, – ответил я. – Нравится оно мне. Я его с палаток таскаю за собой...

– Зачем? С какой целью? – задушено спросил машинист. – Никто не таскает... А ты у нас особенный?

– Он гипназер, – тихо добавила домоуправша.

Участковый посмотрел на ногу крикуши, на её туфлю и ещё раз, но уже сильнее постучал по стеклу. Прислушался. Обошел комнату, оглядел стены, зачем-то постучал по зеркалу, погладил его.

– Удивительно. Но всё равно. Нельзя. Нехорошо. Ладно я такой, а другой и может пострже быть... Могут и заняться... Какая цель, спросят... Я – другой. Я – добрый... Но, всё равно... Нельзя... Нехорошо...

Он сел писать протокол. Да, те, что всех больше кричали, жили недалеко от меня. Которая в соболях – всегда и везде кричала. А что ей кричать? У неё самая большая библиотека, машина. Сын учится в институте. Муж работал начальником. Правда, он уже почти на пенсии. Надо бы этой даме сердиться на себя. Молодая ещё, а муж уже старый. Ещё Нинка, сестра Руди говорила, что если муж не удовлетворяет жену, она становится злой и капризной. Такова их природа. Ну а мужик с портфелем тоже живет богато. Всё у него есть. Его женушка каждый год ездит по Домам отдыха. Перед тем, как ехать, время такое наступило, она бывает туча тучей. А когда возвращается из Дома отдыха, веселая бывает, общительная, удовлетворенная. Домоуправше положено кричать по должности. Может, оттого, что она одинокая. Мужики обегали её сухую фигуру. Иногда я думал, что домоуправы, проходят специальные курсы по голосовым связкам.

Через неделю я снова поставил свою раму. Словно какая-то неведомая сила заставляла меня это делать. Меня оштрафовали на десять рублей. Пришлось мне её прятать под кровать.

Плотники поставили свою бедолагу. Потом я снова нарушил покой крикуши. И снова оштрафовали... Свою раму прятал на чердаке.

Всё кончилось просто. Какой-то заезжий мужичок, маленький, рыженький и плюгавенький, полубич, грязный, заросший всё это дело прекратил. И надо же, столько людей занималось пустяком из-за какой-то взбалмошной дамы. Видите ли, её лишние и неистраченные чувства одиночества переполняли её, и их некуда было девать. А люди причём? Успокоилась она из-за того, что какой-то затрёпаный мужичок клюнул на её плоскую фигуру. Вот такие они бывают одинокие женщины. В таком деле права была Нинка.

Крикуны стали обходить меня. В судах моё дело закрыли. Соседи успокоились, и всё забыли. В часы одиночества, когда Женька спал, сидел у окна и читал, читал и читал... Мне было хорошо сидеть у окна. У каждого человека есть любимое место, свой уголок, как у кошки свои квадраты для отдыха. Мой квадрат – окно. У нас нельзя делать то, что не делают все. Навострят

уши, засмеют. У меня было такое ощущение, будто мы жили в огромной зоне, и из неё не было выхода.

Вот подошло время, и домоуправша придралась ещё к одной семье. Они решили установить рамы на балконе. Потом многие стали так делать, и даже стали строить дома с закрытыми лоджиями. Это будет потом.

– Нельзя! Не положено! Вы мне всех фатиросемщиков зарадите анархией! Не позволю быть не как все!

Отбыл положенный срок у этой дамы, мужичок скрылся.

И вот сейчас, в окне, увидел свою рожу... взлохмаченный и сам себе противный. Отвернулся. Там, в окне, мне ничего не хмурилось и не улыбалось. Но, чувствовал, что-то изменилось в нем. Может что-то появится или приснится.

– Па, ты здесь? Я болею. Тетя Агаша мерила меня.

Выбрался в зал. Из-под одеяла чернели огромные глаза, и белел большой лоб. Как-то само собой получилось, что я стал бегать и суетиться. Подбирал разбросанные вещи, игрушки. Мне очень не хотелось, чтобы сейчас заговорил Женька. Наверное, все мужики такие на следующий день, когда их расспрашивают о вчерашнем дне, и если вчерашнее было неприятное, и если про это спрашивают дети.

– Па, я болею. У меня болит голова. Я хочу компоту. Приходила тетя Агаша и сварила компот. Я компоту хочу...

– Зачем приходила эта толстопузая? Сейчас разнесет по соседям...

Застонал от злости. Опустился на пол рядом с диваном и уткнулся в шею сына. От него несло теплом и пахло почему-то компотом.

– Пойми, Женька, я твой отец, а они все чужие. Я хороший?

– Хороший. Но я компоту хочу.

– Я Женька, тоже болею, и, причем тут твой глупый компот? А тетя Агаша не толстопузая, а просто у неё большой живот от того, что она много компоту пьет. Вот живот и вырос... И она хорошая...

– Она хорошая, но я компоту хочу.

– Пойми, Женька, у неё большой живот из-за того, что она много жрет этого глупого компоту. Ты хочешь, чтобы у тебя вырос такой же живот?

– Не хочу. Но я компоту хочу.

Тяжело поднялся и пошел на кухню, а туда мне не хотелось идти. Снова подошел к окну, и опять увидел свою рожу. Стыдно, черномазый? Стыдно.

Сунул поварешку в кастрюлю с остатками компота и стал его выжимать через сито. Нацедил полную кружку. Понес её Женьке. Он схватил кружку и заглянул туда.

– А чо он мутный? Тетя Агаша давала мне его светлый.

– А вот этот компот высококачественный, высшего качества. Пей.

Он начал жадно пить.

Я стал бесцельно бродить по квартире.

Прибрался немного и полез под холодный душ. Каждое утро я привык обливаться контрастным душем.

Сделал физзарядку. Вскипятил чай, напоил Женьку с медом, дал лекарство и укрыл его. Он уснул, а я подошел к окну. Там увидел прежнего себя. Нет, я не алкаш. Меня не тянуло пить. Просто другой раз хочется хорошо нажраться от нашей развешелой жизни в этой огромной зоне. А, может, действительно в бродяги уйти. Знакомо. И жить в той жизни. Возьму Женьку и уеду. Надо хорошо подумать. И там, в той жизни, не никаких забот. Хорошо!

ДВА МЕДВЕДЯ В БЕРЛОГЕ

Утром проверил дизель электрический кран. Всё нормально. Мой машинист Павел Неверов следил за мной и странно улыбался сквозь темные очки. Глаз его не было видно. Он молчал и только улыбался.

– Давай, поднимай! – закричал бригадир монтажников. Надо было плиту поднять. Мы строили обогатительную фабрику для переработки железной руды.

– Кричит «Давай», – сообщил я машинисту. Он ответил:

– Лично я им ничего не должен. Может, ты задолжал? Отдай.

– Давай! – неистово кричал бригадир Скворцов.

– Какой-то кошмар! Ты им что должен? – спросил меня Неверов и лицо его захмурило – Нельзя людей мучить. Отдай.

– Ничего я им не должен! Просто надо груз поднять!

– Да? Ты смотри... А что они там с нас требуют? Я, например, ничего у них не брал.

– Так положено, – ответил я. – Плиту им надо поднять.

В кабину вошел бригадир Скворцов. Это был один из честнейших бригадиров на стройке. Ребята были прямолинейными. Говорили то, о чем думали. Время резко менялось, и некоторые из них не вписывались в современную жизнь. Некоторые стали менять свое отношение к жизни. Надо было как-то подстраиваться под течение современности. Дело в том, что стали сюда приезжать добровольцы с западных областей страны. Это были люди деловые, подхалимные, и они стали потихоньку вытеснять старые кадры – сибиряков. Этим западникам надо было ловчить, хитрить, заискивать, а это они всё ловко делали.

Дело в том, что началось время приписок. На этом попался Скворцов. Все были уверены, что его ловко подставили именно западники. Он им мешал своей честностью. Он не выдержал и повесился. Всё списали на него. В общем, он принял удар на себя.

Так вот, мой машинист очень нежно спросил:

– Дорогой наш, ты, что это с нас требуешь? Мы тебе ничего не должны.

– Продолжаешь идиотничать? Постыдился бы нового помощника. Насколько он к тебе пришел? Всё ты понимаешь.

– Понимаю. И очень хорошо слышу. Но я тебе ничего не должен. Все знают, что я живу по четырем правилам. Вот они. Никому ничего не даю. Раз. Ничего ни у кого не беру и не прошу. Два. Никому не верю. Три. Никому и ничего не обещаю. Четыре. А со своим «Давай» не лезь. Мы тебе ничего не должны.

– Плиту надо поднять!

– Вот, – Павел пальцем ткнул в грудь Скворцова. – Вот! С этого и надо было начинать, а не кричать, будто мы что-то тебе должны. А ещё надо расписаться в журнале.

– Стропальщик другой.

– Всего доброго, перебил бригадира Павел. Буду говорить только со стропальщиком. До скорого свиданья, я пошел...

Как я потом узнал, это была у него такая поговорка.

– Иуда ты, – сквозь зубы сказал Скворцов и вышел из кабины

Через некоторое время пришел парень...

– Я – стропаль.

– Не вижу.

– Так я по графику стропаль.

– А я по красной повязке сужу. Где она у тебя, родимая?

– Мы забыли.

– Не надо забывать. Когда вспомните – приходите. До скорого свидания – я пошел.

Через минут тридцать прибежал запыхавшийся стропаль с повязкой на рукаве. Он расписался в журнале. Павел даже на свет разглядывал удостоверение у парня. Понюхал и чуть не лизнул. Вот это идиот! И с таким я должен работать?

Когда парень вышел, Павел запрокинул голову и стал громко смеяться.

Потом смех прекратил и нахмурился.

– Вот видишь идет человек? Ко мне. Его послали ко мне. Зря. И все знают об этом. Вчера он разбил лобовое стекло на своей машине. А причем здесь я? Он разбил, а я виноват? Стекло я ему не дам. А у меня их три. Я никогда никому ничего не даю. И сам не беру. Тебе я уже говорил о моих четырех правилах. Учись. Сейчас будет концерт. Ты попал к очень интересному человеку. Всех я пытаюсь научить правильно, жить. Люди этого не понимают. Ведь знают, что не дам, так нет же – идут. Как их не учить? Надо учить.

Вошел мужчина с растерянным взглядом.

– Здравствуйте. Погода сегодня отличная.

– Согласен. Отличная. Она даже прекрасная, но лобовое стекло я тебе не дам. Вот так с твоей погодой.

И весело засмеялся.

– Я и не знал.

– А надо знать, – быстро ответил Павел.

– Мне правду говорили о твоих правилах. А я им говорил...

– Не надо было говорить. До скорого свидания – я пошел.

Человек исчез. Павел хохотал до слез, а потом резко оборвал смех, и очень серьезно сказал:

– Ты спросишь – почему я быстро отвечаю? Ответ прост. Он будет мучиться и страдать, когда и как начать просить что-то у меня, а я тоже буду страдать, как ему ответить. А тут – ляп ему и до скоро свидания – я пошел. Легче ему и мне. И нечего страдать и мучиться. Облегчил встречу.

На следующий день Павел обошел кран, и остался недоволен. Влез в кабину. Я за ним. Между рычагами было вмонтировано толстое стекло. Павел из чайника вылил с ложку воды, и она потекла по стеклу.

– Видишь, бежит. Они у меня сейчас побегут.

Он выскочил наружу.

– Братва, не буду поднимать груз до тех пор, пока кран не поставите согласно инструкции. Вода бежит.

– У нас план горит!

– А у меня вода течет под инструкцию!

Про эту воду и инструкцию, как и про четыре, правила все на стройке знали. Кран установили, и тогда только Неверов приступил к работе.

– Пойми, Стрелов, я никогда не нарушал инструкцию. Никогда, – начал поучать меня Неверов. – Не нарушал технику безопасности. Я живу строго по этим инструкциям. Пойми. Инструкция для таких товарищей, как я – клад. Говорят, что все нарушают технику безопасности. Не верь. Врут. Я не нарушаю. И меня ни на чем невозможно поймать. Эти инструкции люди создавали. Мучились. Премии получали. Талантливые люди создавали эти великолепные инструкции. А если между нами говорить, то их создавали талантливые бюрократы. Перестраховщики их писали. А выполнять надо. Согласен. Никто их точно не выполняет, конечно, кроме меня. Я их строго придерживаюсь. И с этими бюрократами мне легче живется. И что на меня сердиться? Я не

виноват. Случай тут был такой. Как-то на фабрику пришла одна деталь. И только мой кран мог её поднять. Согласно инструкции её можно поднять. Но по вылету стрелы и установки этой детали на место получается перебор в одну тонну. Всего-то. А тут я, любитель всех инструкций. Кто-то же должен реализовать те инструкции? А я на что? Вот он я! Я вот, голубчик! Вот он я! Деталь-то цельная. Зачем было на меня сердиться?

Павел стал громко смеяться. Он даже за живот хватался, но в один миг прекратил смех и захмурил. Кустистые брови вроде как одна косматая линия, и под ними маленькие строгие глаза. Ловко он это делал. Я потом тренировался. Не вышло. Я понимал, что передо мной сидит великолепный артист. Вот это играл, так играл, куда мне, тоже артисту из народа, до него!

– А я што? Я им и говорю – отпилите тонну – подниму. Я прекрасно понимал, что этот груз можно поднять. Я зауросил. Эдакий появился кураж. Не имею, мол, право и всё тут. Три дня волянил. Всё начальство вокруг меня бегало. Уговаривали, умоляли, материли. Собрали семнадцать подписей. Сам начальник котлонадзора не отходил. Подписать не желал, а кричал на меня. Подписал. Они у меня все в шеренгу выстроились. А я эту деталь свободно внес в здание фабрики и передал на мостовой кран. Отгулы у меня были. Закрылся и три дня пил. Муторно было...

– Так больше не делай.

– Быть как все? От этого можно спятить.

– Можно, – согласился я. – И я в этой формуле – будь как все – мы с тобой разными путями идем. Ты всех подряд бьешь, а я по выбору. Только отборных феодалов, крепостников, эксплуататоров...

Павел неожиданно опять засмеялся, а потом очень тихо стал хмуриться. Это что-то новое.

– Слушай, Юрий, а как ты метко сказал. Выходит, что у нас крепостной строй с феодализмом? Как метко...

– Ты почитай Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

– Ты мне не тово! Его у нас запретили. Я уже на зоне побывал... Хватит с меня. Не желаю больше там быть. За него мне новый срок впаяют. И ты брось. Упрячут.

– А мы, любители литературы, читаем. Могу принести. Вот, где, правда, жизни.

– Нет! – крикнул Неверов. Лучше я вот так проживу. У меня инструкции. Но, если честно, то я над этими инструкциями измываюсь. Почему тот мужик экскаваторщик Лабутин шел ко мне? От горя шел. Эти стекла есть на базе. Но на пути к этим стеклам стоит стена бюрократов. Одним словом, контора, будь она проклята. Вот, где рассадник бюрократов! Там, только вот в таких конторах в нашей стране и рождается бюрократическая гиена. Потом надо узнать, если на базе стекло? Потом надо найти начальника, чтобы он подписал заявление. Он в командировке или у него образовался понос от переедания. Дома сидит. Или жена днем ещё обещала, а вечером кукиш показала. В злобе он может и не подписать твое заявление. Ну, хорошо, подписал. Идешь на склад. Так вот, прежде чем получить стекло, надо собрать семь подписей. Фу! Наконец-то, все подписи есть. Пришел на базу... Пока ты ходил, стекло-то закончилось. Вот так. Замотаешься ходить. Мне надо было три кубометра горбыля. Месяц ходил. И ещё. Запомни. Начальник по личным вопросам принимает только один раз в неделю. Каково? И это сущая, правда! Вот в такой мы стране живем. Развеселая жизнь в нашей стране! Ты правильно говорил вчера, мы живем в стране-зоне. Метко подмечено. Не прибавить и не убавить. Зона. Будь она не ладна. Вот теперь пусть и он походит. Вы с Лидией Ивановной боролись против бюрократов и расхитителей с партийными билетами. Если бы все вот так восстали против них. Но так никто не желает. Вас никто не поддержал. Всё в нашем правительстве надо менять. Сам наш народ не дурак. Снизу бы поддержали. Вот то, что я сейчас говорю, это против советской власти и партии. Я ничего не украл. Жил всегда честно. Но меня считают врагом народа. И говорят именно те, кто и есть сам враг народа. С теми, с которыми вы боролись, вот они есть враги народа, а не мы с тобой. Поэтому я лучше буду исполнять свои любимые инструкции. Это как-то надежнее. Вот ещё один бедолага бежит. Лыков. Ко мне. За бензином он ко мне бежит. А у меня его три бочки, но я не дам.

Лыков зашел. Поздоровался. Павел хмыкал, улыбался, очки надел.

– Вчера мы на рыбалку ездили, – начал говорить Лыков.

– И во какую рыбу поймали! – громко засмеялся Павел. – Не проси бензин. Не дам. Есть, но не дам. Иди к начальнику, выпиши у него и походи по нашим бюрократам. Я посмотрю и люблюсь...

– А я думал.

– Не надо было думать.

– Я хотел.

– Не надо было хотеть.

– А я не знал.

– А надо знать.

– Я ведь так решил, что ты...

– Не надо решать. До скорого свидания – я пошел.

Когда Лыков ушел, Неверов повернулся ко мне и стал громко смеяться. Потом резко оборвал смех.

– Наблюдаешь? Потом создашь из меня образ. Или обо мне расскажешь своим товарищам-писателям. Не боюсь. И надо бы. Ты по-своему с ними борешься, а я вот так. Я всех на злость вызываю. Пусть обозлятся и поволокнут своих благодетелей. Ведь я тебя к себе ради любопытства взял. А ведь мог и отказать, а взял.

– Я не подопытный. Сам уважал так делать.

– Знаю. Кнутом. Ну, а теперь ты для меня такой. Чего вы с Лилией Ивановной достигли? У вас ничего нет. Ничего не нашили. Нищие, считай.

– Но, разве это плохо? Мы...

– А ты не мыкай. Ты за себя отвечай. Я не мечтаю о светлом будущем. Но то, что человек должен жить в нормальных условиях – уверен. И не надо на меня так... Коммунизм – голубая мечта человечества. Была бы это великая вещь. Наши секретари, начиная от районного и до политбюро нашей страны, создали для себя этот коммунизм. Но не для нас. Такое общество мы могли бы построить и без этих политических тунеядцев. К сожалению, они у власти.

– На их стороне закон, – ответил я. – Они тунейдцы в законе.

– Мне интересно с тобой. А то все головы прячут. Ты скоро уйдешь от меня. Но я тебя не гоню. Брось выступать.

– Таких, как я много в нашей стране. Даже среди воров есть благородные воры. И я их не осуждаю. Мой дядька, двоюродный брат отца, дядя Коля Кунгуров был благородным воров. Не обижал бедных, а отбирал лишнее у толстосумов и раздавал бедным. Такие же у меня были и дед и мой отец... А эти, современники? Сами наживаются, а народ беднеет.

– Давай не о них. Вы вот такие, не вписываетесь в этот мир.

– Мои предки всегда были вольными.

– Вольные. Это хорошо. А ты знаешь, зачем тебя ко мне прислали? Могли бы и механика Мишарева не послушать. Могли. Они всё могут. А вот взяли и согласились тебя ко мне отправить. А зачем? Чтобы вынудить тебя на конфликт со мной. На рабочем месте. Срок. Сын – сирота. Обложили тебя, как волка. Ты всегда был обложен. Ну, а этого правдолюбца Стрелова я прищучил. Каково? Они не знали, как к тебе подобраться? А я на что? Вот он я! Тут. На месте.

– Гнида ты...

– Во-во... Так вот и начинается. А там и руки пошли в ход. Милиция...

Он помолчал.

– Загнали тебя. Терпи. Я тоже когда-то терпел. Если честно, то я вас уважаю. Может, всё напрасно? Нутром понимаю, душой, а вот не могу принять... А как надо, не знаю ответа...

– Надо ко всему подходить свободно, – ответил я. – Всех на этой зоне сделали рабами, подхалимами. Вся страна-зона рабов и подхалимов. Такие люди выгодны. И никогда ничего в этом мире не изменится.

Странно, но мне вдруг захотелось с ним поделиться своими мыслями, моим взглядом на жизнь.

– Жил я, Павел в другом измерении. Из другого мира я. Как один хорошо знакомый мне дедок сказал странные про меня слова. Ты есть странный и откровенный человек с другой стороны. Но это твоя жизнь и твоя судьба. И эти слова я пронесу всю

свою жизнь до последнего моего вздоха. Там у нас тоже было много врагов. Но там я четко знал их. А вот на ваш мир смотрел, как на что-то недосыгаемое. Почему-то думал, что здесь много честных людей. Нас ведь судили, осуждали, клеймили... Конечно, знал и подлецов в вашем мире. И старался именно их разгрузить. Знал, что всё это наворованное подлецами у людей. И меня же осудили и заклеили. Именно эти люди красиво говорили по радио, с трибун, выступали в газетах. Потом я увидел их в вашем мире. И порой мне становится от этого страшно. Куда мы тогда катимся?

– Наивен. В молодости я тоже... Обломали рога. Я ведь имел высшее образование. И даже пост занимал. Тоже говорил с трибун, но я был честен. Свободно могу говорить на пяти иностранных языках. Был в партии. Потом, как и положено – оклеветали. Тут, рядом отбывал срок. Дорогу строил до Лены. Потом ссылка. И вот я здесь. Побывал. Поумнел. Сидит во мне обида. Как гвоздь ржавый. Тебя отправили ко мне, чтобы столкнуть лбами. Мы с тобой, как два медведя в берлоге. Я из того поколения. Нет мне веры. А ты из нового – тоже нет веры. Вот, мол, и пусть столкнутся, зная и мой и твой характеры, и обязательно столкнутся. А мы их, мол, тепленьких и возьмем. Вот видите, какие они были против советской власти и партии, такими и остались... Опаскудились, мол, вот мы их и под пресс. Страшно мне жить среди людей. Вот я и обложился этими инструкциями. Если бы не они... Конец бы пришел... Брось, Юрка, это дело. Онодохлое. И кнут твой не поможет. Брось. Кнут, это твоя прошлая жизнь. Сейчас у тебя другая жизнь. У тебя есть сильнее кнута оружие. Твоё слово. Твои выступления. Это сильнее кнута. В этом деле они тебя и боятся. Не спорь. Они тебя боятся. Гнут тебя всяко. Думают, что сломают. В общем-то, брось всё это дело. Ты смотри, что он делает! Вот он из этих! Вот он, голубчик! Попался! Вот из-за таких господ, Стрелов, мы и гибнем! Ну, погоди!

Павел раскрыл дверь и выскочил. По тому месту, где лежал кабель от нашего крана – переехал бульдозер. В общем-то, ничего страшного не было.

От трансформаторной будки мы проложили электрический кабель через дорогу, обложили его брусьями. Бульдозер медленно перебрался через брусья. Больше негде перегнать механизм.

Павел разбежался и запрыгнул в открытую машину и тут же вынес маленького, щупленького машиниста. Спрыгнул с ним на дорогу. Подбежал к кабелю. Взял мужичонка за шиворот, как нашкодившего котенка, стал тыкать в пыль, рядом с кабелем. Бульдозер немного прошел и уперся в пень.

Павел отбросил мужичка и побежал к крану. Спокойно вошел, сел.

Всё это произошло в какие-то две минуты, так как никто не мог понять, в чем дело. Мужичок метался у кабеля и что-то кричал, махал ручонками, рвал на себе волосы и рубашку. Зря. Надо было ему взять хорошую сучковатую березовую палку и пойти войной на обидчика.

Павел развернулся ко мне и стал громко смеяться. Как и положено, оборвал смех и даже слишком хмуро посмотрел на меня. Как это он ловко делал!

– Ну и как? Только так с ними. Знаешь, кто это? Сторонник твоих врагов. Как-то в конторе он сказал про тебя, что таких, как ты, надо держать на зоне пожизненно. Я начал тебя защищать, а он на меня кричать. Что, мол, ты оскорбляешь честных людей Его женушка в той компании. Сегодня он у меня получил за всё...

– Не надо бы так делать. Кабель надежно лежит между брусьями. Идут машины, тракторы и ничего...

– Осуждаешь? Мне захотелось его проучить. Нашелся повод. И вот он...

– Нельзя так делать. Должно быть, всё благородно в физическом наказании. Может он ничего не крадет? Кричит? Так ему надо как-то выжить в этом мире. Я знаю его жену. Они вечерами устраивали гульбища. У неё свой круг, а он в это время свиной выращивает, гаражи строит, куриц разводит, а женушка в это время с другим крутит и вертит. А ещё она по Домам отдыха ездит. Мне его просто жалко...

– Не пойму тебя. Его жалеть? Не смехи... Почему защищаешь? Не пойму. Не пойму, и всё тут!

– Он трус. Жалок. Это другое дело. Он наказал себя тем, что воспитал в себе труса и подкаблучника. Мне таких людей жалко. Даже рук об них не хочется марать. Что он украл у простого человека? Эксплуатирует ли кого? Вот вопрос. Как я могу его бить, и за что?

– Ясно. У нас с тобой разные методы. Пойми, Юрка, на нашей планете нет общества, где были бы хоть какие-то зачатки того, чтобы жить по правилам человеческой морали. Человечество пошло не по тому пути. Ну, а кто нас вернет на путь истины? Мы все, скопом, на этой планете живем в определенной зоне. И выбраться из этой зоны невозможно. Кто поможет? Был такой человек на земле, но его распяли. Все мы идем к концу...

– Интересно ты, Павел, рассуждаешь. Я тоже давно думал, что все мы живем в огромной зоне, и выхода оттуда нет. Конечно, я сторонник социализма, но не такого, как у нас. Я его ярый противник. Для нашей страны вот такой социализм не подходит.

– Мы с тобой вон до чего договорились! Вот бы нас послушали...

– Чаще надо вот так разговаривать и размышлять.

Вышли из крана. Мужичок всё ещё бегал у кабеля, и что-то кричал и показывал в нашу сторону. Вокруг него собирались люди...

Нет, я никогда не стану таким, как Неверов. Так жить страшно...

НАШИ МИЛЫЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ ПРОВИНЦИИ

– Тетя Агаша меня мерила, – подбежал ко мне Женька. – У меня градусов нет.

– Мерила, говоришь? Сейчас я пойду её обмерять. Расходились тут...

Появилась злость, обида...

– Ты поиграй здесь, – сказал я и замкнул квартиру. Вошел к соседке. За мной клацнул замок. Этого ещё не хватало!

Тетя Агаша. Она для Женьки тетя. Муж у неё погиб по пьянке года два назад. Воспитывала трех детей. Работала на железнодорожных путях. Там вот такие только и могут выдержать. Бедные женщины. Как им там тяжело. Про неё рассказывали, что она с одного удара забивала костыль в шпалу. Мужики обходили её мощную фигуру. Боялся и я её. Да и на голову выше меня. Как того костыля, одним ударом меня зашибет. Потом она ушла с той работы и устроилась в столовую.

Она стояла посредине комнаты в коротком халате, наполовину застегнутым. Я увидел выпирающие белые груди. Странно. Руки до плеч коричневые, а груди и бедра белые. Конечно, руки загорели на солнце и на ветру. Ещё не прошел загар, а кухня ещё не успела её побелить.

– Стучался бы.

– Нечего Женьку поважать!

Сказал это и пошел к двери.

Потом в мою квартиру вплыла Агаша. В руках кастрюля.

– Чего ты ходишь со своей глупой кастрюлей?! – зло прошептал я.

– У меня кран бежит. Посмотри...

– Пошли. Ходишь тут...

Раскрыл дверь и пропустил Агашу. Своей медлительностью она ещё сильнее раздражала меня. И впереди плывущее тело готов был исхлестать кнутом.

– Ну, где тут твой мерзкий кран! – крикнул я. – И брось мне ходить с этими кастрюлями!

И тут неожиданно она закрыла глаза кулачищами и заплакала. Вот это да! Такого я от неё не ожидал!

– Я же от души хотела, – всхлипнула она.

– Души? – переспросил я, и неожиданно для себя коснулся её груди. Ты смотри, какие они гладкие и горячие! Вот этого я не ожидал. Какие они нежные. Странно... Думал, что на путях женщины грубеют, а тело их... А тут...

Злость не проходила, но она стала бить меня в сердце и в виски. Зачем она мне? А если вот сейчас ударит в ухо, и что из этого выйдет? Но она не ударила, а позволяла гладить её грудь, бедра... Агаша возвышалась надо мной. Отчего-то пересохло во

рту, и как не странно, по телу пробежала дрожь, которую я не мог заглушить. Она ударила меня в ноги и в руки... Вдруг Агаша схватила меня, приткнула к груди и бросила на диван, и стала торопливо шарить по моей рубашке. Надо ей помочь найти пуговицы...

Пряча глаза, чтобы не смотреть на большое и белое тело, я убежал из этой квартиры. Может, именно она, Агаша, нужна была именно сейчас в эту минуту? Просто мне нельзя быть долго без женщины...

Вошел в свою квартиру, замкнулся. Оказывается, без меня приходил Павел Неверов, заварил чай, попил и ушел.

Мне не хочется, чтобы пришла Агаша, хотя воспоминание о ней весьма было приятное и даже продолжало будоражить в кровь.

Подошел к окну. Почему я такой? Живут люди нормально. Стараются обрести семью. И чтобы была жизнь спокойной. А я не желал такой жизни. Зачем мне Агаша? Не виновата она. Такой вот я нужен ей. И только. Почему я должен осуждать её? Разве не требуется ей мужчина? Требуется. И почему мы должны это скрывать? Кто такое придумал, чтобы всё скрывать? Конечно, приблизить её нельзя. Желая быть свободным. А может, это она решила приблизить меня к себе? Нет женщины, которая бы не желала приблизить того мужчину с которым провела вечер в постели. Но нас, одиноких мужчины, мало. А одиноких женщин много. Многие женщины любят, чтобы мы, одинокие мужчины, оказывали им внимание. Набивают себе цену. Теперь мне не надо искать женщину, чтобы я оказывал ей внимание. Нет у меня времени для этого. Наоборот, они должны мне оказывать внимание. Интересно, а в другой раз, Агаша впустит меня? Любви у меня больше не будет. Потребность... И она должна это понять. Но приближать её нельзя.

В окне светились звездочки, они то искрились, то тускнели, и словно были в тумане. И в этом тумане иногда мелькали какие-то лица. А вон появился дедок из деревни Коршуниха. Возникло такое ощущение, будто он оказался рядом со мной.

– Ты – эгоист, – сказал дед. – Разве можно так думать о женщине? А если она начнет вот так же думать о тебе?

– Разве она так может думать?

– Она человек, и должна думать. Ты не задумывался об этом?

– Не приходило в голову. Но, дед, пойми, я любил Шуру... Разве это справедливо её отнять у меня и её детей?

– Это не нам с тобой решать. Отвечай за себя.

– Что я должен был делать? Видимо, так устроен человек, что он не может жить без другого человека. Я – человек. Мыслящее существо. А если я мыслящий, то мои мысли, почти всегда, давят надо мной, и над моими чувствами. Мысли и чувства соединились, и я увидел её тело... Ну, и как я мог утерпеть? Должен был терпеть?

– Ты о себе думал и о себе говоришь. Так нельзя думать о женщине. Это неправильно. Ты – согрешил. Она – нет. Она желает с тобой жить. Она выбрала тебя. Она, как и ты – энергетические блоки. В общей системе космоса. Твои переживания и радости, невидимыми нитями, но только для вас они невидимы, тесно связаны с другими блоками, то есть, с людьми, и с общей системой. Негодование, злость – они волнами проходят не только через другие блоки, но и вторгаются в общий ритм природы. Нарушают её жизнь. А природа вам платит тем же. Представь. Преступник нарушил ваш закон. Его ловят, а потом судят. Он получил наказание. Так и в природе. Вы нарушили закон природы.

– Я понял. Человек постепенно становится преступником.

– Да, вы всё больше становитесь преступниками по отношению к природе. И на вас должен распространяться закон космоса. Закон природы. И он начинает уже действовать.

– Спаси наши души, – сказал я.

– Разве природа не дает вам шанс исправиться? НО вы всё больше нарушаете. Вы все становитесь эгоистами – начиная с малого. И это малое распространяется по Земле. Но, вам надо когда-то подумать о спасении души...

– Дорогой мой! – воскликнул я. – Понимаю, что не только ко мне приходит такой сон или что там? Я так всё это называю.

– Есть такие люди. К ним тоже приходит вот такое... Многие живут только тем, чтобы что-то им дали. Просят. И никто не скажет – возьми.

– Дед, я разве у тебя что прошу? Нет. Ничего мне не надо. Да и не люблю я просить. Всё странно. Я стал размышлять, много думать о жизни. Головой работать стал. Разве это не награда для меня. Награда. Что уж. Я тоже грешен. Хочется не грешить – а грешу. Каюсь. Ты, дед, для меня, как какой дух. В самый раз появляешься. Не буду спрашивать, кто ты есть на самом деле. Я просто тебя знаю, как деда из деревни Коршуниха. Мы с тобой виделись и знаем друг друга. Но ведь это, дед, не грех, что я стал много размышлять, думать. Хотя нам не велят думать.

– Я для тебя обыкновенный дед. Отдыхай. Где-то ошибаюсь, тут исправляйся, но решай сам, только сам. Твой путь тернист...

– Па, а па, – толкнул меня Женька. Я открыл глаза. Спал.

– Уснул я. Долго спал?

– Нет. Только уснул. Я пойду на улицу поиграть...

– Иди. Поиграй. Но не очень долго. Скоро ложиться спать.

Он побежал на улицу. Значит, всё это происходило, может в какие—то секунды. Правильно пишут ученые, что самый длинный сон разворачивается в секунды.

– Вдруг это обыкновенный сон, но так всё происходило реально. Может, с нами рядом живут духи, и приходят они из параллельного мира. Тогда зачем я им нужен? Какой от меня толк? Захочу – ты будешь. Не захочу – тебя не будет, Это обыкновенный сон.

Молчание. А может, ничего такого нет? Просто это был сон. С людьми говорить на эту тему опасно. Пусть всё это будет во мне, со мной. А в общем-то интересно. А вот, когда я с Агашей был, кто-то из них видел, если меня отчистили за неё. А надо проверить.

Хватит рассуждать. Пойду к Агаше на проверку. На великий пойду эксперимент. На очень великий. Её ребятишки бегали на улице. А если меня потянуло к ней? Причем здесь я?

Агаша встретила меня на пороге. И кажется – удивилась. Ведь недавно был. Она медленно отступала...

– Ты чо? Чо с тобой? Чо ты так на меня смотришь? Какой-то у тебя странный взгляд... Будто его нет, а вроде он есть...

– Вздремнуть прилеж, и увидел тебя во сне... Да не закрывай ты свой глупый халат...

А сам подумал, кто из них смотрит за мной? Пусть смотрит. Я распахнул халат... Смотри! Любуйся! Но всё неожиданно смешалось... Попробуй, уследи... В этот момент мне было не того!..

И вот я снова у окна. На этот раз никого не было. Запутаетесь тут...

Огоньков в окне не было. Какие могут быть огоньки, если был день. А вот тот раз огоньки были, и лица разные, и тот разговорчивый дед там был. Он со мной странный вел разговор. За окном росли кустистые тополя. Одна ветка от него коснулась стекла, поскребла его и отстала. Это виноват ветерок.

Больше мне пока никто не казался. Это был просто сон, странный вот такой сон. Сны ведь бывают разные. А у меня вот такие. И порой вот тот дед приходит ко мне во сне. Интересно, жив ли он ещё. Узнать бы как. Но я не знаю его фамилию. Даже имя не спросил.

Пошел в деревню Коршуниха. Спросил у Михайловского. У него домик стоял на берегу речки Коршуниха. Под огромной черемухой длинный стол, вокруг скамейки. Бывало, после бани, мы кучковались возле этого дома. Отмечали здесь праздники, дни рождения, да и просто поговорить на разные темы. И вот что ответил Михайловский, забыл его имя, но старожилы помнят его.

– Странный был дед. Откуда он пришел к нам – неведомо. Возможно, из ссыльных. Мудрый был дед. Его по-разному кликали. Кто дедом ведуном, кто дедом Кузьмой или Данилой, дедом Николаем. За советом приходили. Так вот он нам бачил, что деревню скоро снесут, и Шестаков не будет. Потом он куда-то исчез. А куда – нам неведомо. Странный и мудрый был дед...

Вот так. Что же получается? Он мне снится, а его нет? В какие края он подался? Тогда что это? Загадка. А когда возникает передо мной загадка, то я начинаю мучиться, стараюсь разгадать эту загадку. А может, он ушел в другой мир? Значит, он приходит ко мне с того света или из параллельного мира? А может, и правда, есть параллельный мир, и туда и уходят наши души...

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ БУДЬ КАК ВСЕ

В ПОИСКАХ НОВОЙ РАБОТЫ

Павел Неверов хмурый, будто его только что обманули в конторе. Но вряд ли. На этом Павла не обманешь. Он до копейки всё подсчитает. Отчего он такой? Я его и спросил:

– Опять в кассухе накололи?

– Главный инженер ждет тебя. Я к тебе приходил... Иди – повинись. И будем с тобой вместе исполнять инструкции. Вместе идиотничать будем. Таким тебя приму. На досуге думал. Коммунисты беспощадные. Это их недостаток. Это и погубит их. А потом, после этой, возродится другая партия... из таких товарищей, как ты.

– Ну, ты загнул.

– Сходи. Повинись. Вернее – затаись, и будь как все. Ты их опять разнес на какой-то конференции... Не пойму тебя... такие добрые очерки печатаются в районной и в областных газетах... И вдруг, тут же, следом, печатается фельетон. Выступаешь с критикой на собраниях. Сходи и повинись.

– Павел, ну, не могу я повиниться перед ними и затаиться. Не могу. Рожден таким. Тем более, мой внутренний – Я, мой внутренний мир не позволяет смириться перед ними. Как я могу пойти к Тесту на поклон? Мне ещё отец говорил, чтобы я сохранил свою душу. Не могу, не имею право пойти на разлад со своей совестью... Пойми меня...

– Я тебя понимаю. Но и ты пойми меня. Мне условие дали. Мои выкрутасы всем надоели. Моя любовь к инструкциям кое-кому поперек горла встали. А мне остался год для северного стажа и уеду на родину в Ярославль.

– Как бы ни мои дети, то пошел бы я по матушке России. Кнут за пояс, и пошел бы порядки наводить, – сказал я. – Но у меня

дети. Кем я стану перед ними? Меня они знают другим. Ну а если я начну руки целовать начальству, подхалимничать, пылинки с их плеч сбивать, как это делают личные шоферы и рабочие, идущие гаражи для начальства строить? И в этом случае меня мои дети тоже не поймут. Не могу быть, как все.

– Ну, тогда иди. Всего тебе. Я пока буду инструкции выполнять.

Главный инженер долго смотрел на меня.

– Жалко тебя. Павел Неверов и механик Мишарев хорошо о тебе говорят. Ты хороший работник. Таких бы работяг нам побольше. А ведь с Неверовым никто не смог сработаться. А ты вот смог. Даже хвалит тебя... Пойми нас... Не можем мы...

– Любопытно. Все требуют от меня, что бы я понял всех. А меня никто не желает понять. Какой-то сплошной эгоизм организовали. Поймите, нельзя так жить! Это же сплошной партийный эгоизм!

– Понимаю. Но меня тоже надо понять. Звонят. Требуют...

– Передай звонарям следующее – ухажу. Буду искать работу.

– Чудак-человек. Они обзвонили все организации, чтобы тебя не принимали... Но... Но, будь как все! Ну, чего тебе стоит!...

– Не могу. Они пожелали, чтобы я уехал и не тревожил их. Не дождутся. Я здесь с первых палаток. А они – варяги. Найду работу.

Вышел. Куда идти? Мне дали три дня отгула – заработал. А там полное увольнение.

В Иркутске Лидия Ивановна трудоустроилась. Работает в опорном пункте, трудных детей воспитывает. И тоже выступает в печати с критическими статьями против прохиндеев, казнокрадов и разношерстных прощелыг. Молодец.

Зашел в гараж. Павла бы увидеть. Сегодня он должен быть здесь. Зачем он мне? Просто захотелось увидеть его, выпить с ним. Нажраться вдруг захотелось. Забыться бы...

А вот один из тех, которых я недолюбливал за их профессиональную подхалимность. Два личных шофера. Один из них, толстенький и, как положено подхалимам, суетливый и разго-

ворчивый. Взглянули на меня и ухмыльнулись. Это мне надо бы ухмыляться, а не этим товарищам.

– Шо, трошки тяшко? – спросил толстенький. – Ишо тяшкее будэ. Робы и будь как все.

– Это не ты ли, свинячье ухо, запретишь мне, не быть таким какой я есть? – ответил я, и прыгнул к нему. Ребром ладони ударил по его правой руке, успевшей схватить монтировку. – Вы-то что лезете? Вам-то от этого какой резон? Вы-то с какого боку? Маслят вас?

Шоферы успокоились.

– Вашему начальству по штату положено быть такими, а вы-то работяги. Мы же вас, молчунов, и подхалимов, защищаем... Хоть вы-то не лезли бы...

– Отстань, – пробурчал толстенький. – Трошки и мэнэ надоть. У мэна женка и дэти...

– У меня тоже семья. Двое детей. Но я не боюсь. Кому-то и когда-то надо менять вот такую жизнь.

– Тильки ни я...

Второй шофер посмелее.

– Очень всё просто. Глядишь, и нам кусочек достанется. По натуре я тебя понимаю. И даже на твоей стороне. Зачем тебе всё это? И райком партии за них. Так по всей стране. И это мы понимаем. Ты думаешь, что не понимаем? Так везде. И ничего пока не изменить...

– Но я вот не везде. И таких людей, как я тоже много.

– Вы вот такие не в почете у райкома партии. Все они тебя не любят.

– Я не баба, чтобы меня любить.

Толстенький вышел из гаража.

– Пожалуется. Факт. Я его знаю. За всё обидно. И за себя, что я такой. И за тебя обидно. Мы с этим... как все люди... Мы как все. И нас таких – большинство. Вот когда вы сделаете революцию, тогда и мы к вам примкнем. А этот Колька будет всех больше кричать о демократии. Поверь мне.

В будущем так и будет. Все вот эти подхалимы и молчуны придут к новой буржуазной власти. Прав будет шофер. Толстенький больше всех будет кричать о демократии, устраивать

митинги. Будет устраивать забастовки и баламутить народ. Как же, свободу слова дали после буржуазной революции 1991 года. Почему они такими стали эти подхалимы и молчуны? Пожалуйста, говори, что тебе взбредет в голову. Намолчались за свою подхалимную жизнь. Вот они и повылазили из своих углов. На автобусных остановках, на рынках только и будет слышно их голоса.

Ну, а когда немного что-то изменится, они снова на время исчезнут и замолчат. Почему? Очень просто. Молчуны были и среди руководителей. Опыт есть. Прежде всего они себе оклады повысят, а потом заткнут рты говорунам, бывшим молчунам. Заговорил о чем не надо, не желаешь работать, выметайся на улицу. Жестокое время придет. Оно будет похлеще вот этого времени. И никто уже не заступится за того, кого выпрут с работы. В общем-то, все эти молчуны потом растворятся в народе. Они были во все времена. Это страшные люди, начиная от рабочего до самого большого начальника и министра. Потерпи, дорогой читатель, я ещё напишу о том, будущем времени в новом веке. Без них, родимых, в общем-то, мне скучно было бы жить. Мне на них не надо сердиться, их надо любить. Они дают мне пищу для размышлений и вот для этой книги. Они мои, родненькие, постоянно встречаются мне, они окружают меня и вдохновляют меня не опускать руки. Бывает такое ощущение, словно кто-то специально этих милых товарищей подбрасывает мне. Ровно и спокойно моя жизнь не протекает. Она бурлит, как весенний поток или горная речка. И я уже привык к такой жизни. Иногда я имею право подумать, что меня создали для какого-то эксперимента. Дня не проходит, чтобы что-то не происходило в моей жизни. Я уже до того привык, что даже жду какой-нибудь напасти или от кого-нибудь пакости. А если ничего не происходит, и всё успокаивается, то я не успокаиваюсь, а меня начинает мучить тоска, и тогда я не знаю, куда мне деваться. Тогда ко мне приходят странные сны. И я их полюбил, и постоянно жду.

Шофер продолжал говорить:

– Будь как все. И всё у тебя наладится. Вот такие, как Колька получают медали, ордена, премии, хорошие квартиры. Все эти люди – подхалимы. Я хорошо знаю их. Сейчас они на коньке,

а когда власть изменится, то и при той власти они окажутся на коньке. А ты снова будешь в загоне. И при той власти они будут поливать тебя грязью. Им всегда хорошо.

– Где это ты так насобачился болтать? – спросил я.

– У одного тоже странного человека.

– Познакомь меня с ним.

– Как я могу тебя с ним познакомить, если он постоянно в тайге. Охотник он. То в городе живет, то в своем зимовье.

– А как вот ты с ним снюхался?

– Я ведь тоже немного охотник. Вот там мы с ним и познакомились. Как-то сидели ночью у железной печки, вот он и выложился.

– И многое тебе, о чем говорил?

– Да так. Много. Только я из того разговора ничего не понял.

– А что это он с тобой вдруг так откровенничал?

– А с кем ещё? В тайге всё можно говорить. Только он странный какой-то, как и ты... Я ему про тебя и ляпнул, и даже я засмеялся над твоими чудачествами. А он так на меня серьезно посмотрел, что я перестал смеяться. Ему бы хотелось с тобой познакомиться. Были бы вы с ним два сапога пара.

– А как с ним ещё-то можно познакомиться?

– Кто его знает. У странного человека можно только узнать что-то непонятное. Он иногда в нашем парке бывает. У него где-то в нашем городе есть квартира...

– В подвальном цоколе где-нибудь, – просто так сказал я.

– Как? Откуда ты знаешь?! В подвале живет. Ну, ты даешь!

– Знаю. Знакомо. Таким людям ничего хорошего и доброго не дадут.

– И то, правда. Чего вам надо? Ну, жили бы, как все люди живут. Этот мир не переделать. Да и что если изменится, и там вы такими же будите...

– Может, знаешь, как его зовут?

– Как не знать. Михаил Бутаков. Он, как я понял, грамотный шибко человек. А вот надо же так живет. Не понимаю.

– И никогда тебе этого не понять. А вот я его хорошо понимаю. Да и живите так. В непонятке-то вам легче жизнь скоротать.

Шел куда глаза глядят. Напиться? Навстречу попался Павел Неверов.

– Сходи к Зобову. Начальник над слесарями в ТВКа Коршуновского ГОКа. Расшифровывается так. Тепловодоканализация. Сходи. Там нужны рабочие. Он примет. Отличный мужик. Опережи звонарей. Хотя, что это я. Ему, уверен, тоже звонили. Но, ты сходи.

Пришел в ту контору. А, Михаила Бутакова надо найти, не покидала мысль.

Зобова не было. Секретарша узнала меня, и сразу же очень нахмурилась.

– А ты не хмурься. Морщинки появятся.

– У нас все места заняты, – резко ответила она.

– Дева, – наклонился к ней, – если ты будешь ныть, то я по твоей мордочке размажу помаду.

– Я ведь женщина...

– А я мужчина. Ну, и что из этого?

– Я буду жаловаться.

Взял телефонную трубку и набрал номер милиции. Она выхватила трубку, бросила её на место и сказала:

– Теперь убедилась, кто ты такой. Только через мой труп!

– Не убивай себя. Ты нужна для мужа или для хахаля. Не надо тебе этого делать.

Вышел на улицу. Солнце жарило всюю. Уверен, что эта дама одинока, а если есть муж, то он возводит гаражи, разводит разную живность, а для жены нет времени. Заметил, что женщины, которые подчеркивают, что они женщины, как правило, или одинокие, или замужем. Но он не удовлетворяет похотливую жену, и от этого они злобны и агрессивны. И никто меня не убедит в обратном.

Что делать? Податься в бичи? У меня сын. Пришел домой. Женька дома.

– У меня градусы.

А ведь можно с Женькой взять бюллетень. Отцу-одиночке дают теперь десять дней. За это время что-нибудь найду.

К вечеру пришел Павел.

– Ты этого, тово, звонил этому... Не примет. Звонили ему, сволочи.

– Тебе что с этого? Что?

– Не кричи! – ответил Павел. – Расшумелся. Ну, и оставайся со своей гордостью! Давай лучше вместе темнить с этими инструкциями. В райкоме все темнят. А мы с тобой не можем? Так они и до пенсии протемнят.

– Уходи, Павло. Уходи, а то выкину.

– Ты хороший и отменный придурок. Надо уметь не только играть, но и придуриваться. Жизни ты так и не понял, что в ней надо больше темнить и ловчить. Всё, всё я пошел.

Итак, завтра начнем болеть. Дальше что? Может, где-нибудь пошабашить?

Женька на кухне ел жареную картошку. Ясно. Агаша. Мне нельзя к ней. Сейчас нельзя. Подумает, чёрт знает о чем. Будто она так мне и нужна. Мне она не нужна. Потом будет нужна, когда надо будет...

Утром пошел к Зобову. Пинком открыл дверь. Терять мне нечего терять, но надо бы кое-что сказать хваленому начальнику. Секретарша не успела перехватить меня.

Остановился у стола, засунув руки в карманы брюк, ногой придвинул стул. Сел. Зобов был здоровенный дядя. Долго разглядывали друг друга.

– Значит, так, – сказал он, и стал передвигать на столе бумаги, графин и телефон. Знал, когда вот так начинали передвигать что-то на столе, ничего хорошего не жди.

Я встал и пошел к двери.

– Постой, постой! Наслышан много. Звонили... У нас любят звонить. Павел приходил. Я отказал. Не хочу терять отношения со строителями. Где мне брать стройматериалы? Где? У них. Почему такие люди? Обязательно надо звонить. Я противник таких звонков...

– Вы будто так не делаете? – спросил я и развернулся у самой двери.

Он вскинул косматые брови и засмеялся.

– Молодец! Звоню. Все мы хороши. Я против.

– А вы насмейтесь и пойдите против этой системы.

– Да ты что? Нельзя быть, не как все. Не поймут. Да и мне нужны стройматериалы. Но, не поймут ведь!

– Я не об этом. В таких случаях отучитесь звонить.

– Например, кто-то отмочит. А мне каково?

– А если я не отмочу?

– Все звонят... И я, как все. Я, понимаешь, как все...

– Надо говорить правду.

– Правда бывает разной, – упрявился Зобов.

– Нет. Правда не бывает разной. Правда бывает только одна – правда. А если разная правда, то это уже не правда, а ложная правда. У нас любят именно ложную правду.

– Тьфу! Как накрутил, даже голова заболела! – И он тряхнул головой. И заморгал. – Чистый философ. Теперь понимаю, что ты любому закрутишь голову.

– Я философ от самой жизни и от смысла её. Я от самой жизни пришел.

– Ты это самое... О правде. Хорошо сказал. Но, не по-нашему. Не поймут тебя. Трудно понять. Душой понимаю, а умом не разумею. Хорошо сказал. Не поймут. А это главное. В этой правде ты и того...живешь. Из-за этого тебе и достается. Ты будь как все. И тогда тебя поймут и полюбят.

– Хотя вы и убеждаете меня, быть как все, и вы уже сами стали не как все.

Он засмеялся. Я продолжал стоять у двери, готовый в любой момент скрыться за ней, и больше никогда сюда не приходиться.

– За горло ухватил. Вишь, как всё повернул.

– Так, глядишь, и не станете как все.

Нет, конечно...Но с тобой интересно...

– Слышал краем уха, что у вас шабашка есть...

Он вскочил и закричал:

– Друг ты мой философский! Ай, удружил! Каменюку с души снял! Есть шабашка! Мы здесь кузню собрались строить. Есть шабашка! Есть. Без работы не оставлю. А там утихомирится всё, уладится, и на постоянную работу возьму. Я таких людей уважаю... Давай ко мне, и не раздумывай. Самый высокий разряд дам. Пятый разряд.

Отдал ему трудовую книжку. Заявление написал по договору на временную работу.

– Ты извини. Потерпи немного. Будет и на твоей улице праздник. Будет.

Я вышел. Есть и среди руководителей сознательные люди. Есть.

Уложил Женьку спать. На душе скверно. Хотелось выпить. Вышел на площадку. Надо было сходить куда-нибудь. И вдруг, неожиданно для себя, шагнул к двери напротив. Агаша будто ждала.

– Ребятишки спят. Проходи. Совсем осунулся...

Она пыталась прикрыть грудь. Чудачка. Невозможно одно-временно закрывать грудь и бедра.

– Брось прикрываться. Скромница. Мне страшно тяжело.

Она всхлипнула.

– Знаю. Тебе нужна другая женщина. Ты просто так со мной...

Всхлипывая, она безропотно подалась ко мне и сказала:

– Как же тебя жизнь треплет... Как можно всё одному? Чую, ты не изменишься. Да и у нас бабы об этом говорят... Хотя со мной успокойся...

Рядом с ней я успокоился. И она рядом притихла, словно её и не было совсем.

ПОРЫВ

Новая работа. Надо было показать себя. За мной следили. Неприятное чувство.

В одной из тепловых камер случился не то порыв трубопровода, не то «подгорел» вентиль. Решили остановить подачу горячей воды на квартал. Надо было сбросить воду, и тогда только можно было устранить аварию. А мороз трещал под 50. Температура воды на подаче 120 градусов, на обратке под 80. Можно только представить, что делалось в тепловой камере! Остановка в это время нежелательна. Месяц назад в одном из кварталов

делали подобную остановку – заморозили восемь подъездов и несколько квартир.

Слесари стояли и думали. Один из них придумал.

– Вовка! Калинин! Принес? Российскую или Столичную?

– Столичную. Холодненькая, как зарево, – ответил Калинин.

– Надо бы манеcko лязнуть. – Закашлялся и сунул руку в карман за папиросами.

– Отлично! – крикнул один из слесарей. Узнал его. Он работал у самого Атаманова и браконьерничал с ним. Это был Гоша Охмурелов. Я уже упоминал о том, как в районной газете появился фельетон. Там описывались браконьеры во главе с начальником механизаторов, коммунистом Атамановым. На специально оборудованном тракторе они рыскали по тайге, уничтожая всё на своем пути. И как наш райком партии защищал его.

Так вот, один из участников разбоя устроился в эту организацию. Его сразу приняли на постоянную работу по указанию «сверху», а мне пришлось пошабашить. Теперь и я принят на постоянную должность сантехника по обслуживанию транзитных тепловых, подземных сетей.

Я взял маску. Она сшита из тряпок.

– Куды? – прошептал Калинин. – Отключим трассу, залезем в камару и всё сделаем как зарево. Пошли с мужиками в узел управления, и за бутылкой помазгует. У нас там ишо есь водяра. Идем.

– Пойдешь? – резко спросил его. Именно ему я сразу поверил. Этот пойдет. Маленький, ершистый, он смотрел на мир маленькими и колючими глазками.

Мужики молча потянулись за Гошей Охмуреловым. А мы с Вовкой пошли к парящему проему в земле.

– Будь наверху и держи веревку, – сказал Калинин. Обвязался веревкой. Перед этим на свою одежду надел ватные штаны и большую телогрейку. От пара лучшая одежда. Нащупал ногой лестницу. Пар ударил по штанам. Чувствовал, как он быстро-быстро катился по одежде в поисках лазейки. Там, внизу, в темноте, шум. Вот и под ногами трубопровод. Луч фонарика высветил мечущиеся плети горячей воды и пара. Кажется, там задвижка, по-книжному она называется – запорная арматура.

Оттуда шум. Значит, «подгорел» вентиль. Это проще, а если пробита прокладка? Дело осложнится. Пар нашел лазейку и ущипнул за щеку. Дышать становилось тяжелее, горячий воздух рвал легкие. Пар пробился к коленям, больно уколол за бок. Быстрее, быстрее... дышал часто и поверхностно, иначе нельзя. Могут «подгореть» бронхи. Потом будешь мучиться кашлем. А если сорвешься с труб в горячую воду? Надо об этом не думать. Выбраться бы, да стакан водки пропустить. А потом... Там будет видно. Вот он вентиль! Струя била в бетонный потолок, веером разбрасывалась по камере. И я бросился под этот веер. Вода и пар гремели по одежде. Сейчас они мне покажут. В верхонках растаял снег, и начало щипать руки. В таких случаях слесари всегда набивали верхонки снегом. Нашел барашек на вентиле. Повернул его. Всего два витка и шум стал стихать, захлебываться. Ещё повернул два раза, и шум прекратился. И всё. А столько было шуму! Горячий воздух долго ещё будет держаться в камере. Главное сделано. Теперь надо бы его заглушить. У меня не было заглушек. Кажется, вентиль на три четверти. Пошел к лестнице. Сердце рвалось из груди. Выбрался из камеры и упал в снег. Мужиков не видно. Они зашли в цокольное сантехническое управление дома. Вовка протянул мне кружку с чаем. Потом он помог раздеться до трусов. Мороз охватил тело, и я почувствовал приятную прохладу. Вовка закричал:

– Надевай мои портки! Из дому приволок! У меня там их полный угол! Дом мой рядом! Давай!

Моя одежда быстро покрылась льдом. Вовка поднес к пару мои ватники и телогрейку, чтобы не замерзли. Оделся в них.

– В моей сумке лежат разные заглушки. Возьму с собой сумку. И всё мы с тобой сделаем, как зарево!

Вскоре он скрылся в камере. Одной рукой я держал веревку, другой допивал чай. Он был с медом, и что-то ещё горькое подмешано. Водка.

Через несколько минут Калинин выбрался из пара – и в снег. Я его вытащил оттуда. Сунул ему кружку с горьким чаем. Вовка громко кряхтел и причмокивал.

– Как зарево... Наши мужики в цоколе... Не выжрали бы всё без нас... А то и нам не хватит... И мы с тобой маненько лязнем....

Мою одежду, хрустящую и взявшуюся коробом, понесли в узел управления. Оттуда несло водкой, луком и селедкой.

– Уже! – крикнул Вовка. – Уже мякнули? – и бросил одежду на горячие трубы. В цоколе светло и тепло. Мужики сидели там, где каждому было удобно.

– На, – протянул мне стакан с водкой Гоша Охмурелов. Хотел сказать, что не пью, но неожиданно для себя, стакан взял.

– Давай, давай, – сказал Гоша. Мужики мне подали хлеб с большой и жирной селедкой и луковицей.

– А мне? – спросил Калинин, обшаривая мужиков колючими глазками. Один из мужиков из-за ящика достал бутылку со Столичной водкой. Тут же появился стакан. Его наполнили до краев. Калинин вытер губы и одним махом выпил водку. Снова вытер губы рукавом и достал папиросу.

– Силен, Юрка, силен, – сказал Калинин. – Вот за такое я зауважал его. Он винтуху закрыл. А я потом заглушил... Уважаю... Мы таперича будем жить с ним душа в душу... Уважаю..

– Твоему Юрке надо перед начальством показаться. Грехи свои замолить, – хихикнул Охмурелов. Я достал из кармана три рубля, взял его мокрую руку, и сунул в мягкую ладонь.

– За себя и за Вовку, – сказал я.

– Вот, дает! – засмеялся Вовка. – Уважаю!

– Перед начальством стелится, – не унимался Гоша. – За что уважать-то?

Зря он так, зря. Подошел к нему и ухватил за ворот телогрейки и потянул вверх.

– Я тебя курвешку узнал сразу. Ты работал на Атаманова. Трактор водил по тайге для начальства. Стелился перед ним. Тебе бы, Гоша, помалкивать надо бы. А ты ещё возникаешь. Помнишь, как ваши женушки ребятишек в детских садах объедали? Всё помнишь. Меня помнишь. И мой фельетон на всех вас, помнишь «Брага и дело всмятку».

– Так это ты? – подали голоса мужики. Вовка даже прихлопнул в ладоши.

– Уважаю. Так за это дело надо бы отметить!

– Уважаем его! – отозвались мужики.

Я отпустил Гошин воротник. Охмурелов ушел в угол. Я взял начатую бутылку и разлил в подвернувшиеся стаканы. Подал Калинину полный стакан, как и себе.

– Пей. Мы уплатили.

– Да ты чо?! – зашумели мужики. – Мы не знали. Нам тут Гоша такое про тебя наговорил...

– Поймите, мужики, я же вот таких молчунов, как вы, защищал. Ваши права, ваши достоинства защищал от разной мрази. Пусть их будет сейчас верх. От этого они лучше станут? Но на дармовщину не люблю.

– А я чо? Люблю? – бросился ко мне Калинин. – Да я тебя до песен напою!

– Не в этом деле, Вовка. Следующий раз ты мне нальешь.

– Ты мне лучший друг. Ты меня уважаешь?

– Вот что, уважающий всех, пусть одежда моя подсохнет. Надо бы ещё раз проверить камеру. Как она там без нас, сиротиношка? В диспетчерскую надо сходить. И всё это дело умнем.

Мы выпили ещё по стакану. Калинин и сейчас выпил, утер губы рукавом и закурил. Силен мужичок!

На этот раз мужики потянулись за мной. В камере было тихо.

В диспетчерской, видимо, в ожидании автомашины, сидел один из начальников мастерской по производству гаек, болтов и разных других нужных деталей для городских нужд некий Пантелеймон Дубенко из-под Винницы. Весьма интересная личность в нашем крае. Это настоящий герой нашего времени. Когда-то он работал со мной плотником. Он чувствовал потребность к руководству. Ещё в те времена он мне говорил:

– В армии я в старшие сержанты выбился. И здесь я не буду топором махать. У меня рабочие будут трудиться на моем подворье. А ещё мне надо вступить в партию. Без неё, родимой, нельзя. Какой же я буду начальник без партийного билета?

Он поступил на заочное отделение в институт. Выработал на лице дежурную улыбку. Даже стал тренироваться перед зерка-

лом – улыбаться, говорить, призывать. Все партийные деятели призывают, а он чем хуже? У нас так было, если научился складно болтать – быть тебе парторгом или начальником. Все заметили эту улыбку, доверчивую, ласковую, всё понимающую. Мы ещё тогда заметили за Пантелеймоном, что он затеял игру. В серьезность его намерения никто не верил. Он говорил:

– Хорошее время идет. Быть начальником, да ещё коммунистом – счастье вдвойне.

И если кто-то планировал стать начальником, то надо обязательно вступить в партию. Надо вступить пока не поздно. Он ещё, когда был рабочим, то стал коммунистом. Среди руководителей была организована очередь для вступления в партию. Это было постановление из Москвы. А то, что были очереди, это не моя выдумка. Это была правда. Каждый руководитель обязан стать коммунистом. Представьте, сколько же туда влезло прохиндеев. Знаменитые Семы, Зиновьи, Крысы и Викочки продолжали работать в торговле и воровать. Порой мне становилось от этого страшно. Куда мы катимся? До каких границ докатимся? И где этот конец? Будет ли он? Всё больше приходил к выводу, что конца не будет. Воровали всегда и будут воровать. Пусть некоторые читатели не верят в мою правду. Но это так. Низы не верили в светлое будущее. И я не верил. Как можно верить, если руководители-коммунисты, начиная от маленького и до самого большого – заворачивались.

Получив диплом, Дубенко и получил должность. На этом участке больше половины пьяницы. Он хорошо понимал, что «умный» руководитель лучше будет управлять пьяницами нежели трезвенниками. И не в том, что алкаши лучше работают, а легче ими руководить. Они, как оловянные солдатики. Например, вчера нажрался, попался руководителю на глаза, а сегодня по стойке смирно. На всё готов. Это же понятно, что пьянь легче держать в повиновении.

Дубенко, бывало, подойдет к такому мужичку и очарует его улыбкой. Даже дружески по плечу похлопает, пылинку собьет от дрожащего от страха плеча.

– Ну, чо, милая, головка ва-ва? Ничо, пройдет...

Пьяница от таких слов и знаменитой улыбки чувствует неладное.

Пьяницы, что личные шоферы, очень чуткие к малейшей тональности голоса своего благодетеля. Вот и гадай – куда повернет начальник. Или пригрозит увольнением по непрестижной статье – а кому хочется терять северные надбавки? Или пошлет в такое место, что взвоешь. Вот в таком случае пьяниц легче держать в повиновении. Да и прижились как-то здесь, спелись и спились. В общем-то, он оказался добрым малым. Порой и сквозь пальцы смотрел на проделки своих забулдыг. Не отправлял их на растерзания местным властям. И пьяньчужки были довольны и благодарны своему благодетелю. А за благодарность надо платить. И они платили. То одному, то другому он нежно предлагал помочь на личном подворье. Построят мужички один гараж, начинают строить другой. Потом он гаражи продавал. Пьяницы и землю пахали, сажали картошку, сеяли морковь, даже помидоры пасынковали. Всё приходилось делать мужикам. Ещё надо было им кормить свиней, кур, гусей, кроликов. От такого доверия не только похмелье проходило, но и застарелый радикулит, приобретённый от долгого лежания на снегу. Вот такие были дела на участке. Напьется мужичок, а Пантелеймон обласкает его, домой на машине доставит, а на завтра смотрит на мужичка и нежно улыбается. А мужичок под таким взглядом ужом извивается. Тут-то и брал неопохмельного мужичка и лепил из него раба. Раба-то хоть как-то кормили, а этих пьяньчужек – нет. Даром вкальвали.

Кстати, этот участок неожиданно в передовики вылез. И, мол, всё там стало в норме. Прогулов не стало, бросили пить. Вдруг пьяницы стали газеты читать, и кино коллективно посещают. Даже до книжек добрались. Такие отчеты шли в управление, что даже переходящее Красное знамя у кого-то отняли. И только очень близкие люди знали, что это было полное очковтирательство. Ничего там не изменилось.

Вспомнил я и знаменитого Атаманова. Он ведь тоже вокруг себя держал свору рабочих – подхалимов, именно таких же забулдыг. И такое было почти в каждой организации. И наше государство платило им за то, что эти люди, вкальвали на личных

подворьях своих рабовладельцев. Попробуй, построй с ними светлое будущее. Рабочие молчали. Иногда я пытался вывести их на честный разговор, но они даже меня материли, чтобы я не мешал им подхалимничать. Многие из них злились на меня, и поддерживали тех руководителей, которые критиковали меня. А были и такие, которые пытались избить меня. По наущению своих благодетелей. Мне было тошно смотреть на таких руководителей-благодетелей. Особенно, когда устраивались вечера после каких-нибудь торжеств, юбилеев, конференций, посещение партийными секретарями совхозов, леспромхозов и поселков. До того обнаглели, что журнал «Крокодил» заинтересовался. В этом журнале даже был напечатан фельетон. Леспромхоз отмечал юбилей, мол, вот уже тридцать лет вывозит ценный лес в одну из южных республик. И не оставляли нам ни кубометра пиломатериалов, кроме пеньков и пожарищ. Даже работникам леспромхоза задолжал леспромхоз. Всё ушло на юбилей. И такие юбилеи были. А закоперщиками таких юбилеев были доблестные райкомы партии по всей нашей многострадальной Сибири. Как-то директор леспромхоза Сергеев попытался взломать эту порочную систему. Втайне построил два коттеджа для рабочих. Что ту началось! Издергали мужика. С работы сняли, выговор получил. А может ещё из-за того, что одного члена райкома партии по физиономии ударил. А ещё он не любил ездить в райком партии для отчетов, а постоянно находился среди рабочих.

Бедную Илимскую тайгу уничтожали под корень, именно из южных республик.

Так вот на том юбилее, о котором был напечатан фельетон в журнале «Крокодил», были дорогие подарки, дорогие вещи. Всё было бы ничего, мало ли было таких торжеств, но люди остались без зарплаты. Деньги ушли на богатое застолье. Надо было ублажить коммунистов из райкома партии. Какие были приняты меры? А ничего не было принято. Отписали в сатирический журнал, что меры были приняты. Наказали виновных. Каких? Уволили тех, кто сочинял письмо. Вот так. Организаторы той попойки как работали, так и продолжали работать. А вот главный вдохновитель – райком партии опять был в стороне. Как же!

Райком партии нельзя было критиковать. Такое происходило по всей нашей стране. В том фельетоне даже райком не зацепили. А ведь на его территории было организовано такое шикарное пиршество! И райкомовские работники во главе с секретарем, не сыпали на голову пепел, не хлестали себя по упитанным щекам, а поглаживали себя по своим тугим животам, в ожидании другого пиршества. Они с упоением продолжали призывать народ к светлым вершинам коммунизма. Призывы и вранье, вот были главные лозунги этих безнаказанных хитрецов и ловкачей. И с такими райкомами захотели построить коммунизм. Кому это только в голову такое пришло. Как к кому? Ведь в Кремле тоже засели вруны и ловкачи, уже живущие при коммунизме. Призывы к туману, вранье и бессовестный обман народа пропитал всю нашу несчастную Россию. А мы, мол, райкомовские и обкомовские товарищи, хуже наших благодетелей? Нам, мол, тоже хочется приблизиться к коммунизму. Вот они и приблизились. В будущем, когда я буду работать в районной газете «Маяк коммунизма», мне тоже придется съездить в тот Видимский леспромхоз и написать фельетон. В нем была чистая правда. И снова райком партии будет защищать этих тружеников-руководителей. Мне тогда и досталось.

Надо сказать, что я попал в хорошую организацию, где все руководители совместно с конторскими защищали своего одного, и один защищал всех. Это был дружный коллектив. Рабочие в этот круг не входили. Конторские дамы, как и личные шофера, насмерть стояли за своих благодетелей. Такие люди очень нравились начальнику в этой организации Ивану Ивановичу Язавасбудудуматько. Зобов, который принял меня на работу, уехал в Братск. После него у нас в начальниках побывал Рябчиков. Демократический мужик. Высокому начальству он не подходил, наверное, из-за того, что не желал ходить в райком и хорошо относился к рабочим. И даже советовался с некоторыми из них.

Рябчикова сняли с должности и поставили Язавасбудудуматько. И вот в этой организации разрослось подхалимство и угодничество. Камарилья угодников и эксплуататоров рабочих, пронизала эту организацию. Да и всё наше общество было пронизано подхалимами. Но были руководители, которые пытались

разрушить эту систему, но они не подходили по всем статьям к советской камарилье. Их изживали. В это золотое время они начинали выпивать, а некоторые совершенно спились.

А вот Пантелеймон Дубенко не выпивал, знал меру, потому что он шел к цели.

Инженер Хамов Анатолий Иннокентьевич тоже хорош гусь. Это тоже заметная личность в нашей глухой провинции. Их много таких. Просто я взял одного из удивительной эпохи социалистического феодализма с уклоном в рабовладельчество. Так вот, в одном из леспромхозов осваивали производство дегтя. Хамова назначили директором. Прежде всего, он стал докладывать в райком партии о своих достижениях, победах на трудовом фронте. А рабочие в это время жили в свинячьих условиях. И зарботков не было. И Хамов до того обнаглел в очковтирательстве, что даже районные власти, отменные и первоклассные специалисты по вранью, за головы схватились, как это Хамов, лучший пропагандист-коммунист в районе, сумел развалить молодое предприятие всего за один год! Бедолагу сняли с работы. Отгулял своё лихой директор в таежном краю, проспался, и устроился в организацию, где я работал. А принял его Иван Иванович Язавасбудудуматько. Но Хамов держал обиду в себе. Как же, с такого доходного места выгнали! И решил он уехать на родину. На прощание конторские дамы подарили ему ковер, слезу пустили, а с одной дамой даже плохо стало. Скорую помощь вызывали. А чтобы любопытные не заглянули в контейнер, что он там украл, заставил сварщика заварить дверь. Он уехал. И вот если какие грехи происходили в нашей организации, то обвиняли Хамова. Он, мол, негодник виноват! Он, мол, эдакий шельмец всё украл! Он, мол, и нашу организацию хотел развалить. А конторская дама, что падала в обморок от горя, что покидал нас Хамов, больше всех кричала о проделках инженера. А тот возьми и не приживись в теплых краях. Там своих прощелыг хватает, да ещё похлеще нашего Хамова. Он вернулся в наши края. И снова его приняли инженером. Банкет устроили ради встречи дорогого гостя! И опять слезы. Но слезы от счастья. А та, что падала в обморок, снова рыдала от безмерного счастья. Извините меня, но мне было противно смотреть на этих плачущих дам. А их, вот

таких, много по нашей стране. Хамов после такой встречи попал в медвытрезвитель. Пришлось выручать. И все конторские поклялись ему в преданности, и говорили, что скучали по нему. Вот и построй с ними светлое будущее.

Примечательна судьба и у одного из работников парткома Федора Аристарховича Балаболкина. Когда-то он работал на железнодорожных путях. И все его звали Федя-костыль. Мечтал вступить в партию. Надоело ему забивать костыли в шпалу. Надо искать, что полегче. И нашел. Он видел, как искусно говорят товарищи из райкома. Вот бы ему так насобачиться болтать. Мечта его сбылась. Он вступил в партию. Мало. Главное, надо отменно и хорошо говорить. Он научился задавать себе вопросы и тут же на них отвечать. Порой задавал очень трудные вопросы, это смотря на слушающих. А потом весьма толково себе отвечал. Это был его конек. Задаст вопрос, обведет всех серьезным взглядом и сам себе ответит.

– Умный мужик Федя-костыль, – говорили слесари. – Немотри, чо на путях работал. Умно отвечает. Я бы на его месте не ответил. А он, этот вопрос, как орех, враз раскусил. Умный мужик...

Умный мужик Федя-костыль был замечен в райкоме партии. И назначили его в партком.

И он стал задавать себе вопросы на каждом партийном собрании и совещании, и слыл среди коммунистов умным и деловым товарищем. Научился, говорить по два часа. Передохнет немного и ещё может отважиться на часик. У меня возникло такое ощущение, что все они соревновались между собой, кто дольше и заковыристее проговорит перед слушателями. Но, в этой болтовне, скажу вам, ему не было равных. Он даже самого Дрожжина обогнал. Если все ораторы изошрялись в том, как бы лучше и быстрее подойти к светлым вершинам, как это делал Дрожжин, то Балаболкин наряду с вершинами, нагромождал на них крючкотворные вопросы и изумительные ответы.

Скажу откровенно и прямо, без вот этих героев было бы скучно жить. Не может Россия жить без них. Такие герои есть в каждом районе. Большая страна, и как тебе не повезло с этими героями. Они наводнили все уголки нашей страны. Терпи,

Россия. Ты всегда во все времена терпела от таких героев. А в будущем, в новой России, тебе ещё хуже будет. Ведь они на Марс не улетят. Они снова придут к власти, только в другой оболочке, и она будет пострашнее вот этой оболочки, в которой вот сейчас мы с ними рядышком живем. И вот я о чем подумал, когда описал вот этих настоящих героев этого времени. В будущем я их тоже опишу. Без них родимых нельзя. Так вот я о чем подумал. Они все хотели пробиться к дармовой кормушке, но для этого надо себя переделать. Как? Я уже говорил об этом, что в каждом человеке живет артист. А вот как сыграть эту жизненную роль, такая задача стоит перед каждым этим товарищем. И они с честью с этой ролью справляются. Я ведь не зря привел в пример этих товарищей, когда пришел в диспетчерскую. А почему я не должен играть? Им можно играть, а мне нельзя? Я тоже играю. Но, за эту игру они получают деньги. И подумав об этом, мне, действительно, стало страшно. Начиная от маленького человечка с партийным билетом, и занимающим маленький, но очень важный пост партийного глашатая и до кремлевских товарищей, они все, без исключения, совершенно не нужны при таких должностях разоряющих нашу страну.

Так вот, в этой диспетчерской сидел Пантелеймон Дубенко, и он, как всегда улыбался. Диспетчер громко отвечала:

– Не могу тебе дать машину, товарищ Дубенко! Ну, не могу! Её два часа назад забрал ваш лучший друг Хамов! Ему она нужна на дачу! А рабочие ждут... Им нужна помпа, чтобы откачать воду из камеры! Не дам!

– Мы ждали помпу и вентилятор, – сказал я.

– Вашу машину Хамов забрал. Просил на тридцать минут, а уже прошло два часа.

– Так можно и квартиры заморозить, – продолжал я. Надо было что-то говорить.

– Сейчас электрики соберут кабель – и к вам...

И тут я решил успокоить диспетчера.

– Не надо. Мы всё сделали. Ребята, что надо. Отличные. Они послали меня. И не надо делать остановку на квартал.

– Ой, спасибо, ребятки, ой, спасибо. А этот Хамов совершенно обнаглел!

– Скажите мужикам, Всё они сделали, – сказал я.
Дубенко ещё нежнее заулыбался.
– Здесь такие орлы появились и трудятся...
Лидия внимательно посмотрела на меня и тихо сказала:
– Юра, успокойся. Не надо. Идите по домам. Отдыхайте.
С мужиками мы пошли домой. Женька спал. Я подошел к окну.

Да, кстати, на следующий день на видном месте была вывешена газета «Молния». Там всех рабочих упомянули за устранение аварии, кроме меня. Всем им выдали премию по двадцать рублей. И никто не задался вопросом, почему обошли меня. Я не обиделся на рабочих. Видимо, так и должно быть.

РАЗБОРКА

Подошел к окну. Да, я стал вживаться в коллектив. В общем-то, люди на участке хорошие. Просто их делают такими, какими они есть. И не надо бы мне на них обижаться. Я и не обижаюсь. Всякие есть. Их ведь лепила наша современная жизнь во главе, которой во всех уровнях, стояли эти самые затаившиеся артисты у власти. Конечно, на наших местных давили областные артисты, а на них – из столицы. Я всё это понимал, но зачем мне все эти звенья? Мне только нужна одна провинция нашего государства. Провинциальный городишко. Вот я и взял кусочек из российской глубинки. Вместе со мной в неё вживались местные герои нашего времени. Они вот такие есть в каждом городишке. Только у них фамилии разные. А так во всем они одинаковые.

Мне оставалось вкалывать. Бросался первым в случившейся аварии.

Здесь Гоша Охмурелов прав. Мне нельзя, чтобы обо мне скажали, что я к тому же ещё и лодырь.

А тут появились «курильщики». У простого рабочего попросят прикурить, а у того не окажется папирос, или не так ответил. Изобьют и деньги последние отберут. Я взял кнут и пошел прогуляться по городу. И что удивительно, эти «курильщики» не трогали начальство. Несколько дней ходил. Пьяным притво-

рялся, кричал о гайках, как их правильно закручивать, даже где-то буксовал. Даже песню закатил про камыши.

И вот однажды, когда я исполнил арию про Стеньку Разина, ко мне подошли трое парней. По одному они не ходят. Этот народец пакостный и подлый. Они толпой ходят.

Попросили подкурить. Сразу понял – они сердешные.

– Не куру, – ответил я. Кнут торчал за поясом, прикрытый телогрейкой.

– Дерзишь, мужик, – сказал один, и бочком пошел вокруг меня. Давно заметил, что так делают только самые подлые граждане.

– Дерзишь, падлюга! – завизжал он. У них вот такие голоса. Мужчина и женщина приближались ко мне, но резко свернули в проулок, повернул туда и здоровенный парень.

– Это я, мои бриллиантовые! – громко ответил я. – Это вы мне дерзите, мои ненаглядные «курильщики»! Я все глазоньки проглядел в поисках вас. Давайте поговорим о гайках и винтиках, как правильно закрутить пробку на бочке. Ну? Говорите. Не стесняйтесь. Жду.

– А он ишо издеватса над нами, – сказал второй и прыгнул ко мне, чтобы пнуть меня. Пришлось увернуться. – Таких как ты, мы марали! Тока што одного мы уже отмордовали...

– Запинали вы его, козлы вонючие, – ответил я, расстегивая телогрейку. Отступил к стене дома. Теперь пусть идут.

– У него бутылка, парни! – опять завизжал первый. – Дай её! Хуже будет!

В руках у одного что-то блеснуло. Нож. Выхватил кнут и опоясал самого визгливого парня. Вот это был визг! Тут же врезал того, у которого был нож. Он выпал из руки... Третий побежал, и того достал кнутом по спине. Он поскользнулся и упал. Опоясал его, когда он вскочил. Не хватало ещё лежачего бить. Это не в моих правилах. Двое убежали. Этот третий снова упал, но я не стал его бить. Он закрыл голову руками. Изогнулся весь и ногами сучил.

– Вставай, лежачих не бью.

Он из-под куртки поглядывал на меня. Не доверял, ублюдок.

– Странная вы шпана, – сказал я. – С меня-то что возьмете? Ничего. Ну, пятерку или бутылку. И всё...Вы не можете встретить какого-нибудь туза? У него и деньги есть и рыжѣ разное...

– Ага, – ответил подонок и стал подниматься. – Потом за него срок мотать? За него больше дадут.

– Ну, пошли бы какого-нибудь главного грабанули...

– За них рабочие пойдут. За бутылку водки пойдут.

– Вот в этом вопросе я с тобой согласен. Марш домой!

Он юзом от меня, и хотел подобрать нож, но мой кнут не позволил подобрать его.

– Не тронь. Оставлю его себе на память о нашей горячей встрече.

Долго хранил нож, а потом выкинул в речку. Всё-таки, это оружие, и оно не должно быть в моей квартире, кроме кнута. Потом какие-то воришки проникли в мою квартиру. Унесли радиолу, зимнее и осеннее пальто и мой кнут. Потом ещё кто-то пробрался в мою квартиру, и сожгли мои рукописи посреди комнаты. Конечно, они их прочитали. Мои рукописи кому-то помешали.

Посидел у окна и пошел к своему новому другу Генке Кочеву. Он писал. Весьма интересная история с ним приключилась. Парень отправил повесть в Иркутск. В то время там состоялась литературная конференция начинающих писателей «Молодость. Творчество. Современность». Кочев получил диплом первой степени. Лучшая повесть. В журнале «Ангара» напечатали. Во многих газетах и журналах печатали о Кочеве. Писатель Вячеслав Шугаев очень хорошо отозвался о нем, даже статью напечатал в газете «Правда». Шугаев приехал к нам в гости. Собрались все любители литературы. Шугаев провозгласил тост за талант Кочева. Ах, уж эта милая провинция. Разве она могла такое простить? Конечно, нет. Шугаев уехал. И началась травля на Кочева. Срочно собрали литературный клуб. Начали обсуждать повесть. А одна оголтелая дама, в прошлом спортсменка, волею судеб попавшая в наш родной городишко, кричала:

– Надо запретить ему писать! Он позорит любимую советскую власть! Он позорит честь советской женщины! Не позво-

лим позорить! Какое там печатать, ему даже надо запретить писать! Он там позорит солдата и офицера советской армии! Он, этот Кочев, замахнулся на святая святых, на нашу родную коммунистическую партию. Опозорил наших советских женщин! Не позволим позорить!

Ещё один несостоявшийся литератор закричал:

– И весь там настрой против народа! Нет там ни чести, ни благородства! Там не показаны честные люди! Где они? А их там нет.

Вскоре этого гражданина арестуют за хищение государственного имущества. Ему даже любимая партия не помогла, столько он много наворовал. Хотя и выступали от райкома партии товарищи, и говорили, что это честнейший человек, настоящий строитель светлого будущего.

А один товарищ даже затрясся.

– Правильно здесь сказали уважаемые и самые культурные, интеллигентные товарищи – надо ему запретить писать! Это сказали тут самые благородные и честные товарищи города! Не пройдет Кочев! Ишь, мы тут годами пишем и ничего, и нас не хвалят и нигде не печатают! А этот... хлыщ... Этот не успел что-то там нацарапать, и его уже в печать? Не позволим!

И не позволили. Не позволили печатать отрывки из повести в районной газете «Маяк коммунизма». Ответственный секретарь газеты потрясла рукопись, а потом рассыпала по полу.

– Здесь ей самое место. Вот так всякую бяку. И ты, Стрелов, что это защищаешь Кочева? Мне твои очерки тоже не нравятся. Хрясь-брясь, подняли, бросили. Чушь какая-то! И почему в твоих рукописях не упоминается направляющая сила партии? Не позволим Кочеву печататься в нашей газете... Не пройдет твой Кочев! Вот так.

Его рукопись была выкинута в мусорный ящик.

На том сборище даже сам Дрожжин речь закатил. Как и положено, перед речью он немного побледнел, гулко откашлялся, осадил галстук и начал говорить:

– До каких пор наши писатели будут чернить нашу партию и наш строй! Не надо позволять! К позорному столбу их всех! Хоть всех, таскать, до одного отдавай под этот самый... суд. В то

время, когда весь наш народ, не покладая рук трудится, таскать, на благо коммунистического завтра, когда наш весь трудовой народ вышел на прямые рубежи к построению, таскать, это самое, светлого будущего. И уже в этом будущем светлом будущем видны её сияющие вершины, такие, как Кочев и его защитники, это самое, таскать, путаются под ногами нашего трудового народа. В то время, когда весь наш народ...

В общем, всё в том же направлении, как по заказу, говорил около часа, и даже взмок. А я в это время хорошо подремал в уголке. Мне почему-то захотелось побывать среди этих граждан. Интересно, всё-таки, побыть среди цвета нашего города, глядишь, и я получу от них какую-нибудь расцветку.

В конце, как бы подвели итоги собрания совместно с партийными деятелями. Дрожжин даже голос повысил до срыва, чем вывел меня из дремы.

– Не позволим пятнать и чернить нашу родную партию, наше советское государство и наших советских женщин! Все эти три главных понятия неразделимы! К позорному столбу отщепенцев!

Кричал он, а сам на меня смотрел.

– А Шугаев тоже хорош гусь! – крикнула активистка. – Чего это он сюда зачастил? Всё что-то вынохивает! Надо ещё с ним разобраться! Не позволим!

– Разобраться! – крикнул несостоявшийся литератор районного масштаба. А заместитель редактора районной газеты по фамилии Попок даже немного покраснел, что с ним никогда не приключалось.

– Надо ещё и на Распутина... как его... посмотреть! – заревел Попок. – Куда он нас призывает? Куда? В прошлое. Деревни воспевают! Чего их воспевать? Хватит! Пожили в деревнях. Теперь на их месте море! Это же прогресс! Это же великое будущее! А то приехал сюда Распутин и давай о деревнях говорить. Надо строить большие дома в этих деревнях и заселять в них деревенских. Не желаем древностей! А этот... Вампилов туда же! Высмеивает... кого высмеивает? Нас с вами высмеивает! Не позволим высмеивать! Нет такого права, чтобы всех высмеивать! Современность высмеивает. За ними и Кочев пошел. Это же вольно-

думство! Как можно так относиться к партии? У них она совсем отсутствует! На каком основании? Как можно так относиться к социалистическому строю и советской женщине? Да, я согласен. Эти понятия неразделимы! У нас нет распущенных женщин! И нет такого легкого поведения!

Бывшая спортсменка вскочила и захлопала в ладоши. Все торжественно оживились. В общем, единогласно осудили отсутствующих на этом политическом сборище Геннадия Кочева, иркутских писателей – Распутина, Вампилова и Шугаева.

Решил и я речь закатить.

– В то время, когда космические корабли бороздят просторы вселенной, таскать, когда все мы, плечом к плечу, ползем к светлому будущему, когда все мы, таскать, как один, обопремся на гранитный фундамент, когда треугольным камнем мы пропашем борозду по сорняку зависти и корысти...

– Хватит! – прервала меня бывшая и настоящая активистка.

– Надо к делу! Вы, значит, Кочева поддерживаете?

– Надо бы сюда пригласить судью и присяжных заседателей,

– ответил я. – С ними как-то было бы легче, да и как-то веселее было бы.

– Вы не смейтесь, товарищ Стрелов, – сказал Попок. – Ишь, по деревне они соскучились. К старому возврата нет! Начитались разной антисоветчины, товарищ Стрелов, а теперь туда же лезете!

– Но разве эти писатели антисоветчики? Кто их такими называет, тот сам антисоветчик, – ответил я. – Разве можно Солженицына таким назвать? Читал я его произведения. Один у него есть рассказ про комиссию. Это же чистая, правда, будто написано про наш городок, про наших руководителей. Вот где настоящая реальность.

Попок ахнул и сел, растерянно посмотрел на всех. Все сразу притихли, насторожились. И только один Дрожжин вскочил и ухватился за галстук. Глаза его бегали, а губы дрожали.

Наступила подозрительная тишина. Корреспондент районной газеты и мой хороший товарищ Паша Шкандыба только что вошел в кабинет и всё слышал, сказал:

– Не понимаю вас. Это мнение Стрелова. Почему он должен под всех подстраиваться? Я тоже читал Солженицына про лагерь. Ну и что?

Наконец я услышал голос Дрожжина.

– Как это можно? Как можно про такое... говорить спокойно? Как? – И он попытался как бы освободить голову из пут галстука. И его правое ухо покраснело, и словно вытянулось в мою сторону: – а где брали этот... с позволения, таскать, этот рассказ? Вы нам скажите, товарищ Стрелов, и мы вместе почитаем. Все мы тут почитаем... Скажите и не стесняйтесь... Как? Что вы, товарищ Шкандыба сказали? Вы же, корреспондент! Стрелову простительно. Он давно против советской власти, а вы-то как посмели? Надо и с вами разобраться.

– А что тут такова? Не пойму. Повесть Солженицына даже в журнале напечатали. Не понимаю, что вы так всполошились? Там настоящая, правда, жизни.

– Так, – такнул Попок и его лицо совсем порозовело. – Так. Всё ясно.

– Смотрю я на вас, а вы с Балаболкиным на одно лицо, – сообщил я им. – Одни лозунги. Одни слова. А я читал, и буду читать. И никто мне не запретит.

– Э, товарищ Стрелов, а вы оказывается с душком, а я и не знал, – медленно так с расстановочкой протянул Попок, встал и опять сел, а Дрожжин сел, и тут же вскочил. Ему очень захотелось закатить речь. Попок ещё раз повторил:

– А я не знал...

– А надо знать, – быстро ответил я.

– Подождите, подождите! – воскликнул Дрожжин. – Это что же получается? Кем он нас назвал? У нас, таскать, одинаковые лица? Так что ли? Как это можно понять? У уважаемых людей одинаковые лица? Мы есть одно лицо? Так можно понять? Лицато у нас, конечно, разные. Мы, таскать, есть не одно лицо. Они разные, а вот идея у нас одна... коммунистическая. А что взять с этого Стрелова? Они с Кочевым наслушались разных речей от писак. Мы, мол, с Кочевым тоже того... А вы не того... И давайте не того! А потом, мало тебя, Стрелов, выгнали отовсюду. Даже из бригадиров попросили сами рабочие, – он выпрямился, и

лицо приобрело цвет брусничного сиропа. – Ишь, защитничек нашелся, запрещенную литературу читает. Ни к чему у тебя нет желания. Только и лежит душа – честных людей порочить. И сейчас честные люди на тебя жалуются. Мешает людям руководить. Путает карты руководства. Стрелов, таскать, есть прямой враг советской власти! Какой же вы коммунист?! Вы есть, таскать, настоящий коммунист-анархист! Вот такие вот, таскать, несознательные элементы и пробиваются в партию и засоряют её светлые ряды. Гнать надо таких товарищей из партии поганой метлой!

Дрожжин сел, а мне тоже захотелось что-нибудь сказать, но вдруг расхотелось. Понял одно, что ничего им не докажу.

Странная штука получилась. И здесь партийные деятели устроили партийную летучку. Мне ничего не оставалось делать, как встать и уйти. Нет, не стал пинать дверь и хлопать ею. Она не виновата. Очень нежно закрыл её. Последние слова, которые услышал, принадлежали активистке.

– Кто ему дал право так отзываться не только о партии, но и о женщине? Эти понятия неразделимы. Надо разобраться с этими защитниками, и запретить им писать!

Отошел я от окна, и вышел на площадку. Собрался было идти к Кочеву, даже подумал о нем, а открыл дверь напротив.

– А я худеть начала, чтобы ты обратил внимание на меня. Зарядку делаю. На стадион пошла. Голодаю...

– Да, пообтесаться бы тебе надо...

– Ты сегодня какой-то не такой. Станный. Что с тобой?

– Духовный отдых нужен. Вот и пришел к тебе получить духовный отдых...

– Понимаю. Отдыхай...

И потом опять быстро уходил из этой квартиры. Но один раз она сказала:

– Юра, сошлись бы мы с тобой, и сразу бы поменяли квартиры на большую. Например, на коттедж. А то у меня, всё-таки, трое... пусть себе там бегали...Раздолье бы им там было...

Ну, а если мне не хотелось этого раздолья, крика, шума, визга? Ведь это раздолье и шум я бы каждый день видел и слышал. И Агаша бы мельтешила бы каждый день перед моими глазами.

А мне не хотелось мельтешения! Нет, такая жизнь не по мне. Ничего не ответил, а просто ушел.

Ладно, надо ей простить. Просто у неё произошел душевный порыв к тихой семейной жизни. А какая женщина не мечтает о тихой семейной жизни, но только не одинокий мужчина. Всё. Мне не до семейной жизни. Что за женщины! Им обязательно подавай семью. А если мне не хочется семьи? Всё! Хватит об этом.

КАК НА ДУХУ

Повстречался с начальником нашей организации Иваном Ивановичем Язавасбудудуматько. Он оглядел меня и сказал:

– Ты – молодец. Хороший общественник. Как ты этого...на трибуне...расчихвостил. Но с перебором. Нельзя так. Ну да ладно. Сойдет. А вот с мужиками выпивать не следует. Нельзя. Не-хорошо.

– Кто накапал?

– Это неважно. У меня к тебе есть дельное предложение. Сам знаешь. Мужики совсем распоясались...Мы сейчас дисциплину отлаживаем. У тебя на участке тоже займись. Помогни начальнику участка. Нигде не участвуете. Ваш участок самый отсталый. Вызовите какой-нибудь участок на соцсоревнование. И пойдет у вас дело.

– Это не очередная ваша хохмочка?

– С тобой я не знаю, как разговаривать.

– Веру потерял.

– Оно и видно, что любое начальство не уважаешь.

– Неправда. Не всякое. Не всяких и рабочих уважаю. Личных шоферов терпеть не могу. Подхалимы. Скажу так. Эпоха подхалимов наступила. Не только конторские, но и многие рабочие такими стали. А конторские всегда были такими. Всё вот это страшно. А вы, как я заметил, окружаете себя этими господами.

– Началось. А я хотел с тобой поговорить, а ты...

– Давайте советоваться. Я разве против того, чтобы поднять дисциплину? Всеми силами помогу.

– Вот это другой разговор. Помогай. Я всем говорю, что ты всех рабочих выше на целую голову. Они ведь ограниченный народ...

Вот так многие начальники думали о простом рабочем. Это я насмотрелся и наслушался. И в обратном меня никто не переубедит.

Понимал, что с мужиками на эту тему беседовать нельзя. Не поймут. Но решил попробовать. Мужикам сказал, что можем выйти в лидеры, и будет нам денежная премия. Все врут, и мы будем врать. Меня назначили редактором стенной газеты. Выпустил одну стенную газету, на другой месяц даже три газеты. Бывало и четыре газеты выпускал. Ну, например, одну газету посвятил освобождению африканских народов от рабства, две газеты о космосе. И, мол, пошлют ли туда слесаря-сантехника?

Вот что сказал мне Гоша Охмурелов:

– Лучше бы ты помалкивал. Хочешь, я всем расскажу, кем ты был в молодости? Хочешь? Так что помалкивай. Отовсюду тебя гнали. Да и начальство тебя не любит.

– Говоришь, чтобы я молчал? У меня нет секретов. Я свое отбарабанил. Молодость была бурная. Это так. А что не бывает в молодости? Всякое было. Объездил всю страну, бомбил богатеньких. Не обижал бедных. Ну и что? А вот ты кем был? Молчишь отчего-то? Загадка.

Гоша Охмурелов и рот настезь. Не ожидал он такого моего признания.

– Я как на духу, – продолжал я. – Что было, то было. Столько лет прошло, порой и самому надо бы всё забыть, так нет же, некоторые напоминают. Странно устроен человек, чем он хуже, тем больше напоминает о плохом.

– Я хороший человек, – ответил Гоша.

– Ты плохой человек.

– Хватит, – вмешался в разговор Володя Калинин. – Можно иной раз немножко и лязнуть. На свои пьем. А ты, Гоша, хорош гусь. Помню, ты на базе работал, и кое-что начальству возил. С Атамановым по тайге шарил... А за Юркино прошлое я бы чичас водочки мякнул. А я чо? В деревне в лаптях ходил. Некаво и вспоминать. А ты, Гоша по базарам шарил. Барыжничал. Вот

я тебе и напомнил. Чо, пымали? Зачем тада других обсуждать? Сам заглохни. Вот такой тебе коленкор.

– Чо ты мне юность приплел!? – крикнул Гоша.

– А ты чаво Юрке юность вяжешь? Тебе в юности до нево, как до небес! Так чо, помалкивай! – ответил Калинин.

Мужики стали вспоминать свое детство, юность. Всем досталось. Юра Мешков бродяжничал в детстве, воровал, много раз убегал из детского дома. Был и специалистом по карманам. Иван Светин тоже скитался в детстве. Никто из мужиков ничего хорошего не видел. Иван Светин честнейший мужик, которого я встретил в жизни впервые, к тому же своеобразный философ. Он так понял нашу жизнь.

– Сначала мы жили. Так надо было, потом смирились, привыкли. Свыклись. Потом опять – так и надо было. Опять свыклись. Смирились, привыкли. А может, и нет другой жизни? Какая она должна быть, жизнь-то? Кто ответит? Члены райкома не ответят. Им не верю. Да и никто им не верит. А зачем нам другая жизнь? Привыкли. У меня жена. Два сына. Машина. Дача. Понимаю. Что-то в нашей жизни не так. Понимаю. А как? В основном, все начальники тащат. А ведь на дворе уже 1975 год. Коммунисты нам обещали, что будем жить в коммунизме в восьмидесятые годы. Этот год на носу. Ещё раз обманули наш народ. У нас так говорят – что не коммунист, тот и вор. А простому рабочему что делать? Тоже воровать. А как иначе жить? И опять получается – так надо. Свыклись опять. Привыкли. Смирились. Все стали безразличными. А что делать-то? Я вон лучше мормышку буду делать. На рыбалку. Говорить буду о мормышке, о пасынковании помидор, о посадке огурцов, об огороде. И нет желания говорить о чем-то другом. И все стали такие. Все. В нашей стране есть три основных правила: воровать, лгать и подхалимничать. Страшно. Страшно жить. Брось, Юрка патриотничать. Не то время...

– Вот и мельчать мы стали, – ответил я. – Мельчать. Хамовщина в нашей стране. Они руководят над всеми нами. Вот это и есть самое страшное. Ты вот, Иван, ничего не крадешь с производства, а почему они себе это позволяют? Ты беспартийный, а они коммунисты.

– Кто нам с тобой ответит? Никто. Вот так мы все и живем. Кроишь их с трибун, пишешь фельетоны, статьи. А толку? А толку-то и нет. Тебя понимаю. Ты не смиришься. А зря. Давай лучше поговорим о рыбалке, мормышках, помидорах... Вот у меня есть ложка из нержавеющей стали...

Он вынул из кармана ложку. Повертел её.

– Давай поговорим о ложке. Как её надо превратить в мормышку? Вот вопрос вопросов. Вот это и есть жизнь. Действительность наша. А то, что ты делаешь – мечты. А я могу только мечтать о мормышках и помидорах на даче. Все эти вруны-коммунисты вечны. Даже если придет другая власть, вдруг что-то изменится в нашей стране, то они тут же перекарасятся. А ты снова будешь плохой. Почему? Потому что они, перекашенные, снова придут к власти. Этот народ непотопляем. Они были, есть и будут всегда. Запомни хоть это...

На Ивана я не обиделся. За что? И что я мог ему ответить? А мужики, слушавшие нас, разбрелись по мастерской. Мне что ли взяться за мормышку? А потом что? Не знаю...

В мастерскую вбежал начальник участка.

– Ребята, авария! Порыв!

Кричал, а сам смотрел на меня. Он знал, что я пойду без разговоров. В таких случаях, мы собрали нужный инструмент – и в машину. На трубе главной магистрали произошел порыв «нитки». В такой мороз может случиться так, что город будет без горячей воды. И отопления не будет... Такое невозможно представить.

Ночь. Мороз под пятьдесят. А тут как на грех, в траншее стояла холодная вода – видимо, и на холодной трубе порыв. Труб не видно. Их накрыла холодная вода.

Разожгли костер. Юра Мешков принес котелок, и мы заварили чай.

– А я бы ради такого дела, чо-нибудь бы мякнул, – сказал Калинин.

Нам подсунули Гошу Охмурелова. Теперь он надежно устроился у костра.

– А ты, Гоха, не разопрел? – спросил Володя.

– А я не дурак, чтобы лезть в это пекло, да ещё в холодную воду, – ответил Охмурелов. – Согласно инструкции надо воду откачать. Пусть приходит начальство и решает, что делать. А мне бросьте морали читать. Между прочим, умные люди придумали эти инструкции.

– Их сволочные бюрократы придумали, – ответил я.

– Так они за них государственные премии получили!

– Государство, что дойная корова. Всяка сволочуга кормится, – ответил Калинин и закашлялся.

– Ты этого, тово... правительство ругаешь, – хихикнул Гоша.

– А чо мне каво бояться? Вон как оне живут. Не нам чета...

– С кем поведешься, того и наберешься, – ответил Охмурелов.

– Калинин прав, – сказал я. – Пока здесь для подражания в партии никого не вижу. Вот ты, Гоша, на кой ляд собрался в партию?

– Чтобы легче воровать! – засмеялся Калинин, и опять закашлялся. Закурил и перестал кашлять.

– Да я, – вскочил Гоша, но увидев наши лица, сел.

– Вот из таких людей и состоит наша партия, – сказал я. – Полторы тысячи коммунистов в нашем районе. А надо бы человек пятнадцать, двадцать. И должны быть такие коммунисты, чтобы шел по улице, и все бы говорили, что вот идет настоящий коммунист. А то скажут – вот идет коммунист Охмурелов. Вот люди и смотрят на такую партию и не верят ей.

– Тебя начальство не любит! – крикнул Гоша. Зачем он так?

– Если через неделю откачаем – сидеть будешь? – спросил я.

– Для меня инструкция – закон.

– Ну, и сиди и жди свои инструкции.

Мы подошли к траншее. Вода в ней словно загустела, отсвечивала тушью, вырытая земля отдавал морозу тепло, а тот схватывал его и превращал в иней, поэтому до самой воды всё было бело и пушисто.

Иван Светин потер замерзшие щеки и посмотрел на меня. Калинин подбежал к нам.

– Так уважаемые... Без меня решили? Не уважаю вас.

Я сбросил телогрейку, и по лестнице спустился в траншею. Там, на глубине ледяной воды, была задвижка, и её надо было перекрыть. Тогда прекратится доставка холодной воды. Мы понимали, что помпа здесь не поможет. Ребята с другого участка должны были перекрыть эту задвижку, но у них в двух местах произошел порыв трубы. А этот участок перекрыть доверили нам.

В траншее нашел сухой участок... Снял сапоги, брюки... Остался в трусах. Иван спустился за мной. Он также разделся. У него взял газовый ключ. Только им можно перекрыть задвижку.

Опустился в воду. Она мне по грудь. А Иван даже вскрикнул. Мы шли по мягкой и скользкой глине, и нащупывали ногами трубопровод. Вот он! Сил нет терпеть такую воду. Иван выскочил из воды и взобрался на горячую трубу. Я следом за ним. А она рядом была. И тоже прикрыта холодной водой. Но ниже колен. Терпеть можно. Мороз обжег нас, щипнул за плечи, за руки, за грудь. Мы снова бросились в воду. И она показалась мне теплой, хотя была ледяная.

– Вылась, – подал голос Иван. – Простудишься. Хватит. Успеем сделать. Надо обогреться. Мужики, наверное, водяру для согрева нам принесли.

Я снова бухнулся в воду. И тут только понял, что задвижку можно перекрыть только тогда, когда нырнешь с головой. Глубоко вдохнул и погрузился в воду. Нашарил штурвал. Закрепил на нем ключ и стал крутить. Выскочил, чтобы вдохнуть больше холодного воздуха, и снова нырнул. Задвижка закрывалась хорошо. Закрыл. Иван помог выбраться из траншеи. Меня повели к костру. Тело будто кто-то рвал. У костра надел свою одежду. Выпил стакан водки, и тепло разлилось по телу. Кто-то набросил на мои плечи телогрейку. Хорошо! Поднесли ещё один стакан водки. Выпил, и теперь закусил куском колбасы.

Приехало начальство. Гоша Охмурелов сразу вскочил и забегал вокруг руководителей. И он стал рассказывать, как все они перекрывали задвижку. Он так рассказывал, будто он сам был в воде. А я сидел у костра в одиночестве и пил чай. Остальные готовили кабель для сварочного аппарата. Все вдруг стали что-

то делать. Один я сидел и не мог ещё отогреться. Меня трясло не только от того, что я побывал в воде, но и от обиды. Водка отступила и не взяла мой организм. Да и что для меня эти два стакана...

– Сидим? – подошел ко мне наш начальник Иван Иванович Язавасбудудуматько. – Чего не поможешь? Люди стараются, а ты только говорить мастак. Не стыдно? Нет, тебе не стыдно.

– Да нет, не стыдно, – ответил я, и перехватило горло. – Нисколько не стыдно...

– Вот он весь Стрелов, – поддержал начальника Хамов.

Начальство походило вокруг траншеи и отбыло. Вот тогда я встал и начал работать.

На следующий день вывесили плакат: «Молния! Боевой листок». В нем перечислили всех рабочих, кто работал на этом порыве, даже Гошу Охмурелова. Только меня там не было. И премию всем выдали по пятьдесят рублей. И Охиуренлова не забыли. Обо мне вдруг все забыли.

Вот что сказал Иван Светин:

– Вот и вся наша жизнь. Все мы такие. Все. Смирись. И всё отладится.

Так получилось, что через несколько дней в районной газете появился мой сатирический рассказ «Огрызок совести» о руководителях-феодалах, эксплуатирующих на своих гаражах и дачах рабочих-подхалимов. И что тут началось! Многие узнавали себя. Телефонные звонки не умолкали как в редакции, так и в райкоме партии. Оказывается, во всем районе нашлись описанные мною герои. Если честно, то я не ожидал, что столько их много в районе!

Для меня последствия оказались на другой день. Наш молодой начальник участка Глебов не дал мне наряд на работу. Все расходились по объектам, а я остался один, сидеть в раскомандировке.

После обеда я спросил у него, чтобы это значило, и он ответил:

– Пока сиди. Но никуда не ходи. Меня из-за тебя замордовали. Решают, что с тобой делать. Добра тебе желаю. Нужны они

тебе эти... Жил бы как все... Кто-то из наших рабочих докладывает начальству...

А механик Оленев тихо сказал:

– Тебе пока надо сидеть и не высовываться. Как только тебя увидят, что ты бродишь – прогул. Статья. За тобой следят.

Приходил на работу, садился на лавку и ждал того момента, когда мои сочувствующие мне мои непосредственные начальники разрешат выйти из помещения. Первое – потерю северные. Второе – они везде обзвонят, чтобы меня нигде не принимали на работу. Знакомо. Я уже это проходил. Но, есть главное, они хотели, чтобы я уволился и уехал. Но я не хотел уезжать. Я город строил с палаток.

И снова у меня наступили тяжелые времена.

Кстати, как все люди, начальники тоже бывают разные. Вспомнился мне один момент, когда у нас временно после Зобова работал начальником Рябчиков. Как и положено, начальство его не любило за его независимость. Подхалимы его не окружали. Это большая редкость среди начальников.

Так вот, мы слесари по обслуживанию главной транзитки горячей воды и отопления на город, которые находились в лотках на глубине до трех метров, попали в экстремальную обстановку. Про этот случай я написал очерк под названием «Десять шагов под землей». Он даже вошел в мою книгу «Коршуниха».

На территории молокозавода, под бетонкой проходили тепловые трубы. И всё показывало на то, что они «сыграли» при тепловом перепаде и «вырвали» «мертвую» опору и улеглись на бетонное основание, а им надо было лежать на скользючках. Возможно, их сорвало, и они с самой опоры сдвинулись. А это ещё хуже. Зимой могла бы произойти авария. Город может остаться без воды и тепла. И ещё. Весь двор молокозавода был забетонирован. На его вскрытие, и ревизионные работы могло уйти около месяца. Что-то надо было делать. В нашу бригаду пришел Рябчиков. Собрались мы во дворе молокозавода и молча курили.

– Чего молчите? – сказал он. – Думайте, все думайте! Что делать? Вы в этом вопросе должны лучше думать и решать, чем я. У вас практика. Думайте! Что делать? Думайте, чёрт бы вас побрал!

В будущем, новый начальник Иван Иванович Язавасбудуду-матько говорил наоборот – ваше дело рабочее, мол, ваше дело меньше думать. За рабочих он будет думать, его заместители и все конторские.

– Давайте, орлы, думайте! – крикнул Рябчиков и закашлялся. Курил он очень часто. Он быстро сунул руку в карман, чтобы достать папиросы. Подымил начальник, прокашлялся и уже спокойно сказал:

– Думаками будьте. Что-то же надо делать...

И тут Иван внес предложение:

– Давайте нам вентилятор, противогаз и помпу.

– Но по лоткам набита стекловата, – возразил Рябчиков.

– Надо попробовать, – заупрямился бригадир. – Четверых мужиков хватит... Со мной останутся, Толик Ларионов, Вовка Калинин, Юрка Стрелов, ну и я. Справимся...

– Сам полезу к этой опоре, – заявил начальник. – Что нужно, доставлю.

Откачали воду из камеры и стали пробивать стекловату. Как пробивали. Своими телами. На улице жара, а в камере ещё жарче. Мы одеты в комбинезоны, а сверху телогрейка, на голове каска, маска и противогаз. Шланг от него вывели наружу. И всего-то надо проползти десять шагов или метров до опоры.

– У тебя, что вместо сердца? – кричал Рябчиков. – Не пускайте Стрелова! Хватит с него! Сердце надорвешь!

Я услышал, как кто-то рядом с ним сказал:

– У него вместо сердца пламенный мотор...

Но я упрямо лез. По очереди надо было другому ползти, но я опережал. В такие минуты во мне появлялся эдакий зуд, кураж.

Когда в очередной раз я выбрался наружу, и упал в холодную траву, Калинин сказал:

– Уважаю. Я вот лез када, то у меня как будто печенка стучала, а Стрелов хоть бы хны... Уважаю.

Я снова в камере. Спиной чувствовал твердость плиты, сбоку горячая труба, с другого боку стенка лотка. И только впереди плотная стена стекловаты, которая пыталась проникнуть под одежду вместе с горячим воздухом, и вызвать ужасный зуд. На мокрое тело мелкое стекло хорошо прилипает. В будущем, за

мою провинность и за мои фельетоны и разные высказывания начальству, меня сошлют разгрузать вагоны со стекловатой.

– Поешь? – спросил меня Рябчиков через трубу.

– Пою. Здесь весьма интересно. Тишина как в космосе. Такая тишина и глушь.

Мне показалось, что будто кто-то спросил меня:

– А ты откуда знаешь, что есть в космосе? Протяни руку и ты у цели...

Я рванул кусок стекловаты и уперся рукой в опору. Среди сантехников у нас такая опора называется «Мертвяк». Да это была опора! Странно. Но кто-то во мне про это сказал, да и про космос напомнил. Наверное, от жары начал бредить. Пора выбраться из камеры.

– Мужики! – крикнул я. – Опора! Сейчас всё здесь подчищу и можно осмотреть.

Стекловата окончилась. Фонариком высветил пространство. Опора была целой. Теперь молокозавод может работать. Трубы на повороте тоже стояли на скользючках. Теперь за забором молокозавода надо искать сход трубы. Это совсем другое дело. За два дня управимся.

Вылез из камеры, разделся и бросился в прохладную траву у забора. Здесь холодок. Калинин стукнул пальцем по горлу – выпьем. Надо выпить. Такое дело сделали. Надо его обмыть.

– Смотрите, не нажритесь, – сказал Рябчиков и ушел. Доволен. Как же! Такое дело сделали! На этот раз всем выписали премию, и меня не забыли. Даже в трудовую книжку записали благодарность.

Наступили другие времена. Мой начальник Язавасбудуду-матько ходил в райком партии жаловаться на меня.

– Нет жизни от него честным людям! Он любое начальство не любит! Он всех нас обижает!

– Как это не любит?! – удивился секретарь райкома. – Надо с ним беседу провести! Да и газета наша, понимаешь, печатает его фельетоны и рассказы. Кстати, надо подсказать журналистам, чтобы тебя сфотографировали и очерк написали. Ты заслужил. Настоящий современный руководитель. А то нам порядком надоели Стрелова дребедени. И всё норовит начальников за-

цепить, особенно коммунистов. Кстати, у вас все руководители коммунисты? Один нет? Как это нет? Принять! Не читали постановление из Москвы о том, чтобы каждый руководитель – большой или маленький был членом партии. Прочтите всем. Проверю, понимаешь... Смотрите у меня!

О такой милой беседе мне передали. Хорошая и современная беседа на рубеже социализма с человеческим лицом и коммунизма.

Вскоре после этого в районной газете был напечатан очерк о Язавасбудудуматько. А в фойе кинотеатра вывесили большой портрет этого руководителя, организатора, любимца рабочих и публики, на человека, любящего критику и самокритику, уважающего рабочий класс и прислушивающегося к нуждам трудящихся. Такие портреты часто появлялись на видных местах города. Я даже видел портреты Семы и Зиночки, как самых честных и великих тружеников в торговле. Кругом парадоксы и парадоксы. А один раз я просто ошешил! На видном месте, на главной площади вывешивались портреты лучших людей города, передовиков производства и лучших пропагандистов. И среди них красовался портрет Викочки. Что же делалось с нашей партией? В тот день мне по-настоящему стало страшно. Вот это игра! Куда там мне со своей игрой! В этой партии все играли вкрутую! Надо же было так умудриться, чтобы рубить сук под собой...

АРТИСТЫ МЫ ВСЕ

На десятый день моего безделья мне сообщили, что меня вызывают в райком партии. И вот я в приемной. Представился секретарше. В её головке, наверное, возникли посторонние мыслишки насчет меня в том порядке, в каком она наслышана обо мне.

Собрались люди, видимо, члены райкома партии. Выговор по партийной линии мне уже назначили, за моё исключительное поведение, и за то, что я потерял партийный билет. Его я не терял. Когда закапывали траншею у насосной в первом квартале, где проходила теплотрасса, то я замуровал билет в полулитровую банку. А на помин его души, хорошо выпили, и даже

речь закатил среди рабочих. И это была точная копия из речей товарищей Дрожжина и Балаболкина. А Володя Калинин даже прослезился.

– И опираясь на гранитный фундамент марксизма-ленинизма, наш народ идет пятимильными шагами...

– Краеугольным камнем....

– Я постоянно задаю себе вопрос, и тут же отвечаю, правильно ли мы живем?

– Но нас не понимают... Мы несчастные страдальцы, но уважаемые....

– Спи спокойно, мой друг, пробывший со мной у сердца. Мы устроили тебе мавзолей, и возложили тебя в центре города для грядущих поколений у самой насосной станции.

Прошло много лет. Мне уже больше восьмидесяти годков. Иногда прохожу мимо той насосной станции, она ещё стоит милая, и вижу то место, где похоронен мой партийный билет. Вспоминаю то бурное время и тот день. Именно тот день и то бюро райкома партии, когда я окончательно потерял веру не только в эту партию, но и во весь уклад нашей жизни, то я окончательно понял, что надо также играть, как и они все играют. А вот как выбрать эту игру? Я и так много играл. Но моя игра, это детский лепет. То, что, мы не так живем, это ясно. То надо бы подстраиваться под эту жизнь. Смогу ли я подстроиться? Сомневаюсь. На работе я не играл. Отдавал работе себя полностью. Время покажет, как жить и как играть.

В райкоме партии надо было утвердить строгий выговор с занесением в личное дело. Как я понял, они решили, чтобы я покаялся. Итак, наступил момент, когда надо было что-то делать. Я видел, кто был в это партии и не мог молчать. Заигрался, мужик, подумал я. Устал играть. Но, странно, почему все они не устают играть? И за эту игру они ещё получают деньги. Они кормились этой игрой. Ловко устроились.

Лихая команда скрылась за дверь. И мы остались с секретаршей вдвоем. Настенные часы убаюкивающее отсчитывали время. Я задремал.

– Стрелов! – высунулась чья-то голова из приоткрывшейся двери. Странно. Но это не голова, а прозрачный надувной шар,

похожий на презерватив. И если он член бюро, то почему у него на голове такой пухырь.

– Давай, – прошептала секретарша. – Ты только не горячись...

– А что это вы шепчитесь? Там болтают во всю глотку, а вы зачем здесь шепот развели? Виноватым себя не считаю.

– Виноватые всегда шепчут. Всегда трясутся... Боятся...

– Но, я же не трясусь. А разве вы шепчитесь, значит, вы сами виноваты.

Пинком раскрыл дверь и, гремя грязными сапожищами, прошел к столу. Странное дело. Лиц не видно. Надо было опохмелиться. Хотя я это дело не любил. Вторая пьянка. Вместо голов одни надувные праздничные шары. На макушках этих голов торчали волосы. В торце стола сидел секретарь. У него на шаре не было волос. И этот надувной шар то ли от натуги, то ли ещё от чего, даже поблескивал. И мне казалось, что этот шар готов лопнуть. Надо было хотя бы пиво выпить, подумал я.

Надо сказать, что в нашем районе интересную штуку придумали. Уверен, что это происходило по всей нашей стране. Кто же это придумал? Понятно. Наши доблестные райкомовские лидеры требовали к себе уважения. Сейчас объясню.

В определенные дни в каком-нибудь поселке устраивали праздники. На краю поселка, с хлебом и солью встречали дорогих гостей, лихую команду из райкома партии девушки в кокошниках. И на эту встречу сгоняли весь свободный от работы народ поселка. Руководители поселка водили райкомовскую камарилью и показывали лучшие места поселка. А они здесь много раз бывали. Но всего этого мало. Надо, чтобы все прочувствовали, как райкомовские заботятся о людях, какое внимание они оказывают своим присутствием. Ну, а пока райкомовские товарищи ходили по объектам поселка, особо приближенные работники райкома и подхалимы бегали вокруг стола в столовой. Сервировали стол. А сам он всё объедет, осмотрит, обойдет, выслушает и тут же всё забудет. Даже даст ценные указания на тему, повышение надоя молока на каждую фуражную корову...

А потом уж пойдет в распивочное заведение.

В этом заведении, или просто в столовой происходило так.

Секретарь с шумом потер руки, крикнул, да так, что даже люстры зазвенели, и слабонервной поварихе, а их тут собралось несколько, стало плохо. Но приближенные подхалимы знали этот раскатистый звук – доволен.

Все толпились и нетерпеливо ждали, когда он соизволит сесть. А он по-простецки сбросил пиджак на угодливо подставленную руку члена райкома партии и сел. Ещё раз кашлянул эдак раскатисто и сочно.

– Хорошо, понимаешь, живете...Рассаживайтесь... Не стесняйтесь...Кха.

Все радостно-возбужденные и с довольно-приторными улыбками занимали места, но каждый по своему чину...Чем выше чин, тем ближе к благодетелю...

– А ты чо, Парамоша? – это он своему одному из заместителей, похожему на всесоюзного идеолога Сулова. – Ты чо? Садись по чину, понимаешь, ближе к народу...В народ, в народ надо идти...Дорогие товарищи, кха! Не надо, понимаешь, отрываться от народа! А мы тут собрались, понимаешь, и есть этот народ! Мы его передовое звено! ...Садись рядом. Брось кочевряжиться, понимаешь...

Представителей народа здесь не было, если не считать поварих и доярок, толкающихся на кухне...

Ну а в это время секретарь речь держал, одновременно обгладывая ножку поджаренного поросеночка.

– Хорошо, понимаешь, живете, славно и богато живете. Ты смотри, какой стол отгрохали! Бедно бы жили, чёрта лысого вы бы такой стол сварганили, каналъи! Ну, так чо? Давай тост! Подымай тост за наш благословенный край! Ух, и хороша...холодненькая...Так...Этого, как его, тово, понимаешь...О чем я это самое? Ах да...Так будете работать, так недолго и к коммунизму придем. Вишь как дружно сидим за столом. А это кто у меня здесь по другую сторону плеча? Ясно. Сидим плечо к плечу и к плечу...Уж, и холодненькая. За душу стерва берет! О чем это я? Ах, да...Завсегда бы вот так. Молодцы! Отметим в сводках...Давайте ещё за коммунизм. За него ещё не пили...Обязаны выпить...Ах, хороша чертовка, холодненькая... Подай-ка мне вон того поросеночка! Аппетит разыгрался, понимаешь. Глядишь, и

премию нам с области подкинут... А чем мы не живем здесь при коммунизме? Давайте за него дернем! Всё у нас есть! Хорош поросенок... Ты смотри! Я всего его съел! Ловко я с ним управился...Ик...Тово, как его? Давайте...ик...следующий тост...

Прошло время. Я потом узнавал. Везде, по всей стране такое было. Они, действительно жили в придуманном ими коммунизме. Поили и кормили бесплатно. За государственный счет. Попробуй, построй с такими товарищами коммунизм. Постыдились бы они об этом говорить. Давно заметил, что у этих людей этих два понятия, как стыд и совесть отсутствовали. Если им об этом напомнить, то будешь не только врагом советской власти и партии, но и личным врагом.

И вот теперь, вот в этом кабинете, они жили в придуманном коммунизме, а я их не только политический враг, но и личный враг.

Секретарь передвинул календарь, и мне показалось, что из-под него выскочили искорки. Секретарь провел крепкой ладонью по тугой шее, мутно и похмельно поглядел на меня, гулко кашлянул.

– Говори, что ты там опять нагрел? Чего опять набедокурил? В вашей организации все идут в ногу, один ты нарушаешь этот шаг. Чего ты и зачем нарушаешь ритм этого шага?

Неужели это сон? Конечно, это сон. Тогда, что это за толпа? И почему у них вместо голов надувные шары? И почему они разноцветные? Каждый цвет по грехам? Возможно. Во сне всё возможно...

Надо ответить этим разноцветным пузырям.

– А чего это я должен со всеми идти в ногу? Я ведь не в армии. Это там нельзя идти в ногу по мосту.

– Причем здесь армия? Ты што? Ты что против армии и советской власти? – услышал чей-то голос. – Он против партии пошел. Ты против партии?

Хотел посмотреть, кто сказал, но увидел разноцветные шары, а над ними черные и серые полосы, круги, а в них рожицы. С похмелья не выспался, да ещё надо было хотя бы бутылку пива выпить...

– Чёрт знает, о чем вы здесь толкуете, – ответил я.

– Хватит про чертей! Хватит анархии! Ты на кого замахнулся?

– Не замахивался я...Вчера один алкаш замахнулся на меня...

– Ты нас за дураков держишь? Отвечай! На кого замахнулся?

– Неужели ничего не поняли? Я же вам только что ответил, один алкаш замахнулся...

– Хватит! – грохнул по столу секретарь. – Отвечай!

– Он есть балласт в партии, – сказал кто-то. Посмотрел на того, кто сказал такие слова. Узнал. Это его орлы в медвытрезвителе избили парня и он там и умер. Жаловаться бесполезно. В день молодежи парни хотели организовать демонстрацию – разогнали. На стенах магазинов, на трибуне, где наши глашатаи призывали народ к светлому будущему, было написано «Советская милиция – полиция». В общем, много разных слов было написано. Грешен. Давал белила своим молодым товарищам, чтобы они на стенах и на трибуне кое-что написали. Милиция и другие органы искали виновных. А их не надо было искать. Они находились в милиции и в райкоме партии. С одним моим товарищем мы написали стихи и распространили по городу.

– Исключить! – раздался голоса.

Секретарь опять стукнул по столу. Тишина. Только были слышны короткие и прерывистые дыхания неопохмельных организмов после вчерашнего выходного дня.

– Ты чего здесь, понимаешь, анархию развел? К тебе, понимаешь, по человечески, а он в критику ударился! Жалобы на тебя идут. Ты што? Ты и вправду против советской власти? Отвечай!

– Не надо бы сюда власть вплетать, – возмутился я. – Веду борьбу с прощелыгами. Они и есть советская власть?

– Ну, и борись. Ты ведь с начальством борешься. Мешаешь им руководить, план выполнять. Будешь ещё выкомаривать?

– Буду.

– Што?!

Шары и над ними темные и серые фигурки задвигались, а обладатели разноцветья задвигали стульями.

– Между прочим, он Иннокентьева сбаламутил, – сказал кто-то. А этот Иннокентьев сам до всего додумался. Мы с ним

в одном цехе работали. Он числился на другом участке. И мы часто с ним разговаривали об устройстве мира. Он слышал мои выступления, читал мои фельетоны, рассказы. Ну, и под моим влиянием выпустил стенную газету. В то время подорожал бензин. Вот он и написал на эту тему. Даже таблицу привел повышения цен. А в это время начальство пользовалось бензином бесплатно. И написал Саша, что в нашей стране жизнь дорожает.

Пришли на участок Язавасбудудуматько и профсоюзная дама Куркова. Сорвали газету и унесли в кабинет КГБ. Назвали Сашу врагом народа и советской власти. Крепко занялись Иннокентьевым. Кончилось всё дело тем, что Саша уехал подальше в тайгу. Поселился в зимовье. Потом он перебрался на место, где в будущем будет построен поселок Радищев. Я был у Саши, и написал о нем очерк, как о первостроителе нового поселка в нашем районе. Очерк этот был напечатан в нашей районной газете. Это был честный труженик. А таких товарищей всегда притесняли. Они выступали против существующего строя, против социально-бюрократической системы с уклоном в феодально-крепостнический строй.

И ещё. Трудился у нас один священник. Прибалтиец. Я с ним тоже дружил. Как и положено, где-то после войны, его отправили в Коршуновский лагерь на десять лет, и пять лет ссылки. После зоны его направили на нашу стройку. Когда-то он окончил духовную академию в Риме. И был чрезвычайно образованным. Ну, и как водится, за ним установили слежку. Он всегда любил с нами поговорить о мире, о душе человека, его предназначении на Земле. Он говорил, что человек – это целый мир, и что его мозг связан с космосом, с Богом, только мы этого не знаем. Одним словом, мы все одубели. И надо бы огромной силой заставить себя это почувствовать. Придет время, и каждый человек поймет, что он не царь природы, а какая-то частица вселенной. И что все мы созданы Богом, и все мы его дети. Тогда я окончательно понял, что священник прав. Я поделился с ним, что у меня иногда возникает такое чувство, что будто кто-то ещё есть рядом со мной. Будто кто-то пытается со мной говорить. Повадал о странном деде из деревни Коршуниха. Он внимательно выслушал меня, но не смеялся. Он тихо сказал:

– Никогда ни с кем не делись. Тебя не поймут. Живи вот в этом мире, какой окружает тебя. Он живой. Всё есть вокруг нас живое. А дед? Возможно, это и, правда, дух этих мест? Дед тот в тебе что-то заметил. Ты, Юрий другой человек. В тебе живет сострадание к другому человеку, но ты ещё не знаешь, как это распределить. В этой сложной твоей жизни и судьбе ты ещё не определился. Копайся в себе, ищи себя, но, пожалуйста, не надо ни с кем этим делиться. Тебя не поймут. Это только твой мир. Вот и живи в нем.

Он даже приходил ко мне домой. И разве такого человека можно предать? Неужели были такие люди? Конечно, были. И меня пытались приобщить к подобной пакости. Как-то меня вызвали в секретный отдел.

Сидел я и молчал. Молчал и начальник отдела.

Потом он сказал:

– Работает здесь один...поп...Я почему-то думаю, что ты его знаешь. Как он? Какой он?

– Кто? – спросил я. Понял одно, что здесь надо держать ухо востро. Лучше всего прикинуться придурком.

– В общем, священник...Как он работает? Как ведет себя...

– Какой священник? Пошто не знаю?

– Из лагеря он...Уже в годах... На очистных сооружениях работает в вашем цехе.

– Странно...А пошто я ево не тово...

– Как он?

– Кто?

– Поп. Как он?

– С откедова мне знать? А, поп? Немножко слышал. Работат. Чо ему не работать? Работат. Он хорошо гавно вылавливает.

– А я хочу знать, что он ещё вылавливает. Что он натворил? – напрямую пошел начальник. – Кто у него друзья-товарищи? И не ведет ли какую агитацию против советской власти?

– Агитацию? Ведет. Зуб даю, ведет. Как-то я хорошо подпил с друзьями, так он нам такую мораль против пьянства закатил... Это, мол, великий грех...

– Стой! Стой...А, ты как с ним?

– С кем?

– С попом! – повысил голос секретный товарищ.
– А, с попом чо ли? Этова, как ево, мораль сварганил насчет пьянки...

– Стой! Последи за ним.

– За кем? А чо он слямзил?

– За попом! – прихлопнул ладонью секретный товарищ. – Темная личность.

– Не правда. Он не темный, он светлый. Прибалтиец ведь. Они там все светлые.

– Пошел отсюда!

– Я чо ли? Куда идти?

– Пошел вон! – крикнул секретный товарищ.

Вот такая была моя встреча с представителем отдела КГБ. Одно понял, что таких людей, как этот священник, не предадут.

А в это время в кабинете происходило интересное событие.

– Строгий выговор с занесением в личное дело, – выпрямился секретарь и гулко кашлянул. – Кха. Кгм. Тово... Там видно будет. Кха. Кгм.

Меня выпустили и попросили подождать. Секретарша, видимо, подслушивала. Она, ссутуленная и массивная от этой сутулости и многолетней подхалимности, быстро семенила к столу. Кошмар какой-то! Почему все они сутулые? Заметил, что все секретарши у партийных деятелей сутулые и суетливые. Подбирают что ли их таких? А может это приобретение в такой работе? Вот это вернее...

– Попало? Вечно лезешь, – прошептала она. – Терпи и молчи. Все ведь молчат. Улыбайся всем чаще. Все улыбаются. Заметила, что все ваши герои фельетонов и рассказов улыбаются. Чтобы это значило? И ты улыбайся.

И она мне нежно улыбнулась.

Не стал спорить. Навалилась усталость. Надоело всё, Что же делать?

Люди вышли из кабинета, и никто даже не взглянул на меня. Словно я – тень. Пустое место. Они есть, а меня нет. Пыль. А ведь некоторые меня знали. И здесь в приемной на их головах уже не было шаров. С двумя даже как-то выпивал.

Зазвонил телефон.

– Проходи, – сообщила секретарша, и очаровательно улыбнулась.

Секретарь передвигал то, что было на столе. Лицо его приобрело цвет брусничного сиропа. Секретарь гулко кашлянул.

– Ты этова...тово, понимаешь... Не строй из себя рубаху-парня. Я с тобой хочу по-товарищески поговорить. Одного не пойму... Чего тебе надо? Што? Не пойму...

– Говорят все красиво. На деле другое.

– Ну, и ты говори. Другой раз и помолчи. Уважаемых людей оскорбляешь. Они на производстве всего себя отдают.

– Да вот не получается как-то другим-то быть.

– Попробуй. Ты всё делай так, чтобы руководители были тобой довольны. Не положено начальников обижать. Нельзя. Обидятся. Нехорошо.

– Ну, почему нельзя-то? Почему? Если этот начальник говорит – не укради, а сам ворует. Что это? Значит, артисты мы все.

– Ты – коммунист. Надо понимать. Если ты коммунист, то ты есть представитель партии. Партия не может быть неправильной. Кто говорит, что она делает не так, значит, тот против партии. Как так можно? Ты ведь, понимаешь, против партии, значит, ты против советской власти.

– Не в этом дело. Вот я есть Стрелов – отрепье партии.

– Ты – партия. И вот што... Мне нравятся твои очерки. Если без дураков. От души говорю. Возьмись-ка за ум, и напиши серию очерков для книги. О передовых коммунистах. Я тебе дам пропуск в областной партийный архив. Думаю, что и в комитете КГБ дадут разрешение. Я позвоню. Но только о коммунистах.

Я точно знал, что такую справку в том кабинете мне не дадут. Я у них на учете. Но ответил:

– Согласен. Напишу очерки о Язавасбудудуматько, о Дрожжине, Хамове, Балаболкине... На базе трудятся Семен Левин и Зинаида Мешкова... О них очерки сварганю.

– Балаболкин? Заслуживает. Одобряю.

– Мне нравится, как он задает вопросы и тут же на них отвечает. А начальник Язавасбудудуматько, мужик что надо. Он всегда выслушает рабочего. Он рабочим отец родной. Он говорит так: «Вы ни о чем не думайте. Я за вас буду думать».

Секретарь внимательно посмотрел на меня.

– Ты, этово... Тово, понимаешь... Как-то странно говоришь о них. Не уважаешь? Это передовые люди района. Ты не шутишь?

– Где уж тут шутить? Пишу очерк о Дрожжине. Мне нравится стиль его выступлений. История нашего района должна знать своих героев труда.

– Хватит, – прервал меня секретарь. – Хватит о Дрожжине. Как-то ты странно говоришь о них... Сейчас вон какие молодые коммунисты поспевают. Созрели для работы в партии...

– В самый раз вызрели. Уважаемые и почитаемые... Вот эти перечисленные коммунисты хоть сейчас готовые вступить в светлое будущее. И в то время, когда опираясь на гранитный фундамент...

– Подожди, подожди, – резко прервал меня секретарь. – При чем здесь фундамент? Совсем закрутил мне голову. Ты ведь не Дрожжин. Это ему можно так говорить. А ты очерки давай. Очерки.

– Выдам. Завтра начну писать. Руки чешутся.

– Ну, всё. Иди. Но не сбивайся с ритма в обществе. Будь как все.

Я вышел. Куда идти? Где искать защиту? Вечером надо сходить к Агаше. Душу успокоить. Главное и единственное, что я понял, секретарь играл. Играл вкрутую со мной и со всеми. И за эту игру он получал деньги. Но, и я включился в эту игру. Но это же страшно. Куда заведет всех нас эта игра? А если это не игра... Тогда что это? Идиотизм какой-то. Тогда, где мы живем? В стране игрунов, или того хуже... То, что мы живем на зоне, это ясно. Надежная граница, через которую не всякий может выехать. А таких, как я, совсем не пустят. Надежно нас охраняют. То нельзя делать, то нельзя, и говорить нужно то, что разрешат. А главный надзиратель над всеми – коммунистическая партия. Её руководители от самых верхов до райкомов партии. И жить в этой зоне надо по законам партии и по её уставу. Но мне-то не хотелось жить по уставу зоны...

Вот в то время я и стал писать свой первый роман, который назвал «Зона». Тетради с рукописью приходилось прятать под полом. Два раза кто-то проникал в мою квартиру в поисках этой рукописи. Кто-то же капнул на меня, что Стрелов что-то там

«кропает». Как-то приехал в наш город писатель Вячеслав Шугаев. Я ему дал почитать свои рукописи. Вот что он сказал:

– Я знал, что ты, именно ты, начнешь рожать что-то там не существенное для нашего окружения. Твоя жизнь и судьба достойны двух романов. Пиши. В этом романе есть фантастика. В самый раз. То, что надо. Твоя фантастика, как бы реальность. Как только завершишь, езжай в Москву. Мы этот роман толкнем в какое-нибудь издательство за бугром. Тогда тебе здесь надо будет решать – куда бежать и в какую страну.

Потом Шугаева не стало, и мне не к кому было обратиться. Что делать? Роман завершен. Да и зона треснула. И тогда я издал его в местной типографии. Многим он не понравился, и это было понятно. Даже встречали меня возмущенные и трясущиеся в злобе товарищи.

– Как ты посмел!

– Какое имел право так чернить нашу партию и наше общество?!

– По тебе Колыма плачет!

– Я всем говорил, ни какой он коммунист, а настоящий анархист и враг народа!

Многое, что мне говорили при встрече. Но многим мой роман понравился. Написано откровенно и честно. И я был благодарен тем читателям, кто понимал меня, и кто не понимал. Я тогда думал, может, поймут меня. Обстановка в стране резко поменялась. И каждому из моих недругов надо бы поменяться. Осознать, как они жили? Осознали? Нет. Просто они затаились и перекрасились. Привычка играть с самим собой и с окружающими накрепко осталась с ними. Поменяли вывески, назвали себя господами, а многие подались в бизнесмены, против чего они всю свою жизнь боролись. Стали миллионерами и миллиардерами. А я, и такие же граждане, остались для них врагами народа. Нет, я не бросил ручку. Как течет жизнь, так и моя ручка плавает по бумаге, и пасынкует строки. Всё это будет в будущем, в светлом будущем дикого капитализма, стоящим на гранитном фундаменте. Так что не надо бы мне убирать из моих рукописей этот знаменитый гранитный фундамент.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ ПОКОЙ МНЕ ТОЛЬКО СНИТСЯ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МИТИНГ И МЕЧТА О РЕВОЛЮЦИИ

Ко мне подошел молодой начальник участка Михайлов.

– Жизни мне не дадут из-за тебя. Начальник тебя вызывает.

Пошел к начальнику Язавасбудудуматько. Были очередные, но они меня сразу пропустили.

– Всё не угомонишься? – спросил начальник и передвинул настольный календарь, зачем-то потрогал телефон. – До каких пор? Тебя никто не поддерживает. Крови жаждешь? Неужели ты не можешь понять, что люди тебя не понимают. И не поймут. Хотя поймут, но промолчат. Почему ты Хамова теребишь? Аверьян Иннокентьевич сильно обижен на тебя. Начальников надо уважать. Кроме того, нет у меня таких ловких и смышленных, как он. К тому же он предан мне.

– На этом хоть спасибо, что объяснили ситуацию, – и сел на свободный стул, хотя сесть он мне не предлагал. Он любил, чтобы все подчиненные стояли перед ним навытяжку. Я не пожелал этого. Он от удивления даже брови вскинул. Помолчал. Успокоился.

– Я тебя не понял, – наконец-то он заговорил. – Мне с ними работать. И с Охмуреловым тоже работать. Я его мастером поставил. Заслужил. Он не чета тебе, начальство уважает. Ишь, как ты всё ловко говоришь. Ситуацию ему объясни. Ничего я тебе не говорил. Одно скажу – хватит народ баламутить.

– Есть у нас нормальные мужики, которые толковее Охмурелова.

– Слабые они. Мне нужны изворотливые и послушные. Я люблю, чтобы мне подчинялись полностью. Я за них буду думать. А рабочие... Я рабочего так представляю... Чтобы так

уработался, что пришел бы домой – наелся и лег спать. Всё! Вот это настоящий рабочий. Тогда ему будет некогда думать о постороннем. Рабочему нельзя думать о постороннем. Начальство пусть за него думает. Ты им мешаешь. Заставляешь рабочих думать. Ты все карты руководства путаешь. Тебе что? Не нравится советская власть?

– Что вы все и везде советскую власть суете? Все вы сговорились? Все ваши...и есть советская власть? И Охмурелов тоже власть? Что вам надо от меня?

Язавасбудудуматько великолепно играл со всеми и с самим собой. Но другим не позволял играть. Всё наше общество было пронизано именно так. Играть на серьезе. И тут я вспомнил одного моего хорошего товарища. За уголовные дела Эдик Загуменный отбыл срок и прибыл в наши края отбывать ссылку. Сидели мы как-то с ним у меня и тянули коньяк. И вот что он мне сказал:

– Был я громилой, а желаю стать интеллигентом и культурным человеком. Память у меня отличная, даже можно сказать отменная. Даже в артисты метил. Вот только бы по-книжному научиться болтать. Это раз. Второе – тихо улыбаться, да так, чтобы с лица улыбка не сходила. Загадочно хмыкать. Это три. Выработать культурную походку, как это ходят, старейшие учителя. Научиться болтать без умолку, как это умеют делать райкомовские работники и парторги. И комсомольские не уступят. Это уже четыре. Учусь. Грамотность на себя напустить. Пять. Научиться вздергивать плечами и вскидывать голову, при этом нагонять на себя хмурость. Странно. Почему они это так делают? Вот бы мне так насобачиться. Поднимать в людях духовность к культуре. Вот, мол, мы антиллигенты сраные...тьфу, оговорился. Вчера я читал лекцию. О чем же я читал, мать её... Так вот...Устал даже так вот базарить. Юрка, а вот как они не устают? Научиться при слове культура, тянуть губы трубочкой. Они все так тянут. Наверное, устают бедные за день-то... Порой, мне их бывает жалко, мать их заberi...

Эдик засмеялся и тут же прервал смех.

Загуменный напомнил мне ещё одного...Сашу Гомзикова, любителя старины. Будто два сапога пара с этим Эдиком. Саша

дергал плечами, учащенно моргал, когда начинал говорить о культуре и интеллигентности. Вскидывал голову, только ему известным движением. Голова наклонялась немного вправо, а подбородок полз в сторону, к левому плечу. Я три раза тренировался, чтобы так сделать – не получилось. Три вечера потратил. А потом он начинал сюсюкать и шепелявить. И что любопытно, при слове культура он сильно вытягивал тонкие губы трубочкой, а когда завершал произносить это слово, губы медленно двигались в сторону правой щеки. Ну, например, так он говорил:

– Дорогие товарищи, надо знать культуру... Надо бороться за духовность человека, если мы собрались жить в восьмидесятые годы в коммунизме. Вот мы, культурные и образованные люди, в определенное время собираемся в красном уголке СМУ Жилстроя, и обсуждаем насущные вопросы культуры... Так сказать, цвет интеллигенции нашей стройки... И эту культуру всеми силами надо внедрять в массы...

Один из моих товарищей слесарей-водопроводчиков, случайно и как-то непонятно заочно окончивший институт по водопроводным трубам и насосам и получивший диплом, напялил галстук и побежал в библиотеку. Решил приобщиться к местным интеллигентам. Но вскоре его разоблачили, и хмурые брови не помогли. А дело в том, что мой товарищ древнего Сократа попытался найти на нашей фабрике. Там работал слесарь с похожей фамилией. И мой товарищ стал доказывать, что тот Сократ, о котором тут упомянули, вкальвает слесарем, и что он такого ничего не сочиняет, но по спору из горла может выпить бутылку водки...

Эдик Загуменный работал в нашей бригаде плотником. Лениво работал. Наш бригадир Коля Торкунов подгонял его, стыдил. Ничего не помогало.

Я заметил за Эдиком, что он постоянно о чем-то думал. Однажды он нам признался.

– Поспорим, орлы, – сказал Эдик. – Самое малое через месяц, быть мне не помощником письмоводителя, а мастером на стройке. Не желаю больше махать топором и гнать стружку, забивать гвозди... Амба. Человеком хочу стать и быть как все. Но культурным. Если стану через месяц мастером, то покупайте

мне добрый лепень...тьфу...так и прет из меня феня. Костюм мне купите. Но только не в клеточку. Надоело. А этот, перед откидкой шпильнулся с одним в картишки... Если эту игру профукаю – ставлю шесть банок водяры. Заметано? Вот так. Какую ханочку желаете? Сучок не буду брать. Договорились. Только коньяк. Шесть банок. А вот от вас требуется сущий пустяк. На днях состоится собрание строителей. Выберете меня в президиум. Это первое. И второе, што любит начальник стройки? Какие книги, стихи? Уверен, что он не только любит подарки, но и уважение к себе.

– Стихи Светлова он любит, – ответил я. Вспомнил, как об этом говорили библиотекари.

– Собрание считаю закрытым, – сказал Загуменный. – А потом и вас устроим, – сообщил он двум своим корешам, только что отбывшим срок за разбой...

Эдик взял отгулы и начал учить стихи поэта Светлова. У парня была феноменальная память, даже биографию поэта выучил.

Мы выдвинули Эдика в президиум. Сел он сзади начальника стройки. И начал Эдик шепотом вести беседу с соседкой в президиуме. Привел штрих из биографии поэта, и специально указал факт из жизни поэта. Затылок у начальника порозовел. Не мог он такое вынести. И стал он нетерпеливо дергать плечами и крутить головой. А когда все пошли на перерыв, то начальник стройки ухватил Эдика за пуговицу и спросил, откуда, мол, он знает столько стихов великого поэта? Сказал, что парень исказил кое-что. Эдик стал спорить с начальником. Потом сдался. Так надо было. И всё это время Эдик держался прямо, вздергивал плечами, клонил голову вправо, пытался говорить о рождении культуры в районе, при этом старался вытянуть губы трубочкой. Даже сообщил, что хочет стать учителем русской словесности.

На наших глазах, известный в уголовных кругах урка по кличке Гомер, превращался во всеми уважаемого культурного человека. Мы смотрели со стороны и держались за животы. Нам было смешно и весело смотреть на двух великих артистов в нашем таежном и глухом краю.

– Кем вы работаете? – спросил начальник, продолжая держать Эдика за пуговицу. Эдик признался, что он трудится плотником. Начальник удивился и пообещал трудоустроить парня.

Вечером Эдик подошел ко мне и сказал:

– Ты мне дашь рекомендацию в партию. Лады? Ладно?

– Обязательно напишу. Играть так, играть. До конца.

– Я постоянно вытравливаю из себя уголовное, а оно так и прет из меня. У тебя ведь тоже такое было с твоей бродячей жизни? – спросил он. – Я, Юрок, ещё на зоне понял, что надо вступить в партию. Ты сам видишь, кто в ней. Такое ощущение, будто кто её изнутри рвет, потому что в неё пролазят разношерстные проходимцы. Вот они-то и наводят в ней гниль. Так вот, я хочу стать им, потому что я и есть проходимец, такой же, как ты, кто её изнутри будет продолжать рвать.

– Ты что?! – возмутился я.

– Мы с тобой вместе будем её милую рвать изнутри.

– Но я по идее вступил!

– Знаю. По идее. Но какой идеи! А чтобы их видеть ближе, рядышком.... Давай объединимся. Ты только один можешь такого наколбасить!

– Чего это я-то?

– Юрок, не обижайся. Все твои фельетоны и очерки читал. Перевернул все подшивки. Ты о ком там пишешь?

– О начальниках эксплуататорах пишу.

– Знаю. Это раз. Именно о них. Даже в твоих очерках твои положительные герои с кем сталкиваются? Ясно. Слушай, слушай меня и не перебивай. Я речь буду держать. Исполдволь, постепенно, ты показываешь портрет тех людей, которых не надо бы принимать в партию. Вызываешь у народа неприязнь к этим людям. Вот, мол, какие они. Это два. Я тебя насквозь вижу. Сразу понял. Далек ты пошел, и ловко поддел одного из главных партийцев. Кстати, в редакции не знают, что он коммунист. И там ты ловко накрутил. На работе знают, кто он такой. Прибежали на тебя жаловаться. А там ответили, но позвольте, это ведь очерк. Это уже три. Поэтому, некоторые товарищи мне сказали, что твои очерки можно считать, как фельетоны. Если бы вот так по всей стране! И таких, как ты, тоже много. Они постепенно

подрывают эту систему. Подрывают её авторитет. Про идею я ничего не говорю. Я, как и ты, за социальную систему. Но не за тот социализм, который нам шьют белыми нитками по черному. Главное то, что к власти рвутся не те, кому надо бы там быть. А такие, как ты, показывают, тех кому не надо бы там быть. Но не дай Бог, если в райкоме партии узнают, кому даешь рекомендации в партию. Ты самый злейший враг ихний. Ты – затаившийся враг. Вот за это я на твоей стороне. Играть так, играть. Все они играют, а почему нам с тобой нельзя играть? Играем... Все они игрушки, и даже не подозревают, что они являются самыми злейшими врагами этой партии. Но они узаконенные разрушители. Люди где-то выступают, пишут лозунги и их судят, сажают, ссылают, выгоняют за бугор, а главных разрушителей никто не трогает, даже за их болтовню платят денежки. А теперь мы с тобой в одной лодке с разрушителями, в одной упряжке. И я хочу вместе с ними принять участие в этой глобальной поездке этой партии. Она уже прогнила насквозь. И уже никто ей не поможет. И я тоже буду давать рекомендации в партии, таким же жукам как я. Давай я пожму твою мужественную руку. Но я буду отличаться от тебя тем, что я буду, как они все, пользоваться своим служебным положением. Я буду вором в законе от партии. Но я буду их страшнее. Мои все родственники уничтожены. Расстреляли. Зажиточными крестьянами они были. Раскулачили. Потрепала меня жизнь. Детские дома, побег... Зона, детская колония. Тюрьма, зоны. Всё было. А они мне идеи толкают. И не дай Бог, если я стану учителем. Если бы они знали, кого примут в партию...

Он сжал мою руку, и я понял, что он в это время не шутил. Сколько же было зла в этих глазах... Мне кажется, что я даже увидел слезы. Но он тут же заулыбался нежно и очаровательно.

Эдик через месяц стал мастером на нашем участке, и мы купили ему костюм. Я написал ему характеристику в партию и ещё его двум корешам по уголовным делам. Они даже мастерами работали.

Через несколько лет, Эдик к тому времени жил в Братске, заехал ко мне. Заочно он окончил педагогический институт. Он уезжал в Норильск, а там, кажется, собрался в Москву.

Он говорил:

– Теперь я буду воспитывать детей. Я буду воспитывать так, как надо. Как я задумал. Так вот запланировал. Чудных детей воспитаю. Они искорежат всю эту подлую систему, и начнут строить новую жизнь в нашей стране, если меня к этому времени не разоблачат... и не повесят. И что удивительно, они искорежат эту систему и начнут строить новую жизнь. Но так, чтобы им было слаще и богаче. Как в хорошую дождливую погоду расплодятся из них миллионеры. А, возможно, и миллиардеры. Поверь мне. Так и будет. Всё в этой стране идет к этому. Если бы ты только знал, скольким людям я дал рекомендаций в партию! Ты бы ужаснулся. Главное, кому даю. И ведь в райкомах в этом вопросе не разбираются. Написал рекомендацию – принять. Я буду ломать и школьную систему. Будущее за моими учениками. Сейчас тружусь над кандидатской диссертацией. Думаю, что через пару месяцев буду защищаться. Кстати, я сразу стал учиться у опытных педагогов. Многому у них научился. Как правильно стоять, дергать плечами, вздергивать головой, изображать из себя интеллигента и культурного человека, говорить о культуре, сюсюкать и даже шепелявить. Ведь не устают черти, так держаться! Я давно пришел к выводу, что все они тоже играют. И в их интеллигентность и культуру не верю, как и себе не верю. И ты этим хмырям окультуренным не верь. Все они затаенные, как и я, артисты. На дачах, среди овощей, курей и поросят они другие.

Эдик выпрямился, передернул плечами, вскинул голову, нахмурился, строго посмотрел на меня, мгновенно заулыбался нежно и очаровательно, и даже произнес несколько фраз о культуре поведения, при этом ловко так сделал губы трубочкой. Мне почему-то стало смешно.

– Вот. Тебе смешно, так как ты знаешь, что играю. А почему тогда все верят этим всем затаенным артистам, когда они так вот держатся? Все верят. Думают, что они такие и есть, так, мол, и положено им быть при их должности. Во всех райкомах, конторах тоже все играют. Человек – это, прежде всего, артист. Но среди публики каждый из людей это скрывает. Порой мне от этого моего открытия бывает страшно. Человек не может не

играть. Так его природа создала. А чтобы тебя не разоблачили, надо набросить на себя накидку. Каждый человек выбирает для себя эту накидку. Педагоги вот такую выбрали накидку. Есть держатся прямо с дергающими плечами, как учителя. Есть люди сутулятся, семянят, размахивают руками, много говорят, есть только умно хмыкают. Но внутри все они другие. И вот этого другого они, все, и боятся выпустить наружу. И только среди курей, поросят и гусей они немного раскрываются. Ты это сам понимаешь, и как можешь, прячешь своего скрытного и личного товарища. Как-то ты уже мне об этом говорил, что в каждом человеке есть второй – Я. Точно подметил. Ты говорил, что надо бы с ним подружиться. Не надо бы его трогать. Это время не пришло, да и вряд ли оно придет. Не надо. Наоборот, надо его охранять от личного человеческого характера первого – Я. Даже не представляю, что станет с таким человеком. Был на земле такой человек две тысячи лет тому назад. Народ шел за ним. А некоторым господам он своей правдой не понравился. Его казнили. Конечно, он был в дружбе со вторым – Я. Нет, никогда эти два товарища не объединятся. Оно и правильно.

Был у нас в городке ещё один такой товарищ. Пришел он ко мне с бутылкой коньяка. Многие писатели, журналисты, и такие, как Эдик не шли в райком партии или ещё куда, а ко мне. На это ответил Вячеслав Шугаев:

– У тебя можно не только расслабиться, но и почувствовать себя свободным от разных пут. И поговорить можно на отвлеченные темы и кое-что почитать.

Володя сказал:

– С Эдиком разговаривал. Перед отъездом в Норильск он написал странную статью. Мы заходили к тебе, но ты где-то мотался. Он велел передать тебе копию своей статьи. Знаю, что у тебя здесь настоящая Мекка. Многие такие вот как Эдик и я собираются. Вот и я пришел к тебе.

Статья эта называлась: «Построение беспартийного общества». В те годы я много читал запрещенных произведений знакомых и незнакомых авторов, конечно, отпечатанных на машинке. Кое-какие интересные материалы приходилось самому перепечатывать и распространять.

Так вот Володя Воинов начал философствовать. Речь мне толкать.

– Надоело крутить баранку и где-то там буксовать. А то и начальству пиломатериал возить на дачу. Надоело и мерзко. Давай поговорим о том, как я стану председателем месткома в нашей организации. Есть у меня такое желание. Хочется путевками руководить, квартирами. И деньгами тоже руководить. Легче будет воровать. Они ведь крадут, а почему мне нельзя? Одним словом – в партию мне надо. Пиши характеристику.

И я написал. Потом он проник в председатели месткома. Таким стал активным, просто залюбуешься. Когда он добился того, о чем мечтал, то пришел ко мне с бутылкой коньяку.

– Ну, и как? Отлично сработано? А ты заметил, что руки то и дело сую по своим карманам? Пришел к тебе опыт тебе подсказать.. Полезный опыт. Ты мне помог, а теперь я тебе помогу. Когда меня ругают, то я держу в кармане... кукиш. Помогает. Попробуй. Ты мне, а я тебе. Эдик, например, научился отключать глаза. Кричат на него, а он чак...у него глаза безразличные, как у Хамова и Балаболкина. Вся наша жизнь – игра. Этому тебя не надо учить. Ты есть великолепный игрун. Вот ещё этим бы тебе двум правилам научиться. Кукиш и отключение глаз. Они все играют, а почему мне нельзя поиграть? И нам надо играть. Смотри, как я научился отключать глаза.

Он держал руку в кармане, нежно улыбался, а глаза оставались безразличными. Округлил их и, не мигая, смотрел на меня. Ловко он это сделал! Мне бы так отключаться...

– Так вот, – продолжал он. – Про кукиш я сказал. Да, я тоже хочу из этой кормушки питаться. Нам потом памятники надо будет ставить. А нас знать не будут. Обидно. И твоя борьба и все твои старания забудут. Обидно.

Вспомнил я и Эдика и Володю, которым дал путевку в партию. И тогда я сказал начальнику:

– Вы правы. Надо знать, с кем играть. Глаза бы научиться отключать...

– Это ты о чем? Вечно загадками говоришь. Нет никакой серьезности. Все люди, как люди, а ты какой-то не очень серьезный.

– Может всё наоборот, я на серьезе, а все хохмят?

– Ладно. Я бы тебе предложил, чтобы ты так не шутил с партией. Подумай о сыне... Я тебя предупреждаю. Дело по отношению к тебе...стоит очень серьезно. Смотри, Юра, я тебя предупредил. Нельзя шутить с этими... ну сам, понимаешь...с компетентными органами. А ты у них на учете...со своими проделками... Что ты сделал с партийным билетом? Я всё знаю. Кое-кто мне доложил. У нас ещё есть сознательные рабочие. Не стыдно? У тебя сын...Если что...на кого ты малыша оставишь? Ты ведь не только идешь против партии, но и против советской власти. Распространяешь запрещенную литературу. Вот видишь, я всё знаю. Будь как все...Подумай о сыне...У тебя ничего не нашли. А если бы нашли?...Подумай о сыне...

Об этом мне многие говорили. Предупреждали. Они всё могут. В общем, взяли за горло. А могут отправить на зону или в психушку. С такими, как я, так и делали. В будущем я узнал, что меня готовили на зону.

Но у меня маленький сын... А я никому его не доверял. От последней черты перед окончательным разрывом со всей этой системой меня удерживал сын. Если бы не он, что бы было со мной? Господи, как мне тяжело! Чтобы сказал Эдик? Уверен, что назвал бы меня придурком. Нет, нельзя мне сейчас рвать с партией. Нельзя. Надо подождать. Пусть все успокоятся. А вот играть продолжать надо, и писать характеристики. А сбиваться с ритма игры нельзя. Как же я так посмел сбиться?

И тогда я сказал:

– Вы, как всегда правы. Окончательно убедился, что Хамов, Охмурелов и другие такие же сознательные товарищи честные люди. Глаза? А что глаза...Пустяк. Это я нехороший человек. Я есть болван и придурок. Меня трудно понять с этими отключенными глазами. А я кукиш в кармане...

– Да, тебя трудно понять. Где ты шутишь, а где нет. Надо быть ясным и понятным, без этих самых заковык... Будь как все. Все идут в ногу, а ты нарушаешь это движение вперед. Нехорошо.

Я пошел домой и стал думать о нашем разговоре. Пройдут годы, и я буду вспоминать этот момент, как самый ответственный и переломный в моей жизни. И разве сын поймет своего

отца, и разве он будет знать, что тогда творилось с его отцом? И почему его отец был таким, а не таким как все – благопристойным, серьезным и очень трезвым. Да, в то время его отец не всегда был трезвым. Это было страшное для него время, и об этом времени мой сын не будет знать. Это было время, когда многих, таких, как я, сажали в тюрьмы, отправляли в психушки. Многие скрывались в тепловых колодцах, становились тунелюдцами, некоторые бежали за границу, кто-то спивался, кто-то стрелялся, вешался, травился. И мой сын не будет знать, отчего его отец был не как все. А может и узнает. Но, вряд ли. И к женщинам его отец относился плохо. Не на серьезе. И про это знать не будет. Это как алкоголь, похмелье. Отпустит, а потом опять прижмет. А быть в постоянном похмелье очень тяжело и нудно. Организм надламывается. Я понимал, что играть необходимо, но не выходить из рамок. А со мной это происходило. Иногда срывался. И тут же совал кукиш в карман. Помогало. Спасибо Володе. А лучше всего надо игру перемешивать с серьезом. Так легче жить. Надо играть серьезно. Если постоянно играть, то нужен талант. Неужели все люди так талантливы? Если постоянно играть, то можно и устать. Значит, наши партийные деятели не устают играть? И если я кому-то говорил, что он артист, то этот товарищ обижался. И что любопытно, все эти товарищи очень обидчивые. Почти не играют только тогда, когда вырываются на природу. С ней невозможно играть. Да и какой смысл играть? Как-то я списался с товарищем из Анадыря. Решил поехать к нему. Было у меня последнее желание – покинуть нашу страну, и уехать на Аляску. Знал, там жили мои родственники. Взял Женьку, собрал деньги, взял свою рукопись, будущей свой роман «Зона», и поплыли мы по реке Лена до города Олекминск. Решил немного отдохнуть, порыбачить, и поехать дальше. Сыну показал места, где проходило моё отрочество и ранняя юность, сходил на могилки отца и брата Василия. Он ещё в детстве утонул...

Поселились мы у моего друга Юрки Минакова. И вот он повел меня в свинарник, чтобы показать животный мир, которым он очень гордился. Потом пошли в город. Шел он и всем встречным кланялся и улыбался. С одним товарищем весьма любезно

побеседовал. И когда мы отошли, то продолжая улыбаться, прошептал:

– Подлец он отменный, но... благодетель наш... Нельзя с ним иначе... Обидится... Нельзя...

Поехали мы с ним на рыбалку. И там я увидел другого Юрия. Движения свободные, лицо разругянилось, размягчилось, и говорил он на простом русском языке, и не сюсюкал и не шепелявил.

– Если бы ты знал, как я устаю так держаться... Только на рыбалке, в бане и на даче вот так отдыхаю и расслабляюсь...

– И со свиньями и курами отдыхаешь... А вот я не устаю. Человеком я тебя и увидел в свинарнике, и вот здесь, с природой... Но нельзя же так жить!

– У меня ещё гуси есть... Счастливым ты... А вот я привык... Иначе не могу жить. Иному бы рожу набил. Ведь явный мерзавец! Но нельзя. Обидится...

– Опомнитесь, люди! – воскликнул я в подпитии. – Что вы с собой делаете?! Не улыбайся подлецу! И не сюсюкай перед ним. Нет, мне рано бежать за бугор, да ещё с моей марсианской рожей. Струсил я. Струсил. Вот и решил бежать. Все они одержали надо мной победу. Всё. Возвращаюсь домой.

Через два дня мы с Женькой вылетели на самолете в мои родные края.

Подумал вот так обо всем и пошел к своему другу Генке Кочеву. Он тогда корпел над новой повестью

– Интересная штука получается с нашим обществом, – сказал я.

. Интересная, – ответил он.

– Сжечь бы всё и вся, – сказал я. – Вот такое бывает у меня настроение. Одно есть утешение. Сядешь, другой раз за стол и делаешь наброски. А кто печатать будет? Кому это нужно? Вот, например, завтра всё изменится, все эти товарищи будут снова на плаву. В первых рядах. Какие-то они непотопляемые. А мне играть хочется.

– Таков закон, – спокойно ответил Кочев.

– У меня возникла мысль. Что если бы создать такой орган, чтобы он контролировал работу этих прощелыг. Вроде народно-

го контроля. И чтобы он был выбран самим народом. Только не такой контроль, какой есть сейчас. Этот контроль находится под железной пятой нашей партии. Начальников избирать народом, но не назначать.

– Интересно. Ну, и что? Ты туда не попадешь. В этот контроль опять они бы вошли и рабочие-подхалимы. Всё. Замкнутый круг. Всё.

– Что тогда делать? И там будет райком руководить.

– А ты всё накапливай и записывай. Подойдет время, и всё это пригодится. Записки – это вещь. Записки из провинции. Как она жила в такое вот время. О своей жизни напиши. Пиши правду. Для истории. Вся твоя жизнь – правда. В будущем должны знать, как жила провинция. В основном, описывают городскую жизнь, деревню воспевают. И не ту жизнь, что пишут в очерках и книгах, а жизнь простого человека со сложной судьбой. О партии пишут, о руководителях, собраниях, рабочих, крестьян. Всё это так. А вот, что об этом пишут сейчас – искажают историю. А ты всё об этом напиши правду. Как ты жил, как ты страдал. Всё записывай. А то ведь всё это забудут, или будут болтать, что как хорошо мы жили. Мы никогда хорошо не жили. А то, что ты в романе пишешь про окно, и как там фантазируешь, для тебя это отдушина. Где ты на время скрываешься от нашей жизни. Там ты духовно отдыхаешь. Хорошие ты нашел отступления... А если задуматься, то это реальность. Так и пиши.

– Да, я всё записываю. Пишу, и мне от всего этого становится страшно. Люди словно все одубели. Будто все под прессом ходят. Идеологи лозунгами шпарят, рабочие на этих собраниях спят. А над всеми над нами – огромный пресс...

– Давай, Иннокентьевич лучше выпьем... Сразу полегчает и отпустит.

Мы выпили. Посидели, помолчали, потом опять выпили. Загрустили.

– Был у меня один товарищ из Москвы, – нарушил молчание Геннадий. – И сказал он, что надо ждать больших перемен в стране. Приходили к тебе, а ты где-то мотался. Он о тебе слышан. Вот и хотел с тобой поговорить.

– Революция? – встрепенулся я.

– За кого бы ты пошел? Это интересно.

– Как за кого? Народ бы подняли. Так больше жить нельзя. Хотя этот народ не поднять. Спит он. Во главе революции должны быть ученые, писатели, экономисты. Я готов пойти на баррикады, лишь бы свергнуть эту систему.

– Там, наверно это начнется, – ответил Геннадий. – Интересно начнется...

– А мы должны поддержать.

– Поддержим.

В 1991 году я принял участие в этой революции. Но это уже будет в другом романе. Эта революция очень резко разделила наше общество на очень богатых и бедных. Как мы и говорили с Кочевым, к власти пришли прежние руководители, а многие из них стали миллионерами, а кто и миллиардерами. Всё потом будет. Так зачем мне была эта буржуазная революция? Я никогда не любил капиталистический строй. Именно против него я всю свою жизнь боролся. После этой революции страна проснулась в капитализме. Только ещё намного страшнее. Дикий капитализм. Значит, мои усилия были напрасны. Меня, и таких граждан как я, что поддержали революцию, снова обманули, обвешивали и обмешивали. Ну, а пока...

Шел я домой грустный-грустный, и думал, а кто же у нас пойдет за революцию? И тут вспомнил одно дело из своей личной жизни. Надо обязательно написать. Это весьма важно в моей судьбе беспокойного человека. И что из этого вышло? А вот что...

На градообразующем предприятии нашего города, в Коршуновском ГОКе, многие про тот случай умышленно забыли, а я всё помню и записал, при распределении жилой площади, давали девять квадратных метров. На любое начальство любого размера, такое не распространялось. Многие и лезли в партию, а потом пробивались в начальники, чтобы получить лишние метры. И это был факт. Директор издал постановление, отныне не девять метров на нос, а шесть метров. Ход, конечно, хитрый. В год будет получено рабочими больше квартир. Хорошая и надежная галочка для отчета. Многие люди стали приходить ко мне с жалобой на руководство ГОКа. Казалось бы, мне это не

нужно. У меня была нормальная двухкомнатная квартира. Мы с сыном жили вдвоем. Захотелось помочь людям. Обзвонил всех председателей месткомов, чтобы они собрали людей и привели на площадь. Проведем митинг протеста. Составим коллективное письмо и отправим в высшее руководство, чтобы отменили решение директора. Со мной было несколько мужиков. Мы написали листовки и вывесили в городе на видных местах. Мы не знали, что за нами шли люди, и срывали листовки. Это были рабочие-подхалимы. Потом узнал про одного рабочего, что он нуждался в улучшении квартиры, и жил он в щитовом домишке, который был ветхий и готов развалиться. И такие вот были рабочие. Так зачем мне, лично, нужна была эта возня? Зачем я опять взялся защищать рабочих и их права – если именно эти рабочие и предали меня? Зачем их надо было защищать? Наверное, просто из-за того, что я был против беззакония там, где нарушаются права человека, пусть вот хоть таких рабочих. Пусть такими они и останутся. Но, в этом беззаконии страдают дети. И что удивительно, у этого рабочего четверо детей, и они ещё маленькие. Очень просто. Бутылка водки дороже детей.

В два часа дня состоялось срочное бюро парткома ГОКа. Секретарем парткома был Константинов. Неплохой мужик. Но всё здесь находилось под крепкой рукой директора.

Привезли меня на бюро на директорской «Волге».

Двумя рядами сидели члены бюро, и среди них я заметил представителя от КГБ. Это уже было серьезно. Прошел слух, что кто-то, мол, готовит забастовку. Такого в ГОКе ещё не было. Вот и собрались все посмотреть на возмутителя спокойствия.

Все осуждающе разглядывали меня, как будто впервые видели меня, хотя они меня прекрасно знали по моим выступлениям на собраниях, и в газете.

– Ну, рассказывай, что ты там опять нагрел? – спросил директор.

– А чего опять-то? Сегодня мои выступления встречаете в штыхы, а завтра я окажусь прав. А потом мне говорят, что я слишком рано выступал.

– Пророк нашелся. Мессия. Ты думаешь, что сейчас правильно поступил? К тому же постоянно баламутишь народ.

– А я опять прав. Ни в одной организации города нет по шести метров, только вы так сделали. И тогда почему я не должен выступать? Ведь всем ясно, что как коммунист-руководитель, то обязательно имеет хорошую квартиру и без всякой очередности. Вы ведь сами заставляете людей не верить ни во что. Люди становятся ко всему безразличные.

– Вы говорите, и заговаривайтесь! – крикнула одна дама и преданно посмотрела на директора.

– Это вы здесь все не заговаривайтесь. Чёрт бы вас всех побрал! – крикнул я. – Корчите тут из себя пупов земли!

– Молчать! – повысил голос директор. – Ишь, рубаху парня из себя корчит. Он, видите ли, Стеньку Разина из себя изобразил. За народ пошел. Почему ты за себя ничего не просишь? За народ он пошел. А мы за кого? Мы против народа?

– А он против советской власти, – вставила толстая дама, не сводя глаз с директора. Надо сказать, что все члены бюро преданно смотрели на своего начальника.

– Ты мне здесь брось анархию разводить, – продолжал говорить директор. – Одно пойми, дурья твоя голова, неужели так ты и не понял? Этот народ за тобой не пойдет. Не то время. Это хоть должен понять и знать. Для этого у нас есть демонстрации в особые дни. Собrania. Вот там и выступи. И не баламуть народ.

– Кто вам дал право так распоряжаться жильем? – спросил я. – Не посоветовались с профкомом, хотя они тоже... с народом надо было посоветоваться. Вы здесь сами все против советской власти.

Странно, над головами людей появились разноцветные шары, а в них непонятные рожицы... Одно я не понимал. В этот момент играл я или не играл?

– С народом? – спросил директор. – Да мало ли что захочет народ? У нас ведомственные квартиры. И ты это знаешь...

– Ведомственные сделали, чтобы творить безобразия. Развели феодализм. Кому даю – кому нет. Я – пуп земли. Я – хозяин. У нас есть профсоюз. Вот пусть они и распоряжаются. Вот все они и есть от народа...

– Я здесь поставлен директором, и мне дано право распоряжаться жильем. К тому же я коммунист.

– Вот это и есть главное, – ответил я. – Если я – коммунист, то должен жить по совести и уставу. И должен пойти первым, где творят безобразия и беззакония. Творят здесь. И вот я тут...

– Ишь, ты, мессия явился. Он за народ, а мы против? – спросил директор.

– Да, вы против народа, а я за народ.

– А он против советской власти, – опять вставила толстая дама и округлила глаза.

– Но если вы коммунист, то вы должны войти в положение руководства и понять необходимость такого решения, и задайте себе вопрос, – тихо сказал лектор Балаболкин. И он здесь.

– Плевать мне на вашу необходимость. Чего это вы все позалезли в хорошие и добротные квартиры без всякой очереди и необходимости. Задайте себе сами вопросы.

Надо сказать, что со мной пришел и Володя Воинов. Он стоял рядом со мной с отключенными глазами, а правая рука была в кармане. Я его попросил пойти со мной. Он согласился с неохотой, но только сказал:

– Мне так хочется кушать белый хлеб с маслом. Хорошо. Пойду. Надо показаться на глаза благодетелям. На большее я не согласен. А сверху ещё колбаску положить.

– А вы знаете, что вас бы ожидало после того, когда вы бы организовали митинг-забастовку? Не завидую. И вы против советской власти. Товарищи, он же против советской власти! – повысила голос толстая дама с очень длинной фамилией, сразу и не выговоришь, похожая на какое-то насекомое.

– Ну, и хватили вы, – подал голос секретарь парткома Константинов. – Это вы слишком. Я давно знаю Юрия. У него обостренное чувство справедливости. Откровенный мужик, да и только. Какой же он враг? Ну, вы даете...

– Уверяю, что он против советской власти и против партии, – не унималась дама с длинной и насекомонной фамилией.

– Иди, Юра домой, и успокойся, – сказал парторг. – И хорошо подумай на досуге. Хорошо подумай.

– Стрелов, – подал голос мужчина, кажется, единственный рабочий в парткоме. И здесь, как и положено рабочему, сидел сбоку и в уголке. – Поверь мне, ты сейчас останешься в одиночестве. Люди не пойдут за тобой. Почему? Подумай хорошо. Пока ты здесь, по всем цехам обзвонили, что митинг не состоится. Не врубился? Не пришло ещё то время...

Кто-то из сидящих рядом товарищей, дернул его за рукав. Я уловил взгляд товарища из КГБ. Он внимательно посмотрело на того рабочего.

– Я постоянно задаю себе вопрос, – снова вылез Балаболкин. – Откуда такие берутся? И отвечаю...

Играют. Как же я мог сорваться? Они ведь не срываются, а почему я сорвался? Зачем? Володя стоял свечой и нежно улыбался. Вот это артист! Надо отвечать. И я ответил:

– А вы обопрились на гранитный фундамент. И там вы увидите светлые вершины будущего...

– Он же смеется над всеми нами! Он враг народа! – повысила голос дама с насекомонной фамилией.

– Та-ак, – протянул я. – Вот они где собрались голубчики. Вы вместе со мной враги народа. Значит, вы здесь все враги народа. Господи! Да они же все здесь настоящие подпольщики!

Одно понял, что я проиграл. Против такой мощной команды поднялся! Где уж тут можно выиграть? Проиграл с треском. Народ не пойдет за мной. Но, продолжать игру надо. Наклонился к даме с длинной фамилией и сказал:

– Вы – антисоветчица. Вы потакаете нарушителям советской власти обманывать советский народ на советской земле в процветающее советское время, в советскую эпоху. Вы настоящая подпольщица... Поздравляю.

Тот рабочий, что сидел в уголке, засмеялся.

– Вот, дают! Мы, оказывается, все здесь враги. Для чего тогда мы здесь собрались?

– Они готовят революцию, – ответил я.

Все «подпольщики» зашевелились. Директор повысил голос.

– Концерт окончен. Иди домой. То, что ты задумал... кишка тонка... Подумай на досуге, на что ты замахнулся и что хотел сде-

лать. Всё с тобой. Иди и успокойся. У тебя ведь маленький сын. Ты о нем подумал? А надо иногда об этом думать. Всё. Иди.

– Пойду, пойду, а вы здесь будете говорить против советской власти? Я знаю. У меня ничего не получилось. Люди не соберутся. Это и понятно. Я понимаю этих людей. Но немного на что-то для них же надеялся. Всё ясно и понятно.

– Твое решение, Юрий? – спросил секретарь. – Когда решил собрать людей?

– В пять вечера.

– Уже четыре. Всё ты зря это затеял, Юра. Зря. У тебя маленький сын. О нем подумал? Подумай.

– Иди, иди, – сказал директор. – Не то время, чтобы устраивать забастовки. Как мне передали, ты мужик не плохой и работающий, – и он покосился на товарища из КГБ. – Поймешь. Мужик ты умный, соображаешь, что к чему. Затеем какое-то мальчишество, донкихотство... По твоему вопросу подумаем. ...Иди и успокойся. Иди.

Когда я уходил из кабинета то я услышал, как секретарь спросил у за мной идущего Володю:

– Товарищ Воинов, а вы зачем сюда пришли? У вас другой уровень. Зачем?

– Просто надо было поддержать парня.

Когда вышли, то Володя сказал:

– Видишь, меня заметили? Это уже что-то. А ты почему руку в кармане не держал? Про это нельзя забывать. Учти.

Что теперь делать? На несостоявшийся митинг пришло всего несколько человек. У меня больше не было желания собирать людей на митинги. Навалилась усталость. Что это мне дало? Ничего. Одни неприятности. Просто я хотел помочь людям. И эти люди меня и не поддержали. Некоторые из них называли меня придурком. А двое из них хотели избить меня. И потом, когда я заходил в мастерскую, подсмеивались надо мной те, которым хотел помочь. При этом они преданно смотрели на своих начальников.

И это был ещё один факт. И я его не придумал. Хочется в этой книге писать откровенно. А читатель пусть думает обо мне, как ему придется думать. Это его право.

Если бы в то время был начальником цеха Язавасбудудуматько, то мне пришлось бы туго. А в то время, временно у нас работал начальником Рябчиков. Он схватил мою руку и крепко пожал.

– Ты – молодчага. Хотя я предвидел, что ты дохлое дело затеял. Время такое ещё не пришло. Я уважаю.... Вместо меня скоро придет Язавасбудудуматько. Этого бойся. Сомнет. В особом отделе на тебя зуб имеют. Учти. Ты опять многим насолил. А вот это сборище в защиту подхалимов, для тебя в будущем ещё аукнется. Пока я здесь – тебя в обиду не дам. Ходил за тебя кое-куда бороться...

Мне и на хороших людей везло. А если бы они на моей извилистой дороге не повстречались? Не знаю, что было бы со мной. И в самые сложные моменты в моей жизни, всегда приходило спасение. Словно кто защищал меня от назревающей беды. Разные испытания так и сыпались на мою голову. И неизвестно, откуда приходило спасение. Но тот, кто следил за мной, оберегал меня, не расхолаживал, не лелеял, а разные испытания давал на всю катушку.

Так вот, когда я разговаривал со своим начальником Язавасбудудуматько, то ему выдал план. Он вызвал меня в кабинет.

– У меня есть план, – сказал я. – Мы выпускаем газету один раз в месяц. По праздникам. Мало. Скоро освобождение африканских народов. Это событие надо в газете отметить. А день мелиоратора как можно пропустить?

– Это хорошо, что ты придумал. А вот эти афри...мелиораторы зачем?

– Но мы ведь водой занимаемся. Например, разве можно пропустить свободу Сейшельских островов? А негры в Америке голодают?

– Перегнул. Зачем нам эти острова? Нам надо что-то ближе. Это хорошо, что ты выпустил газету про Парижскую коммуну. Но надо что-то наше, родное....

– Надо понимать настоящий момент, – перебил я. – В самый раз нанести удар по мировой буржуазии. Ну, например, товарищи папуасы, мы слесари и разные там...другие профессии и руководители, как очень честные и благородные люди, с нами,

плечом к плечу, обопремся на гранитный фундамент марксистко-ленинской теории и все как один пойдём к светлым...

– Подожди, подожди, – перебил начальник. – А папуасы причём? Я с тобой хочу поговорить совершенно о другом. Сбил меня с этими твоими папуасами. И не путай мне карты руководства. Надо же, до папуасов добрался...

– Да вы что?! – сделал вид, что возмутился. – Папуасы томятся на этих, каких... Сейшельских островах... Негры в США умирают от голода! Вы что? Против мирового пролетариата? Папуасы и негры ждут свободы! Как вы так могли?

Всё это время моя левая рука находилась в кармане брюк.

– Ладно, ладно, разошелся. А почему твои папуасы оказались на тех островах? Вроде они находятся в другом месте. Там у них был Миклухо-Маклай. Всё шутишь? Или напутал? Ты лучше передовицу напиши про наше производство. Об этих не надо. Что же я тебе собирался сказать? Перебил меня... Ловко ты мне голову закрутил. Ладно. Иди. Вот так всегда бы ты был такой. Деловой, грамотный мужик. Ты на голову выше всякого нашего слесаря. Посидели бы, поговорили как-нибудь. Хорошо ведь так... Рассказал бы, о чем ты там пишешь. Почитал бы мне. Может, что-нибудь бы я тебе и посоветовал. Хорошо ведь так?

– А я разве говорю, что плохо? Хорошо. А жаль.

Могу только сказать. С такими вот людьми, и с теми, кто болтает о светлых вершинах, дружбы у меня не будет.

Стенгазету по освобождению африканских народов выпустил. И прошло. Следом выдал номер, где призвал слесарей-водопроводчиков сплотиться и единым строем, тесными рядами совместно с родной партией напрямик пойти к сияющим вершинам коммунизма. И этот номер проскочил. Даже похвалили. Я озорничал вкрутую, как озорничали наши политические деятели.

Сейчас приведу образец рабочего собрания. Такие сборища были по всей стране. Навидался. Наслушался. В организациях умудрялись проводить их совместно с коммунистами. И назывались они – коммунистические пятницы. Первым среди рабочих выступил Балаболкин.

– Сейчас, когда наша страна напряглась, как стальная пружина, и идет к завершению пятилетки, мы – коммунисты, как один, конечно, с рабочим классом, должны каждый на своем месте отдавать все свои силы для выполнения плана, – говорил оратор. Был у него вид, будто он стоял перед зеркалом и любовался собой, своими четкими движениями, стройной фигурой, красивой сединой на висках, а главное, своей зажигательной речью. А она так и лилась из него. – Я задаю себе вопрос. Сможем ли мы выполнить план до конца года? И отвечаю. – Он обвел нашу братию орлиным взором и резко махнул рукой. – Выполним план. Но только в том случае, если сплотимся вокруг нашей коммунистической партии. И если каждый из нас задаст себе вопрос, а что он сделал для партии, для народа? И снова задаю себе вопрос...

Ещё что-то говорил о монолитности, о вдохновении, о сияющих вершинах и ещё о чем-то....

После него вылез на трибуну главный инженер цеха Хамов. Этот жук с задатками государственного воришки заговорил на любимую тему. Говорил о честности среди рабочих. И что он поймал одного рабочего, который украл горсть гвоздей. А в это время рабочие везли на его дачу, украденную с производства обрезную доску. Появился на трибуне и бригадир Линьков. Он мечтал получить третью награду. За это надо постоянно выступать на трибуне. Однажды, он мне признался:

– Все играют. Почему я не могу поиграть? Давай, Юрий, вместе играть. Для порядку мне бы ишо одну железяку на грудь повесить...

В тот день на трибуне разворачивалась настоящая игра. Все будто сговорились, все говорили о честности о «не укради». А этот Линьков посвятил речь верхонкам. Не дают их рабочим вовремя. И рассказал, как один рабочий оставил верхонки на рабочем месте, а их кто-то украл. Линьков блестяще гнул дуру под наших руководителей. Линьков так увлекся, что даже взмок.

Потом и я решил блеснуть на трибуне. Долго потом мою речь помнили.

– Вот я и говорю. Нет этих верхонков, да и гвоздей выкрали целую пригоршню. Безобразие! Мне завтра надо подмости де-

лать. Вот и задаю себе вопрос – зачем украли верхонки и горсть гвоздей? Отвечаю. Гвоздей нет. Нет и верхонки. А честность есть. Она на огороде осталась среди моркови, свиней и кур. И всё это на руку мировой буржуазии. Задаю себе вопрос. Зачем украли гвозди и верхонки? Отвечаю. Для дела на даче. У меня есть предложение. Нам всем надо сплотиться плечом к плечу и двинуть к светлым вершинам светлого будущего. И мы, слесари-водопроводчики и прочие придем к этим вершинам. Правильно говорил товарищ Балаболкин, а потом товарищи Язавасбудудуматько, Хамов и бригадир Линьков. Даешь честность! У меня всё.

В зале шум. Все оживились, а то многие дремали.

После собрания ко мне подходили мужики, молча жали мне руку, и тихонечко отходили, как бы начальство не заметило. Балаболкин тоже тихо проскользнул мимо меня. Один только Хамов остановился и спросил:

– Всё продолжаешь озорничать? Причем здесь горсть гвоздей? Кого ты имел ввиду?

– Это так, семечки. Одно не могу понять, как можно сплотиться вокруг партии? А пятимильными шагами к светлomu будущему? Что это? Как можно так шагать?

– Это иносказательно. Всё чудишь?

– Значит, всем можно чудить насчет светлых вершин и говорить иносказательно, а когда я так сказал – мне нельзя. Все мы иносказательные.

– Всё мне понятно. Чудишь. У меня вопрос. Зачем ты дал рекомендации в партию Редману и Ратникову? Чудишь? Вовремя спохватились. Не приняли.

– Мы бы с ними, с моими товарищами Редманом и Ратниковым плечо к плечу пошли бы...

– Смотри... Доиграешься...Тебе что, советская власть не нравится?

– Она мне очень нравится. А вот вы её противники.

Сказал это и пошел домой.

Когда многие узнали, что я написал рекомендации Редману и Ратникову, то сказали, что это будет не партия, а насмешка, какой являюсь я сам. Тогда я вспомнил Эдика и Володю, вот и написал.

Написал ещё таким же товарищам. Пусть озорничают. Вот такая была наша партия. И ей никто не верил. Своей болтовней и узаконенным враньем наши идеологи и разные болтливые лекторы отторгали людей от такой партии. Постепенно, они сами не ведая, что делают, подрывали её видимую монолитность.

В нашем районе коммунистов было 19 тысяч. Это много. Начальнику было положено быть в партии. А многие специально туда лезли, чтобы легче прожить, глядишь, и должность дадут. Я знал многих рабочих. На эту тему пытался с ними заговорить. Уходили от ответов. Некоторые признавались, что по ошибке туда попали. А вот, когда я говорил, что вступил в партию по идее, но не по ошибке, и нисколько не сожалею, что был в ней около тридцати лет, по глазам видел – не поверили. Такой, мол, шумной, вечно критикует начальников-коммунистов, пишет на них фельетоны, выступает с критикой на них с трибун, агитирует на митинги, и вдруг он вступил по идее? Врет, мужик, врет. Прошли годы, Теперь я могу честно признаться, что нисколько не сожалею, что был в ней столько лет. В ней мне было тяжело и интересно. Когда вы прочитаете эту книгу до конца, то может и сообразите, почему я был в ней столько лет, и почему именно в ней мне так было тяжело и в тоже время весьма интересно. Не каждый поймет. Ну да, Бог с ним.

БЫЛ ПРИКАЗ «ИЗНИЧТОЖИТЬ»

Новый начальник участка начал с того, что стал украшать раскомандировку и свой кабинет. Деловой, видимо, мужик.

Несколько лет назад, когда он работал простым электриком, он мне сказал:

– Поражаюсь тебе. Как тебя не выведут на чистую воду? Какой же ты коммунист? Ты настоящий анархист. В тебе ничего нет коммунистического. Тебя надо бы изолировать от рабочих, с которыми ты работаешь. Ты заражаешь своим подходом к советской власти. Ты ярый враг не только партии, к которой прилип, как банный лист к заднице, но и советской власти. Я бы

тебе такое устроил, что ты бы взвыл. И перестал бы думать о постороннем. Ты бы у меня по одной половине ходил...

– А на другой половине огород начальника, на котором трудятся рабочие, а им рабочие часы ставят на участке, – сказал я тогда.

– Подожди, ты у меня ещё попляшешь.

Теперь он у меня непосредственный начальник.

Горбатко нежно улыбался мне, здоровался за руку и постоянно интересовался моим здоровьем. Потом тяжело вздохнул, сбил с моего плеча невидимую пылинку, нежно улыбнулся и тихо и ласково сказал:

– Ты устал. Знаю. Отдохни от всех общественных работ. Пусть редактором стенгазеты будет другой. Политинформации тоже не читай. А то там такое загнешь, что меня с тобой вместе посадят. Брось мне анархию насаждать. Свободу для людей захотел? Не выйдет. Рабочим не нужна свобода. Мы этим людям нужны. А ты отдохни...

Вот такой начальник был принят на наш участок. А ведь тоже был рабочим. Надоело ему быть электриком. Пошел учиться в институт заочно.

Своим друзьям он говорил:

– Хорошо быть маленьким, но начальником. А пока я рабочий, то мне надо вступить в партию. Беспартийные начальники стоят в очередь, чтобы вступить в партию. Мне, рабочему, легче стать коммунистом.

Все рабочие преданно смотрели на своего нового и строгого благодетеля.

А я постоянно держал в кармане кукиш.

Горбатко постоянно старался сунуть меня в такие места, где хуже и грязнее. Он будто не замечал мои старания на участке. Да я к этому времени устал от старания научить людей думать о постороннем, и не быть как все. Исчезли мною принесенные книги, журналы, газеты. А ведь я и полку для них сделал. Разломали. На участке я организовал настоящую библиотеку. За два выходных дня книги растащили, газеты и журналы сожгли. Всё разрушили. Захотелось отдохнуть. Понял одно: он захотел избавиться от меня. Тут-то вот и произошло то, что должно

было произойти. Я опять попался. Дежурные слесари могли бы и постоять за себя, но от приобретенной трусости уговорили меня, чтобы их защитил. Кому-то из подручных руководителям диспетчерам пришла дикая мысль. Надо обходить насосные в ночное время: тепловые, хозпитьевые и канализационные. Это было явное нарушение техники безопасности со стороны руководства. Должна была вмешаться городская санэпидстанция. Я обратился к начальнику этой организации, а он был лучшим другом нашего начальника. Тогда рабочие стали меня упрашивать, чтобы я обратился в областную организацию. И мне захотелось помочь бедным рабочим. Мне вдруг стало жалко их. Они так меня просили. У меня возникло такое ощущение, что это был мой последний бой среди рабочего класса. Словно кто-то меня подталкивал на это дело. Да и молчать не мог. До каких пор будут измываться над рабочими? И тогда я отправил материал в областную санэпидстанцию.

Начальнику Язавасбудудуматько доложили о моих походах и неудачах. Он затопал ногами и загрохотал по столу двумя кулаками.

– До каких пор! Вот это настоящий враг народа и советской власти! Он думает, что он придет, и ему сразу помогут? Где это видано, чтобы какому-то слесарю помогли пойти против начальства?! Ну, он у меня ещё попляшет! Я ему устрою справедливость! Не позволим! Справедливость – это, я. До каких пор он будет мешать нам руководить? До каких пор? Изничтожить! Чтобы и духу у нас его не было!

– Пробовали. И землю таскает, стекловату из вагонов выгружал, трубы изолировал стекловатой. Ничего не помогает. У него нервы, что ли железные? Молчит, и хорошо и честно работает. Если какая авария, то первым бросается в самое пекло. Тут ничего не скажешь. Здесь к нему не прикопаешься, – докладывал Горбатько. – я сделал так, что сейчас все рабочие против него. Недолго так продержится. Не беспокойтесь. Он у меня ночью будет вздрагивать и на луну выть.

– Лекции пусть Балаболкин ему отдельно читает, – подсказал кто-то.

– Ничего. Горбатько не чище вашего лектора. Уморит его.

– Этого Стрелова лекциями и ни чем другим не прошибешь. Его надо брать чем-то существенным, – подсказали конторские дамы.

И эта брошенная фраза запала в голову начальника. Может он забыл, как подговаривал мужиков-подхалимов из мастерской жестоко избить Леху Редмана. Испугались мужики. У кузнеца Лехи кулаки, что пудовые гири. А народ в этой мастерской не только трусоват и подл, но и хлипкий. Парень он отчаянный. Вырос в детском доме. Не посмели тронуть взбунтовавшегося кузнеца. Мой хороший товарищ Леха кузнец в передовиках числился. Его портрет на Доске Почета красовался. А тут как-то Леха поругался с нашим начальником из-за квартир. Всем начальникам выделили квартиры без очередности и самые лучшие. А Леха жил с маленькими детьми и больной женой в полуразвалившемся, холодным и сыром цоколе. И этот подвал не подлежал ремонту. Леху вызвали на партийное бюро, потому что Редман был активным коммунистом.

– А ты коммунист, и должен жить хоть где. Так нужно партии.

И это ещё один факт. Так всем рабочим коммунистам отвечали, если они пытались восстановить справедливость. Такие слова на начальников коммунистов не распространялись.

– Да, я коммунист. Вы тоже коммунисты. Почему вы все забрались в хорошие квартиры и коттеджи? Это что, вам так партия велела? Да ещё без очереди.

– А ты пошел против советской власти, – сообщили конторские дамы.

– Ну, если вы такие строители советской власти, то мне придется вам сказать, что вы не есть советская власть. Вы есть её ярые враги. Вы враги советской власти.

Редман забыл, что он остался в одиночестве. Начальник цеха срочно собрал рабочее собрание этого участка, и приказал рабочим плохо говорить о своем товарище. Тут же из передовика Редман превратился на том собрании в лодыря и бича. Вот так. И все выразили ему свое недоверие. Портрет передовика сорвали в тот же час. В конторе, как и положено, в те времена, собрали комиссию из конторских дам и устроили кузнецу экзамен по

технике безопасности. И, как и положено, экзамен он не сдал, что произойдет и со мной в недалеком будущем. Передовой рабочий, если начинал бунтовать против своего начальника, то он в один день становился плохим рабочим. Ему тут же устраивали переэкзаменовку по технике безопасности. И тут же все рабочие переставали признавать этого защитника за их же рабочие права. А там уж выбирай, или быть тебе под рукой благодетеля, или увольняйся. И надо сказать, что такое безобразие творилось по всей стране. Ну, и кого воспитывали на рабочих местах? Подхалимов. В те времена почти всё наше общество состояло из таких людей. Огромная зона подхалимов, угодников, шептунов, анонимщиков и воришек с государственным и узаконенным правом процветала и набухала.

В парткоме и райкоме партии Редмана не поддержали. Это потом будут болтать, что можно было пойти в райком или партком и пожаловаться на руководителя самодура. Ложь. И полная чепуха. Их стойко защищал райком партии. И это была ещё одна ошибка коммунистической партии, как и то, чтобы каждый руководитель должен быть коммунистом. Наш начальник участка Горбатко давно это понял, и стал коммунистом. Как-то простая рабочая Нина мне тихонечко призналась:

– Я знаю. Ты мужик правильный. Не выдашь меня. Если в партию проникли, такие как Горбатко, Охмурелов, то это уже не партия, а грязная помойка. Неужели, в райкоме не видят, кого принимают в партию? А если такое творится по всей стране? Подойдет время, она лопнет и опозорится. Поверь мне. Они за численностью гонятся, а не за качеством в её рядах. Тебе только признаюсь, что настоящие коммунисты есть, такие как Лидия Ивановна Тамм и ты...А они считают тебя врагом партии. Я, как и все, большая трусиха. И я, как и все, голосую против тебя. Я хочу, есть белый хлеб с маслом. Что сделаешь. Мы есть такие по всей стране. А ты возьми и смирись. Будь как все. Готовь с мужиками мормышки на рыбалку. Будет от этого хоть какая-то польза. Не надо защищать этих рабочих. Они тебя и предадут. Такие мы уж есть. Пойду с бабами поговорю, как лучше засолить капусту. Пусть о нас начальники беспокоятся и думают за нас. Смирись, Юра. Сразу легче станет.

Кстати, когда шло гонение на Редмана, в моей жизни тоже были черные дни. Мы порой встречались с ним и разговаривали о смысле жизни. Тогда я решил сходить к начальнику, чтобы бросили травить настоящего коммуниста. Начальник почему-то побледнел, а глаза под цвет табачного дыма, вдруг налились кровью, и я даже испугался. Сначала он захрипел, а потом прорвало.

– Стною! Защитничек! Ты сам-то кто?! По тебе давно тюрьма плачет! Вы меня не свалите! Мы сильны тем, что нас, от таких, как вы, всегда защитит райком партии. Так по всей нашей стране. За нами закон и милиция. Мы всегда были, есть и будем наверху! Не свалите нас! Уберите...этого с глаз моих долой!

Из Иркутска прислали письмо, в котором говорилось, что наше руководство нарушило технику безопасности. Мол, нельзя посылать слесарей одновременно обслуживать тепловые и питьевые насосные с канализационной насосной. Копию письма послали мне и начальнику. Мне неизвестно, что ответил наш начальник, но после этого он крепко задумался, порылся в записниках под своими извилинами и нашел выход.

– А мы, как и Редмана, да и многих нам неугодных, свалим его техникой безопасности. Подать этого сукиного сына до глаз моих!

И вновь я встал против затуманенных очей начальника. Он сидел за столом бледный и всклокоченный. Перед ним мне знакомая бумага из Иркутска.

– Всё малюешь? Борзописец. Бумагомаратель. Всё ещё никак не успокоишься? – спросил он и закашлялся. Сжал кулаки. – Всё за народ страдаешь? А этому народу плевать на тебя. Всё ещё не понял? Угломониться нет сил? Узнаю стиль письма. Ишь, как лирично выводит: «...По локоть в грязи и канализационных отходов трудятся на насосной. Оттуда слесари идут на ремонт питьевой насосной на город...» Ишь, как повернул. На город. Я тебе уже говорил, что меня не свалить. Некоторые тоже до тебя пытались меня свалить... И где они? Тю-тю. Спарились. У меня уголовный кодекс всегда под рукой. И все законы знаю. Любой закон на моей стороне, но не на вашей. А ты вот что...нарушил технику безопасности.

– Странная штука получается, – сказал я. – Главный нарушитель техники безопасности будет в стороне, а тот, кто его разоблачил – нарушил. Ловко здесь накрутили...

– Ты – нарушитель. Вот и всё. И потом... Я всё здесь могу... И всё смею. Кто рабочих отправлял на ту насосную? Могли не пойти.

– Подумайте хорошо, какой рабочий ночью пойдет на другую насосную добровольно без приказа? Значит, был приказ. Вот с того и спрашивайте.

Он позвонил в диспетчерскую. Это было ясно, что там ответят. И я это понимал. Там уже была договоренность. Попробуй ответить диспетчеру иначе? Это и понятно.

– Да? – удивленно в трубку спросил начальник. – Надо же. Значит, вы говорите, что не посылали их на ту насосную? Так я понял? Так. Ясно. А Стрелов здесь уверяет, что рабочих туда вы направили. Врут, значит? Совсем этот Стрелов заврался.

Он мягко, даже слишком мягко положил трубку на место и весьма хмуро посмотрел на меня и глубоко задышал и я даже услышал скрип зубов.

– Иван Иванович, – обратился я к нему, – значит, ночью слесари добровольно пошли на ту насосную? Так выходит? Ремонт ведут насоса без указания диспетчера. Какому слесарю ночью придет в голову идти на чужой объект? Да он лишний раз посидит в диспетчерской и почитает книгу... по технике безопасности. Всё какая-то польза. Вдумайтесь, ну кому придет в голову такое? А? Рабочие, как всегда молчат. Не в них дело. Они всегда были такими, и вы это хорошо знаете. Мне их просто жалко. Главное, ведь люди могут пострадать, если что-то попадет в питьевую воду. Вот главное. Нужна этим слесаря эта насосная, как собаке второй хвост...

– Ну вот, видите, он уже и собак сюда приплел, – прохрипел начальник. – И от волнения стал кашлять. – Ты... нарушитель. Экзамены... завтра же. Отдельно для него. Только для него! Собрать всю комиссию. Всех собрать из конторы... Всех!

– А он против советской власти, – не унимался кто-то из конторских дам, кажется, нормировщица с чудной и застывшей улыбочкой на угодливо красивой мордочке. Все они смотрели

на меня, и осуждающе качали головами. Зачем так улыбаться? Зачем? От таких улыбок порой мне становилось страшно. Куда мы придет с этими улыбками? Но, нельзя же такими быть? Зачем?

– Иди, Стрелов. Не стыдно? Все люди в цехе идут в ногу, а ты нарушаешь это движение вперед, – сказал начальник, и все закивали головами. – Пойми хоть одно. Рабочие не пойдут за тебя, а ты их защищаешь. Непосильная ноша защищать таких рабочих. Ты хоть это пойми. Зачем они тебе? Не пойму.

Здесь начальник был прав. Все рабочие словно не замечали меня. Но я ответил:

– Мне не стыдно за такую вот мою жизнь и судьбу. Так уж я устроен.

– Потому что он против советской власти, – не унималась красивая дама. Но глаза её оставались круглыми, немигающими и какими-то застывшими.

Главный инженер Хамов с удовольствием потер руки и нежно улыбнулся. В коридоре меня встретил начальник участка Горбатк. Он тоже ласково улыбался.

– Вагон со стекловатой пришел, – сказал он нежным голосом. – Иди на разгрузку.

Теперь у них есть возможность повеселиться надо мной. А скольких людей они свалили таким методом? Не подерусь подсчитывать. Не понравился человек – экзамен. Меня всегда удивляло то, что даже маленький начальник, мог свободно взять перевод на другую работу, но рабочий – никогда. Он увольнялся только по собственному желанию. И это ещё один факт. Кто-то, когда-то, видимо, сволочной человек, в нашем правительстве, придумал этот сволочной феодально-крепостнический прием. Было самое настоящее крепостное право в упаковке двадцатого века в чудной стране-зоне. Иначе эту страну нельзя было назвать. Зона. И этим крепостным правом пользовались все руководители-крепостники. По все стране-зоне было такое. И это было самое поганое унижение человеческого достоинства. Как потом стало известно, что ни в одной стране не было такого издевательства над собственным народом. Человек был бесправен. Вот и лепили из людей угольников и подхалимов. И этим лю-

дям надо было как-то выживать. Каждый выживал в силу своего характера. Даже сильные духом ломались. И они скорее всего спивались. А все партийные деятели надежно стояли на защите руководителей. И это тоже факт. Профсоюзы тоже стояли стеной за благодетелей, и полностью подчинялись партийным органам. Потом, через много лет, когда коммунистическую партию прикроют, слова не скажут о профсоюзах. А ведь они только на словах и лозунгах за рабочий класс. Потом быстро пристроятся к новому времени и начнут организовывать забастовки. И снова будут на высоте, баламутить народ, но только не против своих благодетелей. Я обращался и в профсоюзную организацию ГОКа, что так можем внести инфекцию в город. Там мне ответили, что не желают связываться с начальством. Мы, мол, тебе путевку в Дом отдыха оформим, только бы не выступал. Мол, отдохнешь там, успокоишься. Чтобы я не мешал начальникам руководить. Кстати, в новом времени, лидерами стачечных комитетов станут партийные деятели, а также рабочие-подхалимы и молчуны в советское время. В искренность всех этих людей я не верил. Назовут себя защитниками народа. Верь после этого людям?

На следующий день Язавасбудудуматько пошел в отдел кадров комбината, чтобы прозондировать, что делать со мной? А там, в этом отделе, оказалась довольно красивая дама, весьма интеллигентная и культурная Жозефина Оболдуева. Она очаровательно улыбнулась и культурно отозвалась:

– Знаю этого хмыря. Вы ему, этому Черемховскому бандиту с большой дороги устройте эту самую переэкзаменовку по технике безопасности. Так устройте, чтобы он не сдал. Я как-то видела его. Бандитская и разбойничья рожа. Бандит он и есть бандит. Устройте. Вам не привыкать. Вы с товарищем Хамовым специалист в таком деле. Вот ваш и очередной гражданин будет уволен по непростыжной статье. И где тогда его примут на работу? Нигде. От бича пришел, к бичам и вернется. Только так надо поступать с непослушными рабочими. Только так. Действуйте.

Язавасбудудуматько напрягся и придумал.

– Вы правы. Придумал. Я так ему устрою, чтобы он не сдал. Он у меня попляшет, стервец.

– Несколько раз не сдаст, посылайте его ко мне, этого каналью! Я его встречу, как многих от вас встречала. Умора. Надо очищать наше общество от таких тварей и нахлебников. Я с удовольствием буду ждать этого урку. Вот тогда только его можно уволить. Не тяните. Я ему устрою веселые денечки. Умора.

Пришел сдавать экзамен в третий раз. Принимал у меня экзамен сам Хамов. Он гулко прокашлялся, сдвинул брови, для пущей важности ещё более нахмурился и заглянул в книгу. Пробасил:

– Так-с-с... А вот здесь ты искажил текст. Тут немного не так написано. По привычке любишь всё искажать. Иди и учи наизусть.

– Значит, наизусть? – спросил я.

– Наизусть.

Меня предупреждали, чтобы я устроил скандал. А у меня левая рука в кармане. Скандалу не будет. Я стерпел оскорбление. Надо терпеть, пусть они понервничают. В этой комиссии было десять конторских дам. Когда выходил, то услышал, как нормировщица сказала моему начальнику участка Горбатко. Он тоже был в комиссии.

– Вам, наверное, стыдно, что у вас такой рабочий, который ничего не знает и ничего не умеет. Он явно идет против советской власти. Нам такие непослушные рабочие не нужны. Надо поскорее избавиться от него. Он так заразит всех рабочих против советской власти и против начальства. У вас на участке есть положительный товарищ – Охмурелов. Из рабочих перевели в мастера. К тому же его приняли в партию. Вот вам пример. Расстите таких вот, как Охмурелов. За ними будущее.

Через неделю снова на переэкзаменовку. Пытался найти работу, но везде получал отказ. Звонили из нашей конторы.

Горбатко всё больше сатанел против меня. По каждому пустику придирался. Хамов провел на нашем участке рабочее собрание по одному вопросу – техника безопасности. Рабочие молчали. И только одна женщина, преданно взглянув на Хамова, сказала:

– Э, Юра, а ты оказывается с душком? Выделиться захотел? Будь как все. Вот таким будь, как мы. Это ведь не так сложно. И

тебе станет легче. Смирись и опустишься до нас. Ты рабочий и не думай много. Рабочему не положено думать о разном. Не выделяйся умом. Нехорошо. Брось.

Тут один слесарь тоже высказался.

– Мы вот не думаем о постороннем и мы счастливые. И ты будь таким.

И тут один неожиданно распалился, покраснел, и пожаловался.

– А он заставляет нас думать о какой-то там разной чепухе. Чудак! Не вышло! Будь как все. Завтра едем на рыбалку. Поехали с нами. Угомонишься там. Я тебе ложку дам, а ты из неё морышку сделай. А всё другое брось. Нехорошо. Зачем тебе это? Не будь дураком. Брось. И мы тогда тебя зауважаем...

А ведь этим пьяничужкам я всегда помогал, когда их хотели уволить за пьянку. Ходил к начальству и просил за них. Защищал их. Да мало ли добрых дел я делал им. Бог им судья.

Мне скажут, что такого на производстве не было. Но это ещё один факт. Было такое везде. Такие люди были выгодны для любого начальства. Вон как за начальство ополчились на меня.

Хамов на том собрании сказал:

– Стрелов даже на демонстрации не ходит. А ещё и коммунист. Давно надо было пересмотреть, что какой он партиец? Достукался. Даже рабочие тебя не поддержали. Стыдно должно быть...

А Горбатко сказал:

– Как он только в партию пробрался? Это же пародия на коммуниста. Надо гнать его оттуда.

Хамов добавил:

– Совсем партию засорили. Балаболкин и Охмурелов тоже возмущаются. А это настоящие коммунисты. И мы не позволим позорить честное имя коммуниста. Стыдно, братец, стыдно.

На следующий день я пошел снова сдавать экзамен уже в четвертый раз.

– Ну-с-с, выучил? – спросил Хамов.

– Какая разница в том, какую длину должна быть палка для лопаты? Из какого материала? А черенок от молотка? Вы чего это? Смеетесь? – спросил я. – Я бы мог и своим языком всё рас-

сказать, а не по-книжному. Поэтому поводу мне вспоминается крановщик Павел Неверов со своими инструкциями...

Ответил и быстро вышел из душного кабинета. Мне не хотелось спорить и разговаривать с этими людьми.

А ещё через неделю мне передали, что моя судьба решена. В отделе кадров меня ожидает с огромной радостью Жозефина Оболдуева.

Вечером ко мне пришел Павел Неверов.

– Ты видел по телевизору, как стоят наши руководители партии и страны? Нехорошо стоят. Как может быть хорошо в нашей стране?

– Я ничего не смотрю, – ответил я. – С собраний сбегая... И всё в нашей стране чушь собачья. И никогда хорошего не будет. Поверь мне, а будет ещё хуже.

– Чую. Что-то должно меняться. Но нельзя же так вот жить. А ведь я тоже когда-то пытался... Пятьдесят восьмую заработал. Смирись, Юрка, смирись. Попроси прощения и живи. Ведь они ждут от тебя, чтобы ты попросил прощения. Я ведь хорошо знаю, что ты на учете КГБ. И это опасно. А на рабочих не обижайся. Их жизнь и судьба заставляют быть такими. И не надо бы от них отрывать их счастье. А когда что-то изменится в стране, и эту прогневшую партию сожрут, эти же рабочие будут говорить, как они хорошо жили при коммунистах. Судить надо будет эту партию. А на скамью подсудимых надо бы посадить не только партию, но и многих руководителей и таких вот рабочих. Заслужили. Хватит с меня играть в эти инструкции. Надоело. Всё.

Павел печально улыбнулся и сказал:

– Живи, Юрка, живи.

И он ушел.

На другой день я узнал, что он повесился.

Я шел с похорон Павла. Повстречался Хамов. Я его спросил:

– А вы смогли бы повеситься? Ну, что-нибудь сделать за свои проделки?

– Чего это вдруг так?

– Просто так спросил.

– Ты просто так ничего не делаешь. Во всех твоих словах кроится какая-то заковыка. А ты живи проще и яснее, как наши рабочие.

Потом он похлопал меня по плечу и нежно улыбнулся.

– Знаю. Вешаетесь вы. А мы всегда живем... Мы – всеильны. Бросай всё и будь как все.

А вот что сказал мне ещё один руководитель:

– Бросай выступать и догоняй нас по дачам, гаражам и свиньям. Будь как все. И все у тебя наладится. Мужик ты умный, ни как эти быдлы, рабочие. Не надо бы этих быдл тянуть за собой. Зря стараешься. Всё зря.

Он тоже мне нежно улыбнулся и помахал рукой. В это время, рабочие, о которых он только что так отозвался, везли на его дом сварочный аппарат, доски и кирпичи, украденные с производства.

В поисках работы зашел в редакцию районной газеты «Маяк коммунизма». Редактор Демидов Николай Борисович увидел меня и почему-то обрадовался. Он в нашем городе был новый товарищ. Но мои очерки успел прочитать. Они, видимо, ему понравились. Про другое дело он не знал.

– Есть должность, – сообщил редактор. – В промышленный отдел нужен литературный сотрудник. Правда, оклад маленький, сто двадцать рублей всего. С северными и коэффициентом будет, где то в пределах двести двадцать рублей. – А вы сколько зарабатываете?

– Четыреста с хорошим хвостиком. Когда можно выходить на работу?

– Если вас деньги не интересуют...

– Они меня никогда не интересовали.

– Хоть завтра можно выходить. Две сотни рублей вы теряете. Это месячный заработок наших сотрудников. Но, если только есть ваше желание...

– Желая. Это будет моя любимая работа. Хочется перед пенсией побыть журналистом.

– Мы вам сделаем перевод, чтобы вы не потеряли северные.

Написал заявление. Переводное письмо было отпечатано на красивой и серьезной бумаге. Кстати, на этой бумаге было две

подписи – редактора газеты и секретаря райкома партии. Такая подпись мне на руку. Да, бедный редактор, он не знал, кого брал в свой штат. Если бы он узнал всё обо мне – не принял бы. И это факт.

Три часа дня. В это время решалась моя судьба. В это время из отдела кадров звонила Жозефина Оболдуева. Ждал меня и Хамов со своей лихой командой. Но, когда я ему доложил, что куда я иду работать, то он отчего-то громко засмеялся. Странно. Всех это удивило, потому что он был из тех товарищей, которого ничем нельзя было взволновать. А тут произошел такой громко-истеричный смех. Как же, очередная жертва ускользнула прямо из-под носа.

Язавасбудудуматько опешил, когда я ему вручил красивую бумагу с двумя подписями.

Он неожиданно начал кашлять, а потом немного успокоился.

–Этого...самое...того...Выходит тебя поставили начальником промышленного отдела в редакции? А мы и не знали...

– А надо было знать.

Он просто не знал, что такое литературный сотрудник в газете.

А там видно будет.

– Передавайте горячий привет Жозефине Облдуевой, – сказал я. И вдруг начальник так широко заулыбался, даже за ушами хрястнуло.

– Что вы, что вы! – воскликнул он. – Как можно? Я ведь всегда говорил, что ты...ивините...Вы на голову выше любого рабочего.

Вдруг мне стало противно и неприятно слышать подобное, и я вышел. Почему-то вспомнил рассказ Чехова «Толстый и тонкий». Мне вдруг стало тоскливо. Бедная наша страна. Чехов вечен. Эх, Иван Иванович, а вот взял, если бы был не так трусоват, телефонную трубку, да позвонил бы, как всегда делаешь в таких случаях, редактору или самому секретарю, что, мол, кого вы приняли в редакцию? А ведь мог бы позвонить. Конечно, редактор бы поверил. Начальнику просто не хватило ума, скорее всего при такой подписи просто струсил. А если бы позвонил?

Вот бы повеселились надо мной. Конечно, мне хотелось поработать в газете. Ещё в шестидесятом году в областных газетах меня отметили, как лучшего внештатного корреспондента. Отправили в Москву на съезд молодых авторов. Мои зарисовки и очерки печатали в областных газетах и даже в «Комсомольской правде». Познакомился с писателем Юрием Нагибиным. Он и сказал мне, чтобы я готовился к поступлению в Литературный институт. Но они не знали ничего о моем образовании. И потом я совершенно не знал и не понимал математику. Не только мои странствия, но и отвращение к математике, я не решался идти учиться. Конечно, иногда что-то скребло, что не учился. Зато много читал. Наверстывал моё начальное образование. Что теперь вспоминать и жалеть. Сам виноват.

В общем, через три дня – новая работа. Тощая трудовая книжка на руках. Конечно, новая работа для меня не новая. Просто стечение обстоятельств. Как поздно пришла ко мне эта работа. Помотаться бы по району, потолкаться среди райкомовских товарищей, увидеть и обкомовских тунеядцев. Всё это пригодится для будущих записок, для истории. Если бы они узнали, что было в моих мыслях, не допустили бы меня до редакции. Надо затаиться на время, утихнуть. И мотать всё на ус. Надо потерпеть. Там сама обстановка покажет, что надо будет делать. Через три дня у меня начнется новая работа. Надо отдохнуть. В понедельник в редакцию....

СНЫ В РЕАЛЬНОСТИ

Повстречался мне бывший комсомольский вожак Александр Вережкин. Сейчас он трудился начальником технического отдела в Коршуновстрое. Я уже писал о нем. Вот он из тех, кто ничего не взял от партии. И не пользовался служебным положением. Но зато был занят общественной работой. В наград, как и я, не имел.

– Знаешь, Юрий, читаю лекцию «Переход от развитого социализма к коммунизму», а сам думаю, с кем мы в коммунизм войдем?

– К чёрту его! – крикнул я. – На кой ляд он мне такой нужен?! Отстань. Не до него мне сейчас. С начальником стройки, с Балаболкиным, Хамовым и Охмуреловым пойдешь туда. Прихвати с собой с базы Зиночку и Сему Левина. В самый раз подходят.

Александр обиделся. Он всегда обижался на грубость.

– Иди ты и к Дрожжину. Давно не видел. Соскучился по нему. Брось ты эти лекции. Никому они не нужны. Над нами с тобой все рабочие смеются. Ты лучше посмотри, как обкомовские деятели живут. И тебе всё станет ясно. Всё для них и наших правителей. Все они живут в своем коммунизме. А мы на затворках партии. Они от этой партии всё берут. Хотя именно они – враги народа. Подумай. Что делать? Думай.

– Я их лекциями замордую. Кто-то же должен говорить о социализме. И не о таком, как у нас, а о настоящем социализме.

– А я, Саня буду путешествовать в своих мыслях. Мне это нравится.

Конечно, он меня не понял. Ну, и хорошо.

Потом повстречался Генка Кочев.

– К чёрту твою грусть! – крикнул я. – Скоро мне будет весело. Буду работать рядышком с проводниками к сияющим вершинам.

– Ой, Иннокентьич, будь с ними осторожен.

Итак, три дня полной свободы!

С Агашей покончено. Ей, видимо, надоело меня ждать. Появился какой-то мужичок и увез её в свой собственный дом. Ну, и ладно. Из меня получился бы плохой хозяин, и потом, женщины не любят мужиков-мечтателей.

Не знаю почему, вспомнил одну встречу. Сидел в Иркутске в железнодорожном вокзале и думал, как добраться домой. Хорошо поистратился, и денег не было на поезд. Попробовать проехаться «зайцем». На вокзале встретил двух путешествующих мужичков. А странствовать в те годы было опасно. Под Усть-Илимском они фотографировали природу. Пленки у них засветили и предупредили, чтобы они не шлялись, где не положено. А не положено было по всей стране-зоне вот таким парням без особого разрешения. Нужны бумаги, куда едешь, зачем и для чего. Забыли? Было такое. Многие что стали умышленно забы-

вать. У парней была гитара. Я им предложил идею по добыванию денег. Я бросил шляпу посередине зала и давай играть на гитаре и петь дворовые песни. Потом парни играли, а я стучал чечетку. Собрался народ, деньги бросали в шляпу. А один подвыпивший приискатель сотнягу отстегнул. Вот тут-то и подошла Нина, сестра Руди. Красота с годами не смазалась, а будто окрепла. Парни продолжали концерт, а я с Ниной отошел в уголок.

– Вот весь ты... Всё бродяжничаешь? Наверное, опять с зоны откинулся? Угадала? Правильно я сделала, что вас развела.

– Всё тебе не объяснить.

– И не надо. Всё мотаешься? А Рита очень счастлива. У неё муж учёный. В Горьком живут. Могу тебя обрадовать. У вас с Ритой сын. Он в Шадринске учился на летчика. Какая-то была авария. Перешел на гражданский флот. В Заполярье летал, на северный полюс летал. Сейчас готовится работать в институте. Пригласили. Талант у него открылся к психологии, к космосу. Сложное что-то. Какой у вас сын! Я всё удивляюсь, как можно родить от такого бродяги такого сына?

– У меня дочь умница. Выучилась Сын отличный парень. Ты многое не знаешь обо мне. Жена умерла. Сын со мной. Он сейчас в гостинице. Меня ждет. Спасибо тебе за радостную весть. Я догадывался, что у меня сын. Сию минуту отгрохаю славный концерт. Ахнешь. Прощай.

Схватил гитару и рванул струны. Странно, но меня иногда тянуло вот на такие действия, или уехать куда-нибудь и затеряться среди народа, или спрятаться в тайге.

Денег заработал, купил билеты, взял Женьку и мы поехали домой.

Если бы в райкоме узнали, что я вот такое отколол на вокзале, меня не только бы приняли под одну крышу, но и такое бы устроили...

Это же надо, коммунист, человек в годах, на вокзале дурил людей. Шляпу бросал и собирал деньги. Не знаю, кто на такое способен. А я вот сподобился. Как я от них узнал, что это были не простые мужички. Оба кандидаты наук. Взяли отпуск, и решили попутешествовать по Восточной Сибири. Их поймали, отправили в милицию. Предупредили, чтобы они не фотогра-

фировали секретные объекты: речки, мосты, озера, и всякую природу. Для всего этого надо было иметь разрешающие документы туристической организации, у которой тоже были документы от КГБ. Наверное, и это забыли? Сам испытал. Поступая в редакцию, я расписывался в секретном документе, где указывалось, что нельзя фотографировать и даже об этом писать. Всё вот это было под присмотром КГБ. Забыли.

Три дня свободы.

Сидел у окна и размышлял от разном. Хорошо ещё то, что нет зоны и КГБ для моих мыслей. А может, и тут она есть? Кругом мы на учете. Только в мыслях и в душе есть свобода. Нина напомнила мне Рудю. И всё-таки я уверен, что встреча с Рудей была не нами запланирована. Это была судьба. Вроде я как-то видел сон, будто Рудя держала на руках ребенка. И это был мой сын. Нужен был человек, организована встреча. И человек появился. Но линия жизни не пожелала нам быть вместе. И мы были разлучены. Так было нужно. Каждый из нас заблокирован. И частица от каждого из нас может появиться в любой точке нашей планеты. Мы все, земляне, подопытные. Все. Сколько же до меня было, таких, как я? И кто они были? Не дано нам знать. Тогда наша жизнь потеряет смысл. А то назвали себя царями природы. А главный над нами, наш создатель, наш Бог.

Сидел у окна и рассуждал о смысле жизни.

Меня потянуло на сон. Я бросился на диван. Меня ждут новые испытания? Когда их у меня не было? Вся моя жизнь – испытание на прочность, на выживание. В моей удивительной судьбе полно невзгод и приключений, но самой счастливой, не хватало побыть журналистом. И это надо попробовать. Будущее покажет. Твердо знал, что и там мне не дадут долго задержаться. Будущее начнется завтра. Какое оно будет? И оно называется – жизнь.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ НАВАЖДЕНИЕ

БЫТЬ КАК ВСЕ

Утром встал рано. Побрился, помылся, побегал в парке, сделал зарядку, принял холодный душ. С молодости этим занимался. С похмелья, бывало, в голове камни ворочались, а я стонал, но всё делал, как всегда. В мои пятьдесят лет не позволял организму расслабляться. Принимал участие в лыжных гонках, бегал на длинные дистанции, как летом, так и зимой. Так что, один час полностью отдавал физкультуре.

Сегодня я иду на новую работу.

Странно, будто кто-то мне шепнул на ушко. Вроде знакомый голос. Но кто? Может, мне просто всё это, кажется?

– Не ходи в райком партии. Они все игруны и лгунишки. Слова их не принимай всерьез. В одно ухо влетело, а в другое вылетело. Прислушивайся к себе. Внутренний голос подскажет.

– А я кукиш в кармане, – ответил я.

– И кукиш не поможет против темной силы, если она тебя сильнее. У тебя развито чувство тревоги и опасности. Ты даже чувствуешь другого человека несущего в себе темную силу. И если он идет по другой стороне улицы. Избегай встреч с таким человеком.

– Это во мне есть. Я его чую за несколько метров от меня, – ответил я. Но отвечал я про себя.

– Мы с тобой ещё встретимся и поговорим. Просто ты забыл меня, старого деда из деревни Коршуниха.

– Вон кто ты! – ответил я вслух. Вечный дед. Я думал, что он уже давно умер, а он на тебе! Живой. Интересно. Встретиться бы с ним, да поговорить.

В отделе я остался один, так как ответственный секретарь ушел на пенсию и уехал, а мой заведующий отделом принял его

дела. В наследство он мне оставил чистый стол, и тощую папку, в которой находилось две статейки. В одной из них автор рассказывал, как для котельной надо готовить дрова, как научно, как обыкновенную чурку расколоть на отдельные части. Почему-то назвал их фракциями. Мне представились фракции меньшевиков, большевиков, эсеров, анархистов. В тексте слесаря-водопроводчика и кочегара в одном лице, ученого рабочего было много непонятных для меня заумных словечек надерганных, наверное, из научных журналов. И так он в статье накрутил, что ни черта не понять. Даже собственные разноцветные рисунки приложил.

Углубился в чтение! Вот это слова! Кто же их придумал? Да и для кого? Слишком хорошо я знал братию из котельных и слесарей-водопроводчиков. Сам работал. Знаю. Для чего он написал? От таких слов можно и спянуть. А тут целая наука по раскаливанию простых чурок для котельной. И как правильно их записывать в печь. Кошмар какой-то!

Так. О чем другое письмо? Что? Ну, как в сказке! Оно от самого Аверьяна Иннокентьевича Хамова. Так вот, этот Хамов писал о том, как надо беречь электроэнергию, как быть честным и не красть с производства. И ещё Если, мол, кто нарушит технику безопасности, то у этого нарушителя надо принимать экзамен. Ну, это уже наглость сверх всяких мер. Эти два письма, будто специально кто подобрал, чтобы меня вывести из себя. Спокойно, только спокойно. Без кукиша обойдусь. Бедные журналисты. А ведь эти письма надо внимательно читать, а если для газеты не подходят, то надо вежливо отвечать. И мне тоже придется работать с такими письмами. Два письма будто специально для меня. Ждали. Ученый кочегар умничает? Он серьезный мужик. Об этом мне сказал секретарь газеты Володя Кузора. Да и сам секретарь не любил хохмить. Вот так надо сдавать экзамены, как ученый сантехник-кочегар. Играть на серьезе. А ведь в молодости меня учил этому Эдик Загуменный. Я понимал райкомовских работников и других партийных деятелей. Они играют из-за того, чтобы удержаться у дармовой кормушки. А этому-то кочегару, зачем играть? Какой смысл. Если это не игра,

а на полном серьезе? Тогда всё понятно. Там больничка по нем скучает.

Общие фразы, призывы к технике безопасности и к экзаменам в статье Хамова. В одном письме было трудно разобраться, в другом сплошные бюрократические фразы-лозунги о честности. Мужики играли вкрутую

С чудесными письмами пошел к Кузоре. Он был высокого роста и почему-то бледный. Может, болел? Показал ему письмо Хамова. Володя немного подумал, потом ответил:

– Ну и что?

– Ни одного факта. Одни политические фразы и призывы к честности. Будто он надергал фразы из журнала «Политическое самообразование». Я знаю этого человека хорошо.

Володя ещё немного подумал и ещё более нахмурился. А на его столе как раз лежал такой журнал. Володя передвинул его за телефон и тихо ответил:

– Можно отправить автору на доработку с указанием на недостатки.

– Можно сжечь, а пепел развеять...

– Не надо, – на этот раз он слишком быстро ответил. – Не надо. Надо серьезно относиться к письмам трудящихся.

– А если этот серьезный товарищ трудящийся – серьезный феодал и прощельга. Тогда как?

– Понимаю твое отношение к автору. Но эмоции надо заглушить. Это прежде всего, автор.

– Это не автор, а прощельга.

– И ещё. Надо писать без эмоций. Здесь в редакции у тебя должны исчезнуть разные там эмоции.

– Как без эмоций?

– Сходи на строящийся дом и напиши репортаж. И никогда не спорь со мной. Всегда проспоришь. Успокойся. Только без эмоций. Успокойся.

Вернулся в свой кабинет. Письмо Хамова сжег, а пепел выкинул в форточку.

Два раза заходила Светлана Зябликова. Маленькая, незаметная, в очках. Мне всегда казалось, что она пряталась от людей за этими очками и даже грелась. В редакции я всех знал. Часто при-

ходил со своими материалами. Теперь я здесь должен трудиться. Странно, но почему я Светлану не замечал. Может, её очки виноваты? Пряталась от меня за ними. Зашел Юра Перфильев. Он работал заведующим сельским отделом и работой над письмами. Он коренной илимчанин. Юра тихо улыбнулся, заглянул через моё плечо на статью ученого кочегара и сказал:

– Это что-то... В журнал надо бы отправить, Пусть там и разбираются.

И так же тихо вышел.

Ворвался заместитель редактора Василий Куклин. Он тоже коренной илимчанин.

– Как утро? Всё будет хорошо! Мой дружеский совет – ничего из членов райкома партии и самого секретаря не критиковать. Будь как все. Равняйся на нас и у тебя всё будет хорошо.

И также быстро скрылся.

Потом с шумом вошла корректор газеты Галина Федоровна Добышева. Она приблизилась ко мне, навалилась на плечо.

– Жми. Ты – талант. Я это всем говорю. Хотя ты и простой рабочий и без образования. Ты материалы мне отдавай. Буду сама править. А то они направят. Ты здесь настоящий журналист. Это я тебе говорю.

Давно слышал, что она редакцию держала в страхе. За её мощной спиной тихонечко стояла затюканная ею Марианна Викина. Она весьма красивая дама. Помощница по корректорской работе. В её больших и синих глаза я увидел тоску и безысходность. Правда, иногда в свободные минуты отдыха, они веселились и даже пели. Чаще всего про какую-то чечевику и вику. И я тайно так их и прозвал Чечевикина и Викина. А если честно, то я многому у них научился. По-настоящему, это они были моими первыми учителями.

– Я самая грамотная здесь! – вдруг сообщила она, и постучала на дверь, чтобы все слышали. – И не только в редакции, но и в городе. Они все у меня вот где! – и она показала увесистый кулак. Потом откинулась и громко засмеялась. И также резко оборвала смех и приблизила своё лицо к моему лицу. Её большой глаз почти впился в мой. Громко зашептала, чтобы все слышали.

– Ты только мне доверяйся и всё рассказывай. Учись высокой культуре. Смотри, у меня. Надо тебе стать, как все. Будь как все. Не выделяйся. Не люблю. Равняйся на нас, и у тебя всё будет хорошо.

Она пошла к выходу. Следом за ней, но в тоже время на почтительном расстоянии от своей начальницы, почти на носочках, тихонечко, неслышно выскользнула Викина.

Вошел Кузора. Он оглядел мой стол.

– Здесь был порядок. Ты любишь беспорядок?

– Так лучше работается.

Он вздохнул, покачал головой и тихо вышел.

Вскоре пришел редактор Николай Борисович Демидов. Он подошел к столу, посмотрел на меня и вышел. На одну минуту зашел в кабинет один из членов райкома партии. Я заметил, что все райкомовские и райисполкомовские товарищи суетятся или сутулятся, а то и ходят на полусогнутых ногах. Спросил у одного из них – ноги болят? Он ответил, что здоров. Тогда надо бы немножко ножки выпрямить. Он перестал со мной здороваться. А причем тут я? Он на полусогнутых ногах ходит, а я виноват? Женщины в этих заведениях как правило, сутуловаты, суетливые и деловиты. Опять я виноват? Так кто же тогда виноват? Сами и виноваты от угодничества и трусости. Вот вам и весь ответ.

Редактор сказал:

– Кгм. Кха. У вас беспорядок на столе.

– Порядок меня сбивает с мысли. Порядок должен быть в голове, а если его там нет, вот тогда полный беспорядок.

– А вы, оказывается философ.

– Философ от жизни.

– Вас Кузора хвалит. А главное, Галина Федоровна о вас хорошо отзывалась.

Одно я хорошо уяснил, что здесь надо держать ухо востро.

Работал над статьей «ученого» кочегара. Решил статью не обрабатывать, а наугад выкинул несколько заумных предложений. Отдал секретарше.

Забегу вперед. Когда приезжали журналисты из области с проверкой, такие комиссии были, но только по поручению об-

комовского отдела по печати – узнать, как мы здесь трудимся. Мои материалы хвалили, но за обработку авторов меня раскритиковали. Надо было статью кочегара отправить в какой-нибудь журнал. Такие статьи не надо печатать в районной газете. Их никто не читает. И они были правы.

Так вот, в свой первый рабочий день я сходил на строящийся дом. Написал репортаж и отдал секретарше.

Пришла Светлана Зябликова. Она села напротив меня и сказала довольно странные слова.

– Я вам, что хочу сказать-то. Будьте осторожнее, и станьте, как все. Поняла, да и знала, вы человек откровенный. Вы привыкли выражаться прямо. Здесь люди все культурные, интеллигентные...

– Не заметил, – перебил её. – Это мне простительно быть таким, какой я есть. Я – рабочий.

– Дело вовсе не в этом. Они все здесь считают себя культурными. Вы не считаете себя таковым?

– Нет. У меня нет образования, какое есть специальное образование у них. У меня такого нет. Я просто человек. Какой есть. Пусть меня таким вот и принимают. О культуре человека могут судить только люди, общество, но не сам человек о себе.

– Вот видите. А ведь я могу этот разговор передать, кому следует, и вас здесь просто изживут.

– Значит, я и отсюда уйду. Не хотелось бы.

– Но как так можно! Здесь так принято. Интеллигенты все такие, что здесь, что в райкоме, что в райисполкоме и в других учреждениях, все такие. Выведают у вас всё, и потом ваши слова, но только в искаженном виде, и вернуться к вам. Я знаю, что среди рабочих проще. На их лицах и в глазах отображается то, о чем они о вас подумали. Среди культурных интеллигентов всё другое. Вам могут улыбаться. А за спиной о вас разные гадости будут говорить.

– Но это же подло! У нас есть такие начальники. Все с улыбочкой. И здесь есть такие?

– Тсс. Зачем так грубо? Надо ласково говорить.

– Говорить ласково, а делать подлости? Восхитительно!

– Скажу откровенно. Не верьте, кто вам ласково улыбается. Просто вы ещё многое не знаете. Учитесь распознавать улыбки. Ведь улыбка улыбке рознь.

– Я никогда не верил улыбкам.

– Вы правы. Вам надо стать, как все. Тоже улыбайтесь. Это же так просто.

Она нежно улыбнулась, и уколола мою руку булавкой. Я даже вскрикнул. Она продолжала улыбаться.

– Ну и как? Больно? Вот так и все они. Лица будут улыбаться, а за спиной у вас будут делать больно. За мой урок извините, пожалуйста...

Продолжая нежно улыбаться, она вышла. Неужели всё это правда? К сожалению, это была правда.

В конце рабочего дня пошел к Кузоре. Он закрыл журнал «Политическое самообразование».

– Ты, Юра, сходил бы на строящийся дом и написал бы репортаж. Он нужен на первую полосу.

– Сходил. Написал. Он у секретарши.

Он помолчал, смахнул невидимую пыль со стола, и сказал:

– Так быстро? Наверное, ты настоящий репортер.

Ночью мне снились чурки, какие-то неуклюжие фигуры, и они называли себя фракциями. Рядом почему-то оказалась Зябликова. Потом пришла Добышева и стали махать перед моим лицом газетой.

– Ты почему пришел к Зябликовой? Она всё равно уедет в Старый Оскол. Я тебя научу, как надо правильно писать информушки. Вы все безграмотные! После вас вычищай в газете грязь и ошибки. Я в отпуск хочу. Устала от вас неучей.

Проснулся в холодном поту и с головной болью. Кошмар какой-то Неужели так всегда будет?

Надо как-то уживаться, если попал не в те ворота. Если там меня постоянно окружали рабочие, то здесь сплошняком культурные, интеллигентные люди вплоть до райкома и райисполкома товарищи.

Я БЫЛ «ВРАГОМ» СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Мне дали задание – по подготовке к зиме. Сказали, чтобы я пошел в ту организацию, где я работал до редакции. Кузора сделал серьезное лицо

– Ты в данный момент корреспондент промышленного отдела. При чем тут ваши отношения? Ты на службе. Это твоя работа. И работу свою, даже нужно, ставить выше своих чувств и эмоций. Ты идешь по заданию редактора.

Чувствовал себя плохо. Вспомнил свою жизнь – босое и голодное детство, бродячая и воровская юность, ходки на зону, ту-неядство. Был строителем. Так что этот город начинал строить с палаток. Но всегда был неугодным начальству, которое крало у государства и у народа. И вдруг – корреспондент. Здесь моим прямым образованием никто не интересовался. А, в общем-то, отлично, что я сюда попал. Хорошо будет видно, кто руководил нашим районом. Плохо то, что я потерял двести рублей. Полный заработок средне оплачиваемого рабочего. Другой бы человек от такого упал бы в обморок. В редакции в те времена получали гроши. Но я хорошо знал, какой оклад в редакции. Плевать я хотел на это.

Пришел в организацию. И увидел улыбочки. Господи, помоги мне выстоять. Для чего мне такие муки?

– Проходи. Проходите. Не знаю, как и называть вас? Понимаем. Подготовка к зиме. Нужна статья. Мы к тебе...к вам с жалобой. Не хватает сантехнических материалов.

Начальник нежно улыбался, как и Хамов.

– Давайте так, – перебил я. – Буду задавать вопросы – а вы отвечайте. Кратко и четко. Мы сейчас с вами на работе. Я и вы...

Нахмурил брови, и они последовали моему примеру, тоже захмурили. Надо немедленно отбросить эмоции, одубеть, и делать так, как делают мои бывшие руководители. Стать без эмоций и без всяких там лишних чувств, как учил меня Кузора. Надо написать серьезную статью. В будущем мои материалы начнут «сушить». Стали убирать мои отступления, мысли, критические замечания на некоторых руководителей. Кстати, если кого надо было покритиковать, то надо было за разрешением идти в райком партии. В редакции это стало железным правилом. Вре-

мя бывшего редактора Ивана Георгиевича Самодурова ушло в историю. Он сам писал критические материалы и фельетоны на любого руководителя. За помощью мог прийти к внештатному корреспонденту домой. Ко мне несколько раз приходил. И вот, когда подошел пенсионный возраст, то его в тот же день уволили, как поступят и со мной. После Самодурова нового редактора приструнили, чтобы писать критические материалы, то надо спрашивать разрешения у райкома партии. Иначе поступят, как и с Самодуровым. В скором будущем и Демидова снимут с должности за провинность перед райкомом партии, а Васю Куклина, этого работающего труженика в газете, тоже турнут на пенсию. А ведь мог бы ещё работать и работать. Вот такие наши были райкомы партии. Им нужны были послушные, и только их понимающие журналисты, бегающие к ним за советами и на поклон. Если собрался писать о каком-то предприятии, даже положительную статью, зарисовку или просто корреспонденцию беги в райком. И надо обязательно было спросить разрешение у парторга, профкома и начальника предприятия о написания оного материала. Райком строго за этим следил. Все это придумали в райкоме партии. А я плевал на все эти правила. В райком не ходил и подписи не собирал. Поэтому мне всех больше доставалось от членов райкома партии и от руководителей предприятий. Не о тех рабочих, мол, написал. А надо о тех писать, на кого укажет перст начальника. Я уже знал на кого укажут. Постоянно звонили в редакцию. Не о том я написал о ком надо было написать.

Так вот, мою статью о подготовке к зиме напечатали. Хвалили. Были звонки. У нас любят звонить по любому поводу. Статья в райкоме понравилась. Но мне такая писанина не нравится.

Демидов был доволен.

Мы сидели в моем кабинете, и пили чай. Кузора был тут же. Он тоже был доволен.

– Вот видите, Юрий Иннокентьевич, можете ведь и серьезные материалы писать. Кгм. Кха.

– Вот это меня и настораживает

–А чего так. Кха. Кгм. У вас получилось. Вы любите писать репортажи, зарисовки, очерки, фельетоны. Ну и пишите на здо-

ровье. У нас тут ваши материалы нравятся. Вы украсили газету. Если вам такие статьи не нравятся, то и не пишите. Пишите то, что вам по душе.

– Правильно, – поддержал Володя Кузора. – Мы тут разговаривали насчет тебя. Мы и приняли тебя, чтобы ты газету украсил. Создай серию очерков про известных людей. Простых людей не забывай. Это главное. Мы верим тебе. Статьи у тебя о производстве не получаются, но и не пиши. Это не твоё. Не надо. Пиши о людях с художественной начинкой. Это твоё.

В это время с грохотом раскрылась дверь, как я сообразил, кто-то её раскрыл пинком. Демидов поперхнулся чаем и закашлялся. Володя побледнел.

В кабинет ворвалась одна из библиотекарей. Зеленина очень начитанная, культурная, интеллигентная женщина. Я её знал. Всегда её считал такой. Иногда думал, вот бы мне у неё поучиться такой культуре. Странно, но я таких людей боялся и в тоже время тянулся к ним. Боялся с ними заговорить о книгах. Они весьма начитанные, куда мне до них. А тянулся из-за того, чтобы больше познать, послушать умного человека.

Она ткнула в мою сторону нежным и тоненьким пальчиком и весьма громко крикнула:

– Вы кого взяли в редакцию? Кого? Этого обормота! Он вам на работает! Как вы посмели его взять с улицы? Это же уличный босяк.

Глаза её расширены до предела, вся она тряслась. Демидов приходил в себя. Он вскочил, потом сел, и было ему уже не до чая. Володя достал какой-то прибор и стал в него глубоко дышать. Значит, у него больные бронхи или легкие.

Вот ещё образовалась одна культурная, интеллигентная дама. Вот этого я от неё не ожидал. Какой тогда с неё брать пример? Эти культурные, интеллигентные люди меня постоянно обманывают своим поведением. Чему я должен у них учиться? Держаться прямо. Дергать плечами, откидывать голову, болтать о культуре? Шалите. Теперь я им не верю. Как же они меня обманывают! Но я же им верил, кое-чему у них учился. Что мне теперь делать? Я просто растерялся. Забыл даже про свою руку в кармане.

– Там, на улице ходит настоящая журналистка Ширявская. У неё специальное образование. А этот – неуч. Грубиян. В нем же нет никакой культуры.

– Как вы так? – наконец-то подал голос Демидов. – Как же вы так могли о человеке? Кха. Кгм. Что он вам лично сделал?

– Попробуй бы сделал! – кричала она. – Зачем вы его взяли в штат? Там есть талантливая Ширявская.

Тут подал голос Кузора.

– Нам десять Ширявских не надо. Они одного Стрелова не стоят.

– Да, да, не стоят. Это, правда, – ответил Демидов. – Ширявская плохой журналист. Это я вам говорю. Вы так Стрелова и не узнали, а только узнали его со слов его недругов.

Смотрю, Зеленина стала успокаиваться. Топталась на месте и, видимо, не знала, что делать дальше. Демидов продолжал:

– Она нам не подходит. Вы теперь внимательно почитайте Стрелова, и никого не слушайте.

Зелениной ничего не оставалось, как махнуть рукой и скрыться за дверь. Больше она не приходила. При встрече со мной, пыталась делать вид, что не узнала. Это и правильно.

Мы пили чай, успокаивались. Но никто из нас не обсуждал поведение темпераментной дамы. Да и не прилично. Ни одна она была поражена, что меня взяли в редакцию с улицы. Были звонки. Но постепенно все привыкли к моим материалам.

Решил протолкнуть сатирический рассказ «Прыщ», где показал образ секретаря райкома партии. Какие они есть в настоящее время.

Напечатали. В райком прибежали на меня жаловаться мои бывшие руководители. Это, мол, я их покритиковал.

– Это он нас имел в виду. Это мы там у него. Пируем и гуляем на государственные деньги.

А тут ещё появился мой очерк, где один из шоферов вез стройматериал на дачу своему руководителю.

В мой кабинет ворвался сам Язавасбудудуматько. За моим столом мы пили чай – редактор Демидов, Кузора и я. Они даже вскочили, подумали, что-то такое случилось, когда вот такой ворвался начальник.

– Вы... Вы не знали, кого принимали на работу? – закричал он во всю силу своего мощного голоса. – Подождите, он вам здесь такую анархию устроит! Вы ещё не знаете, что это за гусь! Ещё не заметили? Да разве он имеет право работать в редакции? Это же кошмар! Конечно, я вас понимаю, некому работать в газете. Вот его и взяли на свою голову! Да я бы его...

Говорил он эти слова, сжимая кулаки.

Он сделал небольшой передых, а я успел вставить.

– Да вы что, Иван Иванович!? А я думал, что вы пришли похвалить меня за очерк...

Его затрясло, а лицо, что твой спелый помидор. И редактор и Кузора разволновались. А вдруг с человеком произойдет удар.

– Вон! Вон его! Как можно держать? Его немедленно судить надо. Он же смеётся над советской властью. Он ярый враг советской власти и партии! Гнать его надо отовсюду и судить!

– Пожалуйста, не кричите здесь, – спокойно сказал Кузора.

– Но, как же, не кричать? Он же всех людей заражает антисоветчиной. Он начальство не любит! И райком партии не любит.

– Он у нас многих журналистов стоит, – вставил Кузора. – А то, что он в рассказе «Прыщ» написал – это литературный прием. Жанр такой есть. И потом, герой там не похож на вас. Там есть такие строки, я даже запомнил. У него лицо и голова напоминали луну в летнюю пору во времена пожаров...

Сказал эти слова Кузора и быстро взглянул на меня.

– Мы это. Мы. Я этого жука знаю. Он любое начальство над собой не признает. Он же готов любого рабочего поставить ровень с начальством. Это же нельзя. Где это видано, чтобы рабочие во время работы думали о постороннем? И потом, мы всё-таки, руководители.

– Может, это и хорошо, что все будут равны перед законом, – не сдавался секретарь.

Демидову было не до чая. Как я заметил за редактором, он, видимо, не встречался с глазу на глаз с хамством высшего пошиба. Это редкость среди культурных, интеллигентных людей. Внутренняя культура не позволяла ответить хамству хамством. Но отвечать-то надо было как-то. Хамить не надо хаму. Как го-

ворится, всё должно быть в рамках закона о культуре. И этим законом воспользовался секретарь.

– Разве рабочему нельзя думать? – спросил он, и на его лице пробился румянец.

– Зачем им думать? Мы за эти думы деньги получаем. Наше это дело думать и руководить.

– Ну, знаете, – ответил Демидов и закашлялся.

Кузора ответил:

– Что тут такого? Каждый рабочий думал бы и не ждал, когда за него всё обдумает начальство.

– Как так можно? Если каждый рабочий начнет думать в нашей стране, то он может додуматься до новой революции. Одумайтесь!

– Это передовой класс, – тихо ответил редактор.

– Всё это чушь собачья! Они пусть вкальвают и не рассуждают. Я так представляю рабочего – чтобы хорошо поработал до седьмого пота. Но без мыслей о постороннем. Этим трудом он бы выполнил свой долг. Пришел бы домой, поел и лег спать. Вот истинный рабочий. А этот ваш бумагомаратель пытался разрушить этот монолитный образ рабочего. Стрелов очень опасен. Мечтатель о новой революции в нашей стране. Вы хоть соображаете, к чему он всех клонит? Потом будет поздно.

– Вы, Иван Иванович, рассуждаете, как крепостник, – прошептал секретарь. – Вот поэтому вы и боитесь таких вот людей, которые желают сломать крепостную систему. Я его понимаю и полностью поддерживаю.

Я опять сделал вставку.

– Там у меня другой герой. Вы мне всё испортили...

Кузора посмотрел на меня и промолчал. Он, конечно, понял, кого я имел в виду. А Иван Иванович снова зашумел:

– До каких пор ты будешь издеваться над честными тружениками? Над всеми нами. Ну, я найду на тебя управу. Нет никакой жизни от него честным и культурным людям.

Он, как и Зеленина, раскрыл дверь и вышел. Не закрыл её за собой.

Демидов махом выпил стакан воды, медленно поставил его на стол и тихо сказал:

– Все считают его самым культурным товарищем в районе и в городе. Как так можно? Не понимаю...

– А Зеленина тоже самая культурная, – вставил я.

– Это же рассказ. Мало ли кто там есть.... Он не понимает литературного жанра. Ну, тогда я не знаю, и понять не могу. Как так можно вести себя...

Он развел руками, и снова налил полный стакан воды.

– Они многое, что не понимают, – ответил я.

– Кха. Кгм, вы уж Юрий Иннокентьевич, в своих рассказах... Ну, сами понимаете... И в райкоме говорят, что вы сгущаете краски. А я вас всяко защищаю...

Ах, редактор, редактор, добрая твоя душа, что твоя защита стоит? И я его понимал. Его мягкий характер погубит его. Тогда я решил, что это и есть образец настоящего культурного интеллигента. Значит, они ещё не перевелись в нашей стране.

– Он не сгущает краски, а пишет правду, – возразил Кузора. – А потом, Иван Иванович сам себя выдал. Пришел и доложил, что он и есть настоящий крепостник.

– Кха. Кгм. Понимаю. Я на два дня уезжаю по делам в Игирму. За меня остается Василий Петрович.

И он вышел. Кузора постоял рядом со мной, подмигнул и сказал:

Понимаю тебя, а этот зачем прибежал? Там же другой...

– Кое-чего, и он набедокурил, вот и прибежал.

– Не дай Бог, если сам узнает. Сомнет.

И он вышел из кабинета. Через некоторое время пришел Ку克林.

– Тебя вызывают в райком партии ко второму секретарю. Первый уезжает в Москву. Также зачем-то вызвали. На тебя начальство жалуется. Второй секретарь говорит, что тебя надо выслать подальше из города. Спокойной жизни им не даешь.

И я пошел в райком партии на прием ко второму секретарю Иванову. Его тоже считали интеллигентным и культурным человеком.

– Чего ты опять там нагрезил? – спросил он, не обращая внимания на моё приветствие. – Всё не успокоишься? Они ведь обиделись на тебя. Сердятся. Жалуются.

– Они себя узнали, но там другие герои.
– Они себя узнали.
– А если узнали, то за них надо бы взяться. А я тут причем? Они себя с головой выдали, а я виноват? Они бедокурят, а я виноват? Ловко получается.

– Будь как все ваши журналисты. Пиши положительные материалы. Покритикуй рабочих. Сошло бы с них... Не убыло бы... Пойми, нельзя бы критиковать руководителей. Нехорошо. Пусть они работают, и не мешай им. У них план, производство...

– Рабочих итак замордовали. Сделали их послушными рабами.

– Как, что ляпнешь, хоть стой, хоть падай.

– Вы бы хоть этот рассказ внимательно прочитали.

– Хватит болтать. Хватит бузить. Почему ты без галстука? Нехорошо так в райком приходить. Все культурные люди ходят в галстуках, а особенно коммунисты. Мы же вот все в галстуках. Валяй отсюда.

Я покинул кабинет, а Куклин остался. Надо было, видимо, что-то решать со мной.

Через какое-то время ко мне прибежал Куклин.

– Я ему такое сказал, пусть почешется. Он назвал тебя самым бескультурным человеком. Говорит, что тебе делать нечего в редакции. Гнать, мол, тебя надо на самые тяжелые работы. Как это, мол, мы тебя приняли в редакцию? Надо было взять человека послушного. Говорит, что надо в редакцию брать женщин. Они все послушны. Какую-то даму с севера вызывают. Почему, мол, тебя приняли без согласия райкома партии? Это как бы ты повел себя перед членами бюро? Короче. Одень, пожалуйста, галстук.

– В райком я не собираюсь ходить. Вот приедет ваша дама, вот пусть и бегаёт в райком партии. А я – никогда.

– Я ему сказал, что ты всем в редакции и в типографии понравился.

– Не лъсти. Не люблю. Да и не верю. У меня есть ещё три правила. Их на зоне употребляют. Смотрю, что они и здесь подходят. Вот они. Не верь, не бойся, не проси.

– А он мне в ответ. Его начальство не любит. Это надо учитывать. Поезжай в Рудногорск. Там отдохнешь, напишешь серию очерков о лесорубах. Вот там и о рабочих напишешь. Езжай.

Вошел Кузора. Кстати, он тоже не носил галстуки.

– Безобразничают, – сказал он и побледнел. Достал свой дыхательный аппарат, подышал в него и продолжил: – Съезди. Проветришь. Потерпи хоть здесь до пенсии. Дотяни до неё.

Пришлось ехать к лесникам в тайгу. Мотался по леспромхозам, был в бригадах.

В Москве к власти пришел Андропов. Наши доблестные руководители Постановление о дисциплине повернули на свой лад. Когда вышло то знаменитое указание насчет укрепления дисциплины, я дорабатывал последние дни перед уходом в редакцию. И о моем переходе пока ничего ещё не знал. А вот то, что мне мотали нервы по сдаче экзаменов по технике безопасности, это было.

Сидели мы в курилке. Здесь мы пили чай, а то и водку. Переодевались в этой комнатухе, играли в домино, перекидывались в картишки. Отдыхали здесь. Человек тут становился человеком.

На пороге возникла Маруся Прицелова. Это та самая Маруся, которая сорвала стенную газету, которую выпустил Саша Иннокентьев – и передала в КГБ. Даже из Иркутска приезжали чекисты и допрашивали парня. В этой газете он написал рост цен на бензин, а в это время, наши руководители пользовались бесплатно. Это та самая Маруся, которая мне всегда говорила, что я враг социализма и советской власти. Это та самая Маруся с которой я всегда спорил насчет того, что когда идут праздники, то участники войны не должны идти строем, и приветствовать тех, кто стоял на трибуне. А на нашей трибуне стояли внуки фронтовиков. Однажды на трибуне я увидел Сему Левина и Викочку. И тогда мне чуть плохо не стало. Оказывается, это были заслуженные товарищи из отдела снабжения. Тогда я имел право воскликнуть.

– Господи, вразуми людей! Куда мы катимся?

В тот день у меня в кармане оказался валидол. Пришел домой и три дня пил и честно признаюсь, как на духу – плакал. Для

полного счастья на трибуне не хватало Зиночки и её подружке по пивбару Крыси. Они тоже на базе ОРСа занимали какие-то должности. А главное, участники войны шли строем и отдавали честь этим прохиндеям.

Мне приходилось уговаривать многих мужиков, чтобы они не ходили строем перед трибуной. Слава Богу, потом это издевательство прекратили. А ведь дело доходило до строевого шага. Один во время строевого шага упал и умер. Так вот эта Маруся была яростная сторонница, чтобы перед трибуной маршировали участники войны деды и бабки. Вот такая была наша Маруся Прицелова. А этих Марусь было хоть пруд пруди.

В курилку вошла Маруся. С ней пришли две конторские дамы со злыми и недоверчивыми глазами. Этот великолепный отряд замыкал наш начальник участка Горбатко. То, что произошло далее, нельзя умалчивать. Казалось бы мелочь, но из этих мелочей возникал образ среднестатистического гражданина того времени с которым я вел непримиримую борьбу. И, как и должно быть, с треском проигрывал.

Сидели мы и говорили о всякой всячине. Мало ли о чем можно говорить во время перекуров. Марусе не понравилось, видимо, наше сидение, она выдала не известную нам фразу. Такое мы ещё не слышали. То, что я сейчас вам, дорогой читатель сообщу, сушая, правда. Такое было. И подобные действия наших начальников – была полная глупость и откровенное невежество, издевательство в высшей мере над простым человеком.

– Что это вы, мужики, сидите в шапках, когда к вам пришло начальство?

Эти исторические слова я запомнил последовательно.

Горбатко всегда крутил ключи на указательном пальце правой руки. А тут ещё быстрее завертел, хоть батарейку для фонарика подключай. И сказал Горбатко тоже исторические слова.

– Совсем распоясались. Постановление правительства о дисциплине не читали?

– Не об этом там говорится, – ответил Костя Агапов и почесал кончик носа. – Как это в курилке можно перед всяким шапки ломать? Вы, как я посмотрю, это постановление на свой лад повернули. Там о шапках не говорится.

– Поговорите вы здесь у меня. Это вас Стрелов баламутит! – громко сообщил Горбатко. – Ну, ничего. Приходит время жестокости к таким, как вы. Обстановка такая наступила. Некоторых рабочих приструнить.

– Да причем здесь Стрелов?! – возмутился Костя, и бросился возиться с носом. Он всегда, когда начинал нервничать, то у него чесался нос. – Что вы Стрелова везде клеите? Я сам так думаю. Всё вы крутите под себя!

– Надо бы немного быть культурнее, – сказала Маруся.

– Не надо с ними говорить о культуре! – сквозь зубы крикнул Горбатко, и на его лице, как полагается в таких случаях, появилась бледность с островками румянца. А главное – сатанинская улыбка. – С кем вы тут собрались говорить о культуре? Ты, что, Маруся, не видишь, кто здесь? Нас, культурных интеллигентов раз-два и обчелся. А эти... все против нас...

– Тут некоторые против советской власти, – опять подала голос Маруся. И вы не замахивайтесь на нашу советскую власть.

– Эх, гражданка, Прицелова, – сказал я спокойно, держа руку в левом кармане брюк. – Вы же сами разворачиваете советскую власть. Слушайте, товарищи, а ведь Прицелова враг народа. Она умело подрывает монолитные устои. Она враг советской власти и её системы.

А Маруся, о чудо! Покраснела. Глаза почти соединились с бровями, так они округлились. У Горбатко сошла положенная в таких случаях разноцветность, а осталась одна бледность и удивительная улыбка. Он неожиданно засмеялся, вытянув губы трубочкой вправо. Но этот смех он пытался подавить. Мгновенно сдвинул брови и произнес речь.

– Сейчас будет так. Заходите в любое помещение – шапки долой. Если вас будет спрашивать руководитель – не ковыряться в носу. Отвечать по всем правилам. Здраваться вы должны первыми и кланяться. Да, да, кланяться. И перед начальником шапки долой. Вот так мы поняли наше постановление. Оно только для нас, руководителей. Она нам в помощь. Мы уже собирались и обсуждали это постановление. Только железная дисциплина приведет некоторых рабочих к порядку. По одной полнице будете ходить и ни шагу в сторону. Не прекословить! Не

перебивать! Не критиковать любое начальство! Не рассуждать. Поменьше думать на рабочем месте. Я некоторым тут покажу веселую жизнь.

А ведь месяц назад он работал электриком на соседнем участке. Близким друзьям он сказал:

– Быть мне начальником. Какие плутишки в партию проникают, а я чем хуже?

Костя Агапов не сдавался.

– Я читал постановление. Там этого нет.

– Нет? Так будет. Не перебивать свое руководство. Любое задание – точно и в срок. Канальи, они ещё и тут рассуждают? Не рассуждать! Молчать!

– Они все здесь против советской власти, – не унималась Маруся. – И меньше, товарищи, надо бы вам рассуждать. Я, например, так представляю рабочего – хорошо отработал смену, пришел домой...

– Нажрался и спать, – вставил я. – Язавасбудудуматько поучал своих подчиненных. Сейчас от вас услышал.

– Где твоя культура, товарищ Стрелов? – прошептала Маруся. – На представителей власти так ополчился?

– Это не ты ли, советская власть!? – воскликнул Агапов. – Тогда кто мы?

– Да, мы есть советская власть, – ответила Маруся.

– Хватит перечить! – закричал Горбатко. – Пойдемте, товарищи женщины. Тут вы много чего наслушаетесь. Ну, ничего. Мы скоро умнем шумливых и непослушных.

Вот такой состоялся разговор. Мне некоторые скажут, Стрелов всё это придумал. Это был факт. Везде такое было.

Через несколько дней я шел в свой кабинет после очередной головомойки в райкоме партии. Что-то опять в моих материалах обнаружили недозволенное. Приказали – не критиковать начальство. Если кого надо покритиковать, то надо идти в райком партии за разрешением.

Редактор Демидов, добрая душа, немного покраснел, помялся и сказал:

– Немного бы повременили, Юрий Иннокентьевич. Как они не могут понять? Вы ведь художественно пишете.

– Художественно, – поддержал Василий Куклин.
– Опасно. Теряют меня.
– Теряют, – ответил Куклин.
– Всё это, не в какие ворота не лезет! – возмутился Володя Кузора. – Зачем им Устав партии нарушать? Это ведь самостоятельность райкома партии. Как же без критики? Там, Юра, правильно пишет. У нас сплошь и рядом именно руководители нарушают. А их в райкоме пытаются защитить.
– Да, да, защитить, – поддакнул Куклин и зевнул. Что-то быстро записывал в блокнот. Это он готовил передовицу.
– К сожалению, мы подчиняемся райкому партии, – вздохнул редактор.

– Да, да, подчиняемся, – ответил Василий.
Как я понял, на очень серьезные реплики Куклина никто не обращал внимания. Но Вася не обижался. Этот удивительно добрый человек и мой хороший товарищ никогда ни на кого не обижался. Вообще мне нравились вот такие концерты. А если это не игра? Нет, это игра на серьезе. И я решил включиться в эту серьезную игру. Я пытался сделать серьезное лицо и даже хмурился. А вся эта серьезная игра исходила из райкома партии. И тогда меня вместе с райкомовскими товарищами отправить в психиатрическую лечебницу. Там нам законное место. А любопытно было бы посмотреть – за решеткой я бы вместе был с теми товарищами. Доигрались. Тьфу, на меня. Наваждение! А ведь подойдет время, они будут считать себя чуть ли не святыми, страдальцами за народ.

На второй день, после такой беседы, вошла заведующая радиогазетой Зинаида Ивановна Сокольниковна, довольно энергичная и веселая дама. Если честно, то я ей побаивался за её откровенные вопросы, и чтобы я не уходил от ответов. И ещё, тайно меня тянуло к ней. Я многому у неё учился – как правильно и к делу задавать вопросы. И вообще, тайно, как женщина, она мне нравилась. Но я из той породы людей, кто никогда вот в таком случае, не окажет внимание. Мало ли что она обо мне подумает?

Она быстро и громко сообщила:

– Вы посмотрите, что делается у магазинов! За водкой очереди. Мне даже стыдно за них. Мы что? Мы ведь строим развернутый социализм. Да какое с ними построишь! Бульдозером их через газету. Это был такой отдел в первой на стройке радиогазете. В ней Стрелов был главным фельетонистом. Рабочие сильно пьют.

– Да, да, сильно пьют.

– Причем здесь рабочие!? – возмутился я. – Наши начальники тоже пьют. В основном, рабочие попадают в медвытрезвитель. Начальников личные шофера домой доставят.

– Как же так с этой водкой? Мы ведь развернутый социализм...

– Всё! – пристукнул по столу редактор. – Не будем больше спорить. Это бесконечный спор...

– Да, да, бесконечный.

– Юра, нам бы новый бульдозер возобновить...

Поговорили. Разошлись. Теперь я окончательно понял, что райком партии – очаг общественной заразы. И в эту банку я попал.

Пришел домой грустный, грустный. Сын учил уроки и поглядывал на меня. Что, это, мол, с отцом? Вряд ли он поймет вот такого отца, непохожего на других отцов.

Как-то встретил заезжего тунеядца. На свалке брюки на себя примерял. Разговорились. За политику отбыл на зоне три года. Выступал много. Солженицына пропагандировал, к забастовкам призывал. Теперь странствует. Жена от него отказалась. Жил от случайных заработков. Счастливый человек этот гулящий. Он очень удивился, что я ещё больше его вытворял, и меня ещё не угнали на зону.

– Значит, у нас в комитете не плохие ребятки трудятся.

– Все они хороши. Был я в Тайшете. Хотел устроиться. Выгнали. И службу за мной установили. Из Братска попросили. И здесь ко мне присматриваются. Говорят мне, «Студент», это моя кличка среди бичей, надо, мол, устраиваться на работу. А вот ваш комитет КГБ молчит. Мне сказали, что в вашем городе там неплохой мужик сидит. Куда ему деваться, если ваши руководители, на таких умников, как ты, пишут докладные? Куда

деваться-то? Так что, и у них есть нормальные люди. Я, в общем-то, сам по себе. Не хочу на тебя беду накликасть.

– Я никого не боюсь. Пошли ко мне.

Привел его домой. Жил он у меня трое суток. Много философствовали, свои записи давал читать, из которых потом родился роман «Зона». Дал ему почитать запретные письма некоторых авторов. Многое что показывал. И он всё удивлялся, как это я на свободе? А ведь он когда-то МГУ окончил.

Я отдал ему демисезонное пальто. Наступали холода. Денег на дорогу дал. На вокзал проводил.

Разве такие отцы у друзей Евгения? Порой мне было стыдно, что я такой вот отец. Но изменить себя не мог. Ничего не мог с собой поделаться.

В те времена в районе происходили любопытные дела. Ничего хорошего в этих делах не было. Из леспромхозов вывозили лес в южные республики, а для района ни кубометра. Для одной только Украины было три леспромхоза – Киевский, Винницкий, Донецкий. Они, как пиявки впились в нашу тайгу. И для того, чтобы купить пиломатериал для строительства дачи, люди мотались по району. И только по великому благу можно было хоть что-то купить. Шли на воровство. Система заставляла идти на добровольное воровство. Крали все, начиная от руководителей до последнего рабочего. Особенно изощрались в воровстве руководители.

Даже в леспромхозах дело доходило до того, что в тайне строили жилые дома для тружеников леспромхоза. Директор был вынужден хитрить и ловчить, чтобы не узнало начальство из министерств всех этих республик. За всем этим строго следил райком партии. Даже дрова для своих рабочих выписывали с боем. И ещё. На строительство дач выделялось по четыре или пять соток земли. И это происходило на необъятных просторах севера Сибири. Доходило до того, что сотни кубометров горбыля обливали бензином и сжигали, лишь бы ничего не осталось людям. Какое-то шло поголовное вредительство в нашей стране. Сами директора были вынуждены руководить этой операцией. Горбыль сжигали, заваливали землей, а лучший горбыль увозили в южные республики. Чтобы выписать три кубометра горбы-

ля, надо было иметь подпись самого директора и ещё семь подписей. Если, конечно, человеку повезло – подписал директор. А если этот человек не понравился?

По долгу службы приехал на одну из пилорам. И встретился там с мастером Дмитрием Николаевичем Дворовенко. Я о нем уже писал. Это был один из редких коммунистов, который для меня был образцом. Я всегда думал, что настоящим коммунистом должен быть именно такой человек.

Дворовенко курил и прижимал руку к левой стороне груди. Лицо было бледное.

– Что с вами? – спросил у него. Неожиданно в его глазах появились слезы, а голос прерывистый.

– Посмотри, Юра, посмотри туда...

Я посмотрел и увидел дым.

– Ну и что? – спросил я. – Дым. Горит что-то. А что?

– Богатство наше горит. Живые деньги уходят в дым.

– Тушить надо. Молния ударила?

– Нашему начальству бес в голову ударил. Сам Сатана постарался.

– Вот те раз! – воскликнул я. – Вот бы Сатану увидеть бы! Обычно беса изгоняют из человека.

– Из наших беса не изгонишь. Это тебе не шутки, Юра. Приказ – сжечь горбыль. А мы вот охраняем, чтобы горбыли никто не украл.

– Ну, например, кто-то тайно загрузит машину и увезет?

– Пусть везет. Там его милиция остановит. Замкнутый круг получается, Юра.

Тут я вспомнил, как один рабочий решил на мотоцикле увезти три мешка опилок. Милиционер остановил, и заставил высыпать опилки на обочину дороги. Такие факты были. Я их не придумал. Мы жили в удивительной стране. Постоянно что-нибудь придумывали во вред человеку. Вываливали опилки даже из одного мешка. Сжигали горбыль, лишь бы человеку ничего не оставалось. Шло планомерное вредительство. Порой у меня возникало такое ощущение, будто кто-то специально готовил страну к разрушению. Страну можно разрушить не только

войной, но и психологически. А это оружие пострашнее любого другого оружия.

– Дмитрий Николаевич, это же настоящее вредительство, – сказал я. – Будто идет планомерная экономическая диверсия. Миллионы рублей сгорают. Во всех лесспромхозах именно такое творится.

Дмитрий Николаевич сказал:

– Был я на совещании у директора комбината. И он приказал сжигать горбыль. Юра, сердце болит смотреть на все эти возникающие безобразия. И ничего не могу сделать. На днях сердечный приступ был. Едва отлежался.

– Меня всю жизнь называют антисоветчиком. А те, кто придумал такое, кто они? Партия их поддерживает. Именно они и есть враги. Они разрушают экономику страны. Они во всём тормозят. Они за удачные перевыполнения плана по вывозке леса в южные республики получают награды, денежные вознаграждения, а мне за выступления выдают выговоры. Что это? А ещё эти орденоносцы учат людей красть с производства. Про таких написал фельетон – выговор. Что происходит с нашей страной? Куда мы катимся? А катимся мы все в экономическую пропасть.

Он махнул рукой, согнулся и пошел туда, где горел горбыль.

Во всей нашей стране творились подобные безобразия. Вот ещё одно постановление правительства по усилению дисциплины. Местные руководители всё повернули на свою сторону. А что им оставалось делать?

Глупости продолжались. Встретил я Марусю Прицелову и спросил:

– Не успели ещё перестроиться к новым решениям генерального секретаря Черненко? Успевай. Опередят. Шапки-то рабочие ломают перед тобой?

В райкоме партии перестановка. Из Иркутска доставили нового секретаря по фамилии Ковшаров. Он отличался от всех особой хмуростью и деловитостью. Конечно, в хмурость я не верил. Чем хмурее человек, тем он артистичнее. Первое, что он сделал – снял с должности редактора Демидова за мягкотелость, а Василия Куклина, этого безобидного человека, отправил на

пенсию. Редактора доставили из Усть-Илимска, пока нам неизвестного, Виктора Шапкина.

Наш первый секретарь райкома партии говорил четко, доходчиво и красиво. И вот он такую речь закатил:

– У нас многие руководители живут старыми мерками. Пора за них братья. Некоторые из них притихли. Притаились. Ждут изменений в стране. Не вернется ли старое времечко. Другие быстро перестроились. Перевоплотились. Попробуй, разберись. А вы, журналисты, должны разобраться. На самом же деле – как работали, так и продолжают работать.

Мне это было приятно слышать. Даже не верилось. Шла перестановка кадров. Хотя Демидова и Куклина не надо было снимать с работы. Это были талантливые журналисты.

По долгу службы я попал на собрание, где трудился до реакции. Речь держал Хамов. Меня он не видел, я затерялся среди рабочих.

– До каких пор рабочие будут работать нечестно? Стыдно за них. Многие рабочие пытаются что-то украсть. Сейчас, когда наша страна встала на новые рубежи, социалистического развернутого социализма, некоторые товарищи путаются под ногами. Научились у Стрелова вредить советской власти. Мы постараемся искоренить Стреловщину. Наступило время честно трудиться, и начать борьбу против тех, кто пытается не идти в ногу с нами и походить на нас, честных тружеников. Кто идет против советской власти, тот идет против нас, её защитников. А мы, руководители, и есть советская власть. Теперь, когда наметились рубежи...

Ах, ты плутишка! Опять на коньке. Да что же это такое?

Он продолжал говорить:

– Мы в корне уничтожим производственных несунув. Я поймал тут одного слесаря за руку. Понимаете, горсть гвоздей в карман спрятал. А один рабочий доску домой поволок. Поймал я его. Вот так бы все делали, и мы бы избавились от несунув.

От знакомого шофера кое-что узнал. Он просил меня не выдавать его. Я обещал, что его фамилия будет в тайне. В тот день, когда Хамов толкал речь, рабочие везли на его дачу пиломатериал, украденный на производстве.

Не выдержал я такой болтовни и ушел с собрания.

Такое безобразие творилось везде. О рабочих требовали честность, а сами крали, всячески пользовались служебным положением.

В некоторых вопросах секретарь райкома Ковшаров прислушивался к журналистам. Требовал от них, чтобы они честно писали о происходящем в районе.

Была осень. Многие организации отправляли людей на сбор урожая картофеля.

Мне было дано задание, написать репортаж, как труженики Коршуновского ГОКа трудились на поле. Я видел, как люди ковырялись в земле, выкапывая крупную картошку. Славный был урожай. Вот бы сейчас сюда картофельные комбайны.

И тут один из рабочих мне тихонечко сообщил, что за глухим забором стоят на колодках новенькие картофельные комбайны.

Я не мог выдержать такой наглости. Сотни людей сняты с рабочих мест, чтобы помочь работникам совхоза убрать богатый урожай. И я пробрался к этим комбайнам. Новенькие, готовые к работе, они стояли на колодках.

Такой наглости я не ожидал. Тут же написал фельетон под названием «Комбайны под замком».

Во вторник мой фельетон красовался на первой полосе. В тот же день начались звонки в редакцию и в райком партии. Чтобы меня немедленно арестовать и отправить на зону.

Секретарь райкома Ковшаров сам съездил и убедился в том, что комбайны стояли под замком на колодках. От расправы надо мной он защитил меня. Конечно, я не был удивлен. Надо было исполнять постановление правительства по дисциплине и к честному отношению к работе на местах.

Нового редактора Шапкина стали раздражать мои фельетоны и сатирические рассказы. Райкомовские работники под давлением некоторых руководителей постоянно жаловались на меня редактору. Тучи над моей беспокойной головой стали всё больше сгущаться. Дело шло к развязке. Господи, думал я, что же происходит со всеми нами?

СЛЕЗЫ ОТКРОВЕНИЯ

Стоит рассказать, как проходили знаменитые политзанятия в глухой провинции нашей страны. Это тоже была наша жизнь. История. Как можно было представить нашу жизнь без этих занятий? Нельзя. Проходили они и среди рабочих, иногда они назывались коммунистическими пятницами. Это тоже история. Нет здесь никакой выдумки.

Мне было интересно наблюдать за интеллигентами. Я для них был никто. Оторвался от рабочих и не попал в интеллигенту. Оказался между рабочими и культурными. Был такой вид типов вроде меня. Среди рабочих пил водку стаканами, бил себя в грудь и говорил о гайках. Среди интеллигентов тоже бил себя в грудь и клялся коммунистом. И все мне верили. А может, и нет. Прикидывались, что верили. Я сам себе не верил. От этого неверия и разного в стране безобразия, мне было тоскливо и жутко одиноко.

Прежде чем описывать политзанятия, немного отступлю. Рекомендаций в партию я многим написал. Попросит человек дать ему рекомендацию, а почему я должен сопротивляться? Ну, что здесь такого? Человеку вдруг захотелось побывать в партии? Пусть вступает. Мне не жалко. Может, человеку какую-нибудь и должность дадут. Всё будет легче прожить. У каждого свои желания. А если есть должность, то есть и льготы. А если человек задумался насчет карьеры? А как можно без партии? Ну, никак без неё родимой нельзя. Со всякими личными желаниями человек вступал в партию.

Недавно в наш отдел откуда-то с севера была принята заведующей промышленным отделом в газете Люба Медведева. Теперь она мой непосредственный начальник. Но, для того, чтобы утвердить на такую должность, она должна вступить в партию. Я ей с удовольствием написал рекомендацию. Я уже писал о глупом постановлении, чтобы каждый руководитель должен быть коммунистом. В те времена глупостей было достаточно. Люба была толковым и грамотным журналистом. К тому же она была просто красавица. Честно признаюсь, я был тайно влюблен в неё. В редакции почему-то к ней не очень хорошо относились. Я этого не понимал. Что здесь такого? Возможно, она мечтала в

будущем стать редактором? Это её право. И когда сняли с редакторов Демидова, конечно, она думала, что её назначат. Но прислали человека со стороны. Когда я написал ей рекомендацию в партию, то понимал, что некоторые будут недовольны. Секретарь Кузора наотрез отказался писать. Он только и сказал?

– Как ты мог?

И я ответил:

– А может, именно такие вот люди и нужны сейчас в партии. Я вышел из кабинета секретаря.

А в нашем промышленном кабинете прошла удивительная сценка. Там сидела работник радиогазеты Зинаида Сокольникова. Она состояла в штате газеты. Люба, видимо, попросила её написать рекомендацию в партию. Зина ответила:

– Мне надо подумать.

Насчет такого дела думать? И тут вспомнил своего старого товарища Эдика Загуменного. До нашей стройки был громилой. Отбыв срок на зоне, был сослан в наши края. Работал плотником в моей бригаде. Втерся в доверие к начальнику стройки и получил должность мастера. Я написал ему рекомендацию в партию. И он дал слово, что примет участие в её разложении. И он тоже стал давать рекомендации, таким как он. Ну и пусть. Что здесь такого?

У Зины потемнели непонятные очки, и что за ними – не видно. Она выпрямилась на стуле и застыла. Господи, подумал я тогда, какие у нас красавицы в редакции. В нашем отделе сидела ещё одна красавица, фотокорреспондент Ольга Кондратьева. Все трое будто сошли с картин эпохи возрождения. Как можно не влюбиться в них? Ольгу я так и назвал – Даная. Она даже подписывала фотоснимки – О. Даная.

Люба стала нервничать. Ведь если ей откажут в приеме в партию, то на дальнейшей карьере можно поставить крест. Она ещё молодая, энергичная, ну и, конечно, красивая.

Зина внимательно смотрела на Любу, и кончики губ едва подрагивали. Как я понял, в культурных, интеллигентных кругах тебе нежно улыбаются и тут же бьют насмерть. Минут через пять такого молчания, Зина ответила:

– Я обязана подумать. Это всё-таки, рекомендация в партию.

Люба не выдержала, заплакала и выбежала из кабинета.

– Может, не надо бы так, – тихо сказал я.

– Как ты меня подвел. Как подвел. Что ты за человек – не пойму. Ты зачем ей написал рекомендацию? Как же это? Хотя от тебя всего можно ожидать. Тебе безразлично, кто лезет в партию. Ты ведь честный коммунист.

Я постучал себя по груди и ответил:

– Клянусь коммунистом, я настоящий большевик.

Хорошо ещё было то, что в редакции не знали, скольким я написал рекомендаций. Никто из них не знал про мою левую руку в кармане. Никто из них не знал, что к ним пришел игрун.

Она ещё немного помолчала и ответила:

– Конечно, надо бы подумать. Что ты за человек? Как ты меня подвел. Придется написать ей рекомендацию. Пусть сначала по-нервничает. Кому не лень... Как ты меня подвел. Как подвел...

Итак, начались политзанятия в кабинете заместителя редактора Демидова, которого сняли с должности редактора за мягкотелость.

– А я беспартийная, – сказала Света Зябликова. – Пыталась вступить, но мне сказали подождать. Принимали то кого? Иные спились, другие собираются спиться. А ведь их принимали, а меня нет. Где они? Где они все? – спросила она и заглянула под стол.

– Ну, знаете, – тихо ответил Демидов. – Мало ли кому давали рекомендации. И потом. Где вы работаете? В редакции. И вы должны...

– Обязаны, – вставил Кузора.

– Да, да, обязаны, Светлана Ивановна, – поддакнул Василий Куклин. Хотя он и на пенсии, но занятия посещал регулярно.

– А вы, Василий Петрович, помолчали бы. Это вы тут Ольге Кондратьевой написали рекомендацию в партию. В райкоме спохватились, Не вышло.

– Хи-хи- хисс, – хихикнула Зинаида Сокольниковна. – Из этой дамы вышла бы отменная коммунистка. Пародия. Кто только туда не лезет.

- Всё. Начинаем, – сказал Демидов.
- Начинаем, – поддержал Куклин. У его ног в огромном портфеле загрели бутылки из-под молока.
- Демидов прокашлялся, сдвинул брови и тихо сказал:
- Сегодня мы открываем новую рубрику. Я хотел сказать... новую тему: «Развернутый социализм – первая ступень коммунизма»...
- Когда мы приступим к теме по журналистике? – вставил Кузора. – Давайте обсуждать то, что нам ближе.
- Демидов, добрая душа, даже растерялся. Я понимал его. Против решения партии не попрешь. Именно там намечали, что проводить, и что говорить.
- Как можно? Коммунизм – это наша жизнь. Наша судьба. Наше будущее, – возмутился Демидов. – Райком партии обязал всех – провести тему по развернутому социализму. И я не имею право это нарушать...
- Нельзя нарушать, – прогрохотали бутылки.
- Мы живем в развернутом социализме, – прошептал Демидов.
- Да, бросьте, – прервал его Кузора. – Бросьте молоть чепуху. Они живут в развернутом. Лучше бы взялись за учебу по очеркам, статьям. Это наше.
- Как понять о развернутом социализме? Кто его разворачивал? Что-то не пойму? – спросил я.
- Бедный Демидов. Внутренняя культура не позволяла ему нагрубить нам.
- Кха. Кгм... Того, понимаете... Нам задали программу и мы не имеем право менять её. Я бы рад. Но ведь это райком партии. Рад бы я...
- Я не унимался.
- Когда я устроился в редакцию, то нам задавали программу по воспитанию дошколят, чтобы они, пройдя детский сад, пришли в школу озаренные марксистско-ленинской теорией о построении коммунизма.
- Ну и что? – тихо спросил Демидов. – Надо будет, и ещё пройдем. Это было указание райкома партии. Не я же придумываю эти занятия...

– Не мы придумываем, – вставил Василий и полез под стол. Там бутылки ещё громче загрохотали. – Ещё пройдем...

– Это есть издевательство над журналистами, – ответил Кузора.

– А вы, товарищ Кузора против воспитания детей? – спросил Демидов, и покраснел. Я заметил за ним, что это был удивительно скромный человек. И только должность обязывала говорить то, что надо было для партии.

– Да, да, против воспитания детей, – вылез из-под стола Кузлин.

– Ну, пошло, поехало. А причем всё это? – сказал Кузора.

– А что? – втиснулся я в разговор. – Мне, кажется, что воспитание у детей-дошколят, особенно у грудников, вполне закономерно. Необходимо у них воспитывать любовь к партии. И это реально. Одно я не могу понять. Каких детей воспитывать, которые до соски, или тех, кто уже с соской? Тут разница в их сознании. У тех, кто с соской, сознание обостряется лучше.

Кузора посмотрел на меня, и неожиданно успокоился.

– Если почудить, то это уже другое дело.

Демидов поперхнулся чаем, и стал кашлять.

Добышева и Викина сидели в уголке и хихикали. Конечно, им было смешно. Мне тоже было весело, но свое веселье я скрывал, стараясь как можно сильнее хмуриться, и не вынимать руку из кармана.

– Кузора прав, – сказала Зина. – Зачем нам грудники? У меня у самой две внучки. И вы не уходите от ответа. Я сама помогу воспитать внучек.

– Причем здесь грудники и внучки, – прокашлялся Демидов. Прошептал – Сегодня мы переходим от социализма к коммунизму.

Демидов приступил к чтению лекции. В это время в кабинете развевалась серьезнейшая дискуссия конца двадцатого века на одной шестой части света. Открытием сенсационного обновления в этой части света явилась среди нас Зинаида Сокольникова. Она выпрямилась и изрекла:

– Поймите правильно. К коммунизму мы можем подойти тогда, когда воспитаем в людях чувство высокой гражданственности.

Это было величайшее открытие века в нашем заснеженном краю.

Пусть меня простят мои знакомые, местные журналисты, если кто из них прочитает мою книгу. Именно вот так проходили политзанятия в редакции. Значит, они вот такие везде проходили под неусыпным контролем райкома партии. Они привыкли к таким занятиям. А каково было мне? У нас, среди рабочих, ведь тоже проходили политзанятия. Но, на них всё было проще, и без лозунговых речей. Если появлялся, какой лектор, рабочие тут же начинали дремать. В основном, говорили о новостях в районе, в области, в стране, в мире. В основном, обсуждали наши, рабочие дела на простом русском языке. И вот попав в редакцию, и очутившись на вот таком политзанятии, я грешным делом подумал, как они здорово играют. Куда мне до них. Удивило меня только то, что они весьма серьезно играли. Тогда и мне надо подключиться к этой игре. И вдруг промелькнула мысль – а что если это не игра? Тогда что это? Я совершенно запутался. Такого поворота в моей жизни ещё не было. Если это игра? То они талантливо играли. Значит, это просто у них в крови. Привыкли они так классно играть. Но зачем эта игра нужна? Кому она нужна? Я многих видел на дачах, в гаражах. Там они становились другими, простыми и доступными. Какая может быть игра среди кур и помидор? Тогда почему они здесь играют? Я совершенно запутался. Но играть тоже надо, а там видно будет. Вот это тема! Надо потом на досуге обдумать это дело.

– Надо провести собеседование по нашей профессии, – не сдавался Кузора.

– Сознание человека определяется его бытом. Правильно сказал недавно на прошедшем пленуме, товарищ Черненко, – вставил умные слова Куклин.

Что было бы, если бы мои рабочие услышали такие вот речи, от одного из рабочих? Как на духу, я не знал, что делать мне. Я просто растерялся. Меня надо тоже понять. Ведь и я тоже должен что-то говорить. Вот я и включился в игру. Им можно играть, а

почему мне нельзя? А вот признаваться в этом – опасно. Меня не поймут. Ведь они друг другу не говорят, что как классно играют. Игра на серьезе. Я тоже начал хмуриться, но руку из кармана не вынимал.

Надо что-то говорить. Но так, как они говорят, я пока не умею. Надо бы у них поучиться. Игру надо продолжить. И опять кое-что выдал.

– Мы к коммунизму не подойдем, если у людей куры в курятнике. Свиноарник должен быть без кур.

Опять не то сказал. Игра моя откровенная. Так нельзя. А к лозунгам я как-то пока не привык.

– Хватит, Юрий Иннокентьевич, о курах и свиньях, – вмешалась в перепалку Люба Медведева. – Хватит шутить. Надо переключиться на леспромхозы. В районе главенствует лесная промышленность, а не какие-то там соски и грудники. Надо провести семинар экономистов среди журналистов. Есть такие леспромхозы, которые не вывозят по плану древесину в южные республики. А там так древесину ждут!

– Вот, вот, надо по нашей профессии говорить, – поддержал Любу Кузора. – Там и лесникам будет место.

– Надо и слесарям-водопроводчикам место выделить, – вставил я. – Они, что вам рыжие?

– Доярок надо не забывать, – прозвенели бутылки под столом.

– Мы не туда пошли, – вмешался Демидов.

– Не туда пошли, – ввернулся Куклин. – Давайте, мужики, говорить о коммунизме. Как же переходить в него? Что-то не пойму.

– Товарищ Куклин, – повысил голос Демидов. – Что вы это самое...тово... посудой гремите да грохочите. И эти ваши реплики...

– У меня это не посуда, а бутылки с молоком и пустые из-под молока.

– Причем тут ваши бутылки? Тут такую тему подняли. А вы со своими бутылками... Не надо меня поддерживать.

– Вам, Василий Петрович, надо бутылки сдавать, а я не коммунистка. И всё по вашей милости! – подала голосок Света Зя-

бликова. – Вы, именно вы, не пожелали мне написать рекомендацию, а Ольге Кондратьевой написали.

– Подождите, товарищи, подождите, – возмутился Демидов. – Давайте к делу.

– Вам к делу, а я не коммунистка. Обидно мне. Все коммунисты, а я нет. Полное безобразия!

– Что вы все уходите от ответа? – повысила голос Сокольникова. – Вы лучше посмотрите, что делается в магазинах. Я недавно брала интервью в водочном отделе. Это кошмар! Надо чаще выступать с фельетонами. Где этот Стрелов? Опять в уголок залез? Спать? От ответа уходишь. Юра, надо в газете открыть сатирический номер и ударить...

– По хапугам, – вставил я.

– Вчера я был в магазине, – заупрямился Куклин. – Морковку купил, и вы понимаете...

– Причем тут морковка? Что вы все от ответа уходите? – возмутилась Сокольникова. – Тут решаем глупые вопросы о переходе от развернутого социализма к коммунизму, а вы тут как-то не очень серьезно. Ой, сердце. Ну да ладно. Проехали.

– Василий Петрович, – наконец-то оживилось лицо у Демидова. – Причем ваша морковка? Да и ваши бутылки...

– А у меня так и не подошла очередь вступить в партию, – тяжело вздохнула Зябликова, и в её глазах появились слезы.

– Примем, – решительно ответил Демидов и посмотрел на часы. – Перерыв. Отменно поговорили. Перерыв.

– Хорошо поговорили, – сказала Куклин. – Вот так бы чаще собираться и философствовать.

Он налил себе чаю. Его вкусно пил и хрустел печеньем.

– Хорошо, – поддержал Кузора и довольно улыбнулся. – Очень полезная беседа получилась.

– Хорошо, – сказал Демидов и снова посмотрел на часы.

– А вчера я зашел в магазин, – начал говорить Куклин. Рассказывал, как он стоял в очередь за морковкой и молоком.

– Хорошо бы вот так собираться в конце каждой недели, – внесла очень умное предложение Сокольникова.

– Надо чаще решать эти вопросы. Я думаю, что надо чаще выезжать в леспромхозы. Это у нас ведущая отрасль, – сказала Медведева.

– О своей профессии надо говорить, – упрямылся Кузора.

– Надо бы рейд сделать в водочный отдел, – предложила Зина. – Где этот Стрелов? В угол забрался? Вечно ты такой. От коллектива отрываешься. Нехорошо.

– Нехорошо, – повторил Куклин, разглядывая на свет, пустую бутылку из-под молока.

После чаепития перешли на обсуждение лекции. Кстати, наши корректоры – Добышева и Викина постоянно переговаривались и хихикали.

Кузора откашлялся и сказал:

– Надо решать строительство совхозного хозяйства, и придать силу экономике. Где ты, Юра? А, вон где. Напиши «Круглый стол» по экономике. Экономика должна быть экономной.

– А чего это Стрелов? – возмутилась Медведева. – Я, наверное, заведующая промышленным отделом. Я буду писать про экономику.

Она скривила красивые и сочные губки в сторону и прошептала:

– Что это все к нему лезут? Что может написать этот слесарь? Смех один. Да от него так и несет рабочим. Фи... Полное бескультурье.

– Это сущая правда, – тихо сообщила Добышева. – Никакой интеллигентности у него. Что взять с рабочего? И не говори. Смех. Мы здесь собрались все интеллигентные люди, и он туда же лезет. Не выйдет. Надо знать свой шесток. Как его только в редакцию взяли – не пойму.

А всё это, возможно, из-за одного дела.

До Медведевой, на лето, из Иркутского университета по журналистике на практику приезжали студенты. В университете преподаватели им говорили, чтобы они обращались к корреспонденту Стрелову. Вот они и шли ко мне. Я же не был виноват. Они сами ко мне обращались за помощью. Чему завидовать? Потом из университета пришла на мой адрес грамота, где говорилось, что я многому их хорошему научил. Потом моя грамота

была украдена из стола и уничтожена. Опять я виноват? Странная получается штука. Я всё время во всем виноват. Все правы, а я виноват.

Кузора на реплику Медведевой ответил:

– Хорошо, хорошо, Любовь Валентиновна, хорошо. Пишите. Так вот, если мы поднимем экономику, то это и есть первые зерна коммунистического завтра.

– Надо сначала повести борьбу за трезвость, – подсказала Зина.

– Я вот думаю так, если бы я пришел в магазин, а там...

– Там бы тебя, Василий, встретил кукиш с маслом, – вставил я.

– Причем тут всё это! – возмутился Кузора. – Я ведь первым отвечаю на обсуждении лекции. Не перебивайте меня, Василий Петрович, не перебивайте!

А я неожиданно подумал вот о чем, как будет дело в семье? Спросил?

– Как будет при коммунизме отношение полов?

Корректоры хихикнули. Кузора бросил карандаш об стол. Демидов мгновенно покраснел. Он ещё и скромный мужик. Я почему-то о нем подумал, что ему надо было пойти в учителя. Зря я вылез с этим вопросом. Вечно я что-нибудь да ляпну. Это, правда, из меня рабочая струнка так и лезет. Зря я попал в этот интеллигентный круг. Среди рабочих как-то проще. Там на лицах всё отображается. Здесь вроде все мне улыбаются... Иногда я почему-то стал бояться этих улыбок.

– Кха. Кгм. Мы здесь решаем серьезные вопросы, а зачем нам это? – тихо спросил Демидов.

– Вопрос правильный, – поддержала меня Светлана. – Тогда и мне мужичок найдется.

Зина встрепенулась и громко засмеялась.

– Вопрос очень правильный. Ой, сердце. Ну да ладно. Проехали.

Всех громче смеялась Медведева. Она так смеялась, что казалось, могла всех опередить в смехе. Под ней трещал стул.

– Тогда мужики перестанут пить, и мне найдется муж, – не сдавалась Зябликова.

Демидов тихо сообщил:

– Мы тут в коммунизм собрались, а вы куда тянете? Зачем так?

Корректоры продолжали хихикать.

Демидов посмотрел на часы и сказал:

– Засиделись. Пора. Немножко чаю попьем и обсудим дальнейшие наши действия.

– Хорошо живем, товарищи! – воскликнул Куклин. – Всё будет хорошо! Дружно живем. Так бы чаще встречаться и философствовать.

Тут я вспомнил подобную встречу. Тогда я работал слесарем. Но после того как мужикам собраться в редакции на такой вот вечер, они попросили меня принести водки с закуской. Принес две бутылки водки, колбасу, хлеб, жирную селедку и зачем-то пирожное.

– А это зачем? – спросил меня мой хороший друг Паша Шкандыба. Я не знал, что и ответить.

Всё это добро я спрятал за канцелярский стол в одном из кабинетов. А сотрудники газеты собрались на политзанятия. Тут я услышал, как один из корреспондентов стал говорить о переходе социализма к коммунизму. Такая была тема на том занятии.

Тут я услышал голос Сокольниковой.

– Зачем вы уходите от ответов? Надо говорить конкретно. Я вас за язык не тянула. Как надо переходить? О каком коммунизме можно говорить, если у водочного магазина одни мужики. Я брала интервью у одного мужичка. На каждом углу пьют!

– Вчера я зашел в магазин и взял молоко, так вот в очереди стояла одна белокурая дама, – влез в разговор о коммунизме Василий Куклин.

– Перекур, Юра! Стрелов! Перекур! – крикнул Шкандыба. И я услышал быстрые шаги мужиков. Рома Великанов, потирая руки, шел в угол, Паша ещё сильнее начал теребить кудри. Предстоит добрый выпивок.

– Так, – такнул Рома и полез в угол. Там уже были наполнены стаканы на троих. За ним нырнули и мы с Пашей. Выпили. Закусили. Хорошо!

– Отменно поговорили, – выпрямился Рома. – Так бы чаще собираться и философствовать.

– Хорошо поговорили, – поддержал его Паша.

Вбежала Зина Сокольникова. Мы загордели распивочный угол.

– Ух, Юра, мужики такую тему подняли и раскрутили её, как нам переходить от социализма к коммунизму. Что это у вас там? Всё вот это несерьезно. Нехорошо. Такая тема...А вы...Как так можно? Юра, зачем принес? Зачем сюда пришел? Зачем спаиваешь мужиков? Я тебя за язык не тянула. Ты сам мне говорил, что тебе отчего-то тяжело, и ты по-тихому спиваешься.

Она ушла.

Надо же! Одна тема из года в год. Те же разговоры. Не надоело им? Как я понял, не надоело. Не могу понять. В это время, уже в наше время, Василий пил чай и хрустел печеньем.

– Вчера я в магазине был...

– Подожди про своё молоко! – перебила Зина. – Мы тут такую тему подняли и раскрутили.

– Да, да, Василий Петрович, погодите уже, – сказала Медведева. – К коммунизму можно только тогда подойти, когда каждый человек на своем месте начнет с себя. Мы со Стреловым оборудуем кабинет. Придут товарищи из райкома партии, а у нас кабинет блестит. Цветы разведем. Всё лучшее начинается с себя.

– У меня тоже кабинет оборудован, – сообщил Демидов. – Портреты членов партии и правительства. На следующем заседании обсудим доклад Черненко. Кто будет писать рефераты?

– Куклин! – крикнул я. Все меня дружно поддержали.

Демидов наставлял Куклина.

– Вы, Василий Петрович, ярче покажите, как всё-таки лучше переходить от развернутого...

– Когда будем говорить о профессии? – не унимался Кузора.

– Поведем борьбу с пьяницами. Хороший будет реферат. Я вас за язык не тянула. Такой реферат необходим. Не уходите от ответа.

– Вот была бы я сейчас коммунисткой...

– Надо чаще освещать лесную промышленность. Приносите в мой кабинет цветы. Так оборудуем, что даже все райкомовские товарища ахнут.

– У меня жена с детьми из Игирмы приехала, – подал голос Юра Перфильев.

В уголке две дамы продолжали хихикать.

У каждого нашлись дела. Нужны ли были эти занятия? Мне нет. Просто надо было убить время. Как серьезно они относились к занятиям, так я не смогу. Но и я отличился. Написал реферат о сантехниках, о честности руководителей. Даже Добышева ахнула.

– Вот это дал! Какая у него артистичность! Я же знаю этих руководителей. Умный человек прочтет и поймет, а дураку не обязательно знать. Да и не поймет. Ловко ты в реферате наврал. Твои все материалы надо читать между строк. Молодец!

– Ну, почему же? – возмутился Демидов. – Реферат написан отлично. О настоящих и честных руководителей с его бывшей организации.

В райкоме партии мой реферат понравился. Хвалили. С такими, мол, людьми можно хоть завтра войти в коммунизм.

Добышева схватилась за голову. Сдавленным голосом она прошептала:

– Это что же получается... Тогда они все... Это же страшно....

Молодец, Галина Федоровна.

Кузора только морщился.

Через несколько дней Светлана Зябликова написала реферат на тридцати пяти страницах с обеих сторон мелким почерком. Два часа мучила нас. Её тихий и нежный голосок убаюкивал меня. Уснул. Проснулся от Любиного и Добышевой смеха. Викина только тихонечко хихикала. А я подумал, что надо мной смеялись, что уснул. А они что-то рассказывали друг другу. Светлана обиделась и надула губки. Куклин тоже уснул, зажимая коленками, пустую бутылку из-под молока. Демидов, до предела раскрыв глаза, смотрел на портреты и что-то шептал, словно молился. Я его понял. Он мучился, чтобы не уснуть. Бедный Николай Борисович такую муку испытывать. Кузора ус-

ленно протирали залысины. Я посмотрел на часы – тридцать минут спал. Светлану стали уговаривать, чтобы она читала дальше. Она минут двадцать стеснялась читать. И снова начала читать монотонно и усыпляюще. Сокольниковой хорошо. Она спряталась за очки – и спи на здоровье. И только один раз она вздрогнула и заявила:

– Стрелов, я тебя за язык не тянула. Брось пить и не уходи от ответа.

Потом спохватилась, поправила чудные очки и сказала:

– Извините. Извини, Светлана Ивановна. Реферат изумительный. Я просто заслушалась. Закончили читать?

А надо сказать, что от Зинино голоса, Василий Петрович вздрогнул и выронил бутылку, а с носа очки упали на пол. Он громко ответил:

– Я не уходил от ответа! Не уходил я!

От такой похвалы, Сокольниковой, Светочка ещё сильнее застеснялась и ответила:

– Извините, но я только половину текста прочла.

Демидов застонал, а у Зины очки тоже, как и у Васи, упали на пол... Вася сидел рядом со мной. Через некоторое время, я услышал тихое и сладкое посапывание...

Кстати, надо сказать, что Зина Сокольникова отказалась писать рефераты. Говорила, что всё это несерьезно. Неужели реферат Светочкин серьезный? Или она, как и я хохмила? Тогда я могу Зину уважать. Значит, она играла. Тут можно запутаться. А если всё это серьезно? Тогда что это? Я с Сокольниковой согласен. Это несерьезно. Тогда зачем? Какой в этом смысл? Отчитаться перед райкомом партии? А если и там всё это воспринимают серьезно? Кто мне запретит играть в серьезность? Порой мне становилось страшно.

Шутить разучились, а игра на серьезе перешла в привычку, в жизнь. Например, мой друг Геннадий Кочев называл меня прекрасным артистом из народа. А писатель Вячеслав Шугаев говорил, что у меня талантливый характер, как и сама талантливая судьба. Побыв рядом с райкомом партии, я понял одно, что моя серьезная игра просто детский лепет с игрушками из серьезных

кабинетов. Одно понял, что отсюда надо бежать. Надо терпеть. До пенсии по северному стажу оставалось каких-то три месяца.

И когда рассказал Геннадию и приехавшему к нам в гости писателю Вячеславу Шугаеву, то он протестовал:

– Ты опять влип. Ты вечно попадаешь в какие-нибудь истории. Надо терпеть. У тебя сын. О нем подумал? Ваш райком хочет избавиться от тебя. Провоцируют на скандал. Говоришь, что два раза уже падал в обморок? Скажи кому. Не поверят. А я верю. Знакомо. Сам такое испытал. Ещё хуже будет. Терпи. Твоему сыну учиться надо. О нем подумай.

Кто-то из наших журналистов пожаловался на меня, что я статьи не пишу, а только очерки, зарисовки и фельетоны. Меня вызвали в райком, и запретили писать, кроме статей. Как я знал и слышал, такого в редакции не было. А тут на меня пошли жалобы. Кто-то из наших журналистов начал вокруг меня травлю. Этого человека я знал, но молчал. Ни в моем характере отвечать на жалобы и разные там пакости. Этот человек помог сместить с редактора и Демидова, и отправить на пенсию Куклина. При Демидове и Куклине мне в газете работалось легко и свободно. Теперь мне запретили писать то, что нравилось мне и читателю. Мои очерки, зарисовки и фельетоны стали раздражать редактора Шапкина. Я хорошо понимал, откуда идет подпольная волна против меня.

В общем, политические занятия прошли блестяще. Взбодренные идеей развернутого социализма, и перехода к коммунизму, и выдержками из речи генерального секретаря партии Черненко, а также горячим чаем, мы весело шагали домой.

А вот как проходили наши рабочие занятия, или ещё их называли коммунистическими пятницами. Сейчас попытаюсь об одном из занятий рассказать. Узнавал, везде они такие были.

Начальник некоторым рабочим раздал бумажки, какие надо задавать вопросы высокопоставленным руководителям. А они были или от райкома партии или от парткома. Уговаривал начальник нашего участка слесаря Домоашенкина.

– Ну, выучи наизусть этот вопрос. Прошу – выучи. Не подведи наше начальство перед райкомом партии. Они будут на занятиях.

– Не подведу. Однако, тово... как ево... Лучче бы я вагон разгрузил, чем говорить. Не умею говорить. Пусть Стрелов говорит. Он на это дело мастак.

– Ему нельзя. Запретили.

Домашенкин взял листок и долго смотрел в него, шевеля губами, и двигая косматыми бровями. Потом закрыл глаза и пробубнил:

– Однако, тово... этова... какая...будет завозитца...Завозиться? Надо же!

Он открыл сначала один глаз и долго смотрел в листок, резко открыл другой.

– Завозиться...цэн...лиза... Чёрт, однако, тово... Как оно мудрено...

– Чего оно мудрено-то? – возмутился начальник. – Будет завозиться централизовано чернозем на места порывов трубопровода. Говори, говори, бестия деревенская! Глухомань ты бестолковая! Ну, повторяй за мной, каналья! Повторяй, дубина! Премию не получишь, если не выучишь! Вот так.

Кеша закрыл глаза и стал шептать:

– Тавда...тьфу! Кавда назем... однако, тово...этово... эта лиза... Ох, эта бедовая лиза...

Он открыл глаза и ошалело посмотрел на нас. Заревел.

– Лучче мне этот назем на дачу! Я бы этот назем и эту лизу на грядку махом!

– Я тебе покажу махом! – закричал начальник. – Пойми, у каждого есть поручения. Я тебе такую дачу устрою! И потом, про какую там Лизу вспомнил? С какой ещё Лизой собрался шашни разводить? О чем это она будет с тобой говорить?

– Кака, Лиза? У меня нет Лизы. У меня есть Валька. Тоже с деревни.

И толстое лицо парня расплылось в улыбке.

– Брось ты мне здесь молоть чепуху! То у него какая-то Лиза, то Валька!

– Я мудрено слово учу. Про центру лизу.

– Тьфу! А я-то думал. Ну, ты даешь! Учи бестолочь.

– Отчево он так называтца? Там в нем назьму много?

– Обыкновенный он. Завозить централизованно. Понял хоть? Чернозем завозить на порывы централизованно. Понял?

– Угу. Дык, этова, как ево... Хотя совсем не понял. Чо он так называтца? Чернозем, он и есть чернозем. Зачем выколупывать-ся? Всё умничаєте? Тока голову умным людям морочите. И некаво выпендриватца.

Начальник схватился за голову и ушел.

– Обыкновенный чернозем, а чо мне голову морочить?

Начались политзанятия. Мне доверили рассказать что-нибудь о Ленине. Даже рассказал, как его пеленали. Потом я сказал, что если бы был жив Ленин, он бы не допустил, чтобы голодали папуасы, и что эксплуататоры совсем замордовали эскимосов на Сейшельских островах. И сошло. Никто не перебил. Я даже голос повысил до срыва, чтобы эскимосы не голодали. Хамов говорил о бережном отношении к строительным материалам. Потом перешли к вопросам. Начальник участка ткнул в бок Кешу Домашенкина. Тот вскочил и заревел:

– Кавды будет завоз навоз... Черный лиза... Чичас я. Забыл. Надо же, захлестнуло. Мудрено оно, слово-то. Чичас я гумагу достану...

Он сунул руку в карман и достал листок. Я у него вытащил тот, а заменил другим. Кеша начал читать.

– Вот. Кавда...когда будет закончена чернуха...чернозем будет завозиться начальникам на дачи... А, где друга гумага?

Он ошалело взглянул на начальника участка. Он опустил голову, и украдкой показал Кеше кулак. Плакала премия.

Записку передали члену райкома партии. Он прочитал и нежно улыбнулся. Но я услышал слова, сказанные Хамову.

– Веселый у вас народ. Хотя и так ясно, кто это написал. У него даже эскимосы живут на Сейшельских островах...

И продолжал нежно улыбаться.

Тут ещё один балбес вскочил и заревел:

– Када наша страна напряглась в последнем порыве к светлому будущему, – а сам косил в бумажку, – нет и не может быть разгильдяйству. Панибратству. Этово, как ево...пьяницам и несунам позор! У меня вопрос. Када...Как на это смотрит райком партии?

Он быстро сел. Жарко парню. Это тебе не мормышки делать. Он дико оглянулся и оскалил зубы. И весь вид его говорил – вот я, какой! Справился, не то, что Кеша!

Представитель от райкома партии говорил долго и непонятно. Потом ему задал вопрос Костя Агапов, один из самых грамотных слесарей.

– Как вы смотрите на то, что, например, начальник соседнего участка на государственной машине весь день возил от магазина комбикорм на свое личное подворье?

Представитель опять говорил о честности, о беззаветной преданности коммунистической партии и советской власти. В общем, на вопрос не ответил. Да, подумал я, товарищи от райкома партии играют вкрутую. А нам запрещают играть. Хотя они деньги за эту игру получают. Хорошо устроились.

Кеша, видимо, решил реабилитироваться. Он задал вопрос.

– На машине рязина лысая. Кавда в мангазине будет рязина?

Ни на один вопрос представитель не ответил. Отвечал только заученными и лозунговыми фразами. Тоска.

И вот, мы, рабочие, остались одни. Потому что в углу курилки стояли запотевшие бутылки в водкой и закуской. Агапов начал трясти Кешу.

– Зачем ты согласился вылезать с таким вопросом? Если не понимаешь, то зачем? Какой в этом смысл?

– Он мне премию обещал. Там слово-то шибко мудрено. Я бы этот назем на грядку. Я бы без всякой мудрости увез бы на дачу.

– Как же ты мог?

И вдруг мне отчего-то стало весело. Я был на удивительном концерте, в курилке, и в редакции. В театр не надо ходить. Да, наш народ деградирует, если хорошо его не встряхнуть, то ещё сильнее поглупеет этот великий народ. В общем, сильно поглупел, и в этой глупости и уснул. И разбудить его вряд ли скоро придется. Его может только разбудить какая-нибудь революция. А сейчас ему так «пользительне» жить. Ничего ему не надо, ничего он не требует, лишь бы брюхо набить и вдоволь водки нажраться. Веселись, мужик! Пришел я домой, а веселье-то и пропало. Сел я у окна и заплакал. Плакал от того, что почти все поглупели с этими лозунгами о сияющих вершинах, плакал от

бессилия, что ничего я своей правдой не добился, своей жизнью ничего хорошего для людей не сделал. Плакал от того, что остался, в общем-то, в одиночестве. И моя пройденная жизнь пред пенсионного охلامона ничего не приобретшего, и оказалась никому не нужная, осужденная за то, что не шел со всеми в ногу. Что мне делать дальше? Как жить? Кто подскажет? Никто. Есть у меня последняя отдушина, в которую мне хочется свободно подышать, и почувствовать себя свободным. Отдушина – мои мысли. Мне так и хочется в своих мыслях прорваться в фантастический мир, и почувствовать там настоящим человеком. И эту мою последнюю отдушину пожелают заткнуть, законопатить. А вот вам, дудки! Кукиш вам с маслом!

Кажется, задремал, а может и уснул. Надо же, реальный сон. Вот она деревня Коршуниха. Её давно нет. На её месте котлован. Эскаваторы добывают здесь железную руду.

Да, это деревня Коршуниха. А вот дом Михайловского на берегу речки Коршуниха. Огромная черемуха вся в цвету, похожая на снежную гору. Под ней стоит длинный стол, лавки. После работы вечерами здесь собирается молодежь. Стройка, где я работал плотником, и строил город, в трех километрах от деревни. Сюда мы приходили в баню, а после неё, конечно, по желанию, в маленьком магазинчике мы загрузались водочкой. В этом магазинчике только и помещался Вася и разные продукты. Отпуская всё через окошечко. Он и жил там. Для него не было выходных. По требованию он и ночью продавал, что надо для человека. Потом мы шли под легендарную черемуху. Если кто начинал шуметь, дядя Ваня Михайловский, высокий, сухопарый, но жилистый и крепкий, брал молодца и окунал в горную речку, чтобы охладить и успокоить парня. Пьяным дядю Ваню никто не видел. Малоразговорчивый, насчет пьянки, он нам говорил:

– Душа – мера.

И вот я снова в деревне Коршуниха. На лавке, в полном одиночестве, лицом к речке, сидел дед. Цвела черемуха. Было слышно жужжание пчел, и как на камушках перекачивалась горная водичка, в тайге было ещё слышно, как пели и радовались весне птички.

– Присядь, молодец, – пригласил он. – Тяжко тебе, Юрий, тяжело.

– Здравствуйте. Откуда вы меня знаете?

– Мне ли не знать.

– Тогда, кто вы есть?

– Тебе обязательно знать?

– Я если что, не знаю, или не понимаю, мне надо знать и понять.

– А иначе?

– Буду страдать. А зачем мне это? Мне надо знать и понять.

– Может, я и выбрал тебя.

– Для какой цели? У нас есть весьма грамотные, интеллигентные люди. У меня всё это отсутствует.

– Не прибедряйся. Тебе этого не надо. Я уже тебе говорил, что ты человек откровенный и странный с другой стороны. А с какой? Многим это непонятно. Поэтому, некоторые и говорят на тебя:

– На этого Стрелова надо ещё посмотреть с другой стороны.

– А чего это на меня смотреть с другой стороны? Какой уж я есть. Если на каждого человека посмотреть с другой стороны, то окажется, что он совершенно другой.

– В точку попал. Именно другой. А какой он другой, вот, где загадка. С другой стороны он сложнее и откровеннее. Сидел ты сегодня у окна и плакал. Это были твои слезы откровения. Настоящие слезы. Ты из тех людей, которого невозможно заставить плакать. И вот ты плакал. Наступил в твоей жизни тяжелый момент. Могу только поддержать. Мне ведь не безразлично, что творится в моем краю.

– Это так, – ответил я. – Хотя какой он там, никогда не признается. Это одно. Тогда у меня возникает вопрос. Почему ты так серьезно говоришь, что это твой край. Почему он твой?

– Не догадался? Хотя прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Мы ведь только что с тобой говорили об откровенном человеке с другой стороны. Так вот, ты, если на тебя посмотреть с другой стороны, всё понимаешь. Понимает тот, что находится с другой стороны. А тот, который повернут ко всем, изображает из себя непонятного, или боится признаться, что всё понял. А что

скажут люди? А вот тот, человек в тебе, что с другой стороны, он не врет и не увильивает, он и есть откровенный. Он не лжет. Если ты когда-нибудь начнешь работать над новой рукописью, а это произойдет, так и назови – откровения странного человека с другой стороны. Вот это будут настоящие откровения. Эти откровения твоей жизни и твоей судьбы. А если вдруг ты захочешь ещё более пооткровенничать, ты тоже начнешь сочинять уже другие рукописи. Там тоже будут твои откровения с твоими отступлениями в мистику и фантастику. Всё идет к этому. Ты будешь вынужден отправляться путешествовать в другие миры, где ты будешь тем, кем ты всегда хотел быть. Свободным. Вот там будут тоже откровения. Но уже в те откровения не всякий читатель будет верить. Мол, Стрелов, там нафантазировал. Хотя всё там будет происходить в реальности. Так ты устроен. Вот ты такой странный человек с другой стороны. И вот эти два понятия, два человека в тебе и борются друг с другом. Тот человек, который находится с другой стороны, и помогает тебе откровенничать в твоей новой рукописи. Будет помогать сочинять и другие рукописи, где ты будешь путешествовать в другие миры. А тот человек, который повернут к людям, даже ты и не предполагаешь, будет защищать, и прятать человека с другой стороны. Соединиться им, не дано. Так устроен человек. Хорошо ещё то, что ты понимаешь, что есть в тебе другой человек. Когда-то ты философствовал на эту тему. Что, мол, живет в человеке второй – Я. И что между ними идет невидимая борьба. Вот тогда-то я тебя и приметил. Бывший бродяга, уголовник, и вдруг так рассуждает? Вот тогда мы с тобой и встретились в деревне Коршуниха. Ты тогда об этом правильно рассуждал. Я тогда тебе помог в твоём рассуждении, но ты тогда не догадался.

– Я иногда вроде слышал твой голос, – ответил я.

– Слышал. Приходилось иногда вытаскивать тебя из дерьма.

– У меня вопрос, как вас звать? И кто вы? Дух края Илимского? Или что ещё такое мне непонятное.

– Узнаю Стрелова. Если возникает для него что-то непонятное, он желает понять. Иди, отдыхай. Хватит с тебя. Сейчас задал вопрос тот в тебе человек, который повернут к людям. А тот человек, что с другой стороны, он всё понял и знает, кто я есть.

Теперь и ты знаешь. И как говорится по-простому, нечего выпендриваться. С тебя этого хватит. Всё.

Какое-то наваждение. Что же это было? Кто же этот дед? Стоп. Сейчас задал вопрос только что плачущий я. Скажи, кому про этот сон, скажут, Стрелов блажит. Опасно. Итак, ясно, кто этот дед. Вот только имя его не знаю.

ИЛЛЮЗИИ НОВОЙ ЭПОХИ

В отделе появилось много цветов. К нам зачастили райкомовские товарищи. Мне всё это не нравилось. Начались отметки дней рождения с обязательными подарками и чествованиями. Не проходил на моем теле зуд, и почему-то стала отниматься левая нога.

Я любил тишину. В нашем кабинете началась бестолковая суета. Любители суеты порой умышленно создают её. И тогда я шел в кабинет к Светлане Зябликовой и Юрию Перфильеву. Здесь я духовно отдыхал. Здесь не было суеты. Мы не говорили о пленумах, о съезде, о развернутом социализме, а также о социализме с человеческим лицом. А говорили о человеке, его душе, о любви.

Ясно, что все пороки возникают от темной силы. И её надо победить в самом себе. И это сделать труднее, чем сделать добро. Только покаянием можно изгнать из себя зло. Это надо знать, что зло сильнее добра. Зло в человеке расширяется, заражает весь организм, в том числе и мозг. Лица этих людей бледнеют, под глазами темно. А если ещё пробивается и зависть, то это страшнее зла, то такой человек неизлечим. Его насквозь пропитала темная сила. В последнее время темная сила совершенно осатанела. Вспомнил один случай. Когда-то среди нас работал скупой человек. Был он завистлив и злой чрезвычайно. Я где-то вычитал, что если человека поить определенными настоями трав, то можно вылечить от таких недугов. Если он сам не может справиться внедрившегося в него Сатану, то человеку надо помочь. И вот, мы с моим другом Васей Полянским собрали разные травы и настояли на спирте. Получилась темно-коричневая

настойка. Чтобы усыпить бдительность скупого, мы решили угостить его обыкновенной водкой. Он был весьма удивлен, что это мы решили угостить его, да тем более на дармовщину. Он взял меня за пуговицу, взглянул в мои глаза и спросил:

– Скажи, пожалуйста, что вам с Васей надо от меня? Просто так? Не верю! Ну, признавайтесь! Что вам с Васей надо от меня?!

Вася пробасил:

– Мы тебя уважаем.

– Да? – удивился скупой. – Не заметил, чтобы вы меня уважали. Я не открытый и не простой. Я сложный. А чего я должен быть открытым? Какая для меня в этом выгода?

Вася по такому случаю даже на колени грохнулся.

– Пожалей нас! Клянусь своей бабушкой! Просто, решили угостить. Уважаем тебя за твою поразительную и человеческую скупость!

Скупого мы угостили водкой. Пока рановато темной водки наливать. Он даже рубашку расстегнул, ремень ослабил, чтобы больше вошло дармовой колбасы.

– Я, ребятки не скупой, я сложный. Хозяйственный. Сейчас я вам расскажу, как я развожу свиней. Расскажу, как правильно посеять морковку и как правильно пасынковать помидоры.

Скупой несколько дней ходил и переживал. Всё ждал, а вдруг что-то мы у него попросим. Измотался мужик. Мы его опять угостили. Пришла нам одна идея. Угощать скупых и злых. И ничего от них не просить. Их оказалось много. Всех не угостить, но стараться надо. Каждый раз после наших угощений они были взволнованы и насторожены. А вдруг что-нибудь начнем просить? Ничего мы у них не просили, а вот они ходили и переживали.

Обычно после второго стакана они начинали нас трясти, как тот скупой.

– Признавайтесь, бестии, что вы опять надумали? Тут что-то не то. Что вам от меня надо?

– Неужели просто так нельзя?! – кричал я. – Захотелось выпить с тобой!

– Не верю!

– Почему?

– Не бывает так! Не верю! Что вам надо от меня? Хотите полкило мяса дам, но не больше. Умоляю. Скажите!

У этого мужичка в стайке было двенадцать огромных свиной.

– Не надо нам от тебя мяса. Не надо. Неужели ты не поймешь, что мы просто так тебя угостили.

Слух о нашем новом увлечении донесся до Лилии Ивановны. Она разволновалась.

– Опять что-то придумали? Эти люди не поймут вас. Всё равно вы их не воспитаете, и не отучите их от скупости и зла. А зло у них от скупости и зависти. У кого-то там народилось больше поросят.

Когда об этом узнал Саня Вампилов, он весело смеялся.

– Вот это настоящий анекдот из жизни. Вы эту тему о скупом человеке даете мне? Вы же мне подарили анекдот о коменданте гостиницы. Так и этот подарите мне.

– Даем! – хором ответили мы. А Вячеслав Шугаев сжал кулак и сказал:

– Молодцы! Такое могли придумать только двое – Стрелов и Полянский. А теперь напоите вашего скупого вашей дрянью. Может, полегчает ему. Сами хоть пробовали?

– Пробовали. По вкусу настоящая перцовка, – признался Вася. – Стрелов трое суток из туалета не уходил...

– Прекрасно! – воскликнул Шугаев. – Вот теперь ему в самый раз подсунуть.

И мы напоили скупого нашей настойкой. Я понимал, что мне снова предстоит сидеть в туалете трое суток, но ради дела можно пойти на любое испытание. Вдруг эта настойка повлияет на мужика?

Потом этот скупой после трехдневной отсидки в туалете бегал за нами с суковатой березовой дубиной и кричал:

– Я покажу вам, как из меня темную силу вытравить! Подлецы! Я лучше буду с ней, но с мясом, курами и гусями! Вы есть враги народа и всей советской власти! Коммунисты отраву не делают! Сами жрите эту водку в три горла!

– Ишь, какой хитрый! – кричал я. – Я тоже трое суток сидел в туалете! Он в туалет ходил, а мне нельзя? На каком основании мне нельзя?

После этого эксперимента он ещё сильнее стал злее и жаднее. Темная сила в нем, видимо, ещё больше осатанела и закрепилась в нем надолго. Через два года, его увезли в Иркутск в дом для умалишенных. Дело в том, что он продал мясо от пятнадцати свиней, а деньги украли дочь и её муж.

Тут взял Черненко и умер. Сообщил об этом моим товарищам по редакции. Возмутилась Люба Медведева.

– Как вы можете? Если что происходит, исходить должно только не от нас. А может он и не умер? Тогда как? Нехорошо. Несерьезно.

– На улице даже все дворники и сантехники об этом знают. Он ведь серьезно умер, а не схохмил, – ответил я.

– Пусть даже так. Всё это мы должны услышать из уст членов райкома партии.

– Зачем нам жить по указке райкома партии?

Ещё когда умер Юрий Андропов, то мужики с бывшего моего участка приглашали на выпивку.

Люба говорила:

– Ну, почему вы такой? Человек умер, а вам лишь бы со слезарями выпить. Всё у вас, Юрий Иннокентьевич, не как у всех людей. Из вас так и прет рабочий человек. Всё это в вас побеждает журналистику и культуру. Придут из райкома и скажут, вот тогда мы начнем печалиться. Об этом нам ещё из райкома не сообщили.

– Уже по радио сообщили, – ответил я.

– Пусть. Когда нам сообщат, тогда начнем печалиться.

Печалились только по указу. По указу печалились и плакали.

Многие в тот день плакали, так как безвременно ушел из жизни великий ленинец и последователь дел Брежнева. Ну, а райкомовские товарищи, так это сплошная туча. Хотя я в эту тучу не верил, как и в показательные слезы. Артистичность всех обуяла.

Меня всегда удивляло то, что как близко у этих людей находились слезы. Правда, когда умер Черненко, слёз, поубавилось, видимо, они все высохли.

Весной началась новая эпоха. Перестройка дошла и до нашей многострадальной тайги. Когда начался бум против пьянства, в кабинет вбежала Зина Сокольников, вся озабоченная и даже помолодевшая.

– Дождались! Радость-то какая! Ну, держись, алкоголики! Стрелов, где ты? Давай организовывай сатирический номер. Будем чистить пьяниц и разгильдяев!

– Чему радуешься? – спросил Кузора. – Я хоть и не пью, но против этой оголтелой компании. Вот посмотрите, что принесет нам эта перестройка. Разор полный начнется.

– Секретарь райкома партии Ковшаров сказал, чтобы мы организовали рейд совместно с милицией. Пошли, Юра.

– Иди сама. Ещё не хватало, чтобы я с милицией шел плечо в плечо. Караулить бедных мужиков? Мне самому нужна бутылка, чтобы немножко лязнуть с моими товарищами из бригады.

– Как так можно? Конкретно, Стрелов. Идешь со мной?

– Нет! – отозвался я.

– Да, товарищи, началась перетурбация, – не унимался Володя Кузора.

– Ну, а я пойду в магазин. Интересно будет посмотреть, как мужики давиться будут и топтать друг друга. А как любопытно!

– И меня туда хотела ради любопытства?

– Для интереса.

– Одна из-за своей карьеры всех организовывает для хохота в кабинете, когда приходят туда райкомовские работники, другая тащит других в магазин ради своего удовольствия. Делайте всё сами, одни. А нас-то всех, зачем тянете за собой?

– Вам этого не понять. Ну да ладно. Проехали.

На улице увидел мужиков со своего бывшего участка. Собирались, будто наше начальство выпило специальное лекарство «Озверин». Осатанели совсем. Дисциплину бросились отлаживать. Провинившихся рабочих повезли на собственные дачные участки. Землю под картошку копать. Попробуй, откажись – замордуют. Заставят сдавать экзамены по технике безопасности.

Постановление по дисциплине, борьбе с пьянством и несунам опять ударило по рабочим. Поймали милиционеры мужика. В люльке мотоцикла оказался мешок стружек. Заставили вывалить на обочину дороги. У другого мужика нашли в люльке мешок черной земли. Вывалили.

Из моей бывшей организации инженер Хамов речь закатил о несунгах. Он поклялся на трибуне, что будет ловить рабочих за украденную горсть гвоздей. Руководителей без чести и совести полностью поддерживали конторские и профсоюзные деятели. Я уж не говорю о партийных. За минутное опоздание на работу – сдача экзаменов по технике безопасности, снижение разрядов. Под строгим наказанием запретили пить чай на рабочих местах во время перекуров. За распитие чая наказывали на равных, как за распитие спиртных напитков. Председатель профсоюза в нашей организации Маруся Прицелова и ещё одна активистка Дуняша Рыжикова по партийной линии додумались до одного эксперимента. В те времена многие вот такие активисты такой опыт внедряли в свои организации. Я узнавал потом. Это внедрялось по всей стране. Маруся и Дуняша сначала спрятались в раздевалке столовой среди грязных телогреек, а потом за бочками с мусором и отходами. Часа три они сидели среди телогреек и записывали тех, кто слишком долго обедал или находился в туалете. Записывали и тех, кто неуважительно говорил о том постановлении, о дисциплине. Одна из активисток упала в обморок, надышавшись среди телогреек. Увезли в больницу. Маруся и Дуняша ходили на рабочие места и заглядывали в бочки для воды, в чайники. Вдруг там обнаружат чай! Это был настоящий, исторический факт. Я ездил по району и навидался такого безобразия, что меня брала оторопь от такого дурашлепства. Кстати, Маруся Прицелова перестаралась, и её увезли в дом для умалишенных. А Дуняшу Рыжикову прямо за бочками с отходами хватил сердечный приступ. По этому поводу наш начальник Язавасбудуматько сказал, что они «сгорели» на работе. Такие случаи от перестарания случались во многих организациях.

На каждом собрании начальники участков и цехов кричали о честности, что даже трибуны не хватало. А в это время провинившиеся рабочие трудились на огородах и дачах этих руко-

водителей. Этим рабочим ставили рабочие смены. Как можно было говорить о богатстве нашего государства. Воровство шло по всей нашей многострадальной стране. Если кто возникал против таких руководителей, которых это постановление не касалось, то заставляли сдавать технику безопасности, или создают невыносимые условия, и человек вынужден уволиться.

У нас говорили, что капиталисты эксплуатировали людей. Капиталисты хоть что-то платили за труд. Наши эксплуататоры – ни копейки из собственного кармана. Рассчитывалось с рабочими государство за этого прохиндея. Мало я когда-то грабил их и порол кнутом! Мало! Их ещё больше расплодилось наглых и вороватых. И стал у нас феодально-крепостнический строй. Всех их надо было судить, а они уходили на пенсию с почетом и с наградами. За крупными феодалами оборзела и мелкота.

Главным вдохновителем, конечно же, был райком партии с неприкасаемыми членами. Перегибы продолжались. Все двери в наше огромное здание, в котором, кроме райкома партии, райисполкома и редакции, находилось много и других контор, закрыли на замки. Одну дверь оставили открытой. В дверях поставили надежного стража – одного из райкомовских товарищей Степу Вертухаева. Утром останавливали опоздавших на работу. Записывали в журнал. Заловили и нас, журналистов. С утра, как правило, мы прошлись по объектам для сбора информации. Я в то время начал писать репортаж со строящегося дома. Приходилось рано встречаться с рабочими, чтобы до обеда написать репортаж. На следующий день секретарь райкома партии Ковшаров даже кулаком по столу приложился, что, мол, журналисты опаздывают на работу, а что теперь взять с рядовых служащих. Плохой пример мы подаем. И что в кабинетах не должно быть никаких чаепитий. А я на зло принес самовар, два запарника, индийский чай. Заварил его и пригласил всех редакционных товарищей.

В это время такое постановление было в пике. Все юбилеи, дни рождения, и даже свадьбы в приказном порядке проводились с чаем и компотом. Даже во всех газетах сообщалось, что в таком-то городе отмечали свадьбу без алкоголя. Правда, потом, в укромном уголке, стоял распивочный столик, а на нем водка.

Подходи, наливай и пей. Друг от друга прятались, хотя прекрасно знали, что в том уголке можно выпить водочки. Всё вокруг процветал обман и очковтирательство. Был полный абсурд. И куда-то мы все катились. Даже простой слесарь-водопроводчик и дворник понимали, что такое безобразие долго продолжаться не может. Всё двигалось к разрушению. Я – человек рабочий. Даже в редакции я чувствовал себя рабочим. Как и все рабочие, понимал, что всё идет к разрушению. Но этого не понимали райкомовские и обкомовские товарищи. А, возможно, и понимали, чувствовали. Но пока есть сытая кормушка, надо возле неё и толкаться. Поэтому, когда только ещё сытая система готовилась к разрушению, многие товарищи из этих контор ринулись в бизнесмены. Как говорится в народе – кто успел, тот съел. И всё-таки, я был прав, пусть не обижаются на меня бывшие товарищи из этих контор, они были затаенные игрушки. Я им никому не верил, и всегда говорил, что они артисты. Это они потом будут кого-то выискивать, сваливать на других беды страны, даже многие из них назовут себя демократами. И начнется между ними борьба за власть, чтобы придя к власти снова творить безобразия и плодить миллионеров и миллиардеров. Всё это будет потом. Всё шло к этому. Я нисколько не верил как райкомовским товарищам, так и обкомовским. Я не верил в искренность товарищей из правительства нашей страны, и товарищей из центрального комитета партии. Все они изолгались и устарели. Порой мне становилось страшно от того, что кто нами везде управляет, начиная от райкомов до Москвы? Как на духу, от бессилия порой мне хотелось плакать. Но я виду не подавал. Когда мне давали отпуск, то я уходил в тайгу, прятался от людей в зимовье. Для меня это была отдушина. Писал свои откровенные книги, перемешивая реальную жизнь с мистикой и фантастикой. Это тоже была отдушина. В этих рукописях я уносился в другие миры, и жил там счастливо и свободно. Именно из-за этого счастливого момента я не придумывал чужое имя и фамилия. Я там был Юрием Стреловым. И в этом меня надо понять. Там я реализовывал себя. Мне так хотелось, чтобы и в нашем мире было такое же. Но, к сожалению, мои мечты о прекрасном мире не сбывались.

Вот что мне сказала Медведева:

– Мы с вами подходим ко всему демократично. Будем потихоньку пить чай и приглашать райкомовских ребят. Только самовар поставьте под стол.

Самовар я не спрятал. К нам забежали райкомовские ребята, и пили чай. Но никто нас не заложил. Здесь мы с Любой объединились против глупостей. А ещё мы купили коньяк. В одном запарнике был чай, в другом коньяк. Тот, кто нас мог заложить – поили чаем, если кто был надежен – угощали коньяком.

Кстати, новый редактор Шапкин вдруг стал играть в демократа. Стал печатать мои фельетоны и сатирические рассказы. Все они были посвящены руководителям-расхитителям и эксплуататорам рабочих.

Один из них сказал:

– Разбушевался анархист. Пора бы унять.

– Пора, – ответили в райкоме. – Хватит. В райком не ходит. Нехорошо. Даже в очерках усматривается критика на коммунистов. Нехорошо.

– Вы правы, – ответил Шапкин. – Мне надоело за него отдуваться. Его фельетоны стали меня раздражать.

– Он критикует честных тружеников! Пора унять! Он против советской власти. Пора.

На меня шли жалобы в райком партии и в редакцию. Руководители и их подхалимы собирали подписи против меня, чтобы убрали меня из редакции.

Мне стало надоедать сидеть в кабинете, видеть райкомовских товарищей. И когда они заходили в кабинет, то я убежал.

Мотался по району и не находил место. Как-то я попал в один из леспромхозов. Грузчики леса только что пообедали. Они сидели за длинным столом и играли в домино.

– На работу устраиваться? – спросил рябой мужик.

– Угу. Обещали устроить, – ответил я. – На трактор, а может и на лесовоз.

– Трактор дадут, – стукнул костяшкой пожилой мужчина в расстегнутой рубашке до пояса.

– Почему не на машину? – спросил я.

– Там только по блату.

- Причем здесь блат? – прогудел рябой мужчина.
- А так, – не сдавался пожилой. – Машину угробит. После проверки – пожалуйста.
- Да брось ты, Евдокимов, вечно у тебя всё не так, всегда у тебя снится блат.
- Слушай, – грохнул по столу костяшкой Евдокимов, – слушай Рогаль. – Блат завсегда был. Ты вон, какую харю наел. Директора возил целыми днями, да крал вдоволь. Вместо тебя нового взяли. Тоже харю наедает. Что изменилось? Блат нашу страну разъел.
- Ты опять за своё, спокойно сказал Рогаль и посмотрел на дверь. – Ты уже отсидел на зоне за такие слова. Мало? Опять упекут. Ты против советской власти.
- Ну, поехало. Я против таких людей, как ты.
- Иди против меня. Нас много. У меня всё есть, а тебя ничего нет.
- Рогаль, что ты за человек. Не дадут машину.
- Такой вопрос должна решать бригада, – вмешался я в разговор.
- Бумага решит, – ответил Евдокимов. Его широкое лицо не вязалось с худеньким телом.
- Там, где я работал – бригада решала, – соврал я. Надо было что-то говорить.
- Счастливые. А к нам за что?
- Зубы показал.
- Вот, – заулыбался Евдокимов и хитро подмигнул мне. – У меня вся жизнь на зубах. Правду у нас не любят. Выступал. Спрятали на зону. Откинулся. Здесь тоже начал выступать. И вот я здесь. Нам надо было директора по голосам выбрать. Мы хотели технорука, а нам дулю показали. Со стороны доставили. Постарались в райкоме партии. Как голосовали? Очень просто. На то собрание выбрали делегатов, вроде Рогалья. Вот и выбрали.
- Хозяин в районе райком партии, – не сдавался Рогаль. Мужики пили чай и молчали.
- Мне плевать на твоего хозяина, товарищ Рогаль.
- Тише. Тут человек.

– Когда я кого боялся? Это же вы все боитесь. А у меня из лагеря остался лозунг. Вот я по нему и живу. Вот он. Не верь. Не бойся. Не проси.

– Вот поэтому ты у нас в грузчиках. Вдруг, там, наверху, что-то изменится. Мне ничего, а ты опять на зону

– Всё может быть. Такая уж наша страна.

– Работал я в Коршуновском ГОКе, – сказал молодой грузчик. – Что-то не то сказал своему начальнику. Заставили сдавать технику безопасности. И вот я здесь. Мужики не поддержали меня, а я ведь их всегда защищал.

Знакомо.

– Вот так и молчат все, – сказал Евдокимов. – Наш новый директор сказал нам, чтобы мы меньше думали, а работали. Он за нас будет думать. Чтобы рабочий уработался, пришел домой, нажрался и спать. Как ты думаешь, мужик насчет такого дела? – обратился ко мне Евдокимов. А в глазах хитринка.

– Меня тоже когда-то не поддержали, а я их всегда отстаивал, – ответил я. – Видимо, так нас воспитывали.

– Нас воспитывает партия. Газеты. В нашей районной газете «Маяк коммунизма» трудится в поте лица Ю. Стрелов. Я с большим удовольствием читаю его фельетоны и сатирические рассказы. Вот где настоящая, правда.

– Я бы этого Стрелова из редакции взашей, – перебил Евдокимов Рогаль. – Нет там никакой правды. Над честными людьми смеется.

– Ты считаешь нашего главного инженера честным человеком? На юге дачу построил. Недавно целый вагон леса туда увез. Честный. Он узнал себя в том рассказе. Шум поднял. Если бы он был честный, то он бы не побежал в райком жаловаться на Стрелова. Вот тебе и весь сказ. И до сих пор работает.

– Я что? Может, и он. Все говорят, что он.

– А как ты сам думаешь? – спросил Евдокимов, и опять мне подмигнул. – Не увливай. Конкретно?

Рогаль оглядел всех и тихо ответил:

– Я что? Я, как все. Не надо бы воровать. Похоже, что он. Но я не виноват. Все так говорят. А я как все.

Раскрылась дверь, и вошел технорук. Именно его хотели выбрать директором.

– Я бегаю и ищу вас. Мне из конторы звонили, что вы, товарищ Стрелов приехали к нам. Познакомились? А вот и сам бригадир грузчиков Евдокимов. Вся надежда на него.

– Писать будешь? – спокойно спросил Евдокимов. – Артист.

– Все мы артисты.

– А я что говорил?! – взалб крикнул Рогаль. – Ты что ему говорил? Буду жаловаться, чтобы так корреспонденты не делали!

– Рогаль, Рогаль, – вздохнул бригадир. – Всего ты боишься. Мы просто поговорили от души. Мне бы очень хотелось, чтобы он написал. Я Стрелова сразу узнал. Помню, он в клубе с трибуны выступал. Такую речь закатил, то я подумал, что его за это на зону отправят. Я помню твою речь. А ведь не напишешь, змей, не напишешь. А жаль.

– Угадал. Не напишу. Не разрешат. Кто такое напишет, как у вас по определенной указке избирали директора? Не напечатают. Это ясно.

– Жаль, – вздохнул бригадир.

– Конечно, жаль. А куда денешься?

– Остаюсь. Чаю попьем. Поговорим о работе, – предложил Евдокимов.

– Теперь нет. Врать будете. Я и сам хорошо умею сочинять. За это мне часто и попадает. Напишу положительный репортаж. Всего, ребятки.

– Вот так мы и живем, – ответил бригадир. – Заврались все. А ты побольше на ври. Почитаем и посмеемся. Нам только это и осталось.

С техноруком мы вышли из теплушки.

– Видимо, поговорили жарко, – сказал парень. – Он у нас философ. Вот таких людей нам бы больше. Таких, как он и вы, товарищ Стрелов. К сожалению, их мало. Я уже знаю. На тебя со всех сторон жмут. Но, ведь ты правду пишешь.

– А ты бригадира не отпускай.

– Жмут. Если я уйду – его тут же выгонят. Знаю.

Молча дошли до конторы.

Написал репортаж. Веселый получился материал, бодренький. Не каждому дано понять. Евдокимов и технорук поймут.

Через два месяца узнал, что технорука куда-то перевели. Новому директору он не понравился. В газете прочитал, что бригадиром грузчиков стал опытный и технически грамотный Рогаль. Недавно его приняли в партию. А куда девался Евдокимов? Я позвонил в контору, и оттуда сообщили, что Евдокимов куда-то уехал.

Прав был Евдокимов. Ничего не изменилось. Начали вылазить из темных углов Рогали. Придет время, когда они будут бить себя в грудь и кричать, что они – глашатаи правды и честности! Потом этот Рогали и ему подобный войдут в стачечные комитеты. Потом опять что-то изменится, они снова спрячутся в темные уголки. Таковы уж эти люди.

Евдокимовы, где вы? Отчего вы такие? Надо бороться до конца.

Сидел у своего окна. Устал за день. Написал последний репортаж. Завтра его напечатают. И всё. Завтра я уйду на пенсию. Всё-таки, меня выжили из редакции. Конечно, если бы был редактором Демидов, я бы мог ещё долго работать. Шапкину не нравились мои фельетоны и рассказы. Это и понятно. На него давили как в райкоме партии, так и в райисполкоме. Звонки, письма, шептуны сделали свое дело.

Сидел и дремал. Мне нравилось вот так сидеть у окна и о чем-нибудь думать. Хорошо ещё то, что у меня не отняли думы.

За окном светились звезды.

Кто-то сказал, что человек живет две жизни. Одну часть до пенсии, другую часть на пенсии. Одну я прожил в вечном поиске истины и в вере в Бога. Говорят, что есть люди, которые вторую часть жизни живут более активно и лучше. Главное, как её построить. Сидеть на лавочке? На своей даче выращивать поросят, курей, гусей и пасынковать помидоры? Так я не могу. Завтра начнется моя новая жизнь. Какая она будет? Не знаю.

Странно. Было такое ощущение, будто я не работал в редакции. Это был сон? То, что происходило со мной в редакции, в жизни не должно быть так. Где реальность? Всё смешалось...

Сон. Конечно, это был сон. Я снова увидел деда из деревни Коршуниха. Как я оказался с ним на улице? Мы шли рядом. Во сне, какие могут быть запахи? Но, от деда, несло всеми запахами тайги.

– Не переживай, – говорил дед. – Всё, что происходит с тобой – нужно. Твои нервы на пределе. Со мной ты придешь в себя. Я почувствовал, что от тебя идет тревога. Твой внутренний голос мне сообщил об этом. Пройдемся до вашего многострадального парка. Вот ты и пенсионер. Это хорошо. Прошлого и будущего нет. Их придумали люди. Нет и настоящего. Ничего нет. Старайся так жить, чтобы не думать об этих понятиях. Прошлое и будущее, конечно есть. Для человека прошлое, как сон. А будущее может быть только в мыслях.

– А я и не думаю.

– Хорошо. Есть мгновение и смерть. Понимаю. Грустно. Но, что сделаешь? Потом не будет времени. Поэтому многие и стараются прожить жизнь ради живота, и вокруг этого живота, чтобы была роскошь. Они просто живут, обманывают, крадут и ловчат. Мне скучно с ними. С такими людьми, как ты не заскучаешь. Вот я таких людей в нашем краю и выбираю. Они любопытные личности. Один из них – ты. Ты на меня не обижайся. Я тебя давно заметил, как только ты приехал в эти таежные края.

– Зачем мне обижаться? Какой уж я есть человек с другой стороны.

– Запомнил мои слова? Это хорошо. Ты даже цветы не рвешь.

– Зачем их рвать. Я это давно понял. Цветок, как и человек, должен прожить свою положенную ему жизнь. Пусть живет до осени. Зачем его рвать. Зачем губить эту жизнь? Цветок радость дает человеку. Зачем эту радость губить. Порой я себя ловлю на мысли, а зачем мне всё это? Зачем я такой? Зачем? Не пойму. Стать другим? Как стать? Не знаю.

– Какой ты есть, таким и оставайся. Главное не в том, что тебя окружает, а главное в том, что есть внутри тебя. И то, что внутри тебя и определяет и определит то, что будет тебя окружать. Для беседы я всегда выбирал и выбираю, таких граждан как ты.

– Что? Эксперимент на нас делаете?

– Может и так. Тебе это знать не обязательно.

Мы пришли в парковую зону. Сейчас его здесь нет. Когда строили город, то в этом месте планировали парк. Построили детский городок, была танцплощадка, бильярдная, качели, игровая и баскетбольная площадки. Было футбольное поле. Даже работало кафе «Рудана». Здесь проводились лыжные соревнования и биатлон. Началась Горбачевская перестройка. Парк стал разрушаться. Увозили всё на строительство дач, гаражей, свинарников. Город молодой, а душой становился старым. Мне много раз приходилось выступать в защиту парка. Писал в газету, говорил об этом с трибун. Но меня никто не слушал. Потом меня обозвали придурком, и все успокоились. Перестали печатать мои материалы о парке.

В парке «крепко поработал» один из начальников участка Пантелеймон Данилко. Однажды он мне сказал:

– Строй дачу из этих материалов. Догоняй нас.

– Крысятничать?

– Не знаю таких слов. Мы тебе честно говорим – брось там всякие выступления и догоняй нас.

– Не могу эксплуатировать рабочих. Я ведь не начальник.

– Надо было учиться, и стать начальником. И тогда ты этих слесарей, этих тупых быдл... Ты мужик умный, и неужели не понимаешь, что так жить, как ты живешь – нельзя. Пойми, любая, правда, за нами. Хоть это пойми. Вот такие, как ты, во все века, проигрывали. Мы в любую эпоху выигрывали, и будем выигрывать. Таков закон. Мы всегда были в почете. В душе я тебя понимаю, но не приемлю. Я всегда буду прав.

– Я знаю.

– Вот те раз! Так в чем дело? Зачем тебе нужна такая игра?

– Ты ведь коммунист. С трибун так и хлещешь лозунгами. О честности печешься. Не укради – кричишь. А сам, что делаешь. Это твоя игра, – сказал я ему. Он похлопал меня по плечу, очаровательно улыбнулся, и тут же нахмурился. Ловко он это делал. И вот, что он мне ответил:

– Моя игра – моя жизнь. Если я перестану играть, то я стану таким, как ты. Вот и весь секрет. А я хочу сладко жить. Вот и весь секрет. И наш секретарь и новый будущий, да и все партий-

ные и райисполкомовские и все начальники играют. Пойми и успокойся и начни жить, как все мы, герои из твоих фельетонов и рассказов. Главное в жизни то, что надо умело играть. Пойми хоть это. Пугачевщину не признаю. Была революция в семнадцатом. Ну и что? Где её организаторы и участники? Где? Их уничтожили. А вот такие, как я оказались живее всех живых. Мы выжили в сталинской мясорубке. Мы – непобедимы. Смешно? Нет. По секрету тебе скажу: советская власть стеной стоит за нас Ты её враг. Ты враг моей власти. Догоняй нас. И ты почувствуешь, что какой ты счастливый.

Вот такой разговор состоялся с представителем советской власти.

И вот что мне дед сказал:

– Сегодня твои герои хором кричат о социализме и коммунизме. В этом крике они просто играют. Когда что-то изменится в стране, все они тут же примкнут к капитализму. Сегодня они против церкви, завтра всё изменится. И лучшие пропагандисты побегут в церковь и будут страстно молиться и даже поститься. Такой уж этот народ, который ты освещаешь в своих произведениях.

– Но это же кошмар! – воскликнул я.

– Ты знаешь, что у каждого человека есть биополе. У каждого. Есть такие люди, например, заходят в автобус и несут с собой отрицательную энергию. И ею заражают других. Вот и думай.

– Знакомо. Чувствую такую энергию.

– Тебе это дано.

– А может, мне стать, как все они? Быть как все.

– А вот это тебе не дано. Ну да ладно, как говорит твоя знакомая Зинаида Сокольникова, проехали. Удивительная женщина. Тебя окружают и нормальные люди. Так что, не падай духом. Тебя ещё ждут интересные дела. Отдыхай.

ВСЁ ОТ ЛУКАВОГО

Выйдя на пенсию, устроился сторожем в одну из строительных участков. Пенсия маленькая. Да и сыну Евгению надо было

помогать. Мне не хотелось, чтобы он повторил судьбу отца. В общем, мы жили впроголодь. В магазинах полки были почти пустые. Перестройка довела страну до нищеты. Даже не представляю, как мы жили. Почти все пенсионеры устраивались сторожами, дворниками, разнорабочими. Были и такие, кто был в хороших отношениях с начальством, оставались на местах. Мне же некуда было устроиться, хотя я был крепкий и здоровый мужик. Мог бы и в редакции работать, но я был неугоден райкому партии, да и в редакции кое-кто имел на меня зуб. Звонки сыгнали со мной злую шутку. Меня нигде не принимали. На моё счастье нашелся начальник, который пренебрег на звонки, и принял меня сторожем. Это был мне знакомый лезгин Николай Велиханов. Хотя у него имя было весьма сложное, но все его звали Николаем. Он читал все мои материалы. Он пришел ко мне домой и предложил должность прораба.

– Звонили звонари, – улыбнулся он. – Мне плевать на их звонки. Иди ко мне в прорабы. Будешь моим заместителем. Не нравится? Ну, ты даешь! Иди мастером. Не подходит? Принимай тогда комплексную бригаду. Что же ты хочешь? Сторожем-дворником? Жаль. Выходи сегодня же. Потом я тебя уговорю.

– Понимаешь, Николай, хочу ночами посидеть у окошечка сторожевой будки. Меня надо понять. Ночь. Тишина. На краю города. Рядом тайга. И я один в этой тишине. Одиночества хочу.

– Про деньги ты не спрашиваешь. Знаю тебя. Никогда и ничего не просишь. Даже вот я к тебе пришел. Прошу тебя. А ты вот так. Понимаю тебя. Устал ты воевать с несправедливостью и хамством. Ты мало будешь получать.

– Маленькая, но прибавка нам с сыном. Учиться ему надо. На одну пенсию мы не проживем. Вот она перестройка. Всех задела.

– Не всех, Юра, не всех. Как некоторые товарищи ездили на мясокомбинат, так до сих пор ездят.

– Знаю. Видел. Партийные деятели, что призывали нас к сияющим вершинам коммунизма, посещают гурьбой мясокомбинат. Знаю. Пойми, Николай, они всегда жили при коммунизме.

И всё-таки, я не мог сидеть без дела. Теперь у меня много свободного времени для работы над рукописями. Походил я по строительным бригадам, и написал статью. Редактор Шапкин прочитал и ответил:

– И там не успокоишься? Вот здесь ты критикуешь одного товарища. А он член райисполкома и райкома партии. Его нельзя критиковать.

– А если он безобразничает? Он это всё понимает. И знает, что ему ничего не будет.

Потом состоялось районное собрание профсоюзных деятелей района. Меня туда послал Велиханов, хотя я к этому делу не относился.

– А ты там хорошо выступи насчет своей статьи, – напутствовал Николай.

Вскоре Велиханова снимут с должности начальника и отправят простым мастером. Он не угодил нашему начальству. Не любил обивать пороги.

Все профсоюзные деятели выступали слаженно и красиво. Хвалили районные власти, какие, мол, они чуткие к нуждам трудящихся. Один я выступил против председателя райисполкома и члена райкома партии Винокурова. До этого я видел, в общем-то, доброго, уже пожилого и больного, как он тяжело поднимался на второй этаж, на отчет к первому секретарю райкома партии Ковшарову.

И вот что я сказал:

– Вы, почему идете на отчет в райком партии? Все забыли слова Ленина, чтобы партия помогала советской власти во всем. Они должны перед вами отчитываться. Надо ломать эту систему. А ещё придумали, что нельзя критиковать секретаря райкома партии! Нельзя трогать райком. А я вот вас тронул, как члена райкома партии. Прекратите ходить на поклон!

Профсоюзные деятели зашумели. Как я посмел такое непотребное говорить.

Все выступления записывали на микрофон, меня не записали. И это понятно. Пусть эти мои слова останутся среди этих стен. Я могу только представить, что если бы мои слова дошли до ушей первого секретаря Ковшарова. То, что меня не записа-

ли, я не обиделся. Знал, что мои слова потонут в серых буднях обыденности страшного времени.

Наш секретарь Ковшаров уехал в Иркутск на повышение. И кто его заменил, меня уже не волновало. Все они одинаковые, будто матрешки. На одно лицо, с одними же лозунгами. Что изменилось с этой перестройкой в нашей глухой провинции? Ещё хуже стало. Совсем народ обеднел. В магазинах пусто, одни продавцы стоят с выпученными глазами, в которых отображалась тоска и безысходность. И тоже нечего есть. А если у них ещё есть дети?

Партийные деятели продолжали врать и изворачиваться. Они говорили, что надо перестраивать людей на быстрое построение социализма. Воспитывать в людях честность и любовь к советской власти, и особенно к коммунистической партии, то есть проявлять любовь к профессиональным тунеядцам.

Чтобы показать народу, как они трудятся, а не только болтают, стали кое-кого отодвигать и передвигать. Пантелеймона Данилко исключили из партии за воровство и за эксплуатацию рабочих на своих участках. Хамова уволили за очковтирательство. Уволили с работы и Язавасбудудуматько Я столько лет доказывал, кто они на самом деле. Но меня не слушали. А их от меня защищали именно коммунисты. Все мои герои моих материалов оказались крепостниками. На одной из партийных конференций я хотел выступить на эту тему, но меня на трибуну не пустили. На этой конференции я окончательно понял, вот и пришло время покинуть эту партию. Той партии, в которой я был столько лет – не стало. Она надорвала свой пупок, но пока ещё трепыхалась. Альтернативы этой партии не было. Я не мог жить без общественной работы. А общественником я мог быть только коммунистом. Вспомнил слова Эдика Загуменного, что такие люди, как я и он рвали её изнутри. Если честно, то это, правда. Кому я давал рекомендации? А ведь их принимали райкомовские товарищи. Не ведая и не понимая, кого они принимали, они тоже приняли участие в её развале. Если разобраться, то нас с Эдиком не надо бы винить. Все виноваты.

Со свежей головой, утром, 10 ноября 1988 года я написал огромное заявление, что выхожу из партии. Получился целый

трактат. Приложил к нему партийный билет и отнес в райком партии.

Кстати, секретарь газеты Володя Кузора поддержал меня.

– Если честно, то все мы трусы. Он смело выступил, как и всегда во всем был смелым, честным и благородным. И если такой до глубины души общественник решил порвать с партией, то это должно всех насторожить. И не надо бы его ругать. Он многое сделал доброго для нашего общества. А мы чем ему отплатили? Гонением, клеветой, травлей. Врагом советской власти его назвали. Может, всё наоборот? Он ни на что не смотрел равнодушно. А мы? Мы все виноваты перед ним. Он мог бы ещё работать в редакции, так нет же, скушали и не подавились. Стыдно, товарищи.

– Вам хорошо рассуждать о Стрелове. А что со мной будет? – запечалилась Люба Медведева. – Он ведь мне написал рекомендацию в партию. Что скажут в райкоме партии? Всё. Еду к нему. Он должен обо мне подумать.

И вот она у меня дома.

– Юрий Иннокентьевич, вы обо мне подумали?

– Не понял. А вы здесь причем?

– Как же! – и в её огромных глазах появились слезы. – Что скажут в райкоме? Скажут – кто вам давал рекомендацию? Стрелов. Ваш Стрелов покинул партию. Я же ещё молодая. Мне работать. И вдруг такое. Вы обо мне подумали? Мне могли бы и должность дать, а теперь что? Вы мне всё испортили. О моей судьбе подумали?

– Что я должен думать о вас? Так же нельзя, что вы только и думаете о вашей судьбе. Так же нельзя. Теперь хоть я сам о себе должен подумать. И гордитесь, что когда-то я вам написал рекомендацию в партию. Возможно, я чище ваших райкомовских товарищей. Я ведь не жил ради себя. И не бойтесь. Вашу карьеру я не подмочил. Я тысячу людям написал такие рекомендации.

– Я не из вашей тысячи. Заберите, заберите билет. Я прошу вас. Вы мне всё испортите.

– Причем тут я?

– Подумают.

– Пусть думают. Пусть думают, что как бы им самим сбежать из этой прогнившей партии. Придет это время. Я же ведь не боюсь. Не понимаю. Чего вам-то бояться?

– Подумают. Создадут мнение обо мне.

– Ну, и пусть думают. Им пора самим надо думать, в какую сторону бежать.

– Что подумают в райкоме партии обо мне, – гнула своё Медведева.

– Решил окончательно. Не вернусь.

– Все обо мне беспокоятся. Один вы против меня. Как вы могли пойти на разрыв с партией? Как могли?

Какая она всё-таки, красивая, её сочные губки подрагивали и просто манили меня к ним. По-летнему одетая фигура, словно сошедшая с картин великих художников из эпохи возрождения кружила мне голову и сушила во рту. Моя любовь к ней не проходила, она, будто усиливалась. Она будоражила кровь, стучала в сердце, и моё тело, словно опаленное огнем, наливалась внутренней энергией, которая устремилась к ногам и рукам. Но ради всего вот этого я не мог нарушить своего обещания самому себе – покинуть партию. Ну, не мог нарушить и всё тут.

– Вы бессердечный человек, – тихо сообщила она.

Чем я мог ей помочь? Не хотел я возвращаться в такую партию. Ради любви, скрытой любви к любимому человеку. Если бы кто знал, как я её любил. Порой ночами снилась. Не мог я нарушить своего обещания. Не мог. И опять я виноват. Кто тогда я буду? Сплошная кругом ложь. Конечно, Люба этого ещё не понимала. Она недавно окунулась в ряды коммунистов. А я ведь уже был опытный в таких делах. Хорошо знал, кто в этой партии.

Медведева ушла, так и не добившись от меня о возвращении в её ряды. И вдруг я подумал, ну, ничего, скоро и ты побежишь из неё.

Года два назад я познакомился с хорошенькой женщиной Клавой. За городом мы построили домик. И я иногда уходил туда отдыхать. Клава меня устраивала. Она не вмешивалась в мои дела, не лезла ко мне с глупыми разговорами об урожае. Я этим делом не занимался. Теперь она сама всё готовила и делала. За мной было только строительство. Нам все завидовали. Мы

жили без обязательной ругани и скандала. Я бы мог жить с любой женщиной, потому что я никогда с ними не спорил и не доказывал свою правоту. И этим я ей тоже был по душе. Как и что там, в огороде росло и поспевало, меня не интересовало. Она меня понимала, и всё в огороде делала сама. Порой соберутся мужики у места, где мы все брали воду из трубы, и они обсуждали огородные дела, рассказывали о подрастающих поросят, кроликов и кур. Меня от этого одолевала тоска. Я уходил от них. Иногда я уходил в тайгу, и там я мог часами слушать её, и разговаривать с любым деревом, но только не о поросятах и прочих так нужных вещей на дачном участке. Клава не мешала мне заниматься тем, что мне больше всего нравилось. Тайга и письменный стол. Тогда я усиленно работал над романом «Зона». Я хорошо понимал мужиков. Они все завидовали мне. Некоторые даже злились. А причем тут я? Они помидоры пасынкуют, морковку сеют, кроликов плодят, а я опять виноват? На таких участках, как правило, слышна ругань. Жена устроила мужу разнос, что-то он не так сделал на огороде. И здесь я виноват? Этих мужиков можно понять. Надо научиться, по указанию жены, как посеять морковь и редиску. Надо помочь жене пасынковать помидоры. Некоторые такие отчаянные жены пытались поучать Клаву заставить меня что-то делать на огороде. Мол, их мужики всё делают намного больше, чем они сами. На что Клава отвечала:

– Ещё не хватало, чтобы Юра полез в теплицу? Я сама всё хорошо делаю. Может, я много лет такого мужчину ждала, чтобы он не лез в мои дела, а я в его дела, тем более с поучениями. Я его устраиваю, а он меня устраивает. Вот поэтому мы и живем с ним дружно и счастливо. Вам скажу так, я живу с ним, как в празднике. Вот вам мой ответ. И нечего мне и ему завидовать. Сами вы оба виноваты. Как правильно говорит Юра: всё будет хорошо. Я пасынкую строки. У него такая поговорка. Мы с ним пасынкуем каждый день счастье. А вы пасынкуете зло и зависть. Всего вам доброго.

Вот такая моя Клава.

Мой сын Евгений тоже дал бой бюрократам и партийным тунеядцам. А дело было так. Я хотел это не включать в книгу, а потом подумал, на каком основании я должен выбросить этот

отрезв жизни не только моего сына, но и моего. Его рассказы печатала районная газета «Маяк коммунизма». Потом его рассказы напечатали в иркутском журнале «Сибирь», в областных газетах «Советская молодежь», и в «Восточно-Сибирской правде». Он собрался поступать в Иркутский университет по журналистике. Редактор Шапкин ему написал добрую характеристику. Даже написал в приемную комиссию, чтобы его приняли, как будущего талантливого журналиста. Редактор журнала «Сибирь» Василий Козлов предложил ему поступать в Литературный институт. И с газеты «Советская молодежь» пришло доброе письмо. И вот Евгений поехал в Иркутск. Сдал экзамены. В приемной комиссии был один представитель от газеты «Восточно-Сибирская правда» Русских. Он высоко оценил работу Евгения. Но в приемной комиссии сидели женщины. Председатель комиссии сказала:

– Ну и что, что его везде печатают. В аттестате у него сплошные тройки. Не хватает баллов. Там, в коридоре сидит девочка, его землячка. И она плачет. Я думаю, что он уступит девочке. Мы её примем в университет.

– Нельзя так разбрасываться талантами, – ответил Русских.

Девочку приняли. Я не буду писать её фамилию в память о её талантливом отце. Из той девочки журналиста не вышло. Она просто занимала место. Когда она приезжала в наш город на практику, Володя Кузора откровенно спросил её:

– Девочка, ты зачем пошла, учиться на журналиста? Это не твое призвание.

А в этом деле Кузора разбирался. Он понял, что от этой девочки нет толку. Тогда зачем? А вот что она ответила студентке, приехавшей с ней на практику:

– Журналисткой быть? Фи. Никогда. Мне лишь бы диплом получить. А там найду другую работу, да денежную. Терпеть не могу что-то там чиркать.

Читала её материал одна из местных журналисток, и сказала Володе:

– Из неё журналист, как из меня электрик. Как огня боюсь этой профессии, вот, так и она шарахается и кривится, когда ей дают задание что-то там написать.

Приехал он домой. Надо было где-то хотя бы отработать год, потому что везде прошли приемные экзамены. Работал он и на бульдозере и слесарем, столяром. Любую профессию он с легу усваивал.

– Надо всё попробовать, – говорил он мне. – Я надумал поступать в литературный институт. Для литературы всё пригодится.

Дорabатывал он в одной организации последний месяц. Дело в том, что из института прислали положительные рекомендации от видных писателей Вячеслава Шугаева, Андрея Битова и Анатолия Приставкина. Весьма хвашили его. Геннадий Кочев так сказал:

– Можно твердо сказать, что ты принят. Лишь бы на тройки сдал. Это тебе не институт по журналистике. В литературный институт принимают по трем рекомендациям и по таланту. А у тебя всё это в наличии.

Ко всем документам он приложил, так подсказал Кочев, рекомендация от районной газеты «Маяк коммунизма», от «Советской молодежи», от журнала «Сибирь». Теперь нужна характеристика с места последней работы. Вот здесь-то и началась вся любопытная история. Директором был мой хороший товарищ. Ныне покойный. Я не могу и не имею право писать настоящую фамилию. Просто директор и всё. Хотя он был мне и другом, но мы иногда с ним спорили о будущем нашей страны. Если я был в партии, это и понятно каким я был в ней. Он был настоящим коммунистом, преданным высокой идее будущего коммунизма. Да, и такие люди были. Не за игру, а за настоящую преданность своей идее, я уважал таких людей. Возможно, поэтому я и называл его своим другом.

Директор вызвал к себе Евгения и предложил ему написать стенную газету в честь 1 Мая.

– Передовицу сделай сам. Больше политики, красок. О партии скажи добрые слова. Первомай, всё-таки...

Евгений выпустил такую газету. Вот его передовица: «Кто верит коммунистической партии? Мало осталось таких людей, даже среди коммунистов. Кому нравятся коммунистические праздники? Десятилетиями наша бюрократия сушила их на

солнцепеке истории, поэтому они, превратившись в сушеную рыбу, из года в год, повторяясь своей засохшей сущностью, сейчас мало кому нравятся. Народ любит сушеную рыбу, если у него есть возможность запивать её пивом. Но в нашей стране гигантских дефицитов пиво – огромный дефицит. Коммунисты перестали быть выразителями народного мнения, они превратили свои праздники в скучнейшие процедуры. Они десятилетиями разваливали экономику нашей страны, рвали изнутри свою коммунистическую партию, развращали народ своими воплями и лозунгами, призывами, безумными планами и экспериментами. На совести нашей партии миллионы невинных людей, обвиненных в нелюбви к народу и униженных. Народ обвиняли в нелюбви к самому себе. Партия творила, но творила она политику смерти.

Сейчас она пытается выйти сухой из воды, пробует выкрутиться из совершенно безвыходного положения, которая сложилась для неё в жизни нашей страны и в умах советских трудящихся. Она пытается исправить свои прежние ошибки и перегибы, при этом опять-таки обвиняет свое прошлое и возмечивает настоящее. Но так она всегда поступала, всегда её политика была главной, даже если была ошибочной.

Можно ли сейчас простить её? Можно ли забыть её преступные ошибки? Её нужно судить, нужно казнить тех людей, которые позволяют себе решать судьбы народов. Народ должен сам решать свою судьбу и выбирать дорогу, по которой ему стоит идти. Если сама идея коммунистической партии извращается какими-то людьми, то этих людей надо гнать из партии поганой метлой. Надо очистить ряды партии от всяких прилипал. И потом возродить новую партию. И сама роль коммунистической партии, да и других партий в нашем государстве нужно сделать второстепенной. А на первые позиции должны выдвинуться деловые люди, промышленники, представители сельского хозяйства, культуры, экономисты – народные выдвиженцы, способные в короткий срок передавить всех бюрократов в стране, как тараканов, окапавшихся в канцелярских бумагах. Только таким образом можно что-то изменить в нашей стране к лучшему.

Народу нужна революция! – революция верхами путем жестокого реформизма, направленного опять-таки не против народа, а против его настоящего врага – бюрократов.

Вы хотите праздновать первого мая? Но вам нечего праздновать. Конечно, можно всех поздравить, товарищи, поздравить с праздником, но от этого поздравления ваша жизнь не станет лучше. Вы не виноваты в своей плохой жизни. Вам только можно пожелать счастливого будущего!»

Вот такую передовицу написал Евгений. Произошло это в декабре 1988 года. И за такую передовицу, возможно, где-то и отправили бы подальше на север, на лесоповал. Всё могло быть. Мне ведь тоже грозили Колымой, а теперь и моему сыну такое место обещали наши коммунисты. Мой сын в свои семнадцать лет уже многое что знал и видел, и не хотел молчать. Потому что он был моим сыном, и наблюдал за отцом. Он много читал не только русскую классику, но и вместе со мной запрещенные книги и статьи. На кухне он слышал приезжающих в наш город писателей и обязательно посещающих мою квартиру. Писатели за стопочкой коньяку и за чаем, многое что говорили, но не то, что они говорили в общественных местах, куда их приглашали местные власти. В командировку вместе с ними приезжали и сотрудники от КГБ. Такое было. Писатели умудрялись скрыться от всевидящего ока, и появлялись у меня. Я уверен, что сотрудники знали, куда они ушли, но не искали их. Проявляли благородство и сочувствие к писателям. Там ведь тоже разные люди работали. Могли бы узнать от местных сотрудников, а те бы сообщили мой адрес. Я у них давно был на учете. Конечно, Евгений всё это знал и видел.

В райкоме партии так сказали:

– А чего вы хотели? Его отец всю жизнь шел против партии и советской власти. Теперь и сынок поспел. Немедленно собрать рабочих. Надо разобраться с этим парнем и наказать. Это всё отец виноват. Он его воспитал! Он! И ещё. Надо показать газету компетентным органам. Пусть решают, что с ним делать. Да и отца туда же. Пусть ими займутся, как следует.

Газету положили на стол директора. Прочитав передовицу, он даже закашлялся.

– В моем учреждении и такое?! Как он меня подвел. Ну, я ему устрою поступление в институт. Там его сразу взашей! Да его ни в один институт не примут. На кого он руку поднял?! На нашу любимую партию!

– И на меня, – подсказала конторская дама. – Он меня бюрократкой назвал. А я честная труженица. Он пошел, как и отец, против советской власти!

Собрали коллектив организации.

– Товарищи, – начал свою речь директор. – Сейчас, когда весь наш народ напрягся к последнему прыжку в перестройке к светлому будущему, есть товарищи, которые мешают идти к этому светлому будущему. Я доверил Стрелову выпустить газету в честь праздника. Он меня подвел. Наверное, все прочитали это сочинение. А ещё готовится в институт. Рассказы печатают. Каждый пишущий человек должен, прежде всего, хорошо знать теорию марксизма-ленинизма, историю партии. Евгений всего этого не знает. А берется учить взрослых, честных тружеников. Ему должно быть стыдно за свое поведение. Все рабочие понимают сложившуюся обстановку в стране и сплачиваются вокруг коммунистической партии...

– Вокруг кого сплачиваться? – спросил Евгений. Зачем так лгать? Спросите любого рабочего, как он сплачивается.

– Разве можно так грубо? – спросила ещё одна конторская дама и преданно посмотрела на директора.

– Если в его выступлении сплошная ложь, то почему я должен молчать?

Сюда пришла и Зина Сокольникова. Всё-таки, Евгений с газетой связан. Пишущий товарищ. Она сказала:

– Как я посмотрю, ты готов автомат взять в руки? Так что ли?

– Если вы на этом настаиваете, то я могу и за автомат взяться. И это время придет. Революция скоро будет. И я приму в ней участие, как и мой отец.

В августе 1991 года он будет стоять на баррикадах в Москве.

– Папочка родной. Такой же бунтарь, – сказала ещё одна дама.

– Мы не бюрократы, – сказала конторская дама. – Да и как можно нас сравнивать с тараканами?

– Евгений, ты не уходи от ответа, – сказала Сокольниковая. – Зачем ты это сделал? Зачем?

– Надоело смотреть на безобразия, – ответил Евгений. – Придет время и вашу партию прикроют. Она состоит в основном из тунеядцев.

– Хватит, Евгений, говорить так о нашей партии, – повысил голос директор и посмотрел в угол кабинета. Там сидел представитель от КГБ. Он всё время молчал, и неотрывно смотрел на Евгения. Только одну фразу бросил:

– Как он ещё молод, но весь в отца. Оттуда ветерок.

– Нам бунтари не нужны в нашем дружном коллективе! – повысила голос бухгалтерша и тоже посмотрела в угол.

– Вы называете этот осиный рой дружным коллективом? – спросил Евгений.

– Он нас всех оскорбляет! Надо с ним разобраться! – продолжала кричать бухгалтерша.

– Успокойтесь, – встал директор и прихлопнул по столу. – Ему достаточно выговора. Я ему устрою поступление в институт, что там от такой характеристике вздрогнут. – И он глубоко затянулся дымом от сигареты. Я ему сколько раз говорил, чтобы он бросил курить. Его часто мучил кашель. Он оглядел всех не похмельными глазами. – Выговор. Газету выставить в редакции на показ. Пусть приходят люди и смотрят и читают передовицу Стрелова. И пусть народ его осудит. Мы вот и осудили его. Хватит.

Все, в том числе и рабочие проголосовали за выговор. А ведь за углом поздравляли его за смелый поступок, даже подначивали не сдаваться. Я тоже прочитал его передовицу, и вот списал для истории, для своей будущей книги. В райкоме партии сверкали молнии, и гремел гром. Сынок пошел по стопам отца. Такой же растёт бунтарь.

– Отца и сына отправить на север, на лесоповал на несколько лет! Зона их успокоит! Упечь, мерзавцев, чтобы и другим не было повадно!

Я сказал Евгению.

– Ты на рабочих не обижайся. Их такими сделали, трусливыми и продажными. Всё это сотворили наши идеологи. Ты мне поверь. Если ничего не изменится, то наш народ выродится. Его учат не думать о постороннем, и всему поддакивать. Мне жаль этот народ.

– Папа, но ведь это страшно...

– Знаю. Страшно. А куда денешься? Таков наш народ. Что-то вдруг изменится в нашей стране, и народ начнет меняться. Скорее бы наступило такое время.

Директор написал Евгению характеристику. Он в ней указал, что Евгений не знает теорию марксизма-ленинизма, характера непослушного и бунтарского. Что-то ещё такое написал, что если бы он поступал в институт по журналистике, его бы не приняли. Но Евгений уехал в Москву и поступил в Литературный институт имени Горького. При поступлении в приемной комиссии все удивились такой характеристике. Один старый профессор сказал:

– За свою долгую жизнь впервые читаю подобное. У автора письма как со здоровьем?

– У них у всех со здоровьем плохо, – ответил Евгений.

Пришлось ему рассказывать, как было дело. И всем было весело.

А ещё спросили:

– Не работал ли этот директор в райкоме партии? Уж больно несет оттуда. Стиль знакомый.

– Работал там одно время инструктором.

– Тогда всё понятно.

Экзамен Евгений сдал по всем предметам на «отлично». Да ещё отрицательная и «веселая» характеристика помогла.

После того, как многие узнали, что впервые в нашем городке и в районе бунтарь и отчаянный троечник поступил в престижный институт, началось чудо. Директор сильно расстроился и на целую неделю ударился в пьянку. Недовольные были и учителя. Преподаватель русского языка и литературы откровенно высказалась:

– Как можно было его принять? У нас есть отличники. Они должны учиться в этом институте. А Евгений из двоек и троек

не отходил. Этого двоечника зачем приняли? Как он смог, как они посмели его принять? Его аттестат полный троек. Даже там нет четверки. А они взяли его и приняли. Полное безобразие!

Ещё до института классный руководитель говорила мне:

– После школы Евгению надо идти слесарем работать. На учебу он не годен. У нас есть хорошие ученики. Я даже удивляюсь, как это его рассказы печатают в районной газете, в областных газетах, и даже в журнале печатают? Не понимаю. Надо было бы им нас спросить, что это был за ученик? Читает книги не по школьной программе. Мне передавали, что читает не только русскую классику, но и зарубежную. Читает и запрещенную литературу, какую неведомыми путями доставляют отцу. У нас нельзя читать запрещенную литературу. А что он делает? Нехорошо. Надо бы обратиться в институт.

Одна учительница внесла предложение.

– Этому молодому человеку надо испортить поступление. Как? Уже поступил? Как он посмел? Необходимо написать письмо в институт, что он учился плохо. Спорил с учителями. Отказался учить уроки по политэкономии, по строительству социализма в нашей стране и переходу в коммунизм. И как он посмел писать рассказы? Надо было ещё в школе запретить ему марать бумагу.

Мне неизвестно, отправляли они такое письмо в институт, не знаю. Но, уверен, о чем там подумали насчет нашего городка. Странно, но мне почему-то стало за всё это стыдно. Хоть плач – стыдно за этих культурных, интеллигентных, образованных товарищей. Вот так работала наша идеология. Вот так трудилась наша партия. Странно, но почему я всё понимал, не культурный, не интеллигентный, не образованный товарищ. Всё понимал. Но, почему они такие? Может, они тоже, как и райкомовские товарищи и многие другие товарищи играли? Вряд ли они играли. Им с детства, в школе, в институтах головы морочили и заморочили. Вся эта муть вошла в кровь, в их сознание. Другими они уже не смогут стать. Тогда почему партийные идеологи играют? Что это? Как понять? Грешным делом я тогда вот о чем решил. Такие вот учителя. У них такая программа, да тем более головы заморочены. Но они труженики. Это надо им отдать должное.

Учитель – это тяжелый и нервный труд. Не смотря за головные заморочки, я преклонялся перед их трудом. За такой каторжный труд я уважал их. Это труд, это работа. Это их судьба и жизнь. А то, что попадают отдельные экземпляры вроде семьи Стреловых, это их настораживает, сбивает с толку. И это надо просто понять. Я на них не обижался. Попробуй в то время пойти на сторону бунтарей? Можно было быстро лишиться работы. Значит тоже игра? Но такую игру нельзя равнять с игрой райкомовских работников и других идеологов. Учителя, порой хоть и скрывали эту игру, глубоко прятали её в себе, но это были труженики. Другой жизни они не знали и не понимали. И всё, что было в программе, всё, то, что доставляла им по школам идеологическая машина, они принимали серьезно. Так, и только так и не иначе надо было всё принимать. И вдруг, произошел сбой в отлаженной годами учебной системе с этим Стреловым. Конечно, можно и растеряться. Я поставил себя на их место, и честно скажу, растерялся. Тут растеряешься. Всё необычно, и эта необычность пугала и настораживала. Кто-то курит, кто-то хулиганит, кто-то учится плохо, так всегда было. И вдруг что-то произошло незнакомое и настораживающее. Их ученик такое написал, что взбудоражил всех. Ведь это их ученик. На уроках смотрел в окно, был безразличен к учебе, к оценкам, не принимал участие в обсуждениях. И вдруг этот почти двоечник поступил в такой известный в стране институт. Можно удивиться. И я их понимал. И выступали они искренне. Здесь было не до игры. Всё было серьезно и откровенно. А вот райкомовские товарищи, конечно, отличались от тружеников школы. Их даже нельзя равнять. Райкомовские товарищи – это, прежде всего, политические туеядцы, нахлебники нашего государства, настоящие идеологические враги народа и тех же замороченных учителей. За одних только учителей я никогда не прошу этой коммунистической партии того времени.

Сидел я в своем домике у окошечка, за которым шел пушистый снег. Его мягкие снежинки падали на стекло, и сползали, как тополиный пух на подоконник. И вот я о чем думал. Всё пронизано ложью и лукавством. Кто в нас всё это поместил? Все эти отрицания спрятаны внутри человека. И тогда хочется

выть и рвать на себе волосы и плакать. Хочется куда-нибудь бежать, спрятаться и не показываться, или сидеть целыми днями в домике, который я назвал моим зимовьем. Я часто скрывался здесь. Сидеть и не высовываться. Что я и стал делать в последнее время. Здесь хорошо зимой. В околотке ночью один. Улица пуста. Всё занесено снегом, нет следов.

Такое было ощущение, будто над нашей планетой летал сам Сатана. Темная сила опутала всю нашу Землю. Эта сила кромсала души людей. Видимо, темная сила иногда проявляется весьма сильно в определенные годы.

Вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. В домике никого не было, выскочил на улицу. Нет следов. Вернулся в домик. Включил свет. Никого. Немного стало жутковато. Но я вдруг догадался, чей это был взгляд. Появлялся странный и таинственный дед из деревни Коршуниха. Я давно заметил, что человек должен почувствовать на себе чей-то взгляд. Я, например, всегда чувствую. Иногда пытался разговаривать с людьми на эту тему насчет взглядов. И вот я получал, какие ответы.

– Не бери в голову. Всё это чепуха.

– Что я должен об этом думать? Мне сейчас надо думать, как купить комбикорм для свиней и кур. Вот это думы.

– Мало ли что мне казалось. Давно забыл. А ты взял и напомнил. Зачем?

– Ничего нет кроме человека. Это наша психика.

– Я в ничего и ни в кого не верю. Всё это дохлое дело.

– Мужики пришли, а я бегал водку искал. День рождения, а водяры нет. Вот о чем я чичас думаю. А ты чо мне тут лепишь?

– Как-то, однако, было. Нажрался тада. А так. Чо есть-то? Да ни чо нет.

Трудно разговаривать с людьми на эту тему. Засмеют. А ведь мне надо бы над ними смеяться. Неужели они думают, что ничего нет? Человек – пуп вселенной. Мало думать о свиньях и комбикорме, надо бы думать о чем-то и постороннем. Не желают думать.

Если бы они узнали, что я увлекся христианством, буддизмом, исламом – пропал бы. Засмеяли бы меня. Если бы они разнюхали, что увлекся хиромантией, экстрасенсами, пришельца-

ми из космоса, верю в Бога, и если мечтал построить в городе церковь, то совсем бы пропал от насмешек. Потому что я всё делал не так, как все. Такие люди, у нас всех настораживают. Вот если бы я был политинформатором, лектором, дружинником, а ещё бы записался на курсы кройки и шитья, и включился бы в какую-нибудь комиссию, стал бы членом народного контроля, сошло бы. Всё это наше, родное, милое сердцу поручение. Такое привычно, железно, отлаженное годами, десятилетиями. А то, что я делал и чем занимался, пахивало черт знает чем. Никому не пришло в голову, что мне скучно жить, как живут все. Мне не надо как все. Кому выложить свою истосковавшуюся душу? Кому пожалуешься? Одинокий я в нашем городе. Ищу одиночества в вере в Бога, и во что-то космическое. Мне хочется видеть странные сны от серости жизни и одиночества. Там в этих снах я чувствую себя свободным. Мне не нужен, социализм, капитализм, монархизм. Ничего мне этого не надо. Я просто хочу остаться думающим человеком. Спасибо странному деду из Коршуники. Иногда он спасает меня от одиночества.

Да, братцы, провинция штука сложная. В большом городе хоть можно затеряться. У нас не скроешься. Можно спрятаться в тайге или в моем зимовье.

Как-то я зашел в редакцию. Лучше бы не заходил. Чувствовал же, что там мне делать нечего, а вот взял и зашел.

– Юра, ты подумал о судьбе Любы? – спросила Зина Сокольникова. – Ты есть настоящий эгоист. Взял и демонстративно вышел из партии! Скорее тебя исключили. Вот это вернее.

– Опять надо о ней думать? – спросил я. – В чем нужна моя помощь?

– Ведь может получиться так, что у Любы спросят, кто тебе давал рекомендацию в партию? Ты знаешь, что с ней будет? А ваш, Стрелов, мол, настоящий враг народа и партии. Разве можно так относиться к своим товарищам? Ты демонстративно предал своих товарищей и саму партию.

– Никого я не предавал. Просто вышел из партии. А вы обо мне подумали? Прежде всего, меня спросят. Люба к этому делу никакого отношения не имеет. Я многим давал рекомендации. И что? Они вскоре сами побегут из этой партии, как и вы.

Что и произойдет через три ода. В конце 1991 года Люба Медведева уйдет из партии. Так кто же из нас более предатель?

Концерт продолжался.

– Ты, Юра, демонстративно предал партию, – сообщила Зина.
– Как ты мог? Ты постоянно шутишь.

– Все шутят. А мне нельзя шутить? А рекомендации я давал только шутникам.

– Как так можно было? – спросила Люба.

– Почему никто не задаст вопрос главным шутникам из райкома партии. Все они шутники. Простые люди им не верят. Почему мне нельзя шутить?

– Юрий Иннокентьевич, сидели бы в своей норке и помалкивали. Вы есть пенсионер, – сказала Люба. – Хватит с вас. Идите домой и не высовывайте носа. Не мешайте людям

И я пошел в свой домик, чтобы не мешать шутникам от партии шутить и врать народу.

Хорошо в моем домике. В печке потрескивали дрова, Тепло. Пил чай и думал. Никто мне не мешал думать. В город мне запретили ходить и раздражать людей. Мой уход из партии все восприняли по-разному. Некоторые перестали со мной здороваться, кто-то подозрительно меня оглядывал. Некоторые тайно поздравляли меня. Но я ни на кого не сердился. Это их право относиться к человеку, который живет не по правилам.

И У НАС БЫЛИ СВОИ БАРРИКАДЫ

Меня вызвали в суд.

В августе 1991 года партийные деятели попытались разогнать российский парламент в Москве. Объявили по радио и телевидению постановление ГКЧП. А я сразу понял – переворот, но ещё в худшую сторону, чтобы нас снова загнать в общую зону. Я не мог молчать. В это время Евгений приехал из Москвы на побывку. А тут такое началась. Я ему сказал, что его место на баррикадах. И я хотел самолетом лететь вместе с ним. Ему тут же, как студенту, продали билет. И он принял участие на знаменитой баррикаде. Мне билет не продали. Я подошел к одному

мужичку с подозрительными глазами, Предложил ему двойную цену за билет, а он проявил подозрение. Почему это я столько денег ему предложил? А когда жена узнала, что я хотел отвалить ему двойную цену, то она чрезвычайно обрадовалась. Кто же откажется от такого счастья? Через два дня всё было кончено. В Москве теперь мне делать нечего. И можно только представить, какой скандал устроила ему женушка. Думаю, что ему будет не до купания в Черном море. Я ему отказал. Получилось хуже. А его хватил удар и он слег в больницу. А женушка ничего. Выстояла. Собрала свои вещички и ушла к другому мужичку. Я этих людей хорошо знал. А вот другой мужичок оказался на редкость не только подозрительным, но скупым и хитрым. И пришлось этой женушке опять собрать свои вещи. Это уже другая история. Она так же до безобразия неприятная и скучная.

Ещё в 1988 году я вступил в конфедерацию иркутских анархистов. В нашем районе я был единственный анархист.

Потом здесь появились демократы. Весной 1990 года мы собрались у кинотеатра. Решили вместе со всеми отметить 1 мая. Нас было всего девять человек. Демократы взяли трехцветный российский флаг, а я черно-красный. У каждого из нас были плакаты с агитацией против партии. Что тут началось! Работники редакции шарахались от нас, хихикали. Многие, знакомые боялись подойти к нам. Даже Люба Медведева и Зина Сокольникова стояли рядом и демонстративно не подошли ко мне. Я их понимал. Редакция это ведь орган райкома партии.

Мы, девять человек, шли как в вакууме. Народу было много. До нас трибуна просто дрожала от приветствий в нерушимость партии и горячей любви к ней, и что, надо сплотиться вокруг неё как никогда. Мы шли, а трибуна молчала, не играла торжественная музыка, не били барабаны. Установилась такая подозрительная тишина, что я даже услышал, как в тайге прокуковала первая кукушка, и прокаркала ворона.

Мы шли под хлопанье флагов на ветру.

И тут два пьяненьких мужичка, сквозь толпу и милицейское окружение попытались пробиться к нам. Но, не тут-то было. Их перехватили бдительные женушки. Одна из них схватила своего мужа в охапку. Она работала на железнодорожных путях. Там,

женщины отличались от многих женщин силой и крепким здоровьем.

– Ты куда, змей, попер? Ты хоть знаешь кто они? Это враги народа! Враги советской власти! Ты о наших детях подумал? Верке в институт поступать! Подумал?

Другая женщина откровенно заревела, чтобы все слышали:

– На погибель захотел? Ты посмотри! Это ведь Юрка Стрелов, известный в городе придурок! Церковь в городе хотел построить. Не вышло! Наши руководители во время спохватились. Не разрешили строить.

Один из мужичков пытался вырваться из цепких рук жены.

– Юрка, мы все трусы! Я тебя уважаю! Ты посмотри, какие на трибуне рожи! Всё надоело и обрыдло. Юрка, мне порой хочется нажраться и забыться от нашей никчемной жизни. Ты нас прости. Мы все такие. Нас не переделать. Завтра, Юрка, всё изменится, и мы сразу же изменимся. Мы все такие. Прости нас!

– Сдурел, мужик! – кричала жена, и тащила мужа в притихшую толпу. Я услышал, как она хрипло говорила. – Их милиция охраняет. У нас с тобой дети. Что скажут соседи. Связался с дураками. Ты хоть посмотри, какие у них флаги! Разве можно у нас такие тряпки выставлять напоказ? Позор, да и только. Уймись...

Через некоторое время, когда, выйдет Указ президента России о праздновании церковных праздников, вторая дама, которая смеялась надо мной, что я выступал в газете о строительстве в нашем городе церкви, на другой же день станет самой активной прихожанкой в только что созданной православной общины. Ещё и меня начнет агитировать прийти к ним. Будет требовать, чтобы в городе построили церковь. Как говорил А. П. Чехов устами одного героя – Вот и верь после этого таким людям. Шалишь, не надуешь.

А первая дама станет активной демократкой. Я таким людям, никогда не верил. Что-то меняется в нашей стране, они тут же сразу тоже меняются. Навидался таких людей до тошноты.

Как говорил мой друг Геннадий Кочев, что это настоящие герои нашего времени. В основном, таков наш народ. Его слепили наши партийные идеологи. Но почему я другой? У меня тоже

двое детей. Но ведь я не стал подхалимом. Ведь эти люди уже 1 мая шли в обнимку с партийными идеологами. После августа многие из них будут скрежетать зубами, и брызгать слюной на коммунистов. Некоторые из них говорили мне:

– Ты ведь тоже был коммунистом.

И все умышленно забудут, что я первым был исключен из рядов коммунистической партии в нашем районе ещё в 1988 году за то, что я не пожелал быть в рядах прогнившей партии. Даже сама Зина Сокольникова при мне звонила в райком партии, когда брала у меня интервью для местного радио, правда ли, что я вышел из партии или был исключен. Оттуда ответили, Стрелова исключили из партии, потому что в нашем районе ещё не было слов – вышел из партии. Эти слова появятся потом. И ещё. Многие знали, что я никогда не ходил на демонстрации. На моей работе всегда мне напоминали, что я враг советской власти. Пытался избегать и ленинских субботников. Однажды, меня вызвали к начальнику Язавасбудудуматько.

– Беспартийные рабочие шли под музыку на субботник, а ты коммунист. Ты должен первым идти. Пример показывать. Ты какой пример подаешь? Какой ты после этого коммунист. Гнать тебя надо из партии. А ещё честных людей в своих рассказах высмеиваешь. Не стыдно?

И это тоже было. Может, они из-за того на меня косятся, что они ходили на демонстрации плечо к плечу со своими начальниками-коммунистами, а я не ходил. Обидно им всем за такой промах. Разве они признаются в этом? Никогда. Вот и ищут виновного. А этот виновный рядом. Известный в городе правдолюбец и придурок.

За два месяца до августовской революции я написал статью, и её напечатали в районной газете, что скоро придет конец насквозь прогнившей партии, оставившей после себя кровавый след. Придет время, и райкомы разгонят. Резкое письмо. Как не странно, его напечатали. Редактор Шапкин стал демократом.

Итак, август 1991 год. Прошло совместное совещание представителей от райкома партии и райисполкома. Некоторые из них, конечно, поздно, но что-то поняли, с этой партией надо

что-то делать. Некоторые стали её защищать. Раскололись на два враждующих лагеря.

Узнав такое, я срочно написал большой трактат. Его прочитали в райкоме партии и в райисполкоме. Прочитал его и демократ Игорь Дронов. Он тут же поддержал меня, и тоже написал большое письмо. Игорь стал собирать подписи. Подписалось всего пятнадцать человек. Это было и понятно. А вдруг что-то изменится. Спросят, кто это там подписал? А подать его сюда. В руководстве города и района отметили главных трех товарищей, возмутителей спокойствия. Вот они. Демократы – Игорь Дронов, Александр Смирнов и Юрий Стрелов от анархистов Сибири и Дальнего Востока. Мы выступали по радио, и нас показывали по телевидению. Дело дошло до того, что мы захватили один из кабинетов райисполкома и пригласили туда начальника комитета КГБ, чтобы он отчитался перед нами. Пришлось ему отвечать на неллицеприятные вопросы. В это время из райкома партии позвонили в милицию, что разбушевавшиеся демократы и анархист всех выгоняют из кабинетов. Мы и действительно, предложили членам райкома партии освободить кабинеты и убираться ко всем чертям. Попудрили мозги народу и хватит. Приехало несколько машин от милиции. Остановились у дома администрации. Начальником милиции оказался умным дядей. Решил не вмешиваться. Вдруг в Москве завтра придут демократы к власти? А коммунистическую партию изгоняют. Что тогда? Хулиганства не было. Пусть почешут языками. И милиция уехала на своё место. Молодцы!

Конечно, начальнику КГБ было неприятно слушать от людей, которые у них были на учете. Потом я думал, а что было бы с нами, если бы они победили? Нас ждал лагерь на несколько лет. Один из представителей той конторы, уже потом, сказал мне, что в его портфеле было трое наручников. Нас бы сразу арестовали, быстро бы осудили и на зону. Положение в стране было тяжелое и для таких, как мы, бунтарей, опасное. И я до сих пор думаю, а кто знал о том случае в нашем городе и районе? Многие не знали. Кто и знал, молчали. Ждали. Кто победит? Таков наш народ. Это потом самые молчаливые и трусливые будут много и громко говорить на остановках среди дачников и бабулей. А

поменяйся что-то в нашей стране... Понятно, что будет. Полное молчание.

И всё-таки наше воззвание напечатали. Кроме нас троих бунтарей подписалось ещё двенадцать человек. Резкое воззвание. Некоторые райкомовские товарищи крепко обиделись на нас, мол, мы их оскорбили, и они обратились в народный суд. А вот представители от КГБ не подписались. Это делает им честь. Они поняли, что коммунистическая партия изжила себя, как вдохновитель светлого будущего.

Нам прислали повестки. Назначили день суда. Я написал объявления. И наклеил их на видных местах. Но эти бумаги сорвали. Постарались рабочие подхалимы.

Наступил праздник октябрьской революции. Я взял свой черно-красный флаг и пошел на демонстрацию. Под моё знамя встали демократы Игорь Дронов и Александр Смирнов. Теперь я позволил прийти на демонстрацию. Четверо коммунистов пытались вырвать у меня знамя, но мои друзья демократы грудью встали на защиту его. Один из главных деятелей, уважаемый в городе человек, срывая голос, крикнул:

– Стрелов, ты есть сволочь и подлец! Брось эту погань! Затопчи! И вон отсюда! Мало вас таких в лагерях стреляли! И ещё будут стрелять. Дайте только срок. Всех вас уничтожим, как бешеных собак!

К нам подошли трое рабочих.

– Уходите от греха подальше. Предатели. Всё изменится, тогда куда вы денетесь? Уходите.

Через какое-то время они станут бизнесменами.

А вот те, кто пытался вырвать у нас знамя, стали торговцами тряпок, и побежали в церковь. Через какое-то время, когда я им намекнул, что вдруг социализм вернется, и новые коммунисты придут к власти, один из них ответил:

-- Хватит. Пожили при социализме. А тебя вдохновителя коммунизма, и всех их сторонников – на свалку. Всё с вами.

Как говорится, получилось всё на оборот. Оказывается не они, а мы защищали коммунистов.

К сожалению, хамелеоны живучи при любой власти. Тут же перестроились, а я опять виноват, а они правы. Сплошной парадокс!

В тот праздничный день красиво говорили, бывшие молчуны и подхалимы. Партия делала ставку именно на этих рабочих. Игорь назвал их так: люмпен-пролетарии. Через год эти же рабочие перестроятся, и будут громить в своих выступлениях и социализм, коммунизм, и громче всех кричать. И всё-таки, Антон Павлович Чехов был гениальным писателем.

Итак, состоялся суд. На этом суде с нами оказался и редактор Шапкин. Он ведь позволил напечатать то воззвание к народу пойти против коммунистов. Будь умнее бывшие партийные деятели, они бы не подали в суд на редакцию. Шапкин сначала удивился, потом растерялся, и наконец, разозлился. Он стал доказывать, что, правда, на его стороне. Зачитал строки из закона по печати. Там есть такие строки: «Точка зрения авторов публикаций не обязательно отражает точку зрения редакции». И потом, если бы мы были одни, без редакции, нас можно было бы по-настоящему осудить за некоторые строки, за клевету на милую партию и на отдельных товарищей-коммунистов. А это, всё-таки, коллектив редакции, и эта газета подчинялась райкому партии и райисполкому. Вот где получился бы казус. Получился бы добротный позор. Редактор обиделся ещё на то, что коммунисты указали, что газета перестала печатать материалы партийных работников. Всё было наоборот. Их материалы печатали без всякой очередности и постоянно, а наши печатать прекратили. Тут действительно редактору надо было обидеться. И Шапкин был прав. Он нам сказал:

– Чтобы не раздражать коммунистов, и не приносите больше свои материалы.

И потом, как не напечатать вдохновителей светлого будущего, если редакционные работники были против нас. Конечно, сам редактор попал к нам по своей ошибке. Просто он решил немного побыть демократом. А получилось для него плохо.

В редакцию мне не надо было заходить. Например, Люба Медведева прямо передо мной захлопнула дверь. На лбу у меня образовалась шишка. Она крикнула:

– Нечего тут разным отщепенцам ходить! Сидел бы где-нибудь в уголке и помалкивал бы!

Единственный, кто меня поддерживал, секретарь газеты Володя Кузора. Он сказал:

– Подойдет время, и Стрелов будет прав. Он в нужное время повел себя именно так, как надо. А мы все струсили. Любовь Валентиновна, я чувствую, ты тоже скоро выйдешь из партии.

– Это моё дело, – спокойно и немного задумчиво ответила она. Через месяц она выйдет из партии. А вот хлопать дверью не надо было бы... И здесь я её понимал. К этому времени она была уже заместитель редактора. Здесь надо бы хорошо подумать. Возможно, она уже понимала, что коммунистическая партия шла к развалу. И держаться за неё уже не было смысла. У многих нервы были на пределе. А тут ещё этот появился, негодник Стрелов, бывший рабочий, бывший туняец, бродяга и Черемховский ширмач.

Потом многие райкомовские работники бросят партийные билеты в мусорное ведро, и подались в бизнесмены. Эти товарищи на другой день назвали себя господами.

Зал был пустой.

Один из многочисленных концертов в нашем таежном краю начался.

– Встать! Суд идет!

Зачитали жалобу партийных деятелей. Разборка началась. Каждый из нас вставал и отчитывался, как говорится, произносил речь.

Да и судья по фамилии Казыкин нервничал. Такой суд в его жизни был первым и единственным в районе. И назвали его – политический процесс. Столкнулись две идеологии – старая, коммунистическая, и новая – демократическая. А мне было плевать на обе идеи. Так жить в нашей стране не надо было. Что-то надо было делать. Райкомовские товарищи обратились на нас в суд не только за то, что мы их оскорбили и всю коммунистическую партию, но и обидно было за то, что какой-то сброд восстал против них. Как же, вдруг критиковать вздумали! На кого, мол, руку подняли! Как посмели? Такого ещё в районе никогда

не было, чтобы критиковали сам райком партии! Не позволим! Судить их, чтобы и другим не было повадно.

Как анархист, я был зарегистрирован в Иркутске и в Москве. В то время, в моем возрасте, я был единственный в области анархист, да ещё приходивший на демонстрации в советское время с черным флагом. Как потом сообщили мне из Иркутска, что это был поступок. А вот теперь меня судили. Кое-кто из анархистов Иркутска обещали приехать на этот суд, но никто не приехал. Они не защитили своего гражданина. Решил я остаться один. Прекратил с ними всякую связь. И больше я не пожелал иметь никаких отношений со всеми партиями и разными группами. Сам себе хозяин.

Потом случилось непонятное. Вдруг суд прервали и сообщили, что судья не может нас судить. Не имеет права. Что-то не так написали коммунисты. Ошибочка вышла. Суд не имеет право судить редакцию, и это понятно. Свой политический отдел судить? Это было бы весьма смешно. Сами бы себя высекали.

Коммунисты и тут попытались выкрутиться.

– А мы в заявлении редакцию упустим. Одних этих под суд.

– Ну, это уж слишком, товарищи! – возмутился судья Казыкин. – В таком разе суд не состоится.

– Мы дело так не оставим! – заявили коммунисты. – Они нас опозорили на весь район. Они нам все нервы испортили. Они должны ответить за все наши унижения.

Вот это наглость! Они всю жизнь унижали меня и унижали бедный народ, Даже критиковать их нельзя было. Они привыкли к тому, что жили они в благости и вседозволенности. А теперь, оказывается, мы виноваты?

Они обратились в областной суд, но там пока молчали. Положение в стране было шаткое, ещё неизвестно, что будет дальше.

– Нет никакой справедливости! – шумели в райкоме партии.

– Некому нас защитить!

Судья Казыкин поступил мудро. Он вообще, отказался, что-либо делать со всеми нами. Мы не хулиганили, за грудки никого не брали. За что нас судить? А то, что сошлись две идеологии, это не его дело.

Измотанный до предела нашими партийными деятелями, с резкой болью в сердце, я шел домой.

Зачем мне нужен был этот суд? Мне он не нужен. Его навязали нам партийные товарищи. Они мне надоели. Нет, они не сдадутся. Это в их правилах. Они найдут способ, чтобы нанести нам удар. У них опыт. Молодцы. Только за это можно их уважать. В районной газете печатались только статьи коммунистов и их защитников. Ни одной статьи не напечатали наши демократы. И я перестал печататься. Редактор Шапкин нам просто сказал:

– Не надо бы нервировать коммунистов.

Многие из них выступали по радио. А меня оскорбляли, как хотели. Целые страницы посвящали моей персоне, писали, чтобы меня отправили на Колыму. Умудрились даже напечатать фельетон обо мне.

Люди, окружающие меня, из-за того, что я выступал против коммунистов-руководителей, и за то, что эта партия изжила себя, оскорбляли меня, унижали, некоторые даже с кулаками набрасывались, чтобы избить меня. Я не подавал в суд на этих людей. Я не обижался на них. От всего этого грязного напора, моя вторая жена Клава была в полном расстройстве, даже плакала. Я понимал, что ей было жалко меня. Какая несправедливость к её мужу.

– Юра, как так можно? Они хотели тебя судить всего за одно напечатанное письмо, а то, что творится в газете, где почти в каждом номере тебя унижают, то это тебе надо на всех этих товарищей в суд подать. Господи, как же тебя судьба треплет. А тут ещё на тебя ополчились за то, что ты попытался в городе начать строить церковь...

– Клава, успокойся. Мне просто их жалко. Что-то странное творится с людьми. Может, над всеми идет какой-то психологический эксперимент? Вот они и попали под него...

– Тогда ответь мне. Почему ты не попал и твои друзья и товарищи?

– Мы все разные. Так мы устроены. Мой организм закалился в неурядицах. И мой внутренний мир защищает меня от грязи разной пакости и шелухи. Так я думаю. Вопрос и ответ весьма сложные.

Я не подавал в суд на этих людей. Пусть веселятся. На страницах газеты они получили полную свободу. Мои материалы совершенно перестали печатать. Не знаю почему, но я чувствовал, что скоро они изменятся, потому что должно что-то измениться в стране. Зачем на них обижаться? Они всегда были такими. Ветер подует в другую сторону, и они повернутся туда. Раз им дали свободу в печати, пусть повеселятся

Мне неожиданно стало жалко этих людей. Как им выпутаться из этой паутины? Человек всё больше уходит в паутину, как мне кажется, он стал тупеть, злиться на кого-то, но только не на себя. Человек не только психологически уничтожил себе подобных, но и разум. Это страшнее физического уничтожения, хуже всякой чумы и холеры. Идет вселенское оглушение человечества. А наша страна оказалась в окружении экспериментального поля. Конечно, всё это десятилетиями сотворили политические идеологи. Теперь они судятся с теми, кто написал правду. В общем, идет загрязнение человеческого разума. И темным силам помогали наши идеологи. Я пытался объяснить людям, чтобы они поняли губительность этой системы в нашей стране, что всё надо менять. Но меня никто не слушал и писали на меня письма в редакцию, что я агитирую их против родной партии и существующего строя.

Сейчас многие помешались на том, чтобы судить коммунистическую партию. И как не странно, кричали те, кто ходил в обнимку с партийными деятелями, кто ненавидел меня и презирал за то, что я оскорблял эту партию, кто служил ей, кто получал от неё поощрения, награды, путевки в Дома отдыха и хорошие квартиры. А ведь надо было бы судить этих людей. Зачем судить партию? Она сама себя наказала к разрушению. И хватит. Конечно, есть настоящие коммунисты, которые не предадут её. Вот из этих товарищей и создать бы новую коммунистическую партию. Вот тогда и мне бы там нашлось место. Подойдет время, когда некоторые мне будут говорить, что истинным коммунистом-то был я. И если честно, то я с ними согласен. О светлых вершинах я не болтал, не обманывал, честно трудился на любой работе. Не тасил с производства, что попадет под руку, не эксплуатировал рабочих, боролся с нечестными руководителями-коммунистами,

не подхалимничал, не терпел блат и обман. А то, что я писал такие рекомендации в партию не надежным людям, то я не сожалею. Я видел, чувствовал, что такая партия прогнила насквозь. Она верховодила советской властью. Если многие мне говорили, что я враг советской власти, то это всё ложь. Я всегда думал, что партия не должна верховодить советской властью. Вот и власть тоже такой же стала, как и сама партия. И всё это надо было рушить. Кстати, после августовской революции, в которой я принял участие, думал, что наконец-то, мы начнем восстанавливать настоящую советскую власть. Оказывается, мы на другой день проснулись в капитализме. Как я ошибался! Крепко ошибся. Я ведь всю свою жизнь терпеть не мог слово – капитализм. Что такое капитализм в нашей России, я ещё напишу своим языком и своим стилем. А пока...

Хорошо сидеть у окошечка, и размышлять на разные темы. Так меня никто и не заставил не думать. Продолжал работать над вторым романом «На острове снов». С тетрадей всё перепечатывал на свою старенькую машинку «Москва». Если печатал ночью, то её громкий стук, возможно, было услышать на улице. Ночью перестал печатать. Не надо пугать и нервировать соседей. Стал печатать только днем. И то, некоторые соседи подозрительно смотрели на окна нашей избенки. Хоть в погреб от них прячься.

– Вроде мужик умный, а дурью мается.

– А чо с него взять. Он завсегда был таким. Всё у него, не как у людей.

– Правильно его поперли из партии и из газеты. Некаво там ему делать. Некаво.

– Что вы на него ополчились? Он во всем прав. А вы злитесь от того, что вы не такие. Короче. Все мы трусы. Вот и весь мой вам сказ.

Облился холодной водой. Она всегда меня успокаивала. Попил чаю. Подошел к столу. Сел. Память человеческая сложная штука. Мне, кажется, что зло дольше всего сохраняется в памяти. Люди все разные. Во мне зло не сохраняется, просто, наверное, его во мне нет? Я давно понял, что из нашей памяти ничего не стирается. Где-то всё в нас находится до нужного момента.

Там, в нашей мозговой картотеке отмечается каждый год, месяц, день, часы, минуты и даже секунды. С самого дня рождения все моменты нашей жизни находятся в этой картотеке.

И будет суд над каждым из нас. А пока, здесь, в нашем мире, состоялся суд надо мной. Я уже писал об этом.

Столько было шуму. Все изощрялись в словоблудии. Потом судья Казыкин отказался судить нас. Так вот, на том первом суде весьма красиво выступали наши демократы. Потом пришло из Иркутска послание, что надо судить не коммунистов, а нас за оскорбление личности. Оказывается, райкомовские товарищи были всегда честными и делали всё по чести и совести. Назначили молодого судью Юдинцева, и что дело решит в течение двух часов. В углу его кабинета стоял красный флаг. Я понимал молодого судью. Надо выполнять указания из Иркутска. И потом, как можно судить коммунистов? Такого ещё в нашем районе не было.

Демократы не пришли на суд, хотя повестки всем приносили. Пришли на суд два пенсионера, Данилов и я, а также пришел редактор газеты Виктор Шапкин, и какой-то молодой учитель, не помню его фамилию. Вот вам и новые демократы. И решил я тогда окончательно, не входить ни в какие группировки. Они не пришли. Тогда что это было? Ходили с плакатами, с российским флагом, на первом суде пламенно выступали. А сейчас что? Показуху делали. Вот, мол, мы какие смелые! И больше я не поверил этим липовым демократам. Судье надо было что-то делать. Раз пришло несколько человек, а тем более сам редактор, надо просто зачитать приговор. Я тоже так думал, что надо заканчивать с этим делом. Я видел, как Данилов и Шапкин изрядно устали, а я тем более.

Были короткие вопросы и ленивые ответы. Мне захотелось спать. Судья медленно и тихо зачитал постановление. Даже было слышно, как в окне жужжала большая муха.

В постановлении было указано, чтобы газета напечатала опровержение, и Шапкин тут же согласился. Он тоже понял, что лучше что-то там напечатать, чем ходить по судам. В этом вопросе мы все неопытные. У наших коммунистов богатый опыт в борьбе с инакомыслящими товарищами. В этом вопросе они на

зависть стойкие и мужественные. Например, третий секретарь райкома партии мною уважаемая Светлана Александровна Перфильева ездила в Москву и приняла участия по защите коммунистической партии. И ведь эти стойкие и мужественные люди победили. Вот таких стойких людей я всегда уважал. Именно из таких людей, как Светлана Александровна Перфильева, и должна образоваться настоящая коммунистическая партия.

Коммунисты потребовали у судьи, чтобы он оштрафовал редактора, но тот даже возмутился.

– Ну, уж вы совсем того! Как так можно? Это лишнее. Опровержения с вас хватит. У меня ко всем всё. Можете расходиться.

Сидел я у окошечка и пил чай. Хорошо!

Володя Кузора ушел на пенсию. Зина Сокольникова тоже стала оформлять пенсию. В райкоме партии на неё тоже стали жаловаться за её резкие репортажи на радио. Был такой пример. Она брала интервью у моего бывшего начальника Язавасбудудуматько и что-то не так спросила. Она просто не знала, что этот человек не любил, когда ему задавали нелицеприятные вопросы. Он так начал кричать и ругаться, что даже микрофон стал горячим. Зина просто не ожидала такой реакции уважаемого в городе начальника, и не отключила микрофон. А на другой день Зина этот разговор озвучила по местному радио. Это был удивительный концерт. Все услышали и поняли, какими могут быть уважаемые и нежно улыбающиеся люди. Во всей своей красоте он показал себя. Конечно, он бегал жаловаться на Зину и в редакцию и в райком партии. Но факт остался фактом. И как всегда говорила Зина – я его за язык не тянула. Он ведь демонстративно всё это сделал. А вот, когда он увидел меня, то он весь даже затрясся и побледнел. И я испугался, как бы его не хватил удар.

– Вот ещё один бумагомаратель выискался! Я бы вас всех в порошок стер! Надо же так ловко меня обкрутить! Два сапога пара. Я бы вас, негодяев в бочке со смолой утопил бы!

Дальше я не стал слушать разные и нехорошие слова одного из уважаемых и культурных товарищей.

Зина могла бы ещё трудиться на радио. Она была предана своей работе и любила её. Она была классным по радио репор-тажам. Но тут получился очередной прокол. Покритиковала молодого судью. В общем, что-то не так сказала. Вот так всё и накопилось у высокого районного начальства. Телефонные звонки, жалобы сыграли злую шутку. Зина уволилась. Постепенно старые кадры журналистов уходили на заслуженный отдых и покой. И что было удивительно, никого по-доброму не отправляли на пенсию, да поскорее. У меня сложилось такое ощущение, будто злой рок висел над журналистами. Кому-либо я не хотел признаваться в этом. Не поверят, да ещё засмеют. А я верю.

Михаил Горбачев объявил о роспуске коммунистической партии. Это была всесоюзная трагедия. Райком наш перестал существовать. Некоторые скажут, что я обрадовался? Нет. Хотя я давно понимал, что эта партия идет к развалу. Я ведь тоже принял участие в её развале. В общем-то, мои старания в этом деле, капля в море. Они сами её развалили. Надо было повыгонять оттуда прилипал. И не надо было гнаться за количеством. В этом деле у них было много перегибов. И ещё. Надо было хорошо изучить и знать того, кого принимали в партию. Потом надо было возобновить новую коммунистическую партию, как это произошло в Китае. Наши лидеры не пошли по Китайскому варианту. У нас всегда любят только свое придумывать. Придумали. Развал. Уничтожение. А на этом развале родился дикий капитализм. Вот и вся канитель. Тогда за что я боролся все свои годы? Тоска одолела меня, тоска. Я проиграл все свои годы со свистом. Некоторые члены райкома партии побежали в бизнес. Тогда кто они были? Прилипалы. Мне от души жалко настоящих коммунистов. Они не причем. Они за что пострадали?

Как-то я увидел бывшего лектора Дрожжина. Он тоже собрался на пенсию. Он был чрезвычайно озабочен. Он постоянно, пока я сидел напротив его, смотрел в стол. У меня возникло такое ощущение, будто он боялся посмотреть на стену. Вдруг там появятся подрумяненные портреты бывших членов ЦК КПСС. Они так подвели его! Когда он отвечал на какой-нибудь вопрос, то глаза не поднимал. Бедный Дрожжин. Лицо его вытянулось, побледнело, осунулось. Даже лысина побелела. Кончики губ опу-

стились. Ходит он так, будто тачку с камнями везет. Постоянно вздрагивает и озирается. Тут будешь озираться. Такое в стране произошло. Кому теперь лекцию читать? А их у него в портфеле около пятидесяти штук. Он подавлен, растерян. Правда, его затуманенные глаза иногда можно увидеть. Они не могли остановиться. В них видна беспросветная тоска. В этой новой жизни, когда социалистическая страна рухнула, Дрожжин чувствовал себя потеряннным человеком, совершенно лишним.

Сегодня я пришел к нему в гости, чтобы утешить от навалившегося на него несчастья. Он перебирал своими дрожащими мягкими пальчиками листы лекции в одной из папок. На столе лежал брюхатый портфель.

Я сказал:

– Всем говорю. До чего страну довели наши демократы. Сейчас коммунисты выдвигаются вперед.

Надо было как-то поддержать мужика.

Он лишь на одно мгновение вскинул глаза, и на щечках появился нежный румянец. Хотел что-то сказать, но подавил этот порыв. А вдруг, это очередная ловушка для него? Потом, видимо, подумал, оглянулся и тихо мне ответил:

– Уезжаю в деревню. Хватит. Измучился я. Ничего хорошего в будущем я не вижу. Всё рушится. Больше я никому не верю. В деревне я устроюсь пастухом. Тишина. Покой. Все нас подвели. Все.

– А как же лекции?

Он нежно погладил портфель и ответил:

– Конечно, иногда буду читать свои лекции деревенским. Не выдержу. Буду читать.

Только на другой год я услышал, что Дрожжина из той деревни увезли в дом для умалишенных. Перестарался мужик. Не выдержал. Деревенские мужики и бабы не поняли его. Жалко мужика.

Как-то я повстречался с человеком, с которым не надо было бы встречаться. Надо было обойти его, а он неожиданно оказался рядом. Под его очками не видно глаз. Он нервно и зло смеялся. Я почувствовал слабость в теле и перебой в сердце. И вообще я чувствовал таких людей на расстоянии, а тут потерял

бдительность. Попался, родимый. Так мне и надо. Он начал говорить какие-то гадости о коммунистах, хотя сам он ходил под их знаменами, получал поощрения и награды. И квартиру ему выделили в четыре комнаты. Зачем так обливать грязью организацию, которая дала ему всё. Это мне надо было бы ходить сейчас и кричать на каждом углу. Хотя эта организация мне ничего не дала. Этот мужичок, а таких сейчас появилось много, и действуют они подло и низко. Как говорится, после драки мажут кулаками. Я стал обходить их стороной. Спорить с ними и что-то доказывать – только нервы себе измотаешь. А они у меня итак на пределе. Странно, с такими людьми и мой кукиш не помогал. Эти люди, напомнили мне тараканов. Пovyлазили из всех щелей. Значит, мне надо как-то перестраиваться? Для этого мне надо обходить их стороной.

У меня пока нет опыта, справляться с этой напастью, с этими греховодниками.

Пришел домой. Всё тело мокрое, меня била лихорадка. Встал под теплый душ. Под холодный нельзя. Он ещё более взбудоражит меня. Теперь нужен покой.

Сладкий чай, молитва и сон успокоили меня.

Двое суток приводил себя в порядок. Никуда не ходил. Прятался в своем домике. У меня возникло такое ощущение, будто такие вот греховодники заполонили город. Надо быть на улице внимательнее.

Я долго молился и просил прощения у всех, кто делал мне плохо. Но этот человек должен сам понять, что он несет что-то плохое другому человеку. Надо бороться с самим собой. Вот я, постоянно слежу, чтобы стать другим, терпимым к людям. Но почему они за собой не следят. Нет, надо бы сходить в город.

Над городом плыли тучи, и они мне напомнили неведомое животное, волосатое, и с множеством голов. Я почувствовал, как от него исходили темные щупальца с присосками, и они касались голов людей и тонули в них. Большинство людей открывали рты, немножко от жары, а может, ещё от чего-то, и шли, словно во сне. В глазах два выражения: злоба и безысходность, а у многих и отсутствия мыслей. Мне стало страшно. На дачах я видел, кстати, и страшнее лица, надо бы привыкнуть, но не

мог. Вокруг меня, среди спелых помидор, кустистой малины и моркови, бродили полуголые, очумевшие от жары, существа на двух ногах, с подозрительными глазами. В глазах зависть к соседу по даче, у которого лучше помидоры, выращенным свиньям, курам, козам. Ну а в городе застывшие лица торговцев, недавно бросившие партийные билеты в мусорные ведра, и уже успевшие приобрести тугие животы, с одной мыслью, как бы кого обмануть и самому не прогореть.

Я вскинул голову и прошептал:

– Господи, что же делается в мире? Неужели ты всё это допустишь? Господи, люди, что с вами? Опомнитесь! Стряхните с себя дурман, щупальца с присосками, исходившие от Сатаны! Не окончательно же вы осатанели.

Люди не слышали мои призывы. Да вряд ли и услышат.

Уходил в тайгу. Там я отдыхал.

Здесь в нашем мире, я стал не активным членом общества, а созерцателем. Теперь мне осталось только одно, всё то записывать, что происходит вокруг меня и в мире. Это тоже моё право.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

ОДИНОЧЕСТВО – МОЙ ОТДЫХ И МОЯ ОТРАДА

Моя вторая жена Клава умерла уже семь лет тому назад. Домик, который я называл зимовья, мы продали, когда ещё она была живой. И на эти деньги ездили в Москву, на Дон, Волгу.

Теперь я живу один. В моей однокомнатной квартире в стареньком четырехэтажном доме из хрущевской эпохи, я, как старый и одинокий волк жил среди скромной мебели, и в тоже время не чувствовал себя одиноким. Порой мне казалось, что вся эта мебель, зеркало в мой рост, и даже скромная посуда на одного человека, одежда разговаривали со мной. Я задавал им вопросы, отвечал, иногда смеялся, шутил, а бывало, и сердился на глупые вопросы. А, когда начинал разбираться, то вопросы-то не были глупыми. Тогда просил извинения. Вот бы меня послушали соседи или знакомые люди на мои чудачества, то они имели право сказать, а Стрелов-то настоящий придурок. Весьма серьезные люди удивляются моим причудам. Почему я без дела хожу в тайгу? Видите ли, он слушает тайгу. Что это её слушать? Тайга, она и есть тайга. Там растут грибы, есть шишки. В разные годы там можно набрать и ягод. Бери, только не ленись. Что там слушать? Одним словом полный придурок. В своих книгах я путешествую в другие миры. Назвал их фантастическими. И то некоторые господа смотрят на меня с подозрением. Теперь у нас всех называют господами. Мне это слово не нравится. Я всех называю товарищами, хотя они и господа. Например, какой я господин? Я даже к среднему слою не отношусь. Для меня подходит слово – бедный. Да, для статистического общества я отношусь к бедной прослойке. Это только к прослойке. Но я счастливый человек и богатый. От моей дочери Людмилы у меня трое внуков и восемь правнуков. От сына Евгения внука. В этом во-

просе я весьма счастливый человек и богатый. А ещё я богатый тем, что я сохранил любовь к природе, к моей любимой тайге, к нашему миру, к нашей планете. Это и есть моё богатство. Все мои романы, можете называть их фантастическими. В каждом из них ярко выраженная любовь к природе, к нашей планете.

Ну, коль я стал созерцателем, и как говорится, все события мотать на ус, мне осталось одно: надо чаще уходить в тайгу, на природу, наблюдать за происходящим в городе и во всем мире. Потом анализировать. А если просто сидеть на лавочке и собирать сплетни, то не в моем характере. Я вообще не любитель ничего не делать. Природа, наблюдения, ноутбук. И много думать, размышлять, анализировать. И в этом моем созерцании я не просто работаю, я вкальваю. Сдружился со своим письменным столом. Мы друг друга понимали. Порой у меня возникало такое ощущение, будто он живой. Разговаривал с любимой сосной, почти во всех своих романах описывал её, как живую. Мог вообще разговаривать с тайгой. Вокруг меня словно все предметы живые. А с кем ещё можно поговорить от души? Есть такая фраза – иных уж нет, а те далече. А если и кто-то ещё остался, то они не понимали меня, и к моим причудам относились с подозрением. Я полюбил своё одиночество. Из всей знакомой толпы, что ещё есть в моем городке, я выделил двух мужиков. Александр Кузнецов. Бывший учитель русского языка и литературы, директор школьного музея имени Александра Радищева. Кое в чем он меня поддерживает. Во многом понимает необычные для окружающих его людей мои причуды. Защищает от непонимающих меня господ и товарищей в вопросе о моих книгах с фантастическим уклоном. За это ему огромное спасибо. Вторым товарищем, это Александр Веревкин. Бывший талантливый инженер и, конечно, первостроитель, как и я. Порой мы ходим с ним по аллее и молчим. Это меня устраивает. Он не лезет к моим причудам в любви к тайге и к моему ноутбуку. Больше мне не с кем встречаться. А ещё я часто хожу в центральную библиотеку. Там я тоже отдыхаю душой среди книг и журналов. Над всеми моими краеведческими книгами мне всегда помогали краеведы – Анатолий Степанович Бубнов (ныне покойный), и работница библиотеки Татьяна Афанасьевна Губа. Это вообще

неутомимый и ценный работник, каких надо поискать. И она достойна всех похвал. Сейчас я встречаюсь с Алесандром Кузнецовым. С ним я могу говорить о своих задумках. Мой земляк из Черемхово. Поддерживает меня и Александр Веревкин. С ними я могу серьезно говорить о своих планах. Вот все те люди, с которыми я могу ещё общаться. Есть ещё у меня один странный друг – Михаил Бутаков. Мы с ним встречаемся в тайге. Многие меня не понимают, а в основном, конечно, завидуют моей работоспособности, и даже злорадствуют и скрипят зубками. Иные при встрече со мной нежно улыбаются, спрашивают о здоровье, даже звонят по телефону, как, мол, я там? Пусть эти люди меня извинят, но их улыбки и звонки – ширма. Я во всё это не верю. А за моей спиной обливают меня грязью, организовывают всевозможные сплетни, невероятные слухи. Женщинам как-то ещё простительно, но когда этим делом занимаются мужики, это уж слишком. Этим бы мужикам надо бы оглянуться на самих себя. И что удивительно, я давно это заметил и изучил, эти мужики по уши в грязи. В основном они хмурятся и умеют классно обсуждать всех и талантливо убеждать и собирать вокруг себя слушателей, обманутых этими людьми не только хмуростью, солидным галстуком, горячей речью, но и папкой, непонятно чем наполненной. В артистическую хмурость и прочие атрибуты я не верю. Просто этот человек выбрал такой стиль жизни. Природа, возможно, наделила этого человека к чему-то талантом, но его он не развивает. Выбранный стиль – грубейшая ошибка. А годы-то идут. Жизнь проходит. И глядя на них, можно воскликнуть из классики великих сказок: «А король-то голый!» Я не сержусь на этих людей. Мне просто их жалко. Жизнь-то нам и дана, чтобы мы её реализовали. Надо что-то делать для людей, наконец, и для себя, а если уже поздно? Кого винить? Кто виноват? Никого не надо винить. Сам виноват. Но они не раскаиваются, что творят зло, и как продолжают жить. Если честно, то почему я могу сам себя винить? Во многом я виноват, что не так жил, как все. Если бы я стал жить как все, то сейчас у меня было бы всё, что нужно для полного счастья человеку. А у меня ничего нет. Раскаиваться поздно. А может, и не надо раскаиваться? Таким вот олухом и создала меня природа и выпустила на

свет этого негодника. Что я добился своей правдой? Ничего. Всё проиграл со свистом. Вот теперь надо мной можно и посмеяться моим злопыхателям. Смеются и издеваются. Это их дело, это их жизнь. Всё это моё в прошлом. Сейчас я об этом думаю так, а может, я счастлив, что именно природа меня наделила таким? Другим, как все люди, я уже не смогу стать. А если так? То получается, что я весьма счастливый человек? Ни на кого не обижаю, всем здоровья, добра и счастья желаю, и всё это от души. Люблю природу, разговариваю с ней, не рву полевые и таежные цветы. Им тоже положен свой срок. Зачем рвать. Почему я такой? Мне неизвестно. Изменить себя? Зачем? И потом, мне понравилась вот такая жизнь. Хоть мне и достается от многих господ-товарищей. Это их право. Это их жизнь. Их уже не перевоспитать. Да и сами они не перевоспитаются. Откуда мне знать? Может, это их счастье? Пусть они живут в этом счастье.

Пойду я лучше в тайгу. Там мне как-то свободнее, легче и лучше.

Шел по знакомой с молодости тропке. Под ногами хрустел опавший лист. После утреннего легкого инея, тайга медленно отогревалась под лучами яркого солнца. На небе ни облачка. Оттаявшая тайга наполнилась резкими запахами. Недалеко шумели и чирикали таежные воробьи. Надо мной свистнула белка, мимо проскочил бурндук с грибом. Они не боятся меня. Возможно, привыкли к моим частым прогулкам. Порой останавливаюсь, и долго стою, прислушиваюсь к тайге. Она живет и дышит по своему, таежному в разные времена года. Даже зимой слышу её дыхание. Тайга живет и дышит круглый год. Её надо уметь слушать. В каждый сезон у неё свои запахи и разные звуки. Вот и сейчас она не притихла перед снегом. Под легким ветерком деревья словно разговаривают. Любое дерево радуется, если среди веток копошатся разные птички, добывают орешки белочки. А вот стоят три осины. Они печалются. Как и положено их покидают горькие листья. Не в этом дело. На них не садятся птички, оббегают их белочки, даже муравьи не бегают по их стволам. Обидно ведь. До слез им обидно. Когда на ветках дрожат листья, и когда даже нет ветерка, они так плачут. Подошел к осинам. Захотелось успокоить их. Каждую нежно погладил.

– Что подружки веточки повесили? Так уж вышло. Куда теперь денешься? Вокруг вас кедры, березы да сосны. Они что-то дают лесному братству. Поколения своё надо растить. А разве вы не даете радость? Вы посмотрите, какие под вами растут грибочки подосиновики. Сейчас уйду, и не буду мешать бурндукам и белочкам собрать все грибы. Среди вас так их много! Ведро можно собрать. Выше веточки! А какой воздух возле вас! Аромат! Вы каждый год радуете меня. Вот и сейчас мне стало легко и радостно. Ещё посету вас лесные красавицы.

Чтобы не мешать, лесному братству собирать грибы, пошел по тропке. Показалось, возможно, от ветра, но ветки от осин вроде приподнялись и легонько зашумели. Показалось? Но, я уверен, что они благодарили меня. Тайга живая. Она всё понимает. С молодости никогда не ругался в тайге. Доброе слово не только люди ожидают, но и тайга.

Вышел к парку. Сел на скамеечку. С ней уже много лет дружу. Солнечные лучи ласково пригрели моё тело. Кажется, задремал. Кто-то сел рядом.

– Отдыхаем? Правильно. Тебе нужен отдых, – раздался знакомый, немного с хрипотцой голос. Это был дед из деревни Коршуниха.

– Здравствуй, дед.

– На заслуженном отдыхе ты. Это хорошо. Хотя ты не очень уважаешь отдых. Ты любишь вкалывать. Но, отдых тоже нужен, особенно в твоём возрасте. Твои книги печатали в местной типографии. Откладываешь деньги от пенсии на издание своих книг. Твое время пришло, хотя весьма поздно. В Иркутске выходят твои книги, и всё на свои денежки. На поклон ты ни к кому не идешь. Не любишь просить. Но отдых нужен. И вот ты зачастил в свою любимую тайгу. Казалось бы, тебе надо быть довольным и успокоенным. Но нет же. Уймись. Отдыхай и пиши свои книги. Как ты правильно говоришь, что ты пасынкуешь свои строки. Тебя приглашают в школы. Ты постоянно продолжаешь дружить с центральной библиотекой. Хотя завистников у тебя хоть отбавляй. Но ты стойко и мужественно переносишь нападки этих неумных людей. Пойми, они никогда не уймутся и не успокоятся. Завистникам это не дано. Они не перевоспита-

ют себя. Это их жизнь, это их судьба. Попробуй, перевоспитай тебя. Это есть твоя жизнь и твоя судьба. Мы с тобой ещё поговорим о многом. Мне с тобой интересно, но всего интереснее разговаривать с твоим внутренним миром.

– Вот поэтому ты всё и знаешь обо мне?

– Так нужно. Мне интереснее якшаться с такими вот людьми, как ты. И в вашем городке есть такие люди. Но с завистниками, злыми и сплетниками я не разговариваю. Просто с ними бывает скучно даже рядом находиться. У тебя есть знакомый мужичок Михаил Бутаков. Ты его в своих романах всё время упоминаешь. Грамотный, интеллигентный безработный. Пенсия у него маленькая, но он не унывает. Бывший бродяга и тунядец. А ведь когда-то окончил Московский университет. Даже преподавал. Отбывал срок за политику. Бомжевал.

– Я его давно не видел. Наверное, где-то в тайге шарится.

– Он уезжал в Якутию, но снова вернулся в родные края. Мы ведь с ним родственники, правда, далекие родственники, но это, правда.

– Понимаю. На Илеме много Бутаковых.

– Много ты понимаешь, – улыбнулся дед. – И много тебе не понятно. Он в зимовье живет. Я с ним встречался. Скоро увидите. Как и у него, у тебя интересная и любопытная судьба, но не дай Бог каждому такую судьбу. Ты, как и он неисправим. Вот такие вы мне и подходите.

Дрема прошла. Дед исчез.

Значит, Михаил Бутаков снова появился. Вот с кем можно откровенно философствовать. В этом городке мне не с кем поделиться своими мыслями. Появилась ещё одна отдушина. Я чуть не запел.

По тропке пошел к городу. Вокруг меня золотилась березовая роща. В солнечных лучах плавали, кувыркались березовые листочки. Они не очень старались упасть на землю. Это был их последний танец. Я даже уловил только им понятную мелодию. Такой музыки я нигде не слышал. Я не композитор. Но, как бы мне хотелось записать такую мелодию на ноты. Хоть бы какой-нибудь городской композитор приехал бы в нашу сибирскую тайгу, походил бы по лесным тропам, послушал бы мелодию

хотя бы вот этих плавающих в лучах солнца листьях. Художники бывают на природе. Они создают шедевры тайги, леса, рек, морей, гор. А вот композиторы любят города, живут на дачах. Разве можно сравнить дачную природу с тайгой? Никогда! Дачная природа, это бутафория. Бывал я на южных Домах отдыха. Бутафория. Я оттуда быстро убежал. Тайга всегда манила меня. Она лечила меня от духовной болезни, она предавала мне энергию и силы. Она вдохновляла меня на творчество. Любая южная, сказочная бутафория с разными красивыми цветами и фруктами навевала на меня тоску.

Вот я и дома. Тополь под моим окном ещё не сбросил листву. Одна из веток коснулась стекла, постучала, как бы приглашая на беседу. Что она собралась мне сообщить? Форточки у меня открыты до самых морозов. Порой холодный ветер свободно гуляет среди мебели. Даже прилетают снежинки, и они долго не тают на холодном полу.

Я сел у окна, ощущая свежий ветерок, принесший в мою комнату запах тайги. Я прошептал:

– Что милая, холодно тебе? С листочками прощаешься? А куда денешься? Природа. Как и листочки, я тоже теряю свои годы.

Конечно, показалось, будто кто-то шепнул мне, а потом появилась какая-то мелодия. И тут я подумал, какую мелодию может дать тополь? Это дерево в тайге не растёт, он не дружит с другими деревьями. Тайга может петь, а городской тополь никогда. Зря я так подумал. И тут я услышал незнакомую мне мелодию. И она была тонкая, нежная, словно жила во мне. Она подняла мне настроение. Возникло такое ощущение, будто всё вокруг пело и веселилось. Ничего не видел вокруг, глаза сами собой закрылись. Я вроде не сидел на стуле, а плавал, а вокруг меня кружились в танце листья. Они не падали, а плавали вокруг меня, касались лица, отдавали мне нежные запахи из моей любимой тайги. Господи, какая музыка! Если бы злые, недоверчивые люди слышали бы хоть раз эту нежную и запашистую музыку, то может что-то бы в них сдвинулось в лучшую сторону. Неужели эти люди так глухи? Как им помочь измениться в лучшую сторону? Мне всегда казалось, что человек только сам

может изменить себя. Но, многие не желают меняться. Просто надо прислушаться и понять себя. Ведь я не всегда был таким, как есть сейчас. Из моей первой книги «Зона», можно узнать каким я был в молодости.

Странно. Наступила тишина. Появилась надежда, что я теперь буду не одинок. Скоро мы встретимся с Михаилом Бутаковым. Ветка успокоилась. В комнате было тихо и светло. Теплые лучи солнца освещали голые стены, пол, потолок. Слава Богу, ковров и дорожек у меня нет.

Я продолжал сидеть у окна. Листья медленно плавали, кружились вокруг тополя. Они прощались навсегда.

На другой день я пришел в тайгу. Иней побелил дальний лес. Трава замерзла, и она похрустывала под моими ногами. По тропке вышел к своей любимой сосне. Легкий иней посеребрил её сверху. До нижних веток иней ещё не добрался. Днем потеплеет, и под солнечными лучами всё оживет. С молодости прихожу к этой сосне. Почти в каждом моем романе я напоминаю о ней. В этих книгах я через неё отправляюсь в другие миры. Там я становился тем, кем я всегда хотел быть – свободным.

Постоял у сосны, погладил её пока ещё теплый, шершавый ствол.

Верхние ветки, облитые солнечными лучами, начали сбрасывать густой иней в виде дождевых капель. Они касались моего лица, шеи. Они доставили мне запах почему-то грибов, и свежего снега. Ветки тихо шелестели. Но, среди этого шума, уловил отдельные слова. Странно, но я никогда не слышал, чтобы сосна беседовала со мной. Хотя, порой что-то улавливал странное в этом шуме веток. Бывало, встану под её мощные ветки, прислонюсь спиной к её теплому стволу, и духовно отдыхаю. И вдруг ветки начинали издавать странные звуки. На это я не обращал внимание. Шумят и пусть шумят. Правда, меня иногда удивляло то, что не было ни какого ветра, а ветки вдруг зашевелились. Возможно, подул верхний ветер. В народе его называют верховик. Кстати, в словарях этого слова нет. И ноутбук этого слова не знает. Читатель пусть простит меня, но я иногда применяю простые народные слова. Внимательный читатель, конечно, это заметил. Бывают слова грубые, но они народные. Я применяю

их в нужный момент, где они необходимы. Некоторые товарищи весьма люди серьезные. Они мою фантастику в книгах не воспринимают, а некоторые из них ещё и не понимают. Ищут только блошки, а в смысл произведения не вникают. Я на них не обижаюсь. Раз не дано им, понять, значит, не дано. Вот если бы я писал информушки. Всё было бы понятно. К их разочарованию я информушки не пишу. Я ведь не виноват. Получается странно. У некоторых людей я виноват. И ещё. Оказывается, я виноват, что у меня ничего нет. Порой мне бывает перед этими людьми стыдно, что у меня ничего нет, и даже информушки не признаю. А ведь для них информушки написать труднее, чем создать роман. И ведь не докажешь разницу. Эти люди только способны блошки искать. А ещё любят они поучать тех, кто пишет художественные произведения.

От всего такого я стал уставать. Стал скрываться в своей квартире, уходил в тайгу. Искал одиночества в природе. Я давно понял Вячеслава Шугаева, когда он из Иркутска приезжал к нам. Он здесь духовно отдыхал. В одиночестве он создавал свои произведения. Когда в Иркутске ему выматывали нервы, он рвался на простор, к природе, в глухую провинцию.

Решил пойти домой. Серые тучи медленно плыли над городом. Иногда они сбрасывали колючий снег. Но он быстро таял. Земля не готова принять его. Отдельные снежинки легкий ветерок забрасывал под скамейки на автобусных остановках. Там он мог лежать долго. По улице шел медленно и бесцельно Тополя начали сбрасывать листву под ноги прохожих. Под моими ногами они тихо шумели, и старались прилипнуть к обуви. Я поднял несколько листиков. От них пахло свежим снегом и почему-то грибами. В городе нет грибов. И в тайге они исчезли. А вот запах грибов я унюхал. Я шел и нюхал листву и наслаждался этим запахом.

Кто-то тронул меня за плечо. Когда-то он работал в Коршуновском ГОКе мастером. Числился одним из лучших лекторов.

– Всё, Юра, дурью маешься? Зачем тебе эти листья? Я что хочу сказать-то тебе. Что-то там опять в газете «Илимские вести» написал о старом времени. Нехорошо. Нельзя. Смотри у меня. Заключение, политических описал. Какие они у тебя

все хорошие. Как они у тебя страдали. За дело их сажали. И расстреливали за дело. Мы, уважаемые люди в городе, сообщили в газету, чтобы не печатали твои опусы. К нам многие прислушались. Даже некоторые твои товарищи по перу, поддержали нас. В вашем литературном кружке осудили тебя за эти опусы. Все против тебя. Газета перестала печатать твои вот такие штучки. У тебя получается, что все стройки начинали строить заключенные, политические. Комсомольцы были первопроходцами, а не твои враги народа. Вот и пиши о них. Наша активистка Пузикова так сказала о твоих опусах, что после их прочтения надо мыть руки. Брось. Не пиши. Нехорошо. Нельзя. А ещё лучше. Надо бы запретить тебе писать.

Дорогой читатель, что может чувствовать человек, который написал правду о политических заключенных, которые начинали строить наш город первыми, как они прокладывали сквозь тайгу железную дорогу, и когда ему запретили не только печататься, но и писать? Вот возьмите, и представьте. А я испытал это гонение на себе. Меня встречали некоторые товарищи и позорили. А ещё было обидно то, что против меня ополчились и мои товарищи по перу. Они собрались напечатать в Красноярске коллективную книгу. Все мои материалы отвергли. Они мне просто сообщили, что книга будет серьезная, и все они подходят к своим материалам серьезно. А мои не серьезные. И тогда я отправил в Иркутск в типографию «Оттиск» все мои очерки, против которых все ополчились. Книгу я назвал «Первопроходцы». Её напечатали. Значит, все там очерки не серьезные? В типографии «Поликом плюс» издали мою довольно большую книгу под названием «Коршуниха». Там тоже были не серьезные очерки о первостроителях, о комсомольцах и коммунистах. Там я рассказал об обыкновенных людях, которые начинали строить город с палаток. Простые читатели встретили мои книги доброжелательно, и это мне было приятно. Добрую статью-отзыв на мою книгу в двух районных газетах напечатал мой друг Александр Дмитриевич Кузнецов, учитель, словесник, директор школьного музея имени Радищева. Спасибо ему. Хоть он меня поддержал. Не серьезной оказалась и моя повесть «Илимская симфония» изданная отдельной книгой. В ней описана природа Илимского

края в художественной форме. И её посчитали не серьезной. Вот что, значит, злобная зависть. Грязные слухи завистливых людей о человеке, который пошел против системы, и который пишет не серьезные материалы, сыграли злую шутку для меня. В некоторых людях вот эта злобная зависть и неприязнь ко мне, осталась до сегодняшнего дня. Я на них не сержусь. Они продолжают, как всегда улыбаться мне. а за спиной... Это их дело. Это их жизнь. А если честно, мне просто жалко их. Мне не хочется с ними встречаться. Я даже как-то боюсь их. Вот и начал я скрываться дома, уходить в тайгу. Ухожу в своих книгах в мною созданный фантастический мир. В Иркутске, в типографии «Оттиск» издаю свои романы и простые книги. Простые люди читают и даже поздравляют меня. Я не продаю свои книги, я их раздаю простым людям. Центральная библиотека отправляет мои книги по библиотекам района. И я в этом вопросе счастлив.

Не стал спорить с этим товарищем. Он стоял передо мной, уткнув кулаки в бока. Привычка всегда быть на полусогнутых ножках осталась у него навсегда. В глазах злоба, ехидная улыбочка. Пусть улыбается, если ему так нравится. Это его дело. Я не бросил листья, но миновал бывшего лектора районного масштаба. Таких людей не переспорить и не переубедить. Их надо избегать, что я и сделал. А вот нервы с такими людьми можно испортить. Эти люди мастера изматывать нервы.

Я вышел на окраину города. Солнечные лучи растопили последние снежинки, иней, а в траве ярко поблескивали прозрачные капли, похожие на мелкие прозрачные шарики. Иногда по густым веткам лиственницы или ели медленно скатывались блестящие капельки. Я подставил ладонь, и несколько капель всё-таки поймал. Они тут же собрались в одну крупную каплю. Они превратились в маленькое озерцо. Оно искрилось, играло в солнечных лучах, отдавало прохладой. Странно, но оно пахло свежим снегом. Многие говорят мне, что снег и вода ничем не пахнут. Неправда. Снег и вода пахнут. Запах этот не передать словами. Его надо чувствовать. В этом озерце я что-то увидел. Там ничего не должно быть. Просто солнечные лучики решили покупаться в этом озерце.

Кто-то стоял за моей спиной. Этот кто-то сказал:

– В каплях тоже есть жизнь.

Голос знакомый. Оглянулся. Михаил Бутаков! Это тоже странный и непонятный для окружающих человек, как и я. Как говорится, тоже человек с другой стороны. На нем старенький кожушок, за спиной рюкзачок покрытый заплатами, на ногах ичиги. От него несло запахами тайги и дымом.

Показал ему ладонь с озерцом.

Я ответил:

– Раз вода, значит, жизнь. Снежинки с неба упали.

Он помолчал. Долго смотрел в озерце, потом ответил:

– С неба упали. Это так.

И тут он вдруг сказал:

– Ты меня там, в романе тоже осветил. В твои фантазии мало кто верит. Я верю. Ты написал сущую правду. Сны разные бывают. Ты написал. А если я начну про это рассказывать, меня засмеют.

– В такую правду, Михаил, почти никто не верит.

– Оно и понятно. Ты свои сны в своих книгах превращаешь в настоящие приключения. Что-то от себя добавляешь. Сейчас мне надо идти. Боюсь, что недалеко от моей зимовьюшки появились два хищных браконьера. Как бы бед не натворили. Я соль доставляю моим лесным братьям. Туда они приходят. Все они меня знают. А эти два зверя на двуногих ногах, не разбираясь, застрелят будущую маму-олениху. Пойду я. Мы ещё с тобой не раз встретимся.

Какое это наслаждение быть в одиночестве. Одиночество – мой отдых и моя отрада. Такой вот и Михаил Бутаков.

ВСТРЕЧИ РАЗНЫЕ БЫВАЮТ

Я положил руки на ствол сосны. Она была теплой, и от неё шла успокаивающая энергия. Потом я попятился, чтобы осмотреть её всю. Мелкий снег покрыл её макушку. А по нижним веткам скатывались серебристые шарики. Конечно, как и должно быть, я не услышал голос сосны. Я его почувствовал внутри себя. Передать этот голос невозможно, но я попробую. Что-то

похожее на звуки нежной мелодии на непонятном для меня инструменте. В тайге, если хорошо прислушаться, каждый раз слышал подобную мелодию. Но она тоже была разной. То веселой, то тоскливой, то раздражительной.

И тут меня прервали. За моей спиной раздался грубый и громкий голос.

– Совсем чокнулся! С кем это ты речугу только что толкал? С сосной. Она чо тебе, живая? Ну, ты даешь! Сопсем уже рехнулся со своей писаниной. Гумагу тока марашь. Все умные и серьезные люди над тобой смеются, совсем ополоумел.

А я в это время подумал, и здесь, в тайге, меня достали. Я ведь им не мешаю жить так, как они живут. Почему они ко мне лезут со своими советами и поучениями. Все меня пытаются учить и наставлять на путь исправления. Зачем так? Не только им не нравится моя прошлая и настоящая жизнь, но и у некоторых товарищей-господ возникает неприязнь к моим книгам. Вот если бы я писал о деревне, или о комсомольцах-добровольцах, тогда это было бы нормально. Деревенскую жизнь я не знаю. Нам хватит одного писателя Георгия Замаратского. В своих повестях он великолепно описал деревенский быт. Из наших современников нашего края никто, кроме него, не описал и уже не опишет деревню. Короткие, бытовые, о деревенских людях этого края рассказы пишет и печатает наш современник Михаил Куклин. Деревня – это не мой удел. Я просто не знаю деревню. А вот о комсомольцах-добровольцах, пусть простят меня завистники и злопыхатели, и разношерстные сплетники, никто ещё столько о них не написал и не напечатал в своих книгах, как я. И вот это есть настоящая правда. Остается одно – зависть. Ну, это уже приобретенная болезнь. Тут я этим товарищам-господам ничем помочь не могу. Пусть сами выпутываются из грязных помоечных сетей. Как они мне все обрыдли. Вот и приходится от них прятаться в своей квартирке и в любимой тайге.

Этого товарища я узнал. Федя Брызгалов. Когда-то он трудился на бульдозере. Он тоже утюжил тайгу под руководством своего благодетеля Атаманова. Я писал о них. Вот они были настоящими браконьерами.

– Брось баловаться. Нехорошо гумагу марать. Чо то там накалякал. Навыдумывал чёрт знат о чем. А тут гляжу, ишо и с сосной разговоры ведет. Сопсем ополоумел. Возьмись за ум. Вон Петька Рыжов тоже был дурак дураком. Бросил эту писанину, и заимел хозяйство. Сразу поумнел. Телка я ему продал. Он нечета тебе, умным мужиком оказался. Я вот хуть и не читаю книг, а не дурнее тебя. Меня от всех книг мутит. Порасплодились эти писаки, заморочили головы умным людям, а толку от них никакого. Канальи переученные! Чем чиркать на гумаге разную дребедень, лучше бы хозяйством занялись. Эти бы все книги я бы собрал в огромную кучу и сжег. Хоть польза была бы какая-то от них. Зола бы пошла на грядки, или на картошку. А этим гумагомарателям я бы запретил писать. Брось писать, сразу тебе легче станет. Брось.

Он похлопал меня по плечу.

– Жалко мне тебя дурака. Так столько лет прожил, а ума не нажил. Не стыдно? Один вот чичас маешься. Вот тебя от твоей писанины и тянет на дурось. Брось дурака валять. Нехорошо. Брось. Я вон и разные награды имею. Почетного гражданина города дали. А тебя за дело шпыняют. Брось.

– В общем-то, я не дурак.

– Не спорь со мной. Полный дурак. И все так умные люди говорят. Вы, писаки, все сплошные дураки.

– Да не дурак я, не дурак.

Он снял с моего плеча руку, весь напрягся, большие глаза ещё больше расширились, и в них появилось столько злобы, что я даже за него испугался. За себя я не испугался. Закалился. А вот с ним может произойти удар. Решил его успокоить. С печалью и дрожью в голосе и со слезами на глазах, сообщил ему радостную весть.

– Да не дурак я, а полный придурок. Это точнее для меня.

Федя неожиданно просветлел и улыбнулся.

– Это хорошо. Признался. Давай бросай всё и сразу поумнеешь. Возьмись за голову.

По его приказу я взялся за голову. А в это время Федя смотрел мимо меня на сосну. Ни ветерка, а ветки неожиданно немного зашумели, сбрасывая с себя последние серебристые капли. Я

давно заметил за необычным явлением в тайге. Ветра нет. Тишина, И вдруг на какое-то мгновение начинают дрожать ветки. И раздается легкий шум. И эти звуки у каждого дерева разные. Это явление объяснить невозможно, но я догадываюсь. Тайга живая. Объяснять не буду. Сами догадайтесь.

Федя передернул мощными плечами, вроде стал к чему-то прислушиваться. На его лице появилась недоверчивая улыбка. Он потер лицо, почесал в затылке и вперил в меня острый взгляд.

– Что это? Не соображу.

– А надо бы тебе давно завести соображалку.

– Ладно, пойду я. А то у меня с тобой тоже что-то в голове звянькнуло. Кому хошь голову заморочишь. Вот за это тебя и не уважают в нашей городской думе. Тебя любое начальство не любит и не жалует. Тока свяжись с тобой. А ты брось чиркать. Нехорошо. Брось.

Снег с дождем усилились, и я побежал. Хорошо дома. Сухо, тепло. Согрел чай, попил с медом, и сел у окна.

На другой день я решил прогуляться по городу. Иногда я себе позволял такое. Нельзя полностью отрываться от людей. А, где я возьму реальные сюжеты?

Навстречу мне шел Федя Брызгалов. Странно. В городе он всегда проходил мимо меня и не здоровался. А вот я всегда здоровался с ним. Здороваться надо со всеми, которых я знаю хотя бы немножко.

И вот он неожиданно остановился, Странно, он не знал, куда девать руки, глаза бегали. Что это с ним? Как я понял, его что-то мучило.

– Слушай, Стрелов, как ты думаешь, скоро выпадет снег?

– Судя по тому, как прошли первые заморозки, и стал пробрасывать снег, где-то в середине октября снег окончательно ляжет. Урожай-то успел убрать?

– Урожай? – переспросил он. – Как тебе сказать? Значит в середине октября? Убрал урожай. Убрал. В октябре...

– В октябре. Я всегда становлюсь на лыжи в конце октября.

Он немного помолчал. Что же его так мучит? Я его давно знал. Он никогда вот так со мной не говорил. Хозяин он креп-

кий. Это хорошо. Вот таких настоящих хозяев я уважал. Что с ним случилось? Как всегда, меня это заинтересовало. Что будет дальше?

Он передернул мощными плечами.

– Я уж забыл, когда стоял на лыжах. Ты ведь не охотник...

– Не охотник. Люблю тайгу, вот и всё. Ради здоровья.

– Ради здоровья, – повторил он. – Знаешь, Стрелов, чо я хотел спросить-то у тебя... Это самое тово. Мы с тобой были в лесу...

– Были. Я просто прогуливался. Люблю осеннюю пору.

– Понимаю, – неожиданно понятливо улыбнулся он. – Понимаю тебя. Потом чо-нибудь начиркашь? Бог с тобой. Чиркай. Марай гумагу. Мне ничево. Марай, раз тебе ндравится её марать. Я чо хотел спросить-то... Ты вот стоял у сосны, и чо та шептал. Апосля я пошел вроде. Потом тово, этово. Тихо ведь было вчерась. А откуда такое. Даже навроде чей-то голос услышал, смех. Чо это было? Мне Ванька Петухов болтал, чо ты там про эту сосну начиркал, от сосны куда-то улитаешь. Ладно, там гольное вранье, а здеся-то чо такое?

– Тебе всё это показалось. Сало много съел. Вот и организму стало плохо от переедания. Нельзя много сала есть.

– Смеешься надо мной? Ну, ем я сало. Я же, всё-таки, с Украины. У нас тама все любят сало.

– Да какой ты украинец? Ты у нас в Сибири с самой молодости живешь. Совсем русским стал.

– Это так. Ладно с этим салом. Слышал я. А чо не знаю. Но слышал.

– Заметил, что ты глазел на сосну.

– А чо это было?

– Опять про сало напомнить?

– Ну, слышал я! – повысил голос Федя.

– Верю. Слышал. А почему вы мне не верите, о чем я пишу?

Поверил?

– Дык. Этово, как ево. Такое не бывает.

– А что тогда это было?

– Ну не сало же виновато? Но я слышал навроде кто-то даже смеялся.

– Вот и попался, голубчик. Попался. Выходит, что ни одному Стрелову всё такое, кажется. Вот будет умора. Федю Брызгалова сравнивают с придурком Стреловым.

Федя неожиданно скукожился, сник, помрачнел. Как мне показалось, даже одежда на нем уменьшилась. Он затряс руками и прошептал.

– Тока тише, тока тише. Не выставляй меня на это самое, на позор. Этово, тово, не надо меня выставлять. Не надо. Я тебе могу сало подешевле продать.

– Если ты обо мне так слышан, и давно знаешь, то зачем мне сало подешевле предлагаешь? Да и не в зале твоём дело. Меня купить невозможно. И ты это прекрасно знаешь. Слышан.

– Извиняй меня. Но не надо обо мне так рассказывать.

– И про это знаешь. Об этом никто знать не будет. А если я в своей книге об этом случае напишу, то фамилию твою изменю. Будет звучать так. Федя Брызгалок.

– Я не Брызгалок. Это ты сходу мне такую фамилию дал. Мою фамилию ты прекрасно знаешь.

И я ответил ему:

– Никто не узнает. В общем-то, ты мужик хозяйственный и неплохой. Я бы даже с тобой пошел в разведку.

Фамилию его я не стал писать в книгу. Он известен в городе. Как многие наши медалисты и Почетные граждане, талантливые подхалимы, и угодники, всегда на виду у начальства.

Федя неожиданно засмеялся. Лицо засияло, глаза успокоились, даже одежда пришла в норму. Он снова передернул плечами.

– А чо это в разведку-то? Чичас ведь не война. Всё чудишь? Я шуток не люблю и не понимаю их.

– Вот ты засмеялся, значит, понял меня. Только на этот раз я не шутил. Откровенно говорю. Взял бы тебя в разведку.

– Всё так. Чо было в лесу-то? Ты в этом деле толк знашь. Что это было? Вот так ты и врешь, и так вот гумагу марашь.

– Первое скажу, вот что. Только между нами. То, что было в лесу – никому. Опасно. В психушку увезут.

– Понимаю. То, правда? Правда. Вижу по тебе. Тада чо это?

– Наконец-то ты стал соображать. Молодец. Природа, в том числе и тайга – живая. Всё это было. Ты мне поверь. Мне поверь.

– Но я ведь слышал.

– Вот. Поверил. Слышал. Живи. Хозяйство разводи. Сейчас время пришло настоящих хозяев, а не мыльных пузырей, над которыми я всегда смеялся. Потому что я им не верил. А вот над тобой не буду смеяться. Ты есть настоящий хозяин.

Он подозрительно оглядел меня, недоверчиво улыбнулся, и погрозил мне крючковатым пальцем.

– Всё шутикуешь? Всё веселишься?

– Я серьезно тебе говорю. Ты вот что, Федя, сходи в районную библиотеку и попроси мои книги. Хотя ты и не любишь читать, но мои книги почитай. Тогда ты многое что поймешь. И про вот эту мою сосну прочитаешь. И поверишь, что другой, параллельный нам мир существует. И ты поймешь, что я не вру. А вот потом мы с тобой встретимся и поговорим на эту тему. Теперь нам надо расходиться. Советую прочитать.

Продолжая недоверчиво улыбаться, он ещё раз погрозил мне пальцем, и пошел к автобусной остановке.

Я пошел домой. И вот о чем подумал. Пойдет он в библиотеку или нет? Не знаю. А вот то, что-то сдвинулось в его психологии, это факт. А помогла в этом деле сосна. Скажете, что всё это фантастика? Опять этот Стрелов что-то там навывдумывал. Но это была, правда. Кому докажешь, а я не собираюсь ничего доказывать. То, что было, то было. Читатели тоже разные бывают.

С возрастом меня всё чаще тянет в одиночество. Тогда я ухожу в тайгу. В городе отчего-то я не задерживаюсь долго. Там я стал уставать. Моя положительная энергия уходила в людей. Многие знакомые мне люди и мало знакомые давно поняли, что от меня к ним идет эта энергия. И они старались приблизиться ко мне. Как одна знакомая дама призналась:

– Пойдите со мной рядом. Мне так хорошо с вами. А ещё, многие говорят, что любые ваши слова, даже с юмором и шуткой положительно влияют на людей.

А каково мне, подумал я. Все они думают только о себе. Если я похожу по городу, побываю в закрытых помещениях, то к ве-

черу мои силы истощаются. Если я не успел уйти в тайгу за помощью, то становлюсь под теплый душ. Он успокаивает меня. Потом я тщательно молюсь. Пью сладкий чай, съедаю чайную ложечку меда. Ложусь на старенький диван, и начинаю дремать. Это меня успокаивает и непонятно откуда-то приходит энергия. Она приходит непонятно откуда. Но это так, это, правда. Уже к этому привык. В дреме или во сне приходят разные хорошие и добрые видения. Если я о них напишу, то некоторые читатели, особенно завистники, скажут, опять этот Стрелов нафантазировал. Если идти на поводу этих людей, то я бы не написал о дедушке Бутакове из деревни Коршуниха. Я не виноват, господа завистники и мои уважаемые злопыхатели, ничего я не фантазирую. Всё это так, всё это, правда. Был у нас как-то иркутский поэт Обухов. Я запомнил тот день. Кто-то из местных товарищей спросил, мол, как вы пишете?

– Не знаю, и мне это просто неведомо. Неожиданно, просто непонятно приходит откуда-то сверху вдохновение. Словно кто-то посылает мне эти строки.

И раскрыв рты, все слушали его, и верили ему. А если Стрелов об этом постоянно во всех своих книгах пишет, его называют фантазером. Обухова никто не назвал фантазером. Ни он один так говорил. Особенно у поэтов, неожиданно, непонятно откуда являются строки стихотворения или поэмы. О том же говорили и прозаики, с которыми я встречался. Как говорится, ждали чуда. Так же получается и у меня. Вдруг возникают непонятно откуда-то видения. Я чувствую их, можно даже сказать вижу их. И всё это мне надо записать. Я понимаю непонимающих и неверующих в чудо людей. Им не дано такое чудо почувствовать. А куда денешься? Ну, не дано, и всё тут. Тогда зачем других поучать, не писать и не фантазировать? Как-то, как пример, что со мной бывает, когда начинаю писать новую вещь. Отдыхал я на Дону. Сидел за столом под вишней. Передо мной лежала чистая толстая тетрадь. И вдруг, как молния, что-то заставило меня взять ручку и начать писать лирическую повесть «Илимская симфония». Почему-то запомнил время. На часах было четыре часа. День был жаркий, а меня иногда бросало в дрожь, то в холод, то в жару. Я не только чувствовал, например,

снег, или дождь, я всё это видел. Надо мной грохотал гром, как шел я на лыжах по снегу. Я даже увидел муравьиную горку, видел, как по стволу дерева бежал муравей. И вот я закончил повесть. Откинулся на стуле, и испугался. Надо мной чернело небо усеянное звездами. Что со мной, подумал я. Моя жена Клава всё это время сидела на скамеечке и караулила меня. Она и сказала.

– Юра, сейчас ночь. Два часа ночи. Я там тебе ужин приготовила.

За эти часы я начал и закончил писать небольшую повесть. Я пил чай, но к еде не прикоснулся. Если бы я был рабочим, вспомнил я, то всё вот это в один миг бы съел. Но в тот момент у меня не было аппетита. Я страшно ослаб. И когда утром Клава заставила меня встать на весы, то я был чрезвычайно удивлен. За какие-то десять часов я похудел на четыре с половиной килограмма. Из тех людей, кто меня окружает, и поучает, разве это поймет? Хотя я в то время ужасно ослаб, но я был счастлив.

С утра решил пойти в тайгу. Вчера немного бродил по городу, по магазинам, и ужасно устал и ослаб.

И вот я в любимой тайге. Оторвался от сосны и углубился в лес. Подошел к молодой березе, и приткнулся к ней лбом. От неё ко мне пошло тепло. Во мне возникло такое ощущение, словно я попал в сказочный лес. Невольно у меня закрылись глаза. Настоящая сказка возникла вокруг меня. Не было снега, а вокруг росла зеленая трава, какая бывает в наших краях в конце июня. Березы уже дали ярко-зеленый полный лист. Вокруг берез, как не странно, росли подснежники, хотя у нас в это время их уже нет. С ними рядом атели жарки. Но эти цветы в тайге не растут. Они любят полянки, простор, где много света. Здесь же цвели незабудки, колокольчики, и многие другие. Уловил запахи разноцветья, смородинника, кедровых шишек. Почти рядом пробежали пятнистые олени. Мимо меня проскочил бурундук. Какое-то наваждение. Конечно, рассказывать об этом никому не буду, разве что Михаилу Бутакову. Он поверит. С остальными товарищами и господами говорить об этом опасно. Итак, я для всех их какой-то странный. Даже в реальность в моих романах не верят. В своих книгах я реальность мешаю с фантастикой.

Хотя на мою фантастику надо посмотреть с другой стороны. Врет он, мол, всё.

А лес, что сейчас меня окружал, был наполнен разными приятными запахами. От всего этого силы мои восстановились.

И вдруг всё исчезло. Просто я стоял у березы. До этого она была теплой, нежной, и мне даже показалось, что она стала даже мягкой. С исчезновением сказочного, музыкального леса, береза стала просто деревом. Поверхность прохладная и немного шершавая. От неё пахло свежим снегом. В тайге все сорта деревьев имеют свои запахи. С закрытыми глазами я могу различить по запаху любое дерево. Как говорится, ещё в детстве медвежонок саданул меня в ухо, но в тайге я услышу, как шумит или стонет любое дерево. Был я на юге много раз. Пытался разобраться там запахи леса, услышать звуки – бесполезно. Ничего там не услышал, и не понял запахи леса. Всё для меня там оказалось чужим. И я быстро уезжал оттуда в свою родную Сибирь, в тайгу.

Тайга мудрая. В тайге не растут тополя, потому что их привезли с юга. Это южные деревья. Тайга не принимает в своё содружество это дерево. Пытались выращивать в наших краях дуб. Но он не прижился. Хотя он такой крепкий, но для нашего края нежный. Тополь же по природе наглый и нахрапистый. Во время цветения он дает обильный пух, какой ни одно дерево не дает такое количество семян. Среди лета кругом всё бело от этого пуха. Тополя стараются насадить свои отпрыски и в тайгу, но ничего не получается. Даже городской парк не принимает эти семена. Давно заметил, что под тополем нельзя долго находиться. Минут пять постою под тополем, и хватит. А если я долго постою, то у меня начинает портиться настроение, болит голова, перебои в сердце. Тополь забирает у нас негативную энергию. Это хорошо. Но может получиться и перебор. Потом он возьмется и за положительную энергию. То, что ветка тополя бьется в окно, она мне не мешает. Я как-то сроднился с ней. Я ей вреда не делаю, а она мне. Получилось полное содружество. А ветка придает мне силы, придает мысли, повышает настроение. Ветка словно имеет разум. Моё стекло не позволит из меня брать энергию.

А вот тайга всегда слушает зверя, любого дикого животного, особенно человека. Ведь он на всё готов, на неожиданную па-

кость. Иногда она его боится. Порой мстит ему. Придет злой человек собирать грибы, она и начинает его кружить. Заблудится человек. Мечется человек, кричит, людей зовет на помощь. Тайга может пожалеть человека, а может и убить. В тайге есть гиблые места. Даже в нашем округе есть гиблое место. Как-то давно я попал в тот темный лес. Грибы собирал, да забрел туда. Есть деревья согнутые, закрученные, много упавших, хотя ещё молодые. Темный, густой лес. Там стоит полумрак даже в солнечный день. Жутко стало. Вроде даже слышал голоса. Я отозвался, но мой голос тут же и утонул в густой чаще. Долго плутал. И что было удивительно, чаще возвращался на место, где я уже был. Потом я остановился, успокоился и начал читать молитву. Крестился и молился. Просил Боженьку найти мне выход из гиблого места. Вышел, но больше туда не ходил.

Я дома. Сидел у своего окна. Полдень. Снег крупными хлопьями от легкого ветерка натёкался на стекло, и скатывался на карниз. На нем он кружился, и пытался забиться в уголки, но ветерок отгонял его и сбрасывал на бетонку

Я любовался этими белыми мухами. Они придавали мне настроение, бодрость, и желание сесть за стол к новой рукописи, что я и сделал.

Утром решил пройтись по городу. На дороге снег растаял и превратился в лужи. Шел по тротуару. Одна из машин проехала рядом с тротуаром, где скопилось много грязной воды. Она окатила меня и молодую женщину. Она катила детскую коляску. На мгновение я увидел широкое и довольное лицо шофера. Возможно, этот товарищ от рождения такой веселый пакостник. Такие моменты ему весьма нравятся. Он без них не может жить. Я таких людей навиделся. Они вдохновляют его на новые свершения ради собственного удовольствия. Я не стал возмущаться и кричать. Зачем? Кричать ради успокоения? Ради чего? И среди пишущей братии есть неумные и мелкие пакостники, готовые всех подряд облить грязью. Да в любой организации они есть. Вот один среди них.

А вот молодая мамаша разразилась такой бранью, что даже я почувствовал, как у меня покраснели уши и лицо. Я уже писал, да и многие меня знают, я не люблю мат. В русском языке есть и

другие слова, которые можно использовать в таких вот случаях. Она бросила сигарету, и с прокуренным лицом наклонилась к ребенку. Я решил успокоить её. Надо как-то утешить молодую маму.

– Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь. Что с него взять? Лихач. Меня он тоже окатил водой. Эта вода образовалась от свежего снега. Вода эта в чем-то полезна.

Она выпрямилась, и взглянула на меня бешеными глазами.

– Ты чего это, старый козел здесь пургу гонишь? Успокаивать меня надумал? Пошел отсюда со своей свежей водой! Ты посмотри, он ещё измываться надо мной вздумал! Пошел отсюда! Я тебя самого в воду превращу! Пошел!

Между словами отвратительный мат.

Ребенок начал кричать и дергаться.

Да, это было хамство высшей категории. Минуту назад я встретил сразу два хамства. Для меня это был перебор. Надо же в одно время, да ещё с утра. Впереди целый день. Не повезло мне сегодня. Нет, нет, я не обиделся. Зачем обижаться? Этих людей уже не воспитать. Даже наши местные знаменитые лекторы не помогут. Этих товарищей ничем не прошибешь.

И решил я к ней обратиться.

– Девушка, не надо так нервничать. Молоко может у вас исчезнуть от вашего мата и крика, да и от вашего курева.

Она начала глубоко и нервно дышать. Я понял, что надо уходить.

А для ребеночка молочко может исчезнуть от кричащей и курящей мамы. Конечно, она ещё и пьющая. И я пошел. А молодая мамаша перешла на ужасающий визг.

– Ах ты, гнилой мухомор! Я тебе покажу, как мне указывать жить! Молоко! У меня его уже давно нет! От такой собачьей жизни одни сплошные нервы, а не жизнь! А ну, старый хрыч, стой! Стоять, я тебе говорю!

Я продолжал путь. День испорчен. Давно заметил, что если вот так начинается утро, день будет с сюрпризами. Прошел немного, а меня встретило ещё одно хамство. Видимо, в этот день хамство летало над нашим городком. Оно многолико. Я даже почувствовал его. Вместе со снежинками оно кружилось в ве-

селем хороводе, касалось макушек голов некоторых людей. Отправляя в головы свои невидимые щупальца, как это иногда делает темная сила, зависая над городком, и тоже свои присоски втискивала в головы товарищей и господ. Так что над нашим городком, эти два понятия, как хамство, и темная сила в тесном содружестве зависли над всей нашей планетой. Они везде, от них не скроешься. Коснувшись головы человека, заставляет его нахмуриться. В глазах появляется злоба, зависть. Порой человек не понимает, что с ним вдруг такое происходит. Я бы мог помочь такому человеку, но он не поймет меня, и ещё более обозлится. Ответ простой. Надо прийти домой. Принять теплый душ. Отключить все негативные мысли. В это время напевайте какую-нибудь веселую песенку. Поймите меня правильно. Хамство и темная сила не любят никаких веселых песенок и легких мелодий. Они не любят старинные песни и музыку. Хамство и темная сила очень любят современную музыку с барабанным боем в виде несмолкающих звуков в виде –бум –бум-бум-бум. Я видел шоферов, которые включали такую вот песенку из двух ничего не выражающих куплетов. В это время у человека округляются глаза, и в них пустота, и ни одной мысли. Я специально пытался с такими людьми разговаривать. Кроме бум-бум, они ничего и никого не слушают. С ними не о чем поговорить. Им не до меня. Они слушают бум-бум. Так вот. Постоите под душем минут пять. После душа хорошо надо протереться и лечь на диван. Пока не надо включать телевизор и не слушать никакую музыку. И вы легко заснете. Проснетесь бодрым и веселым. Я вот уже много лет так делаю, после того, как кто-то мне вымотал нервы. И не забывайте про свой карман, в котором находится кукиш. Он помогает хоть немного оградить вас от хамства и негативной энергии идущей от человека, принесшего вам пакость и грязь сплетен. Всё это лучше всяких таблеток. А ещё я иду в тайгу или в парк. Как хорошая хозяйка ведет душевные беседы в теплице с помидорами, с огурцами, с курами, утками, гусями, так и я разговариваю с деревьями, таежными цветами. И вот в этой книге я, наконец-то, признаюсь в этом моем, с вашей стороны, недостатке. Теперь можете смеяться надо мной. Хотя я над

вами не смеюсь, когда вы ведете милые беседы с помидорами и курами. Почему тогда вы смеетесь надо мной?

Как я и подумал, хамство продолжало не отпускать меня, а вилось надо мной. Я его чувствовал, и с волнением и тревогой ждал нового появления. Левую руку из кармана не вынимал. И это хамство появилось передо мной. Мне преградил путь один из моих знакомых. Когда-то он трудился на непонятной для меня должности в городской администрации. Как и положено, тоже почетный гражданин.

Он стоял передо мной, как монумент. Как всегда ухоженный товарищ, чисто выбритый, Красный галстук опоясывал мощную шею. Бравый мужчина. Вот только ноги подводили. До сих пор он ходит на немного согнутых ногах. Многолетняя привычка, знаете ли. Сейчас он стоял передо мной и как не странно не хмурился, а улыбался. Но я хорошо знал эти улыбки. Хмурость и вот такая улыбка в тесной паре, как хамство и темная сила. В глазах недоверчивость.

– Приветствую товарища или господина Стрелова.

И он даже соизволил немного хихикнуть.

– Какой же я господин. Слово товарищ мне роднее.

– Это я так спросил. Не обижайся. Всё продолжаешь что-то там чиркать. Я не читал твои книги. Мне рассказывали. Всё не уймешься? Пора бы уж честь знать, и уняться. Нехорошо. Брось.

Он стоял передо мной, почти упирая свой живот в меня. Голова откинута, недоверчивый взгляд сверлил меня. Есть такие вот люди. Они как бы висают над человеком, конечно, если чувствуют над ним превосходство. В другой ситуации они вроде уменьшаются, и на почтительном расстоянии подбирают живот, и подгибают ножки. Андрей Иванович продолжал разглядывать меня. До этого он шел, и никого не трогал. Никого не боялся. А кого он теперь должен бояться? Он на пенсии. Вот только эти ноги, ну никак не выправляются. Привыкли, знаете ли. Что с них взять? Вид у него был довольный, сытый. А тут на тебе! Стрелов нарисовался. Можно и повеселиться. А так как Андрей Иванович человек начитанный, культурный, интеллигентный, можно попробовать и воспитать этого писаку, соизво-

лившего что-то там начиркать. Я всегда старался избегать вот таких товарищей. Спорить я с ними не желал. Я уже писал, что я не люблю спорить с женщинами, и вот с такими мужиками. Андрей Иванович по-своему веселился.

– Значит, товарищ Стрелов не господин? Похвально.

– Не господин.

– А как ты думаешь, кто я?

– Господин, наверное?

– Наверное, – передразнил он и громко засмеялся, ещё сильнее откинув голову.

– Откуда мне знать?

– То-то, а собрался что-то там чиркать. Прежде чем что-то писать, надо было бы, мой голубчик, учиться в институтах. Я, например, ВПШ окончил. Зачем не учился? И зачем ты лезешь туда, куда тебя не просят?

– Учился я.

– Да брось ты, – махнул он рукой. – Не смейся. Ладно, что с тобой. Ты вот что мне, голубчик мой дорогой, ответь мне на такой вопрос, если ты такой умный. Как ты думаешь, куда мы катимся?

– Не понял. Сейчас ещё не время кататься на лыжах.

– Так, – такнул он и перестал смеяться. – Причем здесь лыжи? Я про другое тебя спрашиваю. Умничаешь? Нехорошо. Умничать тебе не по Сеньке шапка. Тебе бы надо быть скромнее и тише.

– У меня был по работе товарищ Сенька Рыбаков. Так вот он, бывало, говорил, что лучший продукт для него, наступившее воскресенье. Откуда вы знали Сеньку? Кстати, он даже зимой шапку не носил. С открытой головой всю зиму ходил. У него была копна волос. Зачем ему шапка? Значит, вы знали Сеньку. А кто его не знал? Все знали.

Андрей Иванович совершенно нахмурился. Глаза забегали. Он даже немного отступил от меня, и стал дышать глубоко и чаще.

– Ты этого, понимаешь, что тут из себя возомнил? Какое ты имеешь право, недоучка, передо мной умничать? Не дано тебе такое право умничать!

– Опять я виноват? – спокойно спросил я. – Вы сами спросили про Сеньку Рыбакова. Если вы его знали, то почему стали нервничать? Не понимаю. Сенька был неплохой мужик. В меру весьма ушлый.

– Ты замолчишь? Причем здесь какой-то Сенька? Плевать мне на твоего Сеньку!

– Зря вы так, Андрей Иванович, зря. Так вот этот Сенька...

– Молчать, сукин сын! – крикнул Андрей Иванович, и даже затрясся. Вроде и живот уменьшился. – Молчать! – Пошел вон! С тобой говорить, только нервы портить! Как ты был рабочим, та и остался рабочим. И нечего лезть в чужой монастырь со своим уставом!

– Андрей Иванович, у нас здесь нет монастыря, а есть две церкви. Так вот этот бедовый Сенька...

Андрей Иванович махнул рукой и засеменял от меня, потом, видимо, хватился, и пошел в другую сторону. А я вот о чем подумал, правильно ли я поступил вот так с этим человеком? Не знаю. Надо было выслушать его унижения насчет меня, слушать оскорбления? Он унижал меня. Я ведь тоже человек. Таких людей, как он много. Пусть бы повстречался с таким же человеком, как он сам, и умничали бы. Вспоминали бы свою работу. Хорошо было сидеть в тихом кабинете, перебирать бумажки, писать отчеты, готовить лекцию для выступления среди рабочих. Золотое время было. Конечно, вспомнили бы они благословенное время, когда за каждую лекцию платили. А вот теперь на пенсии. Я почему-то уверен, что он прочитал мои первые два романа «Зона» и «На острове снов», где описал вот таких лекторов. И, возможно, себя узнал. Как посмел этот рабочий написать и напечатать такое? Какое он имел право? Ему не только писать, но и думать, надо запретить. А он посмел что-то там начиркать и высмеять честных тружеников.

Подумал я так, и всё-таки, не раскаялся. На хамство и грубость не надо бы отвечать, а вот поиграть немного надо. В его хамстве заключалась игра. И мне захотелось поиграть. Вот и поиграли. Так зачем на меня сердиться? А потом мне стало его жалко. Его надо понять. Сегодня он столкнулся с хорошо знакомым ему человеком, но для него непонятным. А такие непо-

нятные и подозрительные люди, вызывают в людях некоторые чувства. И эти сложные чувства иногда настораживали таких людей, как Андрей Иванович, и пугали. Сближаться с ними было опасно. Можно было влипнуть в нехорошую историю. А в благословенные времена быть знакомым с подозрительным типом, как Стрелов, особенно опасно. Тем более если этим типом были заинтересованы особые органы. Эти типы были на учете у КГБ. Благословенное время кануло в лету. Обидно. И что обидно, эти подозрительные типы не исчезли. Они ходят по городу и раздражают таких людей, как Андрей Иванович. Разве не обидно? Хотя сейчас можно и полиберальничать с этим типом. Поставить его на его положенное место, чтобы сильно не умничал. Вот и встретился Андрей Иванович с подозрительным типом. Надо бы его немного поучить, как вести себя с такими культурными, интеллигентными товарищами, как Андрей Иванович. В общем, Андрей Иванович решил поучить этого негодника. Поучил на свою голову. И всё-таки, мне его жалко. Он не виноват, что такой вот он. Просто он жил в таком времени, воспитывался со школьной скамьи по коммунистической идее. Потом учился в Высшей Партийной Школе в Москве. Потом работал в райкоме, райисполкоме, читал лекции. Что с него взять? Что взять с таких людей? В их всё осталось накрепко и навсегда. Хоть я, иногда подсмеивался над ними, но я их уважал за их преданность своей идеологии. Были среди них и такие товарищи, которые, как говорится, держали носы по ветру. Поменялся ветер, и они поменялись. Вот таких людей мне не жалко. Это страшные люди. Вот теперь, такие вот товарищи, в один день назвавшие себя господами, захватили власть, начиная от районов до Москвы. А такие товарищи, как Андрей Иванович к власти не пришли. Их просто оттолкнули. Живут они теперь, и никому не мешают. Просто он сегодня решил полиберальничать с подозрительным человеком, который в советское время был под присмотром КГБ. Теперь можно с ним поговорить, и устыдить этого мужичка, чтобы не лез, куда его не просят. Получилось всё наоборот. И вот ещё о чем я подумал. А если с ним пооткровенничать? Возможно, в нем и появится что-то, уже в нем самом, что-то непонятное для него. Надо попробовать. Он, всё-таки,

человек. А человек, это такой сложный механизм, равного ему живого существа нет на нашей планете.

На другой день мне встретился знакомый мне Демьян Акинфович. До этого он трудился на разных партийных работах, и в райисполкоме. Видимо, что-то не то сказал первому секретарю райкома партии и его отправили в колхоз. Он начал работать заведующим молочно-товарной фермой. Одновременно он был секретарем партийной организации в колхозе. А вот на ферме была сплоченная партийная ячейка из трех человек. В ней был сам Демьян Акинфович, старая уборщица Авдотья и сторож Агафон Дермедонтович. Демьян собирал свою ячейку и вел их в красный уголок колхоза. Там он ставил насущные вопросы современности. В этом же красном уголке он проводил и политзанятия с коммунистами колхоза. В углу его кабинета стоял сейф, где хранились партийные документы. Коммунисты на занятиях как-то ещё слушали его, а вот сторож Агафон постоянно начинал дремать. Приходилось будить. А вот с бабкой никаких хлопот не было. Она с превеликим удовольствием слушала зажигательную лекцию партийного руководителя. Она с умилением смотрела на лектора. В её больших глазах, он видел понимание, и даже сочувствие. Ему нравилось, как она слушала. Остальные колхозники и дед начинали дремать. Председателю колхоза он похвалил бабку Авдотью. Председатель ответил:

– Вы у нас ещё только три месяца. Послали к нам работать. Это хорошо. А насчет бабки Лукерьи ясно. Она с детства глухонемая. Уборщица она хорошая. Ещё в молодости ей предложили вступить в партию за её самоотверженный труд, и она согласилась.

И вот мы встретились с ним. Сейчас он, как и я, на пенсии. Его серые глаза ещё более посерели. Он не знал, куда девать руки. Мне, кажется, что и глаза его не знали, куда им деться. Чем-то он был похож на Андрея Ивановича. Вот что значит, многолетний труд в партийно-хозяйственных органах. Мне его тоже стало жалко, как и Андрея Ивановича. Я первым повел разговор.

– Здравствуйте, Демьян Акинфович. Погода отличная.

И вдруг он решил поддержать меня.

– Отменная. Зима скоро.

– Легкий морозец, – ответил я. От такой погоды, как я посмотрю, немного даже помолодели.

Глаза его остановились и приобрели прежний цвет, ярко-голубые. Это уже лучше. Надо выручать мужика. Неужели я такой страшный для бывших работников в партии.

Пора бы уж им всем успокоиться.

– Не знаю, – ответил он, и недоверчиво улыбнулся.

– Не скромничайте, Демьян Акинфович. Давно вас не видел. Не меняетесь вы. Я как-то помню, вы приходили в наш цех, побывали среди слесарей, и выступили с лекцией по увеличению крупнорогатого скота и заготовки кормов. Умная лекция. Я до сих пор её помню.

На его круглых щечках проклюнулся легкий румянец. Он стал успокаиваться.

– Как? Смеетесь? – немного недоверчиво улыбнулся он.

– Над таким делом смеяться. Я это на полном сурьезе говорю.

– Вы помните, а я грешным делом думал, вы этого, как его, вы не такой. Вы ведь всегда были против всего. Мне говорили в вашем парткоме, да и в райкоме тоже говорили.

– Поменьше надо было слушать их.

Он даже немного выпрямился. Я чуть всё дело не испортил. Надо исправляться.

– Ладно, об этом. Я ещё раз повторяю. Прекрасная была лекция. Тогда многие слесаря вдохновились. Конечно, вы тогда не заметили, как мы все вдохновились.

Помню тот вечер. Я вышел на улицу и от тоски завыл. В тот вечер, на той лекции, многие слесаря дремали, выдыхая остаточный дневной перегар. В уголке курилки нас ждали под столом вожделенные бутылки и закуска. Слесарям было не до лекции. Такое было везде, по всей стране. Всего я этого навидался и наслушался. И странно было то, и крайне удивительно, что эти партийные товарищи лекторы не замечали и не понимали глубину нашего простого народа. А потом кого-то винили, что-кто-то развалил партию. Сам народ не верил ей, даже подсмеивался.

И тут он ответил:

– Почему же я не заметил? Люди всегда активно собирались на политзанятия и на лекции. Я видел их внимательные лица.

Врешь, хотелось мне сказать, ничего ты не видел, просто ты исполнял указание райкома партии. Тебе нравилось читать лекции, и потом за каждую лекцию получал денежки. Демьян Акифович начал развивать мысль.

– Конечно, куда мне до таких прославленных лекторов, как Дрожжин, Балаболкин. Они могли без отдыха до двух часов подряд говорить перед аудиторией. Я тоже тренировался перед зеркалом так говорить. К сожалению, меня хватало на полтора часа. Это были мастера высокого класса. Давно их не видел.

– У вас вроде есть хозяйство? – спросил я, чтобы увести его от тоски по благословенным временам.

-- Понимаете, Юрий Иннокентьевич, у нас с благоверной есть дача. Редис, лучок там произрастает. Сделали поползновение на курочек. Живем понемногу. А как у вас, Юрий Иннокентьевич?

– У меня тоже есть поползновение, но только на полное одиночество в моей однокомнатной квартире, и ничего лишнего нет.

– Говорят, что вы что-то продолжаете писать. Вот бы почитать.

– А пойдете ко мне, – вдруг предложил я. – Как у вас со временем? Жена не будет вас ругать, что вы пошли ко мне?

– Она на неделю уехала в деревню к дочери. Конечно, моя жена Фрося, негативно относится к вам. Тоже много наслышана. Да это и понятно.

– Забудем это. Пойдемте. Ваши курочки подождут.

И мы отправились ко мне. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось пригласить этого человека к себе. Есть мудрые и вечные слова древнего философа Сократа: «Я знаю, что я ничего не знаю». Два часа назад я даже не знал, что приведу этого человека в свою комнатку. И почему я должен утверждать, что я знаю себя? Конечно, и это, правда, я совершенно не знаю себя.

Он оглядел мою комнату и тяжело вздохнул:

– Не ожидал. Слухи, знаешь ли, штука скверная. Не ожидал. Всё скромно и всё на месте. А ведь мог бы ты лучше жить. У всех твоих товарищей по перу изрядные квартиры, и в них всё есть.

Да и у моих коллег по работе приличное жильё. У меня, например, четыре комнаты. Вдвоем с женой живем. Дети разъехались. Как говорится, чем меня порадуешь?

Вдруг он стал мне ближе. Он перешел со мной на «ты». Показал ему свои книги, выпущенные в Иркутске. На ноутбуке он увидел мои произведения. Он не смотрел на меня, а стал листать книги. И вот он углубился в чтение. Не стал ему мешать. Сообщил ему, что надо сходить в магазин за кое-какими продуктами. А когда выходил, он сказал:

– Буду читать. Тут без тебя чайку заварю. Читаю быстро и всё понимаю. Как наш Владимир Ильич, читаю быстро, но всё разумею.

Зачем-то пошел через городской парк, хотя можно было пойти напрямую. Со мной такое бывает. Могу дверь на замок не закрыть, могу пойти туда, куда не надо бы идти, где обязательно кого-нибудь встречу, кто начнет мне нервы мотать. Такая уж у меня судьба. Куда не надо бы, то обязательно вляпаюсь. Кто знает? А может, тот, кто находится у меня внутри, ведет меня туда, где ему интересно? А каково мне? Для какого-то познания, для нужного ему эксперимента? Возможно, и так. Хорошо, подумал я. А что сейчас будет? Какая напасть встретится мне для познания мира? Любопытно.

Кажется, вот она напасть.

Посреди узкой аллейки стояли две женщины. Обсуждали свои дела. Но почему-то я заострил внимание на шестилетней девочке. В её тоненьких ручках была бутылка с пивом. Конечно, эта бутылка была мамина. У женщин в одной руке были бутылки с пивом, в другой сигареты. Иногда они отхлебывали пиво, и тут же курили. Терпеть не мог курящих женщин при детях. К тоненьким и белым ножкам девочки с приятным личиком, хоть сейчас фотографируй её для выставки, пристал котенок. Он нежно мяукал и терся о ботиночки. Девочка вся такая ухоженная, ну прямо принцесса. Приятно было смотреть на такую прелесть с котенком. Странно, но внутри у меня возникло беспокойство, болючий комочек возник под ложечкой. Что это? Пока ещё не знал, что произойдет дальше. И тут приятная картина стала меняться. Девочка пнула котенка. Он, видимо, не понял,

и снова полез нежиться к ботиночкам. И вот тут увидел личико девочки. Неожиданно у неё глаза округлись, и потемнели от ярости. Просто на глазах, маленькая левочка стала превращаться в чудовище. Она ударила котенка бутылкой, один раз, потом второй раз. Мои ноги словно приросли к бетонке. Надо спасти котенка! Девочка оскалила беззубый рот и дико закричала. Она схватила котенка и стала рвать у него пасть. По её ручкам текла кровь котенка. Наконец, я оторвал ноги от бетонки и побежал, чтобы спасти котенка. В это время маленькое чудовище бросила животное к своим ногам, и стала его топтать. Я оттолкнул это непонятное создание. Котенок был мерв. К нам бежали женщины, чтобы остановить разбушевавшегося, я даже не знаю, как называть. Со мной подбежали три женщины. Что сделали курящие женщины? Они загородили от нас изуверку.

Одна женщина схватилась за грудь.

– Ой, сердце! Мамаша, как вы такое позволили? Это варварство!

Вторая женщина кричала:

– Кого вы воспитали? Что с ней будет дальше?

Третья женщина не могла стоять. Ей стало плохо, и она села на скамейку. Я увидел в её глазах слезы.

Я тоже подошел к мамаше ребенка. Она с силой держала разбушевшую дочь. Ворчала.

– Как ты смела нашу бутылку разбить? Ударила бы раз и хватит. А ты начала и по бетонке бить? Вот и разбила. Я потом с тобой разберусь!

– Так надо, – злобно ответила девочка. Глаза успокаивались. Беззубый рот плотно закрылся, но она продолжала ехидно улыбаться.

– Мамуля, – сказал я, – если вы воспитываете такого ребенка, значит, и вы такая же жестокая не только к животным, но и к людям.

– Не твою ума дела, старый пень. Иди ты вон с теми волосогрызками знаешь куда?

Её подружка, отхлебнув пива, закурила.

– Жалко бутылку. Девка зря разбила. Потом ишо возьмем.

Мамаша добавила:

– Где люди, где? Где? Три мужика у меня было. Ну и чо? Я их в гроб загнала. Пить не умели. Слабаки оказались против такой бабы, как я.

И задрав узкий подбородок, громко засмеялась, но тут же оборвала смех и нахмурилась, как это бывает у алкаголиков, особенно у пьющих женщин. Она наклонилась в нашу с женщи-нами сторону.

– Чо вам надо? Чо вы пристали к ребенку? Чо? Она ишо ребенок. Пошли вы все отседа! Расходились все здесь правильные, просто жуть! Простому человеку негде отдохнуть с ребенком. Мы шли, никому не мешали, никого не трогали. Чо вы нам мешаете икультурно отдохнуть? А нам плевать на вас правильных. А мы можем вас, сволочей и тронуть, как вон тово котенка. Некаво здесь вам бродить, где люди культурно отдыхают.

Маленький чудовищ выглядывала из-за узких броек своей мамыши, и показывала мне язык. В её глазах жесткость, но она тихо улыбалась. Как помочь этому ребенку? Я не знаю. Лечить? Бесплезно. Наша медицина не поможет. Грешным делом я подумал, что в девочку вселилась нечистая сила. Это был настоящий вирус. Он проник неведомо откуда, может из космоса прилетел. Девочке нужна встряска, чтобы вышибить из неё этот вирус. А как вышибить этот негатив из вот таких мамуль? Это же законченные пьянчужки. Неожиданно мне стало страшно. Этот вирус распространился по всей нашей планете. Такое творится везде. Навидался. Всё больше рождается недоразвитых детей. Да и сами взрослые не уступают вот таким детям. Разве здоровые девушки, что пели и танцевали в храме Христа Сапасителя здоровые? Они больные. В них поселился вирус. В некоторых городах девчата раздевались догола и плясали. Что это, как не болезнь. С этим вирусом проникает в человека дебилность. Я уже писал, что порой мне кажется, что над нашим городом витает сам Сатана, и его присоски касаются голов некоторых товарищей и господ. Он летает над всей нашей планетой.

Женщины пошумели и разошлись по своим домам.

Потом к растерзанному котенку подошли женщины в красных куртках. Это уборщики улиц. Они все курили. По их гру-

бым голосам можно понять, что они ещё не опохмелялись. И вы думаете, какие у них дети? Можно только представить.

Они молча подобрали котенка и бросили в мусорный ящик. Они шли мимо меня и не обсуждали судьбу котенка, а обсуждали вчерашний день, когда отмечали уход одной из них от очередного мужа.

От всего пережитого мне стало не только страшно, но и грустно. Мне было не до магазина.

Наконец-то, я в тайге. Встал под свою любимую сосну. Она должна меня успокоить. Я снова услышал удивительную мелодию тайги. Хорошо вот так стоять под деревом, и чувствовать, как в тебя вливается положительная энергия. Она начала бодрить меня.

Я стоял под сосной и вдыхал аромат тайги. И порой мне казалось, что она что-то хотела мне сказать.

Решил пройтись по лесу и надышаться таежным воздухом. Шел мимо осинника, и незаметно вышел в березняк. А вот та береза, которая стояла в стороне от других своих подружек. Подошел к ней. Ствол гладкий, но холодный. Приложил ладони к стволу, и так стоял, ни о чем ну думая. Недалеко протрещала сорока, даже какая-то птичка исполнила короткую песню. Возможно, последнюю песню в этом году. Она прощалась до весны. Далеко, далеко стучал дятел. В моей голове было тихо, спокойно, и никакие мысли не лезли в голову, возможно, даже извилины выпрямились, как у профессиональных алкоголиков и наркоманов. Совершенно пустая голова. Как легко и хорошо живет этим людям. Можно даже им позавидовать. В этот момент я был счастлив. Немного я ошибся в этих людях. Возможно, у таких людей остается одна извилина, а может и полторы извилины, такие изогнутые, немного прерывистые, румянькие от счастья, что нет других извилин, которые бы помешали им. А тут простор! Свобода! Никто не мешает! Так почему, всё-таки одна извилина или полторы извилины? Очень просто. Эта извилина начинает усиленно работать. Иногда, оказывается, она тоже трудится. А куда денешься, если у этого человека всё внутри горит? Надо помочь. Надо хорошо и напряженно подумать, как и где достать любую гадость для опохмелки, или хотя бы на

одну затяжку живительного порошка. Можно и пива глотнуть для разнообразия. Люди добрые, вы когда-нибудь видели лица профессиональных алкаголиков и горьких пьяниц, особенно у женщин? Приглядитесь. Все они, как клоны, похожие друг на друга. Как правило, лица у них серьезные, нахмуренные, словно они решают глобальную проблему. Хотя в голове у них полная пустота, как в пустой бутылке из-под пива. Они нервные, дерганые, на разговоры не идут, потому что они не понимают, о чем этот человек завел с ними разговор. Юмор и шуток они совершенно не понимают. Как что-то можно понять, если в голове одна извилина и та мечется бедная в поисках разрешения очень сложной задачи – как что-то достать на опохмелку. Бедная и несчастная извилина бьется, тем самым иногда вызывает боль у пьяньчужки. А вы думаете, что сидит перед вами, или идет по улице весьма хиурый и серьезной товарищ с неуверенной походкой? Не глобальные темы он решает. Теперь вы хоть поняли этих серьезных и прохмуреных товарищей? Не верьте в эту хмурость. И уходите, убегайте от этих людей. Эти серьезные и прохмуренные ттоварищи, единственное, что у вас попросят, так это не на хлеб, а на выпивку. Есть ещё одна серьезная и прохмуренная порода людей. Это профессиональные сплетники и завистники. И что удивительно, их слушают, их понимают. Как говорится, им смотрят в рот. Эти люди тоже весьма опасные. Кстати, я их за километр чую. Стараюсь их избегать. Но почему их люди слушают и поддаются им? Этого я не могу понять. Стоя у березы, я не думал о них. Просто я взял классический пример на породу двух опасных типов. Пьяньчужки, и завистнини-сплетники. И таких людей двух пород, становится всё больше. Это меня тревожит.

Я пошел домой. Демьяна Акинфовича не было. Ключ находился в почтовом ящике. На всё это у меня ушло шесть часов. Попил чаю и лег спать.

Утром решил пройти по городу. И тут повстречался с Демьяном Акинофовичем.

- Ты вчера пригласил меня. Ключ нашел?
- Нашел. Ну и как книги?

Он долго молчал, собиравшись с мыслями. Он, не отрываясь, смотрел на плывущие тучи, наполненные снегом. Я тоже молчал. Он спросил:

- Наверное, уже снег этот не растет.
- Зима на носу.
- На лыжах пойдешь?
- Пойду.
- Как ты думаешь, та сосна замерзает?
- Думаю, что не вся замерзает.
- Неужели и зимой можно что-то от природы услышать?
- Можно. Вся природа живая.

Он ещё немного подумал, продолжая смотреть на тучи. Потом сказал:

– Не знаю, почему, но, я тебе поверил. Странно, почему наши здесь люди этого не заметили. Твоя фантастика, это же реальность. В эту реальность я поверил. Слушай, Юрий, я думаю, что тоже встану на лыжи. С детства не ходил на лыжах.

– Если не ходил столько лет на лыжах, тогда зачем?

– Хочется зимой природу послушать. Ты ведь слушаешь, а почему мне нельзя?

– Не знаю. Но, я с детства вот такой, – отетил я. – Всегда с природой. Ну, такой я есть. А ты, только что понял. Конечно, надо попробовать. Летом хоть что-то слышал?

Он помолчал. Потом ответил.

– Давно не был в лесу. Лес, да лес. Не понял. А вот прочитал твои книги, где ты всё время обращаешься к природе, словно она твоя родственница, и поверил.

Он пошел по своим делам, а я по своим. Не надо отталкивать этого человека. Надо его приблизить. Ничего, и Андрей Иванович, всё-таки, поймет меня. Если не поймет, значит, так надо.

Интересно, а где бродит Михаил Бутаков? Где ему быть? В тайге или живет в своем подвале. Он у меня не был дома, а я у него в подвале и в зимовье. Значит, так надо. Странно. Чем же меня эта фраза зацепила? И тут вспомнил вчерашний день. Зашел я магазин. Все его называют торговым центром. В большом зале техничка мыла пол. Я не заметил одну деталь, хотя я так как-то устроен, что замечаю самую почти незначительную деталь.

Может, случайно, а возможно, специально, мальчик лет четырех задел ведро, и оно покатилося по полу. То, что случилось потом, я понял, что мальчик специально опрокинул ведро. Швабра выпала из рук технички, и она всё пыталась ухватить черенок, но он почему-то выскользнул из рук. На них были резиновые перчатки. А в это время, мальчик, тихо улыбаясь, громко шлепал по луже. На одном месте подпрыгивал. Брызги летели во все стороны. Люди обходили странно улыбающегося мальчика. Молодая мама громко спросила:

– Витя, ты что делаешь? Разве так можно?

Улыбающийся Витя ответил:

– Так надо. Так можно. Так надо.

Мимо меня проскочил, видимо, отец Вити, и схватил его за ухо.

– Я тебе покажу так надо. Что у тебя всё время это так надо? У тебя что? Нет других слов?

Улыбающийся Витя не кричал от боли. Он нежно взял руку отца, отвел от уха, и, не убирая улыбки, вцепился оставшимися двумя молочными зубами в руку папы. Конечно, папа взвыл. Он начал кричать на улыбающегося Витю. Я уловил исходящий от отца водочный перегар, перемешанный с запахом табака. Мама же взяла на ручки малыша с открытым ртом, где грозно и одновременно весело белели два молочных зубика, и нежно поцеловала в розовенькую щечку.

– Он ведь ещё совсем маленький, – говорила мама. – Мало ли что придет ему в голову

Та девочка, тоже маленькая, и тоже ей кое-что пришло в голову. Танцующие, и беснующиеся и улыбающиеся девчата в церкви Христа Спасителя тоже были молодые, и им тоже кое-что пришло в головы. А что пришло в головы взрослых балбесов, которые делали подписи в их защиту? Вот бы мне посмотреть на них. Уверен, они тоже улыбались. Давно известно, что улыбка улыбке рознь. Там были илиотские улыбки, как и у тех, кто защищал их. Я давно наблюдаю за разными улыбками. Все они разные, только надо внимательно приглядеться и понять, что обозначает подобная улыбка, или улыбочка или ухмылка. Все они разные, и их весьма много. По телевизору показыва-

ли танцующих голых девчат. Они тоже улыбались. Застывшие гримасы. Улыбка, как всё в природе, должна быть живая, но не гримасно-застывшая, как у манекена. Я ещё об улыбках напишу, так же, как о прохмуренных господах. Вернемся к улыбающемуся мальчику.

А в головку маленького и улыбающегося Витю пришло озарение. Он со всей своей чертырехлетней силой приложился к маминой щечке. Звук получился громкий и сочный. Улыбающийся Витя перешел на звонкий смех. Но в глазах я уловил явную злобу. Техничка, наконец-то, поймала ускользящую швабру. Она начала кричать на родителей, которые, по её мнению, опрокинули ведро. Мама прижала к своей молодой груди улыбающегося малыша, и побежала к выходу. Открытый слюнявый рот, и два молочных зубика приложились к шее мамыши. За дверью магазина был слышен удаляющийся визг мамыши, и дикий смех Вити. Не знаю кому как, а мне этот улыбающийся Витя с его двумя молочными зубками как бы не приснился во сне. Здесь, действительно, стоит задуматься. Я уже описывал детей с подобными улыбками, и вроде не знающие, что они творят. Сопоставил этих двух детей – улыбающихся, девочку и Витю с улыбающимися девочками, танцующими в церкви и голыми девочками, и мужичка ворвавшегося в одну из церквей и стал рубить иконы. Ведь он тоже улыбался. Сопоставил, и как на духу, испугался. Что ждет этих двух мыльшей? Я за их будущее испугался.

Скорее в тайгу, скорее! Вот она моя любимая! Лесной воздух освежил лицо, взбудрил меня. Я встал под мою сосну. Мне опять, как всегда, показалось, в меня тихонечко вошла таежная мелодия. Я уже писал об этом, что вся природа живая. Она живет своей жизнью.

Я пошел далее в тайгу по знакомой тропке.

Шел и размышлял о природе. Пытался из памяти вытеснить весь негатив, какой нахватал в городе.

Деревья общаются между собой. Тайга никогда не примет тополь в свои объятия. Многие смеются надо мной, если я говорю, что природа живая. Вернусь к тополю. Есть такой пример. У нас есть в городе небольшой парк. Там растут дикие деревья. Когда строили город, то оставили нетронутым этот участок. Живет

этот лесок, и людей радует. Там и алкаши находят приют. Где-то надо выпить и отдохнуть от обильного принятия живительного напитка. Кому-то пришла мысль, посадить несколько тополей среди деревьев. А надо сказать, что из всех деревьев тополь самый живучий. Посадили. Ну и что? Не принял лесок этих живучих деревьев. Задав их лесок. Совершенно засохли

Вот это встреча! Передо мной стояли Михаил Бутаков и Демьян Акинфович.

– Мы приходили к тебе домой. Всё по тайге бродишь? – спросил Бутаков.

– Захотелось вдруг таежного воздуха.

– Мы от тебя пошли сюда, – ответил Демьян.

– У сосны был? – спросил Михаил. – Она мне тоже кое-что спела.

– Станный у вас разговор. Раньше я бы над вами посмеялся. Дураками бы вас назвал. Теперь хоть и не понимаю, но догадываюсь. Видимо, не каждому дано слушать тайгу. А жаль.

– Всё это не от нас зависит, – ответил Михаил.

– Даже и не знаем, кто это устроил, – поддержал я Михаила.

– Мне бы такое кто устроил.

– Всё это с самого детства. Я видел двух детей. Одна девочка четырех лет разорвала и истоптала котенка, другой мальчик был не чище. У них, я уверен, такого не будет дано.

– Ладно, не буду вам мешать. У меня дома дела ждут.

Демьян Акинофович удалился от нас.

Мне захотелось поговорить с Михаилом на интересные темы. А их у меня много. Возможно, даже слишком много. Мы немножко помолчали. Первым заговорил Михаил.

– Бывает странное ощущение от разных мыслей. Тону в вопросах. Ищу ответы на них. Порой сам себя боюсь.

– Со мной такое же происходит, – ответил я.

– Вот ты разговариваешь с сосной. И я этому верю. Ты ведешь беседы со всеми деревьями, цветами, птичками. Я тоже верю. И то, что ты пишешь в своих книгах, я тоже верю. Многие не верят. И они правы. Я ведь тоже не верил. Это не только твои романы, это твои записи. Я стал прислушиваться к тайге, и понял, что она живой организм. Мне стало интереснее жить среди

деревьев. Они стали моими друзьями. К моему зимовью приходят олени полакомиться солью, зерном и другими нужными для них продуктами.

– Да, Михаил, это не романы, а скорее всего записки человека с другой стороны. А какой он, этот человек? Пусть читают и поймут его. Кто он и что он? Сейчас вот работаю над довольно большой книгой, которую так и назвал – «Жизнь моя – судьба моя». Откровения странного человека с другой стороны. Это будет как бы подзаголовок.

– Я ведь, Юрий, был ученым. Тебе этого не понять. Да и не надо. Ты прошел свои университеты. Ты сам себя образовывал. А мы? Нам вдалбливали в головы прописные истины. С первого класса по десятый класс мы занимались согласно утвержденным учебникам. Октябрята, пионеры, комсомольцы. Потом институт. Звания. Партия. Лекции, рефераты. Ты этих людей, как Андрей Иванович и Демьян Акинфович не осуждай. Таких товарищей миллионы. Они не услышат твой разговор с сосной. Да и не поймут. Им это не обязательно знать. А меня оный вопрос волнует. Если я что-то не знаю, и не понимаю, то мне хочется узнать и понять. Так я тоже устроен, как и ты. А коль я жил не так, как ты, то мне намного труднее было понять тайгу. Но ведь я понял, что надо что-то в себе менять. И стал менять себя. Иногда меня они удивляют. Не меняются они, и не желают меняться. Ведь это так интересно искать в себе то, что кто ты есть на самом деле? Они это не делают. И мне стало с ними тоскливо. Вот я и ушел в тайгу.

– Такое чувство и меня беспокоит, – ответил я. – Узнать и понять. Я действительно разговариваю в тайге со всеми. Ничего нет мертвого. Только человек этого не замечает. А если люди стали замечать, что-кто-то разговаривает с деревьями в тайге, то этот человек под подозрением. Представь, Михаил, что всё вокруг нас живое. Только мы этого не замечаем. Значит, и наша планета это есть живой организм. Мы принимаем за правду, что только человек, есть разумный. И отвергаем другие организмы в том, что они тоже живые. Наконец-то, наши космонавты поняли, что мы не одинокие, что есть ещё что-то разумное. Вспомним Юрия Гагарина, когда он был в космосе, то его сопровождала удиви-

тельная музыка, которую на земле ещё не сочинили. Музыка из будущего. И другие космонавты видели разные миражи. Во времена развитого социализма космонавтам нельзя было говорить об этом. Вот так мы и жили. Всё скрывали. Потому что заставляли нас ничему не верить, кроме светлого будущего. Наша идеология запрещала говорить об этом. Это была очередная глупость. Вспомни, Михаил, роман Станислава Лемма «Солярис». Там описана живая планета. И потом, как она наказывала людей за их неосторожное отношение к ней. А разве наша планета не наказывает своих неразумных детей за их жестокое отношение к своей родной матери? Да ещё как наказывает.

– Я об этом тоже так думал, – вздохнул Михаил. – На эту тему мы ещё в институте рассуждали у кого-нибудь на кухне. Но не все. Нас было трое таких непонятных для других товарищей. Даже о Боге говорили. И что? Был с нами секретарь партийной организации в институте, так он был с нами на той кухне. Кто-то нас всех заложил. Вместе с секретарем нас сняли с должности. В общем, уволили, всучив нам «волчьи» билеты. Много я что сменил. Того секретаря на свалке в Москве встретил. Совсем спился мужик. Потерял себя. А сколько таких судеб потеряла наша страна? Такая вот была наша страна. Теперь некоторые товарищи вздыхают о тех временах. А я вот не вздыхаю. Одно скажу. Всё вокруг нас живое.

– Порой мне, кажется, что и космос живой, – сказал я. – Так что удивляться не надо бы некоторым товарищам и господам, если кто-то разговаривает с деревьями и даже с тараканом.

Михаил засмеялся.

– С этими желтыми тунейдцами мне бы хотелось побеседовать. Их в наших подвалах много. Уговорить бы их покинуть подвалы, но они не желают уходить оттуда. В общем, я начал замерзать. Пора мне идти в мой подвал.

– Да и у меня ноги совершенно застыли, – признался я.

Мы, молча, пошли в город. Я в свою комнатку, а Михаил в подвал.

Почерневшая от напряжения туча, наползала на город. Переполненная снегом, она цеплялась за две горы, и готовилась сбросить груз на наш городок. Стало быстро темнеть. В окнах за-

жглись огни, и только в моем окне чернело стекло. Иногда по нему пробегали кривые отблески от фар проезжающих машин. Дома тепло и уютно. Теплый душ и чай с медом помогли мне согреться. Лег на диван. Разговор с Михаилом меня зацепил. В общем-то, ещё с молодости меня интересовал вопрос о том, что вокруг нас всё живое. Мир не просто сложен, он ещё и живой. Меня интересовал и сам космос. Почему он не живой? Возьмем живые звуки и миражи, что видели космонавты? А попробую я помечтать насчет всего этого дела. Космос меня всегда волновал. Мне, кажется, что все планеты, что кружатся вокруг солнца, живые. Это одна семья. Они всё знают друг о друге, и если есть возможность, помогают. Хорошо. На остальных планетах нет жизни, такой, какой мы представляем своим разумом. А если сама жизнь, сама планета? Как тогда? Создатель всё предусмотрел. В строгом порядке планеты вращаются вокруг солнца. Допустим такой вариант. На всех планетах нет биологической жизни. На Земле она появилась. Появились огромные животные. Они царствовали на Земле. Вы можете представить, если бы в наше время появились эти гиганты? Я представляю. Был бы древний человек, он древним бы и остался. Сейчас ученые гадают, чуть ли не на кофейной гуще, почему исчезли гиганты, и стал появляться разумный человек? Неизвестным нам способом наш Создатель уничтожил гигантов. И никогда не дано человеку, узнать, как это было сделано. И дано было разумному животному развиваться, и стать человеком. Извините, дорогой читатель, мне тоже хочется пофилософствовать. Но, двуногое существо, называемое себя разумным существом, стоящее на двух ногах, стало не лучше тех гигантов. Последствия его деятельности я не буду перечислять. И долго нашему Создателю терпеть безобразия двуногого и разумного существа? Не знаю. Не дано нам знать. Но, терпение может лопнуть, вот тогда и придет апокалипсис. В какой форме он придет, нам и это неизвестно. Вулканы, наводнения, землетрясения или град метеоров. А то и космические пришельцы опустятся на нашу Землю, чтобы навести порядок. А может, и сам Бог появится перед нами грешниками, и скажет, хватит вам безобразничать. И начнется великое наказание за грехи наши. А может, сойдутся светлые силы с темной

силой, и начнется великая битва. Но, то, что-то должно произойти, то я это чувствую. Останутся на нашей планете избранные люди. Вот с них и начнется на Земле новая великая и разумная раса. Исчезнут войны, разные распри между странами и народами. Будет одна раса – разумный человек. Будет всего одна вера. Вера в нашего Создателя, в нашего Вселенского Бога. Не будет границ, государств. С лица Земли исчезнут такие заразы, придуманные во вред человеку: табак, наркотики, спиртные напитки, пресловутое пиво. Исчезнет тяга к играм в казино, сотрут с лица Земли проституцию, уничтожат, как исчадие ада лесбиянок и гомиков. Начнется борьба с болезнями, которые вносятся в наш мир темными силами. Ученые, наконец-то, обратят внимание на солнце и космос, откуда можно брать дешевую энергию. Человек будет жить активно, долго и счастливо. Я всегда выступал и говорил именно за такое будущее на нашей планете. И если внимательно прочитать все мои романы, там читатель поймет мою сквозную мысль. Мечта о таком обществе. И тогда мы будем жить в дружбе с нашей матерью Землей. А разве Солнце мертвая звезда? Эта звезда живая. В нескольких десятках километрах от Земли находится плазма. Через неё проходят губительные для человека лучи от Солнца, а для плазмы питательная среда. И эта плазма живой организм. Давайте представим, что именно туда отправляются наши души после физической смерти? Там находится огромный компьютер из плазмы. А вдруг все наши мысли, и те, которые мы должны произнести, имеют тесную связь с нашим мозгом? Ведь наш мозг, это есть копия вселенной. И всё это завязано с солнцем. А разве ад не может быть на Солнце? Почему бы и нет? Там все поместятся. А сама плазма, есть хранитель-библиотека. наших разных мыслей. Ведь наши мысли материальны. Любопытно вот что, а если у человека разумного осталась всего одна извилина, которая направлена на то, где бы опохмелиться? От остальных мыслей мозг очищен. Такие мысли тоже там хранятся? А ведь наши души там тоже трудятся. Они ведь там не ведут праздную жизнь. Некоторым из них приходится за нами, бедолагами наблюдать, что мы творим. После физической смерти отправлять его туда, что он заслужил. Мне, кажется, что все грешники попадают в подземе-

лье под кнут, а на солнце на жаровню, обжигать грехи. С одной извилиной там им место, но вначале надо им побывать в каком-нибудь подземелье, чтобы они покатали свои тачки с грехами, а потом под кнут. В своих романах я описываю эти подземелья и грешников с тачками. А потом уж на обжиг исправлять извилину. А если уж в будущем при рождении нового ребенка, начнет опять оставаться прежним, и не работать над собой, то с таким существом я и не знаю, что сделают. В общем, поджарят, обсушат, глядишь и пригодятся на что-нибудь, если отправят в наш мир. А вот в кого или во что отправят, это дело самого Создателя. Да и нормального человека после смерти побывавшего в плазме, порой направляют в только что родившегося ребенка. Так что некоторым ученым, особенно из времен развернутого социализма, болтать на весь мир, что в космосе нет жизни, не стоит. Весь над нами небосвод, усыпанный звездами, кипит жизнью в живом космосе. Как-то раз, случайно, я услышал, как выступали ученые о том, что в сторону Земли летел огромный метеорит. Пролетал он мимо Юпитера. Этот метеорит был разорван на куски. Даже до Юпитера не долетел. Разорван и всё. Что это? Юпитер не пожелал, чтобы он упал на Землю. Это одна сторона дела. Другая сторона более сложная. Кто-то всем этим делом управляет. Даже невозможно представить такого руководителя! Следовательно, Он следит за Солнечной системой. Мы говорим, что Солнце огромный огненный шар. Но ведь кто-то же создал этот шар, и другие горячие звезды. И они в строгой последовательности летят в космическом пространстве. А вокруг каждой звезды в строгом порядке кружатся планеты. И все эти планеты связаны друг с другом, как и со своей звездой. Наша Луна тесно связана с Землей. Улетит Луна, и всё на Земле погибнет. Мы все зависим не только от Солнца, но и от Луны. Её кто-то же создал для нашей планеты. Она регулирует морские течения, от движения которых работает нужный нам климат. Всё завязано. Вся вселенная, созданная Всевышним разумом, которого можно назвать – Бог, живая. Это живой организм. Всевышний Разум создал вселенную с многочисленными галактиками, и другими нужными ему вселенными. Возможно, где-то в необъяснимых просторах бескрайнего космоса находится Он. Созда-

тель всей вселенной. Для нас космос бескрайний, а для него он есть. Откуда нам известно, если ли конец бесконечности? И эту бесконечность знает только он, Создатель. Вселенский Бог. И если есть она, эта бесконечность? А вдруг эта бесконечность, и есть наш Создатель? Значит, нет бесконечности? Он живет там, и наблюдает за своим созданием. Кое-что подправляет, кое-что стирает с тела вселенной. Он вечен. Можно только представить нашего Создателя, какой он есть на самом деле? Невозможно представить. Космический разум в образе человека в этой бесконечности? И находится он за пределами вселенских созвездий. И вся эта вселенная для него вроде игрушки в большом аквариуме. Так что той бесконечности космоса, о которой твердят ученые – нет. И все наши вселенные находятся в огромном, но для него нормальном, аквариуме. Я уже писал о строении космоса в своей книге «На острове снов», и в романе «За горизонтом вселенной» И от той теории возникновения вселенных от взрыва и соборования её в одну точку, не отказываюсь. Потом они опять разбегаются, потом опять собираются, и за всем этим механизмом следит наш Создатель. Повторяться не буду. Читать надо мои книги. Вот и весь ответ. Просто мысленно представьте этот аквариум, а вместо воды в нем, космос. А в нем летают, словно плавают, звезды со своими планетами. Он создал этот аквариум, и находится рядом с ним. Аквариум летает не в хаотическом состоянии, а в строгой окружности. И конец всему этому знает только он, Создатель. В любой момент он может прекратить этот процесс. Это только нам кажется, что всё бесконечно. И что нет пространства и нет времени. Для него всё это есть. В один момент всё уничтожит, и создаст новый живой мир в этом аквариуме. И вся наша вселенная в его могучих руках. Мы вот двуногие разумные существа живем в домах, которые мы построили. И жить нам хочется, как можно дольше, а жрать, как можно слаще. Это наша идеология. Он всё создал, и нас двуногих существ. И созданная Создателем вселенная тоже дышит. И весь этот процесс для него скоротечен. За этот короткий премежток времени, который мы исчисляем в миллиарды лет, а для Создателя совсем короткое время, на живых планетах вот такие, как мы живые и разумные существа. Мне ответят, что на Венере и на

Юпитере текут реки из метана. Другая планета покрыта льдом. Мы смотрим на собственный пуп. Вот так должно быть, а не иначе. Нет там жизни. А может, там жизнь в другой оболочке? Сама планета и есть живой организм. Ведь на метеорах ученые находят живые организмы. Космос живой? Это и подтверждает, что он живой. Мы даже не знаем, что находится внутри нашей планеты. Что есть Луна? Опять хочется поразмышлять. Ну, например, на Марсе была биологическая жизнь. Зачем и кто уничтожил эту жизнь на Марсе? Кто нам ответит? А вдруг человек с планеты Марс? Возможно, мы все оттуда? Кто ответит? Знает только Он. В своей новой книге «Сон в тумане» я упоминал пришельцев из глубокого космоса Мака и Раду. Ещё в древности, когда бродили огромные хищники, люди с той планеты побывали у нас. Некоторые космонавты исчезли. Возможно, погибли от зубов хищников. А вдруг, они выжили? Кто теперь ответит? Разве я не имею право помечтать, и представить тех людей, которые остались навсегда на дикой планете? То, что я пишу здесь, вот так откровенно, боюсь признаться. Засмеют. А то, что я вижу фантастические дневники, для людей это просто фантастика, моя придумка. Даже мои товарищи, которые тоже пишут и даже издают книжки, говорят, что это я там опять выпустил фантастику? Ведь Стрелов писал добрые очерки, рассказы, зарисовки, фельетоны. И продолжал бы писать. Но, ведь я их тоже пишу. Уже вышло несколько книг с зарисовками и очерками о простом человеке. А фантастика моя для этих людей будет моим хобби. Когда мне бывает от всего тяжело, то я, облитый грязью, окунаюсь в созданный мною фантастический мир. Как там хорошо! И тогда мне пишется легко и радостно. И вынырываю я оттуда чистенький и бравенький, хотя и усталый от всевозможных приключений. А люди взяли бы, да и успокоились. Так нет же, начинают нервничать. А если успокоение не приходит? Ну да ладно. Пусть и не приходит. Это их право. Вот грязью поливать не стоило бы. Это, знаете ли, великий грех. Я же вот им всем желаю здоровья, добра и счастья. Господи, как хочется мне жить в мире со всеми не только в фантастическом мире, но и в реальном.

Размечтался фантазер. Пора и честь знать. От тяжелых дум, меня потянуло на сон, что я и сделал с великим удовольствием.

Утро. В окно пробивался солнечный день. Туч не было. Небо было чистое. Даже сквозь стекло невозможно смотреть на белый снег, такой он был яркий до блеска. Отошел от окна, и в комнате стало темно. Зажмурился, чтобы привыкнуть к ложной темноте в моей маленькой комнатке. Сел на диван. Потом стал медленно открывать глаза. Меня окружал нормальный квартирный свет. А вот солнечные лучики плотно легли на линолеум, на нем были изображены ветки тополя. На кончике ветки увидел комара. А этот кровосос, откуда взялся? Как он проник в мой уголок? Зачем? Спрятаться от холодов? Ведь его собратья, а скорее всего сестры, уже давно погибли. Комар не испугался меня. Моя нога прошла мимо. Сидел. Живой. Клевал своим длинным хоботком. Что он задумал? Я бы ему подсказал, чтобы он пробивался в подвал. Там его товарищи ещё живые. Возможно, переживут в тепле зиму. Пусть комар живет. Через некоторое время он исчез. Может, в подвал перебрался, а может, где спрятался, чтобы ночью напиться моей крови. Теперь это его жизнь и судьба.

Вышел на улицу. На глубоком свежем снегу ещё не было следов. Возникло такое ощущение, будто я шел один среди панельных и кирпичных глыб, с темными проемами окон. В некоторых из них горел свет. И ещё возникло такое ощущение, будто из всех этих темных проемов за мной наблюдали сотни любопытных глаз. Куда это Стрелов опять подался? А подался этот странный негодник Стрелов в свою любимую тайгу. Что он там потерял? А потерял он время на какую-то половину суток, связь с тайгой, с природой.

СНЫ В РЕАЛЬНОСТИ. КТО ЖЕ МЫ, ЛЮДИ? КТО НАС. БЕЗУМНЫХ И ГРЕШНЫХ ОСТАНОВИТ И НАКАЖЕТ? А ЗА ДЕЯНИЯ НАШИ ОТВЕТ ОДИН – БОЖИЙ СУД...

Разбрызгивая теплыми ботинками пушистый и сверкающий снег, я пришел в тайгу. За это время, глаза стали немного привыкать к удивительной белизне, которая окружила меня. Стояла

глубокая тишина. Только где-то очень далеко стучал неутомный дятел. А я будто попал в сказочный лес. Деревья, словно наряженные человеком новогодние елки, замерли в ожидании какого-то чуда. Старался не задевать накрытые снегом ветки деревьев. Пусть радуются снежным нарядом. Получилось непроизвольно, не по моей вине, я оказался рядом с моей сосной. Осторожно прокрался под кроны её веток, прикоснулся её шершавого ствола. Странно. Я не уκслышал от неё привычной мелодии, которая очаровывала меня. Конечно, как всегда, я слышал удивительные звуки леса даже в любую стужу. Всегда наслаждался этими звуками, доходящими до моего сердца. Я понял, душой своей понял, что ей тоже нужен отдых, покой. Пусть отдохнет. Не знаю почему, но мне стало грустно. Когда я услышу её нежный голос, её удивительную мелодию? Но, она молчала. А мне так хотелось поговорить с ней. О многом поговорить. Такое творится вокруг, что порой меня оторопь берет. Мир полыхает в огне, в расприх. С каждым годом на земле увеличивается число бедных. А богатые всё более богатеют. Я приложился щекой к теплому стволу сосны. Разговор с Михаилом я решил продолжить у сосны. И возникло такое ощущение, будто она со мной начала рассуждать о том, что я сейчас вам сообщу. Возможно, это был сон в реальности? Не знаю. Похоже на сон. Только во сне могут быть такие не стыковки в непоследовательности. На память я никогда не обижался. Написал так, как мне пришел сон в реальности. Скорее всего, это были мои рассуждения, конечно, родились они в моей бедовой голове, этого непонятного и странного, негодника Стрелова.

После девяностых годов прошлого века начали искажать нашу историю. В книгах, газетах, выступлениях по телевидению стали умалчивать известные имена, исторические события. И вот в наше окаянное время, когда к власти пришла непонятная и подворотная тьма, и возродилась из пепла буржуазия, появились глашатаи. У них, воспевающих буржуазию в наших учебниках, в литературе, смываются имена Радищева, Ивана Болотникова. Оказывается, Степан Разин и Емельян Пугачев были кровожадными разбойниками. Не надо было подниматься

против батюшки царя и декабристам. Тогда мне вспоминается стихотворение великого русского поэта Михаила Лермонтова на смерть Пушкина: «И вы нажменные потлмки, известной подлостью прославленных отцов...» Как-то вышла книга бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова. Журналисты взалхлеб рассказывали, какая это умная автобиографическая книга. Это тот самый Лужков, который не знал, как его жена Елена Батурина увезла из России несколько миллиардов рублей. И никто её не арестовал. Ну, что же, будем теперь ждать, когда Елена Батурина тоже родит уникальную книгу о своей жизни. Может она поделится опытом, как она обокрала нашу несчастную страну. Передаст опыт зарождающимся молодым миллиардерам, как умно и незаметно обворовывать народ? В нашей обворованной стране этих миллиардеров хоть пруд пруди. И все эти узаконенные воришки имеют такие месячные оклады, что всем бы хватило на целый район, а может и на область. Но ведь все они жулики. Они все эти миллиарды украли у государства. Как? Очень просто. Разработанные участки, где есть нефть и газ, это собственность нашей планеты. Наша планета распределена на государства. Один из больших участков находится в ведении России. Следовательно, все места, где есть ценные ископаемые, должны принадлежать государству. В этом государстве живут миллионы граждан. Ископаемые, которые создала природа, не могут принадлежать одному человеку. Ну, например, нефть, газ, золото и другие ископаемые не производились этим человеком. Их создала природа. И люди для своего блага стали пользоваться природными дарами. Это дар природы, а не одного человека, который изобразил себя Богом над разными природными ископаемыми. А коль все ископаемые создала природа, а они находятся на участке под названием Россия, где живут миллионы людей, эти богатства должны принадлежать данному государству, и живущим в нем миллионам людей. Как же так получилось, что этими богатствами подаренной природой, а не одним человеком, вообразившим себя Богом, стал властвовать один человек? И само государство отступило, а потом и узаконило, от натиска безграничной власти наглости и беспардонности подлых людей, которые захватили и приобрели в собственность

природные богатства, не принадлежащие этим людям. Хотя они изобразили себя земными Богами. Скорее всего, они есть посланники самого Сатаны. Какое бесстыдство и великий грех с их стороны, когда они идут в церковь молиться. Конечно, они просят у Бога ещё больше привилегий и больше денег. По телевизору я видел их глаза, лица, прикленные улыбки, и порой мне становится от этого страшно. Что-то в них проглядывается сатанинское. Я это чувствую. И не желаю смотреть и слушать. Тогда я иду к природе, в тайгу. Она лечит меня, успокаивает. И, всё-таки, что же происходит? Что же произошло за эти двадцать с хвостиком лет? Ответ прост. К власти пришли новоиспеченные буржуи, сторонники дикого капитализма. Вот они-то и решили поделить Россию на удельные княжества. А когда государство распадается на отдельные княжества, такая страна гибнет. Есть исторические примеры. Гениальный полководец Чингисхан наголову разбил русские войска при Калке. Другой полководец хан Батый также завоевывал русские удельные земли. Удельные княжества легче было завоевать. Под натиском мусульман пала Византия. Не мусульмане её победили. Византию победили олигархи. Это они разграбили великую страну, откуда пошла наша православная вера. Олигархи уничтожили эту страну. Они вывозили свои накопления в другие страны. Сейчас в нашей несчастной России появились удельные княжества. Каждый князь тащит и приобретает только для себя. Каждый миллиардер пытается отправлять свои наворованные деньги у государства, принадлежащие также планете Земля, а не собственность вора-миллиардера, ослабляет обворованную ими несчастную Россию на погибель. И в этой несчастной стране, как и должно быть, всё больше появляются иностранные названия, товары, книги, фильмы, а также господа внедряющие в головы россиян иностранную литературу. В последнее время я много ездил по стране, и мне стало страшно. Возникло такое ощущение, будто самой России-то уже нет. Мы только говорим на русском языке, а живем-то мы в непонятном государстве. И это государство завоевано другими государствами, ну, например, американцами. А я бы так сказал этим удельным князьям, буржуям-миллиардерам, не будили бы они голодного медведя. Он ведь может долго терпеть, а потом и

кости переломает. Есть такое в русской литературе выражение, страшен бывает русский бунт. Достукаетесь, удельные князья и воры-миллиардеры, ой, достукаетесь. И, конечно, говорю откровенно. Я бы оказался в центре того события.

Миллардеры и прочая ненасытная саранча разворовывает страну, губит её на корню. И эту заразу каленым железом не вытравить. Эта болезнь, как бактерия, во все слои общества проникла. Она заразила всю нашу планету. Эпидемия на взятки и казнокрадства распространились до самых верхов. Ведь те же миллиардеры – это, прежде всего, непрофессиональные и незаконные воры. В государственную думу, рвутся не за тем, чтобы помочь государству, а к денежной кормушке. Не отстают от них и областные и районные депутаты. Воруют у государства все должностные господа всех заводов и фабрик. Начиная от районных депутатов и до государственных депутатов думают только о непомерных высоких окладах. И всем им, скопом, плевать на работу о государстве и о народе. Россия одна из богатейших стран на нашей многострадальной планете, а по бедности из-за этих воров с государственным уклоном, обосновалась по бедности в сотне бедных стран. Все наши президенты и председатели правительства по-деловому и красиво изошряются в словоблудии и обещаниях.

Казалось бы, крепостное право было уничтожено, но только на бумаге. Оно не уничтожено. Большевики обещали дать землю крестьянину. Но не дали. Крепостное право возродилось в новой оболочке. Продразверстка, лагеря. Не каждый мог выехать за границу. За прогулы, за подобранные колоски, за анекдоты, отправляли в лагеря. За многое бросали в тюрьмы. Нельзя было критиковать райком партии, и даже самого секретаря райкома. И ещё. Почему-то многие это забыли, а, возможно, умышленно забыли. Перевод на другую работу не давали. Мог только уволиться. Например, человек полностью терял северные надбавки. И северные надбавки надо было зарабатывать снова. Это был настоящий крепостной произвол. Рабочий человек становился послушным и нужным для господина начальника. Угодничество и подхалимство ослабляло страну. А вот любой начальник мог свободно путешествовать из одной организации в другую, а се-

верные не терял. Это был социально-бюрократический строй с уклоном в буржуазию. Какой-то сволочной мерзавец придумал такое издевательство над простым человеком. Было в нашей стране настоящее крепостное право только в пользу советских буржуев. В колхозах ещё похлеще придумали как бы больнее ударить по крестьянину. У колхозника не было трудовых книжек. Как убежать из колхоза? Просто бросали всё и бежали. Например, парни после демобилизации из армии ехали по комсомольским путевкам на стройки. А вот девушки старались выйти замуж за строителя. Вся наша страна была окутана колючей проволокой крепостного права. Не лучше стало и при новых буржуях, но уже в капиталистической стране. Почти все советские буржуи, в том числе коммунистические лидеры всех рангов быстро переоделись в капиталистическую форму современного буржуа. Ещё стали наглее и вороватее. Как грибы-поганки после дождя появились сначала свои миллионщики, а потом из них выросли и миллиардеры. Да так быстро и нагло, можно было только поражаться их ловкому переодеванию. И все они стали беспардонно обворовывать народ и саму Россию.

С некоторыми господами и товарищами я пытаюсь поговорить на тему современности. В былые, советские времена они тщательно уклонялись со мной беседовать на острые темы. И я их понимал. Вот эти молчальники сейчас ожили, ну стали настоящими глашатаями. Как в те времена они не читали книг, а тем более, сейчас. Им всегда было некогда. Работа, дачи, семья. Газеты они читали и слушали радио. И это было понятно. Многие мечтали о светлом будущем коммунизма. Пропаганда была солидной. Только на таких шалопаев, как я, она не действовала. А тем более я был под присмотром КГБ. И вот эти будущие глашатаи считали, что Чук и Гек иностранцы. А ведь слово «переучился» дошло и до настоящего времени. Таких людей, как я, из рабочего класса, любителя читать русскую и иностранную классику обзывали переучкой. Хотя к этой категории меня нельзя относить, как бывшего бродягу и тунеядца. Просто я много читал. Я считаю, что книга – чудесное и великое изобретение человечества. И без книги я не представляю дальнейшую жизнь человечества. А вот невежество и не любовь к книгам, воспита-

нию самого себе из той эпохи перекочевали в двадцать первый век. Приведу один пример. В своих романах я иногда описываю чудные сценки. Вот и сейчас мне захотелось поделиться с вами. С моим другом Александром Веревкиным мы прогуливались по аллее. Веревкин весьма культурный, интеллигентный и высокообразованный товарищ. В настоящее время, пусть извинит меня читатель, слово господин пытаюсь не употреблять. Мне нравится слово товарищ. А там, где немного почудить, употребляю слова господин и гражданин. Так вот, шли мы, и как говорится, никого не трогали и никому не мешали. Навстречу нам шел немного нам знакомый гражданин. Когда-то он работал в моей бригаде плотником.

– Всё гуляете? – спросил гражданин и криво ухмыльнулся. – Я вот по делу иду, а вы два переучки без дела шляетесь. Над вами все умные люди смеются. Пытаетесь всё умничать? Нехорошо. Будьте как все. Какн-то книженции печатаете. Не стыдно? Я вам ишо чо хотел сказать-то. Некаво умничать. Я вот не умничал шибко, а у меня всё есь. И ордена у меня есь и медали, Почетного гражданина города дали. А у тебя, Стрелов никаких наград и поощрений нет. У меня квартира в четыре комнаты, сделал ев-роремонт. Две дачи, три машины, два гаража. А у тебя, Стрелов ничего нет. А ишо в газете работал. Там умных людей не бывает. Все придурки. Все вы переучились, вот и выпендриваетесь. Тока гумагу мараете. А почему? Потому что ты, Стрелов, настоящий придурок. Я вот книг не читаю, а умнее вас обоих. Давно вот так хотел с вами поговорить. Хватит умничать. Пора бы уж на старости лет за ум браться.

Александр стал нервничать. Я взял его под руку, и стал под-талкивать, чтобы пойти дальше. Но Александр хотел возразить, что мы не придурки. Если бы мы были такими, то нас бы определили в больницу. Я хорошо знал, что с этими гражданами спорить нельзя. Себе только во вред. А когда мы пошли, то я подал голос.

– Ты так и не прочитал про Чука и Гека. Про Каштанку тоже не читал? Почитай.

Гражданин, как и положено, крикнул:

– Некаво мне здесь каких-то иностранцев сувать! Кака ишо там Каштанка? Всё мудришь? Как был ты всю жись нищим, таким и остался. Вот и вся твоя мудрость!

– И этот товарищ ещё и почетный гражданин? – прошептал Александр. – Господи, куда мы катимся? Кто там в думе заседает? Такие же, наверное, Чуки и Геки и Каштанки.

Так что и в настоящее время есть вот такие господа. И их становится всё больше и больше, почти совершенно не читающих книг. Извини, дорогой читатель, но это так.

И ещё. Всё отечественное принижается, а выставляется всё заграничное. Вот таким нечитающим гражданам легче пропала-скивать мозги. Например, в районные думы пробиваются такие вот граждане, не читающие и не знающие отечественной истории даже своего родного края. Их не интересует судьба Каштанки и Ваньки Жукова, а выпучив глаза, они смотрят иностранные фильмы. Если честно, мне просто их жалко. Жалко, что постепенно многие из них пропитались вонью от иностранщины. Тут уж им не до Ваньки Жукова. Всё родное, отечественное смывается, а обостряется вокруг нас иностранщина, а в основном американщина. Я не понимаю этого уличного хулигана Обаму, который окрысился на Россию. Если бы он был немного умнее, то он бы понял, что с Россией надо дружить. Почему? Да очень просто. Той России, какой она была – нет. Посмотришь на всё меня окружающее, и подумаешь, что я живу в Америке. Словно мы стали её частью. Придаток Америки. Неужели этого никто не понимает, как наши политические лидеры, так и иностранные. Как можно не знать и не видеть? Меня это поражает и настораживает. Нам только осталось научиться говорить по-английски. Я вам сейчас всё растолкую. Почти по всем телевизитонным каналам показывают нам американские фильмы. Кругом иностранные названия фирм. Некоторые должности сразу и не говоришь. Кругом маркетинги, или ещё сложнее названия. Детский магазинчик назвали Бэби. Спросил, зачем так написали?

– Так положено. Все так делают. Не умничай.

На рынке сплошные бутики. Так положено, и чтобы я не умничал. На такси написано какое-то слово тахи. Спрашиваю шофера:

- Что это у тебя там написано?
- Такси.
- Ну и напиши такси. Здесь же нет американцев.
- Так положено. Не умничай.

Грузовые фуры разукрашены иностранными словами. Что везут – непонятно. И бывает такое ощущение, будто я попал в какой-нибудь американский городок. Порой меня даже оторопь берет от непонятных названий, даже в глазах рябит. В магазинах, ресторанах, буфетах, аптеках только иностранные слова. Запустить в какой-нибудь маленький городишко, каким является наш Железногорск-Илимский, этих американцев вместе с уличным хулиганом Обамой. По щучьему явлению их бы к нам забросить. Они бы сразу поняли, что попали в один из американских городков. Мы уже почти стали американцами, правда, ещё дух в нас остался русский. Пока остался. Пока. Так за что на нас зубы показывать. Вы уже русскую этикетку сменили на американскую. Осталось немного. Одна душа только и осталась, да наш великий и могучий русский язык. Опасность есть. Учебная проамериканская программа уже вплотную взялась за наших детей. Выхалачивают историю и литературу. А ведь это главное в воспитании детей. Выпускника одиннадцатого класса спросили, кто такой Радищев? Ученик бодро ответил:

– Наверное, он приехал на нашу стройку по комсомольской путевке.

Идет воспевание царей, дворян. Не знают декабристов, Разина, Пугачева.

Иногда спрашиваю учеников, что они читали?

– Зачем? У меня есть интернет. Какие писатели? Достоевский? А кто он?

Как я понял, многие из учеников вообще ничего не читают и не знают. Мало кто знает наших недавно ушедших из жизни писателей, таких как Шукшин, Вампилов, Астафьев, Распутин. Мне иногда приходится выступать перед учениками, и прихожу в ужас. Мне становится страшно и обидно за мою страну, за мой народ, за подрастающих детей. Что будет дальше? Не читающая и не знающая свою родную историю страна переродится во что-то непонятное, маркетинское. И перестанет существовать. И не

станет той великой и могучей России, которая когда-то называлась Святой Русью, в прошлом великая и могучая святая Русь.

Кругом насаждается американское.

Что это? Подражание американцам? Если бы их лидеры знали, что стало с Россией, они бы не показывали нам свои заокеанские клыки. Многие граждане встретили бы эти клыки с хлебом и солью. Даже в глухой деревне ведут евроремонт. Что это? Одна деревенская бабка ответила мне: «Окей». А с днем рождения проздравляют на американский мотив. В наше время почти все смотрят за границу, а в мозгах русского народа выстраивается полный евроремонт. Я долго мучился, многих спрашивал про этот ремонт, так мне толком никто не объяснил. Значит, такой ремонт делают в Европе? Или как? Как понять? Был я в одной деревне, и спросил бабку про евроремонт, какой ей в доме делал приезжий из маленького городка в Сибири её сын. Бабка мне так ответила:

– А хрен её поймет чо это такое. Окна каки-то вставил, потолок чем-то залепил. Однако на западе такое творят? Чо та ну никак не соображу.

И сын её, слесарь-сантехник толком мне не ответил:

– Все делают, вот и я решил матери сделать евроремонт. У нас дачи были обыкновенные, а тут стали все окна белые вставлять, потолки лепить. И я начал.

Бедная Россия. Все что-то таворят, а что и сами не знают, что творят. Так вот и живем и творим. А что творим? А хрен его знает, что мы творим. Раскрыв рот, смотрим вот так на запад и в Америку, и творим в своих мозгах евроремонт. Вот вам и весь ответ, дорогой читатель. Так что американцам нельзя бы на Россию обижаться. Вот бы нам ещё английский язык выучить и тогда в наших мозгах был бы полный евроремонт по-американски.

От всего этого, прежде всего, достается простому человеку. Миллионщики и миллиардеры, воруя деньги у государства, вкладывают их в заграницу. Скупают виллы, прогулочные теплотходы, футбольные команды, детей отправляют учиться за рубеж. Вот это воровство вам ничего не напоминает? Надо бы знать историю Византии. Именно вот такие олигархи и погубили великую страну. Интересно, а куда они побегут, если проснет-

ся медведь? Во все века доставалось бедному простому человеку и кретьянину. Некоторые господа, да и товарищи стали забывать, как плохо жилось крестьяну в стране Советов. Вспомним знаменитую продразверстку. Ничего в нашей истории нельзя забывать. Приезжали безграмотные комиссары на подводах и всё выгребали из сусеков и подвалов зерно. Наш литературный вдохновитель Лидия Ивановна Тамм рассказывала нам о тех комиссарах. Это были профессиональные лодыри. Районная власть назначали их уполномоченными по изъятию излишек зерна и других продуктов. Выгребали у всех. Порой даже на семена не оставляли. Потом многих крестьян отправляли в ссылку. Некоторые из них были зажиточными крестьянами, которых называли кулаками и подкулачниками. Мой дед Егор Максимов по матери, был весьма зажиточным крестьянином. В год, когда я родился, его расстреляли прямо во дворе. Он не пожелал отдавать зерно, которое оставил на семена. И семью пустили по миру побираться, и наниматься на сезонные работы. В бедной и несчастной России всегда такое было. Меня уже ничем не удивить. Наглые и вороватые администраторы во все времена были. И сейчас они на луну не улетели. Опыт взяли у прошлых господ и товарищей. Нет смысла, повторяться, а так хочется что-нибудь повторить. начальники фабрик и заводов устроили себе такие оклады, что в цифрах можно запутаться и окосеть. Блудливые миллиардеры, зарвавшиеся депутаты, начальники всех предприятий научились ласково улыбаться, красиво и туманно болтать перед телевизором. Человеческая сущность не изменилась. Губернаторы в нашей бедной стране совершенно обнаглели, и заворовались. Только и слышно, то там, то тут арестовали губернатора за воровство. Миллиарды воруют. Одного губернатора показывали за решеткой. Он улыбался и облизывался. Выкрутится. Не волнуйся читатель. Им дадут домашний арест. А если вы, или я, например, украдем три мешка картошки, то нам всучат трешку и на зону. В течение месяца нас с вами осудят. Что изменилось? А ничего. Только стало страшнее жить. Ведь миллиардами воруют. Как не страшно? Страшно. Олигархи разворовывают страну, как те олигархи из Византии. Мне и обидно за мою страну, за мою родину, за мою Россию, которая

когда=то называлась святой Русью. А бедному пенсионеру сунут раз в год двести рублей. Веселись пенсионер!

По поводу этих миллиардеров как-то решил поговорить с простым человеком. Надо же знать, как на это смотрит простой человек, который вообще не читает книг. У них тоже должно быть какое-то мнение. А зря я спросил. А может и не зря. Уперся он своим брюхом в меня и пространно ответил.

– А мне чо до них? Чо мне надо от них? Может, придет время, да поделятся со мной. Я ужо им покажу, где раки зимуют. Пускай пока жируют. А ты успокойся. Я и без ваших книг кой чево уразумею. А ты брось читать, да и чо-то там чиркать. Брось. Не смехи умных людей. Некаво умных людей смущать. От твоего переучения тоже получится полная обуза. Тебя и судили и сажали. Чо тебе ишо надо? Я бы всех вас бумагомарателей и чиркунов собрал в кучу и выслал, где Макар телят не пас. Над всеми вами чиркунами все смеются. Брось чиркать и сразу поумнеешь. А до этих чертей придет время расчитаться за всё. Куды тока они бежать будут. А мы на что? Народ не обманешь. Мы и без вас чиркунов кой чево сообщожаем.

Послушал я этого простого человека, и мне действительно стало страшно, но не за себя. С меня нечего взять. Мне за Россию страшно. Ходят вот они простые люди, как этот Федя, и помалкивают, а всё на ус мотают. А душа-то у них осталась нетронутая. Вроде кругом цветные этикетки с непонятными словами, вроде умные правители, разношерстные депутаты, губернаторы и мэры с липкими и жадными и ухватистыми руками, и ученые мозги полощат простому человеку, а душа-то у этого простого товарища пока на закрытом замке. Ой, вороватые господа, не будите лихо...

Простой мужик всё видит, да только пока помалкивает. Вроде иногда взъерепенится, а потом опять ничего. Молчит. Терпит. Ну, например, возьмем деревню. Она ведь нас кормит. После революции был не урожай, голод. Потом началась продрозверстка. Перечислять нет смысла, сколько бед свалилось на голову крестьянина. После буржуазной революции девяносто первого года деревни стали задыхаться, исчезать с лица земли. Я проехался по многим областям Сибири и пришел в ужас. В советское

время колхозы ещё как-то работали, давали отменные урожаи. Стали жить нормально, у многих появились свои машины. О кабальных условиях я не буду писать. Я уже об этом писал. Просто колхозник был крепостной. Как правило, ребята из армии не возвращались в колхоз. И в советское время были черные года, когда полки в магазинах были пустые. Люди метались по области, чтобы найти кусок мяса. Сейчас, где когда-то колосилась рожь, росла пшеница, пасется частный скот. В деревнях гонят самогон. Деревня спивается. Коллективные хозяйства во многих областях исчезают. А если появляется частник, и начинает иметь свое хозяйство, налогами затравят. После глупого затопления илимской пашни, колхозы исчезли. Появились совхозы. Но это были уже не колхозы. Было сельское хозяйство, но уже не то, что было до затопления. А тут пришла к власти буржуазия. Всякие хозяйства исчезли. А ведь ра йон как-то снабжал себя сельскими продуктами. А теперь разные продукты завозят спекулянты, по-современному они называются бизнесменами. Так теперь всё устроено, что без этих господ мы умрем с голоду. Буржуазия пришла к власти. Спекулянты, то бишь бизнесмены, как и в далеком, времени, купцы, обдирают народ. Правда, эти купчишки, ставшие миллионерами и миллиардерами, вроде стали культурными, интеллигентными, образованными людьми. Научились красиво, долго и непонятно говорить, а главное обещать. Это их лозунг. А главная задача – пробиться в депутаты, получить неприкосновенность, за которую они голосовали обеими руками и ногами, и вырвать из государства непомерные оклады. Я бы с удовольствием прикоснулся бы к ним своим кнутом, если бы был моложе. Тогда создал бы я группу из таких молодцов, и пронесли бы мы по городам, прикасаясь кнутами по неприкосаемым. А то, что они болтают, что пекутся о народе, дорогой мой читатель, поверь мне познавшему жизнь, не верьте той болтовне. Наши правители, сменяющие друг друга президенты, как Медведев и Путин, как и в прошлом советском союзе, наши генеральные секретари, а ещё раньше цари, делали и делают вид, что пекутся о народе. Это неправда. Никто ни о ком не печется. Всё это ширма. Главная их задача – урвать для себя непомерные оклады, а потом помогать купчишкам-миллионерам и миллиар-

дерам стать ещё богаче. Вот это есть настоящая правда современного капитализма. Это не капитализм. Это есть дикий капитализм. Весь мир непонятно куда поворачивается. Но только не в лучшую сторону. Стремительно летит в пропасть духовность. О какой духовности может идти речь, например, во Франции, где утвердили закон об однополых браках. О какой духовности может идти речь, если в такой семье будут воспитывать детей. О какой духовности может идти речь, если и в нашей думе найдутся духовно падшие мерзавцы, которые будут ратовать за такой закон. А ведь найдутся. О какой духовности может идти речь, если молодые особы в главной церкви России устроили дикие танцы. А ведь нашлись защитники среди интеллигентных, образованных господ, известных в стране. Как жаль, нет списков этих духовно падших господ. Будут осуждать этот поступок? Нетушки! Не будут осуждать. И церковь промолчала. Как я вижу, что наша церковь уже накрепко срослась с государством. Не оторвать.

Нарушена психология человека, нравственные устои у многих господ падают до безобразия. Вы думаете, что простому человеку сейчас лучше стало? Если в советское время было особое крепостное право, то сейчас капиталистическое право. Не просто устроиться на работу. Мордочка не понравилась – иди, гуляй. В советское время, и это надо признать, работать, это было обязательство. И это правильно. Были тунеядцы. А как же без них, родимыгъ. А то, что сейчас происходит, становится страшно. Молодые люди ходят без работы. В советское время тунеядцев отлавливали и заставляли трудиться. В молодости я сам мотал срок за тунеядство. Как и в советское время, так и сейчас нельзя рассуждать. За малейшее непослушание и недозволенные рассуждения выкинут на улицу. Не дай Бог что-то написать в газету. По судам затаскают эти буржуазные молодчики. Эти буржуазные молодчики, не знающие, что такое совесть, неприкосаемые простым человеком. В нашем районе три газеты. Но вы там не увидите фельетонов и критических материалов. Хотя в советское время я был известным фельетонистом. И их печатали в газете. В основном от меня доставалось руководителям, которые эксплуатировали рабочих на своих участках. Пока это

были мелкие советские буржуи. Их тоже было не мало. Представители райкома партии не замечали проделки этих буржуев, а то и защищали их от таких неугомонных товарищей, как я. А вот рассуждать на любом производстве на вольные темы нельзя было. Я эти «прелести» на себе испытал. Даже за них был на учете у КГБ. В своих романах «Зона» и «На острове снов» я подробно об этом написал. Конечно, некоторым товарищам мои книги не понравились. Да это и понятно. Хотя они живут в новом времени, но они ещё полностью не покинули лихое советское время. Они просто не поняли меня. Да прекрасно они всё поняли. Просто они жили, как все. А я жил не как все. Вот и весь мой ответ тем товарищам, которые ничего там не поняли. Когда мозги отменно прополощены с верой о гранитном фундаменте, трудно понять и признать такого шалопая, как Стрелов. И я их, понимаю. Октябрята, пионерия, комсомол, и прополощенные мозги. И всё понятно. Да ещё привычка склоняться перед любым руководителем, порой можно и ножкой шаркнуть, до хруста за ушами улыбаться, преданно соглашаться перед любой глупостью своего благодетеля. Меня Бог миловал пройти эту вожденную для каждого из них лестницу. А вот в партию вступил этот негодник. Добровольно вступил. И нисколько не сожалею, что я провел в ней более двадцати лет. Мне было там интересно и весело. Я видел и хорошо изучил для будущих книг эту партийную камарилью. А ведь некоторые товарищи, которые близко и хорошо знали меня, всё спрашивали и удивлялись для чего это я вступил в партию. Меня надо бы оттуда гнать поганой метлой. Я, мол, настоящий враг партии. Особенно меня не терпело начальство. Как я мог терпеть одну великолепную фразу одного начальника. Вот что он говорил:

– Не надо тебе рассуждать и думать. Я за тебя буду думать.

Своим подчиненным говорил:

– Рабочего я представляю так. На работе, чтобы он отдал всего себя. Придет домой, поест, поможет в чем-то семье, и, не рассуждая ни о чем, ложился спать.

Все эти товарищи, прошедшие те ступени, о которых я упоминал, говорили мне:

– Стрелов, будь как все. Ты против советской власти?

Вот два главных психологических лозунга, которые были в те времена в нашей стране. Я много по стране ездил, побывал во многих местах. А вот эти два лозунга хорошо запомнил, так они везде вот так звучали. А так как я был не как все, то значит, я был против советской власти. Хотя я работал как все, но медалей и орденов не заработал. Такому человеку, как я, было неположено иметь награды. Вы думаете, что сейчас стало лучше? Нисколечко. Отдай себя всего, но с начальством не спорь, не возникай, не доказывай и не рассуждай. В один момент уволят с работы. А найти её сейчас даже с большой свечой не найти. Крепостное право было всегда. Крестьянину ещё хуже стало. Крепостное право и в советское время было изощреннее и подлее. Оно перевалило и в дикий капитализм. И это право в этом диком мире не изощряется в словоблудии о правах человека, а нагло и беспардонно глумится над человеком. Если в советское время человека любого ранга, от рабочего, крестьянина и выше сделали хитрым изощренным подхалимом и угодником, чтобы как-то выжить, и получить награды и поощрения, то в диком капитализме человек становится полным плебеем с наклеенной улыбкой. И тогда человек поощряется только тот, у которого со временем исчезают такие понятия, как совесть и честь. Да, это одна из форм дикого крепостного права. Так что, крепостное право из нашей несчастной России никуда не исчезало. Оно только приняло другую искаженную и более изощренную форму. Более ловкий, хитрый, наглый в этой форме возвысится, а если споткнется, эта форма тут же его уничтожит. А более совестливых отправит на свалку истории. Поэтому человек в этом диком капитализме, и в этой форме, должен мгновенно перевоспитаться, и как говорится «держат нос по ветру». Вот теперь какие нужны люди при диком капитализме, при диком крепостном праве. Вот теперь можно честно и откровенно сказать, надо быть как все.

Советский Союз, где мечтали коммунистические глашатаи, обманщики и профессиональные лгуны о сияющих вершинах на гранитном фундаменте, как в дождливую погоду поганки, заплонили подхалимы, угодники и вруны. Эта страна была пропитана подхалимажем от правителей до простого рабочего

и мастера. Уж этого-то я насмотрелся досыта. Вот и развалилась великая страна. И ушла в историю. А ведь были в этой стране порядочные и честные люди. Их было мало, но они были. Не за награды они работали, а за совесть и честь. Были среди таких людей рабочие, мастера, начальники, председатели колхозов, секретари парткомов и райкомов партии. Все они были бессильны против системы. Она их изживала, они ей мешали, она их не понимала и боялась. А о капитализме и говорить нечего. Я уже здесь об этом писал. В этой системе честным и порядочным людям делать нечего. Она их просто уничтожает. Эта система плодит казнокрадов всех степеней от районных мэров, губернаторов и до высших кругов правительства. А ведь ещё в советское время порядочные люди вели разговоры на кухне. Я сам был участником таких вечеринок за кружкой чая, и кое-чем покрепче. Конечно, было много граждан, которые боялись поговорить откровенно. Я к таким не относился. И многие современники меня знают. Есть люди, которые по старой привычке боятся откровенно поговорить. Умышленно стараются не помнить, что наш город начинали строить заключенные. А когда я в Иркутске издал о таких заключенных книгу «Первопроходцы», некоторые товарищи ополчились против меня. И как не странно, таких людей становится всё меньше и меньше. Это хоть меня радует.

Капитализм, как форма правления, давно об этом известно, ни к чему доброму не приведет. Гонка к богатству любой ценой подрывает основы любого государства. В новостях по телевидению только видно и слышно, то там, то тут ловят за руку взяточников, казнокрадов в лице губернаторов. Воруют во всех министерствах, воруют министры, губернаторы и мэры городов и районов. Воруют нагло, на виду у народа, устраивают банкеты, берут и дают взятки миллионами и миллиардами. И этих воров и взяточников не бросают в тюрьмы, не дают им большие сроки. Они находятся под домашним арестом. И если подсчитать, сколько они скопом наворовали, то получатся триллионы рублей. Показывали лица этих воров. Они улыбаются. Я видел лицо крупной государственной воровки из министерства обороны Васильевой. Она улыбалась, и облизывалась. Почему? Возможно, мало украла. Ей назначили домашний арест. Я не могу

понять, как она умудрилась попасть на ответственную работу в министерстве обороны? Она полковник или генерал? Кто она? За какие такие отличия она получила высокое звание? Воевала в горячих точках? Потом её соизволили усадить на легкую зону. Недолго она там мучилась. Отпустили. Вот так. Вот такое у нас правосудие. Тошно мне от всего этого. Вот он оскаленный капитализм. И этим сказано всё. И почему, я, Стрелов не имею право думать и писать так, как мне хочется. Ничего не изменилось, только ещё похлеще стало, чем в советское время. Проженная, дикая капиталистическая система ещё страшнее стала. А ведь всё это обрухаченное общество, состоящее из господ без чести и совести накажет суд Божий.

Может, с пеленок воспитывать чад, чтобы потом за казнокрадство не давали домашний арест? А ведь один из государственных депутатов предлагал один чудный эксперимент. Детей, особенно из детских домов надо водить на экскурсию в тюрьмы и на зону. И чтобы они видели жизнь за колючей проволокой. И вот, что ждет каждого из них, если попадут на зону. А лучше всего так вот воспитывать с детского садика. Надо, мол, водить детишек не по музеям, где их ничто не интересует и не волнует, а гнать в тюрьмы, где переполненные камеры. Туда их, туда! Вот это будет настоящее воспитание! В своей книге, я делаю некоторые отступления. Не ругайте меня, не скрипите зубками нетерпеливые и беспардонные господа и товарищи. Пожелаете перебить меня, как бывает при встрече с вами на улице, шалите, не выйдет. Тут уж меня не перебьете.

К сожалению, в наше окоянное время есть такие люди, кто желает детей водить по тюрьмам и зонам.

С грустинкой я отошел от сосны.

Я шел по свежавыпавшему снегу, и легкая грусть пока не отпускала меня. А может, ещё от того, что в мои восемьдесят с хвостиком лет, я уже никому не нужен, даже сосне. И ничем я никому не могу как-то помочь людям. Только и готов созерцать, и записывать происходящее вокруг меня и далее по планете моей родной Земли. Размышлять и философствовать. Правда, меня везде приглашают, как самого старейшего строителя и основателя нашего городка. И везде я говорю о том, чтобы люди лю-

били свою Землю. Чтобы не говорили о зле, а говорили только хорошее о людях. Если в самом тебе будет только добро, то оно обязательно отзовется в людях, и вернется к тебе. Этот удивительный круговорот так необходим сейчас, в наше беспокойное время.

Грусть. А, возможно, она возникла из-за того, что я так мало сделал для людей? Кто мне ответит? А может, от того, что творится вокруг? Может, я сосну не услышал, а услышала моя душа? А то, что творится, порой мне хочется закричать на весь мир, на всю нашу прекрасную планету, закричать просто от боли за то, что мы делаем с нашей родной матерью Землей? Возможно, из-за этого я такой для окружающих меня людей странный и непонятный человек, блуждающий в одиночестве, как в городе, так и в тайге. И у этого странного и непонятного человека осталась одна отдушина – одиночество, и путешествие в фантастический мир, созданный им в своих книгах. Там он этот мир превращает в реальный мир, где он живет так, как ему бы хотелось жить в нашем, реальном мире. И никому из реальных людей не заткнуть эту единственную отдушину.

И тут я вдруг подумал, а что если моя жизнь прошла впустую? Кто ответит? Может, читатель прочтет мои откровения, и подумает и решит, впустую моя жизнь прошла, или как? Право читателя ответить на этот простой и сложный вопрос.

Я всё дальше углублялся в тайгу по молодому и мягкому снегу. Такое возникло ощущение, будто я один в тайге. И вдруг, о чудо! Со всех сторон на меня полилась чудная, успокаивающая симфония моей любимой тайги. Значит, и моя сосна проснулась, и посылает мне вот эти звуки, смешанные со всеми звуками тайги. И от этой зачарованной мелодии в меня вошло успокоение, потом радость. Мне даже захотелось петь, что я и сделал. Я пел, и почему-то не стеснялся петь, как не стесняются мурлыкать и петь женщины в теплицах среди помидор. Радость переполняла меня. Мне казалось, что всё вокруг меня поет на разные и чудные голоса. Вот оно настоящее для меня светлое будущее.

Я всё дальше углублялся в тайгу...

Всё это сон? Не знаю. Но, на душе тревога...

И только симфония тайги успокаивала меня... И было такое ощущение будто я стал частью моей любимой тайги.

ОН ПРИШЕЛ ТУДА, КУДА НАДО

Он шел в тумане медленно и тяжело. Годы взяли своё. Но, как всегда, он бодрился. Он шел в тумане, зная, что сейчас наступит просвет, и он увидит любимую тайгу и своё зимовья. Увидет этот сказочный лес, и обновленный от серого тумана мир. Он увидел просвет, но клочки тумана всё ещё продолжали удерживать его, давили на плечи, кажется, даже туманили голову. Он молодому взмахнул руками, пытаясь сбросить с себя, последние клочки тумана, как не странно, это ему удалось. Последние клочки грязные и серые лежали у его ног. Он даже побрезговал их, и молча, обошел эту грязь. Он увидел обновленный мир. Он понял, что пока шел в этом грязном тумане, мир изменился и похорошел. Но пока своего зимовья он не видел, где его ждало, наконец-то, счастливое одиночество, к которому его организм рвался всю свою жизнь. Теперь он знал, что вот за этим прекрасным миром, о котором он мечтал, и находится его зимовья. У него словно непонятно откуда, появилась сила, энергия, кажется, он даже немного подпрыгнул, как это делают дети.

Какой удивительный мир появился перед ним! Какой-то неизвестный, сказочный город. Дома выглядели непривычно, непохожие на его дома в его мире. Все они были круглые, и с заостренными крышами, похожие на воронки. Дома с разноцветными стенами, а лоджии опоясывали дома. Не было здесь высотных зданий. Лоджии, украшенные цветами, но главное люди. Он не узнавал их. И люди ли это? Высокие, наверное, под два метра, стройные и все спортивного вида. Он не видел хмурых и озабоченных лиц, он не видел прикленные улыбки. Лица были просветленные, и он чувствовал, что от этих людей идет добрая энергия. Но, главное, у всех людей были большие и почему-то радужные глаза. Город утопал в зелени и цветах. Он не видел грязных улиц, выбоин на дорогах. Под ним не асфальт, а какой-то гладкий, похожий на стекло материал зеленоватый со светло-

синими и розовыми цветами. В нескольких местах он видел фонтаны. Он не увидел курящих женщин, глотающих пиво из горла. Он не увидел озабоченных лиц пенсионеров. На удобной скамеечке сидели вечные три бабки. Как он заметил, они что-то обсуждали. Он не слышал их голосов, но они понимали друг друга. И что удивило его, они были без очков. Он шел по незнакомому городу, видел старых людей, и они все не носили очков, и не было в их руках тростей.

Он прошел в небольшой сквер и сел на свободную скамеечку. Рядом тихо шумел фонтанчик. И в этом сквере он увидел гуляющих мам с детьми. Странно, но ему очень захотелось увидеть курящую маму, но таких женщин он не увидел. Захотел увидеть наглых и жестоких малышей. Таких граждан в этом чудном городе он не увидел. Он даже с непревычки оторопел. Куда он попал? Какое-то наваждение. Возможно, он попал на другую планету?

К нему подошли парень и девушка в спортивных костюмах и попросили разрешения присесть. Ему показалось, когда обращались к нему, даже губы не дрогнули. Что это? Какая высокая культура, подумал он. Это совершенно озадачило его. У него попросили разрешения? Как так можно? Конечно, он разрешил. Тут подбежала к ним вся сияющая девочка лет пяти.

– Мама, папа, мне можно подойти к фонтану? Там таких ещё рыбок красивых и новых привезли. Можно?

– Конечно, можно. Через час быть здесь, – сказала мама, – Тебе ещё надо задание выполнить. А ты осенью пойдешь во второй класс, а так плохо читаешь.

– Как плохо? Хотите, я вам сейчас прочитаю любые строки из книг.

– Иди, иди. Потом почитаешь. Иди.

Он был удивлен такой манерой родителей и девочки. Он вспомнил таких вот детей в его жизни, в его городе, где дети в таком возрасте не только ничего не читают, но и не знают великих русских писателей. Кого можно ожидать от курящей и пьющей мамы, и папы алкаголика? Он встречал и знал многих детей, окончивших школу, и не читающих не только русскую классику, но и современных писателей и поэтов. Многие из них вообще

ничего не читали, и мало что знали об окружающем мире. Они совершенно не знали известных художников и их великие картины. Он растерялся, и даже в нем появилась тоска.

Зачем он спросил? Он сам не понял себя, но спросил:

– А этих рыбок шустрые мальчики и девочки не уничтожат? Это с них станет. Да ещё разорвут их.

Молодые люди, как заметил он, вроде даже чего-то испугались.

– Как? Мы не поняли. Как разорвут? – прошептала мама девочки.

– Как обычно бывает. Разорвут и всё тут. Эти милые чада на всё головы.

– Как вы можете такое говорить?! – возмутился парень. – У нас такое не бывает? Откуда вы? Кто вы такой? Как можно? Это же настоящее древнее варварство.

– Понимаю вас, и сочувствую.

– Чему или кому сочувствуете? – тихо спросил парень.

– Разве можно сочувствовать варварству? – спросила девушка.

– Ну, это смотря, где это происходит.

– Откуда вы?

– Оттуда, где вам не надо бы жить, – с печалью ответил он.

– Где не надо? Такого у нас нет, да и про такое мы не слышали. Как можно разорвать рыбок? Осенью их вылавливают, и определяют в аквариум в музейном зале, – ответил парень. – У вас странные слова. Кто вы? Откуда вы? В вас есть раздражение, тоска. Почему вы ещё и пользуетесь голосом? И потом. Вы не знаете нашего языка. Мы вынуждены говорить на вашем языке. Откуда вы? Кто вы? Вы странный человек и так одет не по нашему.

– Счастливые вы, – печально ответил он. – Счастливые.

– Откуда же вы приехали, что такого навидались? – спросила девушка. – У вас вдруг стало такое печальное лицо. И грусть в глазах. Откуда вы?

– И не говорите. Вам не надо знать. Пусть это останется со мной. У вас здесь настоящая сказка, хотя это реальность.

– Я историк, – признался парень. – Где такое происходит? Подскажите.

– Хорошо, мои добрые и хорошие люди. Давайте представим такой мир, какой я вам сейчас обрисую. Он есть или был, какая разница.

– Извините, я возьму тот мир, в котором вы живете.

– Откуда возьмете?

– И этого вы не знаете? Странно. Ваш разум мне об этом мире поведаёт. Кто вы на самом деле?

И тут он вспомнил, что он иногда себя называет человеком с планеты Марс. Ответил:

– С планеты Марс.

– Понятно. Вы родились и выросли в своем кругу. Странно. Весьма странно. Я бы мог сказать, что такое невозможно. Я уже один раз там был. Возможно, вы с планеты Ирсо. Но только не с планеты Уммо. Там высочайший мир. А вот Ирсо.... Там дикий мир. Постоянные войны.

Он заметил, что что-то ему подсказала девушка.

Парень сказал:

– Всё похоже на нашу планету. Но когда такое было? Такого не должно быть?

– Скорее всего, это так. И никакая мне не нужна дикая планета Ирсо. У нас у самих дикий мир на нашей планете. Дичайший мир. Так, как вы можете представить наш мир, если вы живете вот в такой сказке?

– Я у вас прошу разрешения понять ваш дичайший мир, в котором вы живете. Можно?

– Валяйте, – ответил он.

И парень стал рассказывать о его мире, словно он там сам жил.

Рассказал о танцующих голых и наглых девушках. Он поведал о детях, которые почти ничего не читают, о пьющих и курящих мамулей. О войнах, о гонке авооружений. Страшные картины обрисовывал он, и всё больше бленел.

Вот и девочка пришла, и многое что слышала. Потом, когда папа замолчал, только тогда она спросила:

– Дедушка, извините, пожалуйста, это такая нехорошая сказка? Я такую сказку не читала. Я многие сказки читала.

– В твоём возрасте, музейная редкость, чтобы такие вот малыши читали. Они готовые весь день носиться по улицам, и попростому – беситься и дурить. Вот это их игра. Ну, остальное ты слышала.

– А зачем нужна такая сказка? – спросила она.

– Никому она не нужна. А куда денешься. Такая вот сказка.

– Мы что-то вас не поймем. То у вас сказка, то реальность. Где вы живете? Как можно так жить?

– Но, люди вот так и жили в реальности.

– Согласен. Так жили давно. Древность. Дикость.

– Согласен. Древность. Но в том мире все считали себя культурными, интеллигентными и образованными людьми, а историю другой страны не знали.

Все трое надолго замолчали. Потом парень спросил:

– Вы так говорите, будто вы тот мир знаете.

– А может, я с Украины или из США. Буду вам грозить войной. Кто не понравится этой агрессивной стране, устраивают санкции.

Они оба надолго задумались. Возможно, в его голове ковыряются. И вот девушка сказала:

– Всё похоже на нашу планету. Возможно, такое было в древности? Но я хорошо знаю историю. Странно. А давайте я ещё раз продемонстрирую ваш сложный мир.

– Валяйте, – снова ответил он. А бледность с лица парня сошла. Возможно, он получил зарядку. В таком мире всё должно быть. Но, что это за мир, он не знал. Может будущее? Скорее всего, будущее. Потом надо будет спросить. Парень весьма сжато передал историю его мира.

– Извините, мне тут кое-что передают. Правда, отрывками. Но, я попробую их объединить. Там, на вашей нам неведомом мире зародился фашизм. Это что-то страшное? Так я понимаю? Так. Это был ваш мир, но когда? Фашизм. Была у вас страшная война с фашизмом. Зачем он опять стал зарождаться? Но никто на это, кроме России, не обращал внимание. Была такая у вас страна. В той Гражданской войне погибли тысячи людей. Россию со всех

сторон щипали, особенно с каких-то двух стран. Странные названия. Краина и США. Кстати, в те времена США была самая агрессивная страна. Она всегда была самой агрессивной страной. Во многие страны отправляла свои войска. Как же её у вас терпели? Все страны были под мощной пятой этой страны. Она диктовала свои условия. Зачинателей бойни Гражданской войны на Краине потом отдадут под суд. Это будет особый суд. Многих из них будут судить. Краину потом не узнать. Это цветущая страна, как и Россия. Именно Россия поможет Краине выйти из того скверного положения, а не США. К сожалению, ваш мир двигался к самоуничтожению. А эту страну за океаном постигнет кое-какой распад. Она многое что потеряет. Будет рядовым государством. Произойдут там внутренние разногласия, бунты. В общем, ничего хорошего там не будет. Эта страна стала уже не страна, а просто небольшая территория по выращиванию хороших домашних животных, и добрых урожаев пшеницы и кукурузы. Что-то с ними проойдет. Вот и всё, что осталось от великой, агрессивной страны. Какая-то произойдет катастрофа... Я не буду говорить. Страшно. Шизофреников нельзя допускать до власти. Вы из тайги? Верю. У нас есть отшельники. Они живут в глухой тайге. Вы вроде не похожи на отшельника. Все они бородатые, в таких особых одеждах. Никого и ничего не признают. Но их у нас весьма мало.

Парень замолчал, но не сводил с него глаз. О чем он думал?

– Странно. Всё весьма странно, как будто всё это происходило на нашей планете. Дикий мир. Удивительно то, что в вашем мире к власти приходили ограниченные субъекты, шизофреники. Умных людей к власти не допускали. Вы сейчас подумали, что пришедшие к власти богачи занимаются дурашлепством. Интересное слово. Такой дикий мир обязан быть уничтожен. Дикие племена с юга, Кровавые войны. Гибнут мирные люди. Да. Это было. Сообщили, что это была до нас дикая раса. Предыдущая раса. К сожалению, мы не знаем ничего о предыдущей расе, начисто уничтоженной. Но, как вы попали в наш мир? Вы совершенно непохожие на нас. Так кто же вы на самом деле? Кто вы?

– Я особенный отшельник, – ответил он. – Спасибо за информацию. Теперь буду кое-что знать.

И вдруг парень побледнел. Он расширенными глазами смотрел на него. И впервые он увидел, как у парня шевельнулись губы.

– Не может быть, – прошептал он. – Неужели? Наша планета? Мы с вами есть разные. Но, ваш мир не изменится. Сами себя погубите... Ни к чему хорошему глупость и дурошлепство не приводят. Ваш мир... Катастрофа. Апокалипсис...

Он замолчал. Они неожиданно быстро распрощались и ушли из сквера. Он остался один. Он не хотел спрашивать, куда он попал. Просто, он решил, что попал в сказку. И вдруг ему стало обидно. Обидно, за свой польхающий в огне, в интригах, мир, пропитанным грязью и невежеством. Он встал и хотел уже пойти на широкую улицу, чтобы познакомиться с веселыми и беззаботными людьми, шоферами. В своем мире он многих отчаянных шоферов знал, которые могут свободно наехать на пешехода, идущего по переходной дорожке, и просто задавить его. Он остановился. Закрыл глаза. А когда открыл, то он стоял между деревьями, а последние клочки грязного и серого тумана цеплялись за деревья, кустарник и не желали исчезать совсем. Ему снова стало тяжело, куда только бодрость исчезла? Просто это было какое-то наваждение. Он перешагнул клочок тумана. Прошел через серую и холодную пелену, и перед ним показалась знакомая полянка. А вон и его зимовья. Рядом протекал ручей. Здесь не было тумана, здесь светило солнце. Это был его мир. Он пришел туда, куда надо. Он сел на скамеечку. Сейчас надо встать, набрать в котелок воды, вскипятить воду и заварить чай....

...Он находился в кресле неведомого корабля, низко и медленно летящего над землей. Он почти касался макушек деревьев. Корабль сделан из прозрачного материала, и он всё видел. Под кораблем находилась асфальтная дорога. Она отрывалась от земли тягучей лентой и входила внутрь корабля, а выходила сзади, превращенная в ленту из чернозема. И вместо асфальта пролегла дорожка из чернозема. Вот корабль проплыл над озером. И он понял, что он очищал дно от грязи и мусора. Он видел много таких кораблей. Они перемалывали фабрики и заводы.

Уничтожили плотину. Вот они проплыли над Ангарой, уничтожая плотины. Он видел, как Ангара приняла свой прежний вид. Он видел её синеватые и чистые воды. Было странно то, что он не видел людей. Вот по берегам Байкала были стерты с лица земли заводы и фабрики. Шла чистка Ангары и Байкала. На истерзанной земле прокладывался чернозем. Он понял, что шла чистка планеты.

Словно кто-то в нем сказал:

– Для вашего человечества наступил долгожданный апокалипсис. Терпение лопнуло. Ваша раса изжила себя, как вид...

Воздушные корабли уничтожали все, что создал человек во вред природе. Странно. Но, где люди? Куда они подевались? Может, их отправили на другие планеты на перевоспитание? Лечить воинствующих шизофреников? Тогда кто будет жить на планете? Возможно, будут жить здесь одни животные? Над кораблями висели шары. Конечно, они очищали воздух от дыма, и всякой другой пакости.

Куда же подевались люди? Он не находил ответа. Возможно, их уничтожили? А ведь природа сколько раз предупреждала. Планета прекрасна. Только человек не берег её, вот она и возмутилась.

Он видел тропические леса Амазонки, как говорится – легкие планеты. Там тоже шла чистка. Он видел разлитую нефть в пустыне. И здесь корабли занимались чисткой. Над всей планетой он пролетел на корабле. И не увидел городов и других построек. Полным ходом шла чистка планеты. И только не были тронуты леса, разные животные. Не было только человека.

– Вот он настоящий апокалипсис, – прошептал он.

И словно внутри его кто-то сказал:

– И возродится на планете Земля новая раса, которую ты увидел совсем недавно. И представители этого мира о вас ничего не знают. Просто мы им кое-что иногда подсказываем. Что жили до них другие плохо думающие существа на двух ногах. Это будет последняя раса на планете Земля. Великая раса. Их, имеено их, полюбит эта планета. А ведь планета Земля есть живой организм, как и все планеты вместе с солнцем. И ты это знаешь. Она восстанет против вашей воинственной расы дика-

рей. Бряцая оружием, вы уничтожили себя. Глупость и тупость, которая мечтала о завоевании всего мира, привела к трагедии всего сущего... Воинствующие шизофреники, приходящие к власти, уничтожили ваш мир. У новой расы шизофреников не будет. Ты видел, как планета после вас залечивает раны. Хватит с тебя. Отдыхай.

Он открыл глаза. Его зимовья оружали деревья.

– Какое-то наваждение, – прошептал он. – Поживу здесь, отдохну от мирской жизни. Всё надоело. И тогда во мне всё успокоится. А, возможно, здесь я и успокоюсь навеки. Всё это был сон, такое просто невозможно.

Он тяжело встал, и решил заварить таежного чаю.

Он сидел за маленьким столиком и мелкими глотками пил чай, наслаждаясь его вкусом. Какое счастье, вот так сидеть и пить чай. Кругом тишина и покой.

Из тайги вышел древний дед.

– Угостишь чаем? Ты его умеешь хорошо заваривать с разными травками. Настоящий таежник. Попьем чаю, потом и поговорим о житье, бытье...

Это только кажется, что кругом тишина. Если хорошо прислушаться, то всё можно услышать. В тайге всё живое. Тайга живет своей жизнью. Если хорошо прислушать, скорее всего почувствовать непонятную для человека удивительную музыку, таежную симфонию. Только не каждый человек её может услышать и понять. Ко всему глухой человек может даже самого себя не услышать. Порой природа пытается раскрыть себя перед человеком, чтобы он полюбил её, как самого себя. Но иной человек весьма жесток к ней. Терпелива природа, терпелива до времени.

За столиком сидели двое, пили чай и вели тихую беседу. Над ними пели свои песни таежные птички. Тайга исполняла для этих двух людей свою любимую таежную симфонию.

ОТ АВТОРА

Поставил точку. Думал продолжать писать. Расхотел. И так, хватит. То, что задумал написать, написал. Когда-то известный писатель Вячеслав Шугаев сказал мне:

– В твоей жизни ничего не надо придумывать. Твоя жизнь может войти в несколько книг. Садись и пиши.

Решил написать исповедь странного человека с другой стороны. Я не мог всё охватить, что довелось мне пережить и увидеть. Взял из жизни некоторые детали. И этого хватит. Порой задумываюсь вот над чем. Как я сумел выжить? Непонятно. Моя жизнь и моя вот такая судьба не давала мне отдых. Были короткие передышки, но только на короткое время. И то, что как мне было плохо, никто об этом не знал и не догадывался. Никогда не подавал виду, что так мне плохо. Многие люди жалуются, стонут, как им плохо живется, да ещё начинают чего-нибудь просить, чтобы помогли. Может, я вот такой родился на свет, странный и непонятный людям. Порой я сам себя не знаю и не понимаю, почему я что-то не так сделал, или не так сказал, как говорится, что-то не то ляпнул. Вдруг я этим обидел человека? Потом начинал за это ругать себя. Мне ведь тоже хотелось жить, как все люди живут. И всё у меня было бы сейчас. Была бы добрая квартира, разные награды и звания, как это имеют мои хорошие знакомые. Как-то не получилось у меня такое вот в жизни. Может, это в моей крови таким быть? Кто ответит? Сам себе не могу ответить. Кому-то я нужен с моим вот с таким глупым вопросом? Я же ведь пытался быть как все. Пытался. Только у меня ничего не получалось. Даже в партию вступил. Всё искал справедливость. И такого навидался и наслушался, что я не мог быть как все. Как говорится, во мне сидело, как гвоздь, обостренное чувство справедливости. Опять я виноват? Я всё время и везде виноват. Вот я и натренировался, чтобы никому не мешать, уходил в глубокое одиночество.

Вот, кажется, и всё, о чем я хотел рассказать тебе, дорогой читатель. Каждый из вас по-разному воспримет мою исповедь.

Ну да Бог с вами. Я же не виноват, что я такой вот появился на свет, странный и непонятный. Или я опять виноват? Тут уж я ничего не могу поделать. Извините меня. Такой уж я есть, негодник Стрелов.

Содержание

Вхождение	3
Часть первая. Детство вшивое	5
После пеленок.	5
Черный всадник и другие напасти	24
Часть вторая юность моя беспокойная	41
А ну, раскошеливайтесь, господа-буржуи!	41
Наша награда	50
Часть третья. Если по-честному, что же мне надо?	54
Как мы попали на поселение к комарам	54
Начало	61
Воли желаю, свободы!.	79
Рудя	92
Начало моей новой жизни	112
Часть четвертая. Кто я, откуда я, зачем?	117
Возможно, это и есть моя судьба?	117
Из огня да в полымя.	135
Вяжите меня, вяжите покрепче!	144
Кто я? Откуда я? Зачем?.	155
Часть пятая. Трудяги	165
Серые будни.	165
Откуда мы такие?	179
Часть шестая. И нет мне покоя	198
Немного обо всем	198
Такова наша жизнь	208
Всё суета и игра.	232

Ушла в вечность243
А может в бродяги уйти? Знакомо....245
Два медведя в берлоге.252
Наши милые женщины из провинции262
Часть седьмая. Будь как все268
В поисках новой работы268
Порыв276
Разборка288
Как на духу296
Артисты мы все306
Часть восьмая. Покой мне только снится.318
Несостоявшийся митинг и мечта о революции318
Был приказ «изничтожить»341
Сны в реальности355
Часть девятая. Наваждение359
Быть как все.359
Я был «врагом» советской власти366
Слезы откровения385
Иллюзии новой эпохи.406
Всё от лукавого421
И у нас были свои баррикады439
Часть десятая. Что же делать?457
Одиночество – мой отдых и моя отрада457
Встречи разные бывают468

Сны в реальности. Кто же мы, люди? Кто нас. Безумных и грешных остановит и накажет? А за деяния наши ответ один – божий суд...504
Он пришел туда, куда надо.523
От автора532

Юрий Стрелов

ЖИЗНЬ МОЯ – СУДЬБА МОЯ

Роман

*Откровения странного человека
с другой стороны*

Издательство «Оттиск».

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 06.09.2016. Формат 60/84/16.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 16,33. Уч. изд. л. 20,92.

Тираж 100 экз. Заказ № 132.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

Тел. 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru